

«Друг друга тяготы носите...». Жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва. Том 2 **сост. А.Ф. Грушина**

Том 1 →

Издание представляет собой наиболее полное собрание материалов, связанных с жизнью и подвигом одного из самых замечательных пастырей Русской Церкви XX века сщмч. Сергия Мечёва (1892–1942). Сын «московского Батюшки, св. прав. Алексия Мечёва, о. Сергей в годы набирающих силу гонений продолжил дело отца, сохранив и преумножив его пастырское наследие. Община храма Свт. Николая в Клённиках, возглавляемая о. Сергием, оказалась одним из самых удивительных явлений русской церковной истории ушедшего столетия. Сохранившись и в годы гонений, она стала той «солью» церковной жизни, благодаря которой множество людей открыли для себя веру и Церковь.

Издание включает в себя жизнеописание сщмч. Сергия, статьи о его пастырстве и пастве, воспоминания о нём, проповеди, беседы и письма самого сщмч. Сергия. Многие материалы впервые увидят свет; всё публиковавшиеся ранее заново отредактированы. Значительное количество иллюстраций, многие из которых публикуются впервые, дополняют рассказ о пастыре и его пастве. Издание, подготовленное совместно с храмом Свт. Николая в Клённиках, посвящено 120-летию со дня рождения сщмч. Сергия и 70-летию его мученической кончины.

«Войдите во внутреннюю клеть...»

Статья "Внутренняя клеть» проповеди и беседы «Внутренняя клеть» из забытых заветов православия.¹

«Умиришь сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную; потому что та и другая – одно и то же и, входя в одну, видишь обе. Лестница одного царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха, и найдёшь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить»². Когда перечитываешь эту страничку из творений преподобного Исаака Сирина, то невольно поражаешься несоответствием ей как современного умонастроения, так и современного жизнепонимания. У святого Исаака Сирина всё направлено от внешней оболочки душевной жизни к её вечным глубоким корням. У нас же, как в умонастроении, так и в практической жизни всё даже подлинно глубокое и ценное разменивается на мелочную обыденщину окружающей действительности. Объятые жаром жизнестроительства, мы и самую жизнь думаем устроить, изменяя лишь её внешние формы, её внешнюю оболочку, и в то же время искренно верим и надеемся, что вместе с этим как-то перестроится её внутренний уклад, многими столетиями слагавшийся. Пред нашим взором предносятся высокие идеалы общественного благоустройства, идеалы мировые, и в то же время мы не хотим хоть сколько-нибудь позаботиться об устройении своей духовной жизни. «Клеть небесную» хотим мы создать на земле, но не потщимся входить во «внутреннюю клеть» свою. Полнейший отрыв от прошлого духовного церковного опыта, полнейшее пренебрежение заветами Православия – вот что характерно для наших современников. И прежде всего это справедливо в отношении нашей интеллигенции, которая на протяжении целого столетия жила исключительно мечтами об общественном благоустройстве, вдохновлялась идеалами служения благу народному, но в то же время не проявляла в своей жизни личного подвига и снисходительно относилась к весьма

крупным недочётам в своей жизни – например в семье. Поразительно, что нигде, кажется, не сказался столь ощутительно и не отразился столь болезненно разрыв между старым и новым поколением, между отцами и детьми, как в нашей русской интеллигентской среде. Ни одна литература не имеет такого множества типов и героев из этой области жизни, как литература русская. Что это – простая ли случайность или же признак определённой духовной болезни? Думается, что на этот вопрос не может быть двух ответов. Этот разрыв между старым и новым поколением, это взаимное непонимание русских «отцов и детей» всегда был признаком глубокой религиозной немочи. Это обратная сторона сознательного холодного равнодушия интеллигенции к прошлому церковному опыту, мучительного разрыва её с церковным сознанием в умонастроении и с церковною жизнью в поведении, позорного бегства из «дома отчего» и скитания по странам чужим.

И вот теперь, когда так сильно сказался духовный раскол между интеллигенцией и народом, – что делать русской интеллигенции, как преодолеть то мучительное разочарование, к которому привела вся интеллигентская мысль и вера при столкновении с самою жизнью? Когда-то великий Достоевский говорил русскому интеллигенту: «Смирись, гордый человек, и прежде всего, сломи свою гордость»³. Хотелось бы и теперь сказать: «Оставь свои скитания по странам чужим, русский интеллигент, вернись в церковь, в «дом отчий», приобщись сокровищнице духовного опыта церковного и умудрись в своём общественном строительстве».

Но, скажут, неужели же нам учиться общественному строительству у людей духовного опыта церковного, у святых подвижников, которые ради личного спасения порвали всякую связь с обществом? Да, скажем мы, именно этот-то многовековой опыт церковный должен руководить нами в нашей общественной жизни в её основном уклоне и направлении. И как это ни странно, мы должны и мирской жизни учиться у подвижников христианских, которые уходили от «мира». Та святыня Православия, которая на протяжении целых столетий была сокрыта от взоров мира и как драгоценное жемчужное

зерно сияла и хранилась в душах немногих избранников Божиих, должна быть, наконец явлена миру, должна возродить мир. И если есть какая-нибудь подлинная общественность, то это должна быть та религиозная общественность, которая скрыта была доселе в глубине многовекового церковного опыта Православия. И как это опять ни странно подлинными общественниками в нашем «мирском» смысле были подвижники Православия, отрекшиеся от «мира». Живя вдали от мира, в тиши своих келий, они, тем не менее, жили подлинной общественной жизнью, невидимыми нитями духовного общения находясь в связи со всем чистым и высоким, что есть в мире, и собирая вокруг себя духовное стадо. Достаточно указать на пример наших святых подвижников – Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Живя в пустыне, воссоздавали они в себе и в окружающих пресветлый образ Божий, учили людей свергать с себя бремя греховное и тем самым воссоздавали вокруг себя новую жизнь. Историк русского народа Ключевский говорит, что трудами пустынножителя преподобного Сергия воспиталось дружное братство, производившее... глубокое назидательное впечатление на мирян.

«...Мир смотрел на чин жизни в монастыре преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства научали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие». Нравственное влияние Сергиева пустынножительства, «западая в массы... вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV века»⁴.

Подвижник-пустынник становился руководителем, духовным воспитателем и возродителем общества, т. е. *общественным деятелем* в высшем и лучшем смысле этого слова. Религиозная общественность, в сфере которой жили великие подвижники Православия, и представляет собою тот остов, на котором строится всякая другая общественность и без которой она не может устоять, а непременно рушится. Именно это и есть та общественность, которая произрастает от выявления коренной основы человеческого духа, иначе сказать

– образа Божия в человеке, к опознанию которой и приглашает своих духовных чад преподобный Исаак Сирийский. Именно с этого и должно начинаться строительство нашей общественной жизни. Нашей интеллигенции, оторвавшейся от прошлого церковного опыта и поплатившейся за этот свой грех, следует познать его общественную правду, следует опытно пережить духовный подвиг перерождения человека антиобщественного, греховного в подлинно общественного – духовно-общественного. И лишь только в этом опытном переживании следует искать путей к нашему общему духовному возрождению и обновлению.

Слово на парастасе по отцу Алексию Мечёву⁵

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Никогда мы не переживали таких дней, как дни, связанные с моментом смерти дорогого нам Батюшки. Наше сознание всё время занято только одною мыслью о том, кого схоронили, наше сердце каждую секунду покрывает его самыми нежными ласками. Батюшка слишком жил в наших душах, чтобы смерть его могла быть концом его жизни в нас. Мы плачем, мы опустили его тело в могилку, потеря его для нас невосполнима; но печаль по Батюшке нас не убивает, великая и сокровенная тайна единения продолжает своё существование; следовательно, Батюшка продолжает в нас жить, и пока мы батюшкины, до тех пор нет конца его жизни в нас. Любовь и ревность благая не знают безысходных положений; они способны оживить камень, а вера в бессмертие души сбрасывает могильную плиту, как с самого покойника, так и с наших сердец. И прежде чем Батюшка воскреснет при Втором пришествии Иисуса Христа, он уже воскрес в наших сердцах.

Любовь и ревность сильнее смерти; они пересиливают природу и заставляют простое воспоминание о покойном Батюшке ожить в возлюбленном, милом и дорогом образе. Здесь действует тонкая душевная организация женщины с её нежной и проникновенной печалью, недоуменным удивлением пред фактом неожиданного исчезновения дорогого лица и с непреодолимым конкретным желанием ещё раз увидеть Батюшку, взять у него благословение и поцеловать его руку. Здесь женщина с быстрым и верным внутренним чувством правды в полном единении с исповедуемой религией воскрешает покойного в своём сердце и силою своей женской уверенности зажигает подобное чувство и в нас – холодных аналитиках. В этом чудо любви и ревности, в этом мировая роль женщины, этим она выявляет по преимуществу религиозный характер своей природы.

Кто теряет такого дорогого человека, как Батюшка, у того, естественно, есть искреннейшее желание собрать и сохранить всё то, что может напомнить о нём, иметь его портреты, жизнеописание, а в особенности – сохранить между нами молитвенную близость.

Весьма вероятно, что с момента смерти дорогого Батюшки многих его духовных детей охватило чувство растерянности, способное сильно рассеять батюшкину духовную семью. Но если Батюшки с нами нет, остались его заветы. Эти заветы нужно собрать и объединить, в них необходимо вникнуть умом и сердцем, усвоить их и жить по ним. Идя таким путём, мы исполнимся радости и надежды; наши души охватит необъятное ожидание встречи, и мы действительно встретимся с Батюшкой. Последует то же самое, что было с посмертным явлением преподобного отца Серафима, с которым Батюшку многое роднит. Вот что мы читаем в жизнеописании преподобного. Невозможно не удивляться тому, что человек, находящийся уже в могиле, ходит по всему пространству России, является в разных местах, и именно для разнообразной помощи ближним. Таков-то преподобный отец Серафим! Он входит во дворец богача и в лачугу бедняков, в городские дома и в крестьянские избы; всюду приносит благословение и утешение, избавление от горя и бед. То является он в сновидениях, то наяву, всё по-прежнему тихий, кроткий, благожелательный. То видят во сне, как этот старец молится у изголовья больных или, стоя у их постели, предлагает им какое-то лекарство; то он воочию является страждущим со словом приветия и утешения, то охраняет призывающих его имя от разных напастей и бед.

Чувства к любимому человеку, который умер, приобретают ещё большую любовь, чем те, которые были при его жизни и непосредственно после его кончины. Смерть Батюшки служит началом его истинной жизни в наших сердцах. Он теперь весь становится внутренним, он всюду с нами, он не отлучающийся от нас спутник нашей жизни, он с нами в дороге, он с нами и дома, он с нами на людях, он с нами и в одиночестве, а особенно он с нами на молитве, и именно в этом храме. Образ Батюшки, утрачивая свою телесность, становится душой нашей

жизни принципом нашего поведения, духовным источником радости и утешения, спасающих нас от уныния. А наша жизнь с Батюшкой приобретает характер чего-то священного по преимуществу; в ней поэзия, чарующая проникновенность и вернейший залог прочности нашего духовного будущего. Больше того, наша жизнь с Батюшкой представляет собою то благодатное переживание праведника, от которого наше воображение исходит, чтобы представить себе, чем же тогда может быть восприятие Самого Господа, Неоскудевающего Источника всякой благодости, небесной и земной.

Эта вторая жизнь Батюшки в его бестелесном состоянии является гимном в честь первой его жизни во плоти; теперь очарование утончается и благоухание одухотворяется. В Батюшке отразилась небесная правда, красота и добро. И любовь к нему теперь, когда дух его, более не отягощаясь томящею плотью, получает силу потушить возможное в прошлом разъединяющее соперничество и неудовольствие между членами его духовной семьи, завязать взаимную горячую дружбу. Ведь любить того, кого любил Батюшка, означает любовь к самому Батюшке. Кроме того, сами дорогие и милые воспоминания о Батюшке составляют наше общее сокровище: вместе вспоминать то счастливое время, которое было и миновало, означает иметь среди нас того, о ком вспоминаем, т. е. Батюшку. Теперь, наконец, Батюшка больше чем, при жизни, стал нашим общим посредником между Богом и нами.

Совместная жизнь в одних и тех же воспоминаниях, в одной и той же любви к Батюшке и к тем, кого он любил, в одном и том же переживании Батюшки как общего посредника и в одном и том же ожидании встречи нашей с ним в загробном существовании должна создать привычки и правила общежития одной из тех обителей, которых у Бога много, а именно – батюшкиной обители.

И когда наступит грозный и вместе с тем сладостный час Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, то пожелаем, чтобы все мы, батюшкины, собрались около него и с успокаивающей нашу трепещущую душу радостью услышали бы

дерзновенный голос самого Батюшки, обращённый ко Христу:
«Вот я, а вот мои дети». Аминь.

Духовные беседы на дни Богослужебного круга (1922–1924)⁶

Начало индикта (церковное новолетие)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

По милости Божией сегодня мы с вами вступаем в новый церковный год. Ежегодно, идя от праздника к празднику, Святая Церковь вместе со всею природою проходит от начала до конца годовой круг богослужения.

Для людей, живущих в мире, наступление нового года обычно связывается с тягостным чувством сожаления о том, что они могли бы сделать и что осталось несделанным. Оглядываясь назад на прожитое время, человек неизбежно думает о том, что безвозвратно упущено в прошлом, чего уже нельзя вернуть или изменить в будущем. Людям, живущим духовной жизнью, чуждо это чувство безвозвратности минувшего, потому что они живут в мире, где нет временных ограничений, где преодолеваются границы прошлого, настоящего и будущего.

Недавно мы с вами погребали Божию Матерь – не «вспоминали» о Её погребении, а действительно погребали Её, а через несколько дней будем праздновать Её Рождество. Это становится возможным благодаря тому, что, совершая богослужение, мы вступаем в мир, в котором уничтожаются грани времени, потому что в богослужении мы живём в вечности. Через это приобщение к вечности мы можем реально соприсутствовать событиям, от которых нас, людей XX века, исторически отделяет целый ряд протекших столетий. Преодолевая в богослужении границы времени и вступая в мир вечности, мы входим в него не одни, а вместе со всею природою. В богослужебных песнопениях постоянно говорится об участии всей твари в той радости, которую испытывает человек, приобщаясь к вечности, об участии её в прославлении Творца. «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый»⁷, – говорится об этом в каноне Пасхи. И не только небо и земля, но и каждое из творений Божиих в отдельности участвует в этом всеобщем гимне Творцу.

В «хвалитных» псалмах (148–150), ежедневно читаемых на утрене, мы призываем солнце и луну, звезды и свет, горы и холмы, деревья, зверей и птиц вместе с горним евангельским миром принять участие в прославлении Господа.

Но нигде, кажется, это единство человека со всею тварью в прославлении Бога не выражено с такой глубиной и силой, как в «Песни трёх отроков», входящей в состав последней паремии, читаемой в Великую Субботу, каждый стих которой сопровождается припевом «Господа пойте и превозносите Его во веки». Здесь соединяется тварь в едином и вечном («превозносите Его во веки») славословии.

Так каждый год вместе со всем миром горним и дольным, с Церковью Небесной и со всей природою, мы можем быть свидетелями и участниками событий, которые совершались «нас ради человек, и нашего ради спасения»⁸.

Эти события, относящиеся к домостроительству нашего спасения, хотя и происшедшие однажды во времени, однако не ушли безвозвратно в прошлое. Они совершились тогда, когда, по словам апостола, *пришла полнота времени*, (Гал. 4:4). В них до конца открылась тайна любви Божией к человеку, тайна искупительного подвига *Агнца, закланного от создания мира* (Откр. 13:8). Поэтому в мире временном они стали незыблемыми точками вечности, через которые проходит вся тварь и к которым мы имеем возможность приобщиться через богослужение. В богослужении всё пребывает в настоящем, потому что в нём всё в вечности, поэтому нам нечего печалиться о потерянном прошлом.

Каждая такая точка вечности в нашем временном мире не только переживается нами в определённый момент времени, но и отбрасывает от себя лучи своего света, которые воспринимаются иногда задолго до наступления самого праздника и которые продолжают светить нам и после того, как мы уже прошли через эту светящуюся точку. Через две недели мы будем праздновать Воздвижение Креста Господня. Праздник ещё не наступил, а в богослужении мы чувствуем уже приближение этой светящейся точки.

Начиная с 1августа мы слышим Воздвиженскую катавасию «Крест начертав, Моисей». То же самое в ещё большей полноте происходит и при приближении праздника Рождества Христова. За целый месяц до его наступления богослужение начинает готовить нас к прохождению этой светящейся точки вечности. Начиная с праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, мы уже чувствуем, что вместе со всем миром прикасаемся к ней, потому что в этот день поём рождественские ирмосы «Христос рождается». А ещё через две недели, в день памяти святителя Николая, мы воспеваем первые стихиры предпразднства «Вертепе, благоукрасися», «Сионе, торжествуй» и «Безвестная Дево», которыми заключаются стихиры на «Господи, воззвах», на литии и на стиховне великой вечерни.

Особенно замечательны в смысле подготовки наших душ к восприятию грядущего праздника две последние стихиры. В первой из них мы обращаемся к «граду Христа Бога», готовящемуся подъять Зиждителя, «в вертепе и яслех вмещаемого», и просим открыть нам врата, войдя в которые мы можем духовными очами увидеть «дланию же Содержащего тварь», «яко младенца пеленами повиваемого», а во второй, как бы уже войдя в эти врата и увидев «Виновницу нашего спасения», Безвестную Деву, Матерь Божию, обращаемся непосредственно к Ней, прося Её открыть нам великую тайну нашего спасения.

Чем ближе подходим мы к светящейся точке праздника, тем ярче озаряет нас исходящий от неё свет. В течение пяти дней предпразднства, завершающихся навечерием Рождества Христова, богослужение со все большей глубиной и полнотой раскрывает нам эту великую тайну, в которую вводит нас Святая Церковь, и наконец наступает самый праздник Рождества Христова, точка вечности, которую мы проходим. Здесь стираются грани времени и открывается тайна вечности, потому что, как говорит митрополит Филарет, «Христос доселе нисходит с небес, и в такой близости к нам, что мы, подобно пастырям или волхвам, можем приспеть к Его Божественному явлению»⁹. Не сразу уходит от нас эта точка вечности. В

течение шести дней попразднства продолжаем мы жить её отражённым светом. Более того, если действительно отразился в нашей душе явленный в ней свет вечности, то она становится для нас ступенью нашего восхождения к вечной жизни, к которой призывает нас Господь Иисус Христос.

Святая Церковь через временное приобщает нас к вечности. Каждого из нас она ведёт по его жизненному пути, в конце которого он должен получить «во блаженном успении вечный покой» и войти в вечную память Божию. Будем же с большим вниманием и благоговением подходить к богослужению, относиться к нему не как зрители или свидетели, а как его участники. Тогда и вся жизнь наша получит новый смысл и новое освещение. По-настоящему живя в богослужении, мы уже здесь, на земле, можем иметь «вечный покой», можем удостоиться того, что Господь, ещё в дни нашей земной жизни будет иметь нас в Своей вечной памяти.

Наше великое счастье, что мы снова входим в годовой богослужебный круг и имеем возможность ещё раз со всем миром пройти его. А наша задача заключается в том, чтобы каждый посылаемый нам Господом год жизни сделать воистину временем приобщения к вечности, вхождением в то, что по бесконечной любви Божией совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения».

Аминь.

Рождество Пресвятой Богородицы

В имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Несколько дней тому назад мы с вами по милости Божией вступили в новый церковный год, а ныне празднуем первый великий праздник годового богослужебного круга – Рождество Пресвятой Богородицы.

Для того чтобы понять смысл этого праздника, а вместе с ним и других праздников церковных, нам нужно прежде всего вспомнить, что церковная жизнь есть тайна непостижимая для тех, кто находится вне Церкви. Не случайно ведь самое важное в жизни Святой Церкви – её средоточие, через которое мы становимся причастниками благодати Божией, – мы называем *Таинствами*.

Сами мы, своим тварным умом, не могли бы постигнуть этой тайны церковной. Но Господь по Своей милости постепенно открывает её тем, кто живёт в Таинствах, кто припадает к этому Источнику благодати и пьёт его живую воду.

В жизни церковной есть много тайн, но одна из них постоянно открывается верующим. Мы входим в общение с нею не только, получаем дары через, тогда когда благодатные Таинства, но всякий раз, когда бываем в храме и участвуем в богослужении.

Впрочем, для многих из нас, верующих, тайна эта продолжает оставаться закрытой. Для того чтобы по-настоящему соприкоснуться с нею, нам нужно быть не простыми слушателями и зрителями того, что совершается в храме, но войти в опыт тех, кто были творцами богослужения и запечатлели его в составленных ими молитвах и песнопениях начиная со времён апостольских, через мучеников и преподобных и кончая подвижниками нашего времени.

Творцы богослужения в полном согласии со всеми отцами и учителями Церкви говорят нам о том, что человек создан для вечной жизни, что подлинной стихией, в которой только и может жить его душа, является вечность.

Когда мы погребаем наших усопших и молимся об упокоении их душ, мы просим, чтобы Господь сотворил им «вечную память». Но эта молитва может относиться и к нам, живущим ещё на земле, потому что и мы нуждаемся в том, чтобы Господь имел нас в Своей вечной памяти, ведь цель нашей жизни и есть приобщение к вечности. Поэтому самое лучшее и ценное пожелание церковное есть пожелание вечной памяти.

А мы постоянно забываем об этом. Отягощённые заботами житейскими и омрачённые временными обстоятельствами нашей жизни, мы позабыли о том, для чего мы созданы, забываем о вечности, в которой живёт лишь то, что сотворено Господом, – добродетель.

Всё же остальное отбрасывается и бросается в огонь – во тьму внешнюю. Нам только кажется, что оно существует, а на самом деле, как говорит один святой отец, «в начале не было зла, потому и теперь нет его во святых, и для них вовсе не существует оно»¹⁰. Воистину существует только жизнь в Боге и то, что идёт по пути стяжания Царствия Божия в нас.

Святые отцы говорят нам, что человек создан по образу и подобию Божию, что он есть венец природы и царь всей видимой твари и вместе с тем сотаинник Божией благодати. Они учат, что телом своим человек связан со всею земной тварью, потому что тело это Господь создал, *персть взял от земли* (Быт. 2:7), а своею душой он соединён с горним ангельским миром. Человек стоит на грани двух миров – земного и небесного. В творении его, как говорит Григорий Богослов, «Художническое Слово создаёт живое существо, в котором приведены в единство (...) невидимое и видимая природа; созидает, говорю, человека, из сотворённого уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь (...) поставляет на землю иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой»¹¹.

Но созданный по образу Божию и поставленный Господом на грани двух миров, человек не выполнил своего предназначения: он согрешил, отпав от Бога, а через него и

весь видимый мир, венцом которого он является, стал отходить от Господа. Тогда пришёл на землю Сын Божий, Который Своєю смертью упразднил смерть и Своим Воскресением открыл нам путь к вечной жизни. Он даровал вечную жизнь не только нам, верующим в Него, но и всей видимой твари.

Поэтому задача человека состоит в том, чтобы, очищая от греха свою душу, поднять и одухотворить также и вещество, из которого создано его тело, сделав его достойной обителью бессмертной души. Святые отцы говорят, что в день последнего воскресения предстанут пред Господом не только наши души, но вместе с ними и наши воскресшие тела. И в этой земной жизни, в своём восхождении к Богу человек может идти только путём, который указан ему Господом, поставившим его на грани двух миров.

Только в общении с этими обоими мирами и вместе с ними может человек здесь, на земле, служить Богу. Об этом нам постоянно напоминает Святая Церковь в своих богослужениях.

Недавно мы с вами совершали новогоднюю службу. Мы приносили в этот день хвалу Господу не только от себя, но и от всего мира видимого и невидимого, с которым мы соединены по телу и душе.

Об этом ясно говорится в каноне этого дня: «Вся дела Твоя, Господи: небеса, земля, свет, и море; воды, и вси источники; солнце же, луна и тьма, звезды, огонь, человецы и скоти, со ангелы восхваляют Тя»¹².

Тот, кто верит, что слова эти соответствуют действительности и что в богослужении мы воистину соединяемся с обоими мирами, тот понимает, какая великая тайна заключена в православном богослужении.

Тайна эта состоит не только в том, что здесь уничтожается грань между человеком и всею тварью – небесною и земною, грань, которую мы так ясно ощущаем, живя в этом привременном мире, но также и в том, что через богослужение мы преодолеваем и самые границы «времени текущего естества» и входим в мир вечности. Стало быть, в богослужении нет ничего временного, но всё живёт в вечности.

Обычно смысл празднования того или иного события из жизни Иисуса Христа или Божией Матери мы видим в том, чтобы пойти в храм, прослушать там Евангелие и песнопения, рассказывающие о событиях, совершившихся когда-то очень давно, вспомнить об этих событиях. Так можем мы отнестись и к сегодняшнему празднику. Церковное предание говорит, нам о том, что около 2000 лет тому назад Пресвятая Дева родилась в галилейском городе Назарете от престарелых родителей праведных Иоакима и Анны. Оно повествует, что своим рождением Дева Мария разрешила узы их бесплодства и доставила им великую радость. Об этом рассказывают нам песнопения сегодняшнего дня, и, по-видимому, весь смысл праздника сводится к тому, чтобы вспомнить об этих далёких событиях.

Но если мы обратимся к тексту самих песнопений и постараемся вникнуть в смысл того что, говорят их творцы, то мы убедимся, что такое отношение к празднику свойственно только людям внешним, не понимающим тайн церковной жизни. В действительности песнопения праздника говорят совсем иное. В стихирах сегодняшней вечерни мы слышали: «Днесь неплодная врата отверзаются, и дверь девическая Божественная предгрядет. (...) Днесь всемирныя радости провозвешение, днесь возвеяша ветри, спасения провозвестницы; естества нашего разрешается неплодство», – и наконец: «днесь неплодная Анна раждает Богоотроковицу»¹³.

Что же означает это «днесь» («днесь разрешается неплодство, днесь Анна раждает Богоотроковицу»)? Есть ли это только приёмы образной поэтической речи или в этих словах заключается какой-то иной смысл?

Если рассуждать с точки зрения мудрости века сего, то утверждение реального смысла этих слов является безумием. Ведь, всё это совершилось когда-то очень давно. Но для тех, кто мудрствуют духовная (ср.: Рим. 8:5), всё, что совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения», не только произошло во времени, но и в вечности пребывает. Поэтому, когда мы слышим сегодня, что от Анны «ныне Дева Чистая происходит»¹⁴, – нам открываются врата вечности.

Богослужение сегодняшнего дня говорит нам о том, что рождение Пресвятой Девы было радостью не только для Её родителей и родственников, живших в Назарете, но стало всемирною радостью, что оно разрешило неплодство не только святых праведных Иоакима и Анны, но в нём «естества нашего разрешается неплодство»¹⁵ и рождается «Плод живоносен миру»¹⁶.

Богослужение открывает нам, что рождество Богоматери имело значение не только для живших в те дни в Назарете, но совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения», что с рождением Её жизни «раждается днесь Мост»¹⁷, вводящий нас в вечность.

Прославляя Господа, мы каждое славословие заканчиваем словами «ныне и присно и во веки веков». Этими словами Святая Церковь говорит нам о том, что богослужение, которое мы совершаем «ныне», будет совершаться «и присно и во веки веков», потому что уже и сейчас оно совершается в вечности и приобщает нас к вечной жизни.

В этом и заключается великая тайна богослужения, которую открывает нам Святая Церковь.

Отнимите от богослужения его сокровенный смысл, заключённый в словах «ныне и присно и во веки веков», и для нас закроется текущий в нём источник вечной жизни, мы навсегда останемся оторванными от того, что было и ушло в безвозвратное прошлое, ибо никто из людей не может присутствовать при рождении своей матери или своего отца. Но мы знаем, что лучшие из наших подвижников, те, которые были творцами богослужебных песнопений и канонов, пили из этого источника вечной жизни. Они на опыте познали, что богослужение открывает нам познание вечности.

И для нас, грешных, самое главное (и об этом нужно помнить всегда) заключается в том, чтобы прикоснуться к этому источнику познания, который открывается нам через тайну богослужения.

А для этого, пока ещё мы здесь, на земле, будем с верою, с благоговением и страхом Божиим воспринимать всё то, что мы видим и слышим в храме, – всё, что совершается, поётся,

читается за богослужением. И когда мы снова ныне входим в годовой круг богослужения, будем помнить, кто мы и к чему призваны.

И по мере вхождения в него нам будет всё больше открываться великая тайна вечности.

Святая Церковь верит, что мы не одни совершаем богослужение, что вместе с нами молятся и славословят Господа ангельские силы и вся Небесная Церковь. «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат»¹⁸, – воспеваем мы Великим постом. И во все дни церковного года, за каждой литургией перед малым входом священник молится: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать»¹⁹. Именно отсюда, из этого сопричастия и сослужения с нами уже достигших вечности и живущих вечною жизнью в Господе ангелов и святых, рождается и в нас стремление в вечность.

Поэтому во время Божественной литургии священник после принесения Господу благодарственной службы о всех святых и «изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии» поминает живых и усопших и молится, чтобы Господь помянул их в Царствии Своем, т. е. приобщил их к вечной Своей памяти, которая и есть Царствие Божие.

Из этого нам должно быть ясно, что совершаемое здесь, на земле, богослужение есть не что иное, как последовательное раскрытие во времени тайн Вечности. А для каждого из нас, верующих, оно есть путь, ведущий нас к вечной жизни.

Поэтому и праздники церковные представляют собою не случайное собрание памятных дней, но сияющие в нашем временном мире точки вечности, прохождение через которые подчиняется неизменному духовному порядку.

Точки эти сменяют друг друга в определённой последовательности, они связаны друг с другом как ступени единой лестницы духовного восхождения, так что, стоя на одной из них, мы уже видим свет, озаряющий нас с другой ступени. Вот и сегодня чтение канона сопровождается пением Воздвиженской катавасии «Крест начертав, Моисей». Казалось

бы, она не имеет отношения к сегодняшнему дню, но на самом деле это не так. Она говорит нам о неразрывной духовной связи следующих друг за другом церковных праздников. Это свет Воздвижения, который озаряет нас издавна, так что уже заранее мы начинаем входить в него. Тайна богослужения есть величайшая из тайн Церкви. Сами мы не можем сразу постигнуть её. Но мы знаем, что она была открыта великими и величайшими из угодников Божиих. Входя в их опыт через те молитвы и песнопения, в которых они его запечатлели, прося их помощи и молитв за нас грешных, можем и мы постепенно начать прикасаться к этой великой тайне. И по мере того как через это будут в нас рождаться и возрастать элементы вечности, мы по-иному, чем теперь, будем относиться и к нашей временной жизни. Мы поймём тогда, что она есть только путь, ведущий нас от дольного к горнему, от временного к вечному. И тогда, уходя из этой жизни, мы, может быть, сподобимся вечного Царствия, уготованного Господом для тех, кто уже здесь, на земле, начал входить в Его вечную память, которая есть величайшее достижение для человека, идущего от дольного к горнему.

Аминь.

Воздвижение Креста Господня

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Есть два понимания церковных праздников и два отношения к ним: мирское и духовное. Мирское понимание заключается в том, что мы не должны забывать событий, происходивших в древности, что мы собираемся в эти дни в храме для того, чтобы «вспомнить» о них. Такое отношение к праздникам является плодом «идейного» или словесного понимания христианства. Оно сводится к определённым религиозно-нравственным идеям, о которых можно говорить, рассудочно верить им, которыми можно даже загореться на некоторое время.

«Идейное» понимание христианства – приговор для нас, оно убивает в нас настоящую христианскую жизнь. Самое худшее для нас, если нас будут называть идейными христианами. Поэтому мы должны вести борьбу с «идейностью» в христианстве, подавлять её в себе, если она в нас есть, бороться за иное, духовное понимание христианства.

Противоположное этому духовное понимание христианства исходит из того, что Христос принёс на землю не новую идею, а новую жизнь.

Я есмь воскресение и жизнь (Ин. 11:25). Христос учил не разглагольствовать, а жить. Поэтому, если мы хотим следовать за Ним, мы должны жить во Христе. Он указал нам путь в этой жизни, и Сам Он есть *путь и истина и жизнь (Ин. 14: 6)*. Он требует от нас последования Ему не словами, а делом: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11:29)*.

Такое отношение к христианству обязывает нас к новому, не мирскому, а духовному пониманию праздников. Смысл их при таком понимании заключается не в воспоминании о прошедших когда-то событиях а, в духовном вхождении в то что, совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения». Это полностью относится и к нынешнему празднику. Святые отцы учат нас, что нельзя о Христе думать только или говорить, что

нельзя только словесно почитать Крест, на котором Христос был распят.

Если мы хотим воистину поклоняться Кресту Христову, мы должны сделать это не по традиции только, не потому, что так принято и не только «словесно», а делом поклоняться Христу Распятому.

Взять свой крест и идти вслед Христу, сораспяться Ему – вот истинный путь христианина. К этому приводит нас Господь, когда говорит: *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет (Мк. 8:34)*. Отсюда начинается христианство. Его начало – отвержение себя, борьба с живущими в нашем сердце страстями и сораспятие Христу на данном каждому из нас Господом кресте.

Истинное поклонение Кресту начинается с той минуты, когда мы хоть немного, хоть чуть-чуть начинаем работать над своею душою, бороться со своими страстями – завистью, гордостью, гневом; когда мы начинаем работать над тем, чтобы родилось в нас новое отношение к нашим ближним. Потому что отношение к ближним и есть подлинное дело, для которого пришёл Христос. Это и есть настоящий подвиг, это и есть христианство. А то, о чём мы «говорим» («загораемся» даже), это может быть и от диавола. Ведь и диавол знает о Боге, знает Священное Писание, но у него нет борьбы за Царство Божие внутри себя. А Христос пришёл для того, чтобы сделать нас сынами этого Царствия. Если мы поистине хотим быть христианами, если мы хотим сегодня поклониться Честному и Животворящему Кресту Господню, если мы действительно верим, что Христос был распят на этом Кресте «нас ради человек, и нашего ради спасения», то мы должны последовать Его слову, обращаемому к нам. А Он, Распятый, зовёт и нас сораспяться Ему на нашем кресте. Тогда мы воистину начнём христианскую жизнь, которая состоит не в идейности, не в «прекрасных» словах, а в действительности служения Ему, нашему Господу, и нашему ближнему.

Давайте же осознаем, для чего мы пришли сегодня сюда. Что мы празднуем, что торжествуем? Будем молиться, чтобы Господь просветил наше сердце и дал нам понять, в чём наше

настоящее дело. Тогда мы будем читать святое Евангелие делами. Тогда начнётся для нас сораспятие Господу на своём кресте. *Иже кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет.*

Аминь.

Неделя по Воздвижению

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Святая Церковь в Неделю перед Воздвижением и в Неделю по Воздвижению останавливает наше внимание на значении Креста Господня, а также на тех крестах, которые каждый из нас должен нести, желает он этого или нет.

В Евангелии, читаемом на литургии в Неделю по Воздвижению, Святая Церковь раскрывает нам значение христианского подвига: *Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16: 24; ср. Мк. 8:34).

Взятие своего креста, отвержение себя, грешного и скверного и шествие за Господом – вот те основы христианского подвига, которые Церковь раскрывает нам сегодня и в которых она считает необходимым ещё раз утвердить нас в этот попразднственный день.

В чём же заключается наше делание? Прежде всего, в том чтобы взять крест свой. И если ты хочешь идти по пути этого делания, то бери именно тот крест, который дал тебе Господь. А между тем почти каждый из нас недоволен именно своим крестом. Как часто мы жалуемся на него и говорим себе: «всё сделаю, только не это». У кого нет семьи – жалуется, что ему тяжело одному, а другой – стремится уйти от своей семейной обстановки; больные жалуются на здоровье, а здоровые говорят порой: «заболеть бы!»

Это происходит оттого, что мы в большинстве случаев не имеем настоящей христианской жизни, а живём «идейным» христианством, которое не может помогать нам в несении нашего креста. Для того чтобы стяжать истинно христианскую жизнь, нам нужно прийти ко Христу, последовать Ему и поучиться у Него. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11:29). Тогда иго будет благо, бремя креста сделается лёгким, и мы вступим на путь истинного делания, потому что, как нам говорит один святой отец, прилепившись к тем, кто имеет эту жизнь, ты

и сам становишься не рассуждающим, не проповедующим, а делающим.

Если наше делание заключается в том, чтобы взять свой крест, то нам мало знать что, христианину нужен крест, надо ещё понести его, пойти с ним по Господнему пути. Как же нам нести свой крест? Святые отцы говорят, что для этого мы должны, прежде всего, вооружиться терпением²⁰, а терпение, по словам преподобного Иоанна Лествичника, «есть предназначение себе и ожидание ежедневной скорби»²¹. Такое устройство есть залог того, что человек будет бороться и не падёт. Подобно человеку, исходящему на брань, он готов идти тесным путём и переносить всяческие трудности. Но нам мало знать, что терпение есть ожидание всякой скорби, что терпение есть тесный путь. Нужно ещё понять, в чем заключаются источники встречающихся в нашей жизни скорбей. И этому также может научить нас терпение, потому что оно есть «отсечение оправданий и внимание себе»²². Если со мною случается скорбь, я не должен в ней обвинять других и оправдывать себя тем, что если не тот или другой человек, то я бы не скорбел бы. «Принимай всё, как случающееся по твоей вине» – так говорят святые отцы. И терпение мы должны иметь не на словах, не в идее, а жизни; мы должны сделать его руководящим правилом в нашей жизни.

Терпение есть необходимое условие, без которого мы не можем понести данного нам Господом креста. Но в чём же состоит самый крест наш? Не в том, конечно, что мы часто бываем в храме и выстаиваем здесь длинные службы. Ведь церковь есть «земное небо», она есть место, где мы приготавливаемся к небесной жизни, а ещё и земля, на которую мы посланы Богом и которую часто забываем.

И если нам бывает порой трудно молиться и если, стоя в храме, мы чувствуем, что находимся на земном небе, это потому, что мы не готовимся к этому в жизни, потому что на земле, на которую послал нас Господь, мы не понесли по-настоящему данного нам Господом креста. Где же наш настоящий крест? Прежде всего, в смиренном сознании наших грехов и при помощи благодати, но при участии и наших усилий

изживании их. И во-вторых в том, чтобы переносить окружающие нас злобу, зависть и грехи всех наших ближних. Борьба со всем этим не на жизнь, а на смерть и есть истинное несение нашего креста.

Борьба эта начинается с того, что живёт внутри нас в нашей душе. Ибо если *Царствие Божие внутри нас* (ср.: *Лк.17:21*), то вся и греховная радость тоже в нас. Не смотри по сторонам, а помни о своей душе. Распятие своей души со всеми её *страстями и похотями* (*Гал.5:24*) и непрестанное очищение себя пред Господом – это одна сторона нашего креста. А другая, заключается в преодолении грехов в окружающих нас людях. Видя их грехи, мы должны смотреть на них, как на больных, требующих уврачевания, и врачевание это мы должны совершать с кротостью и терпением.

Святые отцы говорили: «если хочешь или думаешь, что хочешь вынуть сучец ближнего, то вместо врачебного орудия не употребляй бревна (...), а врачебное орудие есть кроткое вразумление и долго терпеливое обличение»²³. Бревно – это грубое обращение и резкие слова.

Зачастую мы и сами не несём своего креста, а своею грубостью способствуем тому, чтобы и окружающие нас бросили свои кресты. Это относится, прежде всего, к нашим семьям, к братьям и сестрам по плоти и братьям и сестрам по спасению в нашем храме.

Так часто приходится видеть именно эти бревна! На бревно можно ответить железом, а на железо уже и словесным убийством. И в бросании креста нашими ближними виноваты мы сами. А Господь требует от нас совершенно иного отношения к нашим ближним. Что из того что, другой согрешил, а ты разве не грешишь? Почему же ты бьёшь его, а не пожалеешь? Ведь он уж и так много вреда себе сделал. Если мы по-настоящему верим в Христа и Его Крест, то не простые слова для нас – взять свой крест и помочь окружающим нести их кресты. Очень многое зависит от нашего отношения к окружающим. Иоанн Лествичник говорит, что если «один волк, имея беса помощником, может возмутить все стадо, то и один премудрый брат, имея ангела помощником, может (...) дать кораблю тихое плавание»²⁴.

Не для того говорится это поучение, чтобы вы послушали его, рассказали о нём своим ближним и на этом закончили. Это будет пустословие. Давайте именно теперь, когда мы поклоняемся Кресту, посмотримся вокруг себя, заглянем в свою душу и мало-помалу начнём нести свой крест. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмёт крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8: 34).

Давайте начнём хоть немного делать, а не говорить. Начнём хоть бы с того, чтобы смирить себя и промолчать при оскорблении. Каждый вечер, читая молитву святого Иоанна Златоуста, мы просим: «Господи, даждь ми смирение» – а это означает: пошли мне человека, который бы меня смирил. Идя по пути крестоношения, мы должны брать на себя не только свой крест, но и кресты окружающих нас ближних.

Неся каждый свой крест со смирением и кротостью, будем в терпении отсекал всякое самооправдание, внимать себе, и тогда, не на словах только, а на деле мы поймём, что означает великая заповедь Господня: *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет*.

Аминь.

Покров Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы есть прежде всего праздник молитвы. Два мужа – блаженный Андрей и ученик его Епифаний, молившиеся в храме Влахернском, увидели Её, Пречистую Деву, тоже молящуюся и простирающую омофор над городом, который находился в великом несчастьи²⁵. Они в молитве видели Её молящуюся. Поэтому и нам в этот день в нашей мере нужно назидать себя из слов Священного Писания, говорящих о молитве.

Один святой отец – авва Агафон, когда его спросили, какая добродетель наиболее трудна, ответил так: «Простите мне, я думаю, что нет большего труда, как молиться Богу без развлечения; ибо всегда, когда человек хочет молиться, враг старается отвлечь его; ибо знают демоны, что ничто так им не противодействует, как молитва к Богу. И во всяком подвиге, какой бы ни предпринял человек, во время совершения его получает успокоение, а молитва до последнего вздыхания требует борьбы²⁶». Если так определяет наиболее трудную добродетель авва Агафон, то, конечно, нам, прежде всего, знакома эта трудность в молитве, ибо это нам так трудно молиться без развлечения, и мы оставляем молитву, когда находит уныние и нет желания молиться. Так обычно относимся мы и к вечерней молитве, и к утренней, и в храме продолжаем это незаконное дело. «Если молитва есть, то я молюсь, а если нет, то, как же я буду принуждать себя». Так говорим мы. А вот свидетельство великого [подвижника], который в подвиге прожил десятки лет. Когда мы подходим к молитве, нам, прежде всего, нужно помнить не только о том, что молитва есть большой труд, но и о том, что нам заповедано – *непрестанно молитесь* (1Фес. 5: 17). Стало быть, молиться нужно не только в тот момент, когда мы стоим на молитве утром и вечером.

Что значит непрестанно молиться? Один старец египетской пустыни «был спрошен: что значит непрестанная молитва? И ответил: из самой глубины сердца воссылаемое моление к Богу

с прошением полезного. Ибо не тогда мы только молимся, когда стоим на молитве; но истинная молитва есть та, когда мы можем всегда молиться в себе»²⁷. Стало быть, от нас воистину требуется непрестанная молитва, ибо в каждый момент мы должны молиться, и молитва заключается не в том, что мы стоим на молитве. Но каким же образом можно иметь непрестанную молитву, когда есть у человека дело? Хорошо подвижникам, у которых нет никаких мирских дел. К нам-то это совсем не относится: разве мы, которые находимся в разных делах, можем даже серьёзно подумать об исполнении такой заповеди? Так говорим мы.

Были в древности иноки, которые молились и ничего больше не делали. И пришли они «к авве Лукию в Енат, и спросил их старец, говоря: какое ваше рукоделие? Они отвечали: мы не занимаемся рукоделием, но, как говорит апостол, непрестанно молимся. И сказал старец: вы не едите? Едим, отвечали они. Старец говорит: кто молится за вас, когда вы едите? Ещё сказал им: вы и не спите? Спим, отвечали они. Старец говорит: кто молится за вас, когда вы спите? И не нашлись на это ответить ему. Тогда старец сказал им: простите мне, вы не делаете, как говорите. Я же вам покажу, что, занимаясь своим рукоделием, непрестанно молюсь. Размочив немного прутьев, я сажусь с Богом и, плетя из них верёвку говорю: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50:3). И сказал им: не молитва ли это? Те отвечали: да. Старец сказал: проводя целый день в работе, я зарабатываю более или менее шестнадцати монет. Две из них подаю в дверь нищим, а на остальные ем; и молится за меня принимающий две монеты, когда я ем, или когда сплю, и по благодати Божией у меня совершается непрестанная молитва»²⁸.

В самом деле, как же это так, пришли люди и думали, что непрестанно молятся, а делатель истинный спросил их о рукоделии, и так спросил, что они ничего не могли ответить. Или они ели и спали и не молились непрестанно, или же не имели этих естественных потребностей. Ибо труд дан как заповедь: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3:19). Старец познал,

что, исполняя рукоделие, можно непрестанно молиться, и он и молится непрестанно и через труд исполняет великую заповедь: *Блажени милостивии; яко тии помиловани будут* (Мф. 5:6).

Эти два условия в жизни подвижника дают возможность иметь непрестанную молитву. Отсюда вывод, что те из нас, которые имеют ту или иную работу: ремесло, хозяйство, – те, конечно, ничего не могут сказать против возможности непрестанной молитвы, против возможности делать работу как ремесло с той или иной молитвой или памятью о Боге, начинать с Богом, хотя бы стирать или варить пищу, ведь таковые подобны тому, который плёл верёвку, имея в себе Бога, при взирании на него Божиих очей. Но что же делать тем, которые имеют умственную работу? Разве могу я, говоря проповедь или решая математическую задачу, иметь непрестанную молитву и память о Боге?

Святые отцы говорят, что может человек иметь непрестанную молитву, совершая и умственную работу. «Братия рассказывали, говоря: однажды мы пришли к старцам, и, когда по обычаю совершалась молитва, приветствовав друг друга, сели. И после беседы, намереваясь удалиться, мы просили опять совершить молитву. Тогда один из старцев сказал нам: что же вы не молитесь? Мы отвечали ему: когда мы пришли, авва, была молитва, и с того времени беседуем до сих пор. Он сказал; простите, братья, потому что некоторый брат, сидящий с вами и беседующий, сотворил тридцать три молитвы. И когда он сказал сие, они сотворили молитву и отпустили нас»²⁹.

Аминь.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь празднует Введение Пресвятыя Богородицы во храм Господень. В одной из стихир сегодняшней вечерни мы обращались к Пресвятой Деве с такими словами: «По рождестве Твоем, Богоневесто Владычице, пришла еси в храм Господень воспитатися во святая святых, яко освященна»³⁰. Мысль о том, что целью вхождения Пресвятой Богородицы в Иерусалимский храм было Её духовное воспитание в обстановке величайшей святости Ветхого Завета, неоднократно повторяется в песнопениях сегодняшней службы. Она напоминает нам, что такое духовное воспитание, оказавшееся нужным для Пречистой и Непорочной Девы, тем более необходимо нам грешным.

Господь послал человека на землю, для того чтобы он здесь подготовился к райской жизни, потому вся наша жизнь на земле не что иное, как воспитание. Если это так, то нам нужно дать себе отчёт, как же мы должны подготавливаться к этому вхождению в райские обители. Для этого нам надо, прежде всего, понять, кто мы и что представляет собой наша земная жизнь.

Праотец Авраам говорит о самом себе: *Аз же есмь земля и пепел* (Быт. 18:27), а пророк и псалмопевец Давид сравнивает жизнь человека с травой и полевым цветком: *Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет* (Пс. 102:15). *Человек живёт на земле семьдесят, аще же в силах, осьмдесят лет, и множае их, труд и болезнь* (Пс. 89:10). Это значит, что человек есть, прежде всего, тело, и притом грешное и вследствие этого смертное тело. Поэтому, глядя на себя, мы с самого начала видим и ощущаем себя именно как тело. Есть люди, которые видят только это тело, жизнь которого ограничена пределами этой земли. Для них и воспитание может быть только подготовкой для здешней земной жизни. Их желания ограничиваются совершением земных дел и стяжанием земной славы; к этому и готовят они себя воспитанием. Они

забывают о том, что всё это временное и преходящее. История говорит нам о великих людях, которые в своей жизни совершили большие дела и получили на земле великую славу. Но все они умерли, и на земле не осталось от них ничего, кроме праха и пепла. Пока они были живы, казалось, что они были носителями чего-то великого, что воплотилось в совершенных ими делах, но прошли столетия, и дела эти мало-помалу исчезли из памяти потомков. Так проходит всякая земная слава. Но мы с вами знаем, что человек есть не только тело, что кроме смертного тела он имеет ещё и бессмертную душу, которую Господь вдунул в его созданное из праха земное тело и которую призвал к вечной жизни. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни (Быт. 2:7). Наше пребывание здесь, на земле, временное, но жить мы будем вечно. К этой-то вечной жизни мы и должны готовить себя воспитанием, которое проходим здесь, на земле. В чём же состоит это воспитание?

Мы слышали, что Пресвятая Дева, для того чтобы приготовить себя к великому служению Богоматеринства, к которому призвал Её Господь, была введена своими родителями в храм Господень, во святая святых. Этим путём ведёт Святая Церковь и каждого из нас она вносит сорокадневного ребёнка в храм Божий для поклонения Господу и воспитания. Именно здесь, в храме, за богослужением и совершается воспитание нашей души и подготовка её к вечной жизни. Причина этого заключается в том, что в храме нет ничего тленного и преходящего, но всё здесь связано с вечностью. «Храм – небо земное, – говорит об этом великий пастырь нашей Церкви Иоанн Кронштадтский. – Здесь престол Царя неба и земли, здесь совершается страшная и небесная жертва – Тело и Кровь Владычни, и верные соединяются с Господом и обожаются обожением чудным»³¹. Поэтому, уже входя в храм, мы становимся причастниками небесной жизни. Когда же начинается служба и священник произносит первый возглас: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков», – мы выходим за пределы времени и перед нами отверзаются врата Вечности.

Но как же возможно, что мы, люди, большинство из которых проживает, наверно, меньше предела земной жизни, указанного пророком Давидом, можем говорить: «Благословен Бог наш во веки веков!»? Это становится возможным именно потому, что, входя в Церковь, мы входим в Вечность, в которой всё живо: прошедшее, настоящее и будущее. Здесь, в этом Царстве Вечности, живёт и пребывает всё, что было от начала, с сотворения мира, и то, что ещё будет, – Второе страшное пришествие Господа во славе и последний Страшный Суд. Ибо и его мы видим духовными очами перед началом Великого поста в Неделю мясопустную, когда совершается память Страшного Суда.

Вот и сегодня мы соприсутствуем величайшему событию в жизни Божией Матери и в XX веке соприкасаемся со всеми участниками этого события. Но если жизнь в Церкви есть жизнь в вечности, за пределами пространства и времени, то как можем участвовать в этой жизни мы, люди, живущие во времени, и как может через это участие совершаться наше воспитание, которое ведь тоже есть процесс, протекающий во времени?

Святые отцы говорят: если ты хочешь воспитать ту или иную добродетель, прилепись к тем, кто её имеет³². Это и есть воспитание себя для вечной жизни, потому что в вечности пребывает только то, что создано Господом, т. е. добродетель. Такое воспитание возможно для нас и через соприкосновение с людьми, живущими духовною жизнью, воспитавшими или воспитывающими себя для вечности. Но среди наших современников мы не всегда встречаем таких людей. И вот Святая Церковь через богослужение вводит нас в общение с теми, которые уже совершили свой путь на земле и ныне предстоят престолу Царя славы, со святыми угодниками Божиими. В дни празднования их памяти, а также в дни, когда празднуется какое-либо событие, в котором они принимали участие в земной жизни, мы не только вспоминаем их, но входим с ними в реальное общение, духовно соприсутствуем тем событиям, участниками которых они были. Мы реально

соприкасаемся с теми, кто вложил в богослужение свой богатый духовный опыт и ныне вместе с нами участвует в нём.

В песнопениях и молитвах церковных мы слышим все лучшее, что даёт нам Ветхий и Новый Завет от сотворения мира и до наших дней. Мы слышим здесь и песнь Моисея (см.: Втор. 32:1–43), и трёх отроков (см.: Дан.3:26–88), слышим голоса пророков Аввакума, Исаии и Ионы и песнь Пречистой Девы Марии (см.: Лк. 1:46–55). Здесь внимаем мы голосу апостолов, которые проповедуют нам через свои послания, и голосу Самого Спасителя в Его святом Евангелии. Здесь с нами мученики, которые своим подвигом и кровью закрепили своё исповедание, подвижники Египта, Сирии и Афонской горы и наши русские подвижники: чудотворцы Печерские, преподобный Сергей и те, которые прославились в совсем близкое от нас время, как преподобный и богоносный отец наш Серафим Саровский. Все они вложили в богослужение самое лучшее и высшее своё достояние – свою молитву. И эта молитва их, если мы будем духовно прилепляться к ним, может стать и нашей молитвой, ибо и ныне они вместе с нами молятся словами составленных ими молитв. Если мы молимся: «Милостиве, помилуй мя падшаго»³³ – то с нами молится праотец наш Адам. Когда мы говорим: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалаия и празднословия не даждь ми»³⁴, – молится с нами преподобный Ефрем Сирий.

А когда, готовясь приступить к Святым Тайнам, произносим молитву « Господи, Боже мой, вем, яко несмь достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моя»³⁵, то с нами молится и составитель этой молитвы – святой Иоанн Златоуст.

Именно поэтому богослужение является для нас той великой школой, в которой мы можем воспитаться для вечной жизни. Наши души представляют собой духовный инструмент, как бы скрипку, которая, попадая в руки лучших мастеров, может издавать прекрасные звуки. Это они, великие мастера духовного художества, соприкасаясь с нашими настроенными душами, извлекают из них мелодии, созвучные Вечности. Здесь всегда с нами великий псалмопевец Давид, подобно нам много грешивший, но умевший и каяться и нас призывающий к

покаянию словами пятидесятого псалма: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50:3). И всё здесь, в Церкви, возбуждает нас к подвигам, возносит в горня, заставляет идти от жизни временной к жизни вечной, всегда напоминая нам, что мы не только прах и пепел, но также и образ божественной и неизреченной славы, который мы должны очистить от покрывающих его язв наших прегрешений³⁶. Все мы уже введены во храм, все мы уже находимся в нём, и всем нам открыт вход во святая святых вечности, но как часто мы забываем об этом и не пользуемся открываемой нам Святой Церковью возможностью. Как часто вы думаете: зачем я буду тратить столько времени на хождение в храм? Зачем ходить в храм в будни, не достаточно ли посещать его в праздники? Не слушайте этих мыслей; это лукавый помысел, который обманывает вас. Ведь здесь, в храме, мы пребываем вместе с ангелами Божиими, со всеми святыми и Божией Матерью. Здесь мы представляем собою как бы духовный орган, на который воздействует живущая в Церкви благодать Божия. И если у кого есть свободные минуты, то куда же и отдать их, как не сюда, где мы воспитываемся для вечности? Помните, что для каждого из нас наступит день, когда окончатся все наши земные дела и бессмертная душа наша пойдёт к Господу и предстанет на Суд и даст отчёт о своей жизни на земле.

В ожидании этого дня и должны мы воспитываться в храме и входить во святая святых вечной жизни; а те, которые говорят, что не надо воспитываться в Церкви, в сущности говоря, не верят в Вечность.

Но есть и среди нас такие, которые будто и часто бывают в храме, и простаивают долгие службы, а душа их, несмотря на это, не становится причастницей вечной жизни. Это происходит потому, что они забывают, что место, предназначенное для воспитания человеческой души, само по себе без, нашей доброй воли и усилий, не может воспитать нас для вечной жизни. Святые отцы говорят, что диавол получил наилучшее по сравнению с нами воспитание, ведь он был ангелом света и вместе с другими ангельскими силами предстоял Престолу

Божью, и, однако, это не помешало ему отпасть от Бога. Значит, хождение в храм и пребывание в том месте, которое открывает нам врата вечности, это ещё только часть дела. В чём же заключается вторая часть? Для того чтобы понять это, нам нужно помнить, что мир физический и мир духовный управляются одними и теми же законами. Наш земной физический мир есть только образ мира духовного, поэтому, чтобы понять законы духовного мира, мы можем воспользоваться в качестве аналогии законами мира физического. Мы знаем из опыта, что, для того чтобы воспринять какую-либо волну, надо, чтобы воспринимающий орган имел ту же настроенность, что и орган передающий. Возьмём для примера радио: чтобы услышать передаваемый звук, надо настроить приёмник на ту же волну, на которой ведётся передача.

То же самое происходит и в духовной жизни. Приходится иногда слышать рассказы о том, как человек, который давно не бывал в церкви, зайдя в неё на минутку, может быть мимоходом, вдруг, словно у него открылись духовные очи, начинает воспринимать воздействие благодати Божией через богослужение. Он уже не думает о том, чтобы уйти из храма, начинает постоянно ходить в храм и жить благодатной жизнью. С кем и при каких условиях это бывает? Только с теми кто, входит в храм с покаянным чувством, кто подходит к Вечности с сознанием своей греховности, с сознанием того что он, недостоин соприкоснуться с ней. Тогда-то именно и открываются ему врата Вечности, потому что душа его оказывается настроенной, созвучной всему покаянному опыту Церкви.

Но бывает и другое. Человек, который раньше имел в своей душе это чувство богослужения, которому было знакомо «восхищение к Богу» через чужую молитву, через молитвы святых и всей Церкви, вдруг начинает терять это чувство и вследствие этого колебаться в своём духовном пути. Как часто приходится слышать от таких людей: вот прежде я чувствовал или чувствовала богослужение, а теперь всё куда-то ушло. Что же мне делать? Ответ на этот вопрос мы находим в словах

пророка Давида, который тоже испытывал подобные состояния. *Уны во мне дух мой, во мне смятется сердце мое*, – говорит он, описывая, подобное состояние души, и тотчас добавляет: – *Помянух дни древния, поучихся во всех делех Твоих* (Пс. 142:4–5). Это же надо сделать и нам, если мы начинаем терять молитвенную настроенность души. Нам надо в эти минуты вспомнить *дни древния*, т. е. то время, когда мы, имея очи, видели, имея уши, слышали голос Вечности.

И ещё другое: надо понять что если, мы введены однажды во храм, то мы должны и воспитываться в нём. Если ушла же от нас эта настроенность и мы не входим больше в молитвенный мир, то причина этого заключается в нашей греховности. Чтобы вернуть то что, мы когда-то имели, нам нужно принуждать себя бороться со своими греховными состояниями и стремиться всегда и во всём следовать за Христом. Вспомните, как говорится об этом в одной из стихир Страстной седмицы: «Приидите убо и мы, очищенными смыслы, сшествуим Ему, и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейским слаstem, да и оживем с Ним»³⁷. Поэтому если мы будем постоянно каяться в своих грехах, смотреть за своею совестью и предочищать себя, как учат нас великие и величайшие угодники Божии, то они помогут нам в нашей борьбе и приведут нас к Богу и к храму Божьему, как говорит об этом пророк: *Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему* (Пс. 5:8). Давайте же будем отдавать наше свободное время храму и богослужению, чтобы через него открывать тайны горнего мира и строить Царствие Божие в наших душах. Не будем забывать о том, что те, которые молятся в храме и участвуют в богослужении, находятся уже вне времени и пространства. Они пребывают в Вечности, они блаженны. Не теряйте этого не упускайте и этой возможности. Ведь храм – это единственное место, где мы, хотя и грешные, становимся вместе с Божией Матерью, с Иоанном Крестителем, со святыми апостолами и мучениками и со всеми угодниками Божиими такими же членами Тела Христова, как и они. Будем же, прилепляясь к ним всем сердцем, воспитываться для Вечности. Будем учиться у них, прежде всего

их покаянному деланию, ибо, следуя за ними по этому пути, мы мало-помалу начнём устраивать Царство Божие в своих душах.
Аминь.

Неделя перед Рождеством Христовым, святых отец

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Празднуя ныне Рождество Христово, Святая Церковь даёт нам образцы ветхозаветных праведников, которые в течение всей своей жизни ждали Христа Спасителя, заповедовали это ожидание детям и внукам, которые не потеряли своей веры и чаяния до конца. Она заставляет нас приобщиться к ним для того, чтобы и мы могли в трепете встретить наступающий великий праздник, который даётся нам не как воспоминание, а как соприсутствие и переживание – вхождение в вертеп и поклонение с пастырями и волхвами.

Мы должны и сегодня не только вспомнить ветхозаветных отцов, но и взять от них то, что наиболее соответствует нашему времени. Ныне воспевали мы: «Велия веры исправления! Во источнице пламене, яко на воде упокоения, святой трие отроцы радовахуся, и пророк Даниил львом пастырь, яко овцам, являешся. Тех молитвами, Христе Боже, спаси души наша»³⁸. Святая Церковь вспоминает их ныне потому, что они по времени ближе к пришествию Христа Спасителя по сравнению с теми праотцами, которых мы прославляли неделю тому назад, а также и потому что они являют нам яркий прообраз пришествия Христа Спасителя. Но не только они, но и всё ветхозаветное человечество имело в своей среде великих праведников, хотя и находилось во тьме. Мы ныне видим не только *зерцалом в гадании* (1Кор. 13:12), но уже явился Тот, Кому надлежало прийти и пострадать во избавление многих, наша вера совсем иная. Если нам теперь говорят, что мы должны быть долготерпеливыми, то главным примером для нас является Господь. Так и апостол, призывая верующих к терпению, указывает им *на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь*

душами вашими (Евр. 12:2–3). Он нам оставил пример, а у ветхозаветного человека было только одно слово, одно обетование: *семя Жены сотрет главу змия* (ср.: Быт. 3:15).

Ветхозаветный человек был из рая переселен на землю, чтобы здесь «воспитаться честно»³⁹ и снова вознестись в горний мир. Адам ждал более 900 лет, он первого сына своего назвал «приобретением»⁴⁰, он не только имел эту веру и долготерпение, но и заповедовал её всем окружающим, когда умирал. Мы знаем, как Ной с великим долготерпением⁴¹ исполнял заповеданное Господом под всеобщие насмешки⁴². Мы знаем, что терпел насмешки и Евер, который один не пошёл строить Вавилонскую башню, один останавливал тех, кто хотел творить беззаконие⁴³. Мы знаем и терпение Иовлево (см.: Иак. 5:11; Иов. 1:21).

Зачем нужно терпение? По слову апостола Павла, оно нужно нам для приобретения опытности: *от терпения опытность* (Рим. 5:2). Мы это хорошо знаем из обычной работы. Если мы с терпением учимся какому-нибудь делу, то только тогда и можем хорошо работать, а работа нетерпеливого бесплодна. Терпение рождает опытность – потому-то Церковь от лица этих великих праведников заповедует нам, чтобы и мы в терпении сохраняли надежду. Если терпение имеет такое великое значение, то, что такое терпение? Как нам стяжать его? «Терпение, – говорит Иоанн Лествичник, – есть предназначение себе и ожидание ежедневной скорби»⁴⁴. Так именно и шло ветхозаветное человечество. Господь сказал: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3:19). Но не нам ли сказано также: *в мире скорби будете* (Ин. 16:33).

В наше время, когда нас, верующих, презирают, оскорбляют и унижают, мы, ожидая Рождество Христово и предстоя ныне великим ветхозаветным отцам должны понять, что иначе и быть не может, что мы должны приучить себя к терпению и ожидать этих скорбей. Кто же из нас может назваться терпеливым?

«Не тогда мы можем назваться терпеливыми, когда мужественно переносим поругание от отца, но когда от всякого человека и презрения, и уязвления переносим с терпением»⁴⁵.

Так все они и шли. С таким терпением шёл Моисей, когда те, кого он по воле Божией избавил от египетского рабства, укоряющего: *Зачем ты вывел нас из Египта?* (Исх. 17:3). Такое терпение ли было и у Давида, который не только не разгневался на злословившего его Семея, но даже запретил тем, кто хотел за него отмстить обидчику, говоря: *Что мне и вам, сыны Саруины?* оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел злословить ему Давида. Кто же может сказать: *зачем ты так делаешь?* (2Цар. 16:10). Великое дело относиться с терпением к наносимым оскорблениям.

«Я видел трёх иноков, – рассказывает Иоанн Лествичник, – в одно время потерпевших бесчестие. Один из них оскорбился, но смолчал; другой порадовался ради себя, но опечалился об укорившем его; третий же, воображая вред ближнего, пролил тёплые слезы»⁴⁶.

Мы, которые ещё вовсе не достигли состояния этого первого брата, который оскорбился и смолчал, даже не представляем себе того делания, которое есть у второго и третьего. Но нам надо хоть первое, ибо, когда мы смолчали то, уже сделали полдела, изъявили тем смирение. Второй брат, порадовавшийся за себя и опечалившийся за того, кто укорил его, ещё не мог молиться за врага, а третий уподобился Самому Господу, Который со креста прощал Своих мучителей и молился за них: *Отче, отпусти им: не ведают, что творят* (Лк. 23:34).

В наше время, когда истинное учение оплёвывается, когда ныне считают чуть ли не обязанностью оскорблять и унижать служителей Христовых, когда каждый из нас, верующих, считается «затемняющим народное сознание и верующим в бредни» и когда мы ныне стоим в преддверии величайшего праздника, нам надо встретить Христа Спасителя в терпении, как заповедует Церковь.

Мы сегодня будем иметь перед собой эти образцы ветхозаветных праведников, которые имели одно только свидетельство, и то, полученное не ими самими, но первым человеком. После того как пришёл на землю Начальник и Совершитель веры Христос и претерпел за нас поругание, разве не нуждаемся мы в том же подвиге терпения, как и отцы наши?

Они, как наши предки, отвечают и за нас, они дают нам примеры веры и терпения, и мы должны идти за ними. И нечего нам плакать о том, что так нас оскорбляют. Оскорбляли ведь и Самого Христа Спасителя. Нам надо жалеть о том, что есть люди, которые могли бы быть членами Святой Церкви, но находятся во мраке, о них надо молиться и проливать тёплые слезы. А терпение нам много легче иметь, чем в Ветхом Завете, только мы не идём этим путём. У нас есть ещё вера и даже желание исповедовать её, но терпения у нас нет. Вот ветхозаветные праведники и дают нам образ терпения. Если предстоящий праздник для многих из нас является радостью, то вспомните ветхозаветных отцов, которые шли подвигом терпения и на этом пути стяжали веру и духовную опытность.

Ожидая рождения Господа, мы должны радоваться даже и тогда, когда Он пошлёт нам великие испытания. И когда сегодня мы прославляем ветхозаветных праведников, мы должны помнить, что рождается наш Искупитель и что Он откроет перед нами райские двери.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь совершает сегодня введение нас в праздник Рождества Христова, радостный праздник, принёсший нам спасение. Но Рождество Христово есть для нас радость только с тем условием, если Христос не только пришёл, но и пострадал на Голгофе и избавил человека от греха, проклятия и смерти. Радостный праздник, он в своём предпразднестве даёт нам образы великих праотцев Христа по плоти – ветхозаветных праведников.

Христос пришёл потому, что мы впали в грех, потому, что первый человек растерял первозданную доброту образа Божия, Христос пришёл, чтобы «прежде падший возставить образ»⁴⁷, – и вот Святая Церковь, приуготовляя нас к этому великому празднику, призывает всех идти тем же путём, каким шло прежде нас человечество. Ибо если Святая Церковь уже давно воспеваёт «Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите»⁴⁸, то мы сейчас присутствуем при приготовлении к этому событию и должны приобщиться – мы, люди Нового Завета, – к тем праотцам, которые ждали Спасителя, и они смогут много нам дать. Скоро мы с ангелами, пастырями и волхвами будем поклоняться рождённому Христу, а ныне Святая Церковь вспоминает праотцев, а на следующей неделе – отцев, чтобы дать нам возможность соприкоснуться с Ветхим Заветом.

Но зачем это нужно? Мы – люди Нового Завета. Разве нет разницы между тем ожиданием, когда праотцы ожидали Рождества Христова, и как мы ныне ждём? Ведь теперь пришёл Христос. Да, пришёл, но Церковь снова готовится нас к Его сретению в вертепе, снова готовится нас к присутствию при событии, связующем Ветхий и Новый Завет.

Когда первый человек согрешил, он был изгнан из рая и дано было ему обетование: «семя Жены сотрёт главу змия» (Ср.: Быт. 3:15), придёт Спаситель и освободит человека от рабства греху.

Ждали праотцы... Адам ждал 930 лет. Жена его первого сына своего назвала Каином, что значит «приобретение»⁴⁹, ибо через него надеялись они приобрести спасение. Адам и Ева ждали Икупителя, готовили своих детей, но не дождались, – и так из поколения в поколение передавалось это великое обетование. И в терпении ждали, хотя никто не приходил, а кругом другие смеялись, как и тогда, когда Ной по данному ему обетованию (см.: Быт. 6:13 и далее) строил ковчег, убеждая, что будет потоп и что надо покаяться. Обетование это хранилось в душах немногих, но для них оно было самым дорогим наследством. Эти великие праведники плакали – Адам плакал о потерянном рае, о том времени, когда пребывал с Богом, – они плакали о своих грехах и, подобно Давиду, воспевали покаянные псалмы: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя (Пс. 56:2)*. И, плача, они с терпением верили, что придёт Спаситель и откроет перед ними двери рая. И пришёл Спаситель. Он раскрыл райские двери. Но вот они снова закрыты для нас. Мы, грешные люди, стоим перед раскрытыми райскими дверями и не пользуемся даром Спасителя, который дал Он каждому раскаявшемуся грешнику. Те ветхозаветные праведники не могли войти в рай, несмотря на всю свою праведность, несмотря на всё покаяние, а мы сделали себя неспособными войти в открытые двери. И снова восклицаем мы: *Помилуй мя, Боже,* – словами великого пророка и царя Давида.

Потому-то и зовёт нас Церковь к ним, к великим праведникам, которые верили в грядущего Спасителя и этою верою были оправданы. Христос пришёл, но пришёл ли Он для нас, для тех, кто называет себя христианами?

Рождественское богослужение указывает нам на ту связь, которая существует между Ветхим и Новым Заветом. Разве ничего не дают нам великие учителя Ветхого Завета, разве нам не нужно учиться тому, что переживали великие ветхозаветные отцы и праотцы. Нам надо поучиться их вере, вере людей, которые, не видя Спасителя, тем не менее, сохранили упование до конца.

Зная Новый Завет, мы не можем говорить, что благодати нет, что не искуплены мы Спасителем, что не пришёл Тот, о Ком

сказано: «семя Жены сотрёт главу змия» (ср.: Быт. 3:15). Ныне нам, предпразднующим Рождество, надо поучиться у Ветхого Завета, надо понять, что если кто и спасён пришествием Христовым, то не мы, а они, что именно потому их песни, их псалмы, их покаянный плач, плач людей Ветхого Завета о Царстве Божием Церковь вводит в наше новозаветное христианское богослужение. Святая Церковь говорит нам, что если не соприкоснёмся мы с тем мраком, который был не только в Ветхом Завете, но который есть и во всяком нашем грехе, если не прикоснёмся с великим трепетом согрешившей и плачущей души, взывающей к Богу: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя», – тогда пройдёт мимо нас всё то, что будет в эти дни совершаться в Святой Церкви, как не раз проходило. А когда Святая Церковь будет петь «Слава в вышних Богу»⁵⁰, мы услышим и покаянные псалмы, мы услышим и великое повечерие, которое совершается только Великим постом, чтобы соприкоснуться с покаянием Ветхого Завета. Нам нужно начать подготовку тем покаянием, каким каялись те, кто совершал своё спасение задолго до Рождества Христова, а для нас Святая Церковь начинает эту подготовку за два воскресенья до Рождества Христова. И когда сегодня мы пришли слушать, как Святая Церковь прославляет ветхозаветных праведников, наше дело войти в общение с этими людьми, которые шли путём скорбей, путём веры во Христа, покаяния. И вера их была не такой, как у нас. Мы имеем теперь оправдание нашей веры в слова Господа, а у них этого не было, а между тем как сильна была их вера. Вспомните хотя бы Авраама, по этой вере принёсшего сына в жертву (см.: Быт. 22:1–19), вспомните Иова, который через своё терпение сделался другом Божиим (см.: Иак. 5:11) и болезни которого прообразуют страдания Самого Спасителя. Радостен праздник Рождества Христова, но радостен для тех, кто ждёт его, кто помнит, что Христос пришёл для страдания, что Он принял зрак раба (Флп.2:7), что Он пришёл на землю, чтобы нас поднять на небо, как говорят святые отцы. Вот потому-то Святая Церковь даёт нам образы веры и надежды. Нам надо молиться им, чтобы они дали нам своё упование, своё покаяние, свою веру.

Когда будем слушать ветхозаветные псалмы, покаянные молитвы, вдруг услышим песни Рождеству Христова, услышим голос Божией Матери, и Святая Церковь верит, что поскольку мы соприкоснёмся с верою ветхозаветных праведников, постольку заставит вострепнуться наши души весть о Рождении Спасителя, и тогда мы вместе с Божией Матерью предстанем пред Его яслями и будем служить Ему. Если не будет этого, то пройдёт и это Рождество, как проходило много раз. Зовёт нас Святая Церковь, зовут те мужи, память которых мы ныне творим. Помолимся же им, помолимся, чтобы они дали нам образец, как нужно в покаянии, в сокрушении о своих грехах и в послушании Богу войти и поклониться вместе с ними лежащему в яслях Младенцу Христу.

Аминь.

Рождество Христово

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь зовёт нас прийти в вертеп к рождшемуся Господу и в смирении и в покаянии поклониться Ему. Сегодня мы слышали ангельскую песнь Слава в вышних Богу, и на земли мир (Лк.2:14).

И для многих из нас, для тех, кто в кротости и смирении готовился к празднику через преподносимые Церковью богослужения, это не только слова, но и ангельское состояние мира и благодати. Так же было и в ту ночь, когда родился на земле Богочеловек. Но мы более счастливы, чем те, кого считаем счастливыми свидетелями Рождества Христова. Мы имеем через Церковь не только момент поклонения, не только ощущаем этот мир в наших душах, но знаем также, что не только мир Христос принёс на землю, но и меч. *Не мните яко, приидох воврещи мир на землю не; приидох воврещи мир, но меч; приидох бо разлучити человека на отца своего и, дочь на мать свою и, невесту на свекровь свою (Мф. 10:35)*. Так говорил Христос своим ученикам и всем тем, кто Его слушал.

Так что же принёс Он – мир или меч, соединение или разделение?

Мы сегодня радостно воспеваем: «Слава в вышних Богу», – а за этими стенами мир опять идёт против Христа, как шёл с самого начала, с первых дней жизни Христовой на земле. Мир снова оскалил зубы и хочет уничтожить дело Христово. И вот мы стоим здесь в этот радостный и ответственный для нас момент. Где будем мы в этом разделении, мы, пришедшие в радости встретить рождённого Спасителя? И откуда это разделение, каковы его причины?

Вот Святая Церковь в сегодняшнем богослужении даёт ключ к пониманию этого. Сегодня радостное богослужение, сегодня мы славословим Господа. А как до этого момента мы совершали богослужение? Там было покаяние, было великое повечерие, там мы молились о наших грехах, читали ветхозаветные псалмы. Только что совершали мы литию, а

лития – это усиленное моление «о всякой души христианстей, скорбящей же и озлобленной, милости Божия и помощи требующей»... И опять молимся мы о своих грехах в шестопсалмии. Как такое: после «Слава в вышних Богу» в псалмах снова этот покаянный вопль души, живущей в разделении? Мы чувствуем, что не можем жить так, как мы живём. Сколько бы мы ни сделали в науке, в искусстве, нет у нас жизни вечной, жизни в Боге, нет святости, нет обожения. «И не хочу быть таким как я, есть», – мог бы сказать любой великий учёный и поэт. Это стремление к жизни горней и покаяние – это и есть разделение. И напрасно думают идущие против Христа, что против Него можно идти книгами и брошюрами, картинами и карикатурами. Нет, Церковь Божия внутри нас есть (ср.: Лк. 17:21). На этом внутреннем фронте идёт борьба князя мира сего со Христом. *Но горе тому человеку, через которого соблазн приходит...* (Мф. 18:7). Для нас сейчас особенно дороги слова Спасителя: *Будете ненавидими от всех имене Моего ради* (Лк. 21:17). Теперь каждый священник, каждый верующий во Христа является тем, против кого направляются все насмешки, вся грязь. Это не случайно. Так было всегда, и это направлено не против нас, а против Христа. Начинают говорить, что Христос никогда не приходил, что Рождество – переделка языческого праздника. Человек всегда не мог думать только о хлебе насущном, он всегда думал о том, что *единоже есть на потребу* (Лк. 10:42). Человеческая душа направлялась вложенным в неё внутренним законом совести, она желала изменения всей своей природы, она ждала, что Бог придёт на землю, она томилась, и вот то там, то тут возникало учение о рождении Бога – и в зависимости от того, каково было состояние этой души, какова была её совесть, она строила то или иное учение. Эти люди не знали боговдохновенного Писания, но шли и строили свои учения по закону своей совести. Многим казалось, что Бог должен родиться не тем способом, как все люди, что Он должен родиться от Девы.

Учение о первородном грехе существует у всех народов, оно не заимствовано ими друг от друга, но находится внутри каждого из нас; каждый из нас в лучшие минуты своей жизни

приходит к сознанию своей скверны, к сознанию того, что он должен быть вновь создан, что он хочет быть новой тварью. Это доказывает, что у нас есть совесть, свидетельствующая, что мы не можем признать себя богами, что мы не можем быть владыками мира и вселенной. Для многих современные события могут быть соблазнительными. Для апостола Петра соблазнительными оказались слова служанки⁵¹, а для иных соблазнительными были и многие поступки Господа нашего Иисуса Христа⁵². Когда мы пришли поклониться нашему Владыке, возлежащему в яслях, пришли вместе с ангелами, пастырями и волхвами, нам надо понять, где мы в этом разделении, чьи же мы. И если мы хотим идти за Христом, то пора идти. Когда снова рождается Христос, когда мы вновь видим Его во внутренней храмине нашей души, нам надо сберечь то, что даёт нам Церковь, надо бороться. Эта борьба существует с самого начала Церкви. Она то усиливалась, то ослабевала. Мы имеем счастье жить, когда она достигла давно не достигавшихся размеров, и нам говорит Спаситель: *Да смущается не сердце ваше...* (Ин. 14:1).

Нам надо помнить, что борьба идёт внутри нас. Не потому мы веруем, что Евангелие нам дано, но совесть наша и мысли наши, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, свидетельствуют о том, что без Бога мы жить не можем, что без Него не можем обновить нашей жизни. Если мы будем внимательно относиться к своей душе, если будем идти за Христом, мы должны хранить Царство Божие в своей душе, полученное здесь, в храме. Берегите свои души, берегите Царство Божие, которое внутри вас. К этому призывает нас Святая Церковь.

Господь принёс нам мир, но и разделение также принёс. Мир – для тех, кто общается с миром горним, и разделение – для тех, кто идёт против Господа. Только через устроение души, через осознание своей греховности, можем мы бороться за Царство Божие. Иначе ничто не поможет. Мы видим, что в нас есть Христос, Он вечно рождается в душе каждого из нас. С этого дня снова не затемняйте лица Богомладенца в своей душе. Скоро мы опять Его затмим. Но помните, что сейчас

время разделения, и если мы не будем очищать свою душу, мы окажемся против Него.

Аминь.

Преставление преподобного Серафима, Саровского чудотворца (1833)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы пришли сегодня творить память святого угодника Божия, преподобного Серафима, величать его как того, кто боролся с миром как инок. Нам нужно помнить в этот день о том, что происходит в наших душах и в нашей жизни. Сейчас очень многие отказываются от борьбы с миром, от того пути, каким шёл преподобный Серафим и на котором он имел величайшие достижения. Нам приходится слышать, что все наше делание – пример, который мы берём от святых отцов, от преподобного Серафима, – всё это затемняет подлинный лик Христов и Его подлинное учение. А между тем мы, верующие, должны идти за Христом, и нам надо знать, как мы должны идти за Ним, как мы должны совершать путь своего спасения.

Ответ дан Самим Спасителем. Он говорит, что князь мира сего не изгнан ещё вон, что надо бороться с ним. Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17:21), но оно с борьбой берётся, оно нудится (Мф. 11:12). Эта борьба за Царствие Божие наиболее ярко выразилась в иночестве. Это не значит, конечно, что здесь, в миру, нельзя бороться *со страстями и похотями* (Гал. 5:24), но иночество наиболее выявило путь отречения от мира сего. Это не есть отречение от мира в смысле отречения от жизни, а отречение от греха.

Обет этого отречения в иночестве выражен только с большей силой, но его все мы дали при крещении. Мы здесь, на земле, должны начать устраивать в себе зачатки Царствия Божия. Такой ответ дают Господь и Его апостолы.

Но тем, кто ныне, как и мы чтит, угодника Божия Серафима преподобного, даётся другой ответ. Говорят, что надо уничтожать не только монастыри, но искоренять и самую борьбу с грехом – уничтожить аскетизм.

А между тем для нас, пришедших сегодня прославить преподобного Серафима, того, кто в непрестанной молитве стяжал любовь Христову, для нас на этой великой нашей работе – в молитве – выясняется, может быть, ярче всего наше

отношение к миру и к новой Церкви, ведущей борьбу с преподобным Серафимом.

Что такое непрестанная молитва?

Святые отцы говорят, что «молитва есть пребывание в соединении человека с Богом»⁵³. Стало быть, молитва не только на словах, ибо праведник под Богом ходит. Это учение о непрестанной молитве было для них не словами, но делом. Здесь ярко мы видим разницу между святыми отцами и нашими современниками. Они только говорят о Христе, а святые отцы всё время пребывали в соединении с Ним.

Преподобный Серафим был и есть, прежде всего, представитель молящейся Церкви величайший молитвенник, ибо это он в продолжение тысячи дней и ночей совершал бдение на камне.

Когда нам говорят теперь, что нам надо получить те или иные впечатления, создать особое настроение, чтобы помолиться, мы видим, что Церковь идёт не путём развлечения нас, но путём привлечения на молитву посредством тех или других впечатлений. К молитве мы должны приготовляться в течение всей нашей жизни. Святые отцы говорят что наша молитва зависит от того как мы живём, на ней отражается всё то, чем мы были заняты до того, как на неё стали, что мы должны готовиться и перед самой молитвой.

Стало быть, наша молитва зависит от того, как мы готовимся, как мы живём.

Нам, не умеющим молиться, преподобный Серафим помогает встать на настоящий путь. Он говорит, что молитва начинается не тогда когда мы встали молитву и исполняем то или иное правило, а, как сказано у Иоанна Лествичника, для нас нужно непрестанное духовное делание в течение всей жизни. Надо идти путём смирения, послушания, обуздания своих страстей и похотей, и что это ещё ничего не значит, если нам кажется, что, долго пребывая на молитве, мы ничего не получаем, ибо «самое пребывание на молитве есть уже приобретение»⁵⁴. Так говорят святые отцы и прославляемый ныне преподобный Серафим. Нам надо постоянно трудиться над нашей молитвой, как мы можем. Больше всего мешает

молитве работа языка. Преподобный Серафим пять лет пребывал в молчании, и для нас немощных нужен тот же самый подвиг, хотя и в бесконечно меньшей степени. *Положи, Господи, хранение устом моим и, дверь ограждения о устнах моих* (Пс. 140:3), молимся – мы Великим постом⁵⁵.

Нужно начать работу над молитвой вовсе не тогда, когда ты встал на молитву, ибо тогда уже поздно, и ты не в состоянии будешь отрешиться оттого, что делал перед тем. Прежде всего, нам надо взять у преподобного Серафима именно этот подвиг – хранение уст. Нам надо учиться молиться, ибо молитва есть единственное, что пойдёт с нами в иную жизнь. Всё остальное есть только средство для перехода туда, а это будет там нужно.

Сегодня Господь поставил нас перед преподобным Серафимом, и нам надо, прежде всего, обратиться к нему, к тому, кто возглавляет нашу русскую молящуюся Церковь. В последние дни, когда начинается в ней как будто разделение, нам надо обратиться к тем, кто имел истинное делание. Многие из русских людей совершают величайшее беззаконие, творя ныне память преподобного Серафима и отвращаясь от этого делания. А мы должны не только признать, но и вполне понять что он, преподобный Серафим, учит нас, как нам нужно жить. Это ничего не значит, что мы не несём тех подвигов, что мы не в монастыре: наша мера не серафимовская.

Преподобный Серафим говорит, что, прежде всего, мы должны бороться за молитву, должны приготавливаться к ней в течение всей нашей жизни, должны воздерживаться от осуждения, хранить уста, вспоминать как можно чаще о Господе и молиться Ему, хотя бы просто произнося время от времени «Господи, помилуй», «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», чтобы дела наши не отвлекали нас от Господа. Только когда мы поймём самым делом, что Царствие Божие нудится, только тогда мы сможем почтить достойным образом память преподобного Серафима.

Мы страдаем отдалением от Бога, мы постоянно пребываем не с Ним, а с начальником тьмы и злобы.

В день памяти преподобного Серафима помните, что вам надо приготавливаться к будущей жизни, бороться за молитву.

Если мы пойдём этим путём, если будем помнить заветы преподобного Серафима, тогда будет он для нас не тем, кто где-то, когда-то жил и совершал какие-то подвиги, – он будет нам учителем, молитвенником и отцом и поможет помнить, что жизнь христианская есть борьба за Царство Божие с царством диавола, что надо трудиться и идти к Господу и его святым, а, прежде всего, к преподобному Серфиму, Саровскому чудотворцу.

Аминь.

Святое Богоявление. Крещение Господне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Днесь Владыка прииде освятити естество водное». Так Святая Церковь будет воспевать ныне на девятой песни канона⁵⁶. Настоящий праздник, как говорит одна из стихир предпразднства Богоявления, есть праздник славнейший по сравнению с прошедшим праздником Рождества Христова: «Светел убо мимошедший праздник, светлейший же, Спасе, приходящий». И указывает дальше почему: «он ангела имеяше благовестника, и сей Предтечу обрете предуготовителя. Он кровем изливаемым, яко бесчаден, рыдаше Вифлеем, и сей водам благословенным многочадна познавается купель. Тогда звезда волхвом возвести, ныне же Отец миру Тя показа». Если там звезда показывает вертеп, то здесь Сам Отец показывает Своего Сына: *Сей есть Сын Мой возлюбленный* (Мф. 3:17). Богоявление – это праздник откровения тайн Божиих, и не только тайн Божиих, но и тайн того мира, в котором мы живём. Человек не может быть оторван ни от мира видимого, ни от невидимого, ибо он стоит на грани того и другого, ибо он создан от земли, из вещества, из твари видимой и тленной, но в него вложена душа, дух ангельский; как говорит один из святых отцов, это есть ангел во плоти⁵⁷. Человек совмещает в себе оба мира, соединяясь с одним своим видимым телом и восходя к другому через свой невидимый бессмертный дух. Мы слышали в предпразднственной службе Рождества, что Христос идёт человека, падшего на земле, снова возвести на небо.

Человек не оторван от видимой природы. Днесь открывается тайна Богоявления, а также и тайна освобождения Христом от греха не только человека, но и всего мира. Христос явился, как воспевали мы в эти предпразднственные дни, облечь человека в первую одежду, в ту одежду, в которую облечён был первый человек при творении и о которой говорит Великий канон Андрея Критского: «Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель из начала, и оттуду лежу

наг»⁵⁸. Но этого мало: «Христос явился, всю тварь хотя обновити»⁵⁹.

Эта неотделимость человека от твари проходит через всё богослужение. Сегодня ещё мы молились: «Помилуй нас и мир Твой...» Мы в христианском сознании не отделяем себя от того мира, в котором живём, и Христос явился на Иордан не только для того, чтобы восставить падшее человеческое естество, но и обновить всю тварь через естество водное. «Ты во Иордане крещься, Спасе наш, воды освятил еси, дланию раба рукополагаемый, и страсти мира исцеляяй...»⁶⁰

Но почему именно через воду освящается мир?

Вода с самых первых дней творения является одухотворяющим, освящающим естеством.

Ещё не было мира, а Дух Божий носился над водами (см.: Быт. 1:2), как над самым чистым. Господь создал воду для того, чтобы её положить освящающим, очищающим, оживотворяющим естеством. Водой был потоплен грех при Ное⁶¹, водою же была попалена жертва принесённая праведником⁶². Через воду в Ветхом Завете совершалось очищение. *И окроплю вас чистою водою,—* говорит пророк Иезекииль, открывая тайну духа, *— и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое и, дух новый дам вам* (Иез. 36:25–26).

Водное естество освящается для того, чтобы через себя освятить, прежде всего, человека. Каждый из нас при духовном рождении освящается иорданским крещением, ибо иорданским освящением освящается вода для Таинства крещения.

Но этого мало. Не только человек очищается водою при рождении, но через то же водное естество освящается и вся природа.

Человек лишь венец творения, высшая точка его, и всё, на что накладывает он свою греховную печать, заражается тем же грехом. Через человека находится во грехе вся природа. *Тварь с нами совоздыхает и соболезнует даже доныне* (Рим. 8:22), — говорит апостол Павел. Поэтому Господь освятил водное естество, чтобы через него освятить и всю природу. Мы совсем забываем, насколько тесно мы связаны с миром горним, с

ангелами и святыми, забываем об этой связи, без которой нет Церкви нашей, без которой не можем ни совершать богослужения, ни надеяться на вечную жизнь.

И с миром дольным мы также не чувствуем связи. Мы считаем, что существуют отдельно человек и природа. В лучшем случае мы ещё признаём, что природа живёт, что живут растения и животные, так как уже трудно отрицать. Но мы потеряли то, о чём надлежало бы знать: Бог сотворил мир, Он есть Жизнь, и все, что сотворено Им, Им живёт – или Бога нет вовсе. Бог в творении, прежде всего, является как Жизнь, и это для нас, верующих, открывается именно сегодня, когда мы предстоим здесь вместе с Иоанном Крестителем, которому воспевали, чтобы он встал с нами и запечатал бы наше пение, чтобы он снова возвёл свой взор к Духу Святому и духовно соединился с нами в этом великом богослужении: «Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с неюже и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к нему, Крестителю, яко дерзновение имея много, ибо болий пророк всех от Него свидетельствован еси. Очи же твои паки, Всесвятаго Духа видевшия, яко в виде голубине сошедша, воздвигни к Нему, Крестителю, и милостива нам содей, и прииди, стани с нами, запечатаяй пение и предначинаяй торжество»⁶³.

Сегодня праздник не только людей, которые при крещении получают одежду нетления, но и праздник всей природы, ибо и природа «да облечется в одежду свою первую», ибо и она живёт и заражается от нас нашим грехом.

Если каждый из нас, имея сознание может, и должен каяться, и каясь, как верит Святая Церковь, облачается в одежду нетления, то для природы также должно быть очищение от того греха, который мы в неё вносим, и это очищение даётся ей через великий праздник Крещения Господня, когда вся тварь через водное естество обновляется. Одинаково и к горам, и к холмам, и к светилам небесным, и к мразу, и к инею, и к ангелам, и к «человеков множеству» обращается Святая Церковь, призывая их «петь и превозносить Господа» (вечерня Великой Субботы). Но высшую ступень в этом творении

занимает человек, в особенности же те, кто прославлен – преподобные и праведные и смиренные сердцем.

Сегодня мы совершаем великое освящение воды, совершаем не только как люди, которые собрались в этом храме для того, чтобы здесь помолиться и вспомнить когда-то происходившее, вспомнить, что когда-то Господь пришёл креститься от Иоанна. Церковь снова раскрывает нашу связь со всей природой. Вот этой связи мира видимого и невидимого, между человеком и стихиями, между человеком и миром мы, грешные, скверные, не чувствуем – и оттого-то мы так одиноки, оттого-то мы не понимаем богослужения, которое совершаем.

Разве можно говорить, что есть человек и мёртвая материя, когда водою совершаем мы Таинство крещения, – через эту воду, через материю как через вещество совершается рождение вновь, духовное рождение. Эта самая обыкновенная вода получает духовные дары благодати, она освящается, и через неё мы освящаемся. Другое великое Таинство – миропомазание – совершается через миро. Миро – простое благоуханное вещество, но оно, освятившись, приобретает те свойства, которые дают нам, миропомазанным, дары Святого Духа. Вот хлеб и вино, освящённые и предложенные, они являются как Тело и Кровь Господа, и они нас делают Телом Христовым, когда мы ими приобщаемся, как говорит Иоанн Златоуст⁶⁴.

Стало быть, эта связь наша с видимой природой так тесна, потому что всё, что живёт, живёт как создание Божие, живёт Своим Творцом – Истинной Жизнью.

Нам надо в этот праздник освящения водного естества помнить, что человек стоит на грани двух миров: мира невидимого, с которым он связан своей бессмертной душой, духом (этот мир возводит нас к ангелам и бесплотным духам), и мира видимого – через тело своё, которое является проводником благодати Духа Святого в душу и которое становится таким же бессмертным, как и душа, если мы живём во Христе. Мы – малый мир – носим в себе соединение двух великих миров.

В этот величайший день Церковь верует, что Господь снова крещается и обновляет Собою водное естество, и через то

обновляется вся природа и получает снова свою одежду первую, какую и мы получили в крещении, но после загрязнили своими падениями, а затем Господь по милости Своей через Таинства покаяния и причащения снова сотворяет её нетленной.

Наша величайшая обязанность в этот праздник – почувствовать свою связь с обоими мирами, с миром горним и миром дольным. Эта вода, которая живёт и несёт в себе освящение, истинное нетление, омывая нас *банею пакибытия* (Тит.3:5) в Таинстве крещения, даёт нам духовное рождение, освящает и неодушевлённую, и одушевлённую тварь: и растения, и животных – всю природу, которую человек в своей слепоте называет мёртвой.

Мы должны помнить, что мы не отдельно существуем, что мы связаны с этим миром как его венец и что этот мир мы должны поднять до невидимого (Григорий Богослов)⁶⁵, должны поднять до души прежде всего через своё тело; мир, лежащий во зле (см.: 1Ин. 5:19), должны мы очищать и не загрязнять вновь и вновь своим грехом.

И в этот день не одиноки мы, не одни только собравшиеся здесь люди, но вся Церковь, видимая и невидимая, и человек, и ангелы славят пречестное и великолепое Имя Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Неделя о мытаре и фарисее

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

По милости Божией мы снова у дверей Великого поста. Сегодня Святая Церковь даёт нам то песнопение, которое указывает нам, что для нас вновь наступает благоприятное время для покаяния: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет дух мой ко храму святому Твоему»⁶⁶.

В дни подготовительные к Святому посту Святая Церковь ведёт нас прежде всего от нас самих, ибо если мы подходим к Богу, если мы желаем идти к Нему и жить Им, то прежде всего это наше решение, наша воля. И первую неделю она посвящает образу мытаря и фарисея, даёт, прежде всего, человеческое состояние для того, чтобы в следующей неделе показать Божие произволение и привести нас тем же путём покаяния к Отцу Небесному.

Два человека вошли в храм помолиться (Лк. 18:10), – начинает притчу Господь, и в этой молитве Он раскрывает состояние того и другого. «Молитва есть зеркало духовного устройства, – говорят святые отцы.– Посмотри в это зеркало, посмотри, как ты молишься, – и ты можешь сказать безошибочно, каково твоё духовное устройство»⁶⁷. Не случайно Господь даёт эти два образа на фоне молитвы, ибо в ней наиболее открываются наши хорошие и тёмные стороны, духовное умирание и духовное возрастание, не случайно и Триодь постная начинается с многозначительной стихир: «Не помолимся фарисейски, братие».

Фарисей – исполнитель закона, соблюдающий все церковные уставы, приходит и молится в благодарении: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю даю, десятую часть из всего что, приобретаю (Лк. 18:11–12), – и вот я прихожу и благодарю Тебя.*

А вот другой – мытарь. Он, по-видимому, ничего не исполняет от закона, но, чувствуя своё ничтожество, только

бьёт себя в грудь и молится: *Боже, милостив, буди мне, грешнику* (Лк. 18:13).

Святая Церковь открывает нам духовно-душевный смысл того и другого состояния.

В древних книгах и на старых народных картинах, – как мы можем видеть изображение мытаря и фарисея, изображается фарисей, мчащийся на колеснице, и мытарь, идущий пешком, – стремятся они оба в Царствие Небесное.

Один из тропарей пятой песни сегодняшнего канона раскрывает нам как раз ту же самую картину: «На колеснице добродетелей мняшеся теши фарисей; но пеший паче лидийския колесницы текий, мытарь добре предвари, припряг щедроте смирение».

Вот на лидийской колеснице добродетелей мчится фарисей – он все исполнил; а вот мытарь, который ничего не делает, припрягая своё смирение, предваряет фарисея. Господь говорит, что вышли они из храма и мытарь был более оправдан, нежели фарисей.

Вот эти два различных состояния – с одной стороны, молитва, начинающаяся с благодарения: «Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как все прочие». Это как будто призывание Бога, а на самом деле – утверждение своего «я», ибо середина гордости, по Иоанну Лествичнику, есть «бесстыдное проповедание своих трудов»⁶⁸. Господь ведь знает его душу, а он говорит: Я не таков, как все прочие – обидчики, прелюбодеи, унижая и ближнего своего: «Я не таков, как этот мытарь». Фарисей как будто и верит и любит Господа, как будто ищет Его помощи, а на самом деле унижает ближнего и бесстыдно проповедует свои труды, он подходит уже к величайшей степени гордости – отвержению Бога.

Зачем ему Бог, когда он всё выполнил и только хвалится перед Богом своими добродетелями. Иоанн Лествичник говорит, что «страсть [гордости] получает пищу от благодарения»⁶⁹. Пока фарисей молится, но ещё немного, и он перестанет молиться, потому что молитва есть стремление к Богу, чтобы получить от Него помощь. «Видал я людей, – говорит Иоанн Лествичник, – устами благодаривших Бога и возносившихся в мыслях своих. О

сем ясно свидетельствует фарисей, сказавший: *Боже, благодарю Тя (Лк. 18:11)*⁷⁰.

Это состояние человека, который в основу своей духовной жизни полагает свои добродетели, их выставляет и бесстыдно проповедует, унижая ближнего.

А есть и другое состояние: авва Антоний сказал однажды авве Пимену: «В том состоит делание человека, чтобы грехи свои полагать на главу свою перед Богом»⁷¹. Это подход к Богу грешника, а не праведника, подход к Богу того, кто нуждается в Нём, чтобы Им очистить свои грехи. Поэтому-то мытарь и молится: Боже, милостив буди мне грешному – это он нуждается в Боге, он просит, понимая, что ничего ещё не сделал, он не проповедует своих, может быть, и имеющих добродетелей, не их, а грехи свои полагает на главу свою перед Богом.

В первой песни канона есть тропарь, изображающий это состояние человеческой души: «Всякое благое от возношения истощается, всякое же злое от смирения потребляется».

Гордость есть уничтожение добродетелей, «потопление пристани», как говорит Иоанн Лествичник⁷².

Мчится фарисей на лидийской колеснице и надеется на ней прийти в Царствие Небесное, его колесница снабжена всем необходимым для достижения цели, но в последний момент она ломается, и мы видим на древних картинках, что пешеходящий мытарь его перегоняет.

Нам надо соединить и то и другое. Возьмем, прежде всего, от фарисея пример исполнения закона: «Фарисеевым добродетелем потщимся подражати». Но мало этого. Если бы мы так стали работать для Господа, то в этой работе были бы подобны человеку, который, по словам Иоанна Лествичника, «думает выплыть из пучины, плавая одной рукою»⁷³. Но нам нужно ещё совокупить мытареву смирение.

Вот, братие, смысл нашего сегодняшнего богослужения: «фарисеевы добродетели потщимся подражати, и поревновати мытареву смирению, в обою ненавидяще безместное мнение, и пагубу падений»⁷⁴. Пусть у нас будет ненависть и к возношению фарисея, и к падению мытаря. Мытарь вышел более

оправданным, но это не значит, что он уже в Царствии Небесном. И вот Ефрем Сирин, учитель покаяния, тот, кто особенно нам близок в эти дни, заповедует нам в своей молитве зреть наши прегрешения и не осуждать брата. Один святой отец, когда позвали его судить согрешившего брата, вышел, взял большой мешок песку и нёс его за спиной, а перед собой держал маленькую корзиночку, в которой было немного песку, и когда его спросили, что это значит, он отвечал: «Этот мешок – мои грехи, и я их оставил позади себя, так как я в них раскаялся, а эти немногие грехи брата передо мной, и я смущаюсь ими»⁷⁵.

Для того чтобы идти путём правым, мы не должны хвалиться добродетелями, ибо они от Бога, не смотреть на грехи брата, а всё внимание обратить на огромный мешок своих грехов.

Если мы будем смотреть на свои грехи, то мы придём на молитву не как фарисей, а подобно мытарю и будем просить: «Боже, милостив буди мне грешному».

Только в таком состоянии мы сможем подойти ко второй неделе, о блудном сыне, ибо тогда только примет Господь блудного сына, когда он придёт, как мытарь. Фарисею не нужен отец, он сам уже всего достиг. А тот, кто плачет о своих грехах и не видит чужих, тот может прийти, кинуться в ноги Отцу и сказать: «Приими меня хотя бы в число наемников Твоих».

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Раскрывая вам притчу о мытаре и фарисее (см.: Лк. 18:9–14), я говорил, что подход их к Богу различен в том смысле, что фарисей несёт Ему свои добродетели, гордясь ими, а мытарь, как поучает Антоний Великий, возлагает на главу грехи свои и с этой повинной головой восходит к Богу.

Для нас, которые не имеем и помину о тех делах, которыми богат фарисей, и которых Церковь призывает подражать делам последнего, для нас, находящихся ещё в гордости житейской, в гордости мирской, – ибо мы гордимся даже не духовными своими богатствами, а только внешними дарованиями и способностями, одеждой, – для нас особенно важно в дни, когда Святая Церковь через эти притчи готовится нас ко входу в Великий пост, понять, что даже молитва наша тщетна, тщетны добрые дела наши, если они совершаются не для Бога, а для мира. Ибо и фарисей, как говорит Евангелие, любит всё делать напоказ, желает председательствовать на сонмищах и предвозлежать на пиршествах, проповедовать и учить (см.: Мф. 23:6–7). Таким людям, а в особенности нам, не имеющим и дел фарисеевых, надо помнить, что «тщетна молитва тщеславного»⁷⁶, тщетно всякое доброе дело, делаемое напоказ, бесполезна и добродетель такого человека, ибо она остаётся без наград. Тщеславие в своей основе есть «упование на своё тщание»⁷⁷ и «отвержение Бога», «отгнание помощи Божией»⁷⁸. Ибо, делая

что-либо напоказ, я совершаю это вовсе не для того, чтобы воздать должное Богу, возратить ему приумноженный талант – «это Твоё», но для того, чтобы люди меня хвалили. Этим я только утверждаю своё «я», ибо люди мне нужны здесь только для того, чтобы они мне воздали хвалу. Это «видимый» идол, как говорят святые отцы. Я служу здесь не Богу, а людям, но им-то служу не для них, а для себя. Фарисей уже отвергает Бога, он приходит и говорит: *Благодарю Тебя, что я не таков как, прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как*

этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего что, приобретаю (Лк. 18:11–12). Стало быть, я хорош. Ты меня создал, я ещё Тебя благодарю, Твоя помощь, может быть, нужна тому мытарю, но не мне, я ещё кланяюсь Тебе, но Ты мне уже не нужен. Это отношение человека, который во главу жизни ставит своё «я», свою добродетель.

Нам необходимо знать, с чем мы войдём в Великий пост. Из внешнего делания – наложения на себя поста, хождения в храм, долгих стояний – может ничего не выйти. Ибо тот же самый пост можно предпринять для себя, для своего тщеславия, не для Бога, а для того, что я так делаю. Такой пост особенно если он напоказ, – тщетен.

Мытарь и фарисей несут в себе оба истинное делание, но они в самих себе исключают друг друга. Фарисей исполняет закон, и закон трудный, ибо нелегко следовать всем предписаниям закона, хотя бы и Ветхого, но тщетно это, ибо у него нет смирения, ибо это есть утверждение своего «я». А мытарь, может быть, ничего не делает, никакими добродетелями ещё не приукрашен, он не едет, как фарисей, на колеснице добродетелей, но он имеет смирение, т. е. уже истинное христианское делание.

Одному святому отцу встретился диавол и сказал ему: «Во всём я подобен тебе, кроме одного: ты не спишь, и я бодрствую, ты постишься, и я ничего не ем, но ты побеждаешь меня смирением»⁷⁹. Христово учение познаётся не делами, а смирением. Я могу накормить кого-нибудь во имя Божие, не приписывая ничего себе, и я буду иметь в этом случае истинное христианское делание. А если я буду делать то же самое, но по каким-либо другим соображениям, для каких-нибудь других целей, каковы бы они ни были, дело это будет делом не Христовым, а сатанинским. Иди, обучайся и у фарисея, и у мытаря, говорит Святая Церковь: у одного учись его делам, но отнюдь не гордись, ибо дело само по себе ничего не значит и не спасает, но помни, что и мытарь ещё не спасён, а является только более оправданным перед Богом, чем украшенный добродетелями фарисей.

Только если так пойдём, мы можем рассчитывать, что не напрасен для нас будет Великий пост. Ибо все мы, верно, не раз жалели, что тщетно мы иждиваем не только всё житие наше, но в особенности пост. Каждую минуту можно проверить себя, кто ты таков, – проверить на молитве. Христос не напрасно дал образы фарисея и мытаря на молитве, а не в делах. Молитва есть зеркало душевного устройства. Посмотрите, братие, на себя, на вашу молитву, и вы увидите, кто вы такие. И когда вы на молитве не будете благодарить Господа за свои успехи, а будете думать о массе своих грехов, которые один святой отец изобразил для поучения братии в виде огромного мешка песку, невидимого нам, так как он находится за нашей спиной, а не о грехе брата нашего во Христе, который он уподобил маленькой корзиночке, несомой перед собой⁸⁰, если наш духовный взор мы будем направлять на свои грехи и, вставая на молитву, будем просить о помиловании, как рабы неключимые (см.: Лк. 17:10), а не как служащие, которые по обязанности раскланиваются с начальством, тогда и молитва наша покажет нам наше устройство.

Смирятье себя в эти дни, посмотрите на себя, на свою душу, какие в ней гадости, мерзости, обратите ваше внимание на те страсти и грехи, которые мы в себе носим и лишь стараемся скрыть от окружающих, – только при этом условии можем мы идти к Господу как блудные кающиеся дети и просить, чтобы Он был милостив к нам грешным.

Пусть каждый из вас за эти дни выправит свою молитву, потому что без молитвы, без покаяния мы не христиане.

Умоляю вас, братие, подумайте об этом.

Мы обычно не так делаем. Если нет у нас дел, мы создаём их себе в мечтах и мечты начинаем считать за действительность. А мы должны смиряться. И если будем смиряться, тогда, если и скорби придут к нам, мы будем только благодарить Господа: «Слава Тебе, потому что Ты смирил меня».

Нам необходимо заняться своей душой. Умоляю вас, братие, пусть и мытарь, и фарисей не пройдут мимо вас. Давайте, повинувшись Святой Церкви, подражать делам фарисея,

но всё хорошее приписывать не себе, а Богу, а всё гадкое и скверное считать за своё. Тогда не с пустыми руками войдём мы в Великий пост и от всего сердца будем вместе с творцом Великого канона – Андреем Критским – взывать: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Аминь.

Память преподобного Феодосия Тотемского

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы творим память святого, близкого и дорогого нашему храму, которому мы молимся каждый день, имя которого произносится на каждом отпусте.

Этот святой с первого взгляда ничем не отличается от целого ряда других русских святых, многие из которых удалялись в пустыни, многие, как и он, были строителями монастырей.

Но этот угодник Божий, Феодосий Тотемский, может быть, особенно близок нам оттого, что выявил одно свойство, которое и воспевается в тропаре: «славу суетную яко прах вменив».

О какой славе говорится здесь?

«Есть слава, – говорит Иоанн Лествичник, – от Господа, ибо сказано в Писании: *прославляющая Мя прослаблю* (1Цар. 2:30); и есть слава, происходящая от диавольского коварства, ибо сказано: *горе, егда добре рекут вам еси человецы* (Лк. 6:26). Явно познаешь первую, когда будешь взирать на славу, как на вредное для тебя, когда всячески будешь от неё отвращаться и, куда бы ни пошёл, везде будешь скрывать своё жительство. Вторую же можешь узнать тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди»⁸¹.

Вот эту вторую славу Феодосий Тотемский «яко прах вменив», ибо он искал славы иной, славы вечной, к которой все должны стремиться и которая ожидает человека не только на небе, но и приходит к нему уже на земле. Мы же все стремимся к славе человеческой, которую Иоанн Лествичник называет тщетной, именует тщеславием⁸².

Мы почти ничего доброго не делаем, но если случится, что и сделаем что-нибудь совсем маленькое и ничтожное, то стараемся, чтобы люди видели нас, говорили о нас и чтобы это маленькое понемногу доставило нам славу, ибо мы любим *предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах* и чтобы звали нас *учителю, учителю* (Мф. 23:6–7). Если у нас есть что-нибудь хорошее, то мы должны хранить его внутри

себя, ибо это Господь нам даёт. Когда будешь всячески отворачиваться и бежать от славы человеческой, скрывать своё истинное лицо, вот тогда ты узнаешь истинную славу. Если же мы делаем всё для других, ища славы человеческой, то мы ничего не получим.

Феодосий Тотемский всю свою жизнь бегал от человеческой славы. Он в юности ещё хотел уйти в монастырь, но, покорясь воле родительской, в душе инок, вступил в брак. Он жил в миру строгим аскетом и молитвенником, постоянно бывая в церкви, пока не умерли его жена и родители. Тогда, отдав свою маленькую дочь Марину на воспитание родным, он, наконец, исполнил своё давнишнее желание и поступил в монастырь. Тут он продолжал свои подвиги, но о них никто не знал до его смерти. Никто не знал о его веригах и власянице, всегда видя его бодрым и радостным.

Он любил читать святых отцов, и особенно Ефрема Сирина. До конца своей жизни он отказывался от священнического сана, ибо боялся суетной мирской славы и бежал от неё.

Мы любим, чтобы нас хвалили и отличали, а святые отцы говорят о том, что надо быть мёртвым к похвалам человеческим. Мы желаем земной славы и теряем славу небесную. А по мере того как мы уходили бы от этой славы суетной, мы входили бы в славу Божию. Всякая слава человеческая сопротивляется смиренномудрию.

«Если мы усердно хотим угождать Царю Небесному, то, без сомнения, и славы небесной вкусим; а вкусивший её будет презирать всякую земную славу; и я удивился бы, если бы кто, не вкусивши первой, мог презреть последнюю»⁸³. Для нас, для кого это не пустые слова, нужно, чтобы в этот день встала перед нами вся наша внутренняя грязь, и пусть для каждого будет великой радостью, если кто будет плохо о нас говорить. И если то совсем маленькое доброе, что мы делаем, мы будем делать втайне от людских взоров, тогда мы пойдём по тому пути, по которому шёл преподобный Феодосий Тотемский.

Аминь.

Неделя о блудном сыне

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь зовёт нас вступить в великую школу Великого поста, зовёт, прежде всего, через опыт святоотеческий, собранный в книге, которую я держу в руках, и которая носит имя «Триодь постная». В этой книге заключается богослужение приговорительных недель и всех седмиц Великого поста. Этой книги мы не знаем, вряд ли кто из нас понимает, какое великое значение имеет она и в самом прохождении школы святой Четыредесятницы.

«Триодион», сокращённо «Триодь», значит «Трипеснец». Те, кто с богослужением хоть немного знакомы, знают, что во время Великого поста употребляются особые каноны из трёх песен. Эти каноны начали входить в обиход с VII и VIII веков. Писали их Андрей Критский, господин Иосиф⁸⁴, Косма Маюмский и другие.

Трипеснцем они называются потому, что состоят из трёх песен в честь Святой Троицы. Большинство из нас слышит их только на Страстной неделе, на утрени. Кроме Триоди постной есть ещё Триодь цветная, заключающая в себе богослужение с первого дня Пасхи до Пятидесятницы. Прежде чем ввести нас в великую школу поста, Церковь готовится нас к вхождению в неё тремя особыми неделями. Одна из них, которую мы уже прошли, Неделя о мытаре и фарисее, затем Неделя о блудном сыне, в которую мы только что вступили, и, наконец, Неделя о Страшном Суде. Эти недели дают нам основу христианского делания, которое есть смирение, ибо только нищие духом войдут в Царствие Небесное – *Блажени нищии духом; яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5:3). Церковь во образе мытаря и фарисея показывает нам, каково должно быть наше делание, если мы хотим начать новую жизнь, жизнь во Христе. Фарисей чист перед законом Моисеевым: он не грабит, не прелюбодействует, даёт милостыню и положенную десятину своего имения и вот в своей гордости он приходит и благодарит Бога: «Благодарю Тя, Господи, что я не таков, как этот мытарь».

А рядом с ним – мытарь, который ничего не сделал, который находится во грехе и ничего не может противопоставить делам фарисея, ибо, когда фарисей говорит, что он не таков, как тот мытарь, он говорит правду. Однако его подход к Богу иной, он в сознании своей греховности являет нищету духовную. И он, говорит евангелист, вышел из храма более оправданным, чем фарисей. Состояние фарисея и мытаря должно быть положено в основу делания. «Подражай делам фарисея и смирению мытаря»⁸⁵, – говорит церковный опыт.

Если ты в чём преуспеваешь – это дар Божий. Имеет ли человек добрые дела или нет, подход его к Богу должен быть один: сознание своей греховности, ничтожности и не осуждение других. *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18:11) – буди милостив не к этому мытарю, который там стоит, а ко мне, грешному.

Если ты хочешь вступить в школу Великого поста, то пойми, что ничему не научишься ты здесь, если не будешь иметь подхода мытаря, а подход этот требует смирения и не осуждения.

Ну а Бог?

Неделя, в которую мы вошли, показывает, как Бог подходит к тому, кто с покаянием к Нему приходит. Господь идёт Сам встречать блудного сына. Если у человека есть смирение и сознание своей греховности, есть решимость стать на путь добрый и исполнение её, если в смирении он кается и посрамляется перед Богом, перед людьми, то Господь принимает его, даёт ему перстень на десницу его и облакает в первую нетленную, богоданную одежду (см.: Лк. 15:11–32).

Господь долготерпелив и многомилостив (Пс. 102:8; 144:8). Тот, Кто пришёл на землю «нас ради человек, и нашего ради спасения», Кто был за нас распят при Понтийском Пилате и погребён⁸⁶, Кто пришёл *призвать не праведников, а грешников к покаянию* (Мф. 9:13; Мк. 2:17; Лк. 5:32), Тот каждого кающегося грешника примет в Свои объятия и дарует ему утраченное богатство (ср.: Лк. 15:10). Церковь говорит: «иди в смирении, и Господь примет тебя, радуйся, что есть ещё возможность принести покаяние». Но только Церковь, как

великий педагог, раскрывает и другую сторону Богочеловеческого отношения. Мы верим, что Господь послал Сына Своего на землю умереть, но мы верим также, что настанет час и Он придёт судить живым и мёртвым⁸⁷. Тем людям, которые получили вновь радость благодатного общения со Христом, Церковь напоминает и об ином: в следующую неделю она творит память Страшного Суда, а перед тем приводит нас к усопшим братьям и сестрам по плоти. «В субботу мясопустную память совершаем всех от века усопших православных христиан, отец и братий наших»⁸⁸. Почему именно теперь? «Понеже на утрешний день хотяху положить Второе Христово пришествие; согласно сему и душам память сотворяем, Господа, яко страшного и нелицеприятного Судию умоляюще, обычную милость к нам употребите и в обетованном наслаждении тех учините»⁸⁹.

Церковь не только творит память тех событий, которые уже были, но с верою и дерзновением простирается к грядущему и творит память страшного Второго пришествия. В этот день мы встретимся прежде с теми, кто теперь мёртв, а тогда воскреснет из гроба. Пока мы ещё здесь, на земле, мы находимся в хороших условиях для спасения, нам Христос ещё даёт время на покаяние и воспитание себя для Царствия Божия, а они, умершие, уже ушли, и возврата им нет, они ничего не могут более сделать для своего спасения, и они требуют, они умоляют нас о помощи, о молитве.

Поэтому Церковь творит им память: «От века умерших, всех по имени, верою почивших благочестно, днесь память сотворяюще, вернии, Спаса и Господа воспоим, просяще прилежно, да сподобит сих в час суда ответ благий дати Тому, Богу нашему, Судящему всей земли, десное Ему предстояние получите в радости, в части праведных и во святых жребии светлем, и достойны быте Небеснаго Царствия Его»⁹⁰. Для нас, которые войдут в воскресный день в общение со Страшным Судом, Церковь даёт возможность соприкоснуться со всеми усопшими: «От всякаго, яже приял еси, рода и рода в царех, в князех, или монашествующих православных, Щедре, вечнаго избави мучения»⁹¹. С людьми всякого возраста: Вся презираяй

плотския долги наша, Спасе наш, во всяком возрасте всего рода человека пред судищем Твоим постави неосуждены, Тебе Создателю отвечающая»⁹². Мы сталкиваемся со всеми возможными смертями, в особенности с «напрасною», т. е. внезапною, смертью: «Яже покры вода, и брань пожат, и трус же яже объят, и убийцы убиша, и огонь яже попали, верныя, Милостиве, в части учини праведных⁹³; напрасно восхищенные, попяляемые от молнии, и измерзшия мразом, и всякою раною, упокой, Боже, егда огнем вся искусиши»; « ихже всякое естество морских и птиц небесных, прият снедение, Христе, Твоими судьбами, воскреси, Боже, в последний день со славою»⁹⁴.

Она просит о всех наших отцах, праотцах, детях, почивших о Господе: «Отцы и праотцы, деды и прадеды, от первых и даже до последних, во благозаконии умершия и благоверии, вся помяни, Спасе наш», а более всего о тех, «кто в горе, на пути, на местех пустых житие оставльшия в вере, монахи же и бельцы, юноши и старцы, со святыми, Христе, всели», «яже уби меч и конь совосхити град, снег и туча умноженная; яже удави плинфа, или персть посыпа, Христе спасе наш, упокой⁹⁵; яже убиша чаровная напоения, отравы, костная удавления, со неизглаголаннныи Твоими судьбами, со святыми, Господи, упокой»⁹⁶.

Это одна из самых потрясающих служб, если принять её так, как понимают её святые отцы, т. е. думать, что завтра настанет Второе пришествие, а сегодня мы молимся ещё о тех, кому можем помочь своей молитвой, своей любовью. И Святая Церковь, перед тем как ввести нас в общение со Страшным Судом Божиим, даёт нам возможность творить память отец, братьев и сестер наших, всех близких, всех, кто с нами будет предстоять Страшному Суду Божию. Тогда соберутся все люди «от конца и до конца земли», «егда приидеши суд праведный сотворити, Судие праведнейший, на престоле славы Твоея седяй, река же огненная пред Твоим судилищем всех ужасающе потечет, предстоящим Тебе небесным силам, человеком же судимым во страхе, якоже кийждо содела: тогда нас пощади, Христе, и части спасаемых сподоби, яко благосерд, верую молим Тя». Пощади нас, ибо мы здесь уже предвосхищаем Твой

суд испытанием своей совести: «Книги разгнутся, явлена будут деяния человеков, пред нестерпимым судилищем; восшумит же юдоль вся страшным скрежетанием плача, видящи вся согрешившия в вечнующие муки судом Твоим праведным отсылаемы, и все плачущия, Щедре. Также молим Тя, Блаже: пощади нас, поющих Тя, едина Многомилостиве». «Возгласят трубы, и истощатся гроби, и воскреснет человеческое все естество, трепеща; добрая содеявший радуются в радости, чающе мзду восприяти, согрешивший же трепещут, люте рыдающе, в муку посылаемы, и от избранных разлучаемы. Господи славы, ущедри нас, яко Благий и сподоби части возлюбивших Тя»⁹⁷.

Этот страшный день для нас, когда мы предстанем Господу славы, Святая Церковь в своём дерзновении предвосхищает и раскрывает перед нами, чтобы нас приготовить к Святому посту. Да, Христос пришёл на землю, принял за нас поругание, поношение, оплевание и позорную смерть, и каждого из нас в покаянии приходящего примет Он как блудного сына, но настанет для нас момент, когда уже ничего мы не сможем сделать для своего спасения, ибо земля есть место нашего воспитания – спастись мы должны теперь. Феодор Студит в своём каноне на этот день «Помощник и покровитель бысть мне во спасение» воспевает: «День страшный всенеизглаголаннаго Твоего пришествия помышляя страшуся, ужасался провижду, в оньже сядеши судити живым и мертвым, Боже мой, Всесильне».

Мы не верим в Страшный Суд, иначе он всегда бы был перед нашими глазами, иначе был бы нам понятен вопль: «Гряди, приими, душе моя, той час и день, егда Бог яве приидет; рыдай, и плачи, да обретешися чиста в час испытания»⁹⁸. Так верили и говорили святые отцы. Сейчас, пока ты ещё на земле, ты ещё можешь покаяться и начать новую жизнь. Церковь ещё здесь, на земле, приводит нас к Страшному Суду, ибо «совесть есть наше домашнее судилище», – говорит святитель Григорий Богослов⁹⁹.

Стало быть, в богослужении подготовительных к Великому посту недель раскрывается, с одной стороны, подход человека к Богу – через покаяние, смирение и не осуждение, а с другой –

Бога к человеку, во-первых, милосердие Божие, принятие каждого из нас как блудного сына, – это тот член Символа веры, который говорит: «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате», а во-вторых, день Страшного Суда – «и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым»¹⁰⁰.

Прежде чем указать нам путь, по которому мы должны идти, Святая Церковь открывает перед нами конец его и конец всего мира.

Как же нам идти?

Мы должны идти путём первого согрешившего человека. Святая Церковь от конца мира возвращает нас к творению первого человека, его падению и покаянию.

Так начинается сырная неделя.

Трудно идти, и Церковь даёт нам образ тех, кто до нас шли и пришли ко Господу, а также и тех, кто шли и не пришли не потому, что не было у них дел, но потому, что жили они в Ветхом Завете, до пришествия на землю Сына Божия, отверзшего нам райские двери. Эта сырная неделя, во время которой мы на весь пост запасаемся весельем и разгулом, жизнью мирской, есть уже седмица, переходная к посту. В эту седмицу в среду и пятницу уже не совершается литургия, уже не освящаются хлеб и вино и не претворяются в Тело и Кровь Господа. (Великим постом же в эти дни Таинство также не совершается и вместо литургии Иоанна Златоуста служитя литургия Преждеосвященных Даров. В эту же неделю начинают читать молитву «Господи и Владыко живота моего»¹⁰¹.

Святая Церковь, заканчивая предуготовление нас ко вступлению в Великий пост, даёт нам образы ветхозаветных праведников. Все они находились в аду до того времени, пока воскресший Господь не сошёл туда и не вывел их. Не их была в том вина. Они были великими праведниками, и Святая Церковь на утрени среды сырной величает их, воспевая: «Авраам добродетелию и страннoлюбием Троицу прият, ангельски пришедшую»¹⁰², «Постився древле Моисей на горе Синайстей, Боговидец явися», Исаию, Даниила и трёх отроков: «Пощением иногда мудрый Исаия, угля онаго клещею вкушает, егда ко устам его прикоснуса», «постився древле Даниил, и трие

отроцы вкупе, челюсти львов сокрушивше, горящий пламень попраша»¹⁰³.

В то время, когда предаёмся мы разгулу и веселию, Святая Церковь даёт нам образы тех, кого «честное пощение спасло есть»¹⁰⁴. Постився древле Иосиф, смещения избеже беззаконныя жены, и царство улучи¹⁰⁵. Она говорит об Иовлевом мужестве, о Иаковлем незлобии и т. д.: «Сохраним и мы добродетели их, Иовлево мужество, Иаковле незлобие, веру Авраамову, целомудрие Иосифово и Давидову доблесть»¹⁰⁶ – и этим напоминанием Церковь показывает нам, что мы не первые, кого зовёт Христос. В Ветхом Завете уже шли путём борьбы с грехом, путём желанья жить в Боге, путём покаяния. Церковь говорит о покаянии ниневитян, Ионы и других: «Иону в ките честное пощение некогда спасло есть», «ниневитяне же паки гнев Божий претвориша теплым покаянием и любовью»¹⁰⁷.

А затем в субботу Церковь даёт уже нам образы из Нового Завета, образы тех, кому святоотеческий опыт учит нас подражать.

В субботу сырную, когда безобразие жизни мирской достигает своего предела, она воспевает: «Приидите, вси вернии, преподобных отец лики воспоим, Антония верховнаго, светлаго Евфимия»¹⁰⁸, «Радуйся, Египте верный, радуйся, Ливие преподобная, радуйся Фиваидо избранная»¹⁰⁹. И дальше она указывает нам образы, которые даже нам, мало знающим, говорят много: «Вси в песнях духовных, в подвизех просиявшия, божественныя отцы наша воспоим согласно, яже изнесе Египет, Фиваида, и Ливия, всякое место, и град, и страна»; «Радуйся, монахов первоначальниче, Антоние преславне, Аммуне богоносне, нитрийская славо, Арсение ангеле, державо безмолвия и Аммоне духоносне». Всякий, кто хоть немного читал «Древний патерик», знает эти имена. А вот и «Аполлос Великий, послушания же светы Афре и Акакий, с сими и Аввакир просияет, якоже некая денница», «Песньми восхвалим священиками Великаго Афанасия, в горе Афонстей светло постившагося, светильника превеликаго всея вселенныя, егоже молитвами вси спасаемся»¹¹⁰. Те, кто оставил нам пример смирения и покаяния: «Хвалимь буди, Феоктист,

всеизрядный пастырь, и высокий Фалассий великий, Феодор, нареченный Сикеот, знаменьями и чудесы явлейся на земли высокий»¹¹¹, «Леонтия пою глубину богословия Максима же воспеваю пучину учений»¹¹² (того Максима, которого память мы недавно совершали, Максима Исповедника), Маркиана и Марка» (который известен, как писатель поучений и наставлений Марк Подвижник). «Макария Великого, и Макария Градского»¹¹³, и Пимена Великого, о котором мы много знаем: «Пимена же кто достойно словит от земных»¹¹⁴. Вот Павел Препростый – ученик Антония Великого.

Для того, кто соприкоснулся с их творениями, их опытом, эти имена много значат. Этот канон, это богослужение даёт нам силы, чтобы войти в пост.

И не только мужей, но и жён воспевают Святая Церковь: «Приидите, принесем песни по долгу женам, преподобно пожившим и равноангельно, ихже молитвами воззовем: Боже, спаси вся ны». Прославляются все те подвижницы, которые шли этим путем: «Египтяныня Мария, свет в мире явися, и Марин нарекаяся, звезда явися вселенней, Евфросина, солнце, добродетельми облиставая... Небомудренная Марина ныне да почитается, с великою Матроною, Синклитика же и Сарра, со Иустиною, песньми яко мудрии да восхваляются. Пелагия, ангел Господень, Таисия, светильник покаяния, да воспоется, и аще кая другая просия от жен в пощении»¹¹⁵... Для тех, кто знает их житие, они дают столько же, сколько и те великие светильники, о которых я говорил выше.

Дальше прославляются и те, кто не только делал, но и учил: «Пастыри и мудрыя учителя, святители Христовы Церкви, с преподобными вси воспоим»¹¹⁶; «По долгу Василий Великий, и с ним многострадальный воистинну да поется Афанасий¹¹⁷ песньми, с Григорием¹¹⁸ в богословии начальствующим всеми»¹¹⁹; «Иоанна златолаголивая уста, с Кириллами¹²⁰ богомудрыми столпами прославим; такоже и Исихия¹²¹, другаго богослова¹²²; «Кто дерзновение изречет Амвросиево¹²³»; «Многий в божественных Дионисий¹²⁴» «Петр и Игнатий воистинну богоносцы» и вси «преподобный отцы, и священноначальницы Господни, со священномученики и женами

святыми, именованнии и не именовании вси, молитесь спастися душам нашим»¹²⁵.

Вот откуда Святая Церковь черпает силы, вот откуда она берёт примеры для нас.

А затем начинается изучение школы Великого поста. Святые отцы начинают это с самого начала. Церковь заставляет нас, только что прошедших мытарство смирение, идти к первому Адаму, который, «одежды боготканная совлечен окаянный», теперь вместо неё одет в «листвия» и «кожные ризы», которому земля приносит лишь «волчцы и терние»¹²⁶. И вот «седе Адам прямо рая, и свою наготу рыдая плакаше»¹²⁷. Это покаяние Адамово должно быть и нашим покаянием. «Гряди, окаянная душе, с плотию твоею, Зиждителю всех исповеждься и останися прочее преждняго безсловесия, и принеси Богу в покаянии слезы»¹²⁸. Тогда, в приготовительных неделях, была радость о милосердии Божиим, а теперь мы изгнаны и должны начать Адамово покаяние: «Милостиве, Щедре, вопию Ти, помилуй мя падшаго»¹²⁹. И после того как Господь возвратил нам в Таинстве крещения одежду нетления, мы, подобно блудному сыну, взяв это богатство, растратили его, как своё собственное, и снова стоим пред дверьми потерянного рая. Христос отверз нам их, а мы взываем: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче»¹³⁰. Школа начинается с того, как прародители наши изгнаны были из рая через преслушание воли Божией. Вся первая неделя поста посвящена покаянию Адама. Это состояние Адама, сначала блаженствующего в раю и прославляющего Бога, а потом падшего и кающегося, – вспоминается в каждом вечернем богослужении, в каждом всенощном бдении, когда вначале мы вспоминаем сотворение мира, когда мы ещё ни о чем не молимся, а только прославляем дела Господни. А потом затворяются двери рая – царские двери, и вместе с Адамом просим: «О свышнем мире и о спасении душ наших»¹³¹. То же самое даётся Церковью в первую неделю Великого поста. Поэтому поётся так часто «помилуй мя, Боже, помилуй мя» и читается канон Андрея Критского. Тот, кто получил в крещении ризу нетления, вопиет: «Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми истка Зиждитель из

начала, и оттуду лежу наг»¹³²; «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? Но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление»; «Первозданного Адама преступлению поревновав, познах себе обнажена от Бога, и присносущного Царствия и сладости, грех ради моих»; «Увы мне, окаянная душе, что уподобилася еси первее Еве? Видела бо еси зле, и уязвилася еси горце, и коснулася еси древа, и вкусила еси дерзостно безсловесная снеди»¹³³. И потому-то мы обращаемся с понуждением к душе своей: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается»¹³⁴.

Это покаяние, это сознание своей греховности, этот покаянный вопль, который исходит от первого человека, стоящего перед дверьми рая и плачущего о своём потерянном блаженстве, этот вопль есть выражение и для нашего плача о своих грехах.

А дальше. Если мы обнажились от одежды нашей первой, если мы от язвы нашей до того острупились, что нет нам исцеления, как быть нам? Кто нам поможет? Об этом говорит нам вторая неделя Великого поста. Кто-то возьмёт нас за руку, подымет и поведёт. Имя этого вождя – Православие, Православная Церковь. Во второй неделе Великого поста совершается Торжество Православия.

В эти великие дни учитеесь не в книгах, а здесь, в храме, в богослужении. Где вы найдёте это дерзновение, чтобы вдруг предстать пред страшный Престол Господа славы, чтобы вдруг вместе с Адамом оплакивать его и свои прегрешения, чтобы затем дальше – в дни Страстной седмицы – сострадать Господу и вместе со всей церковью небесною погребать Его Пречистое Тело, на которое мы и взглянуть недостойны. Я призываю вас учиться из этого великого опыта, который собран в этой книге. Её создал сонм великих мужей, сонм, прежде всего молитвенников, а потом уже писателей, учителей. В каждом каноне, в каждом стихе их живая душа соприкасается с вашей. Только учась здесь и приобретая то, что в вашей мере приобрести, пройдёте вы должным образом школу Великого поста. Иначе вы будете только считать недели до Пасхи и

никакого действия не окажет на вас это сокровище молитвенного опыта, в котором вы можете соприкоснуться с душами великих святых – его творцов.

Настало время, когда мы должны или учиться тому, что есть в Православии, или сказать, что всё это нам скучно и не нужно. Мы, верующие, должны учиться у святых отцов и где возможно и как возможно стараться читать всё, что относится к нашему православному богослужению. А у нас нет даже книг, которые бы изъяснили нам эти великие песнопения.

Нам надо соприкоснуться с верою тех, чья жизнь была наполнена молитвой, у кого молитва прямо ключом била. И в ту субботу, когда будем творить память великих подвижников, молитесь им, чтобы ради них Господь сподобил нас приобщиться к их опыту и деланию.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Не помолимся фарисейски, братие, ибо возносяй себе смирится. Смирим себе пред Богом»¹³⁵.

Святая Церковь, вводя нас в «красные дни» Великого поста и раскрывая перед нами «весну постную», указывает нам на некоторые условия, для выполнения которых эти дни будут для нас не печальными, а во истину красными.

Эти условия раскрываются уже на первых страницах Триоди постной, в богослужении трёх подготовительных недель к Святому посту. И прежде всего, начиная Триодь, Церковь учит нас тому, без чего мы не можем проходить дни Великого поста – молитве. В течение всего поста мы будем воспитываться здесь, в храме, в молитве, поэтому и в эти предпостные дни Святая Церковь ведёт нас путём церковной молитвы и даёт нам два образа её: молитву фарисея и молитву мытаря: «Не помолимся фарисейски, братие. Смирим себе пред Богом!»...

В Евангелии мы читаем: *Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь (Лк. 18:10)*. Вот вошёл в храм фарисей, очи его должны были быть обращены к Богу: «яко к Тебе очи мои, Господи» (Пс. 140:8). Но вместо этого они блуждали по людям стоящим в храме. И увидел он мытаря и сказал: *Боже! Благодарю тебя, что я не таков как, прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь (Лк. 18:11)*. Вошёл в храм мытарь. Не смотрит он на людей, стоящих в храме, но, не смея поднять глаза к небу, молится Богу: *Боже, милостив буди мне грешнику (Лк. 18:13)*. Вот перед нами два подхода, два противоположных образа молитвы. Как же подходим к Богу мы с вами, и прежде всего мы, совершающие богослужение в этом храме, – священники, поющие и читающие? Для кого совершаем мы здесь эту церковную службу? Если мы имеем правильный подход к молитве, то мы совершаем её, не для людей и не для себя, а для Бога; к Нему обращаемся мы со слезами и со словами наших молитв и с Ним желаем соединиться, ибо молитва есть

соединение с Богом. А между тем часто приходится слышать, когда в храме бывает мало народа: «Для кого служить? Неужели для одного человека?» А разве служить или петь надо только тогда, когда бывает много народа? Ответ на этот вопрос может быть только один: «Мы служим Богу. Он на тебя взирает, и больше никого нет для тебя в храме».

Такому отношению к молитве и к богослужению учат нас великие отцы Церкви, творцы богослужебных молитв и последований. «Стоя у алтаря, не озирайся туда и сюда, не сокращай молитвы, смотри лишь на Бога», – говорит святитель Василий Великий. А святитель Иоанн Златоуст учит: «Тебе бы надлежало с трепетом взирать на ангелов, а ты переносишь сюда театральное действие»¹³⁶. Святые отцы учат нас благоговейному отношению к богослужению и непрестанному памятованию о том великом деле, которое мы тут совершаем.

Преподобный Нил, подвижник V века, предупреждает поющих, чтобы они не вносили в своё пение крика, а 4-й Вселенский Собор обращается к певцам и чтецам со следующим поучением: «Смотри, пой и принимай к сердцу; принимая верою, оправдывай своими делами»¹³⁷. Об этом постоянном обращении к Богу говорит нам, и содержание большей части церковных песнопений. Песнописцы мира сего слагают свои песнопения, или вовсе не думая о Боге, или же омрачая эту мысль мыслью о людях. Даже если они хотят показать своё презрение к людям, они всё-таки смотрят на них и на этом презрении утверждают и своё я. Совершенно иное мы видим у песнописцев церковных. Многие из них, как, например, Феодор и Иосиф Студиты или Феофан.

Начертанный, утвердили истину Православия своими страданиями и были причислены Церковью к лику исповедников. Другие, например, Косма Маюмский, составитель песнопений Страстной седмицы, хотя и не был исповедником, но, подобно своему другу и спостнику Иоанну Дамаскину, был великим подвижником.

Духом подвига запечатлены и песнопения, составленные преподобным Андреем Критским, творцом Великого покаянного канона, который мы будем читать на первой и пятой неделе

святой Четыредесятницы. Их-то и даёт нам Святая Церковь проводниками на том пути, по которому она поведёт нас в эти великие дни, последовательно раскрывая нам тайну домостроительства нашего спасения, начиная с сотворения мира и кончая Голгофой и Воскресением.

Молитва, которой они будут учить нас, в корне отлична от молитвы фарисея. Разве может гордый фарисей молиться: «Пресущественная Троице, во Единице покланяемая, возьми бремя от Мене тяжкое греховное, и яко благоутробна, даждь ми слезы умиления!¹³⁸» Разве будет он взывать к Богу: Чертог Твой вижду Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны!»¹³⁹ Разве доступна фарисею молитва: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет»¹⁴⁰ – и другие молитвы, которые Церковь даёт нам на протяжении Великого поста?

Вот здесь, в этой книге, именуемой Постною триодью, собрано всё самое лучшее, что даёт нам молитвенный опыт Святой Церкви. В этом заключается её значение для нас, и этим она так дорога нам. Это хорошо понимают те, кто хочет разрушить Церковь и уничтожить церковные книги.

Но как бы велика ни была эта книга, как бы дорога она нам ни была, гораздо большее значение имеют для нас живые души тех, кто явился составителями молитв и песнопений, вошедших в её состав. Книгу можно сжечь и уничтожить, а души святых бессмертны. Составители этой книги по преимуществу преподобные Феодор и Иосиф Студиты. Когда они писали свои песнопения, они не смотрели на людей, но посвящали их Единому Богу. Но когда они написали их, они отдали их нам. Что это значит?

Хотя молитвы, входящие в состав литургии, написаны святителями Василием Великим и Иоанном Златоустом, но и мы, недостойные священники, служа литургию, не просто прочитываем текст этих молитв, но сами молимся словами святых, от которых мы их получили, так что теперь это не только их молитвы, но и наши молитвы. И нам невидимо сослужат ангельские силы, а видимо – люди, стоящие и молящиеся в храме. Поэтому не священники служат народу, и

не народ священникам, но все мы вместе со святыми и ангельскими силами служим Богу.

Мы, грешные, не умеющие молиться и молящиеся всегда фарисейски, в лице святых песнописцев церковных получаем в эти дни проводников, руководящих нами на пути покаяния. Вот вам молитвы, говорит нам Святая Церковь, примите их и молитесь сами. Поэтому, когда я говорю: «Господи и Владыко живота моего»¹⁴¹ или «Откуда начну плаката окаянного моего жития деяний»¹⁴², – то это уже моя молитва, а когда вы поёте: «Чертог Твой вижду, Спасе мой»¹⁴³, – то это ваша молитва. Но как быть нам, если у нас окамененные сердца и слова молитвы оставляют нас холодными? Об этом состоянии Святая Церковь нам говорит словами Великого покаянного канона Андрея Критского: «Ни слез, ниже покаяния имам, ниже умиления; Сам ми сия, Спасе, яко Бог даруй»¹⁴⁴.

Андрей Критский учит нас, что не только оставление наших грехов, но и самое покаяние есть дар Божий; наше же дело заключается в том, чтобы побуждать себя к покаянию и молитве, чтобы в молитве отдавать то, что ещё сохранилось в нас от образа Божия.

Вот что значит молиться не по-фарисейски. Молиться надо сердцем, как молился мытарь, который в сердце своём обращался к Господу: *Боже, буди милостив ко мне грешному*.

Это относится ко всем нам, – и к священникам, и к певцам, и ко всем предстоящим в храме. Все мы молимся и поём в сердце, потому что молитва есть дело нашего сердца. В этом порука – слова Господа, сказанные в притче о мытаре и фарисее.

А если сердце наше, подобно сердцу фарисея, остаётся холодным, то это потому, что мы не готовим его к молитве. Приготовь сначала сердце своё, и тогда будешь молиться всем сердцем, и такую молитву услышит Господь: «Возопих всем сердцем моим к щедрому Богу, и услыша мя от ада преисподняго, и возведе от тли живот мой»¹⁴⁵.

Об этом приятии сердцем слов молитвы и песнопений говорит Коринфский Собор¹⁴⁶. И то, что сказано о поющих, относится и ко всем предстоящим и молящимся.

Нам предстоит великое поприще святой Четыредесятницы, и мы должны встать и идти, и самое главное, что нам нужно усвоить, вступив на этот путь, заключено в первых словах Постной триоди: «Не помолимся фарисейски, братие... смирим себе пред Богом».

Богу будете вы петь в эти дни и Ему должны принести ваши молитвы и ваше сердце, сокрушённое и смиренное. С нами будут в эти дни великие молитвенники, которые все своё сердце, обращённое к Богу, отдали нам: они будут нашими проводниками на этом пути.

Но Святая Церковь говорит вам: чтобы идти вместе с ними, мы не должны молиться так, как молился фарисей. Только при этом условии мы сможем в конце пути подойти к величайшей песне, которую воспевают новая тварь в день, когда Господь снова опочил от дел Своих: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет».

И если мы пойдём путём не фарисея, а мытаря, то и эта великая молитва воистину станет нашей молитвой и не тщетны для нас будут эти святые дни.

Аминь.

Беседа третья

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

От Недели о мытаре и фарисее Святая Церковь ведёт нас теперь к Неделе о блудном сыне. Состояние, в котором находится мытарь, когда он взывает к Богу о помиловании и не только не помышляет о своих добродетелях, а не смеет возвести глаз своих к небу, – это состояние ещё глубже раскрывается в образе блудного сына. Господь нас создал, мы в Господе живём и умираем без Него настоящей смертью. Мы поступаем обычно, как блудный сын (см.: Лк. 15:11–32), который, получив от отца имение, ушёл от него на страну далече, думая, что со своими полученными дарованиями он проживёт своими силами. Но в духовном отношении это есть смерть, ибо, по словам святых отцов, в Боге мы живём. Когда блудный сын возвратился, то отец сказал другому сыну, негодовавшему на радостный приём, оказанный брату: *брат твой сей был мертв и ожил* (Лк. 15:32). Вот в состоянии отчуждения от Бога самое главное это то, что мы не признаём себя находящимися во грехе и забываем, каковы мы по самой природе. По природе нашей мы образ неизреченной Божией славы, и хотя носим язвы многих согрешений¹⁴⁷. Мы граждане иного мира, небесные граждане. И если мы живём здесь, на земле, то для того, чтобы на земле устраивать Царство Божие, памятуя о своём небесном отечестве.

Служба в Неделю о блудном сыне раскрывает нам состояние отчуждения от Бога: «Иждих блудно отеческаго имения богатство, и расточив, пуст бых, в страну вселився лукавых граждан»¹⁴⁸.

Вот в таком состоянии блудный сын находился в течение долгого времени и, наконец, говорит евангельская притча, пришел в себя (см.: Лк. 15:17).

Что значит «пришёл в себя»?

Один святой отец говорит, что начало нашего спасения есть познание самого себя¹⁴⁹. Но ведь познание самого себя есть дело всей жизни, это и есть то, к чему человек стремится в

течение всего своего существования. Святые отцы раскрывают смысл этого изречения, говоря, что до тех пор, пока ты не познал, кто ты, пока ты сам в себе не ощутил образа Божия, пока ты, живя среди земных граждан, не почувствовал, что ты гражданин неба, и поработился «чуждым гражданином», пока ты, живя среди грязи своей собственной души, не познал в себе образа Божия, – до тех пор ты не вступил на путь спасения, не начинал ещё своего спасения. Оно начинается с того момента, когда я познал свою божественную природу. Так было и с блудным сыном. Он в один момент почувствовал, что есть иная жизнь в Отце и с Отцом, он почувствовал, что живёт порабощённый в стране чуждой и не имеет подлинной, настоящей жизни. Начав с познания самого себя, человек, идя дальше по этому пути, противопоставляет в самом себе то, что есть в нем от образа Божия, хотя и покрытого язвами согрешений, и то, что внесено им, человеком, как растление своей души чуждыми обычаями. «Поработихся гражданином странным, и в страну тлетворную отыдох»¹⁵⁰, – говорит служба этого дня. И с этого момента он начинает жаждать жизни в Боге и очищения себя от язв согрешений во имя образа Божия.

К великому подвижнику – преподобному Антонию – пришёл один инок и стал просить, чтобы он простил и помиловал его. Антоний же отвечал ему: «Ни я, ни Бог тебя не помилует, если ты сам себя не помилуешь»¹⁵¹.

С первого взгляда этот ответ кажется странным. Как же так? А для духовной жизни это величайшая истина. Пока я сам в себе не обрету образа Божия, сам не помилую этого человека, находящегося в бездне греховной, но имеющего образ Божий, до тех пор, пока я сам не помилую в себе создание Божие, в своей совести не помилую себя грешного, скверного и блудного, до тех пор и Бог не помилует меня, до тех пор тщетна и моя мольба.

Вот это состояние блудного сына, который увидел, как скверно он живёт и как хорошо живут даже не сыны, а наёмники у его отца, вот это есть состояние помилования. Он помиловал себя и тогда пошёл к Богу и у Него стал просить о помиловании (см.: Лк. 15:14–21).

Наше дело в течение Великого поста есть просьба о помиловании. Мы будем всё время взывать: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Но в эту неделю подготовляющую к посту, нужно взять от святоотеческого опыта то, что он нам даёт, иначе тщетны будут просьбы наши о помиловании. Мы должны ощутить в себе образ Божий, остатки божественной красоты, которые есть в нас, хотя и искажённые, и прежде всего, помиловать себя, понять, кто мы в жизни и кто мы в творении.

В жизни мы грешные, живущие в «стране далече», постоянно забывающие о Боге, а в творении мы есть образ неизречённой Божией славы, и только в Нём мы живём, только в Нём наше спасение.

И это противопоставление себя в творении и себя в жизни и даёт в известный момент состояние помилования себя. Вот смысл слов аввы Антония. И если мы в какой-то момент своей жизни помилуем себя и почувствуем противопоставление себя в творении и себя в жизни, тогда мы можем, подобно блудному сыну, идти к Богу и просить о помиловании. Но и в этом шествии мы должны работать Богу, а мы постоянно забываем, даже в нашем служении Богу, для чего мы должны всё это делать.

Один авва, когда к нему обратились за назиданием, так определил духовное делание: «Когда мы жили в скиту, занятие о душе было нашим настоящим делом, а рукоделие – поделием, а ныне рукоделие стало настоящим делом, а занятие душой только поделием»¹⁵². Вот и мы в наших тех или иных работах помятуем не о том, о чём мы должны помнить.

Мы забываем, что мы должны восстанавливать в себе образ Божий, что наше единственное дело на земле, нас, граждан земли, делаться гражданами неба. А мы думаем, что мы без этого можем спастись теми или иными делами: хождением в церковь, милостынею и т. д. Но всё это есть только поделие в сравнении с настоящим делом – очищением души, покаянием.

Если у блудного сына и были какие-нибудь дела, то он стяжал их не на гумне покаяния, не на сознании своего ничтожества перед Богом, а на основе гордости. Мы должны знать, что если мы хотим идти путём Христовым, то должны

понимать, кто мы в жизни и кто в творении, для чего мы призваны в эту жизнь и что представляем из себя в настоящий момент. И если перед нашими глазами постоянно будет творение Божие, образ неизреченной Божией славы, тогда мы будем миловать себя. Это не значит, что мы будем гордиться, прощать себя, оправдываться, а мы в самих себе увидим неизреченный храм Божией славы, почувствуем всю радость жизни в Боге и ощутим ту грязь, в которой мы живём. Тогда мы придём к Богу и будем просить Его, как блудный сын: *Прими меня в число наемников Твоих (Лк. 15:19)*. Прими меня, я хочу жить с Тобой, в Тебе.

И если мы придём в таком состоянии, то будем приняты, как блудный сын.

Эта неделя, от мытаря, возводя нас к блудному сыну, открывает не только сторону подхода человека к Богу, но раскрывает и другое – подход Бога к человеку. Бог ещё издали увидел его, кающегося грешника, Сам бросается к нему, и Сам облакает его в одежду первую – нетленную, одежду творения, облакает тварь, которая растлила эту одежду и, по словам Великого канона, лежит нагая и не стыдится¹⁵³; и велит заколоть тельца и веселится Сам с покаявшимся сыном.

Не напрасно Святая Церковь проводит нас через эти состояния – иного пути нет. Только осознав в себе образ Божий, помиловав себя, мы можем надеяться, придя к Богу, что Он примет нас и даст нам одежду нашу первую, которую Он исткал нам от начала века.

Аминь.

Неделя о блудном сыне и Сретение Господне

Во имя и Отца и Сына Святаго Духа!

Подготавливая нас к вступлению на поприще святой Четыредесятницы, Святая Церковь ведёт нас от покаяния мытаря к покаянию блудного сына. Сегодня она напоминает нам о том, что недостаточно только сознавать свои согрешения и взывать к Богу о помиловании. Этим кончается покаяние мытаря, но покаяние блудного сына с этого только и начинается. Пребывая в *стране далече*, он вспоминает о своей жизни в доме отца, приходит в состояние мытаря и, подобно ему, взывает к Богу: *Боже, милостив буди мне грешному*. Но для блудного сына это только начало. Он идёт дальше. Он не только раскаивается, но *встал и пошёл к отцу своему* (Лк. 15:20). Несмотря на все испытания, он возвращается домой. Путь, ведущий его в отчий дом, тяжёл и труден – это великое шествие покаявшегося грешника.

В нынешнем году Святая Церковь даёт нам образ блудного сына в сочетании с праздником Сретения Господня.

Многим может показаться, что покаяние блудного сына мешает по-настоящему чувствовать радость праздника. А те, кто пришёл в храм для того, чтобы каяться и вникать в состояние грешника, также сетуют на то, что служба праздника мешает им в этом.

Но Святая Церковь не случайно соединяет в богослужебных последованиях те или иные памяти. В конце Постной триоди помещены так называемые Марковы главы. В них подробно указан порядок совершения служб праздников Сретения, Обретения главы святого Иоанна Предтечи, сорока мучеников и Благовещения в соединении (сочетании) с различными днями Постной триоди.

Святая Церковь так подробно останавливается на этих сочетаниях, потому что каждому из них она придаёт особый смысл. В синаксарии Недели сыропустной говорится о Благовещении Пресвятой Богородицы, что оно «смотрением Божиим неизглаголаным во святых Четыредесятнице присно

обретаемо». То же самое можно сказать и о празднике Сретения Господня. Каждое сочетание этого праздника с днями Постной триоди даёт нам возможность по-новому понять и почувствовать смысл праздника и значение того дня Триоди, с которым он соединяется.

Это происходит потому, что в Уставе церковном нет случайного, но всё в нём смирением Божиим неизглаголанно направлено к нашему спасению и духовному воспитанию. Это можно сказать и о сегодняшнем, очень редком сочетании памятей. На протяжении одной церковной службы оно даёт нам и начало жизни человека (праздник Сретения), и конец если не всей его земной жизни, то во всяком случае жизни во грехе (Неделя о блудном сыне). Праздник Сретения наполовину Богородичный праздник. К Божией Матери обращаемся мы в тропаре этого дня. Ей посвящены прокимны на утрене и литургии, к Ней же обращены и многие тропари канона. Вообще вся служба этого дня по своему строю не отличается той торжественностью, которою характеризуются богослужения Владычных праздников, но скорее приближается к Богородичным. Это происходит потому, что в этот день мы прославляем, прежде всего, Божию Матерь, Которая по древнему ветхозаветному закону принесла в храм Господень Своего Божественного Сына в сороковой день после Его рождения. В этот день Она добровольно отдала Его Богу, возлюбленное чадо Своё принесла Господу.

В Ветхом Завете такое приношение должно было совершаться только в отношении младенцев мужского пола, как об этом говорится в ирмосе девятой песни сегодняшнего праздничного канона: *«Всяк мужеский пол, ложесна разверзая, свят Богу»*.

В Новом Завете Мать приносит Богу каждого своего ребёнка, потому что в Новом Завете *нет мужеский пол, ни женский* (Гал.3:28).

Для чего женщина в сороковой день приносит в храм своего ребенка? Чтобы отдать его Богу, поставить его пред лицом Господним. В самый первый день, когда мать может войти в храм, она приносит своё дитя Богу, как бы говоря: «Возьми его,

это Твоё дитя». Мать приносит дитя в храм, чтобы оно стало новой тварью, свободной от власти первородного греха и призванной к вечной жизни. Это новотворение совершается в Таинстве крещения, которое в древности также происходило в сороковой день после рождения младенца.

Все мы были в своё время крещены и принесены в храм для посвящения Богу. Это самое важное событие в нашей жизни, благодаря которому мы получили возможность жить духовной жизнью.

В Церкви есть различные степени: епископы, иереи, диаконы, но ни одной из них нельзя достигнуть, не получив сначала крещения. Не может быть возведён в высшую степень тот, кто не является членом Тела Христова – Церкви. А этого мы сподобляемся в Таинстве крещения. *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3:27), а кто во Христе, тот новая тварь (2Кор. 5: 17).

Поэтому когда ребёнка, принесённого в сороковой день, священник возносит к алтарю Господню, а потом возвращает его матери, мать принимает его из рук священника как бы новое творение из рук Божиих.

О важнейшем событии нашей жизни напоминает нам сегодня праздник Сретения Господня. Он говорит нам о том, что мы, некогда принесённые в храм, отданные Богу и получившие новую жизнь в Таинстве крещения, и ныне вместе с Господом должны войти в храм, чтобы жить в нем благодатною жизнью, которая открывается каждому, непосредственно участвовавшему в богослужении. «Свет благодати Христовы просия нам, хотя ввести в храм Свой», – говорится в каноне предпразднства¹⁵⁴. Поэтому вчера, готовясь встретить праздник Сретения, мы обращались к Господу с молитвой: «Душевыми Тя руками сподоби мя, Благодетелю, восприяти, якоже древле Симеон, и насладится Твоя благодати. Ты бо еси един желание и сладость, Превозжеленный»¹⁵⁵.

Но сегодня Святая Церковь говорит нам не только об этом. Она напоминает нам о нынешнем нашем состоянии, которое многим из нас мешает входить в храм Господень и жить в нём

благодатною жизнью. Для этого она предлагает нам образы притчи о блудном сыне.

Вспомним блудного сына. Было время, когда и он, подобно старшему брату, жил в доме отца и наслаждался всеми благами, которые доставляло ему богатство отца. Но он не захотел оставаться в отчем доме и, взяв следующую ему часть имения, *пошёл в дальнюю страну и там расточил имение своё, живя распутно* (Лк. 15:13) .

Живя на стране далече, он, «посеяв грех, серпом пожав класы лениности и рукоятем деяний своих снопы связав, постлал их не на гумне покаяния»¹⁵⁶. Томимый духовным голодом, он, как говорит церковная песнь, прилепихся страстей делателем, поработихся гражданином странным, и в страну тлетворную отыде»¹⁵⁷.

Однако евангельская притча повествует не только об уходе блудного сына из отчего дома и о его жизни в тлетворной стране страстей и греха. Мы узнаем из неё, что, когда духовный голод его достиг крайнего предела, он, *придя в себя*, сказал: *встану, пойду к отцу моему* (Лк. 15:17). Он действительно *встал и пошёл к отцу и к своему* (Лк. 15:20), или, как говорит церковная песнь, «в безгрешную страну и животную вверихся»¹⁵⁸. И хотя за плечами у него было тяжкое бремя грехов, он обратился с молитвой к отцу. Смысл этой молитвы так передаёт церковное песнопение: «Ветром Твоего любоблагоутробия развей плевую дел моих, и пшеницу даждь души моей оставление, в небесную Твою затворяя мя житницу, и спаси мя»¹⁵⁹.

Вот и мы, хотя получили новую жизнь в Таинстве крещения, но, подобно блудному сыну, в лениности иждивши своё житие, накопили стоги грехов и сложили их не на гумне покаяния.

И ныне мы молимся, чтобы Господь открыл нам двери покаяния: Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен»¹⁶⁰. Все мы были принесены в храм нашими матерями, и это было наше первое посвящение Богу. Все стали новою тварью во Христе через крещение. И теперь мы снова приходим к Богу, чтобы принести сугубое покаяние: «Объятия Отча отверзти ми потщися, блудно мое иждих житие, на

богатство неизживаемое взирая щедрот Твоих, Спасе; ныне обнищавшее мое да не презри сердце, Господи, Тебе бо, умилением со зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою». Песнь эта входит в чин пострижения монахов¹⁶¹. Её поют иноки, когда ищущий пострижения приводится к игумену, который должен совершить постриг. Но сегодня она поётся для всех нас. Все мы, кающиеся, приходим как бы для принятия иноческого чина. Ведь подвиг монаха состоит, прежде всего, в отречении от мира ради любви Божией и в послушании. Но разве не в этом же состоит делание каждого христианина? Разве не ко всем нам обращается апостол словами: *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1Ин. 2:15).

Если мы сегодня, совершая богослужение, помним, понимаем значение нашего первого посвящения Богу в крещении и вспоминаем о первом нашем принесении во храм, то, с другой стороны, Святая Церковь нам много согрешившим в жизни открывает двери покаяния, заботясь о том, чтобы мы достойно встретили дни святой Четыредесятницы.

В сегодняшней службе, в этом редчайшем сочетании праздника Сретения с Неделей о блудном сыне, нам дано пережить двойное восхождение к Богу: первое посвящение Ему в начале нашей жизни и возвращение к Нему через сугубое покаяние.

Сегодня все мы, подобно инокам, приходящим к пострижению можем сказать о себе: «Раздрах ныне одежду мою первую юже ми изтка Зиждитель изначала и оттуду лежу наг»¹⁶². «Облекохся в раздраную ризу юже изтка ми змий советом и стыждуся»¹⁶³.

Сегодня каждый из нас, вникая в своё сердце, чувствует, что он «блудно иждил житие свое», и это чувство будет в нас полнее и глубже, чем полнее мы переживаем сегодня своё первое посвящение Богу.

И если есть в нас это чувство, если мы видим ныне красоту той первой одежды, в которую мы облеклись в Таинстве крещения, и безобразие облакающей нас ныне раздранной одежды греха, то Господь даст нам сегодня, подобно инокам, приходящим к пострижению, от всего нашего сокрушенного

сердца воспеть Господу эту великую песнь: «Объятия Отча
отверзти ми потщися».

Аминь.

Сретение Господне

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

И по своему прошлому опыту, и по тому, что неоднократно приходилось слышать от своих духовных детей, я должен сказать, что праздник Сретения Господня является одним из тех праздников, которые мы как-то проходим мимо, скользим вниманием, не вдумываясь и не входя в то, что совершается в этот великий день.

Вот Рождество – Христос рождается на земле, снисходит с небес нашего ради спасения. Вот Крещение Господне – Христос приходит освятить водное естество, а через это и весь мир.

Это нам понятно. А вот ныне принесён Он, как младенец, во храм для того, чтобы, как и всякое существо, быть освящённым, принесённым Богу.

И многие из нас как-то не воспринимают этот праздник, не понимают его так как, понимают и чувствуют они другие двенадцатые праздники.

Не случайно всё это. Это объясняется тем, что не только этот праздник, но и то, что совершается с каждым младенцем у нас в сороковой день по рождению, мы не понимаем и, не вникая, проходим мимо.

Вот приносят в храм младенца и читают над ним молитвы, как и над всеми нами когда-то читали. Какой смысл этого принесения? Что же, это простой обычай? Что же, это совершается только для того, чтобы напомнить, что когда-то было совершено это же с Господом, а Господь принесён был для того, чтобы вспомнить, что это когда-то заповедано Моисеем?

Или совершается что-то такое, для чего мы собрались ныне праздновать Сретение Господне, что-то великое, для чего каждый младенец приносится в храм?

Вот каждый младенец крещён, он освящён, рождён для благодатной духовной жизни, и мы думаем, что всё кончено и остальное просто обычай.

Самое главное, что заключается в этом принесении, это то, что отец и мать приносят своё чадо, уже рождённое не только плотским рождением, но и духовно для жизни во Христе, для нетленной жизни, и приносят и отдают его в дар Богу.

Вы скажете: «Ну а крещение?»

Крещение это есть рождение духовное. Некрещённый младенец не родился ещё духовно, он ещё не живёт, он мёртв духовно.

А вот теперь младенца, уже живущего духовной жизнью, мать приносит и отдаёт Богу: «Это Твоё, и отдаю его Тебе, этого нетленного младенца, с которого крещением снят первородный грех».

Это величайший момент в жизни ребёнка и его родителей. В этот момент мы отдаём ребёнка Богу, Тому, Кто является его и нашим Творцом, и уже больше не считаем его своим. Так и Господь Иисус Христос, как воспевают стихиры, был принесён Богу...

Так и мы были некогда принесены и отданы Богу. Таково вот наше неправильное отношение к этому Таинству; мы думаем, что здесь всё сводится к тому, чтобы получить очистительную молитву матери и, между прочим, совершить что-то очистительное над ребёнком. А между тем мы в этот день навсегда отдаёмся Богу.

Не только первенец мужского пола, как в Ветхом Завете: «всяк мужеский пол, разверзаяй ложезна, свят Богу» (ср. Лк. 2:23), но и все дети в Новом Завете, не только мужеский пол, но и женский, отдаётся, посвящается Богу. Это добровольный акт родителей, добровольная отдача Богу, мы же не чувствуем этого праздника, и проходит он мимо нашего сознания и не затрагивает он нас, как затрагивают другие праздники. А в день Сретения Господня празднуется именно принесение Матерью Божией Иисуса Христа в дар Богу.

И если каждый из нас будет в своей жизни помнить, что когда-то Святая Церковь потребовала от наших родителей этой отдачи и они может быть, не сознавая действительно отдали нас Богу, и с этого момента мы Ему посвящены, если каждый из нас будет памятовать об этом, и не только в эти дни, но и всегда, то

мало-помалу в нашу душу, в наше сердце будет всё больше проникать духовная связь с Тем, Кому мы принесены в жертву. И тогда мало-помалу детский праздник, праздник Сретения, будет становиться для нас всё ближе и ближе, будет говорить нашей душе так же много, как и Рождество. Но тогда нам надо помнить, зачем мы были принесены Богу и зачем мы ныне собрались здесь.

Сегодня Святая Церковь призывает Анну Пророчицу и Симеона Богоприимца участвовать с нами в этом величайшем событии: «О дщи Фануилева, прииди, стани с нами»¹⁶⁴. Нам, которые так далеки от внутренней жизни Церкви, которые привыкли брать только всё внешнее, всё это остаётся непонятным.

Давайте, братия и сестры, каждую черту, каждую молитву, которую даёт нам Церковь, понимать не так как, мы обычно понимаем, а так, как понимает и даёт нам её Святая Церковь.

Тогда мало-помалу вы будете чувствовать этот великий праздник и свою связь со Христом, и тогда недаром, не напрасно будет для вас ваше принесение во храм на служение Богу.

Помните, чьи вы, для чего вы были принесены во храм и отданы на служение Владыке Христу.

Аминь.

Вселенская родительская (мясопустная) суббота

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь верует, что мы через богослужение в возможной для нас, живущих ещё здесь, на земле, мере не только вспоминаем те или иные события, но принимаем в них участие.

Святая Церковь верует и в то, что воскресный день, который предстоит нам пережить, есть день памяти Страшного Суда, и она верует, что мы в возможной для нас степени и возможном для нас виде через приобщение в богослужении к вечности предстанем пред страшным Престолом Господа славы. А потому с великой последовательностью она вспоминает и о тех, кто предстанет вместе с нами, кто жил на земле уже отошёл, кто был здесь членом Церкви, частью Тела Христова. Она творит память всех почивших отцов и братьев наших по особому чину и особенно молится о тех, кто умер внезапную смертью от тех или других несчастий, или явлений природы, или злых действий людей.

Есть ещё один такой момент, когда Церковь по тому же чину творит память всех отшедших, это бывает перед днём святой Пятидесятницы. И опять с великой последовательностью веруя, что мы не только вспоминаем те или иные события, но духовно участвуем в них, она перед днём Сошествия Святаго Духа на апостолов и образования Церкви, веруя, что и ныне в этот день совершается обновление Духа Святого в Церкви, молится о тех, кто когда-то на земле, а теперь на небе составляет часть Тела Христова. Это есть воспоминание и молитва перед тем великим днём, когда мы ожидаем обновления даров Святаго Духа. Это есть две великие памяти почивших праотцев, отцов и братьев наших.

И вот сегодня, когда мы духовно приуготовляемся к великому дню предстояния страшному Престолу Господа славы, наши умершие просят нас о том, чтобы мы помолились о них. Это будет молитва всей Церкви, ибо мы молимся как часть

Тела Христова, и только такая молитва и может принести им облегчение и успокоение.

Давайте в этот день молиться о тех, кто с нами жил и молился и кто ждёт от нас помощи, о тех, с кем мы вместе проходили путь духовного делания. Вспомним и тех, с кем мы встречались и сталкивались в жизни, ибо мы знаем, что всем нужна наша память и молитва. А затем помолимся и о тех, кого мы не знаем, но за которых пришли помолиться другие, которые дороги им.

Не отягчайтесь именами, которые будут здесь поминаться. Помните, что каждое имя кому-нибудь дорого, каждое имя является сущностью, каждое имя есть замена того, за кого молятся. Нам бесконечно дороги имена тех, за кого мы молимся, так давайте же в кротости и смирении помолимся и за них, и за тех, кто дорог другим. Помните, что когда-нибудь и мы отойдём в другую жизнь, и будет эта служба совершаться без нашего участия, и мы были бы тогда в радости, если бы о нас вспомнили и помолились за нас и те, кто нас знает и кто не знает, но пришёл и молится здесь о всех прежде почивших праотцах, отцах и братьях наших, zde лежащих и повсюду православных.

Аминь.

Неделя мясопустная, о Страшном Суде

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Перед входом в Святой пост Церковь заставляет нас предстать пред страшным Престолом Господа славы, и этот воскресный день посвящается нами тому событию, которое хотя и не было ещё, но будет. Святая Церковь не только верует в то, что это будет, но она знает, что тогда будет потребован от нас ответ о всех делах словах и помышлениях.

Если мы веруем, что Церковь есть Тело Христово, что каждый верующий составляет часть этого Тела, что в отдельности мы все члены, а вместе, по словам Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, являемся Его Телом, если всё это так, то совсем по-иному, реально, а не иносказательно, предстоит пред нами сегодняшнее событие.

Через причащение, как говорит Иоанн Златоуст, мы становимся частью Тела Христова. «Что это? – спрашивает он, показуя на Святые Дары, и отвечает: – Тело Христово». «Чем становится причащающийся? – продолжает он:– Телом Христовым. Телом, а не многими телами»¹⁶⁵.

Это таинственное учение о Церкви как о Телес Христовом, которое так хорошо раскрыто апостолом Павлом и более подробно у всех учителей Церкви, кончая и нашими русскими учителями – святителем Тихоном Задонским и последним нашим учителем – Иоанном Кронштадтским, это – таинственное учение, без которого нет Церкви, ибо Церковь не организация, а организм, и живём мы, поскольку приобщаемся этому живому организму, поскольку приобщаемся Телу и Крови Христовым, ибо *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь иматъ живот вечный (Ин. 6:54), ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем (Ин. 6:56)*, следовательно, и жизни вечной мы сподобляемся, поскольку входим в Тело Христово. Это учение о Церкви или, вернее, эта сущность Церкви заставляет нас, верующих, ныне чтенное Евангелие понимать не так, как ту или иную притчу, иносказательно. Ведь наступит же такое время, когда не надо будет говорить прикровенно,

когда будет *новое небо и новая земля* (см.: Откр. 21:1) и воскресшие из мёртвых и приведённые Самим Богом на этот Суд предстанут не зеркалом в гадании, а лицом к лицу (1Кор. 13:12).

И тогда Господь спросит нас только об одном, тогда, когда уже не будет времени для притч и иносказаний, Он спросит нас: «Накормили ли вы Меня, посетили ли, когда Я был в темнице, приняли ли Меня в свой дом?» И в ответ на наш вопрос: «Когда же мы видели Тебя?» – Он скажет: «Так как вы не сделали этого одному из меньших Моих братьев, то не сделали и Мне» (см.: Мф. 25:45). И если брать весь святоотеческий опыт, если брать всю церковную жизнь, как она протекала, и преимущественно духовную жизнь подвижников, то увидим, насколько не в мечтании, а в действительности святые отцы видели подлинность этих слов, ибо они в каждом приходящем к ним видели Самого Господа.

Святые отцы говорят, что если человек неверующий, не в Церкви, не составляет части Тела Христова, то всё-таки он создан по образу Божию и подобию и носит в себе этот образ Христов и потому каждый призывается ими благоговеть перед другими людьми, не иметь вольности и дерзости в обращении, помня, что перед ними в каком-то смысле само Божество, Сам Христос.

Ведь задача наша в том состоит, чтобы, очистив образ Божий, подойти к обожению, и этот путь требует именно того, чтобы мы подходили к человеку как творению Божию, как к образу неизреченной Божией славы. Когда одного святого спросили, как приобрести в этой жизни душевное спокойствие и равновесие, он ответил: «Ты не приобретаешь этого, пока не познаешь, что есть только Бог и ты»¹⁶⁶.

Ну а люди? А люди и ты сам существуют постольку, поскольку они Божие творение, поскольку они в Боге живут. Отсюда становится понятным, что, когда мы освящаем икону в честь того или иного святого, мы молимся, чтобы Господь благословил этот образ которому мы будем кланяться и служить не потому, что это есть образ человека, а потому, что почитаем в нём образ и подобие Божие. Если мы чтим святителя Николая

и молимся пред иконою его, это не значит, что мы его как такового – святителя Николая – почитаем, а [почитаем] его как образ Божий, ибо честь образа восходит на Первообраз¹⁶⁷.

Так надо относиться и ко всем, не находящимся в Церкви, ибо каждый есть образ Божий. А вот для людей, которые принадлежат к Церкви, которые приобщены к Телу Христову, это неизмеримо увеличивается, ибо они являются не только образом Божиим, но и частью Тела Христова, членами Церкви. Христос создал Церковь Свою на Теле Своём, на приобщении к Нему, на таинственной жизни в этом Теле. Вот почему *врата ада не одолеют её* (Мф. 16:18), вот почему те или иные человеческие церковные организации не имеют самодовлеющего значения и не от их состояния зависят судьбы Церкви.

Вот мы, которые в этот день предстоим пред Страшным Судом Христовым, должны проверить свою совесть, ибо святые отцы говорят, что у каждого есть своё домашнее судилище, находящееся в нём самом, неподкупное и нелицеприятное¹⁶⁸, – это есть наша совесть, и она осудит нас прежде Страшного Суда.

Святые отцы, раскрывая состояние наше на Страшном Суде, говорят, что весь ужас нашего положения будет в том, что совесть наша, как глас Божий в нас, как то, что Бог вложил в нас при творении, как то, что давало первому человеку закон Божий знать без писанных руководств, первая осудит нас, та совесть, которую, как говорят святые отцы, уподобляя её искре, мы постоянно засыпаем, она проснётся по воле Божией и как глас Божий осудит нас¹⁶⁹.

Вместо того чтобы в этой жизни постоянно испытывать совесть, прибегать к ней, слушаться её, мы отворачиваемся от неё и в течение целого ряда лет и даже всей жизни засыпаем её, и спит она в нас, и вот наступит момент, откроются все наши беззакония, и осудит она нас.

Итак, нельзя подходить к Страшному Суду, как к аллегории или иносказанию, ибо Христос не был мечтателем. Он, пришедший спасти весь мир, ходил по маленькой Галилее; Он имел малый круг общений: 12 апостолов, 70 учеников и ещё

несколько сот последователей. В этой обстановке Он жил и творил Царствие Божие. С нашей человеческой точки зрения мы такие бы планы начертали о спасении мира, дав волю своей фантазии.

Христос был великий делатель земли, а не только Неба, ибо Он пришёл на землю, чтобы землю поднять к Небу. И для того, кому Его слова, слышанные ныне в Евангелии, являются не простыми мечтами и фантазией, а ведь некоторые из нас, верующих, во многое веруя – и в искупление людей, и в любовь Божию – этому главному для нашего спасения пункту придают характер какого-то иносказания, считая его за педагогическое средство, заставляющее нас делать добро.

Нет, Христос говорит, и слова Его непреложны.

Если так, если мы в это веруем, приступим хоть теперь перед, постом, к этому гласу совести, который говорит, который вопиет иногда в нас. И если вы ещё на земле будете испытывать свою совесть, то она всё громче и громче заговорит в вас, и вы будете в Боге, будете предстоять Ему и постепенно восходить к тому, о чём говорит Господь: «Праведницы возрадуются на Страшном Суде»¹⁷⁰, ибо предстать перед Богом есть цель всей их жизни. Если мы пойдём этим путём, путём постоянного предстояния пред Господом на молитве, если в какой-нибудь счастливейший момент жизни мы поймём, почему Святая Церковь перед вхождением в Великий пост творит память Страшного Суда, и не только мы это поймём, но и почувствуем, насколько это реально, чуждо фантазии и насколько наше истинное делание есть очищение души, испытание совести, насколько важно как можно чаще прибегать к Таинствам покаяния и причащения, и особенно – в эти дни Великого поста.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь ныне вводит нас в общение с тем страшным часом, когда мы все предстанем перед страшным Престолом Господа славы, когда Судия живых и мёртвых, Господь Иисус Христос придет во славе и каждому воздаст по его делам.

Святая Церковь этим воспоминанием заканчивает приготовление наше ко входу в Великий пост. Если мы только что, в Неделю о блудном сыне, видели всю любовь к нам Отца Небесного, Который не только принимает раскаявшегося блудного сына, но Сам идёт к нему навстречу, Сам падает к нему на шею, Сам облакает его в одежду первую, ризу нетления, которую раздрал сам этот падший сын, и даёт перстень на его десницу и закалывает тельца упитанного (см.: Лк. 15:11–32), то перед нами встаёт вопрос, как же может этот любящий, всепрощающий Отец наш прийти снова на землю и судить живых и мёртвых.

Вот Святая Церковь не смущается тем, что смущает многих из нас; не смущается тем, как это может быть совмещена любовь Божия, проявившаяся в том, что Он Сына Своего послал в мир «нас ради человек, и нашего ради спасения», с представлением о Нём, как о грозном Судии, Который поставит одних по левую, других по правую сторону Своего Престола.

Если бы мы внимательно отнеслись к богослужению, если бы мы воспринимали то, что ежедневно даёт нам в нем Святая Церковь в дни подготовительные к Великому посту, тогда исчезло бы из нашей души это внутреннее противоречие.

Во дни седмичные Церковь переносит всё наше внимание на евангельское и апостольское чтения.

Чтение апостольское избирается из послания апостола Иоанна Богослова, и всю эту седмицу мы слышим здесь, в храме, от апостола любви о любви Христовой: *Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев (1Ин. 3:16). Дети мои! станем*

любить не словом или языком но, делом и истиною (1Ин. 3:18), – слышим мы, и, раскрывая нам в этих чтениях [слова] апостола о любви, Святая Церковь показывает нам эту любовь уже как делание на евангельских чтениях. Те из вас, которые имеют прекрасный обычай читать ежедневно Евангелие дня или были в течение этой седмицы в храме, знают, что в понедельник читалось Евангелие о входе Господа в Иерусалим, во вторник – о соглашении иудеев с Иудой на предательство Спасителя и о Тайной вечере, в среду – о взятии Господа в саду Гефсиманском, о предстоянии Его у священника и об отречении Петра, в четверг – об обвинении Его у Пилата, в пятницу – о распятии и смерти Спасителя на кресте.

Вот как приводит нас Святая Церковь от блудного сына к Страшному Суду: «Да молчит всяка плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом...»¹⁷¹ Раскрывая смысл христианской любви и говоря нам единственный раз в году в будние дни о страданиях Христовых, Церковь подводит нас к этому великому дню. Она напоминает нам, что такое любовь и что сделал для нас Сын Божий и каков будет наш путь, ибо в субботу она творит память праотцам, отцам и братьям нашим. Она говорит о том, как, чем мы кончим нашу жизнь и насколько тесно связаны с ними, с ушедшими, с которыми вместе предстанем Господу.

То богослужение, которое мы совершали вчера, заключается в том, чтобы умолить Господа о тех, кто с нами предстанет страшному Престолу Господа славы: «О, страшного Твоего Второго, Господи, пришествия)! Зане яко в виде молнии на землю пришед, воздвигавши все создание Твое судитися, в вере Тебе тогда поживших, сретших Тя с Тобою быта сподоби»¹⁷². «Вся презираяй плотския долги наша, Спасе наш, во всяком возрасте всего рода человека, пред судищем Твоим постави неосуждены, Тебе Создателю отвечающия»¹⁷³.

Эту службу мы совершали ещё как те, которые находятся здесь вместе с земной Церковью и молятся не о себе, а о тех которые уже отошли: «Егда судити будеши всяческим, стоящим нагим и откровенным пред лицом Твоим; тогда, Щедре, пощади послужившия Ти верно, Боже»¹⁷⁴.

А вот ныне, ныне мы сами присутствуем страшному дню Второго пришествия Господня, ибо синаксарий дня говорит: «В сий день Второго и неумытного пришествия Христова память творим...»¹⁷⁵

Для чего? «Юже божественнейшии отцы по двою притчу положиша яко да не кто во ону Божие человеколюбие уведав, леностно поживет глаголя: человеколюбив есть Бог, и егда греха отлучуся готово имам, все совершита»¹⁷⁶.

То есть, если мы увидели в этих двух подготовительных неделях: о мытаре и фарисее и о блудном сыне – только одну сторону, только человеколюбие Божие, которое, несомненно, было, есть и будет, и «леностью поживем», говоря: «Човеколюбив есть Бог», – то проглядим другую, не менее важную сторону богочеловеческого отношения. «Сей страшный день учиниша, да смертию и чаянием будущих злых устрашивше, леностно живущия к добродетели возведут, не надеющиеся к человеколюбному точию, но и взирати яко и праведен есть Судия, и отдает комуждо по делом его»¹⁷⁷.

Вот смысл службы, которую мы ныне совершаем.

Да, Господь «нас ради человек, и нашего ради спасения» сошёл с небес, и воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился, и для нашего спасения был распят при Понтийстем Пилате и погребён, но Христос, как верует Святая Церковь, приидет паки судить живых и мертвых, и этим воспоминанием заключается для нас тот богослужебный круг, который готовится ко входу в Великий пост, ибо в первую неделю мы будем класть, как говорят святые отцы, «начало мира, и самое от рая падение (...) Адамово; настоящий же всех дней конец, и миру самому»¹⁷⁸.

Вот почему в этот страшный день мы молимся, чтобы Господь был милостив к нам: «Припадем и восплачемся прежде суда онаго, вернии, егда небеса погибнут, звезды спадут, и вся земля поколеблется, да милостива обрящем в конец отцев Бога»¹⁷⁹.

И Святая Церковь говорит нам о том, что мы в этой службе соединяемся со всеми нашими сочленами церковными, и не только с теми, с которыми мы живём на земле, но и с теми,

которых мы вспоминали вчера: «Помышляю день оный и час, егда имамы вси, нази и яко осуждени, неумытному Судии предстати, тогда труба возшумит вельми, и основания земли подвижатся, и мертвии от гробов воскреснут, и возрастом едином вси будут, и всех тайная явленна предстанут пред Тобою и возрыдают, и восплачутся, и во огонь кромешный отыдут, иже никогдаже покаяшася; и в радость и веселие, праведных жребий внидет в чертог небесный»¹⁸⁰.

Мы все постоянно забываем, что наше главное дело есть предстояние Богу. Вы видели, наверно, иконы или распятия Христа Спасителя с так называемыми «предстоящими». Вот предстоят Кресту Господню Божия Матерь и Иоанн Богослов или перед Ним, сидящим на Престоле, предстоят святые и ангельские чины. Ведь это предстояние и есть та цель, к которой мы призываемся. Ибо что такое молитва?

«Молитва (...) есть пребывание и соединение человека с Богом»¹⁸¹. И единственное делание, которое останется у нас за гробом, когда все остальные добрые дела и благотворения отойдут от нас, есть молитва, которая тогда раскроется во всей полноте.

У нас есть всегда возможность прийти и предстать пред Богом, не только в храме или на домашней утренней и вечерней молитве, а всегда и везде, ибо апостол говорит: *непрестанно молитесь* (1Фес. 5:17), – и Господь предостерегает: Бдите и молитесь, да не внидете в напасть (Мк. 14:38).

Непрестанная молитва есть не что иное, как предстояние пред Богом в течение всей жизни, и предстояние добровольное, в сознании того, что мы, грешные, без Бога жить не можем и без Его помощи погибнем. Мы не отвергаем Бога, как фарисей, который считает, что и без Него хорошо, но на главу свою полагаем свои грехи и так подходим к Нему.

Настанет момент, когда мы предстанем пред Господом не добровольно, когда и верующие и неверующие, и предстоявшие раньше и не предстоявшие, все предстанем Ему. И это сделается не по нашей воле, а по воле Того, Кто соберёт всех и поставит ошуюю и одесную Себя.

Тогда поздно уже будет стараться добровольно предстать перед Господом, тогда поздно будет класть грехи свои на главу перед Богом, тогда поздно будет познавать свою божественную природу и свой человеческий грех.

Пока мы ещё в этой жизни, Святая Церковь через этот день, который предвещает страшное Пришествие Господа, указывает нам, что мы находимся не в одинаковых условиях с теми, которые уже отошли от жизни и которым только наша молитва может помочь, мы можем сами добровольно предстоять Ему и в течение всей нашей жизни быть с Ним.

И если мы будем с Ним не только изредка дома или в храме, а каждый день и час, если будем при каждом своём занятии и в каждом деле памятовать, что Господь нас видит, что мы предстоим Ему, грешные и непотребные, если мы будем жить той благодатной жизнью, которую даёт Святая Церковь, и если мы будем по возможности чаще прибегать к Таинствам, особенно к Таинству покаяния и причащения, то мы приобретём, и то, о чём говорилось в чтениях апостола Иоанна Богослова, мы приобретём совершенную любовь, а совершенная любовь мало-помалу изгоняет страх, и предстанем мы пред страшным Престолом Господа славы как свои, радуясь близости святых и Бога, как дети, которые только и думают о том, как бы увидеть Отца и Бога, которые всю жизнь стремились как можно чаще предстоять Ему. И тогда не страшен будет для нас этот Страшный, но справедливый Суд.

И Святая Церковь призывает нас, не имеющих этого предстояния, хотя бы в этот день начать делание покаяния, положить на главу грехи свои и помнить, что придёт день и предстанут все Престолу Господа славы и каждый получит должное ему. Аминь.

Беседа третья

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В нынешний день в Евангелии, читаемом за литургией, Святая Церковь предлагает нам притчу о Страшном Суде. Для многих это самое соблазнительное место в Евангелии. Часто говорят: «Как может быть, что милосердный Господь будет судить людей? Возможно ли, чтобы Он, Который принимает всегда своих блудных детей, осудил их на всякие муки?» Да, Господь милует мытаря и с любовью принимает блудного сына, и об этой любви и милости Божией к кающимся грешникам Святая Церковь говорила нам в первые два воскресенья, посвящённые приготовлению к Великому посту. А нынче она даёт нам празднование Страшного Суда и говорит о том, что Господь Иисус Христос не только пришёл на землю, чтобы пострадать нас ради человек, и нашего ради спасения, но что Он паки придёт во славе судить живых и мертвых¹⁸². В своей дерзновенной молитве Церковь даёт нам ныне предвидение той страшной минуты, когда «книги разгнутся»¹⁸³ и дела всех обнаружатся пред очами Судии. Если мы смущаемся и соблазняемся этими словами Господа, то это происходит потому, что мы не ценим и не понимаем законов духовной жизни и переносим на дела Божии представления, заимствованные от дел человеческих. Правда, существует аналогия между законами мира духовного и мира физического, и, пользуясь этим подобием, мы можем приблизиться и к пониманию духовной жизни. Мы знаем из повседневного опыта, что каждый человек пожинает то, что он посеял. То же и в жизни духовной. Один святой так говорит об этом: «Всякий человек от плодов своего пути вкушает одну половину здесь, а другую там»¹⁸⁴. Это значит, что тот, кто идёт Божиим путём, уже здесь, на земле, имеет спокойную совесть и блаженство пребывания с Богом, а тот, кто идёт путём греха, тому грех приносит страдание так же, как уже в этой земной жизни.

Духовная жизнь подчинена непреложным законам, и основной закон её есть закон человеческой свободы. Никакая

духовная сила, говорит Марк Подвижник, не принуждает человека насильно к добру или злу, но он получает помощь от того, кому он работает по доброй воле¹⁸⁵. Кто стучится к Богу, тому Он и помогает.

Приидите ко Мне еси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11:28), – говорит Господь. И диавол насильственно не принуждает нас ко злу. Но если мы добровольно исполняем его волю, то он начинает нас поощрять в этом. Мы имеем свободную волю и сами являемся творцами своей жизни. А из этого следует, что если мы в этой земной жизни несём ответственность за свои поступки перед теми или иными людьми, то тем больше является наша ответственность пред Богом.

Если в земной жизни, несмотря на препятствия, которые порой ставят на нашем пути люди и обстоятельства, мы вольны выбирать свой путь, и вести свою линию то этот закон свободы действует и в нашей жизни. Существует, однако же, глубокая разница между ответственностью пред людьми и пред Богом, между судом земным и Судом Божиим, и наши соблазны и смущения проистекают главным образом оттого, что мы переносим на Суд Божий свойства суда земного. Пойдите в земной суд, послушайте, что говорят там свидетели, прокурор, защитник. Если послушать защитника, то можно подумать, что нет человека лучше подсудимого, что он ни в чём не виновен и его напрасно обвиняют. Наоборот, по словам прокурора, подсудимый – величайший преступник, заслуживающий самой строгой кары.

Оба они говорят, подчиняясь требованиям своего положения, может быть, личных пристрастий, корысти, и один из них вольно или невольно непременно говорит неправду. Чтобы доказать свою правоту, они оба прибегают к тому, что канон сегодняшнего дня называет «витий художеством». Показания свидетелей также не беспристрастны, и они не раскрывают полной истины, ибо одни говорят одно, другие другое. Поэтому и приговор судьи, даже самого беспристрастного и справедливого, всегда заключает в себе элементы случайности и произвола. Не таков Суд Божий. Прежде всего, этот Суд

праведный и нелицеприятный. На нём не будет свидетелей, которые могут ошибаться или сознательно скрывать истину, единственным свидетелем будет на нём наша совесть, обнажённая перед Лицом Божиим. «Неумытный суд Твой, – говорится в каноне настоящего дня, – неутаенное Твое судище хитрословия, не витий художество крадущее, не свидетелей непщевание отражающее праведное; в Тебе бо Бозе всех сокровенная предстоят»¹⁸⁶. Тогда каждый из нас предстанет пред судом «от совести своя обличаемь... тогда отрещися грехов никтоже возможет, истине обличающей»¹⁸⁷. И воздаяние на этом суде не будет делом произвола Судии, Который по особому назначению посылает одних в ад, а других в рай, *но естественным* концом и следствием того пути, то которому человек шёл в своей земной жизни. Преподобный Марк Подвижник говорит, что вовсе не Господь является тем, Кто нас судит, наказывает и умерщвляет¹⁸⁸. Господь в раю заповедал Адаму не вкушать от плодов древа познания добра и зла, которые не были пригодны ему в пищу, так как не предназначались для новоначальных. Давая эту заповедь, Он предупредил Адама: *В оньже аще день снеси от него, смертию умреши* (Быт. 2:17). Не сказал Господь: «Я умерщвлю тебя!», но *смертию умреши*, показывая этим, что смерть будет естественным следствием греха. Создавая человека, Господь положил, чтобы за каждым делом, добрым или злым, естественно, а не по особому назначению, как думают люди, не понимающие духовной жизни, следовало достойное его воздаяние¹⁸⁹. Человек свободен, он идёт куда хочет, и к кому он пойдёт, оттого и получит помощь. И когда придёт день Страшного Суда, он будет судим, прежде всего, своею совестью и от неё получит первое воздаяние. Поэтому ныне, когда мы совершаем память Страшного Суда, вспомним о конце нашей земной жизни, который ожидает каждого из нас и за которым последует суд и воздаяние. «Видите, братие, как братья наши похищаются из среды нашей, – говорит авва Дорофей, – и мало-помалу приближаемся к смерти»¹⁹⁰. Будем стремиться к тому, чтобы как можно лучше использовать данное нам Господом время нашей жизни на земле, ибо, по словам одного

старца, если кто потеряет золото или серебро, может найти другое, а если кто потерял время, то не сможет найти другое»¹⁹¹. Давайте помнить, что наше дело заключается в том, чтобы по доброй воле прийти ко Господу. Отдадим Ему наше тяжкое греховное бремя, вместе со всеми святыми, которые будут руководить нами в эти дни на нашем покаянном пути, припадём к Его Святым Страстям. Вместе с апостолами приступим к Тайной вечере и с возлюбленным учеником Господа¹⁹² и Его Пречистой Матерью взойдем на Голгофу, с учениками и мироносицами, благообразным Иосифом и Никодимом предадим Его погребению. Тогда воистину обновится душа наша к великому дню Светлого Воскресения. Тогда поймём мы, что истинная смерть не смерть тела, но смерть души, сокрытая от человеческих взоров, и узнаем, что тот, кто живёт в Боге, не умрёт, а если и разрушится его тело, то снова воскреснет. Потому что смерть для христианина не смерть, а сон, uspение. И тот, кто собирал здесь богатства Царствия Небесного, не умрёт и на Суд не придёт. Преподобный Серафим и преподобный Сергей не будут судимы в тот час, когда мы предстанем пред Судом Христовым.

Ныне, братие, день благоприятный, ныне день спасения (ср.: 2Кор. 6:2). Будем же так поприще поста проходить, чтобы быть готовыми не только к воскресению нашего тела, но и к воскресению наших душ, чтобы нам дать добрый ответ в день Страшного Суда Христова.

Аминь.

Память святителя Алексия, митрополита Московского и всея России, чудотворца (1378)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Посылая на проповедь апостолов, Господь указал им, как мало делателей в винограднике Христовом: Жатвы много, а делателей мало (Мф. 9:37; Лк. 10:2). Если мало вообще делателей в Христовом винограднике, то бывают времена, когда особенно чувствуется оскудение в них. Но бывают и, напротив, иные времена, когда всё лучшее и сильное в смысле делателей собирается в винограднике Христовом.

Вот одного из таких делателей, одного из славной семьи русских подвижников мы ныне собрались возвеличить пеньми и песнями духовными. И торжество наше в том, что мы прославляем не митрополита и учителя, хотя святитель Алексий был великим митрополитом и учителем, ибо проповедническая деятельность была в нем сильно развита, и мы знаем его духовную работу по переводу Евангелия, а одного из великих делателей на русском участке виноградника Божия.

Господь говорил, что велик не тот, кто учит, а кто сначала сотворит, а потом научает: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствие Небесном* (Мф. 5:19).

Вот для нашего времени, которое отличается полным оскудением делателей, когда все мы ушли в слова, а не в дело, особенно нужно помнить, что святые отцы говорят, что опасно учить человеку, не прошедшему опытные пути деятельной жизни. Они говорят, что человек, который предварительно не построил себе прочного здания, может погубить себя и странников, приходящих к нему¹⁹³.

Вот если во времена великих подвижников находились люди, которые отличались учением не делом, а словом, то для нашего времени эти слова особенно знаменательны, ибо мы не думаем о том, что, прежде всего, внутри себя надо построить храм Божий: *Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас* (1Кор. 3:16).

Потому-то оскудела духовная жизнь в наше время, что она основана на слове, а не на деле. Мы, имея ветхий дом, как будто и можем принимать странников, но на самом деле нет у нас прочного здания и мы погубим себя и других вместе с собою, тех, которые приходят к нам, не имея опоры в нашей внутренней духовной жизни, [они] получают только вред.

А было время, когда были иные делатели в винограднике Христовом. Святитель Алексей был одним из великих и величайших. Святитель Алексей велик тем, что во времена преподобного Сергия и его учеников возглавлял Русскую Церковь.

Вот как говорит один из подвижников о том значении, какое имеет опытный делатель для нового делателя, который приходит к нему. «Если делатель придёт на место, где нет делателя, то не сможет успеть там и должен стараться не растратить то, что имеет. Если же ленивый придёт на место, где есть делатели, то, если будет бодрым, может успеть, если же нет, то, по крайней мере, не сойдёт вниз»¹⁹⁴.

Стало быть, если даже тот, кто в малой мере имеет духовную жизнь, старается строить в себе храм Божий, храм добродетелей, будет жить там, где нет делателей, то он должен стараться, как бы не сойти вниз и наоборот ленивый среди делателей имеет возможность преуспеть. Вот каково определение одного из подвижников египетской пустыни, и оно должно быть важно и для нас, для делателей или, по крайней мере, желающих быть такими.

Святитель Алексей в ранней молодости – девятнадцати лет – принял постриг от Стефана, брата преподобного Сергия, который положил вместе с преподобным Сергием начало своего иноческого подвига, но потом ушёл в Богоявленский московский монастырь.

Преподобный Стефан связал святителя Алексея в самом постриге с преподобным Сергием и его школой – он явился для святителя Алексея тем делателем, о котором говорят святые отцы.

Святитель Алексей шёл 25 лет, не помышляя о том, что он будет святителем, он шёл для того, чтобы в самом себе строить

дом добродетелей. Он в своей жизни показал, как надо жить нам, молодым, которые желают идти, и, может быть, помаленечку идут по пути, ведущему в Царствие Небесное. Святитель Алексий показал, что можно спастись, и, не уходя в пустыню, и не налагая на себя великих подвигов. Он жил в Богоявленском монастыре, но так как он знал через Стефана свою меру, он не делал тех ошибок, которые мы делаем. Он здесь, в столице, хотя и менее шумной, чем теперешняя Москва, но всё же шумной в сравнении с обителью преподобного Сергия, среди мирских соблазнов, соделывал своё спасение.

Обычно говорят, что мы будем спасаться на старости лет, тогда мы помолимся, попостимся, тогда и будем созидать храм душевный, а пока мы молоды, сильны, будем жить иной жизнью. Святые отцы говорят наоборот: когда ты молод и силен, тогда-то ты и думай о своей душе, а когда придёт старость и немощи, то и окажешься без сокровища¹⁹⁵.

Так святитель Алексий собирал в молодости это сокровище духовное для того, чтобы в старости не оказаться без всего. И мы знаем, каким он явился, когда потребовала от него вся Русская земля делания, когда слава о нём разнеслась по всей тогдашней Руси и дошла до Орды и хан вызвал его лечить свою жену Тайдулу.

В нём было сокровище, запасённое в молодости, которое он и явил русскому народу. Святитель Алексий является примером для всех нас, как с ранних лет нужно посвятить себя Богу и как можно устроить свою душу, живя в мире, ибо у каждого из нас своя мера и монастырь с его уединением не обязателен для всех.

Второй великий соблазн, в который впадают особенно начинающие, это желание все делать чрезмерно, всё делать в мере подвигов высочайших. А вот святые отцы и, в частности прославляемый ныне святитель Алексий, своею жизнью и своими писаниями могут предостеречь нас от этого соблазна.

Велик не тот, кто совершает великие подвиги, а тот, кто совершает их в своей мере, а стремление к усиленному

подвижничеству происходит от врага и легко может погубить и ранее приобретённое.

Вот святитель Алексей не ушёл, как не ушёл и преподобный Стефан вместе с преподобным Сергием в пустынный лес. Преподобный Стефан не остался в обители Сергия, не выдержал, потому что это не была его мера, и ушёл в Богоявленский монастырь.

И мера святителя Алексея не была мерой преподобного Сергия, но так как он шёл по своей мере, под руководством Стефана и через него знал волю Божию. Через рассудительность своего духовного отца, ибо рассудительность есть знание воли Божией во всякое время, на всяком месте и во всякой вещи¹⁹⁶, он достиг своим путём того, чего же другие достигают иным.

Празднуя ныне память святителя Алексея, научимся у него деланию в своей мере.

Если у нас оскудели делатели на земле, то давайте помнить, что сохранилась у нас возможность общения с другими делателями, которых уже нет на земле, но которые вместе с нами составляют одну Церковь и предстоят Престолу Вседержителя.

Святитель Алексей зовёт нас к тому, чтобы мы перешли от слов к делу, взялись бы за устройство наших душ, дома Божия, он зовёт нас к тому, чтобы мы помнили, что нам надо иметь связь с русскими угодниками, которые явились делателями на нашей земле. И тогда мы будем помнить, что не в 50 лет, а пока мы сильны и молоды, мы можем и должны строить в себе храм добродетелей. Мы должны это делать в меру своих сил, в меру своих дарований.

Молитесь святителю Алексею, чтобы он нам не только помог своими молитвами, но своею жизнью указал нам на истинное делание; вглядываясь в его жизнь, будем строить свой дом добродетелей.

Помолимся ныне ему и, Бог даст, мало-помалу из говорящих о Христе сделаемся в нашей мере делателями виноградики Христова, каковым делателем был на русской земле святитель Алексей, митрополит Московский.

Аминь.

Неделя сыропустная. Воспоминание Адамова изгнания. Прощёное воскресенье

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В нынешний день Святая Церковь даёт нам в своём богослужении образ падшего и кающегося Адама; библейский рассказ о грехопадении первого человека принадлежит к числу мест Священного Писания (см.: Быт. 3:1–19), более всего смущающих людей неверующих. Нам часто приходится слышать от них: для чего Бог создал человека свободным, ведь Он же знал, что человек согрешит? Поразительно, что это говорят те, кто считают человека самостоятельным и способным своими силами, без Бога, построить новый мир; те, кто считают человека свободным, упрекают Бога в том, что Он не создал нас марионетками которые не в силах сами определить путь на земле.

Совершенно иначе говорят об этом святые отцы. Бог, говорят они, дал человеку «самодержавие», т. е. возможность жить на земле самостоятельной жизнью. Он создал нас для творчества, а не для того, чтобы мы были марионетками в Его руках. Человек может жить в Боге и исполнять Его волю, а может не делать этого. Человек мог впасть в грех, но мог и не совершить его.

В жизни духовной нет принуждения, оно существует только в жизни мирской, где нас могут заставить сделать что-либо вопреки нашей воле и даже лишить жизни за неисполнение того, что нам навязано.

Закон духовной жизни иной: здесь каждый поступок вытекает из нашего свободного произволения.

Преподобный Марк Подвижник говорит, что никакая духовная сила не может принудить человека сделать что-либо насильно. Человек *сознательно* избирает себе путь Божий или путь дьявола. Только если мы принимаем на себя добровольно дьявольскую работу, он начинает нам помогать. Против же нашей воли дьявол не может заставить нас работать на него¹⁹⁷.

Обычно говорят, что Бог наказывает нас за непослушание Его воле; но в действительности это не так. Сотворив человека, Господь поставил его в определённые условия и подчинил нашу природу определённым законам. Заботясь о нашем благе, Он предупреждает нас о тех последствиях, к которым неизбежно приведёт человека нарушение этих законов.

Давая человеку, жившему в раю, заповедь не вкушать плодов от дерева познания, Господь не сказал ему: *В оньже аще день снесете от него, смертию умрете* (Быт.2:17). Что значит: «Если ты пойдёшь по пути нарушения закона, ты сам себя накажешь».

Это подобно предупреждению, которое мать делает своему ребёнку, когда он тянется к огню. Если он коснётся огня, то не она обожжёт его в наказание за непослушание, но он сам обожжётся, ибо таков закон жизни. Так и Господь предостерегал Адама от нарушения закона. Нельзя касаться того, до чего ты ещё не дорос духовно. Дерево познания добра и зла было пищей совершенных, вкушение которой требовало от человека приготовления и подвига. А Адам захотел без подготовки, без труда и подвига вкушать от плодов этого дерева, чтобы сразу уподобиться Богу, ведущему доброе и лукавое.

И возмездие за нарушение этого закона последовало *естественно*, как ожог следует за прикосновением к огню. Нарушив заповедь, Адам оплакивает свой грех так же, как плачет ребёнок, ожегший руку об огонь. Поэтому напрасно говорят, что Господь будет судить нас и накажет нас за грехи. Это неверно, ибо каждый получит естественное воздаяние за нарушение Божественного закона, которому Господь подчинил человеческую природу.

Господь по своей милости открывает перед согрешившим человеком путь покаяния. И в сегодняшней службе мы слышим плач согрешившего и кающегося Адама, который со слезами взывает к Богу: «Господи, помилуй мя падшаго». Но как возможно исцеление повреждённого грехом человеческого естества? Высшее из творений Божиих, запечатлённое печатью Божественного образа, по собственному произволению пало и тем самым нарушило в себе действие закона божественной

жизни. Если вещь ломается, и её чинят, это уже не будет новая вещь; подобно этому и первые люди покаянием не могли возвратить себе первозданную красоту. Они уже не могли стать новыми, такими, какими они вышли из рук Творца в день творения, и не потому, что Бог захотел их наказать, но потому, что сами они своим грехопадением нарушили созданный Богом чин естества. Для того чтобы восстановить его, нужно было создать *нового человека*.

Бог Отец по безмерной любви к Своему творению послал на землю Единородного Сына Своего, Который Своим рождением принёс людям жизнь и воскресение. Вместо ветхого, испорченного Адама, который сам повредил своё естество, Он создаёт новое творение – нового Адама. Во Христе и мы – новая тварь (см.: 2Кор. 5:17). И поэтому Господь принёс всё новое этому новому творению. Он даёт новую заповедь: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6:36). Заповедями блаженства Он открыл нам путь к блаженной жизни; и ими Он как бы говорит нам: идите, не достигните ли и вы блаженства? И мы знаем, что Божия Матерь Иоанн Креститель шли этим путём и достигли на нём высочайшей ступени – степени обожения.

Но и теперь, в Новом Завете, Бог не покушается на свободную волю человека и не навязывает ему Своей воли. Господь только обращается к нам с призывом: *Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16:24; см. так же: Лк. 9:23; Мк. 8:34).

И здесь, в Новом Завете, сохраняет свою силу закон свободы и самостоятельности твари. *Иже веру имет и крестится, спасен будет*, – сказал Господь (Мк. 16:16). Не Бог его спасёт, но сам он, если пойдёт по этому пути, войдёт в новые условия духовной жизни и спасётся.

Так же как и в Ветхом Завете, Бог не предъявляет человеку условий, не заключает с ним юридическую сделку: «Сделай то-то и то-то, и Я спасу тебя». Нет! Спасение и погибель человека – это не суд по особому назначению, а естественное воздаяние.

И ныне, когда совершается память изгнания из рая первого человека, мы должны помнить, что Господь не является ни

мстителем, ни судьей, но милостивым Творцом, пришедшим на землю, чтобы создать новое творение. И здесь, в условиях этого нового как бы творения, так же как первый человек в раю, мы не являемся безвольными куклами. Господь не берёт в руки бич и не гонит нас силою в рай или ад, как это часто делают люди.

Начинаются дни святой Четыредесятницы. И в эти великие дни мы должны помнить о нашей свободе; если ты хочешь, то пойдёшь в эти дни путём покаяния, который приведёт тебя к новой жизни. Ведь ты крещён, и, следовательно, ты – *новая тварь во Христе Иисусе* (ср.: Гал. 6:15). Если ты и пал, то можешь встать, потому что перед тобой открыты двери покаяния. Христос обновил нас Своею Кровию, и потому я «Божественного Тела и Крове, брение, причащаюся, и нетленен сотворяюся»¹⁹⁸.

Поэтому, если с первым Адамом мы сознаем своё согрешение, то вместе с ним будем и оплакивать его, вместе с ним будем очищаться от греха. Будем помнить, что только от нас зависит, станем мы одесную или ошуюю Господа в день Страшного Суда Христова. Ведь прежде чем предстанем пред страшным Престолом Его, мы будем обличены от своей совести; и если мы спросим, она ответит нам и скажет нам, идём ли мы вслед за Господом Иисусом Христом, Который в кротости пришёл к нам и в смирении отдал Себя на поругание за нас. Не для того, чтобы силою принудить нас к повиновению, пришёл к нам Господь, но чтобы с любовью призвать всех нас к себе. *Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16:24; см. также: Лк. 9:23; Мк. 8:34) .

Аминь.

Седмица первая Великого поста. Понедельник

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

По милости Божией мы, пройдя подготовительные седмицы, входим во святой и Великий пост. И входим в него, вспоминая самое начало жизни человека на земле: его создание, грехопадение, изгнание из рая. Святая Церковь ныне заставляя нас не только вспоминать о том, что было когда-то с первым человеком, но познать самих себя.

Авва Пимен, изъясняя своё учение об основах духовной жизни, сказал, что тот только начал духовное делание «кто познал самого себя»¹⁹⁹. А Исаак Сирин, говоря о человеке, познавшем себя, ставит его выше человека, сподобившегося видеть ангела²⁰⁰.

Познание самого себя есть дело всей христианской жизни, но начало этого познания, познание того, кто я, откуда я на земле, куда я пойду из здешней жизни, необходимо и для новоначальных.

И по милости Божией каждый из нас в какой-то момент своей жизни познал эту истину. Святая Церковь указывает нам и в этот день изгнания Адама из рая на наше происхождение.

«Создатель мой Господь, персть от земли прием мя, живоносным дуновением вдушив оживи, и почте на земли начальствующа видимыми всеми, и ангелом купно жителя»²⁰¹.

Вот Григорий Богослов, говоря о создании человека, указывает на то, что он по созданию есть венец всего творения, что Господь, прежде всего создав мир невидимый, а потом видимый, захотел затем соединить эти два мира в одном малом мире, и это новое создание – человека иметь Своим сотаинником, что-бы через этого нового ангела во плоти соединить мир видимый и невидимый, как бы мы теперь сказали – мир духовный и вещественный. Для того человек и создан, говорит Григорий Богослов, чтобы свою вещественную природу поднять до души. Задача человека заключается в том, чтобы своё тело из служебного сделать сослужащим Богу, чтобы видимую природу поднять на высоту невидимой²⁰².

Мы знаем, что Господь, живым дуновением создав человека, дал ему свободную волю, так что он мог идти по заповедям, а мог идти и против них, и для этого, говорит великий учитель Григорий Богослов, Бог дал заповедь, чтобы Адам не вкушал от древа познания добра и зла²⁰³.

Эта пища была мерою совершенных, и потому первый человек не должен был её вкушать. Это была заповедь, укрепляющая его свободу – он мог соблюсти и мог её нарушить и мы знаем, что он её нарушил.

«Одежды боготканная совлекохся, окаянный, Твое Божественное повеление преслушав, Господи, советом врага, и смоковым листвием и кожными ризами не облекохся»²⁰⁴.

Вот это совлечение одежды, это обнажение и познание этого обнажения и есть состояние человека во грехе.

Канон нынешнего дня будет говорить о том, что мы должны оплакивать свои греховные дела: «Гряди, душе моя страстная, плачи твоя деяния днесь, поминаючи первое обнажение во Едеме, имже изгнана еси от сладости, и непрестанный радости»²⁰⁵.

Вот это обнажение – это то что, мы будем слышать всю неделю:

«Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель изначала, и оттуду лежу наг»²⁰⁶, – будет нам говорить канон Андрея Критского.

Вот это совлечение первой боготканной одежды, той, которую по возвращении даёт блудному сыну отец, «одежду первую», ту, которую мы после того как был на земле Христос получаем в Таинстве крещения, когда во Христа крестимся, вот эту одежду мы потеряли, как первый человек, и должны теперь познать свою духовную наготу, познать, что мы снова раздрали ныне эту одежду и «оттуду лежу наг».

Во что же облекся человек? А облекся он в другую одежду, одежду, которая даётся через грех: «Облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом, и стыждуся»²⁰⁷. Вот эту одежду, которую мы получили одежду как тления, которую носим и должны совлечь, – это то что, мы должны осознать сегодня для того, чтобы облечься в чистые ризы. И мы знаем,

что есть такой путь, через который можно получить чистую одежду: «Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя»²⁰⁸, – поём мы, когда видим чертог Христов, украшенный, и не имеем одежды, чтобы войти в него. И первый человек был призван Господом на этот путь. Когда Господь призвал Адама к покаянию, то тот, вместо того, чтобы покаяться, обвинил Самого Творца: «Жена, которую ты мне дал, она меня и соблазнила» (ср. Быт. 3:12).

Он обвинил Бога вместо себя. Вот это непоставление своих грехов во главу своей жизни и погубило первого человека, и это может погубить и нас, которые через Христа снова облеклись в одежду первую. И Святая Церковь говорит нам, что мы, познав свою наготу, должны плакать о своих грехах: «Гряди, душе моя страстная, плачи твоя деяния днесь, поминаючи первое обнажение во Едеме, имже изгнана еси от сладости, и непрестанный радости»²⁰⁹.

«Студными одеян одеждami, увy мне, вместо одеяния светозарнаго, плачу моея погибели, Спасе, и верою вопию Ти, Благий: не презри, Боже, но воззови мя»²¹⁰.

«Рыдаю, стеню и плачу, херувимы с пламенным оружием зря, Едема вход стрещи повеленныя, всем преступником, увy, неприступный, аще не Ты неневозбранен, Спасе, той сотвориши ми»²¹¹.

Вот это состояние плача, которое ныне предлагается нам иметь, на этот плач будет наставлять нас Святая Церковь в течение всей первой седмицы. «Откуда начну плаката окаяннаго моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? но, яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление»²¹² – так начинается Великий канон.

Каким образом мы можем плакать, если у нас нет слёз?

Нам, входя в эту неделю Великого поста, надо познать своё состояние и то состояние, в котором нам надо быть. Святые отцы говорят, что не слезы рождают плач, а наоборот: «Не плач происходит от слёз, а слёзы от плача», – говорит преподобный Иоанн²¹³.

Плач бывает от разных причин, но плач бывает и от покаяния, ибо преподобный Варсануфий говорит: «Плач

омывает всякого от грехов»²¹⁴.

И плач, по Иоанну Лествичнику, есть «укоренившаяся скорбь кающейся души»²¹⁵.

Вот если мы познаем, что душа наша тлеет, острупилась, как говорит Андрей Критский²¹⁶, что мы во власти душевного Велиара и что душа наша больна тлением, тогда у нас, прежде всего, явится желание избавиться от этого тления, и мы будем просить, чтобы Господь простил нам грехи, исцелил наши язвы и струпья.

И если в этот момент у нас нет плача и слёз, так давайте во дни Великого поста учиться у тех, что умел каяться, умел плакать о своих грехах.

Как же нам стяжать плач?

Святые отцы говорят, что ленивым трудно достичь плача, ибо, по словам преподобного Варсанофия, «человек достигает плача трудом, посредством многого поучения в Писании, терпения, размышления о Страшном Суде и стыде вечном через самоотвержение, как Господь сказал: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16:24). Отвергнуться же себя и взять крест свой значит отсекасть свою волю во всем и почитать себя за ничто»²¹⁷.

Вот что советуют святые отцы – прежде всего труд и поучение в Священном Писании.

В течение всего года здесь, в храме, за богослужением, мы поучаемся в Священном Писании, но в дни Великого поста, когда мы непрестанно вопием Господу «Боже, помилуй мя падшаго», нам предлагается канон Андрея Критского, который весь состоит из образов, взятых из Священного Писания. Всё, что было яркого в Ветхом Завете во грехе, покаянии и молитве, всё это собрано Андреем Критским.

От Авеля, Каина, Иосифа, через Моисея, пророков и царя Давида, через тех, кто умел каяться и молиться, ведёт нас Церковь. «Совокупи убо Давид иногда беззаконию беззаконие, но покаяние сугубое показа абие»²¹⁸.

Всё, что было раскрыто нам в Евангелии, всё приводится в Великом каноне в покаянной молитвенной форме. «Новаго

привожду ти Писания указания, вводящая тя, душе, ко умилению; праведным убо поревнуй, грешных же отвращайся, и умилостави Христа молитвами же, и пощеньми, и чистотою, и говением»²¹⁹.

Вот то, что говорят святые отцы. Этот плач даётся через поучение в Священном Писании, и Святая Церковь даёт нам это поучение в исключительной форме, в каноне Андрея Критского.

Нам ещё необходимо поучение в терпении и размышлении о Страшном Суде, и Святая Церковь через поучения Ефрема Сирина²²⁰ в течение этой седмицы раскрывает нам этот суд нашей совести.

И наконец, остаётся нам ещё самоотвержение. Вот Адам не отказался от себя, он себя поставил на первое место и обвинил Творца: «Жена, которую Ты дал мне, меня соблазнила».

А нам надо помнить другие слова: *если кто хочет по Мне ити, да отвержется себе...* Мы должны отказаться от своего «я», мы должны, по святым отцам, почитать себя за ничто пред Богом²²¹, чтобы Господь очистил нас от наших болезней и язв. У нас же нет всего этого, и потому Церковь зовёт нас плакать и рыдать.

И это всё не простые слова, не слова и то, что без слёз можно иметь плач, ибо если мы имеем в душе укоренившуюся скорбь, то мы, по словам Иоанна Лествичника, уже имеем плач²²². Мы не будем обвинены, – говорит он, заканчивая свою главу о плаче, – о братие, не будем обвинены при исходе души нашей за то, что не творили чудес, ни за то, что не богословствовали, ни за то, что не были зрителями Тайн Божиих; но без сомнения дадим Богу ответ за то, что мы не плакали непрестанно о грехах своих»²²³.

Так говорит великий отец. Что же можно сказать не про подвижников, а про нас, которые даже в эти дни не имеем плача, в дни, когда все лучшее и назидательное с такою любовью собрано святыми отцами и даётся нам изо дня в день в эти подготовительные седмицы.

Какой ответ дадим мы, если всё богатство, собранное в каноне Андрея Критского, в стихирах, которые мы будем петь, в

покаянных псалмах грешного, но и праведного царя Давида пройдёт мимо нас?

Какой ответ дадим мы, если и этот год пропадёт даром, если мы не познаем себя, не осознаем свои грехи, не постараемся просить у Бога покаяния и слёз, ибо это зависит и от нас и от Бога?

Неужели мы не придём в храм и не будем вместе с Андреем Критским и со всеми праведниками просить о помиловании, просить о покаянном плаче?

Давайте же молиться тем великим подвижникам, которых мы вспоминали в субботу, чтобы нам получить радость плача о своих грехах, болезнях и недугах, давайте вместе с Адамом взывать ежедневно в течение этой недели: «Боже, помилуй мя падшаго».

Аминь.

Седмица первая Великого поста. Пятница (Слово к исповедникам)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я думаю, что наша главная беда в том, что мы считаем, что исповедь есть наша обязанность раз в год. А затем – поговели, стало легко, и божественную лёгкость мы преступно перевертываем в простую лёгкость, в обычное человеческое переживание: стало легко, вот и всё, вот и хорошо.

Неужели покаяние только для того, чтобы почувствовать себя легко?

Мы должны понять, что исповедь есть то средство, которое даётся Богом для нашего духовного устройства, устройства всей жизни. Иначе покаяние тщетно. Покаяние – великое Таинство, а мы превращаем его в то, что является для нас радостным переживанием, и ничего больше.

Святые отцы говорят нам о том, что настоящее покаяние начинается с той минуты, как ты исповедался. Священник молится над кающимся, чтобы Господь дал ему образ покаяния: «Умилостивися о рабе Твоем (...) и подаждь ему образ покаяния»²²⁴. Как же так? Ведь он покался, исповедался, зачем же просить, чтобы Господь дал ему образ покаяния?

С этого момента, с момента исповедания и отпущения грехов, а затем и соединения Святым Телу и Крови, и начинается покаяние в жизни истинное покаяние.

Состояние нас, христиан, есть состояние кающихся. Если мы хотим Царства Божия, то и должны быть кающимися, кающимися всю жизнь, изо дня в день, должны каждый день проверять свою совесть, а не раз в году.

Недаром говорят святые отцы, что тогда только начинается покаяние, когда мы покались и приняли Святые Тайны, ибо тогда-то и легко следить за собой, испытывать свою совесть. Эта лёгкость, которую мы чувствуем, и есть освобождение от греха, от целых зарослей его в нас. Когда мы с помощью Божией сбросили всё это с души, когда благодать Божия коснулась нас, тогда-то и можно посмотреть, заглянуть в душу,

ибо тогда на этой чистоте души заметна всякая мелочь греха. А обычно, пока человек не покаялся, он теряется в хаосе грехов. Как их различить? У каждого из нас есть свой грех – «близкий и дорогой» нам греховно. От него-то и надо, прежде всего, избавиться. А когда болезнь, которая губила организм человека, сломлена, тогда становится возможным почувствовать и другие грехи, за которыми не удавалось следить раньше.

Святые отцы говорят, что путь христианина – это путь очищения, это путь стяжания в себе страха Божия, общения с Богом. Прежде всего, я чувствую в себе страх, если я грешен, и по мере того как очищаюсь от греха, по мере того как приближаюсь к Богу и приобщаюсь к Нему, страх уменьшается, пропадает, и наконец совершенная любовь изгоняет страх(1Ин. 4:18) .

Нам надо идти путём очищения, путём покаяния, соединения с Богом. От соприкосновения с Богом становится легко. А дальше? Человеку легко он доволен и говорит себе: «Вот и всё».

Нет, братья и сестры, ничего ещё не сделано. Всё дал Бог, Сын Божий, Который искупил нас. Спасение столько же принадлежит Богу, сколько и человеку, путь спасения есть процесс богочеловеческий. Я иду к Богу, как могу, а Бог меня, не умеющего ходить, поддерживает и ведёт.

Каким образом мы можем идти к Богу, жить с Ним, если мы этого хотим?

Святые отцы говорят, что молитва (...) есть пребывание и соединение человека с Богом»²²⁵. И вот это – самое слабое наше место.

Многих пришлось сегодня исповедовать. Спрашиваешь: «А вы молитесь?» Отвечают серьёзно: «Что вы. Да у меня времени нет, я занят. Утром мне некогда, спешу на работу, а как я могу молиться вечером, когда я ослаб от трудов, падаю от усталости и сна». Серьёзно всё это говорится.

Зачем же вы пришли на исповедь, зачем вы пришли в Церковь в храм, если не хотите воспринять то, что даёт Церковь, если благодать Таинства, полученную вами как

величайшую милость Божию, делаете только приятным человеческим переживанием?

Многих, которые приходили ко мне сегодня, спрашиваешь: «Сколько вы спите?» – «Часов семь–восемь». – «А сколько вы работаете?» – «Семнадцать восемнадцать часов». А для Бога что же? Неужели для Бога, для молитвы вы не можете уделить несколько времени? Если всё это так, то и христианство для этих людей лишь поверхностное, между прочим.

Святые отцы говорят, что надо жить в Боге, постоянно находиться с Ним в беседе и пребывать с ним. И, прежде всего – утром и вечером молиться. Как ты начнёшь день, так и весь он пройдёт. Утром молиться может каждый из нас, ибо у нас есть много часов для всех наших дел, и десять минут можно уделить Богу. А вечером мы устали... Конечно, трудно стать на молитву, когда мы устали, ещё не наша мера молиться, когда глаза слипаются от сна. Молитесь раньше, молитесь за час, за полтора до сна, а потом сделайте ваши необходимые дела. А перед сном оставьте одну краткую молитву «Да воскреснет Бог» (так же Пс. 67:2) или «Боже, ослаби, остави»²²⁶.

Надо нам понять, что всякое дело наше должно быть освящено Богом, в работе должны мы призывать Бога. Молитесь кратко, кто как может: «Господи, помилуй», «Боже, очисти мя грешного». Помните, что от этого зависит и наша утренняя, и наша вечерняя молитва. Если мы искренно пожелаем жить в Боге, Господь поможет нам.

Но говорят ещё и другое: «Как же я буду молиться без настроения, без желания? Как же я буду молиться, если я каменный?» – и этим оправдываются и даже упрекают нас, говоря: «Вы учите фарисейству».

Если мы будем честны сами с собой, то увидим, что всякое дело мы делаем то с радостью и охотой, то с утруждением и понуждением. Так со службой, так и со всяким делом. И, понудив себя, мы входим в работу, становимся хорошими работниками, хотя перед тем нас и уныние, и лень одолевали. То же и в отношении к Богу, к молитве. Мы, грешные, не можем постоянно находиться в горении, в пламенном желании быть с Богом. Не смущайтесь этим. Вспомните вдовицу, которая дала

две лепты (см. Мк. 12:41–44). Это так мало, что мы по-мирскому швырнули бы эти две лепты: «К чему они?» Другие давали много, а Христос сказал, что малый, дар вдовы был больше всех, ибо она дала всё, что имела. Поэтому не смущайтесь тем, что вам не хочется молиться, что у вас нет покаяния. Человек не желает отдать малейшее Богу. «Покаяния несть во мне, но даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько»²²⁷. «Ни слез, ниже покаяния имам, ниже умиления», – говорит творец Великого канона, но я иду и прошу у Бога: «Сам ми сия, Спасе, яко Бог, даруй»²²⁸, «яко благоутробен, даждь ми слезы умиления»²²⁹. Наше обличение в этом каноне. Мы, если хотим этого умиления, должны сказать Господу: «Вот мои две лепты, помоги мне».

Если бы кто-нибудь жил далеко и отец или мать приехали к нему и застали его на грязной работе, неужели этот человек, увидев дорогих людей, побежал бы мыться и приводить себя в порядок? Он бросится навстречу в таком виде, как он есть. Этого-то хочет от нас Господь.

Об этом я хотел говорить с вами сегодня, когда есть много людей, которые пришли на исповедь единственный раз в году. Дай Бог им понять, что мы должны восходить к Богу в каждую минуту жизни. Я умоляю всех моих духовных детей этого дня, после того как они получают прощение, благодать и нетление в Таинствах покаяния и приобщения Святых Таин, чтобы они начали свою духовную жизнь именно с этого поста, если они её вообще ещё не начинали, а те, кто уже пытался начать покаяние и опять падал, начните его снова, вспомнив слова святителя Иоанна Златоуста: «Аще и ничтоже благо сотворих пред Тобою, но даждь ми по благодати Твоей положити начало благое»²³⁰.

То, что ты врач, служащий, рабочий, хозяйка, – это всё второстепенно, между прочим. Все мы, христиане, призваны жить в Боге, освящать свою жизнь Христом. Помните, что покаяние есть дело всей жизни, что надо каждый день испытывать свою совесть и исправляться. Мы должны идти к Богу такими, как есть, а не дожидаться того момента, когда мы снизойдём до Него и что то сможем Ему дать.

Желаю вам всем, чтобы завтра, когда вы не только примиритесь с Господом через Таинство покаяния, но и соединитесь с Ним в приобщении Святых Таин, вступить на новый путь, чтобы вы начали молитву, научились покаянию и осознанию своих грехов не только на исповеди, но в каждый момент этой нашей временной жизни.

Аминь.

Неделя первая Великого поста. Торжество Православия. Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь в первое воскресенье Великого поста даёт соединиться нам, всем тем, которые прошли первую седмицу в покаянии, в познании своего сродства с первым человеком Адамом, в сознании того, что в каждом из нас образ неизреченной Божией славы, хотя и покрытый язвами согрешения, и в постоянном вопле ко Господу «Помилуй мя, Боже, помилуй мя, она даёт нам, верующим, подойти ныне к великой радости, ибо ныне день Торжества Православия.

Недаром не случайно эта седмица начинается с такого дня. Если бы мы, верующие, всё время находились в состоянии первого Адама, плачущего, кающегося и взывающего: «Господи, помилуй мя падшаго», – вместе с ним находились бы в состоянии почти отчаяния, а затем лишь отдалённой надежды, что когда-то «семя Жены сотрёт главу змия» (ср.: Быт. 3:15), тогда бы мы находились ещё в Ветхом Завете, а мы уже в Новом.

Святая Церковь устраивает Торжество Православия на второй седмице, чтобы напомнить нам, что мы имеем это обетование уже исполненным, что мы уже в Новом Завете, что мы хотя и покрыты язвами согрешений, как первый человек, но Спаситель был на земле и не только был, но и оставил нам Тело Своё – Церковь и мы, прославляя Его, торжествуя Его пришествие, исповедуем Его православно.

Но почему же это приурочено к торжеству иконопочитания и все стихиры, которые мы пели вчера, говорят о почитании икон?

Почему на этой неделе, когда потребовалось дать нам радость, Святая Церковь даёт нам её через икону, через торжество иконопочитания?

Почему мы прославляем пречистый образ Спасителя?

Борьба за икону есть борьба за реальность Христа, за действительность Его, за то, что Он воистину пришёл на землю и жил на ней не только как Бог, но и как человек. «Не

мечтаниями пожил», как говорят святые отцы, а действительно был во плоти. И поэтому борьба за иконопочитание продолжалась в течение целого столетия и раздирала Церковь на непримиримых врагов, на тех, кто защищал иконопочитание, и тех, кто восставал против него.

А ныне разве это кончилось?

Что такое нападки на иконы?

Это нападки на существование Христа. Это вопрос существенный для христианства. Если мы обратимся к святым отцам, которые боролись за иконы, то почувствуем родство с их веком. Когда Феодор Студит писал против иконоборцев, он указывал на то, что если бы Бог не был на земле как Человек, то Его нельзя было бы описывать, т. е. живописать, а ныне нет оснований, почему бы Его не описывать: «Итак, пусть [иконоборец], выступив, научит, какое у него есть физическое основание и какая причина такой неизобразимости. Разве Христос не принял нашего образа? Разве тело Его не было составлено из костей? Разве зеницы очей Его не были ограждены веждами и бровями? Разве уши Его не были устроены с извилистыми проходами? Разве ноздри Его не были приспособлены к обонянию? Разве Он не был одарён цветущими ланитами? Разве устами и языком, губами и зубами Он не произносил слов, не ел и не пил? Разве Он не был снабжён составами плеч локтей и рук? Разве Он не имел от природы груди и хребта с голеньями и ногами? Разве Он не оказывал движения при хождении вверх, вниз, внутрь, вне, направо, налево, кругом? Разве Он не имел волос на голове и не облакал тела хитоном? Если же Он, несомненно, обнаруживал это, чего изображение в телесном виде служит неложным образом Его, то дерзость – утверждать, будто Христос неизобразим»²³¹.

«Если же Христос человек, – заключает Феодор, – то очевидно, что может изображаться на иконе, ибо первое свойство человека быть изображённым; если же Он не изображается, то Он не человек, а бесплотный, и даже ещё не пришёл Христос, как пустословят иудеи»²³².

Так заканчивает святой отец, и вот для нас и ныне борьба за икону это есть борьба за Христа, за Спасителя, за Того, Кто не только был предвозвещён первому человеку, что настанет время «и семя Жены сотрёт главу змию», но и пришёл, и, будучи Богом, был и совершенным человеком, и как человек из Неопикуемого делается Опикуемым, из Невместимого Вместимым, из Великого делается вместе с тем Малым.

И Святая Церковь не нашла ничего лучшего, как дать нам как Торжество Православия восстановление иконопочитания, восстановление подлинного Христова учения, что Господь пришёл на землю как Бог, но и как человек во плоти.

А наше время, которое старается доказать, что Христа не было, идет, прежде всего, против икон, против иконопочитания, несмотря на то, что оно благосклонно относится к живописи и вообще к искусству. Вся причина заключается в том, что Христа хотят отрицать, отвергнуть [и потому] идут против икон.

Обычно нам говорят: «Вы делаете себе множество богов и им поклоняетесь». Так ли это?

Если мы веруем, что Христос избавил нас от состояния Адама, плачущего о потерянном рае, и вводит нас в Святую Церковь; если Он принимает нас как блудных детей и не только закаляет агнца, но даёт нам Своё Тело, одевает в первую одежду нетления и святости, то в этот день Торжества Православия нам надо отдать себе отчёт, почему мы поклоняемся иконам.

«Честь бо иконы на Первообразное восходит»²³³, – говорят Василий Великий и те стихиры, которые мы слышали вчера.

Что же это значит?

Это значит, что если мы имеем какое-нибудь изображение Господа, то этот образ – зрак – даёт нам возможность относиться к Нему Самому, к Первообразу. Так же, как портрет кого-либо заставляет нас перенестись к изображённому человеку; и все знают, что если стоит какая-нибудь фотография, то так мы и скажем: «это мама, это папа» – и никогда ни у кого не возникнет сомнения, картон, бумага, фотографическая карточка, так как через этот образ мы восходим к первообразу и его именно и видим на фотографии.

Также и в отношении икон, через образ Христа мы восходим к Нему: «Честь бо иконы на Первообразное восходит».

Для нас, для тех, кто почитает святые иконы, должно быть известно определение VII Вселенского Собора, память которого мы ныне совершаем, ибо он утвердил истинное учение об иконе: «Определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались [для поклонения] точно так же, как изображение честного Животворящего Креста, будут ли они написаны красками или сделаны из мозаики или какого-либо другого вещества и будут ли находиться в святых церквах Божиих на освящённых сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа Иисуса Христа, или Владычицы нашей Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще при помощи икон делаются они предметами нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобзание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует только Божественному естеству»²³⁴.

Истинное служение мы совершаем не иконе, а Богу, а икона есть то, что для нас является необходимым как то, через что мы возводим себя к Первообразу. Вот как учит об этом VII Вселенский Собор.

Для нас, которые прошли первую неделю Великого поста, которые если не имеют покаяния и слёз, то укоряют себя за это, для нас необходимо приобщиться к тем, кто имел эти слёзы покаяния, подвижникам, и особенно – творцу Великого канона и преподобной матери Марии Египетской.

Для нас уже не может быть такого отчаяния, как в Ветхом Завете, ни того мужества, о котором говорит Андрей Критский: «Ветхаго завета вся приведох ти, душе, к подобию; подражай праведных боголюбивая деяния, избеги же паки лукавых грехов»²³⁵.

Они ещё не имели радости благовестия и рождения Христа, а мы не только это знаем и имеем, но мы ныне приняли на себя Его пречистое Тело и Кровь; мы не только знаем как притчу, что

Господь примет нас, но знаем и то, что мы ныне снова приняты Им, снова получим одежду нетления. И всё это так, потому что Христос был и есть в Церкви, а отсюда иконы и вера в то, что можно Его Неизмеримого мерить и Неописуемого описать.

И радость сегодняшнего дня должна привести нас к сознанию того, что *во Христе мы новая тварь* (2Кор. 5:17): *елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3:27).

Давайте помнить, что пост ещё не кончился, а только начинается, и мы, пройдя через покаяние Адама, облекшись в одежду нетления, пойдём дальше по пути, раскрываемому Святою Церковью, через осияние Фаворским светом к радости жизни в Господе.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь празднует восстановление иконопочитания после VII Вселенского Собора. День этот она именует Праздником Православия, потому что в содержании его заключается указание на тот путь, вступить на который зовёт нас Церковь и который она считает путём Православия.

В чём же значение этого дня и почему мы утверждаем, что с почитанием святых икон, и прежде всего образа Иисуса Христа, связан для нас истинный путь Православия?

Почитая и поклоняясь образу Христа Спасителя мы свидетельствуем этим, что Бог Невидимый и Неописуемый» нас ради человек, и нашего ради спасения» явился во плоти и стал человеком и тем самым в Своём человеческом образе сделался описуемым и доступным изображению. Поэтому, поклоняясь образу Иисуса Христа, мы, как говорит преподобный Иоанн Дамаскин, «поклоняемся не материи, но Творцу материи, ставшему материей ради нас... через материю создавшему моё спасение»²³⁶.

Это значит, что иконоборцы, с такой ненавистью относившиеся к изображениям Спасителя, с яростию уничтожавшие святые иконы и жестоко преследовавшие сторонников иконопочитания, вооружились не против какой-либо частной особенности христианского культа, но против самого существа христианства, против его веры в Боговоплощение.

Эту борьбу против Христа, пришедшего во плоти, лишь отчасти видоизменённую, мы можем наблюдать во всё время, на протяжении всей истории Церкви. И в наше время, когда мир открыто заявляет о своём нежелании идти по пути Христову, он, прежде всего, хочет стереть с лица земли всякое изображение Бога. Он борется против тех, кто украшает изображениями Иисуса Христа свои жилища и кто носит на своей груди Его святой крест.

Мы живём в счастливое время, в которое, как никогда, ясно, что мир борется со Христом и стремится уничтожить на земле самую память о христианстве. При этом особенно важно, что всё значение этой борьбы и её средоточие раскрывается не в чём-либо внешнем, но прежде всего в наших сердцах. Ведь богоборчество – это не книги или карикатуры, не антирелигиозные лекции, которые являются только внешними проявлениями настоящей внутренней борьбы, совершающейся в человеческих сердцах; именно в них идёт истинная борьба между Богом и миром.

Вспомните, что Господь говорит: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17:21). Если это так, то и царство дьявола приходит в мир, лишь, поскольку мы его носим в наших сердцах.

Весь ужас положения современного человека заключается в том, что он не хочет жить, повинаясь тем законам, которые установлены для него Богом. Естественный строй жизни он стремится заменить искусственными суррогатами. И трагедия его заключается в том, что при всём желании создать что-то принципиально новое, выходящее за пределы закономерности природы, он вынужден всё-таки вернуться к природе.

И наука также должна была признать необходимость для человека жить в согласии с природой. Много, например, было опытов с искусственным питанием младенцев, но, в конце концов, наука всё же пришла к выводу, что самое лучшее для ребёнка – это *природное* материнское молоко.

Победа этого естественного природного строя особенно заметна в той человеческой борьбе между миром и Богом, которая происходит в человеческом сердце; она несёт с собой мир наших душевных сил и духовное здоровье.

Наоборот, если в нашем сердце побеждают силы мира сего, это влечёт за собою расстройство наших душевных сил и ведёт к духовному недугу. Но как бы глубоко ни было в нас это нарушение природного божественного строя души, как бы силен ни был вызванный им душевный недуг, для человека всегда открыт путь к его лечению. Путь этот – покаяние. Вот сегодня мы с вами приступили к святой Чаше и, подходя к ней,

молились, чтобы Господь дал нам возможность принести Ему то, что принёс благоразумный разбойник: «Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем²³⁷». Сердце разбойника недуговало грехом, но он принёс Господу покаянную молитву, которая открыла перед ним врата рая!

И нам надо помнить о том, что через причащение Божественной жизни мы можем в покаянии очистить всё, что искажено грехом в нашей душе. Покаяние дано нам Господом как противоядие против греха.

Не забывайте о том, что не Бог наказывает нас за наши грехи, но мы сами, выходя за пределы тех условий, которые создаются для нас Божественными законами, терпим беду, впадаем в недуг греха. Но подобно тому, как в нас самих заключается причина, так в нашей же душе заложено и средство к врачеванию этого недуга – покаяние.

Если мы просим Господа «помянуть» нас во Царствии Своём и сами должны жить в покаянии и сокрушении о своих грехах, тогда сердца наши будут открыты пред Господом и очи Господни будут взирать на нас. В этой молитве мы как бы говорим Господу: «Вот я иду к Тебе, сердце мое обращено к Тебе, помяни мя и Ты во Царствии Твоем!»

Поэтому, обращаясь к Господу с покаянной молитвой благоразумного разбойника, мы должны очами совести взглянуть на нашу собственную жизнь, проверить себя и задать себе вопрос: «А как ты сам живешь? Вот мы указываем на тех, кто идёт против Христа. А что делаем мы сами? Разве наше лобзание образа Спасителя не бывает часто подобно лобзанию Иуды? Разве не делаем мы часто *сознательно* противоположное тому, что говорит наша совесть?»

Совесть – этот глас Божий в нашей душе – говорит нам: «Не делай! А мы *нарочно* делаем именно то, что запрещает нам совесть. Это и есть чистое богоборчество, которое начинается в нашей собственной душе.

В ней же начинается борьба за Царствие Божие, и начало её есть противление греху. Это борьба с тем, что говорит мне другой голос, противоположный голосу моей совести. Другой

хозяин стремится завладеть моей душой, и если я повинуюсь его *голосу*, то голос совести начинает постепенно затихать в ней. Однако он не умолкает совершенно, но всё время звучит в нашей душе, призывая нас к покаянию, но мы противимся ему, то голос совести говорит нам: «Покайся, начни жизнь снова! И если мы не слушаемся этого голоса и противимся ему, то тем самым мы вступаем на путь *богоборчества*. Идя по этому пути, многие снимают с себя изображение Распятого Бога и идут к тем, кто изливает вместе с грязью своей души свою ненависть ко Христу.

Но помните всегда, что именно в душе начинается эта борьба. Посмотрите на самих себя на тот крест, который вы носите на своей груди, на образ Распятого Бога, который дан вам в день вашего крещения! Не забывайте, что с этого дня он не только дан вам для ношения на груди, но живописан и в вашем сердце! Придёт время, когда у нас не будет тех или иных человеческих изображений, а останется только одна живая бессмертная наша душа, предстоящая Богу. Поэтому нам нужно сейчас не болтать о том, что делают другие, как относятся они к Животворящему Господу или к святым иконам, но прежде всего, смотреть за тем, как сами мы относимся к данному нам нашим Творцом *образу Божию*. И если мы живём во грехе, то это значит, что мы разрушаем в себе наш христианский образ.

Одни идут открыто против Христа, подобно Иуде, который был избличён на Тайной вечере. А ведь Иуда был с самого начала причтён к двенадцати апостолам, слушал слово Христово и подобно другим ученикам творил чудеса, а потом предал своего Господа и Учителя. Но есть и такие среди нас, которые вместе со всеми подходят к святой Чаше и устами дают обещания: «ни лобзания Ти дам, яко Иуда», а в глубине души, в тайниках её, которых никто, кроме Бога, не видит, предают Господа. И это делаем мы, верующие! И притом в такое радостное время, в которое дано нам жить, когда так ясно проходит грань между верой и неверием, между друзьями и врагами Господа. Ведь мы живём в это радостное время, которое многие хотели бы увидеть и не увидели! Господь дал нам возможность увидеть и познать Путь жизни и путь смерти и

свободно выбирать между ними. Давайте же присмотримся к себе и спросим у своей совести: не Иудиним ли путём мы идём? Это очень серьёзный вопрос, потому что истинное предательство и богоборчество заключается не в тех или иных воззваниях, даже не в исповедании антирелигиозных взглядов, а в тайниках нашей души, открытых только Богу. И может быть [, что] многие из тех, которые считают себя христианами, на самом деле идут путём Иуды.

Одно из двух: или мы воистину боремся в своей душе за то, чтобы Господь помянул нас в Царствии Своём, и тогда, как бы ни было нам трудно, мы будем стремиться к излечению недуга греховного, или мы заглушим в себе голос совести и тогда встанем на сторону мира и князя мира сего. И в этом случае мы в тайнике наших душ идём путём Иуды и предаём Христа.

Помните о том, что каждый из нас должен в какой-то мере идти путём апостолов, свидетельствовать о Христе и проповедовать Его если не словом, то хотя бы делами.

Будем же непрестанно стремиться к этому и молиться о том, чтобы Господь причислил нас к лику апостольскому и сподобил нас неосуждённо участвовать в Тайной вечере: «Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими, не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Аминь.

Неделя вторая Великого поста. Память святителя Григория Паламы

Беседа первая. Святитель о Фаворском свете

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь ведёт нас от покаяния и оплакивания своих грехов вместе с первым Адамом – от первой недели через вторую, через радостное сознание, что Святая Православная Церковь, Глава которой Христос, изымает нас из этой жизни и приобщает жизни вечной, – и приводит ныне к прославлению памяти одного из великих подвижников и учителей духовного делания – Григория Паламы.

Какой смысл прославления этого святого в воскресный день Великого поста?

Почему Святая Церковь берёт инока, подвижника Афона, исихаста, безмолвника, делателя умной молитвы и даёт его образ для всех нас?

Ведь мы не думаем заняться безмолвием и идти на тот подвиг, на который зовут исихасты. Ведь мы живём в мире, в суете, на службе и дома, так далеко от того, что делали и чем были окружены эти делатели умной молитвы.

А Церковь не только инокам, но и нам даёт эту память и прославляет его именно для нас, ибо Григорий Палама имеет, как и каждый святой, свой день памяти, а ныне это совершается в связи с Великим постом.

Церковь Святая нас, покаявшихся, принявших Святые Тайны и очистившихся, возводит сразу к тому достижению, в котором могут находиться люди, ещё живущие на земле. Она даёт нам радость пребывания и общения с этим великим подвижником, в котором ярко она видит того, кто особенно ярко вместе с Григорием Синаитом и Николаем Кавасилой выявил истинно духовное делание. Ведь духовное делание заключается не только в покаянии и очищении от страстей, ибо Спаситель пришёл не только «прежде падший возставить образ»²³⁸, но для того чтобы нас возвести к Богу через уподобление: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48).

И мы, христиане, должны помнить, что покаяние и очищение – начало нашей работы, а есть ещё другое настоящее

делание, которое было у первого Адама. Ибо он, ещё не согрешив, находясь в состоянии бесстрастия, должен был восходить «на еже по подобию»²³⁹.

И святые отцы говорят, что истинное делание начинается очищением от страстей, а дальше идёт обожение, уподобление Богу²⁴⁰.

И один святой отец говорит, что человек должен идти к Богу, как художник, который, рисуя картину, сперва карандашом или углём даёт ей начертание, образ, а затем уж он может её живописать²⁴¹. Это есть восстановление образа Божия через Таинства, это то, что мы получаем через крещение и, не сохранив, вновь обретаем в Таинстве покаяния, а затем уже художник накладывает краски на этот рисунок, и это наложение красок есть наше восхождение через добродетель к Богу, образ Которого мы живописуем в себе, восходя «на еже по подобию». И те, кто уже давно работает над очищением своей души – подвижники и учителя Церкви, всегда смотрели так на духовное делание.

Когда в XIII и XIV веках стали забывать истинное духовное делание и, перестав понимать путь восхождения, восставать против правильного его понимания, тогда выступили те истинные Христовы делатели, среди которых был и Григорий Палама.

Это он говорил, что через очищение сердца, через хранение ума и постоянную молитву Иисусову можно дойти до такого состояния, что ещё здесь, на земле, мы воскреснем и ещё здесь увидим Бога не как Сущность, но как энергию, как Его действие, как свет, который видел Адам и который озарил апостолов на горе Фавор (см.: Мф. 16:2; Мк. 9:3; Лк. 9:29), чтобы они понимали, куда идут и что получают.

Вы, наверно, знаете, что спор Григория Паламы с его противниками заключался в том, что те отрицали несозданность Фаворского света, говоря, что это есть свет естественный, созданный, или же мечта и видение.

Григорий Палама говорил, что это есть истинный несозданный свет, проявление Бога, которого мы, не

воспринимая в существе Его, можем в нашей реальности воспринять как энергию.

Наше сегодняшнее прославление Григория Паламы указывает нам путь, по которому мы не идём, но идти можем. В эти дни покаяния вспомним о том, что мы потеряли и чего можем достичь на земле.

Разве мы безмолвники и пустынники, разве мы, погружённые в наши житейские дела, можем иметь то делание, о котором учат подвижники? Не есть ли это слова, которые для них, может быть, и содержат правду, но для нашей жизни не имеют никакого значения?

Вспомним, что такое безмолвие по учению святых отцов.

«Безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним»²⁴², – говорит Иоанн Лествичник. Если, – свидетельствует один святой отец, – ты не почувствуешь, что есть Бог и ты, то ты не приобретёшь истинного духовного делания»²⁴³.

Где бы ты ни находился и в какой бы суете ты ни жил, ты можешь начать службу Богу, ты можешь быть исихастом, ибо Иоанн Лествичник говорит, что можно ещё при жизни непрестанно предстоять Богу²⁴⁴.

Какую бы работу ты ни делал на службе или дома, постоянно помни, что ты Божий, что ты исполняешь свою работу не для отца или матери или того или иного человека, а для Бога, ибо Он заповедал тебе: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3:19). Если ты будешь делать так, то ты недалёк от подлинного делания безмолвника.

Каковы же основы делания безмолвника?

1. Хранение языка.

А нам разве не надо хранить язык? Разве мы не страдаем от того, что не храним его?

«Храни язык твой, – говорит Иоанн Лествичник, – ибо он может в малое время расточить плоды многих трудов»²⁴⁵.

И мы все знаем хорошо, как мы выбалтываем свою душу, опустошаем её, давая волю этому малому члену, который уничтожает плоды наших трудов. Хранение языка есть первое дело безмолвника, но необходимо и другое.

2. Хранение ума.

Святые отцы говорят, что мы должны собирать свой ум и не уподобляться дому, в котором открыты ворота, и каждый может войти и увести осла. Нам надо сосредоточить свой ум на Боге, но каким путём?

Иоанн Лествичник поучает, что «чтение Святых Писаний немало может просвещать и собирать ум; ибо они суть глаголы Духа Святого и всячески вразумляют читающих. Будучи делателем, прочитывай деятельные книги отцов; ибо исполнением сего на деле чтение прочего делается излишним. Старайся научиться разуму и делу спасения более от трудов, а не из одних книг»²⁴⁶.

Стало быть, если ты что-нибудь читаешь, то читай, прежде всего, то, что тебе нужно для делания, т. е. деятельные книги святых отцов и если будешь исполнять на деле то, что читаешь, то остальное приложится тебе, и старайся научиться разумно от трудов.

Вот и хранение ума необходимо нам, которые живут в мечтах и рассеянии, необходимо так же, как и тому, кто удалился в пустыню.

3. Хранение сердца.

Это также необходимая основа безмолвия. *Из сердца человеческого... исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимства, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство (Мк. 7:21–22).*

Мы не осознаём, что надо беречь и охранять своё сердце, и оттого оно постоянно полно зла, лукавства и ненависти. Если бы мы старались уберечь своё сердце от всего дурного, то явились бы делателями истинного безмолвия. Но зачем хранить язык, ум и сердце, для чего всё это надо? Всё это необходимо нам для того, чтобы чистыми приблизиться и познать Чистейшее, предстать пред Престолом Божиим, ибо истинное делание безмолвника есть предстояние Богу, иными словами – молитва.

А мы разве не должны непрестанно молиться? Разве не сказано нам: *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть*

(Мк. 14:38)? Разве не нам заповедует апостол: *непрестанно молитесь* (1Фес. 5: 17)?

Если в этом отношении мы будем слушаться Церковь и не только памятовать о Боге, но и в нашей мере творить молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», – то и познаем, по словам Иоанна Лествичника, пользу безмолвия: молитва Иисусова «да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия»²⁴⁷.

Вот почему Святая Церковь празднует ныне память Григория Паламы. Да, он был подвижником, да, он был безмолвником, да, он был афонским иноком, но он вышел к народу, сделался архиепископом Фессалоникийским и здесь продолжал делать то, что делал раньше, соединив делание подвижника, уединенника, безмолвника с общественным деланием архиепископа. Ибо всё это, как я говорил, может сделать всякий, кого Господь не благословил на уединение, на полное безмолвие, но который всё-таки всех зовёт к безмолвию в этой жизни.

Аминь.

Беседа вторая. Учение святителя об истинной смерти

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Святитель Григорий Палама оставил нам не только те заветы, о которых я говорил вам вчера и относительно которых Святая Церковь заповедует памятовать во дни поста, но ещё и то, что всем нам необходимо принять и, несомненно, особенно важно помнить во дни поста, – учение его о смерти. Григорий Палама, раскрывая перед учениками своё учение о смерти, говорит и нам, что есть явление, которое все мы называем смертью, – тот момент, когда душа отделяется от тела, когда тело умирает, а душа только «преставляется», – и эта смерть не есть настоящая смерть, подлинная смерть, это есть только преставление, переставление, «перестановка». Святитель Григорий учит, что подобно тому, как тело, отделяясь от души, умирает, так умирает и душа, отделяясь от Бога, и это есть смерть истинная²⁴⁸. Первому человеку так и было сказано, что если он вкусит от запрещённого плода, то «смертию умрет» (см.: Быт. 2:16–17), а мы знаем, что жил он после того на земле 930 лет (см.: Быт. 5:5). Григорий Палама утверждает, что человек умер в момент преступления заповеди Божией. Есть *грех к смерти* (1Ин. 5:16), указывает он на слова Иоанна Богослова, это есть настоящая, истинная смерть, уже не только преставление, перестановка из одного состояния в другое, а подлинная смерть. В чём же она заключается? Григорий Палама говорит: «подобно тому, как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души»²⁴⁹. Помните, как Григорий Богослов говорит, что душа должна быть для тела, «тем же чем, Бог для души»²⁵⁰? Настоящая смерть есть, когда душа разъединяется с божественной благодатью и сочетается с грехом. Если Господь есть истинная Жизнь, то и мы в Нём только и живём, ибо, если мы удаляемся от Него и начинаем жить по похотям мира сего, наша душа, лишившись источника жизни, начинает тлеть, а затем и умирает.

Есть смерть первая и смерть вторая. Вторая смерть наступает тогда, когда будем позваны на Суд и осуждены на вечную муку.

На Страстной неделе мы будем петь: «Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши»...²⁵¹

Как же это так? Бессмертная душа и вдруг – «смерти предана будеши». Можно было бы ещё и посмеяться над этим: говорите – душа бессмертна, а в то же время поёте, да ещё Великим постом, – «да не смерти предана будеши». Как будто просто хотите запугать человека. Нет, это не запугивание, а истинное, подлинное учение Церкви, и это учение с особенной силой раскрывает прославляемый нами ныне святитель Григорий Палама. Он говорит, что в будущем пакибытии одни души будут обречены на смерть, а другие на жизнь²⁵².

В чём же жизнь и смерть?

Господь пришёл, как мы слышали ныне, *да живот имут и лишше имут* (Ин. 10:10). Эти слова приводит Григорий Палама²⁵³.

Господь пришёл дать нам жизнь, и не только жизнь, но и «лишшее большее». Что же это лишшее?

Тот, кто не на словах только верует во Христа, тот всем своим существом знает, что жизнь истинная в Боге, как и Сам Он сказал: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14:6); и каждый христианин, желающий не болтать о Христе и [не] развлекаться той или иной истиной христианского мировоззрения, а опытно, «деяньми» изучающий Писания, как говорят святые отцы, знает хорошо, что слова эти непреложная истина, что Христос есть наша Жизнь, а удалившиеся от Него примут смерть и будут ввержены во тьму внешнюю, где будет плач и скрежет зубов (ср.: Мф. 8:12). И в этом нет ничего особенного – они этого и хотели и мы – если не будем думать ни о первой, ни о второй смерти, если не будем заботиться о жизни нашей души, она будет всё больше тлеть и наконец, умрёт, и в этом не будет ничего особенного, ибо исполнено будет желание наше, – во Второе пришествие прежде Суда Христова мы будем осуждены гласом Его в нас – нашею совестью. *Востани, спяй, и*

воскресни от мертвых, и осветит тя Христос (Еф. 5:14), – напоминает Григорий Палама слова апостола.

Если смерть души – удаление её от Бога – может быть при жизни тела, то есть и обратное: может быть воскресение прежде телесной смерти. Человек ещё на земле живёт, а для Бога он уже воскрес. Об этом учит и Иоанн Лествичник.

Всем, не только именующим себя христианами, но и желающим исполнять заповеди Христовы, надо проверять – живы ли мы, не умираем ли?

Берегите свою душу. Помните, что есть одна жизнь – жизнь в Боге и одна смерть – отчуждение от Него, лишение общения с Ним. Так, в притче Господней отец, обращаясь к сыну, с негодованием взирающему на то, как принят блудный, расточивший имение брат, говорит: *Брат твой сей был мертв и ожил (Лк. 15:32).*

Братия и сестры, Григорий Палама призывает нас к тому, чтобы мы взгляделись в свои души, посмотрели бы – живы ли мы или умерли. Если Бог – наша Жизнь, то почему мы без Него живём?

Почему нет у нас того, что было главным делом исихастов, безмолвников, представителем которых является Григорий Палама?

Если я исполняю те или другие обязанности на службе или дома, если я лечу, если я инженер, рабочий, я должен непрестанно предстоять не перед теми, кому я это делаю, а перед Ним, Который всё создал, в Ком моя истинная и подлинная жизнь.

Григорий Палама и говорит: почему вы так живёте, почему вы умираете душой? Ведь если будете всё время предстоять пред Богом, то и переход в другую жизнь не будет для вас тем ужасом, каким является для живущих в суете мирской и в неё погружённых, он явится для вас радостью: «Господь зовёт, и пойду, в Нём моя жизнь». Мы можем воскреснуть ещё здесь, на земле, прежде смерти телесной.

Пусть в день памяти святителя Григория Паламы каждый проверит себя, живёт он или умер, и если умер, пусть помнит, что может воскреснуть.

Пользуйтесь днями поста. Вспомните, что за этот год многие из наших близких умерли, и они не ожидали этого, а оказалось, что то был их последний пост, последнее удобное время для покаяния, для спасения души. Вспомните об этом, загляните в свою душу, проверьте свою веру и свою жизнь. Постарайтесь здесь, на земле, прежде смерти получить обновление и воскресение вашей души.

Тогда вы поймёте, почему Григорий Палама ставится Святою Церковью одним из камней в прохождении нами Великого поста.

Аминь.

Беседа третья. Святитель о жизни и смерти

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я говорил вам вчера и сегодня, что Святая Церковь даёт нам образ святителя Григория Паламы в связи с прохождением Великого поста, и сегодня за литургией говорил о том, что такое, по учению Григория Паламы, жизнь и что такое смерть, какие бывают смерти: смерть тела и смерть души. Вот что пишет святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский одной благочестивой старице: «Знай, досточтимая мать, или лучше да познают чрез тебя избравшие жить по Богу отроковицы, что и у души есть смерть, хотя она и бессмертна по естеству. (...) Ибо как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души. И это есть главным образом смерть, смерть души.

На неё указывал Бог, и когда, давая заповедь в раю, сказал Адаму: *в какой день вкусишь от запрещенного древа, смертью умрешь* (ср.: Быт. 2:17). Ибо тогда умерла душа его, через преступление, отделившись от Бога; по телу же он продолжал жить с того часа и далее до девятисот тридцати лет»²⁵⁴.

В чём заключается истинная смерть?

Истинная смерть не та, когда тело умирает, ибо тогда душа жива и лишь отделена от тела, настоящая же смерть – смерть души, когда душа отделяется от Бога, живёт не в Боге, не по заповедям Его, а по похотям мира сего.

«И вот настоящая смерть, когда душа разъединяется с Божественной благодатью и сочетается с грехом. Имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Для добре мудрствующих она страшнее самой муки геенской. Её и мы всеусильно избегать будем. Всё бросим, всё оставим, от всего отречёмся и во взаимных отношениях, и в делах, и в желаниях, что отвлекает и отделяет нас от Бога и такую причиняет смерть». Нам надо бояться этой подлинной, настоящей смерти, потому что кто будет бояться сей смерти и беречься от неё, тот не убоится приближения смерти телесной, имея обитающей в

себе истинную жизнь, которая наипаче смертью приобретает неотъемлемость».

Что это значит? Если душу свою сбережёшь, если не умертвишь её, – что тебе тогда? Жив Бог и жива душа, она живёт в Боге, Бог есть наша Жизнь. «Ибо как смерть души есть настоящая смерть, так и жизнь души есть настоящая жизнь».

В чем же видит жизнь души Григорий Палама?

«Жизнь же души есть единение с Богом, как жизнь тела – единение его с душою. Ибо как через преступление заповеди отделившаяся от Бога душа умертвилась, так через послушание заповеди, соединившись опять с Богом, она оживотворяется. Сего ради, говорит в Евангелии Господь: *глаголы, яже Аз глаголах вам дух суть и живот суть* (Ин. 6:63). Испытав сие опытно, святой Пётр сказал Ему: *глаголы живота вечного имаши* (Ин. 6:68).

Для кого же эти глаголы бывают глаголами вечного живота?

«Но они бывают глаголами живота для тех, кои слушаются их, для тех же, кои преслушают, заповедь жизни бывает в смерть. Так и апостолы, будучи «благоуханием Христовым», для одних были вонюю смертною смертью, а для других в вонюю животную в живот (2Кор. 2:15–16)»²⁵⁵.

И далее: «Но как за смертью души, т. е. за преступлением и грехом смерть тела после последовала, а с нею и в землю отытие и превращение в персть, за телесною же смертью опять смерть души вторая, осуждение её во ад»²⁵⁶.

На Страшном Суде Господь предаст нас геенне: «Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися»²⁵⁷.

Кто хочет получить истинную жизнь, должен стараться получить её теперь же, он должен здесь же приобщиться к жизни истинной, вечной. «И не ревнующий стяжать её по душе здесь да не обольщает себя пустыми надеждами получить её там или как-нибудь сподобиться человеколюбия Божия во время оно. Ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования и щадения, *время*²⁵⁸ *гнева и откровения праведного суда Божия* (Рим. 2:5), *время показания руки крепкой и мышцы высокой* (Пс. 135:12), ввергшей на муку в ад

непокоривых. Горе имеющему впасть в руке Бога живаго (Евр. 10:31). Горе имеющему там испытать гнев Господень, а не здесь, от страха Божия познавшему *державу гнева Его* (Пс. 89:11) и делами не исходатайствовавшему себе человеколюбия Божия. – Это дело настоящего времени».

Здесь есть время покаяния, время милования, время щадения, время милосердия. Не ропщи на Бога, ибо Он даёт тебе время покаяния. Для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтобы дать место покаянию. Если бы этого не было, то человек согрешивший тотчас лишился бы и жизни сей. Ибо, какая была бы от ней польза или какая в ней нужда? Почему отчаянию совершенно никакого нет места в человеках, хотя лукавый многообразно покушается ввергать в него не только нерадиво живущих, но и добре подвизающихся? поскольку, таким образом, время жизни есть время покаяния, то уже то самое, что согрешающий ещё жив, служит для него, если он пожелает обратиться к Богу, ручательством, что будет Им милостивно принят. Ибо в настоящий момент в жизни самовластие всегда в силе; самовластью же, как предмету подлежит путь вышеуказанной жизни и смерти, из коих оно может избрать или отвергнуть, какой хочет, как дело достижимое. Где же тут найти место отчаянию, когда всегда и все имеют возможность, если захотят стяжать жизнь вечную»²⁵⁹.

Этими словами Григорий Палама объясняет, что в этой жизни мы можем «самовластно» взять путь жизни или путь смерти, – путь жизни для мира и путь смерти для Бога, когда тело живёт, а душа умерла. «Эта жизнь есть данная к покаянию – для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтобы дать место покаянию».

Поэтому помните о конце нашей жизни, о том, что Христос есть путь в жизнь, и пусть каждый из нас думает об этом и проверяет, живёт ли он с Богом или без Бога, живёт не в мыслях только, а в жизни. Помните, что здесь есть время покаяния и милования, помните, что Господь нас видит в каждую минуту нашей жизни и что здесь мы должны каяться и исполнять Его заповеди, а там, после смерти, не будет уже места милованию и щадению, а будет Суд и праведное воздаяние.

Не бойтесь умереть телесною смертью, ибо это есть преставление, переставление, перестановка, – это не есть настоящая смерть, ибо умерло только тело, а душа жива, да и самое тело воскреснет в страшное Второе пришествие Господа.

Но для чего воскреснет, спрашивает Григорий Палама. Для того чтобы получить воскресение не только тела, но и души или для того чтобы получить осуждение и вполне умереть. «Ибо хотя и все воскреснут, но *каждый*, как говорит апостол, *в своем чину*²⁶⁰ (1Кор. 15:22, 23); духом деяния плотская умертвивший здесь там будет жить со Христом божественной и воистину вечной жизнью; похотями же плотскими и страстями дух, умертвивший здесь, там – увы! – имеет быть осуждён вместе с художником и виновником всякого зла и предан нестерпимому и непрестающему мучению, что есть вторая, не имеющая преемства смерть»²⁶¹.

Поэтому Святая Церковь и призывает нас: «Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися, но воспрями зовущи: Свят, свят, свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас»²⁶².

Этот образ великого учителя и делателя умной молитвы даётся нам Церковью для того, чтобы мы в возможной для нас мере занимались хранением языка, ума и сердца, хранением в себе богатства молитвы; тогда мало-помалу будет раскрываться и нам тот свет Фаворский, который был открыт апостолам и за который боролся Григорий Палама на Соборе 1341 года.

Аминь.

Память преподобного Исаака Постника

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Для нас, которые желают жить в Боге, идти путём Христовым, особенное значение имеет пример человека, боровшегося со своими страстями и похотями. Иаков Постник был один из великих святых, который при жизни творил великие чудеса и в начале своего пути уже достиг многого. Мы знаем из его жития, как, будучи молодым иноком, он удалился в пустыню и как боролся там с блудною страстью; ещё в молодости он противопоставил искушениям молитву и подвиги.

Люди, видя его праведную жизнь, хотели его соблазнить и однажды ночью послали к нему женщину, которая должна была склонить его на грех. Ничего не подозревая, Иаков молился, когда слышался стук в дверь. Погода была скверная, женщина замёрзла и просилась войти, и он впустил её. Когда она склоняла его на грех, он противопоставил великое мужество. Желая, с одной стороны, помочь ей, он, как верующий человек хотел, сделать это через святой елей и так, держа левую руку в огне, он правой коснулся её елеем. И всё время, пока она склоняла его на грех, он держал руку в огне, так что суставы пальцев отвалились.

И это было тогда, когда он только начинал свою духовную работу. Но мало-помалу он прославился, к нему стали приходить за советом и указаниями. И вот то, что является потерей «потов и трудов» великих и величайших, закралось к нему в сердце. И, несмотря на то, что в 30 лет он уже был подвижником, он пал, как величайший преступник, совершив на склоне лет своей жизни три преступления.

Он возгордился, а гордость есть крайнее убожество души, бесовская гордость. Иоанн Лествичник говорит, что гордый монах уже не нуждается в бесе, ибо он сам себе бес и супостат²⁶³.

Однажды привели к нему родители одну девицу, которая страдала одержимостью. После того как Иаков над ней помолился, и бес из неё вышел, он отдал её родителям, но те

боясь, что бес возвратится, просили его оставить её у себя в течение трёх дней. Она осталась у подвижника на три дня, и тот, кто ещё в молодости так мужественно противостоял блудной страсти, впал во грех.

Как святые отцы говорят, он пал от гордости, оттого что противопоставлял себя грешникам, считал их низшими, а каждый человек, уподобившийся фарисеям и видящий только свои добрые дела, впадает в великие согрешения.

Так пал Иаков, и в ужасе, что его обвинят, он убил девицу и бросил её в реку и, таким образом, как религиозный человек, понимавший значение погребения, совершил и третий грех, лишив её предания земли.

Всё это было им совершено, потому что он думал, что уже всего достиг, что он творит великие дела, и уже не смотрел он на грешников так, как посмотрел на приведённую к Нему блудницу Христос, сказавший чтобы тот, кто без греха, бросил в неё камень (см.: [Ин. 8:7](#)).

Святые отцы говорят, что мы постоянно впадаем в те грехи, за которые осуждаем других²⁶⁴.

Иаков Постник своим примером указывает нам, каким образом нам надо постоянно бодрствовать над своей душой, ибо он только пал, а мы можем и погибнуть, так как не будет у нас того покаяния, которое было у него.

Десять лет провёл Иаков Постник среди мертвецов, ничего не говорил и отверзал свои уста только для молитвы, пищей служили ему травы. Десять лет он взывал о прощении, бил себя в грудь, и Господь внял его покаянию и молитве, и то достижение, которое было потеряно им через гордость, вновь было ему даровано. Ибо святые отцы говорят, что есть двенадцать страстей, но одна из них – гордость – может всех собой заменить²⁶⁵. Так Иаков, поборов гордость, снова получил дар чудотворения. И он прославился как великий святой.

Его пример указывает нам, как мы должны внимательно относиться к своей душе, как должны постоянно бороться с гордостью, не осуждать никого и в основу своей духовной жизни класть свои грехи: «Даруй ми зрети моя прегрешения»²⁶⁶. Мы

должны помнить, что святые отцы предостерегают нас, что мы легко впадаем в тот грех, за который осуждаем других.

Иаков Постник имел исключительное покаяние, которое может сравниться только с покаянием Марии Египетской, и Господь простил его. А нам, которые не имеют плача, слез и раскаяния, нам нужно всегда помнить, как внимательно надо оберегать своё сердце.

Никогда не соглашайтесь с теми мыслями, которые приходят к вам как искушение, а если приходят, то есть у вас великое средство – молитва и призывание имени Господа и Богородицы.

Помните, что какие бы дела мы ни имели – одна минута, и всё будет потеряно, если мы в основу своего делания будем класть свои добродетели, и погибнем мы тогда, ибо не будет у нас того покаяния, какое было у Иакова, а также у Давида и у Петра²⁶⁷, которые через великие слёзы и покаяние в течение всей жизни искупили своё падение.

Поэтому, когда мы вспоминаем такого святого, как Иаков Постник, мы не должны отчаиваться и говорить: «Вот и великий подвижник пал!» Он не потому пал, что не шёл к Богу или не имел духовной жизни, а потому, что закралась в сердце его ещё и гордость.

Давайте помнить о том, как бережно мы должны относиться к своим помыслам и в сознании того, что к Богу мы должны нести свои грехи, а если есть у нас что доброе, то это Господь дал. Давайте идти ко Господу, а преподобный Иаков Постник будет нам помогать в нашем духовном делании.

Аминь.

Неделя третья Великого поста, Крестопоклонная

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим ²⁶⁸

Святая Церковь не для того установила праздник Честного и Животворящего Креста, чтобы ещё раз напомнить нам о крестных страданиях Христа, а для того, родные мои, чтобы в этот праздник дать нам возможность углубиться в величайшую жертву, которую Спаситель принёс за наши грехи. И если мы, постоянно памятуя о крестной смерти Господа, сегодня славим Его Честной и Животворящий Крест, то, может быть, хоть эти святые минуты, после того как мы с такой любовью воспели по уставу Церкви вечерню и утреню этого великого праздника, – может быть, говорю, эти святые минуты помогут нам, не желающим идти по Его святому пути, хоть несколько проникнуть в тайну страдания Того, Кто принёс величайшую жертву, Кто был распят за грехи людей, за их спасение.

Сам Иисус Христос, Сын Божий, поучая нас, говорит: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 12:7). Тот, Кто принёс величайшую жертву, учит нас, чтобы мы не только жертвовали тем или другим, а исходили из самого глубочайшего, что есть в нашей природе, созданной Богом по Его образу и подобию, из милосердия, из милости. Тот, Кто принёс величайшую жертву, милосердовал о своих ближних и о тех, кто Его распял; о тех, кто предстоял у креста, и о тех, кто был с Ним распят. Он молился о тех, кто Его распинал: *Отче! прости им, ибо не знают что, делают* (Лк. 23:34). Он заботился о Своей Матери, Которая перед Ним стояла с Иоанном. Он поручает их друг другу, говоря: *Се, сын Твой; се, Мать твою* (Ин. 19:26–27), – и соединяет их в этой временной жизни до перехода в вечность. А затем тому, кто распят с Ним, благоразумному разбойнику, обещает, что он будет с Ним в раю (см.: Лк. 23:43).

Родные мои, когда мы делаем другому что-нибудь, и делаем это как тяжёлую для нас жертву, как ущемление себя в чем-то, то Господь и это не отвергает, а принимает, если мы это делаем во имя Его. Но величайшая тайна состоит в том, что мы,

христиане, призваны к тому, к чему был призван милосердный самарянин, а именно к милости. Кто... ближний попавшемуся разбойникам? – спрашивает Господь, рассказав о милосердном самарянине и заставляя этим ответить того, кто вопрошал Его: ему оказавший милость (Лк. 10:36–37). Долг самарянина состоял в том, чтобы пройти мимо этого иудея, страдавшего от ран. Долг этого священника и левита – именно помочь своему единоверцу раненому едва живому. И вот одни презрели свой долг и не оказали милости, другой тоже презрел свой долг, согласно которому закон повелевал никакого отношения к иудеям не иметь, но оказал милость: милосердный самарянин обвязал раны потерпевшему от разбойников и дал ему условия для выздоровления. Так и Господь на кресте принёс не просто жертву, а жертву Своего милосердия. Он был, прежде всего, милостив и учит нас этой Своей жертвой именно милости, милующей любви. Посмотрим, как некоторые святые угодники шли этим путём, ставили иногда дело милосердия выше исполнения монашеского долга и оказывали милость, нарушая при этом правила своей жизни, отданной в жертву Богу.

Один угодник Божий²⁶⁹ никогда не пил вина. Он дал такое обещание Господу. Однажды его схватили разбойники и привели туда, где они пили вино, и их начальник поднёс ему сосуд с вином и велел ему пить. Этот боголюбный муж, который никогда не пил вина, рассудил, что ему следует до конца принести свою жертву и исполнить свой долг, и он отказался. Тогда разбойник схватил нож и занёс его, для того чтобы убить его. Подвижник не испугался смерти, так как что значит смерть для того, кто принимает её за Христа? Для христианина, исполняющего свой долг, это вожделенная кончина, и святой, не колеблясь, был готов, и, казалось, он должен был её принять. Но вдруг он все своё сердце, восходящее к Богу, обратил на этого разбойника, он своё милующее сердце направил на него, опасаясь, чтобы тот не совершил преступления, не убил человека, который есть образ Божий здесь, на земле. И, милосердуя о ближнем, он выпил вино и этим спас не только этого разбойника, которого тем привёл к покаянию, но и остальных.

А вот другое повествование из жизни египетских пустынников. В египетской пустыне монахи имели обычай плести корзины. Один из братии, который уже сплёл свои корзины, скорбел о том, что у него нет ручек для корзин и что завтра он не может нести их на продажу, хотя и будет базарный день, и он, таким образом, лишится своего заработка. Другой брат, который тоже кончил работу и привязал уже ручки, сжалился над сетующим братом своим и отдал ему свои ручки, говоря: «У меня лишние, они мне не нужны»²⁷⁰. Стало быть, он сказал неправду, но он видел скорбящего, горящего своего брата и знал учение Господа не только слухом, а всем сердцем, знал, что нужно иметь с братьями одно тело, одну душу, что чужие страдания должны быть нашими и что мы должны носить тяготы друг друга. Он служит своему брату, по-видимому не исполняя своего долга, говоря формально – используя ложь.

И вот другое: разбойник, совершивший множество убийств, вдруг начинает каяться, всё в нём всколыхнулось. Идёт он в церковь, приходит к священнику. Всё в нём бродит: в нём есть покаяние, но есть и злоба, так как он не принёс ещё покаяния и не очистил своей совести. Разбойник просит священника как слугителя Церкви, чтобы он его исповедовал, помог ему принести покаяние. Тот ведёт его к кресту и Евангелию и начинает исповедь. Священник слышит, какие злодеяния на совести пришедшего к нему, видит, что перед ним разбойник, который загубил несколько жизней. Перед священником, прежде всего долг. Разве можно этому разбойнику дать разрешение грехов, нужно к нему как-то по-особенному отнестись, и священник отказывает пришедшему к нему человеку в разрешении грехов, потому что тот имеет такие величайшие грехи. А душа разбойника, не получив милосердия, не получив милующей любви содрогнулась от злобы и он выхватив нож, убивает священника. А сам, как повествует сказание, не мог так продолжать жить и пошёл дальше искать того, кто принял бы его в покаянии. Пришёл в обитель, стал спрашивать, начал просить в неурочное время, чтобы его приняли. И вот в храме один инок, также священник, принимает его, и принимает с великою любовью, милосердствуя о нём. И вот благодаря этой

милости он, великий грешник, через Господа получил исцеление и впоследствии был великий подвижник, который творил сам чудеса. Милующая любовь привела его к исцелению. Вот, родные мои, случаи из жизни святых угодников, которые являли не жертву, а милость и которые через милующую любовь спасали своих братьев.

Что нам до этого до всего? Да, родные мои, много, ибо мы христиане, мы идём тем же самым путём, что и Христос, и перед нашими глазами должен быть Тот, Кто нас привёл сюда, Кто восставил в нас образ Божий. Это странный и смущающий многих путь. Когда вы, родные мои, будете помнить о том, что мы призваны носить тяготы друг друга (см.: Гал. 6:2) (если другому тяжело, то и мне тяжело, если другому хорошо, то и мне хорошо), спасать друг друга, то вы начнёте понимать всю истину и полноту христианской жизни. А для этого, прежде всего, самое главное, нам нужно смириться до зела (см.: Пс. 37:9; 118: 107) и тогда где-нибудь в уголке своего сердца приносить не только жертву Богу своим пением, своей службой, своими теми или иными делами, но где-нибудь в уголке сердца найти эту милость, поискать в маленьких простых делах, как этот святой угодник, о котором я говорил, что он отдал нуждающемуся скорбящему брату ручки от корзин. Это есть величайшее сострадание. У каждого из нас есть крупинка этого сострадания. Вот когда мы сегодня выносим Честной и Животворящий Крест, когда мы прославляем Крестную Жертву, эту величайшую жертву за наши грехи, тогда, родные мои, восчувствуем, что эта жертва была жертвой милости. Господь думал о нас грешных, нас Он любил, нами болел, о нас Он скорбел. И мы можем в своей мере исполнять это. И мы можем, найдя крупинки милосердия, маленькие, маленькие крошки этой милости, мы раздавать, мы можем их можем их собирать. Мы можем душу всю положить за это милосердие, за эту милость.

Итак, родные мои, мало-помалу вместо жертвы Богу будем приносить милость и восчувствуем всю истинность жертвы, принесённой Господом, и истинность этого Креста, на котором Он был распят, как милость Божию к нам грешным. Тогда мы в нашей мере все больше понесём нашим ближним эту милость,

крупинки милосердия, и тогда только мы будем понимать истинность и полноту христианской жизни. Ибо Христос, распятый за наше спасение, поучает нас, что не жертвы Он хочет, а милости (см. Мф. 9:13; 12:7). Мы приносим жертву, но старайтесь жертвоприношения сопровождать этими маленькими крупинками милосердия. И повторяю: вспомним истинный, подлинный путь христианского делания.

Когда мы придём на Страшный Суд, Господь не спросит нас о том, как мы пели, как мы служили, не спросит нас ни о молитве, ни о подвигах различных. Он спросит, были ли мы милостивы. И только милостивым будет суд милостивый, и только милостивые будут помилованы (см.: Мф. 5:7). Запасайтесь милостью здесь, ибо, когда придёте туда, вас спросят, были ли вы милостивы. Будем же собирать эти маленькие крупинки милосердия, и, придя на Страшный Суд, мы принесём, может быть, как вдовица две лепты (см.: Мк. 12:41–44, Лк. 21:1–4), две маленькие крупиночки милости. И я воистину верю, что, подобно тому как был помилован брат, о котором я говорил, отдавший несколько ручек для корзин во имя милости к другому, и мы будем помилованы, ибо неложно обещание, данное Господом: Блажени милостивии; яко тии помилованы будут (Мф. 5:7) .

Аминь.

Седмица Иоанна Лествичника

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В прошлое воскресенье, износя для поклонения Святой Крест, Святая Церковь призывала нас к тому, чтобы, взирая на него, мы последовали за Христом в Его крестном пути. Ныне она даёт нам образ великого подвижника преподобного Иоанна Лествичника, который в своей жизни шёл путём несения креста. Жизнь его даёт нам практические указания, как следовать по этому пути, помогает нам разобраться в нашем собственном духовном состоянии и прежде всего, понять его больные стороны.

Одна из главных язв современной духовной жизни заключается в нашем преступном отношении к тому Таинству, с которого начинается духовная жизнь, – к Таинству покаяния.

Каждый человек, приходящий к вратам Церкви, должен принести покаяние за всю свою жизнь, без этого он не может войти в Церковь и начать духовную жизнь.

Но покаяние есть не только начало нашего духовного пути, но вместе с тем и дело всей нашей жизни человеческой. Перед тем как дать кающемуся разрешение грехов, священник молится Богу, чтобы Господь дал ему образ покаяния, примирил и соединил Святей Своей Церкви о Христе Иисусе Господе нашем.

Это примирение с Господом, являющееся благодатным плодом покаяния, будет тем более понятно, чем глубже и искреннее наше раскаяние в совершенных грехах. В нём-то и состоит тот «образ покаяния», о котором молится Святая Церковь и который сопровождает человека на протяжении всей его жизни.

А мы с вами в большинстве случаев не умеем каяться и не знаем, что такое истинное покаяние. Большая доля вины за это лежит на пастырях, которые извратили установленное Святой Церковью Таинство, введя общую исповедь. Общая исповедь растлевает человеческие души и отучает их от покаяния, которое есть раскаяние в содеянных согрешениях и внутреннее

распятие грешника. В самой своей природе человек согрешивший имеет средство для восстановления своего духовного здоровья. Средство это – раскаяние. Учитель, воспеваемый ныне Святой Церковью преподобный Иоанн Лествичник, учит нас, что раскаяние уничтожает всякое дело, совершённое человеком и изглаживает самый след его в человеческой душе. Каждое наше дело есть выражение нашего духовного состояния, и в свою очередь оно оставляет след в душе.

Доброе дело ведёт душу к здравью, очищает в нас образ Божий, способствует восхождению в богоподобие; дурное ведёт к раскаянию души. Раскаяние же, по словам Иоанна Лествичника, уничтожает всякое дело, совершенное человеком, не только злое, но и доброе. «Раскаяние в добрых делах уничтожает оные, как и раскаяние в злых истребляет сии последние»²⁷¹.

Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним (Мф. 25:31), тогда души наши затрепещут, оттого что все деяния их будут обнаружены. Тогда совесть каждого человека увидит душу его обнажённой, и её же увидят святые ангелы. И величайший стыд, и позор будет тогда для каждого грешника.

Чтобы освободить нас от этого стыда Последнего дня, Святая Церковь учит нас не только раскаянию и сокрушению о наших грехах, но и самопосрамлению через исповедание их перед духовным отцом. «О, сын и послушник Господень... – говорит преподобный Иоанн Лествичник. – Обнажай струп твой врачу сему и не стыдись сказать ему: «Отче, моя язва сия, она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лености; никто не виноват в ней, ни человек, ни злой дух, ни плоть, ни другое что-либо, но только моё нерадение»²⁷².

А в наше время приходится слышать от иного человека, что он никого не убивал и не имеет особых грехов, а потому и не нуждается в исповеди. Такие люди забывают, что покаяние освобождает нас от грехов, уже совершённых, и также помогает нам воздерживаться от новых грехов, потому что без покаяния невозможно избавиться от грядущих грехов.

Если совесть удерживает нас от того, чтобы грешить при людях, потому что нам бывает «стыдно» от людей, то тем более действенным средством духовного врачевания является покаяние с самопосрамлением. Если уж согрешил ты, то, раскаиваясь и сокрушаясь о совершенном грехе, не стыдись исповедовать его перед духовным отцом, чтобы настоящим посрамлением избавиться от грядущего»²⁷³.

Столь распространённая в наши дни общая исповедь включает в себе величайшее «удобство» как для кающегося, так и для пастыря, в особенности при большом количестве исповедников. Пастыря она освобождает от обязанности входить в духовную жизнь каждого исповедника, сострадать ему, страдать за его грехи, страдать за каждую отдельную душу. Он перестаёт быть истинным духовным врачом, потому что кающемуся для исцеления его духовных немощей необходимо, чтобы ему сострадали. А кающегося общая исповедь освобождает от необходимости открывать свои грехи перед духовником, заменяя исповедание грехов заполнением своего рода духовной анкеты. Она освобождает человека от чувства стыда и самопосрамления, неизменно сопровождающих каждую настоящую исповедь; а вслед за этим исчезает и раскаянием в содеянных грехах. Она лишает нас всех действенных средств исцеления от греха.

Говорят, что общая исповедь удобна тем, что священник, разъясняя сущность каждого греха, сразу же даёт и указание, как бороться с ним, как жить духовною жизнью. Но такие общие указания приносят лишь вред, так как грех каждого отдельного человека требует особых средств врачевания, не применимых для другого. Кроме того, святые отцы говорят, что в исповеди не так важно наставление, которое может получить кающийся от своего духовного отца, как сокрушение о грехе и исповедание его с самопосрамлением²⁷⁴.

Одного авву спросили, как поступить в том случае, если ты имеешь какой-либо помысел и знаешь указание отцов, как врачевать его, – нужно ли всё-таки открывать этот помысел духовному отцу? На это последовал ответ: «Нужно исповедать, так как человек не может сам себя уврачевать».

Святые отцы говорят, что намеревающихся исповедовать свои грехи перед старцем диавол удерживает от этого, внушая им такой помысел: ты же знаешь сам, как укрывать язву своей души, зачем же открывать её кому-либо?

На самом деле всеми этими доводами прикрывается стыд, который удерживает нас от исповедания грехов.

Один послушник сказал своему старцу: «Ты же знаешь, что со мною, зачем же говорить тебе об этом? Но старец ответил: «Тебе самому нужно исповедовать свой грех». В продолжение трёх лет ходил этот послушник к старцу, и тот всё время говорил ему о необходимости исповедовать свои грехи, пока в душе послушника не пробудилась наконец потребность в покаянии. Никакое слово, никакое наставление не могут дать исцеление кающемуся до тех пор, пока он в себе самом, в своей душе не обретёт покаяния; тогда он сам придёт к духовнику, чтобы исповедовать перед ним свои грехи.

Не всякая исповедь даёт нам действенное покаяние и исцеление, но только принесённая с сердечным сокрушением.

Два инока были на исповеди у старца: исповедь одного сопровождалась слезами и сокрушением, он с плачем умолял старца помочь ему, второй просто сказал свой грех и просил помолиться о нём. Первый получил исцеление, второй нет.

В наши дни часто приходится слышать от верующих, что им «нравится» общая исповедь, проводимая тем или иным священником. Это свидетельствует о полном извращении Таинства покаяния. Ибо то, что должно сопровождаться слезами и сокрушением сердца, мы превращаем в то, что нам «нравится», нам удобно.

Защитники общей исповеди ссылаются на авторитет Иоанна Кронштадтского, который ведь тоже устраивал общие исповеди, но он делал это по великой нужде. Отец Иоанн разъезжал по Русской земле, к нему в Кронштадт и в другие места, где он бывал, стекались тысячи людей, ищущих духовного исцеления, и этот великий подвижник действительно по крайней нужде прибегал к общей исповеди.

Но люди, приходившие к отцу Иоанну, подходили к нему, как к человеку благодатствованному, и при приближении к нему

совесть кающегося становилась чуткой и трепетала от сознания своих грехов. И бывали случаи, когда отец Иоанн не допускал человека к причащению, потому что он знал, что происходит в каждой душе.

А мы прибегаем к общей исповеди безо всякой нужды, превращая великое церковное Таинство в то, что нам «нравится» и удобно, пастыри же пользуются ею иногда для выявления своих ораторских способностей. При этом мы забываем, что то, что возможно великому и при великой нужде, недоступно для нас малых, к тому же прибегающих к этому часто безо всякой нужды.

Поэтому сегодня, творя память преподобного Иоанна Лествичника, позаботимся о том, чтобы приобрести истинное покаяние.

Одни приходят на исповедь с сознанием, что они ни в чём не виноваты перед Богом, они ведь никого не убили и не совершили никаких грехов, а другие в великом горе сокрушаются о том, что мы даже часто не почитаем за грехи. Они вспоминают о грехах, совершённых в детстве (ребёнком украл конфетку, удержал сдачу и прочее).

Надо помнить, что даже самые малые грехи обнажают всю гадость нашей души.

Давайте же в себе самих, в своём сердце постараемся найти источник покаяния и сокрушения о грехах. И если совесть начинает говорить в вас и вас беспокоит какой-либо грех, в котором вам стыдно признаться, постарайтесь найти в себе силу покаяться в нём. Не успокаивайте себя тем, что вы каялись в нем на общей исповеди, помните, что общая исповедь есть сокрытие греха. И если в вас есть грех, в котором стыдно сознаться, то пользуйтесь возможностью принести истинное покаяние, которое может освободить вас от всякого греха.

Пользуйтесь этим с великою радостью, потому что, претерпев здесь, на земле, малый стыд, мы избегаем великого стыда в тот день, когда грехи наши откроются перед ангелами и всеми святыми.

Аминь.

**Неделя четвёртая Великого поста. Память
преподобного Иоанна Лествичника**

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь даёт нам образ великого подвижника, желая нас утвердить на том пути, которым мы шли от начала поста и который мы в течение последней седмицы освятили Крестом Господним.

Вот образ, говорит Святая Церковь, того, кто взял свой крест и пошёл за Христом, и образ того, кто оставил нам творения свои, в которых опытно раскрывается все христианское делание.

Иоанн Лествичник жил в VI веке. Шестнадцати лет поступил он в монастырь, а через некоторое время удалился от общежития, уединился и у подошвы Синая прожил сорок лет. Из этого уединения вышел он уже 75-летним старцем, вызванный братией Синайского монастыря, которая избрала его своим игуменом. И вот соседний монастырь – Раифский – слышит об этом великом делателе, и игумен его, также Иоанн, просит преподобного написать им руководство христианской жизни. Великое счастье, что Церковь сохранила нам это руководство, заключающее в себе опыт величайшего подвижника, подтверждённый часто ссылками на других святых отцов.

Иоанн Лествичник не только взял книжно чужой опыт, но своей жизнью проверил и подтвердил его, обогатив своими личными наблюдениями и достижениями.

Этого подвижника и предносит нам Святая Церковь, говоря, что если мы действительно желаем идти за Христом, то должны подражать опыту того, кто уже прошёл этот путь.

Я говорил вам об Иоанне Лествичнике и буду говорить ещё завтра вечером, а сейчас хочу остановиться на одном больном для нас вопросе.

Иоанн Лествичник считает, как и все подвижники, что мы являемся на эту землю для подготовки к иной жизни и здесь мы должны приблизиться к Богу.

Как это сделать?

Есть только один путь – путь опыта, путь, во-первых, непосредственного откровения Бога в душе человека, а затем путь восхождения – восхождения своей души.

И вот для нас, кто в той или иной мере уже идёт за Христом, для нас ясно, что мы сейчас опытно идём этим путём. Господь открыл нам сначала первый знак Своей любви, первую радость – радость молитвы без усилий, радость любви ко всем. Это всё давалось даром и казалось легко. А дальше есть два пути, как говорит Иоанн Лествичник: первый путь – борьба со страстями и похотями, жизнь в Боге и второй путь – путь разглагольствования, путь говорения о Боге, путь слушания тех или других людей, говорящих о Боге. Иоанн Лествичник говорит, что для второго пути не нужно опыта, он ни к чему не приводит, а если к чему-то и приведёт, то, скорее всего к гибели: «Слово Господне, дарованное от Господа, чисто и пребывает в век века; не познавший же Бога разглагольствует о Нём по догадке»²⁷⁵.

Мы не знаем Бога, за исключением тех моментов, когда Господь Сам нам открылся, и обычно идём путём разглагольствования.

Что же открывает нам Бога?

Бога открывает нам чистота души, как говорит слово Божие: *Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят (Мф. 5:8)*. Только она, только эта чистота сердца даёт нам приблизиться к Господу, и самое слово Божие открывается нам по мере нашего очищения: «Совершенно соединивший чувства свои с Богом тайно научается от Него словесам Его. Но когда это соединение с Богом ещё не совершилось, тогда и беседовать о Боге трудно»²⁷⁶.

А вот нам рассуждать о Боге легко – даже нет ничего легче разглагольствования о Боге. Мы должны начать творить Царство Божие, а думаем, что оно уже в нас, забывая слова Господа, сказавшего, что *Царствие Небесное нудится (Мф. 11:12)*. Об этой борьбе и понуждении и говорит нам воспоминаемый сегодня Святой Церковью подвижник. Он говорит в особенности для нас, которые изучаем этот путь, и

сегодня в первый раз можем поклониться его иконе, освящённой и вынесенной на середину храма.

Кажется, что у нас, живущих в миру, не может быть ничего общего с древним синайским отшельником. Многие из нас, наверно, находили себя в его творении, в первых 23 главах его «Лествицы», многие думали: а ведь это про меня написано. Не сделаем же этого сокровища предметом многоглаголения, но постараемся опытно им воспользоваться.

Что открывает оно нам?

«Слово, соприисносущее Отцу, творит чистоту совершенной, пришествием своим, умертвив смерть; а когда она умерщвлена, ученик богословия получает просвещение»²⁷⁷; да, умертвив свою нечистоту, через подобное познаем мы и Чистейшего. Тогда понятно и то, что говорит Иоанн Лествичник о богословии: «Чистота соделала ученика своего богословом, который сам собою утвердил догматы о Пресвятой Троице»²⁷⁸. Есть только один учитель богословия – чистота. Иди к ней, если желаешь учиться. Не извне, а изнутри, через очищение себя от греха и страстей ты получишь то, что утвердит в тебе догмат о Святой Троице.

Это говорит подвижник, отшельник. Может быть, по-другому скажет тот, кто всю жизнь свою занимался богословием.

Вот на поверку слова Григория Богослова: «Любомудрствовать о Боге можно не всякому, – да! не всякому. Это приобретается недёшево и не пресмыкающимися по земле». И далее: «Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего, очистили, по крайней мере, очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу»²⁷⁹. «А у нас, если приобрели хоть малую славу, часто же и той не имея, если как ни попало заучили два или три речения из Писания, и то не в связи и без должного разумения (такова наша скороспелая мудрость (...)), надобно уже высокоумствовать против Моисея и делаться Дафаном и Авироном – ругателями и безбожниками! Будем

лучше убегать их наглости и не станем подражать их высокоумию, чтобы не иметь одного с ними конца»²⁸⁰.

Это относится и к нашему времени, так как мы думаем, что можем высокоумствовать, как Дафан и Авирон.

Мы получаем от Господа радость молитвы. Все мы когда-нибудь молились, а, может быть, некоторые из нас и сейчас ещё молятся в радости и слезах. Многие из нас знают и радость любви, радость несения креста, радость жизни в Боге. А дальше многие из нас пошли путём лёгким – путём разглагольствования о Боге, забыв, что страсти наши ещё не умерщвлены, что та радость была дана Господом как милость, и, решив, что всё это принадлежит нам. А знает Бога только тот, кто очищает свою душу, ибо подобное познаётся подобным.

Сегодня мы собрались творить память Иоанна Лествичника в связи с Великим постом, в связи с тем путём, которым идём уже несколько недель.

Святая Церковь говорит, что есть только один путь, путь борьбы со страстями и похотьми, и он идёт от любви. О любви Иоанн Лествичник говорит в тридцатой главе. Бог есть любовь, а Бога мы не знаем. Мы же разглагольствуем о любви. Возвратимся же к тому пути, к которому зовёт нас Иоанн Лествичник, которым шли великие подвижники опытно и который оставили они нам в своих творениях. Отошли мы от них, мы, нынешние русские люди, заболтались о Боге. Может быть, теперь, когда иные из нас чувствуют, что так дальше нельзя, может быть, теперь, когда творим память Иоанна Лествичника, десятки лет очищавшего свою душу, оценим оставленный им его собственный опыт.

Не для разглагольствования дана нам «Лествица», но для того, чтобы идти, для того, чтобы восходить по ней.

Давайте же помнить, чем заканчивает преподобный Иоанн свою «Лествицу»: «Восходите, братия, восходите усердно, полагая восхождения в сердце своем и внимая пророку, который говорит: *приидите, взыдем на гору Господню, и в дом Бога нашего (Ис. 2:3), совершающего нозе наши яко елени, и на высоких поставляющего (Пс. 17:34)*, чтобы нам соделаться победителями на пути Его. Теките, умоляю вас с апостолом,

сказавшим: потщимся, дондеже достигнем еси в соединение веры и познания Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:13). Христос же, крестившись в тридесатое лето видимого возраста, получил тридесатую степень в духовной сей лестнице; ибо любовь есть Бог. Ему хвала, Ему держава, и Ему сила; в Нём начало всех благ и есть, и было, и будет в бесконечные веки»²⁸¹.

Аминь.

Беседа вторая. О смирении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь, заканчивая своё руководство при прохождении нами великой школы поста, указывая нам образы двух великих подвижников делания, которым мы должны подражать – Иоанна Лествичника и Марии Египетской, тем не менее, в последний воскресный день напоминает нам ещё об одном необходимом условии нашего духовного делания.

Вы слышали в сегодняшнем чтении Евангелия, как Христос, находясь на пути во Иерусалим, доверил ученикам о том, что *Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам... и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его* (Мк. 10:33–34).

И вот ученики ужасались и, следуя за Ним, были в страхе (Мк. 10:32). А услышав о воскресении, подошли к Нему сыновья Зеведеевы и сказали: *Мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он спросил их: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей* (Мк. 10:35–37). После того как Господь ответил им, что это не Им даётся, но имже уготовано есть, другие ученики, услышав просьбу братьев Зеведеевых, вознегодовали на них (см.: Мк. 10:40–41). Господь призвал их всех и сказал: *Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мк. 10:42–45).

В этом евангельском повествовании находится одно из условий (а другие я во время поста пытался по мере сил своих раскрывать), без которого тщетен будет путь, предлагаемый нам Церковью в эти дни. Господь, придя на землю, пришёл нам послужить: *Ибо Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы*

Ему служили, но чтобы послужить и отдать Свою душу для искупления многих. И Господь зовёт нас научиться у Него: Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11:29). Научитесь этому смирению, ибо вами властвует князь мира сего и лучшие из нас – апостолы Иаков и Иоанн – обуреваются тщеславием и гордостью.

И вот святые отцы положили в этот день читать то Евангелие, которое даёт нам необходимое условие для нашего духовного делания. Наш путь должен быть путём смирения. Можно ведь идти путём, указанным Иоанном Лествичником и Марией Египетской, и, в конце концов, пасть в великой гордости. Предостерегая нас от этого, святые отцы указывают нам пример Господа и учеников. «Господь являет Собою не труды, а смирение», – говорит Иоанн Лествичник²⁸². Только тот, кто идёт путём смирения, может получить дарования.

Итак, нас зовут идти путём смирения. Но что такое смирение? Обратимся к тому, кого Святая Церковь даёт нам в учителя в эти дни Великого поста.

«Никакое слово не может изъяснить его [смирения] качество. Одну надпись имеет сие сокровище – надпись непостижную, как свыше происходящую, и те, которые стараются истолковать её словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. *Надпись эта таковая: святое смирение.*

Все, которые Духом Божиим водятся, да внидут с нами в сие духовное и премудрое собрание, неся в мысленных руках богописанные скрижали разума! И мы сошлись, исследовали и испытывали силу честного одного надписания. Тогда один сказал, что смирение есть всегдашнее забвение своих исправлений. Другой сказал: смирение состоит в том, чтобы считать себя последнейшим и грешнейшим всех. Иной говорил, что смирение есть сознание умом своей немощи и бессилия.

Иной говорил, что признак смирения состоит в том, чтобы в случае оскорбления предварять ближнего примирением и разрушать оным пребывающую вражду. Иной говорил, что смирение есть познание благодати и милосердия Божия. Другой

же говорил, что смирение есть чувство сокрушенной души и отречение от своей воли.

...Выслушав и с великою точностью и вниманием рассмотрев и сообразив, не мог я слухом познать блаженное чувство смирения; и потому, будучи последним из всех, как пёс, собрав крупичицы, падавшие со стола мудрых и блаженных мужей, т. е. слова из уст, определяя добродетель оную, говорю так: смиренномудрие есть... несказанное богатство, Божие дарование, Божие именование, ибо Господь говорит: *Научитесь* ни от ангела, ни от человека, ни от книги, но от Моего в вас вселения и осияния и действия, *яко кроток есмь и смирен сердцем* и помыслами, и образом мыслей, *и обрящете покой душам вашим* от браней, и облегчением от искусительных помыслов (ср.: Мф. 11:29)»²⁸³.

Итак, смирению мы должны учиться ни от ангелов, ни от людей, ни от великой книги Евангелия, а от Самого Христа, ибо Он зовёт нас к этому. Познать это благое чувство может тот, кто собственным опытом познал его внутри себя, а «словами чувственными его невозможно изъяснить»²⁸⁴.

Как же мы теперь можем знать что-нибудь о смирении в смысле того или иного понимания его. Святые отцы говорят, что смирение может быть нам известно не по существу, а по своему действию: «Итак, мы не можем сказать, в чем состоит сила и существо сего солнца [смиренномудрия], однако по его свойствам и действиям можем постигать его существо»²⁸⁵.

«Смиренномудрие есть покров божественный, который не даёт нам видеть наши исправления»²⁸⁶. Смиренный не видит своих достижений, а лишь свои грехи. На достижения же он имеет покров, который закрывает их.

Как нам проверить, имеем ли мы смирение или нет?

Иоанн Лествичник говорит, что «многие называют себя грешными, а может, и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается унижением [от других]»²⁸⁷.

«Не тот показывает смиренномудрие, кто охуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношения от себя самого?), но тот, кто, будучи укорён другим, не уменьшает к нему любви»²⁸⁸.

Вот признак, который может раскрыть состояние нашей души в отношении смирения: «Глубочайшего смиренномудрия признак, что человек ради уничижения в некоторых случаях принимает на себя такие вины, каких и нет в нём»²⁸⁹.

Вот если мы будем не только терпеть уничижение, но и считать себя достойными их, тогда мы будем иметь смирение.

Господь говорит, что смирению надо научиться у Него: *яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Иисус Христос пришёл на землю для того, чтобы «прежде падший возставить образ»²⁹⁰, «падший», ибо человек пал от своей гордости.

Господь пришёл, *зрак раба приим, во всём, кроме греха, сделавшись подобным нам, Он смирил Себя, смирил до смерти, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2:7–8; Евр. 4:15).

Он постоянно свидетельствует ученикам, что пришёл исполнить не Свою волю, а волю Отца, и в Гефсиманском саду Он молился: *Отче! о если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22:42).

И в молитве, которую Господь дал нам, Он заповедует говорить: *Да будет воля Твоя*. Он нам дал Сам великий пример отношения к воле Божией, Он показал, что на этом зиждется наше делание.

Мы должны творить волю Божию, а для этого нам нужно её знать.

Приобретается это знание рассудительностью, ибо «рассудительность есть постижение Божественной воли во всякое время, на всяком месте и во всякой вещи»²⁹¹. Но даётся она тому, кто уже проходит путь делания, кто восходит по пути смирения. Нам же надо идти путём послушания, тем путём, которым шла и Мария Египетская, отдавшая свою волю своей верной Поручительнице.

Что же общего между послушанием и смирением?

Вот что говорит Иоанн Лествичник: «Однажды просил я одного из искуснейших старцев вразумить меня, каким образом послушание имеет смирение? Он отвечал: благоразумный послушник, если и мёртвых будет воскрешать, и дарование слёз

получит, и избавление от браней достигнет, всегда думает, что это совершает молитва отца его духовного и пребывает чужд даже и далёк от суетного возношения; да и может ли превозноситься тем, что, как он сознаёт, сделал помощью другого, а не собственным старанием»²⁹².

Итак, послушник тот, кто постоянно приписывает своему руководителю то, что он имеет в смысле тех или иных достижений. Из жития Марии Египетской вы знаете, что она все свои достижения относила к Пречистой Деве.

Вот условие, которое нам помогает в борьбе за получение смирения, и нам надо всегда помнить, что Господь даёт нам те или иные дарования не по нашим заслугам, а по мере того, как мы боремся с гордостью, мы получаем и смирение.

«Некоторые, по непостижимым распоряжениям Промысла Божия, получили благодатные дарования прежде трудов, другие в самых трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти. Достоинно испытания, кто из них смиренней прочих»²⁹³.

И вот Иоанн Лествичник говорит, что по мере смирения даёт Господь духовные дарования, поэтому нам надо бороться за смирение, нам надо помнить, что всё, чему учила Святая Церковь в дни Великого поста, только тогда послужит к нашему спасению, если мы будем как основу иметь смирение, ибо мы знаем, что и с неба можно ниспасть, не имея смирения, и за одно смирение был помилован Давид: *смирися, и спасе мя Господь (Пс. 114:5)*²⁹⁴.

«Если гордость некоторых из ангелов превратила в бесов, то, без сомнения, смирение может и из бесов сделать ангелов. Итак, да благодушествуют падшие [, уповая на Бога]»²⁹⁵. Вот и мы все падшие, все в покаянии приходящие к Богу и ещё вчера в последний раз вzywавшие: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче»²⁹⁶ – должны помнить, что никакие труды, никакие подвиги нам не помогут, если мы не будем идти путём смирения.

Поэтому Евангелие, которое полагается сегодня читать, даёт нам ту основу, без которой тщетны наши труды.

Да, мы должны знать то, что может нас погубить. Только в смирении мы можем получить от Христа награду и венец.

Когда мы придём на Страшный Суд, то Господь не будет требовать от нас дарований, а только смирение. Он спросит нас, научились ли у Него смирению.

«Многие, – говорит Иоанн Лествичник, – получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес; но без смирения никто не внидет в небесный чертог»²⁹⁷.

Вот когда мы получаем от Бога молитву или неизреченную радость любви к людям, мы считаем это своей собственностью, мы не понимаем, что Господь дал нам это даром, а считаем, что это наше приобретение, и начинаем осуждать других и выставять себя, и тогда через гордость наше дарование истощается и истребляется.

Нам надо помнить, что Церковь зовёт нас идти по пути молитвы и Таинства, через осияние светом Фаворским, через несение креста и подражание святым. Нам надо помнить, что смирению научает нас чтение святых отцов, которые знали, что такое смирение, хотя и не могли выразить его в слове, но в их писаниях сквозит их душа. А затем учителями смирения пусть будут наши ближние, ибо они знают наши язвы лучше нас. Давайте внимательно относиться к тем, кто открывает нам наши недостатки, и указания их принимать как указание Божие. Они открывают нам согрешения наши, они смиряют нас. А если кто напрасно скажет нам что-нибудь, то это приобщит нас к Господу, *Который изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши* (Ис. 53:5).

Те, которые хотят идти путём восхождения, должны постоянно помнить, что не только надо идти, но и постоянно памятовать, что труды могут оказаться тщетными, если не приобретать смирения.

Давайте же учиться у Того, Кто пришёл возвести нас на небо и Сам вознёсся туда во славе, и только при этом условии наше духовное делание будет иметь венец, который получают те, кто подвигом добрым подвизается на земле.

Церковь недаром даёт нам ныне образ этих двух учеников – братьев Зеведеевых, которые были заражены гордостью и тщеславием и возбудили других апостолов. И Господь

указывает не только им, но и всем нам, что, кто хочет быть первым, должен быть всем рабом.

Вот какой завет даёт нам Христос, вот что значит идти путём смирения, вот каким образом мы должны учиться смирению.

Да будет воля Твоя должно быть не только нашей молитвой, но и нашим деланием.

Блажени нищии духом; яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5:3), но не только тех, которые в пещерах, пустынях и пропастях земных подвизаются, а и всех тех, кто всякое дело своё совершает в смирении, – они войдут в Царство Небесное, а другие будут извержены вон.

Давайте же помнить, что без исполнения этой заповеди ни одна добродетель не служит ко спасению и что, исполняя её, мы не можем гордиться своими дарованиями.

Аминь.

Седмица пятая Великого поста. Память преподобного Алексия, человека Божия (†411)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня Святая Церковь поднесением Честного Креста даёт нам образ Страстей Христовых, вспоминая их особенно ныне, когда мы совершаем течение Святого поста, и этим указывая нам, что мы должны нести свой крест.

Сегодня же совершается память святого Алексия, человека Божия, которого мы особенно чтим в нашем храме.

Но этот день нам особенно дорог ещё и потому, что он есть и будет днём именин Батюшки, отца Алексия. Сегодня Господь дал нам встретить этот день в первый раз без него²⁹⁸ и в озарении Святого Креста.

Если мы сегодня молились Господу, чтобы не бесплоден был в нас Его святой Крест, чтобы мы, поклонившись Страстям Его, вошли от силы в силу (см.: [Пс. 83:8](#)) и сделались бы сами делателями виноградника Христова, то вспомним, что среди нас был человек, который не только нёс свой крест, но и бесчисленные кресты своих духовных детей также нёс на себе. Он был подобен тому, о ком говорит Иоанн Лествичник, что есть слезы и печаль по Богу, а есть радость по Богу, и это – и то, и другое – иногда сочетается в одном делателе Христове²⁹⁹.

Скорбь о своих грехах – она совершается незримо для людей – это подвиг внутренний, а для мира, для окружающих есть радость о Боге.

Эту радость имел Батюшка, который нёс наш крест. Мы постоянно забывали, да даже и не видели вовсе, что есть не только та радость, которая была в его взоре, но есть и скорбь, есть внутреннее делание пастыря, есть крест, скорби, которые он нёс в течение долгих лет.

Он в этот день с нами, которые не только его вспоминаем, но и понимаем его, молимся о нём. Так вот и вспомним же его мы, недостойные, скверные, грешные его духовные дети, вспомним о том кресте, который он нёс, нёс легко и радостно,

так что мы и не чувствовали его тяжести, ибо в нём была печаль по Богу, а для нас он был всегда радость и ласка.

Неужели для нас, кто видел жизнь делателя, о котором говорит Иоанн Лествичник, неужели для нас в дни покаяния и преднесения Честного и Животворящего Креста не станет понятно, что есть ещё и батюшкин крест, который был не только его личным крестом, но слагался из бесчисленного количества наших крестов. Неужели мы, которые видели его изо дня в день, жили с ним, радовались его радостью и приносили ему свои скорби, ибо, как говорил Батюшка, пастырь должен забывать о себе и взять на себя скорби пасомых, – неужели в этот день, когда предстоим Кресту Господню, когда мы просим Господа, чтобы не бесплотен был для нас Его святой Крест, – неужели мы не осознаём, что это Крест Христов мы получили и через Батюшку? Неужели и этот Батюшкин крест будет бесплоден для нас?

Давайте помнить о том, что мы на него возлагали и в чём он нас постоянно облегчал. Многие бы желали получить то, что мы имели, а мы действительно имели, чувствовали и получали.

Вспомним, сколько страстей, скорбей, горестей приносили мы ему, нашему Батюшке, и как радостно он это принимал и никогда нас, своих духовных детей, не отметал.

Пусть не бесплоден будет его крест для нас. Поэтому, вспоминая его, вспомним и о своих грехах, вспомним, какой крест мы приносили ему; исправимся в том, чем мы его огорчали. Ещё не поздно. Мы были при его жизни, как слепые. Давайте же теперь, в день памяти Батюшки, вспомним и исправим свои грехи перед ним, и тогда Господу содействующу не бесплотен будет тот крест, который нёс в этой жизни наш Батюшка, отец Алексей.

Аминь.

[Об Иоанне Лествичнике и Марии Египетской]

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Святая Церковь, вводя нас в самую главную часть Святого поста – в дни поклонения святому Кресту и говоря: *уже Христовы суть, плоть распята со страстьми и похотьми* (Гал. 5:24), – раскрывает нам самое главное наше дело на земле: отказываться от себя, от своего греховного «я», взять свой крест и идти за Спасителем.

Говоря это и прославляя святой Крест, Церковь идёт нам на помощь, чтобы мы не впали в отчаяние, думая, что это для нас непосильная заповедь, и даёт в течение пятой и шестой недели Великого поста два образа – мужа и жены – Иоанна Лествичника и Марии Египетской.

Церковь говорит нам, вот вы шли в этой великой школе, шли, начиная с осознания в себе греха и оплакивания его вместе с первым Адамом, шли через прославление³⁰⁰ (вторая неделя), которое выводит нас из этого состояния и приводит к дверям рая через жизнь в Таинствах, шли через осияние Фаворским светом (третья неделя) и пришли к самому главному в нашей теперешней жизни – к несению Креста, к сораспятию на нём Господу. И теперь Святая Церковь даёт нам наглядный образ людей, который, являясь такими же грешными и носящими плоть и грех Адама, как и мы, взошли на высоту первого блаженства.

Я помню, как я был в одном монастыре на четвёртой неделе Великого поста и одна монашенка, показывая мне церковь, говорила: «Теперь наступит наша неделя – памяти Иоанна Лествичника, а затем Марии Египетской». Почему «наша», а разве и не для мирян?

Да, мы в том и повинны, что отделяем жизнь иноческую от жизни своей, в мире живущих. Многие из нас теперь думают, что иноческая жизнь, жизнь в борьбе со страстьми и похотьми, кончается или даже кончилась, отжила свой век, и нам, теперешним христианам, надо жить другой, особой и непохожей на неё жизнью. А Церковь в дни прохождения величайшей

школы для всех православных христиан указывает на два образа *иноков*: Марии Египетской и Иоанна Лествичника. Она показывает их не только инокам, чтущим их, но и нам, мирянам; напоминает нам, что и в нашей жизни возможно то или иное достижение. Иоанн Лествичник говорит нам, что путь, который он изложил в своей «Лествице», существует не только для иноков «ушедших от мира», но и для нас.

Иоанн Лествичник жил в VI веке. Он поступил в Синайский монастырь 16 лет, а по прошествии некоторого времени уединился и у подошвы Синая прожил 40 лет. Из уединения его уже в преклонном возрасте – 75 лет – синайские монахи избрали своим настоятелем.

Иоанн Лествичник в течение всей жизни шёл путём самосовершенствования в Боге. Когда настоятель Раифского (соседнего) монастыря обратился к нему с просьбой дать им духовное руководство, то Иоанн Лествичник по смирению, считая себя невежественным и необученным, хотел отказаться, но принял этот труд как послушание и написал «Лествицу» (по точному греческому переводу – «Лествица райская»).

«Лествица» включает в себе 30 книг, которые можно разделить на две части. В первой части Иоанн Лествичник говорит о пороках, противных христианской жизни, и о борьбе со страстями – злословием, многоглаголанием, ленью, унынием и т. д. Первая часть обнимает 23 книги, а вторая, начинающаяся с 24-й книги, говорит о добродетелях: кротости, рассудительности, смирении, вере, надежде и, как о довершении всего, любви.

Эти 30 ступеней духовного делания, восхождения дороги нам тем, что о них великий подвижник на склоне лет писал, не выдумывая, а наблюдая, и прежде всего свою собственную душу, и справляясь с другими святыми отцами, о которых он иногда и упоминает, например Евагрий, Кассиан и другие.

Для нас, людей, которые хотят следить за тем, что предлагает Святая Церковь своим чадам, которые в течение года слышали учение Иоанна Лествичника об унынии, тщеславии и т. д., – для нас (в эти дни, когда мы стоим ещё в седмице Крестопоклонной и приближаемся к Неделе Иоанна

Лествичника), нужно в самых кратких словах изложить, как он смотрит на самое основное в нашей жизни.

«Все младенцы во Христе»³⁰¹, говорит Иоанн Лествичник. Все мы младенцы по духовному возрасту, и наше делание заключается в том, чтобы нас, грешных, уврачевать, исцелить в течение этой жизни.

«Когда хотим выйти из Египта и бежать от фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, т. е. ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя, сочли, что не имеют нужды ни в каком руководителе, ибо исшедшие из Египта имели наставником Моисея, а избежавшие из Содома – ангела... т. е. равноангельного мужа; ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный»³⁰².

В том-то и дело, что мы больны, больны все – и иноки, и мирские, мужи и жёны, – больны своими грехами. Это море грехов мешает нам восходить к горним обителям. Нам нужен врач, который мог бы вывести нас из этого состояния.

Каким же путём мы должны идти?

Все мы или наши восприемники за нас давали при крещении обет: «Отрицаемся сатаны, и всех дел его, и всех аггел его, и всего служения его, и всея гордыни его»³⁰³.

Крещаемый свидетельствует о своём отречении, говоря три раза «отрицаюся» и три раза в прошедшем времени «отрекохся», а затем даёт обет сочетания Христу, говоря три раза «сочетаваюся» и опять три раза в прошедшем времени «сочетахся».

Первое слово Иоанна Лествичника «Об отречении от мира», которое ставит во главу угла, относится и к инокам, хотя они как будто уже ушли из мира.

Слово «мир» в Священном Писании имеет несколько значений.

Во-первых, мир – творение Божие, преисполненное красоты. От этого мира не надо было бы отрекаться

христианину, но его уже не существует, в него вошёл грех, вошло зло, и теперь *мир во зле лежит* (1Ин. 5:19).

Вторым значением «мира» является зло, грех.

Третье значение придаётся ему, когда подразумевается тот мир, в котором мы живём. В нём есть красота и доброта и – грех.

От чего же, от какого «мира» отрекаются инок и мирянин?

Они не отрекаются от «мира», который Богом создан и возлюблен, *также бо возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть* (Ин. 3:16), и, конечно, не отрекаются от того мира, в котором живут, от мира, который, хотя и есть творение Божие, но преисполнен греха. Ведь и инок, отрекаясь от мира, живёт в мире же – в пустыне, в пещере, в монастыре.

А вот от мира греха, от страстей, от диавола – вот от него отрекается каждый крещаемый и вторично – тот, кто принимает пострижение.

Если всё это так, то как же мы, люди, должны совершать свой путь спасения?

Сперва это отречение совершается с великим трудом. «В самом начале отречения, – говорит Иоанн Лествичник, – без сомнения, с трудом, понуждением и горестью исполняем добродетели; но, преуспевши, перестанем ощущать в них скорбь или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостью и ревностью, с возделением и божественным пламенем»³⁰⁴.

Эти состояния понуждения и труда, о которых говорит подвижник, достигший уже высшего, знавший и радость молитвы, и Божественный пламень, нам чрезвычайно близки, и мы должны теперь отнестись к ним совсем по-иному, потому что получаем эти слова от человека, который уже *взошёл*, вспоминает *своё* восхождение, *свои* труды, понуждение и горечь, свидетельствует об этом.

Всем нам надо помнить, что говорит Иоанн Лествичник: «Всем приступающим к сему доброму подвигу, жестокому и тесному, но и лёгкому, должно знать, что они пришли

ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невестественный огонь»³⁰⁵.

Итак, с одной стороны, это подвиг жестокий и тесный, а вместе с тем – и легкий. Иоанн Лествичник свидетельствует, что «Господь по особенному Промыслу Своему облегчил брани для новоначальных, чтобы они при самом начале не возвратились тотчас в мир»³⁰⁶. Итак, радуйтесь всегда о Господе, все рабы Божии, видя в этом первый знак любви Господней к вам и что Он Сам вас призвал.

Это путь лёгкий, потому что Господь его облегчает, и прежде всего для новоначальных, и многие из нас знают это по своему опыту. Так легко было ходить в церковь, так не хотелось уходить от церковных служб, так лёгок казался свой крест, и удивлялись мы, почему так тяжело другим, когда нам легко. Но вместе с тем мы должны помнить, что постоянный труд должен сопровождать нас, что борьба необходима. Мы в своём неразумии думаем, что христианин тот, кто «верует», но ведь *и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2:19). Значит, мы здесь не берём самого главного признака.

А вот что говорит Иоанн Лествичник: «Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу»³⁰⁷. Стало быть, прежде всего требуется, чтобы мы подражали Христу словами, делами и помышлениями и верили непорочно во Святую Троицу.

А кто такой боголюбец?

Мы привыкли думать, что это тот, кто любит Бога, молится, как фарисей, даёт жертву бедным во имя Божие, но не так определяет Иоанн Лествичник. «Боголюбец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и по силе своей старается делать добро»³⁰⁸. И понятно для нас, что мы, грешные, живём противоестественно, иначе мы и не были бы грешными. Нам надо пользоваться всем естественным и безгрешным и стараться делать добро – этого требует Иоанн Лествичник.

А многие из нас только верят и умиляются (когда, например, читают о Страшном Суде), а на самом деле ничего не

делают и не думают подражать Христу. Многие из нас не могут даже понять, что есть один путь – путь делания Христова, очищения своей души от похотей и страстей, – одинаковый для иноков и для мирян. Разница здесь лишь в мере прохождения пути.

Как же Иоанн Лествичник смотрит на выбор пути?

«Желающие истинно работать Христу, прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцов и собственным рассуждением избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения, ибо не для всех полезно общежитие по причине сластолюбия и не все способны к безмолвию по причине гнева, но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам»³⁰⁹.

Итак, с одной стороны, один общий путь для всех – борьба с грехами, излечение от страстей, но вместе с тем каждому надо идти и своим путём.

Что же это значит?

Когда человек страдает какой-нибудь болезнью, врач, если он хороший, лечит его сообразно с общим состоянием его тела. Так, врач будет лечить воспаление лёгких по-разному у различных людей. Хотя общее лечение будет одно, но оно меняется в зависимости от состояния сердца и лёгких данного человека.

Господь даёт каждому идти соответственно его качествам. Иоанн Лествичник писал для иноков, но и здесь можно видеть то же самое. Даже для иночества, которое живёт общей жизнью, есть различные пути: безмолвие, безмолвие с двумя и общежитие.

«Всё житие монашеское содержится в трёх главных устройствах и образах подвига: или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, – с двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии»³¹⁰.

Вот мы все в большинстве случаев, как новоначальные, должны помнить, что Иоанн Лествичник говорит дальше: «*Не клонись, говорит Екклезиаст, ни на десно, ниже на шуе (Притч. 4:27), но путём царским иди*»³¹¹.

Нам нужно помнить, что мы должны идти путём общежития, не замыкаясь в себе, каждый отдельно, а идти вместе: *друг друга тяготы носите* (Гал. 6:2), – говорит Господь.

Путь общежития является для нас путём царским. Но нужно помнить, что, идя вместе с другими, каждый идёт своим путём, у каждого свои немощи и свои недостатки, и мы при помощи своих духовных отцов и наставлений святоотеческих должны избрать себе путь, соответствующий нашим качествам.

Вот основное положение, на котором Иоанн Лествичник строит своё поучение и развёртывает свою «Лествицу».

Для нас, желающих поклониться Святому Кресту и молящихся, да не бесплотен будет в нас Святой Крест, надо помнить и понять, что Иоанн Лествичник был христианином не только в смысле веры, но и в смысле подражания Христу – и словом, и делом, и помышлением, и оставил нам путь, по которому мы под руководством своих духовных отцов можем идти.

В X веке «Лествица» была переведена на болгарский язык и попала к нам, а в XIX веке её перевели на сербский, и этот перевод также попал на Русь. По этой книге воспитывались наши великие подвижники – Сергей Радонежский и его ученики. Она была хорошо известна Нилу Сорскому. В их время, в XIV–XV веках, когда у нас на Руси совершалось настоящее духовное делание, она существовала во многих списках.

Затем она забывается, и приходится уже чуть ли не в наше время снова переводить её Паисию (Величковскому). Эта книга, «Лествица райская», в наше время мало кому известна, хотя она и издавалась несколько раз – лучшее издание Оптиной пустыни.

Вам, желающим не только говорить о Христе, а и делать, надо знать эту книгу и помнить, что Иоанн Лествичник вводится в пост не потому, что надо заполнить воскресные дни празднованием тех или иных святых. Скоро ведь будет и отдельное его празднование (30 марта), и если в то же время Святая Церковь находит нужным не только установить второе празднование его памяти, но и целую седмицу Великого поста

отдаёт этому подвижнику, то это потому, что в «Лествице» он оставил сокровище, дающее нам устроение.

Наше время последнее поставило на карту. Хотят отбросить опыт иноческий и идти по иному пути. Но Церковь свидетельствует, что есть только один путь – борьба со страстями и похотями, излечение души. Иоанн Лествичник шёл этим путём излечения и оставил нам свой опыт, который мы в храме изучаем мало-помалу от пятницы до пятницы.

Если мы чувствуем, что Иоанн Лествичник так много нам говорит, открывает так много грехов, о которых мы и не подозревали, то, каково же его значение для настоящих делателей. Если даже мы чувствуем эту радость, то тем самым можем понять, что эта книга и этот подвижник имеют значение и для нашей мирской жизни.

Когда мы будем праздновать память его, пусть всякий вспомнит, что он получил от него, и тогда вы поймёте, какая величайшая мудрость в расположении недель Великого поста, когда сейчас же после Крестопоклонной недели Церковь показывает нам, как идут святые отцы, оставившие нам путь, влекущий и нас к небесным обителям.

Призывом к восхождению заканчивает свою «Лествицу» преподобный Иоанн Лествичник: «Восходите, братия, восходите усердно, полагая восхождения в сердце своём и внимая пророку, который говорит: *приидите, взыдем на гору Господню, и в дом Бога нашего (Ис. 2:3), совершающего нозе наши яко елени, и на высоких поставляющего (Пс. 17:34)*, чтобы нам соделаться победителями на пути Его. Теките, умоляю вас с апостолом, сказавшим: *потщимся, дондеже достигнем еси в соединение веры и познания Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:13)*. Христос же, крестившись в тридесатое лето видимого возраста, получил тридесатую степень в духовной сей лестнице; ибо любовь есть Бог. Ему хвала, Ему держава, и Ему сила; в Нём начало всех благ и есть, и было, и будет в бесконечные веки»³¹².

Неделя пятая Великого поста. Память преподобной Марии Египетской

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В последнюю неделю Великого поста Святая Церковь даёт нам образ жены, шедшей долгим путём покаяния, очищения своей души и пришедшей ко Господу – образ Марии Египетской. Она говорит нам как бы о том, что если в предыдущей седмице мы соприкоснулись с другим подвижником – Иоанном Лествичником, – соприкоснулись с образом мужа, то пусть жёны не думают о том, что дело спасения – жизнь в Боге – не их мера, не по их силам.

Церковь даёт нам образ жены – великой грешницы и великой праведницы. Она даёт нам его как подтверждение всего того, что мы слышали в храме в чтениях Великого поста, и того, что говорил нам великий учитель наш – Иоанн Лествичник.

Мария Египетская – одна из величайших грешниц.

Когда читаешь житие Марии Египетской, убеждаешься, насколько в поучениях святых отцов, хотя бы в изложении Иоанна Лествичника, правдиво изображена человеческая душа и насколько вообще духовная жизнь закономерна.

Прежде всего, Мария Египетская в течение 17 лет совершала блуд со всеми. Она говорит о себе: «Семнадцать лет и даже больше я совершала грех со всеми не ради подарка или платы, так как ни от кого ничего не брала, но я так рассудила, что даром больше будут приходить ко мне и удовлетворять мою плоть. Не думай, что я была богата, – нет, я жила в нищете, часто голодная пряла охлоп, но всегда была одержима желанием ещё более погрязнуть в тине блуда, я видела жизнь в постоянном бесчестии»³¹³.

У каждого из нас есть тот или иной порок, та или другая страсть, которая владеет нами, и святые отцы говорят, что, прежде всего и надо бороться против неё. «Кто видит в себе какую-нибудь господствующую страсть, тому должно, прежде всего, противу ней вооружаться, особенно же если это

домашний враг, ибо, если мы не победим сей страсти, то от победы над прочими не будет нам никакой пользы»³¹⁴.

У Марии Египетской такой господствующей страстью была страсть блуда, которую исполняла она не ради денег, не ради подарка, не ради чего-либо другого, но ради своей похоти.

И вот Мария едет во Святую Землю, едет не для того, чтобы ей поклониться, не ради того, чтобы так или иначе весело провести время, но ради того, чтобы со встретившимися на корабле молодыми людьми предаваться той похоти, той страсти, которая ею владела. Вы знаете, по особому Промыслу Божию она не была допущена до поклонения Животворящему Кресту Господню. Несколько раз пыталась Мария проникнуть в храм, но, будучи каждый раз удержана неведомой силой, почувствовала свою греховность, и, увидев Божию Матерь, изображенную на иконе, она смиренно Её попросила: «О, Владычице, Дева, родшая Бога плотию. Я знаю, глубоко знаю, что нет чести Тебе и хвалы, когда я, нечистая и скверная, взираю на Твой лик Приснодевы, чистой телом и душой. Праведно, если Твоя девственная чистота погнушается и возненавидит меня, блудницу. Но я слышала, что рождённый Тобою Бог для того и воплотился, чтобы призвать грешников к покаянию. Приди же ко мне, оставленной всеми, на помощь. Повели, чтобы мне не возбранён был вход в Церковь, дай мне узреть Честное Древо, на котором плотью был распят Рождённый Тобою, проливший святую Кровь Свою за избавление грешников и за меня. Повели, Владычице, чтобы и для меня, недостойной, открылись двери Церкви для поклонения Божественному Кресту. Будь моей Поручительницей пред Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотой блуда, но, возрев на Крестное Древо, отрекусь от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведёшь меня Ты, Поручительница моего спасения».

И дальше, вы знаете, что Божия Матерь удостоила её войти в храм и поклониться Честному Кресту, а затем она в радости, омывшись во Иордане, причастившись Святых Таин, пошла на великий подвиг, который затем несла в течение 50 лет.

Что же даёт нам Мария Египетская?

Она хотела вновь получить от Бога чистоту. «Целомудрие есть чистота души и тела»³¹⁵. Как же ей, блуднице, можно было сделаться вновь чистой?

Обратимся к тому, кто недавно учил нас – к Иоанну Лествичнику: «Не тот чист, кто сохранил нерастленным сие бренное тело, но тот, кто члены его совершенно покорил душе»³¹⁶.

Вот её задачей и было теперь члены свои покорить душе, сделать их сослужащими Богу, как служила душа. Она стала очищать себя через безмолвие и послушание. «Земля с росой есть мать сладости плодов, а мать чистоты есть безмолвие с послушанием», – говорит Иоанн Лествичник³¹⁷. Вот Мария Египетская и исполняет это указание святоотеческого опыта, не зная, конечно, о нём. Она идёт через пустынное безмолвие и послушание.

Почему необходимо безмолвие и послушание?

Безмолвие – это то, что является для нас службой Богу. «Безмолвник тот, кто существо бестелесное усиливается удержать в пределах телесного дома»³¹⁸.

Это значит, что подвижник – «существо бестелесное», то есть ум свой или душу, как бы сказали, должен удерживать в своём теле, то есть не давать ей развлечений мирских. Вся жизнь его – стояние перед Богом, служба Ему.

Но для стяжания чистоты мало одного воздержания и безмолвия. «Кто одним воздержанием покушается утолить сию брань, тот подобен человеку, который думает выплыть из пучины, плавая одной рукою». Где же другая рука? «Совокупи с воздержанием смирение; ибо первое без последнего не приносит пользы»³¹⁹.

Итак, должно быть не только одно воздержание, но надо стяжать ещё послушание и смирение. Вы знаете, что даёт послушание: «Послушание есть... воскресение смирения»³²⁰.

Вот и Мария Египетская должна была прибегнуть к послушанию, чтобы обрести чистоту. Но как же могла она иметь послушание, когда не было руководителя?

Мария Египетская предала себя Божией Матери, назвав Её своей Поручительницей: «Будь моей Поручительницей пред

Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотою блуда, но, возрев на Крестное Древо, отрекусь от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведёшь Ты меня, Поручительница моего спасения». И потом: «Теперь, Владычице, пора исполнить то, что я обещала, призывая Тебя Поручительницей: наставь меня, как будет Твоя воля, и научи, как совершить спасение на пути покаяния».

Божия Мать послала её за Иордан, и радостно, и как легко было Марии, приобщившейся Телу Христову, снова вошедшей в Церковь, как радостно было ей идти в пустыню, идти жить в Боге, пребывать в молитве.

А дальше настало то, в чём мы всегда терпим поражение, – дальше была борьба. «Поверь мне, отец Зосима, что 17 лет прожила я в этой пустыне, борясь со своими безумными страстями, как с лютыми зверями, – говорит Мария Египетская. – Когда я принималась за пищу, я мечтала о мясе и вине, какие ела в Египте; мне хотелось выпить любимого мною вина. Будучи в миру, много пила я вина, а здесь я не имела и воды; я изнывала от жажды и страшно мучилась. Иногда у меня являлось очень смущавшее меня желание петь блудные песни, к которым я привыкла». Но это ещё не главное, что мучило её. «Огонь страсти загорался во мне и опалял меня, понуждая к похоти. Когда на меня находил такой соблазн, то я повергалась на землю и обливалась слезами, представляя себе, что предо мною стоит Сама моя Поручительница, осуждает меня и моё преступление и грозит за него тяжёлыми мучениями. Поверженная на землю, я не вставала день и ночь, пока свет не озарял меня и отгонял смущавшие меня мысли. Тогда я возводила очи к Поручительнице своей, горячо прося помощи моим страданиям в пустыне, и действительно, Она давала мне помощь и руководство в покаянии. Так провела я 17 лет в постоянных мучениях. А после и до сего времени Богородица во всём – моя Помощница и Руководительница».

Да, радостно начало, и, как вы знаете, радостен конец её борьбы со страстями, а в середине был подвиг – 17 лет провела она в постоянных мучениях.

Что же получила Марий Египетская? Она получила чистоту. В чём же видна эта чистота? «Чистота, – говорит Иоанн Лествичник, – нас усвояет Богу и сколько возможно делает Ему подобными»³²¹.

И мы знаем, что, когда она провела 47 лет в пустыне, когда встретила с Зосимою, то обладала этой чистотой в такой мере, что, не читая никаких книг, знала Священное Писание. На вопрос Зосимы, чем она питается, она отвечала: «Питаюсь и покрываюсь я всесильным словом Божиим, ибо *не о хлебе едином жив будет человек (Мф. 4:4)*».

Услыхав, что святая вспоминает слова Священного Писания из Моисея, пророков и Псалтири, Зосима спросил, не изучала ли она псалмы и другие книги: «Не думай, – отвечала она с улыбкой, – что я со времени моего перехода через Иордан видела какого-либо человека, кроме тебя, – даже зверя и животного я не видела ни одного. И по книгам я никогда не училась, не слыхала никогда из чьих-либо уст чтения или пения, но Слово Божие везде и всегда просвещает разум и проникает даже меня, неизвестную миру».

Да, проникает, ибо, как говорит Иоанн Лествичник, «чистота соделала ученика своего богословом»³²², ибо Господь, как Чистейший, проникает в чистоту души, Сам делается Учителем, и не нужны тогда бывают для её научения слова других. «Слово, соприисносущее Отцу, творит чистоту совершенную, пришествием своим умертвив смерть; а когда она умерщвлена, ученик богословия получает просвещение»³²³.

Жизнь Марии Египетской, которую она провела в покаянии о том грехе, который ею сначала владел, даёт нам образ деятельного восхождения.

Иоанна Лествичника Святая Церковь даёт нам, прежде всего как описателя «Лествицы», о житии его мы знаем мало, почти только то, на что есть указание в самом его творении. Только в «Лествице» мы узнаем его душу, а житие Марии Египетской есть жизнь, рассказанная самой подвижницей.

А когда мы теперь творим её память, мы должны помнить, что Мария Египетская есть величайшая подвижница из числа женщин-блудниц, что она шла через покаяние, соединённое с

безмолвием и послушанием; она даёт нам великий пример покаяния и всех призывает к этому пути.

Житие Марии Египетской говорит нам, что, если кто из нас имеет какую-либо господствующую страсть и знает её через советы духовного отца, тот должен, прежде всего, против неё подвизаться, иначе тщетны будут все другие его победы. А затем оно говорит нам, что мы должны идти через подвиг, что *Царствие Божие нудится* (Мф. 11:12), что начинается путь Христов, путь подвига с радости великой, как начался он у Марии Египетской, и кончается великою радостью, а в середине идёт тяжёлая борьба со страстями и похотями – 17 лет она с ними боролась, как с лютыми зверями: она падает духом, она унывает, она теряет дар молитвы, радость любви.

Иоанн Лествичник и Мария Египетская зовут нас на подвиги. Сейчас, когда каждый из нас является хоть и маленьким, но всё-таки светочем в той тьме, которая нас объяла, надо помнить эти живые образы деятельного восхождения, которыми и заканчивает Святая Церковь Великий пост.

Если вы шли через покаяние, через вопль «Господи, помилуй мя падшаго», через Православие и Таинства, через озарение Фаворским светом, через взятие своего креста, то, заканчивая этот путь, оглянитесь назад – как он пройден, что взяли вы в вашу душу из того, что предлагала каждому из нас Святая Церковь.

Если же вы ещё не начали своего покаяния, то не поздно ещё начать его, ибо ещё сегодня мы со Святою Церковью будем петь: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче».

Аминь.

Седмица шестая (ваий) Великого поста. Лазарева суббота. Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Одна сестра, которой я не позволил прийти в храм по болезни, сказала мне: «Сегодня такая хорошая служба».

Плохой службы нет. Все хороши, ибо всегда служба неповторима, каждая своеобразна. Правда, в наше время мы сами зачастую делаем их похожими друг на друга, выкидывая некоторые места и вставляя совсем несоответствующие концертные песнопения.

Что же даёт нам сегодняшнее богослужение?

Ныне мы пришли не только для того, чтобы стоять со свечами и вербами. Мы пришли, чтобы встретить Господа, но не так, как встречали Его еврейские дети, которые кричали Ему: *Осанна Сыну Давидову! благословен Грядый во имя Господне! осанна в вышних!* (Мф. 21:9). Ибо мы знаем то, чего не знали они.

Господь зовёт нас не для того, чтобы мы дали Ему ветви распутившихся деревьев, которые мы держим в руках, или одежды наши, подобно евреям. Он зовёт нас дать Ему другие одежды и другие ветви.

Совершив воскрешение Лазаря, Господь идёт в Иерусалим, и первыми встречают Его те, кто чист сердцем, те, для кого установлено Царствие Небесное. Только тот, кто умалится, как дитя, войдёт в него.

Пустите детей приходить ко Мне (Лк. 18:16), – говорит Господь, и дети первые почувствовали любовь Его к ним и воспевают Ему осанну. А за ними – и народ, воспламенившись от детских голосов. Тот народ, среди которого Он творил чудеса, изгонял бесов, очищал от проказы. Этот самый народ вспоминает всё это и в порыве радости приветствует Его, срезает ветви и расстилает их на Его пути, а кто не может срезать, тот кладёт свои одежды.

А Господь, когда увидел Иерусалим, куда Он направлялся, заплакал о нем, сказав: *О, если бы и ты хотя в сей твой день*

узнал, что служит к миру твоему (Лк. 19:42). Господь плакал, плакал о том, что не узнали времени посещения Его. Он плакал о людях Ветхого Завета, которые, хотя сами и проповедовали о Мессии и пели ныне осанну, но не были просвещены Светом и не могли в своей гордости принять того Света, Который просветил всех людей.

«Грядый Господь на вольную страсть»³²⁴. Этого они не знали, а мы ныне знаем. И собрались мы сегодня не для того, чтобы встречать Его как Царя, торжественно грядущего во Иерусалим, но как идущего на Крест. «Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси взявше крест Твой глаголем: благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних»³²⁵. Вот наша осанна, вот как мы должны Его ныне прославлять. А мы как?

А вот мы думаем, что собрались, чтобы петь Ему, как отроки: «И мы, яко отроцы победы знамения носяще, Тебе, победителю смерти, вопием»³²⁶. Но, братья и сестры, многие из нас и так не могут воспевать, многие и сейчас находятся в состоянии, в котором далеко отстоят от еврейских отроков.

Святая Церковь через богослужение зовёт нас не к этому, а к иному, и второй тропарь, который мы мало слышим и который зачастую не поётся, раскрывает наше истинное состояние: «Спогребшеся Тебе крещением, Христе Боже наш, бессмертная жизни сподобихомся воскресением Твоим, и воспевающе зовем: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне»³²⁷.

Вот мы, люди Нового Завета, спогребаемся Тебе. И недаром те, которые утром были в храме, слышали вместо Трисвятого «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся»³²⁸. Потому к этому времени всегда приурочивали крещение взрослых, чтобы они могли встретить Христа, сподобившись крещения. Мы все спогребаемся Христу и сподобляемся вечной жизни Его воскресением, и не только мы знаем, что так должно быть, но многие и чувствовали, что это так.

Когда Святая Церковь в последние дни Великого поста зовёт нас поклониться грядущему Господу, зовёт нас, очистившихся от греха, пришедших со свечами и ваиями, мы должны понять, Кого мы встречаем и что мы должны дать Ему.

При крещении мы получаем одежду, Его одежду, а затем у нас есть ветви добродетелей, ибо душа даёт плод добродетелей, и потому Святая Церковь воспевает: «Ваиа добродетелей, братие, принесём Христу Богу, грядущему нас ради человечески пострадати волею»³²⁹.

Где же у нас наши добродетели, или, как говорят святые отцы, наше уподобление Богу?

У многих из нас нет этих ветвей, но они должны быть, ибо мы не только должны восстановить в себе образ Божий, но и работать над уподоблением.

Каждый должен иметь, и имеет одежду крещения: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь». Это одежда нетленная, одежда Христова, она нами оскверняется, но она нами же может и очиститься в Таинствах покаяния и причащения.

Итак, мы собрались ныне, чтобы проводить Господа на страдание, ибо Он идёт не воцариться, как думали отроки еврейские, а идёт «заклатися и датися в снедь верным»³³⁰.

И мы ныне должны предстоять, очистив душу, «ум очистив», как поётся в тропаре Алексею, человеку Божию. А это зависит от того, как мы провели святую Четыредесятницу.

Где наши ветви, где наши ризы, которые мы должны были вновь получить через покаяние и причащение Тела Христова, где наша жизнь в Господе?

Вот ныне каждый из нас должен дать Господу не ветви-ваия, не эти вещественные, старые одежды, которые, как и одежда крещаемого, есть только символ. Но можем ли мы дать Ему хотя бы одежду Адама, дать ту одежду, которую Он дал нам?

Мы плохо провели святую Четыредесятницу, и можем ли мы участвовать ныне в этой радости, ибо к радости зовёт нас Церковь – радостно сораспяться и умереть с Господом?

Не поздно ещё, не поздно, иди, грядет Господь на вольную страсть. И настанет время, когда Святая Церковь поведёт нас от смоковницы, зачахшей за то, что она не приносила плода, на Тайную вечерю, на предательство в Гефсиманию, к Пилату и Ироду, затем на Голгофу и наконец, позовёт нас соучаствовать

в погребении вместе с Иосифом и Никодимом (см.: Ин. 19:38–42).

Свечи, которые мы держим вместе с ветвями-ваиями, говорят нам о том, что мы должны иметь зажжёнными светильники веры³³¹, потому и крещаемые стоят со свечами не только во время Таинства, но и всю литургию.

Итак, ныне, встречая Господа, будем иметь светильники наши зажжёнными, принесём Ему одежды наши нетленные, боготканые, а затем мы, люди Нового Завета, должны были бы не только в радости встречать Господа и петь вместе с отроками, но и принести Ему плоды душ наших – ветви добродетелей.

Вот чему учит нас нынешний праздник, вот что значит жить со Святой Церковью и встречать Господа, идущего на страсть, вот что значит «днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси вземше крест Твой глаголем: благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних».

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже. Темже и мы, яко отроцы победы знамения носяще, Тебе, победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне»³³².

Если мы верим, что Христос есть воистину победитель смерти и *первенец из умерших* (1Кор. 15:20), то это значит, что не только Христос воскрес, но и мы некогда воскреснем; веруя в воскресение Христово, мы веруем не в Его только, но и в наше воскресение.

Господь сказал, что настанет день, *когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут. ...и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения* (Ин. 5:25–29). Для всех настанет этот страшный, а вместе с тем и радостный день. Желаем мы этого или не желаем, все мы восстанем из гробов, вызванные словом Божиим от смерти в жизнь, все должны будем подчиниться этому закону, положенному в основу мироздания. Но для одних этот день будет днём величайшей радости, а для других днём ужаса и плача.

Для тех, кто в этой земной жизни шёл путём веры, путём создания в своей душе Царствия Божия, кто ещё здесь, на земле, стяжал залог вечной жизни, день этот будет днём радости. *Истинно, истинно говорю вам, – сказал Господь, – слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь* (Ин. 5:24). Преподобный Сергей и преподобный Серафим не придут на Суд, ибо они веровали Господу и воскресли душою прежде воскресения тела. Поэтому в последний день общего воскресения они, услышав глас Господень, восстанут и возрадуются.

Но для многих день этот будет днём плача и сетования, днём великого ужаса. Ужас состоит не в том, что все мы некогда

умрём, потому что и сейчас многие люди, живущие не в прекрасном мире, созданном Господом, но в созданном ими самими в страшном мире страстей, тяготятся своей жизнью и желают добровольно прекратить её. Ужас состоит в том, что мы не только умрём и воскреснем, но для многих это будет *воскресение осуждения*. Если бы мы по-настоящему веровали словам Господа, мы дали бы себе отчёт в том, почему мы не радуемся по-настоящему воскресению Христову и почему мысль о том, что мы воскреснем, вызывает в нас ужас. Мы поняли бы тогда, что это происходит потому, что, живя на земле, мы не создаём в своей душе Царствия Божия и не идём по пути стяжания вечной жизни.

Предваряя великий день общего воскресения, Господь Иисус Христос, прежде Своего страдания, воскресил из мёртвых Лазаря. Лежащий во гробе, «четверодневный» Лазарь услышал глас Господа, воззвавшего его к жизни: *Лазаре, гряди вон! И вышел умерший, обвитый... погребальными пеленами* (Ин. 11:43–44).

Воскрешение Лазаря было не нарушением, а утверждением, или, как говорит тропарь сегодняшнего дня, «уверением» закона всеобщего воскресения, положенного Господом в основу мироздания. Закон этот ужасен для грешников и бесконечно радостен для праведников. Таким был бы он и для нас, если бы мы, придя сегодня вечером в храм, принесли с собою не ветви-ваии, а ваии добродетелей, которые должны расцветать в наших душах.

На протяжении всей Четыредесятницы Святая Церковь вела нас путём покаяния и очищения наших душ путём взращивания в них ваий добродетелей, путём воскресения души прежде Общего воскресения. Вспомним, к чему призывают нас великие песнописцы церковные, проповедники и руководители наших душ на пути покаяния, в особенности в эти последние дни, когда мы вместе с Господом и Его учениками шли за иорданскою стороною в Вифанию и в Иерусалим: «Приидите, уготовим Господеви к сретению, ветви добродетелей носяще Ему; тако бо Его приимем, якоже во граде Иерусалиме в души нашей, поклоняющиеся и поюще Его»³³³.

Много духовных утешений дала нам Церковь в эти святые дни. Воистину ужасным и радостным могло быть для нас время святой Четыредесятницы, если мы проводили её в покаянии, если всё то, что мы совершали и творили в эти дни, мы приносили Господу от сокровища нашего сокрушённого сердца. Вот и сегодня вечером мы будем стоять в храме, держа в руках свечи и цветущие ветви, которые Церковь именует «знамениями победы». И цветущие ветви, и зажжённые свечи – это только внешнее выражение праздника, всё это для нас только знамения внутреннего духовного празднования. Цветущие ветви – знамение победы над грехом и духовного цветения наших душ, а огонь свечей, которые мы будем держать сегодня в руках, должен напоминать нам о том благодатном огне, который пришёл Спаситель зажечь в наших душах.

Сегодня мы стоим в преддверии великих дней – Страстей Господних. Давайте же хотя бы в эти предпраздничные дни поймём, что нас ожидает или величайшая радость, или величайший ужас воскресения. И нет для нас иного, третьего пути. Поэтому, приступая ныне к Страстям Господним, отложим свои страсти.

Ещё не поздно и сегодня вступить на путь очищения душ, ведь даже в самый великий день Воскресения мы будем петь: «Очистим чувства, и узрим»³³⁴.

Господь идёт на вольную страсть, идёт распяться за нас. Неужели же в эти дни мы не отложим всего, что мешает нам соединиться с Ним: ненависти, злобы, клеветы, в которых сами мы задыхаемся. Неужели и сегодня не поймём, что все мы восстанем, и многие из нас восстанут для плача и рыдания. И пусть не смерть страшит нас, а то, что, воскреснув, мы поймём, как напрасно прожили эту жизнь.

Святая Церковь предупреждает нас, она предостерегает нас от того, чтобы мы не оказались подобны тем, которые *глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Исх. 6:9–10; Мф. 13:15).

Давайте же в эти святые дни отложим владеющие нами страсти, направим все силы наших душ на служение Господу.

Тогда, живя ещё на земле, мы откроем наше сердце для вечности, мы будем радоваться жизни, и в нас проснётся стремление к вечной жизни. День за днём все больше и больше будут открываться наши души для познания Вечного.

И тогда уже не с ужасом, но с великою радостью мы будем думать о дне последнего воскресения. Тогда мы даже не предстанем пред страшным Престолом Судии, но будем радоваться, взирая на Господа в день последнего воскресения, К этому и призывает Святая Церковь словами сегодняшнего тропаря: «Тем же и мы, яко отроцы победы знамения носяще, Тебе, победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне».

Аминь.

Неделя третья по Пасхе, святых жён-мироносиц

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодняшний праздник – праздник святых жён по преимуществу. Недавно пришлось слышать от одной из сестёр: «это наш праздник». Какое величайшее заблуждение! Если это действительно праздник жён, то не всех, а только мудрых. Не всех жён, живших в дни земной жизни Иисуса Христа, вспоминаем мы сегодня, а только тех, которые служили Ему, следовали за Ним, не оставляли Его и в страшные минуты Его страданий и смерти.

Мы празднуем ныне праздник тех жён, которые в час погребения Своего Господа и Учителя *зрясте, где Его полагаху* (Мк. 15:47). И когда пречистое тело Его было положено во гроб, а вход завален камнем, не ушли, а остались *сидяще прямо гроба* (Мф. 27:61). Они пришли ко гробу, движимые великою любовью к своему Учителю для того, чтобы и в этот последний час послужить Ему и по иудейскому обычаю умастить тело Его ароматами. Не будучи в состоянии исполнить это во время погребения, они не оставили своего намерения, но, возвратившись домой, ещё до наступления субботы *уготоваша ароматы и миро* (Лк. 23:56), чтобы по окончании субботнего покоя пойти снова на рассвете первого дня недели ко гробу и помазать ароматами и миром тело Иисуса.

И они действительно идут ко гробу *во едину от суббот, совсем рано, еще сущей тьме* (Ин. 20:1); идут, несмотря на то что знают, что вход завален камнем, которого они не в силах отвалить, идут без рассуждений, движимые верою и любовью к Распятому, и за свою великую любовь получают величайшую радость благовестия о Его воскресении.

Это их праздник, праздник жён-мироносиц по преимуществу, а вместе с ними и других евангельских жён, которые ещё в дни земной жизни Иисуса Христа с верою и любовью приходили к Нему, припадали с молитвою к Его стопам и получали от Него исцеление и прощение грехов. Вот кровоточивая жена, которая верила, что достаточно ей

прикоснуться к краю ризы Христовой, чтобы получить исцеление (см.: [Мф. 9:20–22](#)); жена хананеянка, дочь которой была исцелена по её вере (см.: [Мф. 15:21–28](#)); грешница, принёсшая миро в дом фарисея, чтобы помазать им ноги Христа Спасителя (см.: [Лк. 7:37–50](#)). Наконец, это праздник и всех тех жён, которые в разные времена жили в церкви, отдали Господу всё, что имели, служили Ему от своих имений и прежде всего, приносили Ему в дар всё то доброе и прекрасное, чем Бог одарил женскую душу. Воистину он может быть и нашим праздником, если мы в своей духовной жизни пойдём по стопам этих великих жён.

Вы знаете, что все желающие служить Христу проходят в своей жизни через искушения и соблазны. Величайшие соблазны были и у святых апостолов, которые прошли через искушения гордости, страха, уныния. Вспомните, как апостолы спорили между собой о том, кто из них будет первым в Царствии Небесном (см.: [Мф. 20:20–28](#); [Мк. 10:3–45](#) и др.); об отречении Петра (см.: [Мф. 26:69–75](#)), предательстве Иуды (см.: [Мф. 26:14–16](#)), наконец, о том, как «апостолов лучший» былиотягощены сном и не смогли бодрствовать со Христом ни на горе Преображения (см.: [Лк. 9:32](#)), ни в час Его пламенной молитвы в Гефсиманском саду (см.: [Мф. 26:37–46](#); [Мк. 14:33–42](#); [Лк. 22:40–46](#)). Если такие искушения были у апостолов, то, наверное, ещё более трудные соблазны пришлось пережить жёнам, следовавшим за Христом. Святые евангелисты не говорят нам о них только потому, что в Евангелии они рассказывают лишь о том, что сами видели и слышали.

Трудности и искушения, с которыми сталкивались в жизни святые жёны-мироносицы и вообще жёны, желавшие послужить Христу, значительно отличаются от трудностей, которые стояли на пути святых апостолов, и это во многом обусловлено своеобразием души женской в отличие от души мужчины. Ведь женщина по-иному, чем мужчина, воспринимает каждое явление окружающего нас мира. Ум мужчины схватывает самую сущность каждого дела, он склонен к обобщению всех жизненных явлений и результаты этого обобщения полагает в основу своих действий.

В противоположность этому женщина обладает способностью в каждом деле или событии видеть отдельные детали; в каждом человеке она обращает внимание главным образом на его индивидуальные способности, часто даже на мелочи, мимо которых мужчина часто пройдёт, даже не заметив их. И это в значительной мере объясняется тем, что женщина в свой подход к жизни и к людям вкладывает гораздо больше чувства и теплоты душевной, чем мужчины.

Своеобразие мужской и женской души лучше всего можно понять, сравнивая отношение отца и матери к воспитанию ребёнка. Отец обычно намечает общее направление воспитания и определяет принципы, которые кладутся в его основу, но зато он не всегда входит в детали воспитания и не знает так хорошо все уголки жизни ребёнка, все оттенки его души, как знает и видит их любящее сердце матери. Эту же особенность мы замечаем не только в жизни матери, но и вообще в жизни каждой женщины и в её отношении ко всем явлениям жизни.

Путь женщины в жизни есть путь чувства и прежде всего путь любви. Именно любовь даёт возможность следить за всеми мелочами жизни тех, кого она любит. Потому что, если я люблю, то хочу всё знать о любимом, ничего не упустить в его жизни. Это драгоценное свойство женской души, которое может быть положено в основу величайшего христианского делания – любовного отношения к тем людям, с которыми Господь свёл в этой жизни. Но эта же особенность женской души может быть и величайшим препятствием для развития нашей духовной жизни, так как женщины зачастую превращают её из основы христианского делания в карикатуру. Любовное и внимательное отношение к мелочам они превращают в мелочность, которая становится почвой для развития гордости и тщеславия и в результате превращает жизнь окружающих их людей в настоящий ад.

Апостол Павел говорит, что жена может спасти мужа, ибо *неверующий муж освящается женою верующею (1Кор. 7:14)*. История Церкви знает много примеров такого освящения. Так было с отцом Григория Богослова, который обратился ко Христу по молитвам своей жены святой Нонны; то же было с отцом

святого Августина. А с другой стороны, жена может и погубить своего мужа. И причиной этой гибели бывает обычно как раз мелочность жены. Образ такой мелочной, сварливой жены рисуется во многих местах Книги притчей Соломоновых. В одном месте Соломон сравнивает сварливую жену со *сточной трубой* (см.: Притч. 19:13), собирающей в себе все нечистоты и потом обливающей ими всех. *Мудрая жены*, как говорит Соломон, *создаша дома* [и] идут по пути спасения мужа и всей семьи. Злая же жена разрушает все духовное строительство, *раскопа рукама своима* (Притч. 14:1).

Сегодня мы прославляем святых жён-мироносиц за их великую любовь к Спасителю, а так как именно любовь составляет саму сущность духовного образа женщины, то это значит, что мы прославляем их за выполнение задачи женщины. Женщина так же, как и мужчина, должна развивать в себе те душевные свойства, которые заложены в них Господом: муж должен быть главой и отцом семьи, он должен давать общее направление всей жизни, а то, чего в нём не хватает, восполнит жена, влагая в жизнь семьи то, что составляет зерно собственной душевной жизни. Так, помогая и восполняя друг друга, они вместе исполняют закон Христов по слову апостола: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6:2).

Впрочем, в духовной жизни, где *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. 3:28), каждый человек, мужчина или женщина, должен, не теряя особенностей своего духовного строя, вместе с тем стремиться к тому, чтобы избежать односторонности, и по возможности развивать и такие черты, которые не свойственны ему по его естеству. Так, например, святые отцы не раз говорили, что старец – духовный отец должен быть в отношении к своим детям не только отцом, но и матерью. Особенно много говорится об этом в наставлениях преподобного Серафима. Это значит, что он должен, не теряя своей способности к обобщению, развивать в себе свойственную главным образом матери чуткость и нежность по отношению к своим духовным детям. То же самое относится к женщине, которая должна, не теряя свойственных ей по природе душевных качеств, в

возможной для себя мере приобретать и мужские качества. Это поможет ей не теряться в мелочах и предохраняться от мелочности, которая в такой большой степени свойственна многим женщинам.

Святитель Григорий Богослов говорит о своей матери святой Нонне, которая была великой христианкой, что она с таким успехом вела семейные дела, как будто вовсе не занималась духовным деланием, и была так благочестива, что казалось, будто хозяйство её совершенно не касалось. Это как раз то, что нам никогда не удаётся совместить. Святая Нонна достигла этого потому, что свои домашние дела она совершала как дело Христово. В жизни всё состоит из мелочей, но занимаясь ими, она не становилась мелочной, но основой своей жизни полагала молитву. Она была великой молитвенницей, и за это Господь удостоил её блаженной кончины – она умерла в храме во время молитвы. Поэтому сын её в одной из своих духовных поэм справедливо причислил её к ныне празднуемым жёнам-мироносицам, говоря, что она «ничем не уступала жёнам прежде бывшим, которые принимали у себя Христа или видели Его, воскресшего из гроба»³³⁵.

Кроме святых жён-мироносиц, нам следует вспомнить сегодня ещё один образ женской души, девственной и устремлённой к Небесному Жениху – Христу, который Господь даёт в притчах о десяти девах (см.: Мф. 25:1–13). Из них пять было мудрых и пять юродивых. Все они со светильниками в руках ожидали прихода Жениха, чтобы войти с Ним на брачный пир, но не все смогли войти, не все смогли принять участие в Его празднике. Разве мог быть праздник для юродивых дев в тот час, когда, купив елей и возвратившись к чертогу Жениха, они нашли двери чертога закрытыми и услышали глас Жениха: *Не вем вас!*

И, конечно, *есть праздник* для всех тех, кто хотя бы в последний, единадесятый час входит со Христом в открытые двери Его брачного чертога; для всех, кто подобно мудрым девам идут духовным путём и борются за духовную жизнь. Помните, что каждый из нас получил от Бога тело и душу, созданную по образу и подобию Божию, и первая наша задача

состоит в том, чтобы неповреждённым сохранить этот образ. Святые отцы учат нас не искажать этого образа, ни на лицо, ни на одежду не накладывать образа чуждого и не совлекаться образа Божия. Не забывайте, что настанет день, когда придёт Господь и спросит каждого из нас: «Где Мой образ?» Нужно помнить, что сохранение в себе образа Божия начинается с хранения языка. Не злословьте! Помните, что каждое произносимое вами слово не даром произносится. Оно сеется, чтобы принести плоды.

Великий плод принесло слово святых жён-мироносиц: они первые приняли от ангела благую весть о Воскресении Христа и получили от Него повеление: «Проповедуйте апостолам!» (см.: Мф. 28:7). И слово проповеди принесло плод в жизнь вечную.

Подобно им проповедовали Христа Воскресшего и святая Нина – просветительница Грузии, и святая Ольга – просветительница Руси, и другие равноапостольные жены. А были и жены, которые, подобно святой Нонне – матери Григория Богослова, святой Емилии – матери Василия Великого и Григория Нисского, Моники – матери блаженного Августина и многим другим, хотя и не проповедали племенам и народам, но сеяли Слово Божие в своих семьях и принесли плод сторицею в своих великих сыновьях.

Совершенно иначе относятся к образу Божию в себе многие теперешние женщины. Полученные ими от Господа способности они используют для умножения ненависти, злобы и клеветы. Они замечают то, чего не видят мужчины, и данную им способность замечать мелочи они извратили, обратив её лишь на то, чтобы видеть только злое. Нет у них и воздержания в слове, и вместо того чтобы стяжать духовное безмолвие, они поступают по пословице: «Губы да зубы – два забора, а удержу нет!»

Если мы хотим, чтобы сегодняшний день был для нас воистину праздником, то мы должны все свои способности обратить на служение Богу и ближним, потому что праздник состоит не в том, чтобы пребывать в праздности, но чтобы бодрствовать и служить Господу словом и делом. И если мы воистину чувствуем сегодняшний день праздником, то будем

подражать тем, кому посвящён этот праздник, святым жёнам-мироносицам, в их апостольском служении – проповеди Евангелия. На каком бы поприще ни поставил вас Господь, вы всегда можете совершать великое дело – приводить ко Христу живые души, быть их ангелами хранителями, улавливать в них малейшие движения и обращать их на созидания этих душ.

Дело тех жён, которые ныне пришли в храм и, сердцем приближаясь ко Гробу Господа, желают сами принести Ему посильные дары от своей души, есть прежде всего дело любви, той любви, о которой апостол говорит, что она *вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит... николиже отпадает* (1Кор. 13:7.8).

Разве муж мог воздать поклонение Господу, когда он видел, что всё кончено. С его точки зрения дело Иисуса Христа казалось конченным, ведь Христос был распят, погребён и ко гробу Его привален камень. Но жены во имя той великой любви, которая *николиже отпадает*, приходят к запечатанному гробу, чтобы послужить погребённому в нём Господу, и в ответ на свою великую любовь они первыми получают весть о Воскресении Господа.

Подражая этим величайшим жёнам и следуя по их пути, и вы можете не только сохранить в себе образ Божий, не только себя спасти, но и других привести ко Христу. Можете получить в своей душе весть о Воскресении Христа и передать её другим. Можете своей любовью воскресить их души от греховного сна и запечатлеть на них образ воскресшего Господа.

Аминь.

Неделя шестая по Пасхе, о слепом

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Душевными очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожду, якоже слепый от рождения, покаянием зову Ти: Ты сущих во тьме Свет пресветлый»³³⁶.

Святая Церковь, празднуя исцеление слепорождённого, отдаёт этому празднику один из воскресных дней важнейшей части церковного года – святой Пятидесятницы, тем самым указывая, что вопрос слепоты душевной – основной вопрос нашей жизни. Ибо мы живём в созданном Богом мире, жизнь наша подчиняется тем законам, которые Господь установил для сотворённой Им вселенной.

Но Господь не только Законодатель вселенной, но также Источник и Податель жизни, потому что Он подаёт всему в мире *жизнь и дыхание и всё (Деян. 17:25). И сам Он есть жизнь. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков (Ин. 1:4).*

Поэтому, если мы хотим познать Бога, то путь к такому познанию возможен для нас именно через жизнь, как через то, что создано Богом.

Жизнь мы воспринимаем и ощущаем во всём, что нас окружает, но прежде всего в себе самих. Каждый из нас чувствует жизнь не только во внешнем мире, но переживает её в собственной душе. Самое важное для нас – это то, что мы сами живём. Во всём другом мы можем сомневаться, но в том, что мы чувствуем и переживаем в нашей внутренней жизни, мы сомневаться не можем.

Однако в этой жизни мы можем увидеть Бога, но можем и не увидеть Его. Непосредственно воспринимая и переживая жизнь в самих себе, мы можем не увидеть Того, Кто является Источником этой жизни. В Ком «жизнь и свет человеков». Тогда и живя, мы не будем жить, и, смотря, не будем видеть.

Божественный закон говорит, что человек должен внимать себе. «Внимай себе», – сказано в Ветхом Завете³³⁷. А в Новом Завете Господь ещё яснее говорит об этом: *Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17:21).* Вовне можно найти поддержку,

опору, можно найти только подобие этого Царствия в той или иной степени, приближающее нас к его пониманию. Поэтому Господь в притчах говорил, что Царствие Божие подобно семени (см.: Мф. 13:24), закваске (см.: Мф. 13:33), сокровищу, скрытому в поле (см.: Мф. 13:44), но всё это только подобие, а само Царствие Божие внутри нас! Даже слово Божие – Евангелие – не может открыть нам путь в Царствие Божие, если мы не найдём его в своей собственной душе. Вначале себе внимай, и тогда можешь услышать и глас Слова Божия, так говорит и апостол Павел в Послании к Тимофею: *Вникай в себя и в учение... так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя* (1Тим. 1:16). Вникая в себя, прежде всего, если в себе самом не обретёшь Царствия Божия, то зачем тебе и Священное Писание? Если внутри себя не создаешь Царствия Божия, то как спасёшь себя, а тем более слушающих тебя? Ты тогда пустой звук для других. Если в тебе самом нет огня, то как сможешь ты зажечь других? В лучшем случае ты сможешь передать им сведения о том, о чём сам слышал, но не свидетельствовать о том, чем живёт твоя душа.

Святые отцы изучали языки, литературу, языческую философию, они пользовались всем этим для истолкования Священного Писания, раскрытия смысла христианских догматов и в особенности для отражения нападения язычников и еретиков. Но всё это было только внешнее, вспомогательное средство. Главное заключалось в том, что они «внимали себе», в себе самих искали Царствие Божие, глубины духа. Как говорится в тропаре святителю Григорию Богослову: «Якоже глубины духа изыскавшу, и доброты вещания приложишася тебе». Святые апостолы, а вслед за ними пастыри и учителя Церкви потому лишь могли зажечь огонь благодатной жизни в человеческих душах, что огонь этот горел в них самих. Это был тот огонь, о котором Господь говорил: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12:49).

«Внимай себе» – так говорит Божественный закон, а закон мира сего говорит обратное: «Смотри вовне, и тогда жизнь твоя будет хороша и прекрасна».

Когда человек идёт путём духовным, он в себе самом видит жизнь, жизнь подлинную, вечную, а не иллюзорную, не «превременное мечтание», не то, что говорят о жизни домыслы науки, всегда относительные и несовершенные. Эту подлинную жизнь человек начинает тогда ценить и в других. Любя в себе первозданную красоту образа Божия, мы и в других начинаем любить, прежде всего, её, а внешнее лишь постольку, поскольку в нём получает отражение эта первозданная красота.

Иной подход к жизни у людей мира сего. Они считают, что, для того чтобы жизнь была прекрасной, она должна быть направлена не внутрь, а вовне. Чтобы получить подлинную радость и жить настоящей жизнью, говорит мир, человек должен как можно больше проникать в природу и в жизнь людей, средствами науки открывать тайну мира, как можно больше создавать того, что называется развлечением, что отвлекает человека от его души и её сокровенной внутренней жизни.

Помыслы богоборца устремлены к тому, чтобы всеми силами, всеми возможными средствами отвлечь человека от этой жизни и взамен её дать суррогат жизни – увлекательную и пёструю, но созданную грехом картину жизни. Отсюда понятно, почему нас так многое развлекает, почему всё в нашей жизни направлено вовне, почему нам всё скучнее становится оставаться наедине с собою.

Жизнь духовная даёт человеку радость *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4:4), – говорит апостол Павел. Человек не может жить без радости. Христос это знает и дарует великую радость тем, кто соединяется с Ним. Но это совсем иная радость, чем та, которую обещает нам мир. Эта тихая радость живёт в сердцах тех, кто трудится на ниве Христовой. Для того чтобы получить её, надо войти во внутреннюю клеть души своей и начать возделывать землю своего сердца. Тогда, после труда и подвига, наступит радость: за страданием идёт воскресение, за деланием – преобразование. Так шли святые отцы. Они шли путём подвига, за которым следовала великая радость о Господе.

Если человек идёт в своей жизни против Бога, если его помыслы, желания обращены вовне и он не смотрит вовнутрь

своего сердца, он тоже получает радость (потому что, даже извращая закон, по которому мы созданы, мы всё же следуем ему; пока в душе человека тлеет хоть искра жизни – он радуется). Но так как жизнь его построена на извращении закона Божия и он живёт во грехе, то и радость его также запятнана грехом и всегда связана с горечью.

Святые отцы говорят, что каждый грех несёт с собою радость. Но если у человека, живущего духовной жизнью, радость наступает после делания, то для тех, кто живёт во грехе, наибольшая радость бывает прежде совершения греха, она связана с представлением о грехе и влечением к нему. В момент совершения греха радость притупляется, а после наступает тоска пресыщения и отчаяния. Радость эта временная, она не пребывает вечно, как та, которую даёт Господь и о которой Он сказал, что *никто не отнимет* её от нас (ср.: Ин. 16:22).

Радость, которую имеет человек, живущий в Боге, есть радость умирённого сердца. Она переживается в тишине, потому что Христос, Который даёт её, – «начальник тишины». «Ты бо, Богоневестная, начальника тишины Христа родила еси», – говорится в молебном каноне Божией Матери³³⁸.

Только в этой тишине можем мы по-настоящему увидеть свою душу и оценить её, почувствовать в ней «по образу Божию созданную нашу красоту»³³⁹.

Ведь и внешний мир, окружающую нас природу, мы можем по-настоящему понять и постигнуть, почувствовав её красоту не в буре, не в вихре разрушения, а в тишине. Правда есть своеобразная радость также и в восприятии противоборствующих стихий. Радость и даже упоение есть «и в разъярённом океане, среди грозных волн и бурной тьмы»³⁴⁰, но настоящее познание жизни природы мы можем получить только тогда, когда она раскрывается в тишине. Тогда каждый звук и каждый шорох будет говорить о её жизни и безмолвными гласами возвещать о её Виновнике и Творце.

Это же самое и в нашей душе: в напряжённой жизни её страстей, которая человеку, чуждому духовной жизни, кажется красивой, а с другой точки зрения является выражением

греховного устройства души, мы никогда не познаем и не увидим истинной её природы. Подлинная картина жизни нашей души открывается только тем, кто идёт по пути тишины и безмолвия.

Сегодня Святая Церковь празднует исцеление слепорождённого. И нам кажется, что и мы участвуем душой в этом празднике, потому что мы знаем: Господь есть истинный Свет, *просвещающий всякого человека, грядущего в мир* (ср.: Ин. 1:9). Но действительно ли наши души прозрели, чтобы видеть этот Свет? Что значит, для слепого увидеть свет? Некоторые видят, как постепенно рассеивается тьма, которая их окружала до сих пор и в которой они пребывали, но они не могут ещё видеть красоты окружающего их Божия мира.

То же и в духовной жизни: для многих из нас Свет Христов уже блеснул, но мы не имеем ещё зоркости, чтобы видеть Его непрестанно и чтобы в Нём увидеть свою душу и окружающий нас мир. А зоркость эта даётся через чистоту сердца.

Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят (Мф. 5:8). Мало иметь понятие о свете, надо иметь духовную зоркость. Святая Церковь зовёт нас сегодня к освещению наших душ и созиданию нашего внутреннего дома.

Прежде всего «вникай в себя», а потом уже в Священное Писание, в богослужение, в других людей, в природу.

Если в самих себе вы найдёте Господа, то увидите Его во всех Его творениях.

Поэтому Святая Церковь и молится сегодня о даровании нам этой духовной зоркости: «Душевыма очима ослеплён, к Тебе, Христе, прихожду, якоже слепый от рождения, покаянием зову Ти: Ты сущих во тьме Свет пресветлый».

Аминь.

**Перенесение мощей святителя и чудотворца
Николая из Мир Ликийских в Бари (1087)**

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня творим память вселенского, всемирного архиерея, угодника Божия святителя Николая.

У каждого архиерея, у каждого епископа есть своя паства, которая ограничена тем или иным городом, которая ограничена этой земной жизнью.

Но есть архиереи, которые продолжают руководить паствой и тогда, когда сами уже отошли в другой – горний – мир. И мы знаем таких архиереев. Мы чтим память Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, чтим и наших святителей Московских и всея России чудотворцев: Петра, Алексия, Иону, Филиппа и Ермогена, – которые и после смерти остались в общении с нами, которые и теперь руководят нами.

Но есть архиерей, паства которого не ограничена ни местом, ни временем, ни народом. Этот вселенский пастырь, этот архиерей архиереев – скромный мирликийский пастырь, живший в маленьком незаметном городке, ничего как будто бы в жизни не приобретший, шедший скромным путём, которым шли многие. Однако его житие не ограничивается земной жизнью, оно продолжается, и будет продолжаться до скончания века, до тех пор, пока есть люди на земле, нуждающиеся в его помощи.

Этот вселенский пастырь, который не был даже так возвеличен и прославлен, как те вселенские учителя и святители, о которых я говорил, явил те христианские добродетели, которые явил в нём Вещей Истина, явил Господь, и эти добродетели – это правило веры его и образ кротости и нищета духовная были в нем ярки, как ни в ком другом.

Святая Церковь приравнивает его к апостолам и пророкам, называя его «апостолов и пророков равностоятелю»³⁴¹, она чтит его настолько, что назначает ему недельный день, чего не сделала она ни для кого из архиереев, даже считающихся вселенскими учителями.

У каждого из названных мною архиереев есть то, что выявляет его душу, что делает его христианином, что является

смыслом его жизни, к чему остальное только прикладывается.

Великие вселенские учителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст – выявили в своей жизни то же, что святитель Николай, и потому-то и были великими. Без нищеты духовной всякий, кто бы он ни был, какой бы почёт ни оказывали ему здесь, на земле, не имеет в себе того, что выделяет его из мира, что делает его христианином.

Для нас, переживающих великую смуту, для тех, кто плывёт по мутным волнам этого моря, несущим грязь, поднятую со дна волнением, прежде всего, должен решаться вопрос, с кем и как идти и на кого опираться, что иметь основанием, чтобы идти тем или иным путём. Святые отцы и святитель Николай говорят, что всякое слово, хотя бы и христианское, не является действенным до тех пор, пока оно не становится делом в том, кто его произносит.

Святитель Николай, святую память которого мы чтим, есть архиерей небесный, к которому мы обращаемся во всякой нужде, который слышит нас и поможет, когда мы придём к нему и у него попросим указания пути. Он нам кормчий будет.

Многие теперь в своей гордости только красно говорят, а другие своей жизнью показали, что значит быть христианином и идти за Христом. Мы-то пойдём ли по пути, к которому зовут нас святые отцы? Путь труден. Путь нелёгок. Мы приучили свой язык много говорить, в лучшем случае проповедовать, но не приучили своего сердца исполнять Христовы заповеди.

И вот, когда мы стоим перед этой смутой и когда в то же время стоим сейчас перед великим вселенским архиереем, душа наша тянется к нему, она просит, чтобы он принял её под своё водительство, чтобы он нас повёл по тому пути, по которому сам шёл за Христом.

Лукавое время настало. Вы знаете, что должны прийти волки в овечьей шкуре, наёмники, а не пастыри, которые на Страшном Суде скажут Господу: *Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?* – и которым Он ответит: *Я никогда не знал вас* (Мф. 7:22–23).

Как нам, людям, ещё не приучившим своего сердца к соблюдению заповедей Божиих, как разобраться нам в том, к чему зовут нас разные вожди? Нам надо идти путём святоотеческим, путём Христовым.

Мы знаем, каким путём идут те, кто отвергает святых отцов; их путь – путь гордости. Мы знаем, что путь гордости, путь отвержения Бога, начинается с отвержения людей, с отвержения Церкви и святых отцов.

И нынешние вожди, которые по своей греховности должны были бы смиренно идти за святыми отцами, за святителем Николаем, этот путь начали. Следующая ступень есть отвержение Божией помощи, как говорит великий учитель авва Дорофей, рассказывая об одном брате, который начал с того, что говорил: «Что значит тот и тот – есть такие вот святые», – и, переходя, таким образом, к уничижению тех, которых только что признавал, он, наконец, возгордился и против Бога и стал и Его отвергать³³⁹.

Мы знаем, к чему ведут те, кто начал эту церковную смуту. Мы чтим святителя Николая, мы собрались чтить его святую память и должны решить, что же нам в христианстве дорого, для чего мы ходим в церковь и зачем приходил Христос.³⁴²

Если мы сознаём, что надо приучить сердце наше к соблюдению заповедей Божиих, тогда наша душа потянется к таким кормчим, которые не только звали и вели, но и сами шли.

И вот вселенский учитель святитель Николай зовёт нас в небесную Церковь, зовёт идти по пути смирения.

Мы должны от всей души воззвать к нему, чтобы он руководил нами в нашей тяжёлой теперешней жизни. «Якоже солнце незаходимое возсия светозарными *лучами*, разгоняя тьму искушений же и бед от вопиющих верно: спасай нас, яко предстатель наш, великий Николае»³⁴³ – так поёт ему Церковь, и мы все люди, собрались в храм не для того, чтобы вспомнить о когда-то жившем святителе Николае, но чтобы помолиться ему, восхвалить его и просить его, чтобы он указал нам путь.

Пора перестать говорить, братья и сестры, надо постараться начать устраивать свою душу. Мы устали и говорить, и слушать, давайте же делать, наконец, давайте

смиряться. И если обратимся усердно к святителю Николаю, он услышит нас, он поможет нам идти, поэтому святоотеческому пути. И тогда станет нам радостно, радостно не от того, что мы проповедуем о Христе, а идём за Ним.

Помолимся же, чтобы он умолил Бога дать нам время на покаяние, чтобы мы почувствовали и оплакали наши грехи. Мы должны сами идти, идти за Христом, а не быть верстовыми столбами, по слову святителя Тихона Задонского³⁴⁴, – тогда и за нами пойдут.

Святителю отче Николае, наставь же нас недостойных, грешных, заблуждающихся, но чтущих твоё святое имя и молящихся тебе, о святой небесный кормчий.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Празднуя память святителя Николая, Святая Церковь воспевает его как «ум священнейший». Ум! Почему о святителе Николае, которого, прежде всего мы чувствуем как великого любвеобильного пастыря, всем сердцем любящего всех прибегающих к нему и считающих себя членами его духовной паствы, почему же именно о нём Святая Церковь говорит как об уме священнейшем?

Скромный Мирликийский епископ, совсем не оставивший нам никаких своих творений, скромный в жизни и в учении, ибо он не был подобен тем, кто раскрыли так ярко, с такой силой учение Христа Спасителя в своих златых словесах, как великий Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов.

Почему же именно его, святителя Николая, этого простеца-пастыря, епископа, почему же именно его Святая Церковь ублажает как «ум священнейший»? Мы так исказили в нашей обыденной жизни подлинное понимание человеческой души, что считаем, что ум есть наш хозяин, в человеке прежде и больше всего ведает всем существом ум, разум. А Спаситель, Священное Писание и Святая Церковь никогда не обращаются к уму, но к сердцу человеческому.

Господь пришёл проповедовать сокрушенным сердцем, Он говорил: *Аз кроток есм и смирен сердцем* (Мф. 11:29).

Святая Церковь молится о том, чтобы Господь дал нам чистое сердце. Она напоминает нам, что даже в неверии мы исходим от сердца, ибо в нём скрыты, из него исходят помышления злые и словеса лукавые. *Рече безумен в сердцах своем: несть Бог* (Пс. 13:1; 52:2).

Что такое ум, разум, понимаемый нами как наш хозяин, как руководитель всего нашего существа?

Батюшка говорил, что ум – это есть не более как рабочая сила сердца, которая помогает, которая даёт возможность сердцу работать в известном направлении, и если ум хорошо

работает, это хорошо, потому что у сердца есть тот орган, который помогает ему в нашей работе.

А кто же является умным человеком в христианском смысле?

Быть «умным человеком» в смысле Христовом имеет совсем другое значение, чем мы привыкли считать.

«Люди, – говорит Антоний Великий, – обычно именуются умными по неправильному употреблению сего слова. Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа умна, которые могут рассудить, что добро и что зло: и злого и душевредного убегают, а о добром и душеполезном разумно радуют и делают то с великим к Богу благодарением. Эти одни поистине должны именоваться умными людьми»³⁴⁵.

Так говорит один из великих подвижников, тот, который не только не отвергал науки, не только не отрицал того, что мы изучаем умом, но говорил, что одни лентяи не признают пользу науки, и, тем не менее, умным человеком он признаёт только того, кто понимает, что добро и что зло, и не только понимает, но от злого убегает, а о добром радуется.

И вот святые отцы говорят, что верховный хозяин нашего существа есть сердце. О тех, кто узрит Бога, Евангелие говорит, как о чистых сердцем: *Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8).

Вот какова цель нашего духовного делания – стяжание своего сердца в чистоте.

Если мы говорим, что цель нашей духовной жизни есть чистота сердца, то, как же у других святых отцов и подвижников мы находим, что цель эта заключается в «стяжании Духа Святаго Божия»?

Но это одно и то же, ибо Дух Святой стяжается от Бога через чистоту сердца.

Один великий подвижник, Иоанн Кассиан Римлянин, говорит, что «конец духовного делания есть Царствие Божие, а цель его чистота сердца, без которой невозможно достигнуть одного конца»³⁴⁶.

Если мы обратимся к началу духовной жизни человека и вспомним, как даётся ребёнку имя, то увидим, что священник, вернее, Святая Церковь устами священника говорит: «Да знаменуется крест Единородного Сына Твоего в сердце его»³⁴⁷. «Изжени из него всякого лукавого и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящегося в сердце... его»³⁴⁸, – произносит священник, заканчивая заклинание и переходя уже к изгнанию. Затем, последовательно совершая Таинство, он молится, чтобы просветилось лице Господа в сердце его: «Сам Владыко Господи, просвещение лица Твоего в сердце его озарити выну благоволи»³⁴⁹. Всё время внимание направлено и сосредоточено на сердце человека.

Для нас лишения и подвиги, которые должны принимать на себя христиане, не ценны сами. Не тот велик, кто совершает великие дела: подвиги, посты, – ибо все эти средства временные, относительные и могут не привести к совершенству. Но есть вечная цель, подлинное совершенство – чистота сердца.

Как же стяжать чистоту сердца?

Святые отцы говорят, что, прежде всего надо войти в себя, в сердце своё и посмотреть, что там делается³⁵⁰.

Христос вошёл в него в Таинстве крещения, диавол из него изгнан, Христос в нём пребывает. Каждый из нас имеет в себе сокровище, каждый крещёный и приобщённый Святой Церкви имеет Бога в своём сердце.

Если, по слову Божию, в сердце нашем Бог верою живёт, а в Нём все сокровища премудрости и ведения, то открывается эта премудрость не сразу, а по мере очищения заповедями.

Об этом и говорит нам Максим Исповедник: «Если, по словам божественного апостола, в сердцах наших верою живёт Иисус Христос (ср.: Еф. 3:17), а в Нём все сокровища премудрости и ведения сокровенны суть (ср.: Кол. 2:3), то в сердцах наших находятся все сокровища премудрости и ведения. Открываются же они сердцу по мере очищения каждого заповедями. Се, сокровище, скрытое на селе (ср.: Мф. 13:44) сердца твоего, которое ты ещё не обрёл по безделью. Ибо если бы обрёл, то продал бы всё и купил село сие, но ты,

оставя это село, работаешь около него, где нет ничего кроме терния и волчцев. Посему-то говорит Спаситель: *Блаженни чистии сердцем; яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8). Узрят же Его и сущие в Нём сокровища тогда, когда очистят себя любовью и воздержанием и тем более чем более очистятся»³⁵¹.

Да, от нас, бездельников духовных, скрыто, по словам Максима Исповедника, то сокровище, которое мы имеем в сердце своём. Мы думаем, что ум даст нам ведение, даст нам Бога, а это есть сущность нашего сердца. Мы на себя уповаем, здесь хотим устроить земной рай и своею собственной рукой создать себе вечную славу, а это значит, что мы вовсе не веруем во Христа.

В тесноте нашего сердца мы забываем то величайшее сокровище, которое сокрыто на селѣ сердца нашего, мы забываем, что в нас Господь обитает, Который есть сокровище премудрости и ведения. Имея это сокровище, мы не входим в своё сердце. Не обращаем внимания на то, что в нём скрыто.

Потому-то, братия и сестры, наш век так жесток, потому-то в нас нет любви, потому-то у нас такое страшное непонимание, что такое ум и что такое сердце.

Если бы мы по-настоящему уверовали в то, о чём говорит Святая Церковь, если бы по-настоящему обратились к своему сердцу и нашли скрытое в нём сокровище премудрости и ведения – Христа, если бы вместо того чтобы кичиться своим умом, поняли бы, что ум есть только рабочая сила сердца, тогда бы мы совсем по-иному начали оценивать и людей, и значение ума. Умный человек – это тот, кто в своём сердце знает, что такое добро и что такое зло, не только знает, а от зла убегает, а «о добром и душеполезном разумно радеет»³⁵².

И по мере очищения сердца, когда мало-помалу из него уйдѣт всё, его оскверняющее, тогда узрим мы Бога и сущие в Нем сокровища.

И вот святитель Николай шѣл именно этим путѣм очищения своего сердца; он веровал, что Христос вселился в него, и он носит в себе это сокровище премудрости и ведения. И жизнь свою он строил на широте сердца.

Он именуется священнейшим умом, ибо знает, что величайшее сокровище, обитающее в нём, – Христос Спаситель есть Тот, на Кого надо возложить всё своё упование. И он возлагает всё на Господа, а потому и становится для нас, верующих, тем, кто и нам помогает и нас обогащает своим сокровищем.

Когда Церковь величает святителя Николая как ум священнейший, то это обличает наше житейское понимание ума.

Может, теперь каждый из нас попробует войти в себя, в своё сердце для обретения сокровища? К этому призывают все подвижники, об этом говорит прославляемый ныне святитель Николай.

Он является примером того, как скромный пастырь, ничем как будто от других не отличающийся, развивает в себе широту сердца до того, что оно может вместить в себя близких и дальних, верующих и неверующих.

И вот образ святителя Николая пусть будет примером для нас, живущих в этот жестокий век, который всё строит на рабочей силе сердца, а не на нём самом.

Братья и сёстры, наше дело есть очищение сердца, ибо только чистые сердцем Бога узрят, только обретшие сокровище на селе сердца своего.

Об этом надо молиться, надо просить святителя Николая, чтобы каждый из нас в своём сердце и в своей вере соделался умом священнейшим. И очистим своё сердце, чтобы мы не бездельничали, а постепенно возделывали то богатство, которое вложено Христом в наши сердца через Святую Церковь, ибо *кто во Христе, тот новая тварь* (2Кор. 5:17), ибо не он тогда живёт, а живёт в нём Христос (ср.: Гал. 2:20).

Аминь.

Вознесение Господне. Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Для многих из нас Вознесение является только праздником на пути между Пасхой и Пятидесятницей, как будто в нём нет своего внутреннего содержания, как в других праздниках Святой Церкви. Кажется, что только и вознёсся Господь, чтобы ниспослать Утешителя – Святаго Духа. Этот праздник как будто ничего не даёт человеку, но даже больше – лишает присутствия Господа здесь, на земле. Ибо в последние дни вы чувствовали Его присутствие в явлениях, как апостолы когда-то, а теперь Он ушёл от нас. Казалось, для апостолов вознесение Господа должно бы быть потерей. Но святые отцы говорят, что оно – великий праздник, ибо ныне не *Слово плоть бысть* (Ин. 1:14), но плоть стала Богом, новый Адам не нисходит, а «восходит с плотию на небо»³⁵³.

Для нас этот праздник является пробным камнем нашего понимания дела Христова на земле.

Бог соделался человеком, чтобы человек соделался Богом, чтобы человека вознести на небо, говорит один святой отец³⁵⁴.

Мы сегодня с апостолами сорадуемся восшествию Господа на небо, потому что с Ним плоть человеческая возносится на небо.

Мы, которые погружены в человеческое и только и думаем о каких-либо своих делах, часто не воспринимаем как должно этот праздник, не отдаём себе отчёта, что в человеке заложено стремление к небу, к Богу. Господь возносится на небо, и, подобно этому, каждый верующий и любящий Бога может быть вознесён на небо. Для нас не мечта и не фантазия вознесение на небо человеческой природы, «обожение», как говорят святые отцы. Не для того приходил Христос, чтобы мы могли лишь немножко покаяться, несколько поочиститься и омыться. Недостаточно одного очищения от страстей. Дело Христово этим только начинается. После очищения от страстей начинается совершенствование, обожение, начинается то, о чем

Христос сказал: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48).

Ныне Христос с плотью, явленной ученикам, виденной и осязавшейся ими, возносится на небо. Христос сначала родился, прошёл весь путь земной, а потом уже и вознёсся, а мы в Таинствах сначала умираем греху, потом рождаемся для новой жизни, а в этом празднике получаем возможность вознестись на небо. Если мы это поймём, тогда Вознесение не будет только этапом по пути от Пасхи до Сошествия Святого Духа, но будет праздником, исполненным радости, каким был он для апостолов, которые, как повествует евангелист, возвратились не в печали от разлуки с Господом, но в великой радости, ибо они воочию убедились, что не напрасны были слова Господа³⁵⁵.

Мы живём на этой земле временно и должны быть готовы к будущей жизни. Если мы очищаемся от грехов – это ещё не всё, мы должны готовить себя для обителей горних, должны жить в заповедях блаженства. Мы должны знать, что духовное делание мы только начинаем. Если мы почувствуем, что наша обитель не здесь, а там, тогда во всяком нашем делании мы будем помнить, что Господь вознёсся на небо в Своей вечной пречистой плоти, тогда здешняя жизнь – жизнь на земле – будет для нас дорогой к небу. Мы будем следить тщательно за всяким своим поступком, возносит он нас или низводит. Тогда мы почувствуем всю духовную радость праздника Вознесения, почувствуем, что это есть путь, по которому мы все должны пройти. Господь взошёл на небо и снова приидет судить нас, чтобы готовых вознести вместе с Собой на небо, но не тех, которые хотя как-будто и служили Ему, но считали, что главное их дело – здесь, на земле, даже вовсе забывая о небе, не понимая значения вознесения и обожения.

Братья и сёстры! Христос зовёт нас с Собой на небо.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Вси языцы, восплещайте руками, воскликните Богу гласом радования (Пс. 46:2).

Сегодня Святая Церковь призывает нас к веселию и радости, но в чём заключается эта радость и почему мы должны радоваться?

Ныне мы празднуем вознесение Господа нашего Иисуса Христа от земли на небо. Ныне вознесён Господь, и вот «вси языцы, восплещайте руками, яко взыде Христос, идеже бе первее»³⁵⁶.

Если бы Господь не вознёсся на небо, но продолжал пребывать на земле, то не было бы этой великой радости, потому что тогда не было бы завершено дело нашего спасения, ради которого Господь пришёл на землю. Потому-то и должны мы сегодня радоваться, что Господь с плотию восшёл на небо. Сошёл Господь с небес, чтобы естество человеческое, тлением падшее, «возставить, вознести и с Собою прославить»³⁵⁷; чтобы возвести его в прежнее состояние, воистину обожить нас. Ибо Божие Слово «вочеловечилось, чтобы мы обожились»³⁵⁸.

«Мужие галилейстии, Иже от вас отыде, Сей есть Иисус Человек Бог», – возвестили апостолам ангелы, и апостолы *возвратились во Иерусалим с великою радостью (Лк. 24:52)*. Потому-то и радовались апостолы, потому-то и мы радуемся ныне и празднуем, что Господь «нисшедшее естество Адамово, в дольнейшия страны земли, новосотворивый Собою превыше всякого начала и власти вознёс». И небесные силы потому удивляются, что видят Человека, Восшедшего на небо и Сидящего одесную Бога Отца, удивляются тому, что Человек Бог восходит на небо и «Бог Человек паки приидет, Судия живых и мертвых»³⁵⁹.

Сын Божий, Единосущный Отцу, родился на земле от Пречистой и Пренепорочной Девы Марии, вочеловечился и стал во всём подобен нам, кроме греха. Своею Божественною Ипостасью Он «воспринял плоть одушевлённою душою,

мыслящею и разумною»³⁶⁰ и тем новосотворил наше естество, а затем через Свои страдания и смерть освободил его от власти греха и смерти. «Зашел еси под землю, рукою Твоею создавый человека, да воздвигнеши от падения соборы человеческия всеильною державою» воспевают Святая Церковь в Похвалах в Великую Субботу, которую она называет «Субботою Преблагословенною»³⁶¹. В тот день Господь, завершив новотворение человека, почил во гробе, даровав и нам «упокоение вечное»³⁶².

Но Господь Иисус Христос не только сошёл на землю с неба, не только освободил Своею смертью и воскресением наше падшее естество от власти греха и смерти, но вознёс его с Собою на небо, тем самым «еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив небесным»³⁶³.

Своим вознесением на небо Спаситель каждому из нас открыл путь восхождения от земли на небо; но мы сотворены по образу и подобию Божью со свободною волею, и поэтому только от нас зависит, пойдём мы по этому пути или нет.

Тот, кто *горняя мудрствует, а не земная* (ср.: Кол. 3:2), тот верует, что мы имеем бессмертную душу и созданы для вечной жизни и бесконечного совершенства. Такой взгляд на человека прямо противоположен взгляду мира. Мир смотрит на человека как на животное, целиком зависящее от влияний внешней среды. Он считает, что надо только изменить эти условия, чтобы изменился человек. И в христианстве телу отводится величайшее место, поэтому и оно признаёт значение для воспитания человека изменения в ту или иную сторону внешних условий. Однако мы верим, что это имеет только подсобное значение, а основное – это наша душа со всеянной в неё божественной искрой совести и свободной волей последовать голосу совести или пойти против него. Христос сказал, что Царствие Божие внутри нас, в нашей душе, в нашей совести, мы можем вопреки тому, что нам навязывается извне, чему нас учат и что вытекает из условий нашего воспитания, последовать голосу совести или пойти против него.

Церковь знает много примеров того, что внешние условия, как бы значительны они ни были, ещё не определяют целиком

сложения нашей духовной личности. Святые отцы приводят в пример апостола Иуду. Он был при Христе вместе с другими апостолами, вместе с ними слышал слово Спасителя и видел чудеса Его. Величайшее внимание было оказано Иуде, и все-таки вопреки всему этому он пал и предал своего Учителя. Поэтому Святая Церковь верит, что как бы велико ни было влияние внешних обстоятельств на нашу духовную и душевную жизнь, оно не имеет для нас определяющего значения. Главное – это наша свободная воля, наше решение и вытекающее из него внутреннее делание.

Господь сделал для нас всё: Он спас нас от греха и смерти, Он поднял наше естество, вознёс его на небо, и теперь от каждого из нас зависит усвоить себе плоды того, что сделал для нас Христос. Если мы верим в Него, если мы ищем Его и желаем вкусить вечной жизни, мы должны заняться созиданием своей души, чтобы «добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена оного»³⁶⁴. Этот взгляд не даёт повода для гордости, потому что мы знаем, что основа добродетели, семя её вложено в нас Господом, но мы и сами должны приложить труд, чтобы взрастить это семя.

Опираясь на плоды искупительной жертвы Христовой, но вместе с тем и нашею волею, и нашим тщанием, мы должны идти, стучать в двери милосердия Божия и просить. В этом смысле все мы являемся творцами наших душ. Это великое делание, которое совершается на земле.

Святая Церковь призывает нас сегодня радоваться о совершённом Господом для нашего спасения, напоминает нам о том, что теперь всё зависит от нас.

Господь вновь сотворил нас через Своё воплощение. Он спас нас и вознёс с Собою наше естество к престолу небесному. Он зовёт и нас принять участие в этом новом творении. Он призывает нас к тому, чтобы мы стали творцами наших душ. Для этого нам нужно, прежде всего, последовать за Ним по Его пути. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет (Мк. 8:34)*. И далее просить Его, чтобы Он Сам помог нам в этом великом деле творения своей души. И эта молитва будет услышана, потому что сам Господь

сказал: *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищый обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7:7–8).

В том-то и заключается наше теперешнее великое дело, что мы должны быть творцами своих душ. Святые отцы называют «человекотворцами» тех, кто злых и страстных людей делает добрыми, но в ещё большей степени это наименование приложимо к тем, кто на протяжении своей земной жизни творит свою душу, освобождая от страстей данный нам образ Божий и возводя его к богоподобию. Это дело не только Божие, но и человеческое: без нас и Бог не может нас спасти. Каждый человек должен сам идти к Богу, а Господь пойдёт навстречу, поможет нам. И если в нас действительно есть не только тело, целиком зависящее от влияний внешних условий, но и образ Божий, призванный к свободному творчеству, то мы можем и должны участвовать в этом новотворении наших душ.

«Чины ангельстии, Спасе, человеческое естество видевше совосходящее Тебе, непрестанно удивляеми воспеваху Тя»³⁶⁵. И мы должны благодарить Бога и радоваться тому, что падшее естество наше вознесено на небо и посажено одесную Отца.

Если мы пойдём по пути очищения наших душ, мы увидим отверстое небо, Богочеловека, сидящего на престоле Божиим, Отчем. Тогда в день Страшного Суда мы легко подымимся к нашей небесной Родине. На старинных иконах Страшного Суда изображены души праведные, летящие к небу. Они летят к горнему Престолу снизу, но как свободно они летят, какая лёгкость в этих устремлённых к небу фигурах. А есть и другие, которые не могут взлететь. Это грешники, в своей земной жизни, не трудившиеся над созиданием Царствия Божия в своих душах. Они также хотят подняться вверх и даже слегка взлетают, хотя и с большим трудом, но потом быстро и стремительно падают вниз.

Давайте же сегодня, в радостный день Вознесения Господа на небо, будем помнить о том, что «Сей Иисус, Человек Бог», новосотворивший нашу душу и тело, «Бог Человек паки придет, Судия живых и мертвых».

Будем помнить о том, что и мы в тот день воскреснем в новом теле. Будем же идти по пути очищения наших душ и устройства нашего тела в храм Святого Духа, чтобы в тот страшный и радостный день мы могли легко вознестись к горнему Престолу и вместе с пророками, апостолами и мучениками и всеми святыми войти в рай, где Богочеловек с плотню сидит одесную Отца.

Аминь.

Неделя первая по Пятидесятнице, Всех святых

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В первое воскресение по Пятидесятнице Святая Церковь творит память всех святых, чествует мучеников, блаженных, преподобных и всех праведных, от века просиявших. Если в день святой Пятидесятницы празднуется сошествие Святого Духа, празднуется день основания Церкви, – то в первый воскресный день по Пятидесятнице Святая Церковь продолжает это празднование Святому Духу, ибо она ныне творит память тех, которые составляли и составляют доныне тело Церкви, она творит память истинных членов Тела Христова, тех, которые ещё при жизни, ещё на земле, стяжали в себе Духа Святого Божия.

Когда Господь наш Иисус Христос был на земле, Он не оставил ученикам своим того или иного письменного учения; Он пришёл для того, чтобы на Теле Своём создать Церковь: *созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей* (Мф. 16:18). Он пришёл для того, чтобы дать людям жизнь: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14:6).

Христианство не есть учение – это мы его сделали учением, – христианство – прежде всего жизнь, поэтому и Христос был здесь не учителем, а тем, Кто первый на земле выявил Царство Небесное. И Церковь Его идёт тем же путём, она также есть то, что выявляет Царство Небесное, она есть также не учение, но жизнь, она, прежде всего, живёт, а не учит, а если и учит, то учит жизнью.

Когда Христос уходил от своих учеников, когда Он оставлял эту землю в образе человеческом, Он не говорил ученикам «запишите всё, о чём Я учил» или «давайте Я напишу вам это», но Он сказал: «Я пошлю вам Утешителя, Который *наставит вас на всякую истину*» (см.: Ин. 15:26; 16:13), Он – Утешитель – *воспомянет вам вся* (Ин. 14:26) – всё заставит вспомнить.

Озарение Духом Святым, жизнь через Него и в Нём – это и есть жизнь Церкви. Только постольку, поскольку Дух Святой живёт в нас и учит, постольку и мы, братья и сестры,

принадлежим к Православной Кафолической Церкви, и постольку на земле существует христианское делание.

Когда Господь отходил от нас, Он обетовал нам Духа Святого, исполнение этого обетования совершилось в день святой Пятидесятницы. Дух Святой сошёл на апостолов и переменил, прежде всего, их жизнь. Они не стали по-другому учить, но начали сперва иную жизнь, а затем уже с её позиций – учить. Это видим мы на примере апостола Петра.

Поскольку мы живём, поскольку заботимся о стяжании Духа Святого, постольку мы и являемся членами Тела Христова.

Если вспомнить, что Евангелие появилось гораздо позднее дня святой Пятидесятницы, что оно появилось только в конце жизни апостолов и уже по значительном распространении христианства, тогда станет ясно, насколько исключительна была сила озарения Святого Духа у первых христиан. Апостолы учили в день Пятидесятницы, озарённые Им, и не надо было книг, но благодать Святого Духа говорила их устами. Евангелие, по словам Иоанна Златоуста, явилось преданием, оно возникло тогда, когда озарение Святого Духа стало не в меру тех, которые Его воспринимали, когда повторилось то же, что было в Ветхом Завете, где после грехопадения нужен стал закон писанный – закон Моисеев.

В святоотеческом пути мы видим, прежде всего, стяжание Духа Святого Божия. Каждый человек есть образ Божий, а святой тот, кто в этот образ стяжал Духа Святого, и стяжал, прежде всего, в жизни.

Вот в отношении жизни я и хочу рассказать вам сегодня о том действии Святого Духа, которое раскрывается в человеке, когда он преуспевает. Вот что говорит Антоний Великий: «Необходимо согласно и равно нести труды покаяния и душой, и телом, стремясь к совершенной чистоте. И когда ум сподобится такой благодати, чтоб без саможаления и поблажки вступить в борьбу со страстями, тогда ему присущи внушения, указания и подкрепления Духа, помощью которых он успешно начинает отражать от души все нечистые приращения, исходящие от похотей сердца. Дух сей, сочетавшись с умом (или духом человека) ради решимости строго исполнять узнанные

заповеди, направляет его к тому, чтоб отгонять от души все страсти, как примешивающиеся к ней со стороны тела, так равно и её собственные, кои есть в ней независимо от тела. Он научает его держать в порядке тело – всё, с головы до ног: глаза, чтоб смотрели с чистотой; уши, чтоб слушали в мире (или мирное) и не услаждались наговорами, пересудами и поношениями; язык, чтоб говорил только благое, взвешивая каждое слово и не допуская, чтоб в речь вмешалось что-либо нечистое и страстное; руки, чтоб были приводимы прежде в движение только на воздеяние в молитвах и на дела милосердия и щедродательности; чрево, чтоб держалось в должных пределах в употреблении пищи и питья, сколько нужно только для поддержания тела, не допуская похотению и сластолюбию увлекать себя за эту меру; ноги, чтоб ступали право и ходили по воле Божией, направляясь к служению добрым делам. Таким образом тело всё навыкает всякому добру и изменяется, подчиняясь власти Святого Духа, так что наконец становится в некоторой мере причастным тех свойств духовного тела, какие имеет оно получить в воскресение праведных»³⁶⁶.

Дух Святой есть жизнь и прежде всего, даёт нам жизнь. Если наши органы чувств являются тем, что не даёт нам вступить на истинный путь, то Дух Святой позволяет нам держать в порядке тело, так что человек начинает мало-помалу отрезать от души все нечистые приращения, и это очищение является очищением не только для души, но переносится и на тело, и самое тело очищается и возводится до души.

Вот что, прежде всего, даёт нам вера во Христа. Мы должны идти не только путём борьбы со страстями, но и стяжания даров Святого Духа. По мере того как мы сами идём в этом очищении образа Божия, Дух Святой ведёт нас и к уподоблению. Он является той силой, как говорит Макарий Великий, которая даёт нам новые органы чувств: «Господь наш Иисус Христос для того и пришёл, чтобы изменить, преобразить и обновить естество и эту душу, вследствие преступления низложенную страстями, создать вновь, растворив её Божественным Духом. Он пришёл верующих в Него сделать

новым умом, новою душою, новыми очами, новым слухом, новым языком, одним словом – новыми людьми»³⁶⁷.

Все идёт не от учения, а от жизни. Можно великолепно знать Евангелие, но не иметь ничего из того, о чём говорят святые отцы. А святые отцы сделались ещё здесь, на земле, новыми людьми. *Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном (Мф. 5:19)*. Святые угодники ничему нас не учили на словах, они нам показали, они дали нам собственную жизнь. Только в собственной душе открывается каждому Царствие Божие постепенным стяжанием в ней даров Святого Духа.

И вот мы собрались, чтобы почтить истинных членов Тела Христова, тех, которые здесь, на земле, созидали Царствие Божие и здесь же, а не где-то там, в ином мире, стяжали дары Святого Духа. В этом мире было и есть много угодников Божиих; и мы только относительно некоторых можем иметь великую радость узнать и прославлять их.

Святая Церковь прославляет их не за учение, а за жизнь. Она прославляет даже не их самих, но через них Духа Святого. Она говорит нам сегодня, что не напрасно Господь обетовал нам Утешителя, что нашлись и найдутся люди, которые поищут стяжать Его в себе, что они-то и есть те, на которых стоит Церковь, – истинные члены Тела Христова. Это им, а не нам сказано, что врата адовы не одолеют их, на крови Господа созиждивших Его Церковь своими подвигами и любовью.

Если нам надо у кого-нибудь учиться толкованию и пониманию Священного Писания, к ним мы пойдём, ибо они жизнью стяжали Духа Святого, а Господь Иисус Христос сказал, что Он – Дух Святой – наставит нас на всякую истину (см.: Ин. 16:13).

Этот праздник является праздником учеников и угодников Христовых, праздником, в котором мы прославляем великих и величайших учителей Церкви, отцов Вселенских Соборов, которые раскрыли нам истины православной веры, как те, кто стяжал Духа Святого в своей душе, а не говорит понаслышке. Это не просто праздник людей, но православие тех, кто имел в себе Святого Духа. Если каждый человек есть образ Божий, то

святый – это тот, кто приобрёл и подобие через стяжание Святаго Духа.
Аминь.

Преображение Господне

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Мы почти заканчиваем годовой круг богослужения; остаётся только один праздник церковного года – Успение Пресвятой Богородицы, после которого мы войдём в начало нового богослужебного круга.

И вот в эти последние дни, после Пасхи, Вознесения и Пятидесятницы, Святая Церковь неожиданно приводит нас на Фаворскую гору. Казалось бы, такой порядок праздников не соответствует последовательности евангельских событий, потому нам, прежде всего, необходимо уяснить себе смысл предлагаемой Церковью последовательности праздников.

Нам следует понять, почему нас, получивших обновление Святого Духа в день Пятидесятницы и собирающихся погребать первую христианку – Божию Матерь, Церковь снова приводит на гору Преображения.

Мы знаем, что Преображение Господне произошло за сорок дней до Его крестных страданий, поэтому, если исходить из хронологической последовательности евангельских событий, мы должны были бы праздновать его в первые дни Великого поста. Святые отцы, творцы богослужебного устава, нашли неуместным совершать этот великий и радостный праздник в дни, посвящённые сугубому покаянию и сетованию о грехах, и перенесли его на другое, более подходящее время.

Впрочем, в Постной триоди мы находим указание на место, которое должен был бы занимать здесь праздник Преображения Господня. Это – Неделя о Фаворском свете, второе воскресение поста, когда Святая Церковь прославляет память одного из великих подвижников и учителей духовного делания – святого Григория Паламы, который учил, что через очищение сердца, хранение ума и постоянную молитву Иисусову мы можем ещё здесь, на земле, увидеть тот несозданный Божественный свет, который озарил апостолов на горе Фавор.

Есть, однако же, и другая причина такой последовательности установления праздников. Возведя нас в

эти последние дни церковного года на гору Преображения, Святая Церковь напоминает нам о том, что для нас, христиан, существует только один путь – путь преобразования своей души. Нам особенно необходимо постоянно помнить об этом, так как для многих из нас христианство перестало быть делом опыта и стало исключительно «словесным» делом.

Поэтому нам важно вспомнить грозные слова преподобного Макария Египетского: «Иное дело рассуждать о трапезе и иное – насытиться ею»³⁶⁸.

К сожалению, для нас, которые сделали христианство «привременным мечтанием» и «мирским пристрастием», и эти слова могут остаться только словами. Ибо многие, вместо того чтобы следовать учению святых отцов, надмеваются умом, гордясь своим знанием святоотеческой литературы.

Что же значит это преобразование души, о котором говорит сегодняшний праздник, и для чего Святая Церковь ныне приглашает нас вместе с апостолами взойти на гору Фаворскую?

Вспомним, каково было состояние апостолов, вместе со Христом взошедших на гору Преображения. Когда Пётр, Иаков и Иоанн были на горе Фаворской, то они, как говорят святые отцы, почувствовали, что уже получили всё. Ведь они увидели тогда, что человек есть венец творения и через его преображённую душу преобразается вся природа. Поражённые этим состоянием, они подумали, что уже достигли совершенства, и Пётр сказал: *Хорошо нам здесь быть* (Мф. 17:4), – ибо уже довольно нам, мы имеем всё. На самом деле Пётр, Иаков и Иоанн имели в то время лишь малую предварительную часть той благодати, которую они получили впоследствии.

То же самое бывает и с нами: многие из нас, когда впервые подошли к Господу, имели состояние, подобное апостолам на Фаворе. Вспомните, что переживали вы, когда в первый раз получили ответ на ваши искания и молитвы. Вы почувствовали, что вам легко-легко и ничего больше не надо. Это радостное, но вместе с тем и опасное состояние. Святые отцы говорят, что сокровище духовное открывается по мере искания³⁶⁹. Господь

не сказал «постучите, и вам откроют», но сказал «стучите, просите» (см.: Мф. 7:7; Лк. 11:9).

Духовная жизнь есть постоянное, вечное искание. Если этого нет, то случается то же, что случилось с апостолами, которые спали и на горе Фаворской (см.: Мф. 17:1–6; Мк. 9:1–8; Лк. 9:28–36), и в саду Гефсиманском (см.: Мф. 26:36–46; Мк. 14:33–42; Лк. 22:40–46).

Святые отцы учат, что полученная человеком в начале его духовного пути благодать потом как бы отходит от него, для того чтобы он сам шёл к ней. И тогда она вновь возвращается к нему в ещё большем изобилии, чем раньше. Мы должны это помнить. Церковь призывает нас всегда искать изобилия благодати, а не к тому, чтобы, получив малую благодать, успокоиться. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Некоторые, имея намерение пуститься в дальнейший путь и спросивши людей, знающих путь сей, услышали от них, что это путь прямой, гладкий и безопасный; и, услышав это, скоро расслабели в путешествии своём и на середине пути потерпели бедствие; а другие возвратились назад, оттого что не приготовили себя к скорбям»³⁷⁰.

Приходится и нам часто слышать: в Церкви все легко, в Церкви безопасно. Говорящие так забывают о том, что Тот, Кто сказал: *Бремя Мое легко есть* (Мф. 11:30), – сказал также: *Входите тесными вратами, потому что... тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7:13–14), и *в мире скорбни будете* (Ин. 16:33).

Подвижники говорят, что путь духовной жизни, с одной стороны, есть путь прямой и гладкий, с другой же стороны, это тесный и тернистый путь, который только по мере делания становится лёгким и прямым для христианина. Нам нужно помнить, что люди, идущие этим путём, часто ослабевают и возвращаются вспять. Поэтому нам надо готовить себя к скорби. Вспомним об апостоле Петре, в жизни которого после Фавора было отречение (см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 18:25–27).

И сегодня, если мы пришли сюда не только для того, чтобы послушать те или иные песнопения, но чтобы прикоснуться к

горе Фаворской, мы должны помнить: многие подвижники, уже преобразившиеся, падали снова, как, например, Иоанн Постник³⁷¹. Но теми, кто неуклонно шёл претрудным путем духовного делания, все эти опасности были преодолеваемы, и они снова восходили на гору духовного преображения.

Богочеловек, преобразив плоть Свою, преобразил и одежды Свои, и потому святые подвижники, преобразившись сами душою и телом, входили в общение со всей тварью и преображали её. И преображённая через соприкосновение с ними тварь служила им. Так было с преподобным Герасимом, подвизавшимся на Иордане³⁷², со многими египетскими подвижниками и с нашими русскими святыми-преподобными Сергием Радонежским и Серафимом Саровским.

Условия преображения одни и те же и для апостолов, и для великих подвижников, и для нас. Поэтому будем учиться у них пути духовного делания, будем помнить, что не должно довольствоваться малым, что мы уже получили от Господа, потому что оно может быть отнято от нас. Вместе со святыми апостолами, святыми отцами и подвижниками будем постоянно стучаться и искать, будем преодолевать все трудности и непрестанно просить об умножении благодати. И тогда по мере делания нашего будет и в нас открываться благодать, уже не предварительная, но истинная, и мы взойдём на гору Фаворскую.

Аминь.

Успение Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Оканчивая годовой круг богослужения, мы присутствуем на великом празднике Успения Пресвятая Богородицы и скоро с благословения Церкви начнём с праздника Рождества Пресвятая Богородицы новый церковный год.

Кто ищет от Церкви пищи для своей души, кто не легкомысленно смотрит на порядок и последовательность праздников церковного года, тот должен внимательно посмотреть и на сегодняшний праздник, вдуматься в его смысл.

Дважды на протяжении церковного года Церковь ставит нас лицом к лицу с великим таинством смерти. На Страстной седмице мы присутствовали при смерти нашего Творца и Спасителя и сейчас присутствуем при смерти величайшего из Его творений, созданных по образу и подобию Божию – Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы.

Что же такое смерть? «Сон является верующим в смерть», – говорит церковная песнь. Эту тайну Христос впервые открыл Своим апостолам, когда сказал им: *Лазарь, друг наш, успе... Реша убо ученицы Его: Господи, аще успе, спасен будет. Рече же Иисус о смерти его; они же мнеша, яко о успении сна глаголет* (Ин. 11:11.12–13).

Обычно считают, что сон отличается от смерти тем, что он есть нечто временное, после сна всегда наступает пробуждение. И мы веруем, что после смерти и воскресения Спасителя смерть преодолена и побеждена Им и нас всех ждёт всеобщее воскресение. *Где ти, смерте, жало?* (1Кор. 15:55). Смерти больше нет, а есть сон – успение. *Всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки* (Ин. 11:26).

Мы с вами преступно небрежно относимся к смерти, а между тем смерть – это то единственное, что неизбежно ожидает каждого из нас. Человек в своей духовной жизни измеряется не своими добродетелями и не тем, как он живёт, а своею смертью.

Много было людей, простаивавших подолгу на молитве, раздававших своё имение и многими подвигами подвизавшихся, но для них конец жизни был не успением, а смертью. Духовный возраст христианина измеряется его отношением к смерти: думает ли он о ней, боится, ждёт ли её. Если ты боишься смерти, то помни, что она не есть что-то естественное, присущее нашей природе, но лишь через грех вошла в тебя смерть (см.: Рим. 5:12). Смерть есть то, чего может человек избежать.

Отношение к смерти теснейшим образом связано для христианина с его отношением к своему телу. Одно из двух: или наша жизнь кончается со смертью тела, или смерть есть временное рассечение Божиим хотением естественнейшего союза души и тела.

В первом случае всё кончается здесь, на земле, и тогда нечего успокаивать себя каким-либо утешением. Тогда и тело умершего есть, как считал Л. Н. Толстой, «противная и ненужная вещь», которая «мешает живым»³⁷³. Поэтому он завещал своим близким поскорее убрать его мёртвое тело, словно это падаль. Если же, как и верит Церковь, смерть есть рассечение естественнейшего союза души и тела, то наше отношение к телу совершенно меняется. Тогда тело есть такая же равноправная часть целого человека, как и его душа. Более того, через тело освящается и душа человека; оно есть орган и проводник Духа Святого в душу живу.

Ведь во всех Таинствах Церкви получение благодати Божией связано с воздействием на тело того, что называется «веществом» Таинства. В Таинстве крещения – это вода, в миропомазании – это миро, в Евхаристии – хлеб и вино, которые после их освящения становятся Телом и Кровью Христовыми. После святого причащения мы молимся: «пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце».

Поэтому мы верим, что не только душа человека, но и его тело есть храм Святого Духа. *Не знаете ли, – говорит апостол, – что тела ваши суть храм живущаго в вас Святаго Духа?* (1Кор. 6:19).

Если бы мы по-настоящему верили в это, то мы поняли бы, почему святые отцы называли тело нашим ближним. Они говорили, что заповедь Христова *возлюби ближнего Твоего* (Мф. 22:39; Мк. 12:31) относится прежде всего к нашему телу, которое является первым нашим ближним. Тогда по-настоящему верили бы мы и в воскресение мёртвых, верили бы, что в день всеобщего воскресения мы восстанем и придём на Суд Христов вместе с нашим телом, в котором жительствоваали на земле.

А для мира, который не верит в вечность естественнейшего союза души и тела, не верит в воскрешение мёртвых, смерть – это сплошной ужас: жил человек и вдруг пропадает. Человек умирает, и тело его подвергается тлению. И вот чтобы скрасить это тление, его окружают и маскируют речами, музыкой, торжественными процессиями. А всем этим можно только приукрасить, но не преодолеть ужас смерти. По-настоящему преодолеть его может только тот, кто знает, что смерть тела есть исполнение Господнего повеления: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3:19). Это закон, которому подчиняется всё живое до дня всеобщего воскресения. Не избегла этого закона и Мать Божия, ведь и Она так же, как и все, умерла.

Итак, возможны только два отношения к смерти и связанные с ними два отношения к телу: или тело наше с момента смерти есть «земля», которая Божиим изволением возвращается в землю и которое восстанет в день последнего воскресения, или это – падаль, которую нужно сейчас же выкинуть.

Господь сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17:21), – и в каждом из нас есть если не Царствие Божие, то маленький «уголок», в котором оно таится, и этот уголок понуждает нас что-то делать перед лицом смерти.

В том, что люди неверующие делают для преодоления ужаса смерти, они противоречат своим убеждениям. Наше же отношение к иной, будущей жизни оценивается нашим пониманием, что смерть является её вратами.

В чём же заключается смерть христианина? Царство Божие внутри нас. Оно подобно закваске, *которую женщина, взяв, положила в три меры муки* (Мф. 13:33), или подобно зерну

горчичному... которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастает, бывает больше всех злаков (Мф.13:31–32).

Ещё здесь, на земле, в душе человека начинается Царствие Божие, и в зависимости от того, насколько мы его построим, меняется и наше отношение к смерти.

Что же такое для нас смерть и гроб?

Вспомним слова митрополита Филарета: «Те, кто считают себя умными, а вместо того являются неразумными, не ведают, что человек подобен гусенице, которая уготовляет себе паутину и кокон, чтобы в нём умереть и затем воскреснуть для новой воздушной жизни бабочки»³⁷⁴.

И мы должны на свой гроб смотреть как на кокон шелковичного червя. Сначала гроб, потом воскресение для жизни небесной. Поэтому Церковь за каждой службой молится о том, чтобы Господь подал нам христианскую кончину и добрый ответ на страшном Судищи Христове.

Заканчивая церковный год, Церковь даёт нам образ смерти величайшей христианки – Пречистой Девы Марии – в праздновании Её Успения. Смерть для Нёй была воистину успением. Переход в другой мир, в Царство Её Сына и Бога не был для Нёй неожиданным. На иконах Успения мы видим не только Матерь Божию, но и Христа, «женскую душу руками носящаго»³⁷⁵. Но ведь не только для Нёй, но и для нас Христос есть Бог и Спаситель. Поэтому, взирая на образ честного Её Успения, и мы в нашей силе и мере должны выявить своё отношение к смерти.

Мы с вами живём в трудное время, когда жизнь создаёт для этого особенно благоприятные условия. Теперь, как никогда, становится ясной грань, отделяющая верующих от неверующих. Теперь каждый верующий во Христа является тем, против кого направляются все насмешки и оскорбления, вся грязь, и ещё тяжелее будут насмешки и оскорбления, направляемые на Святую Церковь, но тем радостнее мысль о том, что наше отечество на небесах, тем желаннее должна быть смерть, как возвращение в это отечество.

Это не значит, что христианство не признаёт земной жизни. Истинный христианин радуется, любит эту жизнь как

даром Божиим. В этом радостном приятии жизни и состоит одно из важнейших отличий христианина от нехристиан.

Но, радуясь земной жизни, христианин ещё больше радуется, что он здесь, на земле, получает познание другой, небесной жизни. Собирайте же сокровища ещё здесь, на земле. Тогда вы начнёте ценить в себе Царство Божие, и смерть уже не будет страшить вас, но будет для вас радостным и желанным переходом в иную жизнь. Но если вы не будете ещё на земле собирать это сокровище, то страшен будет для вас час смертный, и в тот час никто не поможет вам. Теперь, в этой жизни, надо собирать элементы Царствия Божия, и тогда мало-помалу вы начнёте понимать значение этого великого праздника, который мы празднуем сегодня.

И дай Бог, чтобы день нашей смерти не застал нас врасплох, но чтобы мы уподобились тем, кто ещё здесь начал небесную жизнь.

И тогда Божия Мать будет молиться о нас в час этого страшного перехода, как мы молимся Ей всегда, прося «не вверить нас человеческому предстательству», но принять нашу молитву и сохранить нас под святым Своим покровом³⁷⁶.

Аминь.

Проповеди на святой Великий Пост 1929 года³⁷⁷. Проповедь первая (седмица первая, суббота, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Мы, братие, после первой недели Великого поста, которая должна была быть проведена в искреннем покаянии, пришли к празднованию Православия, которое открывает нам выход из нашего греховного состояния и указывает путь, которым должен идти человек, начавший покаяние. Если вы принесли покаяние, то этим самым только ещё начали входить в настоящую жизнь. Ведь завет Бога с человеком был положен два раза – в Ветхом Завете и Новом Завете. В Ветхом Завете он был положен через Моисея на горе Синайской, в Новом – через Сына Своего: *Сия есть Кровь Моя, Нового Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов* (Мф. 26:28).

Господь и теперь (в новое) и в древности (ветхое время) открывал Свой завет. Но чтобы для нас открылась возможность быть в Его завете, мы должны сами вступить в завет с Богом. Когда священник в Таинстве исповеди отпускает грехи кающемуся, он просит в молитве дать ему образ покаяния: «Сам и ныне умиласердись над рабом Твоим, и подаждь ему образ покаяния»³⁷⁸.

Мы сами созданы по образу Божию и по подобию. Мы просим образ покаяния, образ исправления – тот образ, в котором мы должны быть. Покаяние – это наш завет с Богом об исправлении нашей жизни. И если мы не вступим в *наш завет*, завет человека с Богом, то для нас недействителен и завет Бога с человеком.

В Ветхом Завете Бог дал завет Свой через Моисея. И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там, и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые я написал для научения их [Израиля] (Исх. 24:12). И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай... Моисей вступил в средину облака, и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей

(Исх. 24:15–16.18). Когда народ увидел, что Моисей долго не сходил с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: *встань и сделай нам бога, который шёл бы перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли египетской, не знаем, что сделалось* (Исх. 32:1). Аарон повелел им принести золото. И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих и принесли к Аарону. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: *вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли египетской!* (Исх. 32:3–4).

Обратите внимание на то, что, когда Господь захотел вступать с человеком в завет и когда Он давал Моисею на горе Синай скрижали завета, в это самое время народ творил великое беззаконие. И вот когда Моисей получил скрижали завета, писанные не кем-нибудь, а перстом Божиим, и сходил с горы, он услышал шум и увидел слитого из золота тельца. Но Господь разгневался на Израиля и открыл Моисею, что Израиль будет изглажен из книги жизни за свои беззакония. Тогда Моисей взял на себя образ покаяния за свой народ. Он начал молиться и просить, чтобы Господь простил Израиля, а если Господь не может простить народ, то изгладил бы и его, Моисея, из Книги жизни. И это вхождение одного человека в завет с Богом спасло Израиля (см.: Исх. 32:7–34).

Завет Бога простирался на весь народ, а только один Моисей через образ покаяния вошёл в этот завет. Он сам заключил с Богом завет. То же самое мы видим и в Новом Завете. Тот самый народ, который кричал Иисусу Христу: *Осанна!*, потом кричал: *распни Его!* (Мк. 15:13 и 14; Лк. 23:21; Ин. 19:6 и 15). Те первосвященники, которые должны были принять Христа, шли против Него, и их предваряют мытари и блудницы. А первый заключил завет с Богом, родные, кто? – разбойник. Когда Христос проливал Свою кровь на кресте за весь народ, в это время он один заключил завет с Богом. Он остановил другого разбойника, говоря: «Что ты делаешь? Мы принимаем должное, а вот Этот ничего не сделал», – и с мольбой обратился к Господу: *Помяни мя, Господи, когда приидеши во Царствие Твое!* (ср.: Лк. 23:42). В этот момент и

был заключён завет человека с Богом, [и] открывается вхождение в завет Бога с человеком.

В Ветхом Завете жертвоприношения совершали священники и приносили молитвы от лица всего народа. По внешности они состояли в завете с Богом, а в действительности не находились в нём. Примером этого могут служить Офни и Финеес³⁷⁹.

В Новом Завете Христос даёт возможность всем войти в завет с Ним, но при одном условии – покаяния и постоянного пребывания в нём.

Вот мы торжествуем Православие. У нас принято говорить, что есть образ мирской жизни и образ иноческой жизни – ангельский образ. В конечном же достижении все мы должны быть равноангельны, и это разделение неправильно. Иноческая жизнь есть сугубое покаяние, а совсем не ангельское житие. Если же мы находимся в образе покаяния, то для нас закрыты все Таинства. Есть семь Таинств, и одно из них мы совершаем по преимуществу все – это Таинство покаяния. Каждое Таинство для своего совершения требует того или иного вещества. Крещение – воды, елеосвящение – елея, и так далее. А в Таинстве покаяния мы сами даём это вещество – наши слёзы, наше сокрушённое сердце. Это Таинство совершается в нашей душе: престол для него – душа человеческая. Каждый из нас сейчас, сию минуту может проверить, совершает ли он это Таинство и как он его совершает. Со всеми нами, родные, заключён завет Богом – мы крещены. Но проверим себя, вступили ли мы в этот завет, и если мы находимся в нём, то как несём образ покаяния, который можем иногда терять и осквернять. Но если только мы его несём, то все остальные Таинства будут для нас открыты. Если же мы не совсем покаяться и не принесли сердечного сокрушения, нет перед нами наших грехов, то мы и другие Таинства не совершаем. Вот я, например, не совершаю Таинства священства, если нет во мне покаяния.

В Ветхом Завете, родные мои, так же было. Постоянно люди теряли завет с Богом и постоянно восстанавливали его. Когда царь Озия послал в Иерусалим к одной из пророчиц, она

сказала ему: «Так как смягчилось сердце твоё и ты плакал, то Я услышал тебя, говорит Господь» (см.: [4Цар. 22:19](#); [2Пар. 34:27](#)). Тогда Озия собрал народ и заключил завет об исправлении своей и общей жизни. И Иуда, родные мои, был призван в завет с Богом и даже в последние минуты земной жизни Спасителя был напитан Телом и Кровью Его, но остался вне завета. Я ещё раз повторяю вам: ключ ко всем Таинствам – это завет наш с Богом. Никто не знает о нём – это тайна наша с Богом. Выполнение своего завета с Богом есть дело всей нашей жизни. Только через него мы можем получить от Господа исполнение и Его завета. И если нет у кого тайного завета с Богом, если кто его ещё не заключил, то ведь сейчас хорошее, подходящее для этого время. Помните, мои родные, что только тогда, когда мы сами берём на себя этот завет, только тогда получаем и возможность жить с Богом.

Давайте, родные, хорошенько подумаем обо всём этом, и я надеюсь, что каждый из нас, если внимательно посмотреть в свою душу, увидит, что хотел получить всё от Бога, а сам не давал Ему ничего. И если мы дадим Господу наш завет и будем припадать, просить прощения, то получим его от Него.

Давайте, родные, не только подумаем, но и постараемся исполнить всё то, о чём мы сейчас с вами говорили.

Ведь уже очень время-то благоприятное.

Аминь.

Проповедь вторая (седмица первая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Спросили святого авву Исаию: «Что есть покаяние?» Он отвечал: «Путей два. Один путь жизни, другой – смерти. Идущий по одному, не ступает по другому. Ступающий по обоим не зачислен ещё ни на одном – ни на том, что в царство [ведёт], ни на том, что в ад [низводит]»³⁸⁰.

Вот в нашей жизни, родные, есть два пути. Один путь – греха, смерти, другой – путь жизни. А все мы, грешные, идём то по одному, то по другому пути. Но всё же мы должны исправлять свою жизнь и стремиться идти всё более и более по пути жизни, тогда мы будем исполнять завет наш с Богом. Вчера я говорил, что завет Бог творит со всеми. Когда мы сегодня служили литургию и священнослужитель произносил слова Тайной вечери: *Пришлите, ядите... и пейте от Нея вси* (Мф. 26:26–27), – это значит, что завет Бога с человеком дан для всех, а с другой стороны, каждый должен сам отдельно, индивидуально вступить в этот завет с Богом. Без этого условия для людей нет исполнения завета Бога с человеком. У нас, родные, по-мирски просто говорят: «Давайте запишемся в ту или иную группу или союз и получим сразу все права». Но по духовному дело иначе обстоит. Там «званные» все, но «избранные» только те, которые отдельно заключили завет с Богом (см.: Мф. 22:14). У нас получается, что со стороны Бога мы все призваны в Его завет – Он открыл его для всех. Со стороны же людей может войти только тот, кто на жертвеннике своей души принёс Ему слёзы и покаяние и вступил в тайный завет с Богом. Мы все соединены друг с другом Новым Заветом, мы «верные», а самое главное, что каждый из нас в отдельности соединён с Богом. Тогда получается, что мы воистину можем тяготы друг друга носить (см.: Гал. 6:2) и наши отношения друг к другу меняются. Ведь кто живёт в покаянии, тот будет желать избавиться от смерти – пути греха, и все его помыслы, вся его воля будут направлены на выполнение

завета. Если у меня будут те или иные скорби, насмешки и тому подобное, то я их буду переносить так, как переносил их пророк Давид, находясь в образе покаяния. Он считал, что Господь посылает людей, которые его смиряют за грехи³⁸¹. Это значит, что он умел по-настоящему принимать скорби. Мы начинаем: «Вот он такой-то и такой-то...», а ведь неизвестно, в каком этот человек находится отношении с Богом. Вот пророку Ионе было открыто, чтобы он шёл в Ниневию³⁸², говорил людям о её разрушении, а он, по-видимому, чувствовал, что ниневитяне покаются, и не пошёл, чтобы после над ним не смеялись: «Пророк, а ошибся». Он бежал от Господа в Фарсис и за это был выброшен в море во время бури. После спасения Господь послал его вновь в Ниневию. Это был большой город, на три дня ходьбы. Иона ходил по городу, сколько можно пройти в день и говорил: *Ещё сорок дней и Ниневия будет разрушена (Иона. 3:4)*. Это были слова не самого пророка, а слова Божии, и ниневитяне поверили Богу, оделись во вретище, объявили пост. Эти слова достигли и до царя. Он встал с престола своего, оделся во вретище и стал каяться и призвал весь свой народ к покаянию и посту, наложив его даже на скот, чтобы Господь пощадил Ниневию. И все вопияли ко Господу о спасении. Господь не навёл на них бедствия, простил их, когда увидел, что люди, почувствовав скверну своей жизни, с великим сокрушением начали совершать Таинство покаяния и заключили тайный завет с Богом. Иона же сильно огорчился этим и был раздражён, ибо он знал, какого беззакония достиг город, знал, что его уже нельзя было более терпеть, – и вдруг этот заключенный ниневитянами завет пересилил. Бог отменил Свое решение. Иона стал молиться Господу: *О, Господи! не это ли говорил я... Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый... И ныне, Господи, возьми душу мою... лучше мне умереть (Иона. 4:2–3)*. Вот это пример человеческого суда. Иона говорил: «Зачем Ты меня посылал, если знал, что так сделаешь?» И все превозносящие себя праведники огорчаются, если не видят наказания грешника. Они чувствуют, что что-то сделали для Господа. Вот отец пожалел

блудного сына, а брат этим огорчился³⁸³. Вот вам, родные, суд Божий и суд человеческий.

А мы зачастую поступаем, как Иона, и ещё хуже, так как Иона был проповедник и исполнял закон Божий, а у нас нет его праведности. Иона вышел после этого из города и стал ждать, что будет с городом. Он надеялся, что, может быть, будет ещё так, как он хотел. Но Господь вразумил Иону. Иона очень страдал от зноя, и Господь повелел вырасти над его головой в одну ночь растению, чтобы оно давало ему тень. Иона очень обрадовался, а Господь устроил так, что на другой день растение засохло, и солнце по-прежнему стало палить голову Ионы. Он изнемог, ему стало жаль растения, и он просил смерти у Бога. Тогда Господь спросил его: *Неужели так сильно огорчился ты за растение? Ведь ты над ним не трудился и не растил его. Мне ли не пожалеть Ниневию, города великого?»* (Иона. 4:9–11).

Так Господь смирил Иону. Вот, родные, суд Божий и суд человеческий. Поэтому мы и не можем судить никого, что не знаем, в каких отношениях находится каждый человек в своём завете с Богом. Ещё ничего не значит, что мы верные и входим внешне в Таинства. Вспомним Офни и Финееса³⁸⁴. Вспомним и Иуду – Господь в самый последний момент, на Тайной вечере, напитал его Своим Телом и Кровию, а он заключил завет с дьяволом. Давайте подумаем, заключили ли мы свой завет с Богом. А кто знает, какую кто жизнь ведёт с Богом втайне. Не будем и судить никого, а будем помнить, что есть два пути: путь жизни и путь смерти. Кто идёт тем или другим путем, неизвестно, как кончит. Вот о Ниневии было сказано, что она погибнет, а она покаялась, и Господь помиловал её.

Нам нужно отказаться от греха и стараться идти путём жизни. В жизни есть два типа людей. Одни живут во грехе и лишь иногда ступают на путь жизни. Они иногда придут в церковь, иногда дома помолются – это, родные мои, никак не годится. Но есть люди, идущие по пути жизни, но падающие. И если они каются, то недалеко они от Царствия Небесного. А мы в большинстве случаев не разбираемся в своих поступках и идём сразу по обоим путям. Но вспомним слова аввы Исаии:

«Ступающий по обоим [путям] ещё не зачислен ни в одном»³⁸⁵. Это значит – нельзя сказать, в аду он или в раю, и суд принадлежит Господу. Если такой человек скончается, то в смысле осуждения – это дело Божие.

Итак, завет Божий дан для всех, но пользуется им только тот, кто устроил у себя в душе жертвенник, на котором постоянно, а не в какой-либо момент совершает службу покаяния. Вот каков путь христианина. И если мы по этому пути пойдём, то нам по-настоящему откроются Таинства. Нами не использовано Таинство крещения, полученное в младенчестве, так как оно предполагает покаяние. Также не использованы нами и другие Таинства. Было бы очень хорошо, если бы мы каждый день думали и вспоминали: «А как мы исполняем завет свой с Богом?» Тогда мы недалеко будем от Царствия Божия. А если будем осуждать других, то и суды Божии будут нам казаться несправедливыми. Обратите ваше внимание, родные, на это. И дай Господи, если кто-нибудь из вас когда-нибудь по-настоящему заключит завет с Господом нашим Иисусом Христом, Ему же подобает слава, честь и поклонение во веки веков.

Аминь.

Проповедь третья (седмица вторая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Покаяние есть, прежде всего, примирение с самим собой и через это – примирение с Богом и с людьми. Об этом я уже вам говорил, а сейчас хочу привести пример внешнего покаяния, такого покаяния, когда с внешней стороны – настоящее покаяние, а с внутренней – покаяние, которое не несёт познания своего греха и стремления через несение скорбей очиститься от этого греха.

Во времена древней Церкви жил один эконо́м по имени Феофил. Он жил свято, праведно управлял церковным имуществом и был всеми любим за свою доброту. Всякому он был утешением в скорби. Когда умер епископ, народ стал просить Феофила занять епископскую кафедру, но Феофил отказывался, говоря: «Я знаю мои грехи и поэтому недостойн этого сана, я не могу быть епископом». Говорил он, обливаясь слезами и припадая к ногам митрополита, хотевшего посвятить его в епископы. Долго пролежал он у ног владыки, плача и прося не накладывать на него этого бремени. Митрополит дал ему срок три дня, чтобы обдумать все хорошенько. Через три дня повторилось опять то же самое: Феофил упорно отказывался от епископского сана. Тогда митрополит поставил гражданам другого епископа, а Феофил остался эконо́мом.

Вот, кажется, пример истинного покаяния. Человек сознаёт свои грехи и отказывается от епископского сана в примирении с Богом и людьми. Но покаяние измеряется, прежде всего, отношением к скорбям и трудностям, которые посылаются Богом. Если человек говорит, что кается, а ропщет и не терпит скорбей, то нет в нём покаяния. Кающийся и в скорбях ищет утешения. Святые даже чужие грехи на себя брали. Они считали, что это воля Божия, если человеческие улики падали на них, и принимали всё как наказание за грехи, посылаемые от Господа. Многие святые налагали на себя скорби, теснения и терпели в смирении. Некоторые становились на столпы, иные

рыли тесные пещеры и заключали себя в них. И всё это для того, чтобы очищаться путём перенесения внешних трудностей и непрестанно памятовать о своём грехе. Человек же, говорящий, что он грешен и недостоин, а не уготовивший себя к перенесению скорбей, не идёт путём покаяния. Вот Феофил, по видимому, чувствовал, что его завет с Богом нарушен, и он, стало быть, должен был уготовить себя на все трудности, на все скорби. Все его уговаривали принять сан – и митрополит, и клир, и миряне, а он всё-таки отказался. На самом деле человек как бы каялся, а при испытании Феофил не выдержал. Господь попустил всякие клеветы на Феофила, его стали обвинять во многих неблагоприятных поступках перед епископом. Вначале Феофил ничем не смущался и спокойно продолжал свою работу. И епископ сначала не верил наговорам, а потом смутился и отстранил Феофила от церковной деятельности. А Феофил, вместо того чтобы стерпеть это и понять, что Господь смиряет его за самовластный и самочинный отказ от сана, возмутился и стал обуреваться помыслами: «Вот епископ тебя перед всеми унизил, совершенно несправедливо оскорбил, предпочёл тебе человека гораздо тебя ничтожнее». В нём началась огромная борьба, потом малодушие и почти отчаяние. Ему казалось, что люди, просившие его быть епископом, теперь перестали его уважать, смеются над ним, и в его душе вспыхнуло желание вернуть себе, во что бы то ни стало своё прежнее положение перед людьми. Перед людьми. Перед Богом он виноват не был: все возводимые на него обвинения были действительно клеветой, но перед людьми ему хотелось вернуть своё положение. И в своём малодушии он дошёл до того, что вместо того чтобы идти к Богу и у Него просить прощения в своих грехах, в тех самых грехах, ради которых он и от сана отказался, он стал искать себе помощи на стороне и обратился к одному волшебнику.

Тот, кто совершенно спокойно мог бы быть епископом, теперь ставит своей целью, во что бы то ни стало сделаться вновь экономом и ради этого решился действовать через волшебника. Он пришёл к нему ночью и просил о помощи, обещал ему заплатить. Волшебник обещал ему помочь на

следующий же день, но при одном только условии – чтобы он отрёкся от Христа. Феофил же был в таком малодушии, что забыл обо всём. Забыл о том, что он в своё время предстанет пред Престолом Божиим, и помнил только, что ушли от него прежние почести и уважение, и хотел их вернуть. Он согласился и дал на это особое рукописание волшебнику. Действительно, через некоторое время Феофил получил облегчение. Епископ по воле Божией почувствовал, что он несправедлив к Феофилу, и стал просить у него прощения. И если бы Феофил всё претерпел до конца, то он бы радостно встретил эту перемену. Епископ в церкви при всём народе стал просить у него прощения: «Прости меня, я обесчестил свою святыню. Я прошу тебя снова принять управление». Но хотя епископ и возвеличил вновь Феофила, пользы тому не было никакой. Он снова был всеми почитаем, все ему повиновались, и его враги стали смиренно просить у него милости. Кажется, теперь всё было хорошо. Да, если бы Феофил шёл путём покаяния и претерпел бы всё, но он отрёкся от Христа.

Наступил такой момент, когда совесть в нём проснулась и стала его жечь, он начал страдать, скорбеть и каяться, почувствовав свой грех. В это самое время и волхв был казнён за свои дела, и, кажется, всё могло бы забыться со смертью волхва – ведь никто из людей, кроме него, не знал о падении Феофила. Но совесть в нём не молчала, мучения его всё увеличивались, не вмоготу стало ему жить. И обратился он с горячей мольбой к Божией Матери «Споручнице грешных», стал просить Её быть его заступницей. Он уединился в маленькой церкви, отложил все житейские попечения и усердно молился и каялся в течение сорока дней. И Матерь Божия услышала его молитву. Она покрыла его Своим омофором и дала ему возможность иметь Её своей заступницей перед Сыном Своим. Вот теперь у Феофила появилось настоящее покаяние, а раньше было у него много гордости, любования собой и не было самого главного – готовности к скорби. Он мог бы в своё время принять епископский сан не ради почести, а ради несения креста, ради скорбей, с ним связанных, для очищения грехов, а он вот пошёл по другому пути. И хотя теперь никто не знал, как

низко пал Феофил, но он сам захотел, когда пришло истинное покаяние, чтобы все узнали его грех. И он, который так старался возвратить себе своё прежнее положение в глазах людей, в храме, во время литургии, когда служил епископ, после Евангелия с плачем бросился к его ногам и просил разрешить ему вслух принести покаяние. Ему не вмоготу было дольше нести этот величайший грех – грех отречения от Христа. Его душа раскрылась, и он готов был нести все скорби, все унижения. Он подробно всё рассказал от начала до конца, до своего видения Божией Матери, возвратившей ему его рукописание. Он вынес себя на посрамление и принес истинное покаяние³⁸⁶.

В наше время, родные мои, каждый кающийся может сделать это перед священником в Таинстве покаяния. И хотя мучительно стыдно каяться, но преодолением этого стыда кающийся очищается от грехов. Вот, родные, мы видели два состояния у одного и того же человека. Он в образе покаяния отказывается от епископского сана, но он не был приуготовлен к перенесению скорбей. И как бы мы ни определяли покаяние, оно необходимо должно нести в себе уготовление кающейся души на всякую скорбь. Если я каюсь, значит, я виноват и готов понести наказание, какое наложит на меня Господь. Поэтому и Феофил, когда каялся по-настоящему, не остановился перед тем, что о нём могут переменить мнение.

Вот какое состояние у кающегося не на словах – у него покаяние входит в жизнь. Мы должны помнить, что все трудности посланы нам по нашим грехам и переносить их надо не с ропотом, злобой и ненавистью, а с терпением, как от Самого Господа. Пусть каждый из вас, родные мои, почувствует своё покаяние – на словах оно или на деле. Особенно в дни поста давайте помнить, что покаяние есть уготовление себя ко всем скорбям. Давайте помнить и то, что Господь посылает скорби, Он и избавляет от них. Будем же Ему служить, помня, что Он сказал: «Избавил и ещё избавлю»³⁸⁷.

Господу нашему слава во веки веков.

Проповедь четвертая (седмица третья, суббота)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, братие, празднование в честь Благовещения Пресвятой Богородицы совпадает с празднованием в честь Святого Животворящего Креста Господня. Это совпадение должно быть отмечено для нас не только тем, что совмещается три службы (воскресная, Благовещенская и Креста Господня), но и тем, что мы должны духовно пережить праздник Благовещения через Святой Крест. Когда ангел Господень дал радость благовещения Святой Деве (см.: Лк. 1:28.30–33), он дал радость Воскресения (белые ризы), а вместе со всем этим мы прославляем и Честной Крест. Вы можете спросить, как может Святая Церковь праздновать вместе два праздника? Может быть, нужно было бы их разделить? Нет, Святая Церковь вкладывает величайший смысл в совпадение этих праздников. Может быть, много, много лет не встретится больше такого совпадения праздников, поэтому нам необходимо сейчас остановить всё наше внимание на них.

Когда Божия Мать услышала благую весть, Она смутилась (см.: Лк. 1:29). И это смущение, и молчание говорят за то, что в этом рождении человеческая тварь имеет своё дело созерцания Сына Божия. Вот открывается Великая Тайна, провозглашенная в Ветхом Завете, что семя Жены сотрёт главу змия (ср.: Быт. 3:15), и эта тайна является всему миру через Божию Матерь. Ответ Богоматери ангелу полон смирения: *Се, раба Господня; буди Мне по глаголу твоему* (Лк. 1:38). Когда-то Господь, творя мир, говорил это слово *буди. Да будет свет*, – сказал Господь. *И стал свет. Да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду* (Быт. 1:3.6–7).

Да будет – слово творческое, им создан весь мир. Святой Филарет говорит, что когда Господь послал к Пречистой Деве архангела с благой вестью, то Он ожидал этого творческого слова от Нее³⁸⁸. Предсказание Ветхого Завета не могло бы исполниться, если бы Божия Мать не нарекла творческого

слова *буди*. Это величайшее дело, которое могла только сделать тварь в жизни своего Творца, но и надо творить с Ним свою жизнь. Вот если бы Божия Матерь не отдала Себя самоотверженно на служение Богу, не произнесла бы этого *буди*, то не могло бы совершиться через Нее и воплощение Сына Божия. Но Божия Матерь, познав Божию волю, захотела творить её. Бог призвал, и Она пошла за Ним. Она покорно принимает не только радость призвания, но и всю чашу беспредельных страданий Матери. Эти страдания Она уже испытывала, говоря: *Се, раба Господня*.

Вот, родные мои, для многих людей воля Божия известна, и они наметили себе определённый путь, но было ли ими когда сказано: *Да будет воля Твоя*? Многие стараются волю Божию узнать через священников, через старцев, но это, родные мои, ещё ничего не значит – можно знать волю Божию и не творить её. А вот если кто скажет творческое *да будет* и в течение всей своей жизни понесёт всё, что связано с этим обещанием, вот это воистину дело Божие.

Пусть, родные мои, каждый из вас подумает над своей душой. Я это говорю для всех, всех, всех. Вот мы призваны и поставлены светильниками, и воля Божия на то, чем мы теперь окружены. Как бы нам надо принять все наши условия как волю Божию. Господь призвал нас на те или иные служения, и Он ждёт от нас, чтобы мы восприняли это как Его волю и ответили ему своим творческим *да будет*. Ответили светлой радостью на зов Его, а не ропотом и унынием. Крест должны мы взять на рамо и понести. Вот это сознала и приняла Матерь Божия, потому и ответила: «Пусть будет так, как на то Твоя, Господи, воля». Пусть этот великий пример Божией Матери побудит и нас сказать Господу: «По Твоей милости мы не впадем в бездну неверия и понесём с Тобой всякие гонения, всякую клевету». Только помните, что главное – это ваше творческое *да будет*. И если мы подумаем обо всём этом, вникнем в то, что нам дано, и сопоставим эти два праздника, тогда как необходимость мы должны воскликнуть: «Господи, ведь Ты наш наставник и покровитель, мы пойдем с Тобой. Мы рабы Твои, да будет воля Твоя».

Аминь.

Проповедь пятая (седмица третья, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Кающемся, родные мои, несродно судить и празднословить. Кающийся должен быть по возможности безмолвным, чтобы в покаянии совершать своё спасение. А мы постоянно празднословим, постоянно судим и пересуживаем других. Постоянно творим зло своим языком. Этим мы наносим зло и себе самим, злословящим, и тем, кто слушает наше злословие. Святые отцы³⁸⁹ указывают на то, что наш язык – малый член, но творит большое зло, воспламеняя круг жизни (см. также: Иак. 3:5–6). Как удобно вооружает он одного против другого! Наше нерадение о нашем слове для других является орудием убийства. Святой Антоний Великий прямо говорит: «Кто принимает человека злословящего или клеветника, тот сообщается с убийцею»³⁹⁰. Видите, клеветник и убийца, по словам святого отца, одно и то же. «Удаляйтесь клеветника, кто бы он ни был, и не стыдитесь удаляться от него», – говорят святые отцы³⁹¹. Иоанн Лествичник запрещает оказывать уважение таким людям: «Никогда не оказывай уважения тому, кто злоречиво говорит о ближнем. Этим уврачуешь и себя, и ближнего»³⁹². Вы можете сказать, родные, что здесь речь идёт о клевете, а если слышишь, что о человеке говорят скверно и то, что говорят, может быть правдой, как тогда быть? Так как мы падки, родные, на злословие, то лучше нам не слушать таких разговоров. Ведь мы можем передать тому, о ком говорили: «Вот о тебе то-то и то-то говорят», – или будем об этом рассуждать с одним, другим, третьим... Когда же начнёшь останавливать говорящего, он оправдывается обыкновенно тем, что слышал это собственными ушами. Что же получается? Злословящий впадает в гордость. Нет, родные, не так должно поступать христианину, если бы он и сам присутствовал при том или ином гадком поступке. Не распространять должен христианин чужой грех, а покрывать его своей любовью. Поучимся у святых, как они поступали в таких случаях. Вот я

вам расскажу сейчас один случай такого христианского отношения к злословию ближнего.

Один пустынник пришёл в скит, где жили подвижники, и поселился там. Келию ему дал один скитский старец, и он начал жить в согласии с игуменом и братией монастыря. Но вскоре это согласие нарушилось, так как скитский старец, давший подвижнику келию, позавидовал пришельцу, к которому стало ходить много людей за советом и духовным руководством. Побуждаемый завистью, он посылает к гостю своего юного послушника с приказанием уйти прочь из монастыря и передать такие слова: «Убирайся туда, откуда ты пришёл». Послушник пошёл и, хотя должен был передать слова своего старца в точности по долгу послушания, начал рассуждать: «Если я передам пришельцу так, как сказал старец, то могу возбудить в нём злобу и начнется между старцами вражда. Уж лучше я во имя Господа и общего мира скрою злые слова и возьму всё на себя». (Авва Дорофей в своих поучениях разрешает это делать в молитве и подвиге.) И вот послушник, придя к старцу, вместо того чтобы сказать «убирайся», как ему было приказано, поклонился и сказал: «Отец мой просил спросить тебя, здоров ли ты?» На это старец ответил: «Скажи твоему отцу, что я прошу его молитв, ибо я немного болен». Вернувшись, послушник сказал своему старцу: «Старец тот нашёл себе другую келию и скоро уйдёт».

Обратите внимание, родные, какая любовь!

Через некоторое время старец опять посылает послушника выгонять пустынника. А тот, пришедши, сказал: «Отец мой, узнав, что ты болен, прислал меня навестить тебя». Пустынник ответил: «Скажи отцу, что его молитвами теперь я совсем здоров». Своему старцу послушник передаёт совсем другое: гость просит пожить в монастыре ещё недельку, а там он перейдёт в другую келию. Через неделю разгневанный старец сам идет выгонять пустынника из келии. Послушник же, узнав об этом, из любви к миру и к своему старцу забегаёт вперёд и уведомляет пришельца, что отец его идёт к нему сам звать его к себе на трапезу. Услышав об этом, пустынник сейчас же вышел навстречу старцу со взором, полным любви, и говорит: «Не

трудись идти ко мне, я сам иду к тебе». Поражённый незлобием пришельца, старец умилился душой, злоба его пропала, и он действительно повёл гостя к себе на трапезу. Когда тот ушёл назад, старец узнал, как поступил его послушник. Он припал к его ногам и сказал: «Отныне ты мой наставник, ибо твоими словами наши души спасены»³⁹³.

Вот, родные, как поступали святые. Даже тогда, когда их посылали сказать или сделать злое, они не делали этого, хотя и должны были сделать, так как им это приказывали их старцы. А мы вот с величайшей радостью и готовностью расскажем всё злое, всё скверное про человека, а если уж что сами слышали, так начинаем возражать, когда нас останавливают, начинаем уязвлять друг друга и делаем, как говорят святые отцы, дело скорпионов и змий своим языком³⁹⁴. Во дни поста и покаяния мы больше чем когда-либо должны следить за своим языком. Подвижники поистине болеют душой за того, кто зло говорит о ближнем. А мы во имя кажущейся нам правды делаем постоянно зло.

Всякое общество больше всего страдает от злоречья и осуждения, передаваемого на все лады. Вот когда мы каемся, давайте, родные мои, займёмся своим языком, вступим с ним в настоящую борьбу, и это нам очень много даст. Если мы не будем говорить зло о другом, а вместо этого будем за него молиться, если будем помнить, что одним словом можем подточить целое здание отношений между людьми, тогда мы поймём, почему Ефрем Сирин в своей молитве просит, чтобы Господь не дал ему празднословия³⁹⁵. А мы даже в храме до начала службы устраиваем если не «стенные», то «слуховые» газеты, и этим начинается в храме самое скверное дело. Мы, родные мои, этим разлагаем Церковь, мы являемся настоящими разрушителями своего и чужого устройства. Пусть примером послужит нам этот послушник. Он оказался великим руководителем старцев к Царствию Божию.

Будем же всячески стараться отвыкнуть от злословия, клеветы и осуждения. Тогда нам легче будет жить, и мы гораздо больше приобретем себе друзей, но не по клевете и злоречию, а

друзей по Богу, по борьбе с грехом, и это объединит нас в единое стадо Господа нашего Иисуса Христа.
Аминь.

Проповедь шестая (седмица четвертая, суббота, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Нынешний день по Триоди постной положено праздновать память преподобного Иоанна Лествичника, а по Минее – память преподобной Марии Египетской.

Таким образом, совмещаются ныне две памяти: память учителя покаяния и великой грешницы, сделавшейся великой праведницей. Мы, родные мои, потому так плохо каемся, что не внимаем себе, по словам преподобного Иоанна Лествичника, а все наши взоры обращены вовне. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что еще в Ветхом Завете была заповедь внимания к себе³⁹⁶. И вот в наше время это невнимание к себе достигает величайшей степени. Все наши взоры обращены вовне, и этому, конечно, помогают все события и тяжелые условия. А ведь Царство Божие внутри нас (см.: Лк. 17:21).

Пока преподобная Мария Египетская находилась в великих грехах и душа её обращена была вовне, конечно, не могло быть и обращения. Когда же она обратила внимание внутрь себя, на свою душу, она ощутила грех. Для выяснения этого состояния мне припоминается то, что мне рассказывал один крупный ученый, когда я был ещё юношей.

Он заболел, долго лечился, и, наконец, после исследования профессор поставил ему диагноз. Так как после долгого лечения он не получал облегчения и очень надеялся на этого профессора, то, идя от него, нетерпеливо раскрыл конверт и прочел латинское название болезни, обозначающее рак. Тут же на улице этот учёный почувствовал, что внутри себя несёт смерть, что он уже приговорён, несмотря на то, что хочет жить и ещё многое-многое может сделать. Он говорил, что это ощущение открыло для него новый мир. Через эту приговорённость он по-другому почувствовал Бога и воскликнул: *Исцели душу мою, ибо согрешил я пред Тобою (Пс. 40:5)*. Воскликнул он с покаянием вот через эту смерть. Для кающегося необходимо хоть раз в жизни воскликнуть так.

Раковая болезнь ведь заключается в том, что в организме начинается новая жизнь. Разрастаются клетки, которые мешают основным органам исполнять свои функции. Человек погибает, оттого что основные органы отказывают. Хотя эти клетки и живут, но несут в себе смерть, потому что основные органы, вытесняемые ими, мало-помалу перерождаются и человек не может больше жить.

В таком положении находится и наша душа. Как говорят святые отцы, после грехопадения при нашей душе появилась новая душа, и она ведь живёт. Вот грех всё больше и больше заполняет нашу душу и мешает человеку жить по тем законам, по которым она должна жить как создание Божие. Человек начинает жить другой, несвойственной ей жизнью. Потому святые отцы и говорят, что грех есть смерть³⁹⁷.

Если кто-нибудь из нас в возможной для него полноте увидит свою душу уязвленной и почувствует, что несёт в себе смерть, что он человек приговорённый и что может погубить свою душу ещё в этой жизни, тогда он увидит и почувствует, как ему необходимо покаяние. Вот тогда он прибёг бы к Господу не как к Отцу, а как к Врачу.

Для души опасность смерти заключается в том, что наш ум помрачён новым умом через новую душу, которая прижилась нашей душе. Наши чувства должны быть чистым, прекрасным сосудом Божиим, чтобы любить людей, стяжать Царствие Божие и в себе увидеть Бога. *Блажени чистые сердцем; яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8). Эту же благодать мы должны нести к заблудшим братьям нашим – и не в смысле проповеди, а в смысле жизни. Мы же, родные, уподобляемся раковой опухоли и несём в себе залог разрушения и тому подобное, что нам мешает жить. Также и наша воля должна быть настолько сильна, что мы всё могли бы сделать: *Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4:13), – говорит святой апостол.

А мы, родные, упустили свою настоящую душу нерадивыми, скверными делами и поэтому ничего не можем. Одним словом, другая наша душа заполняет нас и отстраняет нашу настоящую душу, как раковая опухоль теснит основные органы человека.

Вот, родные мои, как грех входит в нашу душу и какое он имеет значение. Но с раковой опухолью нет иных средств борьбы, кроме хирургии, и всё же, в конце концов, люди в значительной мере гибнут, а у нас есть всеисцеляющий Христос, нам нужно только познать свою болезнь.

Святые отцы так и говорят, что наше познание своей болезни есть путь к исцелению. Да, родные мои, мы имеем Целителя, но плохо то, что многие из нас не знают и не сознают, что они больны и что вот-вот они могут умереть. В дни Великого поста и великих святых, особенно Иоанна Лествичника и преподобной Марии Египетской, посмотрите, как ясно они представляли себе смерть и жизнь, как они это чувствовали. У нас те или иные страсти могут и потом перемениться. Ну, скажем, человек оставил страсть блуда, и у него появилась страсть тщеславия. В конце концов, душа уходит куда-то, с Богом она ничего не имеет общего. Вот нам и надо очень и очень разобраться в себе, хотя нам и кажется, что у нас нет ни минуты на это.

Умоляю вас, родные мои, пока мы ещё все вместе и собираемся здесь в храме, постарайтесь внимать себе и уделять если не день, то хоть час, чтобы остаться с самим собой и посмотреть в свою душу. Умоляю вас обратить на это внимание, ведь мы все преступны в этом. У нас заботы о службе, о труде, о доме, а в Церкви, я повторяю, надо наблюдать свои недостатки. Войдите в свою клеть (см.: Мф. 6:6), тогда вы почувствуете, что вы несёте в себе смерть, и поймёте, что вам нужно покаяние. Если я почувствую, что тело моё больно, я побегу к врачу и постараюсь спасти свою жизнь. А как мы заботимся о своей душе, родные? Нам поручена наша душа, так надо пожалеть её, войдя в себя и позаботясь о ней. Мало ли что вас увлекает грех – вы живёте, но несёте в себе смерть. Родные мои, сумейте сейчас это понять. Кто знает, может быть, наступит иное время, и не будем мы так легко собираться, а будем сидеть где-нибудь дома и молиться. Вот если бы вы поняли, что вы больны, то обратились бы к Богу с мольбой: *Господи, исцели душу мою, ибо согрешил я пред Тобою.*

Аминь.

Проповедь седьмая (седмица четвертая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Я говорил вам, родные, о том, что кающийся только тогда вступает по-настоящему в покаяние, когда увидит, что его душа, созданная по образу Божию и по подобию, несёт в себе смерть и раствление. Вот святые подвижники, которые по-настоящему боролись со смертью своей души и шли воистину от земли к небесам, в этом подвиге налагали на себя наказания в помощь себе. Это у них происходило естественно, и делали они это для того, чтобы ещё в этой жизни очистить свою душу. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что «кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого»³⁹⁸. Вы все хорошо знаете, что при телесных болезнях медициной применяются трудные средства: операции, или какие-нибудь лекарства, или больному не дают долгое время ничего вкушать, даже пить запрещают. Так утесняется человек при болезни, и этим мало-помалу восстанавливается здоровье. И если бы не было диеты, то человек не поправился бы, как говорят в медицине.

Святые угодники по-мирски – «сумасшедшие люди», так как они налагали на себя добровольно величайшие подвиги. Вот мне и хотелось, родные мои, привести ряд таких примеров из жизни святых угодников. Это были люди сильные, и когда они грешили, то приносили настоящее покаяние. И для нас, людей маленьких, их пример может очень много дать.

Святой Симеон Столпник, будучи восемнадцати лет, почувствовал грех. В житии не говорится, как это случилось, но как старался избавиться, измениться от него – это там найдём. Он взял верёвку, очень жёсткую, и обвил себя ею от бедер до шеи. Через десять дней тело его загноилось, в ранах появились черви. Братия стала на него роптать, так как от него исходил невероятный смрад, а затем пожаловались игумену. Игумен силой велел снять одежды и, узнав в чём дело, остановил святого Симеона в его подвиге, так как тот по своей молодости взял не свою меру. Но истинно кающийся, если почувствует

грех, желает всеми силами искупить его, пострадать за грех. Он ищет этого страдания хотя бы так, как преподобный Симеон. И в дальнейшей жизни преподобный Симеон пал и восстал. Он впал в великий грех гордости, будучи уже великим подвижником. Он был славен среди людей за свой подвиг, к нему приходило множество людей, прося молитв и исцелений.

Преподобный Феодорит, современник преподобного Симеона, считал, что подвиги последнего были выше сил человеческих. Конечно, преподобный был человек сильный духом, но его прельстил диавол. Он явился ему в образе светлого ангела на колеснице, говоря, что пришёл взять преподобного со столпа на небо. Преподобный Симеон был великий святой и как святой понимал, что нельзя доверять видениям, даже в образе светлых ангелов, но тут он не распознал видения. Вышло так, что вместо смирения появилась гордость. Хотя он и сказал: «Господи, я недостоин», – но при этом поднял правую руку и осенил себя по привычке крестным знаменiem, и вмиг колесница с ангелами исчезла. Тогда он понял, что впал в бесовскую гордость, и почувствовал, что все его труды, понесённые им на столпе, пропали через этот грех. Но так как он был сильный и великий, то он и взял великий образ покаяния: он заставлял себя стоять на одной ноге. Случилось так, что нога загнила, и ему очень трудно было на ней стоять, но ради своей души он терпел это утеснение. Он заставлял своего юного послушника собирать червей, падавших со столпа и приносить их ему обратно. Он прикладывал их к ране, говоря: «Ешьте, что вам Бог послал».

С точки зрения мира – это сумасшествие, уродство, но с духовной, внутренней – это желание человека через страдания искупить грех и вернуть свою первую красоту. И другие преподобные отцы шли этим путем, каждый по-своему. Раз почувствовав, что ты несёшь в себе смерть, человек будет стараться избавиться от неё. Ведь мы по творению смертные.

Вот другой преподобный³⁹⁹ почувствовал свой грех. Будучи высокого роста, он построил себе узилище, где не мог по-настоящему не только стоять, но и сидеть. Он принуждал себя пригибать голову и колени и в таком неудобном положении

находился всё оставшееся время своей жизни. По-мирски – это безумие. И сейчас, родные мои, есть такие подвижники. Вот один из глинских подвижников, сидя в закопченной келии, видел около себя только один свет, а приходившие к нему удивлялись этому, видя одни мрачные закопченные стены⁴⁰⁰.

Святые отцы, когда падали, то великие средства прилагали, чтобы избавить себя от смерти. И это не безумие, родные мои, с духовной точки зрения. А мы-то вот одно недоразумение человеческое.

Святой Фалалей же так говорит: «И я великий грешник, достоин вечных мук»⁴⁰¹. И другие преподобные также поступали. Один из них ещё в молодости почувствовал грех и не находил себе покоя, так как прежде жил свято. Вот он слышит, что около Александрии живёт старец очень вспыльчивый и малодушный и что с ним никто не может ужиться – все бегут от него. Он дал обет жить с этим старцем и служить ему, как раб, лишь бы Господь простил ему грех его⁴⁰². Видите, родные, до чего заболело его сердце: раньше широта была, а теперь утеснение. И он пошёл к старцу. Старец поступил с ним, как с псом. Но Господь призрел на его терпение, и после шести лет жизни со старцем ему было видение, в котором Господь известил его, что прощены ему грехи его. Со стороны мира и это безумие, а ведь в душе-то живет тоска об этой широте, о потере чистоты, желание вернуть её. Потому-то человек и идёт на добровольное утеснение и терпит всё, что на его долю достанется. Этот инок не только себя спас, но и старца привел к Богу. Ещё раз повторяю, что так поступали многие и многие святые. Для нас же, всегда согрешающих и никогда не приходящих в чувство, наша мера, конечно, не такая, как преподобного Симеона и других святых. Наша мера та, чтобы терпеливо переносить все скорби, находящие на нас. По разумению святых отцов, это есть несение епитимьи. Епитимья – не наказание, а помощь в исправлении. Вот святые отцы и выбирали сами себе способ покаяния и уготовляли себя на всякие скорби. Когда мы каемся, давайте же с великим вниманием посмотрим на свою душу, что в ней святого и что греховного.

Постараемся, родные, ощутить смерть в душе – тогда мы и принесём покаяние, тогда наша жизнь будет освящена по-иному, и какие бы скорби у нас ни были, они будут нами приниматься как средство к очищению. Как золото очищается в горниле, так и душа наша очищается скорбями и покаянием (ср.: Сир. 2:5). А святые отцы будут нам светильниками, а не безумцами, как для мира. И мы в нашей мере, родные, должны принести покаяние. Тогда всё более и более будем чувствовать, как очищается наша душа и всё более и более тянется к небу, но очи наши должны быть обращены к святым, которых очень, очень много. Повторяю, родные мои: кающемуся сродно утеснять себя. Давайте же в нашей мере последуем преподобным Симеону и Фалалею и тому иноку, что спас себя и своего старца.

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Аминь.

Проповедь восьмая (седмица пятая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В деле покаяния, родные мои, надо различать два момента. Один из них – это обращение грешника к Богу с мольбой, как к врачу: *Господи, исцели душу мою, ибо согрешил я пред Тобою* (Пс. 140:5). Эта мольба была и у блудного сына, и у преподобной Марии Египетской, которую мы прославляем в эту неделю. Этот момент обращения грешника характерен тем, что грешник, обращаясь с мольбой к Богу, заключает тайный завет с Ним. Так заключали завет и блудный сын, и Мария Египетская. Но ведь вся наша жизнь идёт через покаяние. Только через него человеку возвращается первая доброта зрака. Отсюда опять путь или ко греху, или к Богу. Новая душа старается вытеснить всё святое, настоящее. У человека даже после обращения является вопрос, как жить, и начинается борьба между мнимой душой и душой настоящей. Всякая жизнь характеризуется борьбой. Если нет борьбы, то нет и жизни. А ведь мы, родные, все склонны встать на прежний путь. Вот как раковая опухоль стремится заполнить весь организм, так приражённая грехом душа стремится вытеснить настоящую душу, и начинается борьба. Эта борьба и её причины очень ярко выявились у преподобной Марии Египетской. Она покаялась, сподобилась причаститься Святых Таин, ушла за Иордан и начала ангельское житие. Кажется, чего же больше, всё уже сделано. Нет, родные мои, жизнь только началась – начались искушения и трудный подвиг борьбы с ним.

Мы знаем из жития преподобной, что семнадцать лет длилась борьба эта. И какая борьба! «С одной стороны, невыразимо страдала я от голода и жажды, – рассказывала пустынница преподобному Зосиме. – Мúка усиливалась воспоминаниями о вкусной пище и вине дней моего разврата. Злой дух воскрешал в мыслях со всей живостью распутные песни, которые я пела, и мерзкие похотливые картины неисчислимых преступлений моих. С другой стороны, одежда, в

которой я вышла, совсем распалась, и я подверглась влиянию всех перемен, всем жестокостям времен года: то солнце жгло раскалёнными лучами, то стужа охватывала меня. Тогда, падая на землю, сожжённая или оледенелая, чувствовала я, что умираю, а тысячи искушений нападали с демонской силой. В этом неизъяснимо жестоком состоянии Пресвятая Богородица была пристанищем. Я горько рыдала и, ударяя себя в грудь, простиралась на землю и молила Владычицу не лишать меня помощи».

Мы теперь, родные, не только каемся, но должны полагать и начало борьбы с грехом. Можно по-разному встретить Светлое Христово Воскресение. Можно смотреть, как радуются другие, но можно радоваться самим, а окружающие будут только увеличивать мою радость. Но моя радость будет только тогда, когда я буду испытывать некоторое увенчание. Если я покаюсь и начну борьбу, тогда я буду испытывать эту радость.

Вот хотя бы эти две недели попробуем по-настоящему начать её. Ведь многие из вас, родные мои, и не подозревают, какую радость даёт эта борьба.

Давайте проследим это хотя бы на примере святых. Все они в этом очень сходны: прежде всего, борьба помыслов, их очищение, непрестанная молитва и постоянное несение скорбей. На примере святой Марии Египетской мы видели, что она, очищая помыслы, приобрела благодать непрестанной молитвы. Ведь в жизни можно ходить перед людьми и перед Богом. Вот преподобная Мария считала, что только Господь может ей помочь через Божию Матерь. И в минуты жестокой борьбы она прибегала к Ней за помощью. «После рыдания и мольбы свет озарял мою душу, и покой возвращался моему сердцу. Милостивая Царица не отказывала мне в Своей помощи»⁴⁰³.

И нам даёт Господь молитву в скорби, а мы вот не хотим их понести. Мне припоминается одна исповедь, которая может нам много дать. Одна девушка дала мне письмо, которое можно назвать исповедью. Эта девушка жила в безрелигиозной семье, и потом так Господь устроил, что она пришла к Богу и, пройдя путь обращения, заключила завет с Богом и стала жить, как ей

казалось, с Богом. Но мало-помалу оказалось, что у неё не все благополучно. Ведь покаяние должно быть в непрестанной молитве – это хождение перед Богом. «Я хожу не перед людьми, а перед Богом. А что скажет ангел-хранитель? Бог на меня смотрит, что Он обо мне подумает!» А вот у неё-то было совсем другое – она оставила борьбу. «Абсолютно никакой борьбы не было, – пишет она, – я полагалась только на свой разум: сама могу себя исцелить. Бога оставила, оставила богослужение, молитву, а желала только постоянно служить людям своей жизнью. Остальное – это как бы ненужное». Она стала ходить перед людьми. «Боялась, как огня, осуждения меня людьми. Осуждение других пышно развилось во мне. Я говорила в глаза лучше, чем думала о них». А нужно, родные мои, думать о том, что Бог скажет, а не люди. Оставил человек молитву, Бога и впал в гордость. «Считала себя чуть не святой, – пишет она, – не желала спрашивать, что не понимала, а понять хотелось сразу». Непрестанная молитва и хождение перед Богом было ею оставлено. Преподобная Мария Египетская, мы видели, очищала помыслы, а она, эта девушка, подходила так: «Удовольствие стало преобладающим фактором моей жизни», – пишет она. И она стала жить жизнью другой души, и удовольствия стали носить всё более и более чувственный характер. Она не стала очищать помыслы, и получилось то, что она стала дерзка, груба, приходила в гнев и сердилась часто на маму. Раньше всё это она терпела как послушание Богу, а теперь в сквернословии изливала свой гнев на маму. Иногда приходила ей мысль удержать себя, но она её отталкивала, а потом научилась получать удовольствие во зле. Живя греховной душой, стала употреблять чёрное слово, и, чувствуя свободу, употребляла его с особым удовольствием. Она потеряла всякое желание служить другим – это человек с мягкой душой! Иногда появлялись и другие помыслы, иногда её новая душа заговаривала в ней, но вместо того чтобы ей внимать, она её заглушала. Это неприятное напоминание совести её раздражало, и она после долгого рассуждения решила, что с этим нужно кончить, – и отказалась от своего служения. Тогда появилось осуждение всех добродетелей,

тяжесть в разговорах о религии. Вот душа мягкая вдруг восприняла эту злобу оттого, что зажила не настоящей, но той душой. Сейчас же она стала унывать. Она с яростью вспоминала те дни, когда встретила с людьми, с которыми полагала начало пути спасения, и чувствовала в себе, как занозу, эти воспоминания и не могла от них избавиться. Всё это привело её к сознанию своего падения. «Чувствовала падение, но выхода не видела, помощи ни от кого не желала», – пишет она о своём тогдашнем состоянии. «Редко проходил день без мысли о самоубийстве. Скоро потеряла различие между добром и злом и стала отрицать самый грех».

Но вот, наконец, мало-помалу начала она прислушиваться к тому, что ей говорила её настоящая душа. Упав, она встала, но отсутствие покаяния, что для неё самая первая необходимость, сознание своей полной греховности и сознание, что ничего она не может без Бога – «Нет, Господи, я всё могу, но только в Тебе».

Вот, родные мои, так как мы теперь готовимся к святой Пасхе, то нам надо помнить, что должны мы иметь борьбу, проводить всё время в молитве и непрестанном памятовании о том, что нужно ходить перед Богом в течение тех или других скорбей и в самоукорении, но главное, родные, в очищении своих помыслов. Не нужно думать: «Что из того, что я подумала?» Вот смотрите, что получилось из мягкого человека. И я желаю вам не так заключить тайный завет с Богом, но через очищение помыслов и несение скорбей идти путём покаяния к райскому блаженству, а на пути этого райского блаженства скоро нам предстанет райское богослужение.

Если вы так пройдёте эти две недели, то у вас будет настоящая радость.

Пусть пример преподобной Марии Египетской и этой сестры, что была мертва и покаялась, слава Богу, даст вам силы идти к Господу нашему Иисусу Христу. Ему же слава подобает, честь и поклонение.

Аминь.

Проповедь девятая (над Плащаницей)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Ныне Богочеловек нуждается в нашем участии, в нашей любви, как нуждается в этом в своё время каждый человек. Он, пришедший в мир, чтобы послужить нам, отдавший душу Свою за избавление многих, претерпевший ради нас оскорбления и заушения, предание и оставление всеми и позорную смерть, требует теперь нашей помощи, нашего участия в Его погребении. И сейчас Церковь с плачем и рыданием приносила Ему надгробное пение вместе с Иосифом, вместе с Никодимом. Но эти надгробные песни сопровождались и пронизывались другими песнями, пока ещё тихими и невнятными, говорящими ещё о будущем, но с несомненностью проповедующими Воскресение: «Сия суббота есть преблагословенная, в ней же Христос уснув, воскреснет тридневен»⁴⁰⁴. «Почто мира с милостивными слезами, о ученицы, растворяете? Блистайся во гробе ангел мироносицам вещаше: видите вы гроб и уразумейте, Спас бо воскресе от гроба»⁴⁰⁵, воспевали мы ещё на утрени и только что сейчас возглашали «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его»⁴⁰⁶. Ещё глубже и внятнее песни Воскресения на сегодняшней вечерне и далее на литургии, где мы слышим радостный гимн Воскресения: «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследилши во всех языцех»⁴⁰⁷, – а Евангелие этого дня уже вполне открывает радость воскресения. Полунощница будет ещё скорбной, но затем на утрени радость открывается вполне, а мы воспеваем победную песнь: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ»⁴⁰⁸.

Такова и вся наша жизнь. Мы должны в ней идти к покаянию и сораспяться Христу. Иного пути нет: *В мире скорбни будете* (Ин. 16:33), – сказал нам Спаситель. *Тесными вратами* должны мы войти в жизнь вечную, *пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящий им* (Мф. 7:13). Но идя этим путём, мы должны мало-помалу чувствовать и радость воскресения.

У святого Своего гроба Христос даёт нам жребий служения Ему.

Наша Русская земля начинает ныне обыматься неверием. Нас всячески поносят, хотят стереть с лица земли, хотят заставить отказаться от Христа, и здесь, у этого гроба, мы все должны об этом подумать. Все мы должны понести крест и вместе с Господом пойти на Голгофу. Вот если бы мы были духовны, если бы мы имели в нашей душе горячую пламенную веру, какая была у мучеников и преподобных, тогда в эти скорбные наши дни душа наша всё более и более озарялась бы радостью и светом Христова воскресения. Но мы, родные мои, ленивы и нерадивы. Как хорошо было бы, если бы мы все восплакали и возрыдали у этого гроба. Это не значит, что христианство есть только плач, только скорбь, только рыдание. Нет, но радость христианства для нас закрыта грехами. Каждый из нас в отдельности, и вы, мои сослуживцы, и вы, мои духовные дети, и вы, богомольцы, и прежде всего я, грешный и недостойный, должны постараться очистить свой ум и помышления и вступить в свой завет с Богом, о котором я вам не раз говорил. И если мы пойдём этим путем, то будем постепенно, мало-помалу испытывать и христианскую радость. Проникнет она и в нашу скорбную жизнь, как проникает в это скорбное и погребальное богослужение. Иного пути нет. Другое дело, у каждого из нас своя мера: есть у нас и сильные и слабые, но путь один. А сейчас, памятуя о той радости, которой, может быть, и не имеем, постараемся приобщиться ей хотя бы через богослужение, составленное теми, кто шёл настоящим путем христианина, составленное великими отцами. Вот лежит Новый Завет, распятый Сын Человеческий, Богочеловек: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет»⁴⁰⁹...

Но есть нечто земное, о чём мы должны помышлять даже и у этого гроба – это наши грехи. Мы обличаемся от своих собственных слов... Припадём же мы все ко гробу Господню и ответим Ему заключением с Ним нашего завета. Не бойся своей прежней жизни, не бойся своих грехов, которые ты имел до сих пор; но нужно желать воистину ответить тайным заветом об

исправлении своей жизни и просить, припав ко гробу, прощения и исцеления души, чтобы получить наконец от Господа ответ: *Се, здрав был еси; отселе ктому не согрешай* (Ин. 5:14). Мы перенесём всё, если тайно заключим с Ним завет, и пусть тогда нас гонят, лишают насущного хлеба и делают с нами что хотят. Если так пойдём, то воистину наступит такой момент, когда мы ощутим, как в душе нашей будет нарастать радость воскресения, и мы будем переходить от Великой Пятницы к Великой Субботе и затем к Светлому Христову Воскресению не где-нибудь, а в нашей душе. Вот тогда мы придём к Нему вместе со святыми и почувствуем радость Светлого Христова Воскресения и воспоем Ему: «Христос Воскресе!»

Аминь.

Духовные беседы с прихожанами (1922– 1929)⁴¹⁰

О Церкви (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Приступая к изучению святоотеческого подвижнического опыта с целью воспользоваться им в своей жизни, нужно, прежде всего, осознать, что же мы представляем собой как члены Церкви, в каком отношении стоим, друг к другу, к святым – одним словом, что же такое Церковь, в которую мы пришли и где думаем единственно получить спасение? Ведь мы понимаем, что вне Церкви нет спасения⁴¹¹, что без неё мы не можем двинуться по пути духовного делания. Что такое Церковь по существу и что она даёт входящим в неё верующим?

Учение о Церкви мы находим во всей церковной письменности, начиная от Посланий апостольских и далее у всех отцов Церкви. Особенно чётко оно изложено и подчеркнуто первыми главными учителями: Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом; встречается и у русских отцов Церкви, в частности у Тихона Задонского и у жившего в наши дни отца Иоанна Кронштадтского. Это учение мы забыли, оторвавшись от него, и тем лишились правильного понимания нашего спасения, что не может не отразиться на самом деле спасения.

Мы знаем, что митрополит Филарет в «Катехизисе» определил Церковь как общество верующих, связанных одними Таинствами, обрядами, иерархией и т. д.⁴¹² Но спрашивается: каково же это общество в своём существе, каково его отличие от прочих человеческих обществ и в чём его высшая ценность? В святоотеческих писаниях мы не находим определения Церкви как некоего человеческого общества. Сама Церковь учит по-иному. По её учению, она есть Тело Христово. Как для общего искупления человечества Христос воплотился, принял тело человека, так для спасения каждого верующего Он оставил Тело Своё на земле. Мы, входя в Церковь, входим в Тело Христово, становимся членами этого Тела.

Выражение и раскрытие приведённого определения Церкви мы находим уже у апостола Павла. В Послании к колоссянам он

пишет: *Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь* (1:24; см. также 1:18). А в Первом послании к коринфянам, говоря им о дарах духовных, он пишет: *Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи или еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... И вы – тело Христово, а порознь – члены* (1Кор. 12:12–14.27). Ту же мысль мы видим у него в Послании к ефесянам: *Мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5:30).

Итак, все мы, живущие в Церкви, составляем вместе единое Тело, Глава коего Христос, а каждый в отдельности является маленькою частью целого. Приводя слова апостола *хлеб, егоже ломим, не общение ли Тела Христова есть?* (1Кор. 10:16), Иоанн Златоуст объясняет, что апостол не сказал слово «причастие», так как «хотел выразить нечто большее, показать великое единение. Приобщаясь, мы не только делаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христом. Как тело (Христово) соединено со Христом, так и мы чрез этот хлеб соединяемся с Ним. (...) Именно сказав: *общение Тела*, [апостол] хочет выразить ещё теснейшую близость и говорит: *один хлеб, и мы многие одно тело* (1Кор. 10:17)». Этот Хлеб есть Тело Христово, и причащающиеся делаются Телом Христовым – не многими телесами, а одним Телом. «Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым», ведь наличие в нём зёрен неприметно по причине их соединения, рассуждает, далее Иоанн Златоуст, так и мы, соединяясь друг с другом и со Христом, «питаемся не один одним, другой другим, но все одним и тем же Телом. Потому [апостол] и присовокупляет: *ибо все причащаемся от одного хлеба* (1Кор. 10:17)"⁴¹³.

Возьмём аналогию. Часть моего тела живет не самостоятельно, но я живу в ней. Разве палец мой или рука живут, а не я живу в пальце или руке? Органы моего тела как бы не имеют личной жизни, но входят в мою жизнь. И когда, скажем, пальцу причинили какое-нибудь повреждение, ведь

страдаю я, а не палец. То же самое происходит в Церкви. Когда мы входим в Тело Христово, то отказываемся от своего отдельного существования, чтобы было по слову апостола Павла: *не я живу, но живёт во мне Христос* (Гал. 2:20). Как в теле живёт не каждый отдельный член его, а тот, кому они принадлежат, так и в Теле Христовом живём уже не мы, члены этого Тела, а живёт в нас Христос.

Итак, что же такое Церковь и как мы в ней живём? Прежде всего, это не есть некоторая организация, как, например, приход. Приход нужен нам для наших действий, но не составляет сущность Церкви.

Вспомним, что делал Христос на земле. Он принёс в жертву Себя, Тело Своё, пострадал, но разве Он создавал Свою организацию? Правда, маленькая организация была – двенадцать самых близких Его учеников, затем ещё семьдесят близких и несколько сот последователей. Но что же дальше? Вот Христа распяли, и все ученики Его разбежались, изменили Ему, организация нарушилась. Но разве можно видеть в этом неуспех дела Христова? Нет, Христос пришёл вовсе не для создания организации, а для того, чтобы дать Своё Тело людям, которые восприняли бы Его, сделались Его частью и через то получили спасение. В этом смысле понятно требование Спасителя отдать Ему свою душу, делаясь частью Его Тела: *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет её* (Мк. 8:35).

С этой точки зрения становится понятной и заповедь о любви друг к другу (см.: Ин. 13:34). Любить друг друга мы должны как члены одного Тела, из любви Христовой. Как, если у меня болит палец, страдаю я, так и в Церкви: когда страдаю я, страдает Христос. А потому и всякая помощь, и духовное врачевство других людей есть услуга Самому Христу. И потому отнюдь не в переносном, а в прямом и точном смысле скажет Христос на Страшном Суде: *Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня* (Мф. 25:42–43). И на вопрос людей: *Когда*

мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице? – ответит: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне (Мф. 25:44–45).

Нужно не только понять это определение, но постоянно помнить его, прочувствовать, проникнуться им и воспитать себя в его свете. Ибо если мы будем жить как члены Церкви – Тела Христова, то будем иметь общение и с Главою Тела, а это и есть настоящая духовная жизнь. Толкуя стихи 4 и 5 главы 12 Послания к римлянам,

Иоанн Златоуст говорит, что единение в Телѣ Христовом есть основание для взаимной любви христиан. «И [апостол], когда ведѣт речь о внешних, говорит: *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми (Рим. 12:18)*; когда же рассуждает о своих, говорит: *Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью (Рим. 12:10)*. Там требует, чтобы они не ссорились... а здесь повелевает любить друг друга и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говорит он, должна быть не только не притворная, но крепкая, горячая, пламенная... Не жди, чтобы другой проявил к тебе любовь, но сам стремись к нему и начни первый, так как тогда ты приобретѣшь награду и за его любовь»⁴¹¹.

Итак, Церковь есть Тело Христово, а не общество. И проводить свою жизнь в Боге нужно, ясно осознав, что я живу уже не сам, но как часть в Телѣ Христовом – *не я живу, но живѣт во мнѣ Христос (Гал. 2:20)*.

В этом также есть путь к смирению. Это понятие Церкви – не слова, не рассуждения только, его нужно воспринять всем своим существом, как это было у отцов Церкви. Тогда станут понятны и отношения между членами Церкви, ибо я должен любить их уже не потому, что они мне нравятся или что они мне близки, а потому, что они, как и я сам, являются частями Тела Христова, в них – в каждом по отдельности и во всех вместе – живѣт Христос. Вот мы пришли и ищем спасения в Церкви. Ну а как те, которые вне Церкви (сектанты)? Мы знаем, что говорят они: во мнѣ Христос, в тебе Христос, в нём Христос – мы собрались и образовали церковь. Будто за какое-то достоинство

наше, за нашу чистоту вселяется в нас Христос. Православное учение говорит нам не то. Оно говорит, что не Христос вселяется в нас по заслугам нашим, а мы, недостойные и грешные, по Его неизречённой милости к нам, вошли в Его Тело и живем в нём.

Православную Церковь часто упрекают: вот, мол, у вас там и грешники, и прелюбодеи – разве это Церковь? Но не то же ли говорили о Христе, не так ли и Его осуждали, когда Он ел и пил с мытарями и грешниками (см.: [Мф. 9:7](#); [Мк. 2:16](#))? Как Христос *пришёл взыскать и спасти погибшее* ([Мф. 18:11](#); [19:10](#)), так и Церковь существует для грешников, а не для праведников. Здесь мы, по великой милости Господней, очищаемся Телом и Кровью Его, и если не отсекились ещё своими проступками от Тела Его, то не страшны нам упреки других, ибо ведь Христос всех звал и приходящего к Нему не изгонял вон, а прощал и очищал.

Поэтому на упреки мы отвечаем, что грешники, приходящие в Церковь, каются, желают жить лучшей жизнью, понимают, что не имеют сил сами исправиться, и верят, что в Церкви Христос очистит их. Вот глубокое различие между Церковью и всяким мирским сообществом: разве в сообщество допустят вора или блудника? На раскаяние его не посмотрят, а захотят, чтобы он прежде на деле доказал, что он исправился, и тогда, может быть, его примут. Церковь же поступает не так. Здесь кающиеся тотчас же принимаются, входят в Тело Христово, очищаются и получают возможность жить в Боге. И нам не страшно, когда нам указывают на этих грешных людей. Да, они грешные, но хотят исправиться и идут к исправлению, хотя, быть может, и часто падают. Но и тогда они тотчас же могут искупляться и омываться Кровью Господа. В конце каждой литургии, после приобщения, священник вкладывает в потир частицы, вынутые из просфор за членов Церкви, и говорит: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде, Кровию Твоею честною...»

Одним словом, мы должны совершенно перестроить наше понятие о Церкви. Это не есть какая бы то ни было организация, вроде приходской общины или хотя бы даже всей Русской Церкви. Внешняя организация нужна для нас, но не в этом, не в

общественной жизни – главное дело Христово. Основа Его дела – Пречистые Его Тело и Кровь, ибо Христос не только воплотился, пострадал при Понтийском Пилате и искупил нас когда-то, но и дал нам Своё Тело, которое есть Церковь. Об этом учили отцы Церкви, а мы об этом позабыли.

Когда мы начинаем жить духовной жизнью, то не живём уже сами, как те, кто не в Церкви. В нас живёт Христос, Который в нас и страдает, и плачет, и соединяет всех нас в Себе. И это не потому, что мы какие-то особенные, достойные, а лишь потому, что мы – члены одного Тела. Святые отцы чувствовали это и передавали нам. В древние времена у далеких предков наших единение верных в Церкви было полным: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина* (Деян. 4:32).

«А теперь не так, но совершенно напротив: между всеми множество разного рода браней; мы – члены – расположены друг к другу хуже диких зверей. Христос соединил с Собою тебя, настолько отделившегося от Него; а ты не хочешь даже с братом соединиться надлежащим образом, но отделяешься от него, удостоившись от Владыки такой любви и жизни»⁴¹⁴. «Всё, что бы ты ни делал для брата, восходит к Владыке твоему, и Он, как бы Сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебя за это»⁴¹⁵.

Вы видите, Иоанн Златоуст сам чувствует себя частицей Церкви – Тела Христова, чувствует, как другие частицы отсекаются, отъединяются от этого Тела, и он скорбит, негодует, умоляет не порывать живой связи с Церковью и с её Главою – Христом.

Подведём теперь итог. Церковь есть Тело Христово, а все мы – члены этого Тела; в нас живет Христос, но не потому, что мы достойны этого, а потому, что мы вошли в Его Тело и «предали» свою душу, чтобы жить во Христе. Я люблю Бога и не любить Его не могу, ибо живу Им, Его жизнью. Точно так же я люблю своих братьев именно как членов единого Тела. И это не слова только, а сама жизнь, что в лице братьев я накормил Христа, помог Христу. Это основная предпосылка истинного делания.

Чтобы спастись, чтобы жить подлинной жизнью, необходимо приобщиться Плоти Христовой. И вот от апостолов и до учителей наших дней преподаётся нам учение, что этой Плотью, дарованной Христом миру, является Его Святая Церковь. Вступая в неё и приобщаясь Тела и Крови Христовых, мы, отсечённые, присоединяемся к Телу и начинаем жить Его жизнью.

В этом отношении понятна молитва священника над кающимся: «Примири и соедини его Святей Своей Церкви», – ибо совершение греха от неё отъединяет.

В Церкви мы спасаемся вовсе не потому, что пришли в некую организацию, – забудем об этом понятии, оно не может быть применено к Церкви. Церковь есть Тело Христово, и если, входя в неё, мы будем продолжать жить сами по себе или же потеряем приобретённое вначале живое единство, то станем мертвы и составим лишь одну видимость Тела Христова.

И как недостойно приступающие к Святым Тайнам приобщаются Телу и Крови Христовым не во исцеление души и тела, а в суд и во осуждение⁴¹⁶, так и мы, живя недостойно в Церкви, вместо спасения получаем себе ад и осуждение. Да, нужно всецело перестроить своё отношение к Церкви, нужно живо почувствовать себя членом Церкви как единого Тела Христова, и только тогда, только этим путём мы достигнем истинной совместной жизни во Христе.

Аминь.

О Церкви (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Самый наш большой грех заключается, может быть, в том, что мы забываем, что все мы содействуем своё спасение не одни, что все мы вместе идём по этому пути, все связаны друг с другом как члены одного Христова Тела – Церкви.

В нашей грубой эгоистичной жизни мы постоянно забываем, что состояние моей души и спасение моё зависит от состояния окружающих меня людей и, наоборот, их состояние и спасение зависит от того, как я живу, как влияю на них.

Об этом всегда надо помнить, а мы постоянно забываем, погружаясь исключительно в себя, занятые своими эгоистическими стремлениями. Мы должны совокупно терпеть недостатки друг друга и подавать друг другу руку помощи, если же будем судить дела ближних, то никогда не исполним закон Христов. Мы должны помнить слова апостола и завет, данный нам Батюшкой: *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6:2).

Иоанн Златоуст, толкуя это место из апостола, говорит о том, что в точном переводе нужно сказать «восполните», а не «исполните». То есть закон Христов в целом исполнить никто не может, но если каждый будет исполнять часть Его, каждый в меру своих сил и способностей, то, восполняя друг друга, мы все вместе исполним его.

Каждый не может быть всем. Если бы члены нашего тела захотели каждый исполнять дело всех, то из этого бы ничего не вышло. Для многих из вас эти слова являются обличением, ибо мы забываем, что, прежде всего нам нужно сносить недостатки людей, забывать себя, помнить о своих грехах. Если ты ленив и медленен, а брат твой горяч, то потерпи его горячность, чтобы он потерпел твою медлительность.

Нам нужно радоваться духовному росту ближнего. И если мы видим, что кто-нибудь помогает другому, несёт его тяготы, мы не должны завидовать, а радоваться, ибо, помогая ему, он помогает и нам, потому что все мы связаны неразрывною

цепью. Особенно это отосится к духовному отцу. Если духовный отец помогает одному, то он тем самым помогает и другому, помогает всем, ибо от спасения окружающих зависит наше спасение.

Мы должны сами подойти к тому человеку, которому помогают, который нуждается в помощи, и постараться тоже помочь ему. И этим мы принесём пользу главным образом самим себе.

Особенно мои слова должны быть понятны тем, кто знал Батюшку, который говорил всегда: «Любите людей, разгружайте их».

Слова апостола *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*, не должны быть для нас только словами, которые мы читаем, открывая Послание к галатам или придя к Батюшке на могилку, и сейчас же забываем... Нет, мы должны исполнить их, ибо наши великие церковные учителя, память которых мы совершаем во второй половине января, все говорят о том, что всякое слово Священного Писания нужно читать делами⁴¹⁷.

Итак, если мы действительно хотим исполнить закон Христов, то должны помнить, что все мы неразрывно связаны друг с другом в одном Теле Христовом – Церкви.

Иного пути нет для исполнения заповедей Христовых.

Исполняя так закон Христов, бережно относясь к чужой душе, помня, что в ближнем наше спасение, мы мало-помалу будем входить в Царствие Божие.

Аминь.

О мире

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Христианство устами Евангелия и святых отцов говорит, что для достижения совершенства необходимо отречься от мира. Но что значит «отречься от мира»?

Христос сказал: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18:36); и ещё: *Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15:19). Что это значит?

Дело в том, что слово «мир» в христианском опыте имеет несколько значений. Первое из них – это мир как создание Божие, вселенная, только что вышедшая из рук Творца. Этот мир прекрасен, в нём *вся... добра зело* (Быт. 1:31), им любитесь Сам Создатель. Отречься от этого естества, от этого Божия творения – противоестественность и безумие, и не к этому зовёт Христос, не к этому призывают грядущие вослед Ему святые отцы. Слово «мир» значит ещё «грех»: этот-то мир – мир как грех, как повреждение, искажение естества, как «неестественность» – этот-то мир и не есть от Отца (см.: 1Ин. 2:16), он-то и борется с Богом, и его надо убегать.

Мир, в котором мы живём, был когда-то прекрасен, преисполнен красоты, но человек, согрешив, внёс в него свой грех, и теперь всюду первая красота осквернена печатью греха, божественно естественное всюду здесь перемешано с дьявольски неестественным. Живя в этом мире, мы должны помнить слова Господа, сказавшего, что мы *не от мира сего* (ср.: Ин. 18:36), мы должны помнить, что христианство есть борьба за Царство Божие с царством дьявола, брань с миром. При крещении над каждым из нас была прочитана молитва, в которой Церковь устами священника просила у Господа для нас благодати «во еже бегати суеты мира», то есть бороться с грехом, с искажением естества.

Но как бороться с миром, как уйти от него? Многие из желающих спастись уходят в монастырь, и дальше – в пустыню, в полное уединение. Но такой внешний уход есть ещё очень малое. Уйти от мирской жизни не значит уйти от греха, который

во всяком месте может поселяться в душе человека. Можно уйти в пустыню и не уйти от мира, но зато от «мира» можно уйти, оставаясь в миру. По словам Антония Великого, который и сам выходил из пустыни в мир, истинные христиане пользуются миром, но по внутреннему человеку они беседуют с Богом, а не с миром. «Живи так, – говорит он, – как бы тебя не было в мире сем, и обретёшь покой»⁴¹⁸. Святые не видят греховных дел мирских людей по неимению к тому чувства, мирские же люди не видят добрых дел святых по той же причине.

Отречение от мира состоит не в том, чтобы уйти куда-то от этого мира, но чтобы быть в ином ведении. Подлинное отречение от мира есть умерщвление в себе чувственного переживания зла, греха, перемешанного в мире с добром, и способность воспринимать только добро. Надо начинать бороться с миром, со страстями в собственной душе, и чрез это очистится и освятится тот мир, в котором ты живешь. Чистота душ святых укрощала диких животных, делая их кроткими и покорными. Медведь не боялся и не трогал ни преподобного Сергия, ни преподобного Серафима в их уединении, но брал пищу из их рук.

Мир, с которым мы должны бороться, заключён в сатане. Ещё при крещении мы отреклись от него, возненавидев мир. Нельзя быть детьми дьявола и Бога, нельзя служить дьяволу и Богу – потому убьём в себе всё мирское. Мы должны быть мёртвыми миру. Кто не возненавидит душу свою, т. е. всё мирское в ней, тот не может идти за Христом (ср.: [Лк. 14:26](#)). Борись с миром и помни, что он врывается в тебя только через твою душу. Этим же путём шли все величайшие угодники Божии, этим же путём надо идти и нам, если желаем быть христианами. Разница между подвижниками – только в степени борьбы. Борьба эта возможна всегда и при всяких условиях. Правда, в определённом отношении монахи поставлены в лучшие, более удобные условия для борьбы с миром. Но «мир» есть и в монастыре, он сопровождает в самую далекую пустыню того, кто не очистил своей души; всюду есть свои трудности и искушения.

Надо ли всем желающим спасения внешне уйти от мира? Нет. В борьбе с миром всё индивидуально. У каждого свой путь, свой подход ко Христу. Нельзя всех людей ставить в одни рамки. Есть люди, которым вовсе не надо идти в монастырь. Нужно только всегда помнить, что мы дали обет борьбы с миром и с князем века сего и что борьба эта происходит в душе нашей, а не вне нас. По слову апостола, мы можем всем пользоваться, *но как не пользующиеся* (1Кор. 7:31). У каждого здесь свой путь.

Возьмём хотя бы отношение Церкви к науке. Что говорит здесь опыт святых отцов? Мы видим, что одни из подвижников бежали от условий мирской жизни, бежали от её культуры, им это было необходимо. Так сделал Арсений Великий – один из самых образованных людей своего времени. С другой стороны, мы знаем, что великие святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст изучали эллинскую мудрость. Авва Дорофей занимался медициной, многие инокис несли светские послушания, а один из святых отцов даже говорит, что науку отрицают только лентяи. Таким образом, для желающего стяжать духовную мудрость не обязательно вовсе отказываться от светской. Весь вопрос в том, что мы берём от последней. Нужно во всём видеть и находить естественное, «со всего срывать цветки», как говорит Василий Великий, «убегая всего неестественного». Есть и в эллинской мудрости нечто божественное, что и почерпали в ней три вселенских учителя и святителя. Но в отношении всего, что даёт нам жизнь мирская, в отношении каждого явления культуры мы должны, прежде всего ставить вопрос, сколько здесь божественного и нужно ли и можно ли поэтому нам к нему подходить. Читая какого-нибудь писателя или глядя на какую-нибудь картину, нужно непременно справляться со своей душой, какое воздействие оказывает на неё воспринимаемое, возвышает ли и очищает или является соблазном.

Итак, борьба с миром – это борьба не против естества, но за естество. Но как узнать нам, что естественно и что неестественно, противоестественно? Будучи слепым, как слепы мы, у которых душа полна греха, можно не видеть дьявольского и не находить божественного. Вот для прозрения-то и

необходим нам святоотеческий опыт, необходимы наставления
духовного отца, умудренного в знании человеческой души.
Аминь.

О молитве (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Говорить о необходимости, о пользе молитвы, кажется, незачем. Всё то, чем мы живём в этом мире, – книги святых отцов, церковное богослужение, даже Священное Писание – всё это прекратится в том мире, останется только одно – молитва. Без молитвы мы не можем жить духовно. Святые отцы говорят, что «молитва... есть пребывание и соединение человека с Богом»⁴¹⁹, они называют молитву дыханием духовной жизни. Какова молитва наша, такова и духовная жизнь. «Как тело наше по удалении души, – говорит авва Евагрий, – бывает мёртво и смрадно, так и душа, в которой не действует молитва, мертва и смрадна. Но что лишение молитвы должно считать горшим всякой смерти, этому явно учит нас пророк Даниил, который готов был лучше умереть, нежели лишиться себя молитвы в какой-либо час. Бога надобно вспоминать чаще, нежели дышать»⁴²⁰.

В 28-м слове своей «Лестницы» Иоанн Лествичник называет молитву «зеркалом духовного возрастания»⁴²¹, а в другом месте говорит: «Устроение твоё покажет молитва, ибо богословы утверждают, что молитва есть зеркало иноков (спасающегося. – О. С.)»⁴²².

Но святые отцы постоянно говорят, что нужно научиться молиться. Молитва – это не только те радостные минуты, когда мы, становясь на неё, чувствуем Бога, но и труд.

Учиться молиться – но разве молитва не дар Божий? Святые отцы говорят, что всякая добродетель, в том числе и молитва, является, конечно, даром Божиим, но, тем не менее, мы ко всему должны прилагать и своё старание, должны научиться и молитве. У преосвященного Феофана⁴²³ есть брошюра под заглавием «Как научиться молиться». Прочитав лишь это заглавие, многие могут сказать: посмотрите, до какого «ремесленного» состояния дошло Православие. Многим не только может показаться странным, но они назовут это хулой на Бога – молиться, когда не хочется, когда нет настроения: да как

же я буду молиться, какая же это будет молитва? Опыт святых отцов говорит, что это не так. «Будь мужествен во всех случаях, и Сам Бог будет твоим учителем в молитве... Ибо она (молитва. – О. С.) в самой себе имеет учителя – Бога, учащего человека разуму, дающего молитву молящемуся и благословляющего лета праведных (ср.: Пс. 93:10; 1Цар. 2:9)»⁴²⁴. Не мы сами будем учить себя молитве, даже и не святые отцы, а Сам Бог будет нас учить.

Что же такое молитва в смысле нашего духовного состояния? Каково наше психическое состояние в процессе молитвы? Иоанн Лествичник с этой точки зрения разделяет молитву на три части – начало, середину и совершенную молитву: «Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина же её – в том, чтобы ум заключался в словах (молитвы. – О. С.), которые произносим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу»⁴²⁵. Разве все вы не помните тех минут, когда впервые почувствовали, что вознесли своё сердце к Богу, что вы уже не одни? Разве у нас, у несовершенных и ничего ещё не достигших, не бывает этого восхищения ко Господу, радости, что Бог слышит тебя? Человеку, который только ещё начал молиться, бывает дано отгнание помыслов, а также, в его мере, то радостное состояние, что даётся совершенным. Так, Господь на горе Фаворской показал апостолам радость пребывания с Ним, радость молитвы. Они ещё ничем не заслужили её, она была получена ими даром. Апостолы были до того преисполнены этой радостью, что самый пламенный из них – Пётр – просил Господа задержать эти мгновения. Но Господь дал им пережить эту радость для того, чтобы в дальнейшем, в минуты сомнений и колебаний, они уже имели бы её в своем опыте, помнили бы иное состояние, дарованное им когда-то не по заслугам (см.: Мф. 17:1–6; Мк. 9:1–8; Лк. 9:28–36).

Эти же ученики находились затем с Господом в саду Гефсиманском, после прощальной беседы, Тайной вечери, сразу после того, как Он открыл им то, чего дотоле ещё не открывал, – и Господь молился в Гефсиманском саду до

кровавого пота, молился пламенно, и это была Его последняя молитва. А ученики не исполнили Его последней просьбы – бодрствовать с Ним, они заснули (см.: Мф. 26:36–46; Мк. 14:33–42; Лк. 22:40–46). Так же бывает и с нами.

Господь по неизреченной Своей милости и, если можно так выразиться, «духовной педагогике» даёт нам, новоначальным, сразу почувствовать вершину молитвы, даром даёт великую радость восхищения к Нему. Но вот те первые мгновения становятся всё реже. Начинается процесс борьбы за их стяжание, путь испытаний. Пётр, даже познав ранее эту радость, отрёкся от Спасителя (см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 25–27), но на своём крестном пути стяжал её вновь. Он во всей полноте ощутил свет Фаворский, когда был распят головою вниз и радовался, видя Христа, идущего за его душой.

Нам также предстоит делать эту работу. Евангелие – книга не только Божественная, но и человеческая, в ней раскрываются и человеческие слабости. Когда дар Божий отходит от нас и «мир» входит в нашу душу, заволакивает радость молитвы, это происходит потому, что мы сами ещё ничего не сделали. Бог нас коснулся, но мы ещё не трудились сами, и потому с нами случается то же, что с Петром.

Говоря о начале молитвы, Иоанн Лествичник имеет в виду не эти первые радостные минуты, но то, что следует за ними. Когда мы становимся на молитву и хотим беседовать с Богом, часто вместо этого приходят одна за другою различные мысли (состояние это святые отцы называют «парением мысли»), и нам начинает казаться, что это недопустимо и молитва должна быть прекращена. Но Иоанн Лествичник думает иначе: «Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы...»⁴²⁶ «Непрестанно борись с парением твоих мыслей, – пишет он, – и когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных послушников Бог не ищет молитвы без парения. Потому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушествуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию; ибо никогда не быть расхищаему мыслями свойственно одному ангелу»⁴²⁷.

Если начало молитвенного пути предусматривает необходимость бороться с помыслами, не скорбя и благодушествуя, то на середине его требуется заключать ум в слова молитвы. Под словом «ум» святые отцы понимают не интеллект, а самый центр духовной жизни, всё наше внутреннее существо. Если мы читаем ту или иную молитву, например: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас», – то ум наш должен заключаться именно в этих словах.

Можно сделать такое сравнение: я еду в вагоне и с кем-нибудь беседую. Беседа меня увлекает. Несмотря на то, что я слышу посторонние звуки и разговоры, центр моего внимания направлен на те слова, которые произношу я и [произносит] мой собеседник. Но вдруг я начинаю чувствовать, что уже плохо слушаю то, что говорит мой собеседник, что я ловлю слова и оттуда, и отсюда, а затем – что уже только делаю вид, что разговариваю лишь с одним человеком. Так же и в молитве могут нас отвлекать всякие помыслы, но надо стараться, чтобы ум наш не рассеивался. Между тем мы зачастую даже оставляем молитву, когда нам навязываются другие мысли, мы идём за ними и где только в мыслях не побываем. Ум наш тогда заключается не в молитве, а в чём-то совсем другом – и это потому, что мы не отгоняли помыслы в самом начале.

А вот что говорит Иоанн Лествичник: «Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль, или, лучше сказать, заключай её в слова молитвы. Если она, по младенченственности твоей, утомится и впадёт в развлечение, то опять введи её в слова молитвы, ибо непостоянство свойственно нашему уму. Но Тот, Кто силен всё утвердить, может и уму нашему дать постоянство»⁴²⁸.

Для нас важно осознать, что и святые отцы прошли через всё это, что и для них совершенство было не только даром, но и завершением пути. Новоначальным же третье состояние молитвы даётся на первом этапе даром, чтобы они знали, куда идут, за что борются.

Совершенная молитва состоит в том, что слова совсем уходят, человек прямо видит Бога, и сердце его восхищено к Нему. Для святых подвижников такая молитва есть дар

заслуженный. И вне этого пути иного нет. Иоанн Лествичник лучше и яснее всех сформулировал, что такое молитва, но и у других святых отцов, например у Симеона Нового Богослова, мы находим вполне сходные мысли. Святые отцы с разных сторон подходят к этому вопросу, и чувствуется, что противоречий между ними нет. Молитве нужно учиться, и в том же смысле, как вообще учатся какому-нибудь искусству или науке.

Возникает вопрос, молиться ли нам по святоотеческому опыту, теми молитвами, которые составили подвижники, или учиться самим их слагать и начинать этот путь заново.

Нам уже ясно, что тем, кто хочет бороться за Царство Христово, нужно в жизни своей следовать опыту святых отцов, учиться на основании того опыта, который оставлен предшественниками. Собственное творчество этим не уничтожается, но, напротив, ещё более выявляется, делается более совершенным. Вот почему Святая Церковь указывает молиться теми молитвами, которыми молились святые подвижники. И даже из молитвенного опыта святых отцов она принимает далеко не всё, выбирая наилучшее из лучшего. Так, из многочисленных молитв Симеона Нового Богослова взяты для употребления только две.

Для тех, кто имеет хоть некоторый опыт в деле молитвы, понятно, почему святые отцы напоминают ставшим на молитву о делах лукавого и повелевают оставаться на ней, несмотря на все его ухищрения, на всю свою рассеянность. А мы, которые и вообще мало уделяем времени молитве, которым всегда некогда, сдаемся без боя. Нам кажется, что когда нет желания, нет побуждения, незачем и молиться. «Долго пребывая на молитве и не видя плода, не говори: я ничего не приобрёл; ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение; и какое благо выше сего – прилепиться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним?»⁴²⁹

Если мы со смирением будем идти по этому пути, Господь «засчитывает» нам и эту рассеянную молитву. Только со своей стороны мы должны приложить все усилия. Так говорят

оптинские старцы Амвросий и Анатолий. Новонаначальному нечего и думать о молитве без парения мыслей.

В борьбе за Царство Божие первое место принадлежит не добродетели, а молитве. К чему стремится человек? Он ищет соединения с Богом.

А если так, значит, в основу всего надо положить молитву. Марк Подвижник говорит, что «невозможно [нам] восстановить в себе образ Божий иначе, как только благодатию Божиего и верою, когда человек с великим смиренномудрием пребывает умом в непрестанной молитве»⁴³⁰.

Мы, русские, широкие, порывистые натуры, без выдержки, готовые на многое под влиянием минуты. И нам надо понять: в молитве необходим упорный труд.

Аминь.

О молитве (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святые отцы наставляют нас: если ты молишься только тогда, когда встал на молитву, то ты совсем не молишься. Пребывать и соединяться с Богом мы должны непрестанно. *Непрестанно молитесь (1Фес. 5:17)*, – говорит апостол. И святитель Григорий Палама увещевает нас относить эту заповедь не только к монахам, но и ко всякому христианину. «Пусть никто не думает, братия мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не и миряне. Нет, нет; все мы, христиане, имеем долг всегда пребывать в молитве. Ибо смотрите, что святейший Патриарх Константинопольский Филофей пишет в житии святого Григория Солунского: «Имел святитель сей друга возлюбленного, Иова по имени, человека простейшего, но многодобродетельного, с коим беседуя однажды, владыка сказал о молитве, что всякому вообще христианину надлежит подвизаться в молитве всегда и молиться непрестанно, как заповедует апостол Павел вообще всем христианам: *Непрестанно молитесь (1Фес. 5:17)*, – и как говорит о себе пророк Давид, при всём том, что был царь и имел попечение о всём царстве своём: *предзрех Господа предо мною выну (Пс. 15:8)*, то есть всегда мысленно зрю Господа предо мною в молитве моей. И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух. Говоря это и многое другое другу своему Иову, святитель прибавил ещё, что, повинувшись заповеданиям святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех вообще: и монахов, и мирян, и мудрых, и простых, и мужей, и жён, и детей, и побуждать их молиться непрестанно.

Слышавшему сие старцу Иову показалось это новым делом, и он начал спорить, говоря святителю, что молиться всегда есть дело только аскетов и монахов, кои живут вне мира и сует его, а не мирян, кои имеют столько забот и дел.

Святитель привёл новые свидетельства в подтверждение сей истины и новые неопровержимые её доказательства, но старец Иов не убедился и ими. Тогда святой Григорий, избегая многословия и любопрепирательства, замолчал, после чего каждый пошел в келию свою.

Когда потом Иов молился наедине в келии своей, является ему ангел, посланный от Бога, *Иже всем человеком хочет спастися и в разум истины приити* (1Тим. 2:4), и, укорив его, зачем спорил со святым Григорием и противился явному делу, от коего зависит спасение христиан, возвестил ему от лица Божия, чтоб вперед внимал себе и остерегался говорить кому что-либо противное сему душеспасительному делу и противиться воле Божией, даже и в уме своем, чтоб не держал противного сему помысла и не позволял себе мудрствовать разное с тем, что сказал святой Григорий. Тогда простейший старец Иов тотчас поспешил к святому Григорию и, припадши к ногам, просил прощения в противоречии ему и любопрительности и открыл ему всё, что сказал ангел Господень.

Видите теперь, братия мои, как имеют долг вообще христиане, от мала до велика, молиться всегда умною молитвою: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!* – так, чтоб ум их и их сердце навык имели всегда изрекать священные слова сии. Убедитесь же, сколько благоугождается сим Бог и сколько великое от сего происходит благо, когда Он по безмерному Своему человеколюбию ангела небесного послал объявить нам, чтоб никто более никакого не имел в сем сомнения⁴³¹.

Непрестанная молитва была у святых так называемым умным деланием. Но это – мера совершенных, и мы не можем об этом даже помышлять. Нам нужно, прежде всего, стараться иметь постоянную память о Боге, и тогда увидим, что Господь всегда с нами, что не Он нас, а мы его оставляем и забываем, вспоминая о Нём только тогда, когда нам надо вставать на молитвенное правило, на нашу утреннюю или вечернюю беседу с Ним. Но и такая беседа будет возможна лишь тогда, когда мы и в иное время постоянно с Ним пребываем и соединяемся. К памяти о Боге должно быть присоединено и краткое

призывание, произносимое время от времени: «Господи, помилуй», «Господи, спаси» – или ещё какое-либо в зависимости от того, кому какая молитва ближе.

Что же может помочь нам в непрестанном памятовании о Боге? Святые отцы говорят, что молитва имеет свою мать – молчание. «Благоразумное молчание есть мать молитвы»⁴³². Все мы нередко чувствуем, что изнемогаем, потому что «выболтали» свою душу, истощили её тем «многоглаголанием», против которого предостерегают святые отцы. Для того чтобы собрать душу и отогнать помыслы, надо стараться меньше говорить, в особенности – не судить и не пересуживать, говорить же только, что необходимо. Многоглаголение оказывает на молитву самое вредное действие, «помрачая её», а «любитель молчания приближается к Богу и, тайно с Ним беседуя, просвещается от Него»⁴³³.

Нам уже понятно, что надо бороться с помыслами и возвращать ум к словам молитвы, когда стоишь на молитве. Но это относится не только к молитвенному правилу, к молитве как беседе с Богом, но и к постоянному ощущению нашего пребывания с Богом, к непрестанному памятованию о Нём. Иначе и на молитвенном правиле мы не заставим наш рассеянный ум обратиться к Богу.

«Если ты постоянно обучаешь ум твой не удаляться от тебя, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – то он будет близ тебя и во время трапезы. Если же он невозбранно всюду скитается, то никогда не будет пребывать с тобою»⁴³⁴. Итак, нужно возвращать наш ум к Богу не только стоя на молитве, но приготавливаться к беседе с Ним весь день, всю жизнь – и это само по себе уже будет молитвой. Особенно должны мы делать это перед своей утренней или вечерней молитвой.

Кроме благоразумного молчания, к молитве подготавливает нас и послушание. Вот что говорит по этому поводу тот же Иоанн Лествичник: «Видел я блистающих послушанием и по возможности не нерадящих о памяти Божией, совершаемой умом, которые, ставши на молитву, вскоре овладевали умом и проливали потоки слёз, потому что были предуготовлены святым послушанием»⁴³⁵.

О приготовлении к молитвенному предстоянию Богу святые отцы говорят так: «Мы, которые грядем предстать Царю и Богу, беседовать с Ним, не готовые должны исходить в путь сей, чтобы Он, издавша узрев нас, не имеющих оружия и одеяния, которые должны иметь предстоящие царю, не повелел Своим рабам и служителям связать нас и далече от лица Своего отринуть, а прошения наши разодрать и бросить нам в лицо»⁴³⁶.

Многие из нас начинают молиться, доканчивая какое-нибудь дело – причесывание или умывание, например, как бы не видя никакой разницы между беседой с Богом и обычным делом. А между тем, и при перемене телесного состояния человек не остаётся неприготовленным: выходя на мороз, надевают шубу, в жару – лёгкие одежды и т. д. Вставая на молитву, мы хотим сразу же начать борьбу за неё, когда ещё и за приготовление к ней не боролись, не изгнали из души нашей всё скверное, всё мирское, что есть в ней, и хотим преднести его вместе со словами молитвы пред лице Божие.

Мы часто болтаем по дороге в храм и, входя в него, продолжаем это занятие; если же идём одни, то думаем о наших делах и также ничего не делаем для приготовления ко входу в храм. А если ещё тут у нас много знакомых, сейчас же пойдут разговоры, суды-пересуды, и начавшаяся служба застаёт нас врасплох (и хорошо ещё, если придём к началу), не имеющих оружия и одеяния, которые надлежит иметь предстоящим Царю.

«Се, Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща»⁴³⁷ – это относится не только к Страшному Суду, но и к обычному предстоянию нашему перед Богом, когда мы имеем полную возможность приготовиться и всякий раз не делаем этого. «Кто, занимаясь каким-либо делом, продолжает его и тогда, когда настал час молитвы, тот бывает поруган бесами; ибо то и намерение у сих татей, чтобы одним временем похищать у нас другое»⁴³⁸.

«Во время молитвы не рассматривай даже и нужных духовных вещей. Если же не так, то потеряешь лучшее»⁴³⁹.

Что же самое главное в приготовлении к молитве, на что надо обратить наибольшее внимание? «Когда идёшь предстать

пред Господом, да будет вся риза души твоей соткана из нитей, вернее же сказать, из залога непамятозлобия. Если не так, то не получишь от молитвы никакой пользы»⁴⁴⁰. Это непамятозлобие непременно должно быть с нами, иначе из нашей молитвы ничего не получится. А между тем мы часто начинаем молитву со злобою на кого-нибудь, и в этом случае наша молитва обречена на неудачу, «прошение наше будет разодрано». Таково наше обычное делание. Святые отцы призывают: «Восстав от миролюбия и сластолюбия, отвергни попечения, совлечись помышлений, отрекись тела, ибо молитва есть не иное что, как отчуждение мира видимого и невидимого»⁴⁴¹. «Всякое ныне житейское отложим попечение», – поётся в Херувимской песни. «Отложим попечение», т. е. забудем обо всём том, что в этой жизни мы делаем скверного и злого. «Как земному царю мерзок, кто, предстоя ему, отвращает от него лицо и со врагами владыки своего беседует, так и Господу мерзок бывает предстоящий на молитве и приемлющий нечистые помыслы»⁴⁴². Возьмите любой молитвенник: там вслед за словами «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» предлагается оставить всякий помысел, утишить душу и тогда только приступить к молитве.

Но надо не только готовиться к молитве, надо и после неё охранять себя. Нам обычно кажется: вот помолился, сделал своё дело – и всё. Но это не так. «Внимай себе трезвенно после молитвы, и увидишь, что толпы бесов, побеждённых нами, стараются после молитвы осквернить нас нечистыми мечтаниями»⁴⁴³. Больше всего борет нас после молитвы страсть гнева. «Когда трезвенно помолишься, вскоре будешь борим на гнев, ибо враги наши обыкновенно так поступают»⁴⁴⁴.

Часто, придя домой из церкви от причастия, человек вдруг поругается со всеми. Правда, можно сказать: *враги человеку – домашние его* (Мф. 10:36), хоть здесь и не в евангельском смысле. Многих это повергает в отчаяние: всё равно – что молился, что не молился, – нечего и в церковь ходить. Но этого не будет, если хранить себя после молитвы, и хранить в особенности от гнева. Охранять себя мы должны потому, что Господь, как говорит Иоанн Лествичник, спросит у нас плоды

нашей молитвы, а плодов у нас не будет, если не сохраним себя.

Итак, работая над молитвою, мы должны:

1. Постоянно пребывать с Богом через стяжание благоразумного молчания и послушания.

2. Становясь на молитву, откладывать всякое земное попечение и хранить непамятозлобие.

3. После молитвы охранять себя от гнева и других страстей, чтобы не ответить перед Господом за утерю плодов молитвы. Аминь.

О молитве (беседа третья)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

До сих пор мы говорили о том, что можно было бы назвать «техникой молитвы». Но что такое молитва по своей сущности? Разве не могу я молиться просто теми словами, которыми изливается и молится сама душа моя? Возможна ли молитва как моё личное творчество? Неужели я рабски должен следовать тому, что есть в молитвенниках и церковных песнопениях, неужели не могу сам творить? Такой образ мыслей нам понятен. Но, как и всё, о чём мы здесь говорили, вопрос этот тоже должен быть освящён святоотеческим опытом.

Сейчас в Москве и по всей Руси идет борьба за «Живую церковь»⁴⁴⁵. Если отбросить всю политическую грязь, все интриги, то есть же и там что-нибудь чистое, что привлекает туда сердца, ведь есть же и там искренние люди. Теперь говорят, что Церковь «лежит в параличе», что нет в ней духа живого. Если мы берёмся за изучение какой-нибудь науки, нельзя изучать её по одним лишь книгам, тем более, если наука эта опытная. Иначе наши занятия будут безуспешны. Это скажет вам любой естествоиспытатель, медик или химик. Но так и везде.

Нельзя изучать науку книжным путём, есть в ней нечто, что подлежит опытной проверке. Так и в искусстве. Если бы любой вундеркинд попробовал идти в искусстве собственным путём, то каждый профессор посоветовал бы ему, прежде всего, приобщиться к великому опытному богатству данной области, а потом, завоевав эту почву, на ней творить уже своё. То же и в религии.

Всякому, кто подумает, что весь святоотеческий опыт может быть познан только из книг, любой старец скажет, как сказал старец Леонид⁴⁴⁶, что эти творения надо «деяньми» читать⁴⁴⁷. Наше положение таково: мы даже не дети, мы ребята новорождённые, которые ещё и ползать-то не умеют, мы нисколько не проверили пути святых отцов своим опытом. Нам надо учиться, но не просто по книгам. Эти книги для верующего

то же, что для изучающего литературу история литературы. Мы должны всякое слово здесь проверить на своём собственном опыте, творить святоотеческий опыт для себя заново. Иначе это будут лишь сведения. И вот, с Богом, давайте молиться. Принимая святоотеческий опыт, мы становимся воинами Царства Божия и должны бороться, должны работать. Одна из частей этой работы есть изучение Слова Божия и работа над собой в связи с этим. Однако самое главное – это уничтожение тления нашей души. Когда мы говорим, что нужно охранять себя от всяких помыслов (иначе мы и молиться не можем), является вопрос: что же, молитва есть нечто отдельное от всей борьбы за спасение, от всего остального – опыта святых отцов? Душа тянется к Богу, чтобы очиститься. Исаак Сирий говорит, что «молитва есть умерщвление понятий, свойственных воле плотской жизни»⁴⁴⁸. Вот какова задача нашей молитвы – умерщвление не только греха в нас, но и самых «понятий, свойственных воле плотской жизни». Поэтому терпеливо пребывать на молитве значит отречься от самого себя. А постоянное пребывание на молитве есть хранение ума от помыслов скверных и нечистых. Итак, мы должны учиться молиться.

Святые отцы говорят, что устройство наше выявляется в молитве – «молитва есть зеркало духовного возрастания»⁴⁴⁹. Если я в течение всей своей жизни буду бороться с собой и если постоянно буду стремиться претворять в своей жизни и в этой борьбе святоотеческий опыт, как же в молитву, в высший момент этой борьбы я внесу всё то, что есть в душе моей, со всем скверным и нечистым? Разве не должен я приобщаться к молитве совершенных? В словах её заключён весь тот святоотеческий подвижнический опыт, который мы стараемся провести в жизнь. Начав молиться сам, ежедневно возносить к Богу свою собственную не очищенную ещё душу, не стану ли я не самоотречением заниматься, а самоутверждением – утверждением себя именно в той «воле плотской жизни», от которой требуется отречься? И такие люди не только не отрекаются от себя, но ещё и другим себя навязывают, стараются увлечь их за собою в импровизированной молитве.

Не есть ли это дьявольская работа? Разве ненастроенный инструмент может издавать правильные звуки?

Для нас этот вопрос должен освещаться опытом святых отцов. Они говорят, что следует прежде научиться молиться с помощью молитвы совершенных, а потом можно и о своём просить. Если Церковь есть Тело Христово, то отнюдь нельзя считать, что мы постоянно находимся в Церкви, ведь грех отсекает нас от неё, но мы снова приобщаемся к ней через Таинства покаяния и причащения.

Входя в храм, мы слышим молитву, написанную одним из святых отцов (а ведь не все молитвы святых отцов вошли в церковный обиход, но только лучшие из них), при этом мы знаем, что единственные подлинны члены Тела Христова суть святые. В церковном богослужении участвуем не только мы, но и Церковь небесная, и даже главным образом она, потому что, кто знает, не отсечены ли мы от Церкви. Молитва совершенных поднимает нас, ибо она есть подлинный духовный опыт, ибо именно в ней больше всего выявляется духовное устройство душ святых. Отсюда понятно, что мы должны ко всему этому относиться так же, как учёный к тому, что сделано до него в науке. Только восприняв всё это и проведя сквозь свой опыт, может он успешно работать дальше.

В Церкви, в религии действует тот же закон, что и во всей остальной жизни. Ведь молиться святоотеческой молитвой не означает вовсе оставить своё собственное творчество, но надо школу пройти. Впрочем, в школе можно самому пробовать свои силы, школа возвышает нас. Вне этой школы не может быть ничего. И если мы применяем святоотеческий опыт в жизни своей, то как же не применять его в молитве? Когда мы говорим о святоотеческом опыте, то должны в первую очередь иметь в виду молитвенный опыт подвижников, ибо в молитве заключается и более всего выявляется опыт святых отцов. Бог помогает нам, прежде всего в молитве. Он Сам открывается в ней.

Молитва есть выявление самой души. Наше счастье, что есть у нас святоотеческая молитва – молитва истинных членов Тела Христова, ведь, молясь ею, мы молимся с ними.

Церковная молитва дорога нам, потому что в храме мы молимся вместе с небесной Церковью.

Литургия, пресуществление Даров, совершается не по личной заслуге священника и присутствующих верующих, но по молитвам членов Церкви небесной и за них. В произносимой священником молитве: «Ещё приносим Ти словесную сию службу...» – Церковь молится обо всех людях, о грешниках, и праведниках, и святых, и включает эту молитву возгласом: «Изрядно (помолимся – О. С.) о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии»⁴⁵⁰.

Помните: «Да молчит всякая плоть человека»⁴⁵¹, «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат»⁴⁵²? Если так воспринимать церковную молитву, то понятно становится, почему она действенна: здесь молятся с нами святые угодники Божии. Но и дома, когда вы молитесь одни и читаете молитвы Василия Великого, Макария Великого и других подвижников, вы всё же не одиноки, не одни молитесь – они молятся вместе с вами. Это великое счастье, ведь их нет сейчас на земле, а мы имеем величайшую благодать молиться вместе с ними.

Наше обычное отношение к церковной молитве есть плод нашей интеллигентской поверхностности в отношении к Церкви. «Нас всех бы в школу отдать не мешало», как говорит Мефистофель у Гете⁴⁵³, – только не в ту, о которой он говорит, а в святоотеческую.

В чём выявилась наша несостоятельность? Мы растеряли всё, что имели. Эпоха преподобного Сергия, XV–XVI века создали русскую иконопись. А вот XVII–XVIII века и дальше – это уже в определённом смысле спад. Ведь много же было талантливых художников в XIX столетии, но писал ли кто-нибудь из них иконы? У них были подчас картины религиозного содержания, но не иконы. Икона же есть, прежде всего молитва.

Возьмите иконопись Троицкого собора в Сергиевой лавре. Молитва охватывает вас, едва вы туда войдёте, особенно теперь, когда ризы с икон сняты. Я думаю, что нашей эпохе не суждено стать эпохой нового церковного творчества. Творчество, конечно, возможно, но не теперь. Нам самим дал

бы Бог приобщиться к церковной сокровищнице, созданной угодниками Божиими, сделать её достоянием собственного внутреннего опыта и сохранить для будущего. Нам суждено вспахать почву, а сеять будут другие.

Аминь.

О страхе Божиим (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы все, братие и сестры, особенно страдаем двумя основными недостатками. Первый заключается в том, что мы не умеем молиться, не учимся молиться, не работаем над нашей молитвой, не готовимся к ней всею нашей жизнью. Вторым же наш недостаток – отсутствие того основного, что было у всех угодников Божиих, что и в Ветхом Завете у пророков, и в Новом Завете было неперенным условием служения Богу – страха Божия. У нас его нет совсем или почти нет, и теперь многим кажется, что он и вовсе не нужен. Мы слишком часто забываем, что Господь не только Спаситель, но и Судия, что не только милосерд Он, но и справедлив, и Святая Церковь не перестаёт напоминать нам о необходимости иметь страх Божий, она постоянно напоминает нам о нём через творения святых отцов, через молитвы и церковные песнопения.

Когда вы входите в церковь, вспоминайте, дорогие мои, молитву, которую произносит диакон на ектении: «О святем храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оный». Эта общая молитва, произносимая в начале ектении, служит основанием для следующих за ней частных прошений: «о страждущих, плененных» и т. д. Во время всенощного бдения мы поём: *Работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему со трепетом* (Пс.2:11); и пророк говорит Господу: *Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, в страсе Твоем* (Пс.5:8). В Священном Писании Ветхого Завета, в книге Иисуса сына Сирахова, указывается: *Страх Господень – слава и честь, и веселие и венец радости* (Сир.1:11). Этим говорится, что страх Божий нужен не для одних нас, новоначальных, но и для тех, которые не только шли, но и дошли и удостоились Царствия Небесного. Постоянное напоминание о страхе Божиим относится не только к нам грешным и боящимся Страшного Суда, но и к святым: *Бойтесь Господа, еси святии Его, яко несть лишения боящимся Его* (Пс. 33:10).

Для чего же нужен этот страх? Тем, кому это непонятно, надо вспомнить, что Христос, пришедши на землю, сказал: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга* (Ин. 13:34). Святые отцы говорят, что Церковь есть Тело Христово и соединяет нас во Христе Иисусе любовь, без любви мы ничто. Любовь нам необходима – не имея её, мы не члены Церкви, не ученики Христовы. Нам необходимо иметь, стяжать её, но как, каким путём?

Ответ на наш вопрос находим мы у Иоанна Лествичника: «Умножение страха Божия есть начало любви»⁴⁵⁴. Оказывается, не только в Ветхом, но и в Новом Завете нужен человеку страх Божий, и нужен как раз для обретения любви.

Есть разные состояния любви и разные степени страха Божия. Мы, новоначальные, боимся Бога (если только есть в нас страх Божий), ибо мы чувствуем, что мы грязные и скверные, трепещем при мысли, что предстанем вот такими перед Судом Божиим, а прежде – перед судом своей совести, которая осудит нас, обличит. И вот, имея такой страх, мы через него начинаем очищаться. Но это только первая ступень. Авва Дорофей говорит, что есть два страха: один – у новоначальных и другой – у совершенных. Первые исполняют волю Божию из страха наказания, и этот страх необходим, потому что он очищает нас и покоряет Богу. Вторые же творят волю Божию не из страха, а из любви, покоряются не потому, что боятся осуждения и страдания, а из страха отлучения от Бога, от того света и радости, которые они получают в уже достигнутом ими пребывании и соединении с Господом. Это и есть страх совершенных, или совершенная любовь, о которой Иоанн Богослов говорит, что она *изгоняет страх* (1Ин. 4:18). «Есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, ...один свойствен, так сказать, начинающим быть благочестивыми, другой же есть страх святых совершенных, достигших в меру совершенной любви. Например, кто исполняет волю Божию... из любви к Богу, любя Его, собственно, для того, чтобы благоугодить Ему, сей знает, в чём состоит существенное добро, он познал, что значит быть с Богом. Сей-то имеет истинную любовь, которую святой

называет совершенною. И эта любовь приводит его в совершенный страх, ибо таковой боится Бога и исполняет волю Божию уже... не для того, чтобы избежать мучений, но потому, что он, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться её. И сей совершенный страх, рождающийся от этой любви, изгоняет первоначальный страх: посему-то апостол и говорит: *совершенна любви вон изгоняет страх*»⁴⁵⁵.

То же находим у Максима Исповедника: «Страх двояк: один чистый, а другой нечистый. Тот страх, который порождается по причине прегрешений, под действием ожидания мук, нечист, так как причиною имеет сознаваемый за собою грех, и не пребудет навсегда, потому что вместе с отъятием чрез покаяние греха исчезает. А тот, который и без этого боязливого беспокойства из-за грехов всегда стоит в душе, этот страх чист и никогда не отойдёт, потому что он некакo соприсущ Богу, как дань от лица тварей, проявляя собою естественное всем благоговеинство пред Его величием, превышим всякого царства и силы»⁴⁵⁶.

«Однако невозможно достигнуть совершенного страха иначе, как только первоначальным страхом. Ибо трояким образом, как говорит Василий Великий, можем мы угодить Богу: или благоугождаем Ему, боясь муки, и тогда находимся в состоянии раба; или, ища награды, исполняем повеления Божии ради собственной пользы и посему уподобляемся наемникам; или делаем добро ради самого добра, и тогда мы находимся в состоянии сына. Ибо сын, когда приходит в совершенный возраст и в разум, исполняет волю отца своего не потому, что боится быть наказанным, и не для того, чтобы получить от него награду, но собственно потому и хранит к нему особенную любовь и подобающее отцу почтение, что любит его и уверен, что всё имение отца принадлежит и ему. Таковой сподобляется слышать: *уже неси раб, но сын... и наследник Божий Иисус Христом* (Гал. 4:7). Таковой уже не боится, как мы сказали, Бога, конечно, тем первоначальным страхом, но любит Его... И Господь, сказав Аврааму, когда он привёл для жертвоприношения Ему сына своего: *ныне бо познах, яко*

боишися ты Бога (Быт. 22:12), сим означил тот совершенный страх, который рождается от любви»⁴⁵⁷.

Здесь понятными становятся слова Антония Великого, который сказал: «Я уже не боюсь Бога, потому что люблю Его»⁴⁵⁸. Он вовсе не был лишён страха Божия, но обладал им в высшей степени, когда страх переходит в любовь.

Таким образом, через страх Божий приобретается и любовь к Нему, а в ней полагается начало любви к ближнему, настоящей христианской любви, о которой говорит Господь.

Итак, нам нужно иметь страх Божий, воспитывать себя в нём. Но так как мы его вовсе ещё не имеем или почти не имеем, нужно нам начать с низшей ступени, сознать свое рабское состояние.

И если Господь даст, поднимемся и мы через некоторое время на вторую ступень. Но получить любовь совершенную не от нас зависит – это дар Божий. Имейте же страх Божий, братие, и помните, подходя к святой Чаше: «Со страхом Божиим и верою приступите».

Аминь.

О страхе Божиим (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я говорил, что наша вера есть вера покаянная. Что с этого начал свою проповедь и Иоанн Креститель, говоря: *Покайтесь, приблизитесь Царствие Небесное (Мф. 3:2)*; и Сам Господь наш Иисус Христос, и апостолы постоянно говорили: «Покайтесь и креститесь».

Нам надо учиться любить Бога и через Бога и друг друга, ибо только такая любовь – христианская. А для этого надо начать со страха Божия. Если вера начинается с покаяния, то путь к любви лежит через страх Божий. Если хочешь прибыть в пристань любви, то кормчим твоим возьми страх Божий, говорят святые отцы. «Покаяние есть корабль, а страх – его кормчий, любовь же – Божественная пристань. Страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смраднему морю жизни и путеводит к Божественной пристани, которая есть любовь»⁴⁵⁹.

Наши души загрязнены, а потому и не действует на нас страх Божий. Об этом говорит блаженный Диадокх, делая следующее уподобление: «Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств, а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и чрез то приходят в совершенное исцеление, так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божиим; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное некое врачевство, страх Божий, пережигающий её, как в огне некоем, действием обличений, и, таким образом мало-помалу очищаясь, достигает, наконец совершенного очищения»⁴⁶⁰.

Итак, мы не чувствуем страха Божия вследствие проказы греха, а вовсе не потому, что он не свойствен нашей природе. Чтобы почувствовать его хоть в малой степени, надо принять какие-нибудь меры к очищению души. Если мы идём к любви

через страх Божий, то это потому, что «умножение страха Божия есть начало любви»⁴⁶¹, как говорит Иоанн Лествичник. Страх Божий как вводный, как нечистый, как несовершенный, как страх раба перед наказанием – именно этот страх нам полезен и нужен, поскольку им первоначально уклоняется человек от греха. Если же идём из-за награды – находимся в состоянии наёмника, и это также нам полезно, ибо заставляет творить добро. А третья ступень – страх сына. Здесь нет ни наказания, ни наград, но радость общения с Отцом, делание добра во имя страха, что человек может быть лишен Духа Святого Божия, что и есть совершенная любовь.

Что же делает в нас страх Божий? Нам приходится идти путем страха новоначальных, рабского страха. Наша вера – покаянная. Уверовав в Господа, мы сейчас же должны каяться, ибо Христос чист, а мы полны грехов. И так из нечистых должны мы сделаться чистыми, из смертных – бессмертными, из тленных – нетленными. Но чтобы очищаться, надо видеть Свою грязь; чтобы каяться, надо знать свои грехи. «Луч солнечный, проникнувший чрез скважину в дом, просвещает в нём всё, так что видна бывает тончайшая пыль, носящаяся в воздухе; подобно сему, когда страх Господень проходит в сердце, то показывает ему все грехи его»⁴⁶².

Страх Божий действительно показывает нам наши грехи, освещая даже и те уголки души, куда мы обычно вовсе не заглядываем. Как ученик перед экзаменом, начиная в последний раз пробегать страницы учебника, видит, что он знает и чего не знает; так и грешник перед лицом Чистейшего вспоминает, что настанет час и предстанет он перед Престолом Господа и окажется не в одежде нетления, которую дал ему Бог при крещении, а в одеянии, сотканном из его лукавых дел.

Итак, есть ли страх Божий действительно средство для очищения души или о нём говорили только для того, чтобы держать людей «под палкой»? Нет, он нам действительно необходим, ибо надо нам видеть грехи наши – без этого нет спасения. Страх Божий показывает человеку грехи его.

Но этого мало. Страх Божий ещё и искореняет грехи. «Страх Господень искореняет из души все лукавства и грехи. Кто же не

боится Бога, тот впадает во многая злая»⁴⁶³. Так сказал о страхе Божиим Антоний Великий, которого поистине можно назвать величайшим по жесткости его борьбы со своей страстной плотской природой. И в этой борьбе не нашёл он более сильного средства, чем страх Божий.

Страх Божий не только показывает душе её грехи и искореняет их, но и охраняет человека. Если человек хранит в себе страх Божий, то и страх Божий хранит его. «Страх Господень хранит человека и бережёт, пока не сбросит он с себя сего тела, как написано: *страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом и поболехом, и родихом дух спасения Твоего (Ис. 26:18)*»⁴⁶⁴.

В Таинстве миропомазания, которое совершается вслед за крещением, Церковь молится: «Сохрани его (крещаемого. – О. С.) в Твоем освящении, утверди в православной вере, избави от лукаваго и всех начинаний его; и спасительным Твоим страхом в чистоте и правде душу его соблюди; да во всяком деле и слове благоугождая Тебе, сын и наследник будет Небеснаго Твоего Царствия». Только что человек получил одежду нетления, но нужен ему и щит и опора, чтобы предохранять эту одежду. Этим-то щитом и служит для него страх Божий.

Авва Дорофей говорит: «Первоначальный страх свойствен нашему душевному состоянию. Он охраняет душу от всякого зла, как полировка медь, ибо сказано: *страхом же Господним уклоняется всяк от зла (Притч. 15:27)*»⁴⁶⁵. Поэтому вовсе нельзя так легко относиться к страху Божию, как мы относимся, и говорить, что теперь не время крепостной зависимости и древнего рабства. Это и не рабство, и не крепостничество, а школа, которую надо нам пройти и вне которой нельзя достигнуть совершенной любви, как свидетельствуют о том те, кто прошел эту школу.

Страх Божий сохраняет душу от всякого зла.

Я не делаю чего-либо дурного потому, что у меня есть полировка, удерживающая меня от зла. Без этой полировки я не могу уклониться от всякого зла. Страх Божий ведёт к очищению и спасению. Кажется, что это так только в греховной плоскости, что страх Божий нужен только, чтобы освободиться от греха.

Даже если бы это было так, и тогда был бы страх Божий ценен и необходим. Но этого мало. Если хотим получить от Господа дары Святого Духа и будем о том просить Его, то первые дары – дух премудрости, дух разума и дух страха Божия.

Премудрость... Но помните: *начало премудрости бояться Господа (Сир. 1:15)?* А разве нельзя быть мудрым вне страха Божия? Да, но мудростью мирской, а не Божеской. И не забывайте, что с точки зрения мира мы – безумцы, если имеем дар премудрости Господней. «Что же есть начало премудрости, как не то, чтобы удаляться от всего ненавистного Богу?»⁴⁶⁶ Так вот в чём премудрость-то!

Но как же приобретать страх Божий? По этому поводу есть определённые указания святых отцов, которые стяжали страх Божий многими подвигами и трудами, а некоторые – даже многими падениями. Всё сказанное по этому поводу суммирует авва Дорофей в одном из своих поучений: «Отцы сказали, что человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений, если каждый вечер испытывает себя, как он провёл день, и каждое утро – как прошла ночь, если не будет дерзновенен в обращении и, наконец, если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога»⁴⁶⁷.

«Память мучений» – это для нас именно память самопосрамления, память о грядущем моменте, когда мы ужаснемся своей грязи и уже ничего не будем в состоянии сделать. У древних было напоминание: *memento mori* – «помни о смерти», но у нас это гораздо сильнее. Помни не о смерти только, а о том моменте, когда совесть тебя обличит и когда ты уже ничего не сможешь сделать. Эта память связана со страхом раба.

«Если каждый вечер испытывает себя, как он провел день, и каждое утро – как прошла ночь». Мы же не следим за собою, и если моментами получаем благодать Божию страх Божий и на минуту видим свои грехи, то не пользуемся этими лучами и не испытываем при их свете и малой частички своей жизни – даже одного дня.

Третье условие – «если не будет дерзновенен (волен. – О. С.) в обращении». Для нас оно самое главное, ибо на это мы уж

и совсем внимания не обращаем, дерзость, или вольность, у нас понимают как известное отношение одного пола к другому. Но это лишь частный случай дерзости в обращении.

Когда авва Лот был в келии аввы Агафона, то пришёл к последнему инок, желавший вступить в киновию (общежитие) и спросил: «Отче, я хочу жить с братьями. Как повелишь мне жить с ними?» Старец же отвечал на это: «Как в первый день, как придёшь к ним, так и во все дни поступай. Будь во всём как странник»⁴⁶⁸.

Самая большая вольность бывает у нас по отношению к тем, с кем мы живём постоянно, – к родным и близким нашим. Ещё довольно сносно обращаемся мы с теми, к кому подошли как странники, с кем впервые встретились и имели даже, пожалуй, то почтение и благоговение, о котором говорит авва Дорофей: «Потому хорошо нам, братия, иметь благоговение, бояться вредить себе и другим, почитать друг друга»⁴⁶⁹. Но и это всё мы скоро теряем. Казалось бы, чем ближе узнаю я человека, чем больше сродняюсь с ним, тем больше должен я его уважать, но у нас бывает как раз наоборот.

Мы имеем «ближних» и «близких». Притча о самарянине (см.: Лк. 10:25–37) обличает нас. Мы из наших ближних, с которыми впервые встретились как странники и к которым отнеслись сначала с величайшей внимательностью, делаем близких, с которыми мы запанибрата, и тогда прощай всякое благоговение перед ними. И наоборот, хорошо бы нам из близких делать ближних, сделать ближних себе из наших отцов и матерей. Святые отцы предостерегают нас от вольности, ибо она разрушает страх Божий, ведь если я без благоговения отношусь к главнейшему из творений Божиих, в которое образ Божий вложен, то какой же во мне страх перед Творцом? А так ли надо? *Друг друга тяготы носите* (Гал. 6:2).

«Итак, постарайтесь, как мы сказали, удерживать язык свой, чтобы не сказать чего-либо худого ближнему и никого не соблазнять ни словом, ни делом, ни взглядом, ни другим каким-либо образом; и не будьте удоборадражительны, чтобы, когда кто-нибудь из вас услышит от брата своего неприятное слово, не возмущаться тотчас гневом, не отвечать ему дерзко и не

оставаться в оскорблении на него; это неприлично хотящим спастись, неприлично подвизающимся»⁴⁷⁰. Если кто из вас услышит неприятное слово от друга, пусть он потерпит, чтобы душа его не расслабла, как повреждённая сучком дыня. Не соблазняйте других своею вольностью, ибо вольность заразителна.

«Если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога». С кем поведёшься, от того и наберёшься, говорит народная мудрость. Нам надо прилепляться к людям, которые имеют страх Божий. Авва Дорофей говорит, что мы «отгоняем страх Божий от себя тем, что делаем противное сему (тем четырём условиям): не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений, не внимаем самим себе и не испытываем себя, как проводим время, и общаемся с людьми, не имеющими страха Божия, и не охраняемся от дерзновения. Сие последнее хуже всего, ибо ничто так не отгоняет от души страх Божий, как дерзость»⁴⁷¹. А мы как раз купаемся в дерзости и вольности и именно этим панибратством измеряем близость между людьми.

В этом отношении губительно слово «товарищ». Это ли не вольность, когда двенадцатилетний мальчишка кричит какой-нибудь старухе: «Эй, товарищ!»

Как же сохранить страх Божий непоколебимым? Ведь если мы видим, что страх Божий хранит человека, мы сами должны его хранить. В 118-м псалме (стих 60) есть слова: *Уготовихся и не смутихся сохранить заповеди Твоя*. Если мы накапливаем в себе страх Божий, нам надо его хранить, стараться на нём утвердиться; да, страх Божий не цель, но он единственное средство ко спасению, единственный путь к любви Божественной.

«Тот, кто желает всегда иметь страх Божий непоколебимым в сердце своём, из следующего примера может уразуметь, как достигнуть сего: если кто желает пойти куда-нибудь, то обувается в сапоги. Писание же говорит, что сапоги суть знамение приуготовления (см.: Еф. 6:15); а также написано: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118:60). Итак, кто усмотрит, что ему предлежит какое-либо дело, тот от телесного приуготовления должен заимствовать образец для духовного и

надеть духовные сапоги, т. е. приготовить себя страхом Божиим... и, приготовив сердце, призвать Бога, чтобы Он даровал ему страх сей. А когда во всяком деле будет предлагать пред очами своими страх сей, он сделается непоколебимым в сердце его»⁴⁷².

Мы путники, старающиеся взбежать на гору (а иногда – сбегать с неё вниз и падающие), и должны быть готовы ко всякой дороге, должны всегда приуготовляться. Начиная каждый день, надо помнить, что ко всему должно приступать с благоговением и страхом Божиим. Только будучи сами активными, сохраняем мы в себе страх Божий. Иначе же будут у нас лишь отдельные настроения – «вечера настроений» – и только, а ведь нам нужно жить, нужно устраивать свои души для вечной жизни.

Но надо не только иметь страх Божий непоколебимым, но и вовремя находить его, когда он нам нужен. Авва Исаия хорошо говорит, что «если кто приобретает вещь какую для своей нужды, а во время нужды не найдет её, то напрасно он и приобрел её. Таков тот, кто говорит: боюсь Бога, а когда поставлен бывает в обстоятельства, где был бы нужен сей страх, когда, например, находится в необходимости говорить с кем и в это время чувствует или припадки гнева и дерзкой несдержанности, или позыв учить другого человека тому, до чего сам не достиг, или движение человекоугодия, или желание сделаться именитым среди людей, – в то время не найдёт в себе страха Божия, то напрасны все труды его»⁴⁷³. Всё должно быть на едином фронте, как равно нельзя иметь два фронта – ближних и близких, нельзя вести «двойную бухгалтерию». Надо всегда пользоваться приобретенным страхом Божиим.

Есть одна опасность для тех, кто думает, что имеет страх Божий. Иные думают так о себе, ибо, вспоминая муки и Суд, умиляются, плачут, а потом впадают в грех, – так пусть они знают, что это не есть страх Божий: «...когда придёт тебе таковая память и ты стараешься делами показать исправление, то это есть истинная память, через которую прощаются грехи. А когда видишь, что, вспомнив (страх Божий и суд), умиляешься и потом снова впадаешь в те же или худшие грехи, то да будет

тебе известно, что такое припоминание от супротивного и что демоны влагают в тебя оное к осуждению души твоей»⁴⁷⁴. Я начал с того, что «умножение страха Божия есть начало любви»⁴⁷⁵. Можно сказать и наоборот: «По мере оскудения любви бывает в нас страх, ибо в ком нет страха, тот или исполнен любви, или умер душою»⁴⁷⁶. Многие из нас умирают душой, если ещё не умерли. И эта смерть – смерть души – есть смерть настоящая, как говорит Григорий Палама, страшнейшая смерти тела, ибо смерть тела временна, оно воскреснет в день Второго пришествия⁴⁷⁷. Но как умереть может душа прежде смерти тела, так и воскреснуть она может прежде общего воскресения.

Вопросу о страхе Божиим должны мы уделить главное место в своей душе. Относительно других добродетелей у святых отцов есть те или иные расхождения, каждый из них кладёт во главу угла ту добродетель, которая именно ему нужна была для спасения. Но все святые отцы согласны: в страхе Божиим все нуждаются в равной степени. Это мы в гордости сомневаемся в том, что он нужен нам теперь, в XX веке. А святые отцы всё сказанное, в том числе и необходимость страха Божия, доказывали не словами, а делами.

Аминь.

О совести (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Когда мы в нашей обыденной жизни говорим, что совесть наша нас обличает, что она не позволяет нам делать того или другого или, наоборот, что совесть у нас молчит, мы придаём «совести» какое-то особенное значение. Также и в христианском пути совесть занимает исключительное место. Что же такое совесть с точки зрения святых отцов? Святые отцы называют совесть естественным законом, вложенным Богом в сердце человека при творении: «Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое; сие называется совестью, а она есть естественный закон... Последуя сему закону, т. е. совести, патриархи и все святые прежде написанного закона угодили Богу»⁴⁷⁸.

Так было во время райского пребывания человека с Богом. Но когда повредился, затмился закон, запечатлённый в сердце человека, возникла нужда в Священном Писании. Это было при Моисее, когда среди народа Божия распространилось нечестие, оскудела вера. «Но когда люди чрез грехопадение зарыли и попрали её (совесть. – О. С.), тогда сделался нужен закон написанный, стали нужны святые пророки, нужным сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, чтобы открыть и воздвигнуть её (совесть), чтобы засыпанную оную искру снова возжечь хранением святых Его заповедей»⁴⁷⁹.

Так же в Новом Завете. Вначале ученики Христовы не имели писаного закона и только под конец своей жизни записали Евангелия и составили Послания. Некоторые же из христиан узнали закон Божий не только не из Священного Писания, но даже и не из устного предания. Сам Господь в сердце их, в совести их открыл им Благую весть. Так было с апостолом Павлом, который никогда не видел Господа на земле, не слышал проповеди Его непосредственных учеников и апостолов почти до конца своей жизни, но, ещё, будучи

фарисеем, неуклонно исполнял все веления своей совести, и потому Господь открылся ему (см.: Деян. 26:15; ср.: 1Кор. 15:8). Также и о Марии Египетской мы знаем, что она знала закон Божий, не имея никаких книг.

Дело Христово состояло в том, что Он восстановил в человеке совесть, возжег искру, погасшую и зарытую. Совесть связана в нас непосредственно с образом Божиим, и как он в нас растлился и нуждался в восстановлении, так и совесть. Христос пришёл на землю для того, как учит Церковь, чтобы восстановить образ падшего праотца и вместе с тем восстановить, возжечь в нас искру совести.

Такое учение о совести находим мы у всех святых отцов. И наш святитель Тихон Задонский пишет в своём слове «О совести»: «Бог, созидая человека, насадил в душе его совесть, дабы тою аки правилом управлялся и наставлялся, что творить и от чего уклоняться. Совесть есть не что иное, как естественный или природный закон; поэтому она схожа и с написанным законом Божиим. Ибо чему учит закон Божий, тому учит и совесть»⁴⁸⁰. И если мы о том стараемся, постепенно восстанавливается и очищается в нас этот закон, написанный *на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца* (2Кор. 3:3), всё более приближаясь к писаному закону Божию. Оба эти закона в идеале одно и то же. Потому-то апостолу Павлу и Марии Египетской не нужно было чтение Священного Писания.

Естественный закон восстанавливается в христианах при крещении вместе с образом Божиим; и если только человек прилагает к тому старание, он в продолжение жизни всё более очищается и просветляется вместе с подобием Божиим. Блаженный Диадокх сравнивает образ Божий с рисунком, на который мы накладываем краски в течение нашей жизни, всё более приближаясь и уподобляясь Богу⁴⁸¹.

Но закон естественный есть и у неверующих, и у язычников, однако в них он в таком же положении, как и образ Божий, т. е. растлился и пал. Тем не менее, если они всё-таки следуют своей совести, хотя бы и искажённой и осквернённой, но всё же вложенной как закон Божий в их сердца, она ведёт их к Богу.

Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чём свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую (см.: Рим. 2:14–15), говорит апостол Павел.

Для христианина же, в котором чрез крещение восстанавливается образ Божий и очищается совесть, последняя связывается ещё с ангелом-хранителем. Иоанн Лествичник так говорит о совести: «Совесть есть слово и обличение ангела-хранителя, данного нам при крещении»⁴⁸². Мы-то, люди, опять можем образ Божий в себе затмить, но у нас есть ангел-хранитель, и наша совесть – его слово. «Совесть есть естественная книга (велений Божиих); деятельно читающий оную получает опыты Божественного заступления», – говорит Марк Подвижник⁴⁸³. Вот ангел-хранитель и даёт нам возможность деятельно читать книгу естественного закона.

Можем ли мы доверять нашей совести, можем ли руководствоваться в жизни велениями этого голоса, который то оправдывает, то обвиняет нас? Да. «У нас есть достаточное руководство – совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был её помощи»⁴⁸⁴, – отвечает Иоанн Златоуст. Если желаешь всегда иметь душеспасительное руководство, внимай своей совести и неотложно исполняй, что она будет внушать тебе. Иоанн Златоуст указывает нам, что если бы мы, христиане, внимательно относились к своей совести теперь, после крещения, имея при этом и ангела-хранителя, мы всегда могли бы знать волю Божию, как это было у первых людей до грехопадения. В нашей воле повиноваться совести или попирать её и пренебрегать ею.

Мы должны постоянно помнить, что в нас живёт совесть, что надо стремиться к тому, чтобы огонь этот не потух, как искра под пеплом, но постоянно разгорался. «Ныне же в нашей власти или опять засыпать её, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться ей. Ибо когда наша совесть говорит нам сделать что-либо, а мы пренебрегаем сим, и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем

попирать её, тогда мы засыпаем её, и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но, как светильник, сияющий за занавесью, начинает показывать нам вещи темнее. И как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего, так и мы по преступлении не разумеем, что говорит нам совесть наша, так что нам кажется, будто её вовсе нет у нас. Однако нет человека, не имеющего совести, ибо она есть, как мы уже сказали, нечто Божественное и никогда не погибает, но всегда напоминает нам полезное, а мы не ощущаем сего, потому что, как уже сказано, пренебрегаем ею и попираем её»⁴⁸⁵.

Если совесть наша молчит или «показывает вещи темней», это не значит, что плоха самая совесть, вложенная в нас Богом. Это свидетельствует о том, что мы сами, имея сначала очищенную совесть, не радели о её чистоте и жизнеспособности. Иначе можно было бы сказать, что в нас нет божественной искры, что и образ Божий несовершенен, что в Самом Боге нет совершенства. Мы знаем и из нашего собственного опыта, и из мировой литературы, что каждый из нас, перед тем как совершить грех, преступление, слышит удерживающий его голос совести, хотя и слабый, робкий, но всё же говорящий, но мы сами отвергаем его, не видим и не хотим видеть света.

Очень ярко говорит об этом Тихон Задонский: «Так и Бог в совести человеку глаголет и вопиет ему, когда хочет зло соделать: возвратися, человеце! не туда идешь ты. *Уклонися от зла* (Пс. 33:15). Христианине! хочеши ли ты отмстить, повредить или, что горше того, убить ближнего твоего? Бог вопиет тебе: человеце, воротись! Хочеши ли блуд сотворить и осквернить тело своё? Бог вопиет тебе: человеце, воротись! Хочеши ли украсть, похитить и отнять у ближнего твоего добро? Бог гремит в совести твоей: человеце, возвратись! Хочеши ли ближнего твоего прельстить и обмануть? Бог тебе вопиет: человеце, воротись! Хочеши ли оклеветать, осудить, обругать и опорочить брата твоего? Бог возвращает тебе от того и глаголет: человеце, воротись!.. А что в совести тебе говорит, то и в слове Своем святом говорит. Совесть непогрешительная и слово Божие суть

согласны. Что совесть говорит, тое и слово Божие; от чего совесть удерживает и отвращает, от того и Божие слово; за что совесть обличает, за тое и Божие слово; и за что совесть похваляет, за тое и Божие слово... Сего ради, когда совесть нас от чего отвращает и удерживает, се есть глас Божий, вопиющий внутрь нас, отвращающий и удерживающий нас от зла!»⁴⁸⁶ Нам эта картина так знакома! Всякий, кто внимательно относится к своей совести, кто хоть иногда заглядывает в свою душу, подтвердит эти слова святого отца.

А вот Нил Синайский предупреждает, что бывает в душе и иной голос, который говорит нам, что всё обстоит благополучно, что ничего не случится с нами, если мы сделаем то-то и то-то, который заставляет совесть умолкнуть... И святой советует: «Свидетельницу дел твоих, совесть свою, не отсылай к помыслу, презирающему падение и сладкоречиво о нём говорящему»⁴⁸⁷.

Наше величайшее счастье, но вместе с тем и несчастье состоит в том, что мы в себе самих имеем свидетеля и обличителя наших дел, обличителя «постоянного, но не непрерывного», как говорит Иоанн Златоуст. Иными словами, она не мучает нас в каждую минуту нашей жизни, так как мы не снесли бы этого, но её обличение то и дело вспыхивает в нас, не давая нам уснуть. Иоанн Златоуст утверждает, что совесть делает это не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь, и, хотя бы прошло много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и особенно по совершении. Итак, совесть есть, во-первых, свидетель не безмолвный и, во-вторых, обличитель, но не непрерывный. В этом, как я сказал, наше счастье и несчастье. Непрерывное обличение нас убило бы, мы не смогли бы начать иной жизни – чистой и святой. А наше несчастье заключается в том, что, пока слышим обличение совести, мы ещё хотим что-то сделать, а едва оно кончится – к деланию охлаждаемся. А нам следует пребывать до конца бдительными. Внимание к своей совести должно быть для христианина основным деланием.

Мы имеем совесть – свидетеля не безмолвного и обличителя постоянного, но не непрерывного, имеем и, укоренив, и отраду, имеем всё, чтобы встать от бездны греховной и бдительно идти вперёд правым путём. Мы постоянно должны прислушиваться, не перестала ли нас обличать совесть, и если да, искать причину этого, помня, что «тех только одних не обличает совесть, которые или достигли верха добродетели, или ниспали в самую глубь зла»⁴⁸⁸. «Должно внимать себе, не перестала ли совесть наша обличать нас не ради чистоты нашей, но как бы утомившись»⁴⁸⁹.

И если мы имеем в себе этого свидетеля и обличителя, мы должны идти к нему на послушание, прислушиваться к его велениям и не отсылать его к помыслу, «презирающему наше падение и сладкоречиво о нем говорящему». Оптинский старец отец Иосиф⁴⁹⁰ говорил: «Совесть человека похожа на будильник. Если будильник прозвонил и, зная, что надо идти на послушание, сейчас встанешь, то и после всегда будешь его слышать, а если сразу не встанешь, несколько дней подряд говоря: «Полежу ещё немножко», – то, в конце концов, просыпаться от его звонка не будешь». Всякий знает это в отношении к будильнику, в отношении же к совести мы это как будто и знаем, но не обращаем на это внимания.

Кроме того что совесть является нашим обличителем, она в то же время и судия наш неусыпный и неподкупный, как говорит Иоанн Златоуст: «Нет, подлинно нет между людьми ни одного судии, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судьи и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других средств, извращающих правоту их суда; а судилище совести ничему такому не подчиняется, но, хотя бы ты давал деньги, хотя бы льстил, хотя бы угрожал или другое что делал, она произносит справедливый приговор против греховных помыслов, и согрешивший осуждает сам себя, хотя бы никто другой не обвинял его»⁴⁹¹. В этом отношении совесть находится в исключительном положении, ибо ведь никто так не знает наших грехов, никто не может следить за нами постоянно, как она, и в то же время мы имеем такого блюстителя в себе самих. В этом

отношении совесть есть нечто неоценимое для нашего спасения, она есть некая божественная искра, без которой мы не могли бы спастись. Совесть – наш судья не только теперь, она и на Страшном Суде будет нам первым и самым страшным судьей. Именно потому-то и будет страшен этот суд, что нельзя будет уже оправдаться, нельзя будет сказать, что обвинитель неправ.

Аминь.

О совести (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Как бы ни был грешен человек, образ Божий всегда остается в нём, только покрывается язвами греха. «Образ есмь неизреченный Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений»⁴⁹². Кто бы что ни говорил о нас или о нашей жизни, нам важно то, как мы сами смотрим на свои поступки, как оправдывает или обличает их наша совесть, наш домашний и неподкупный судия.

Святые апостолы придавали совести очень важное значение и руководствовались ею как в жизни, так и при написании Посланий. Так, апостол Павел говорит о своей деятельности синедрону: *Мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня (Деян. 23:1)*. А также: *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом (Рим. 9:1)*. И ещё: *Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно (Евр. 13:18)*. Подобное же говорит и апостол Пётр: *Имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе (1Петр. 3:16)*.

Если апостолы придавали такое значение совести, то и нам, стремящимся подражать им, но находящимся в состоянии постоянной склонности к греху, важно и необходимо присутствие в душе своего неподкупного и неусыпного судии. Другие люди могут нас хвалить или обличать, но их суд лицемерен, ибо они относятся к нам лицемерно: или чересчур снисходительно, или, наоборот, враждебно. Совесть же, по словам святителя Григория Богослова, есть «домашнее и неложное судилище»⁴⁹³. Преступник может избежать иного суда человеческого, но он никогда не избежит суда своей совести. Потому-то и страшит нас Страшный Суд, что совесть, которая все дела наши знает, выступит нашим обличителем и обвинителем.

Мы читали, слышали слова Пушкина из «Бориса Годунова»: «И не уйдёшь ты от суда мирского, как не уйдёшь от Божия

суда», – но эти слова обычно проходили мимо нас, хотя нам было бы нелишне всегда иметь их пред собою и руководствоваться ими в жизни. Христос приходил на землю призвать грешников на покаяние (см.: Мф. 9:13; Мк. 2:17; Лк. 5:32), а мы отталкиваем их. Это свидетельствует о том, что наша совесть доходит до такого состояния, когда она перестает нас обличать. Нам нужно помнить эпизод с грешницей, которую за её вину хотели побить камнями. Когда привели её ко Христу, Он ничего не говорил, сидел молча и, как сказано в Евангелии, писал на земле, а когда стали спрашивать Его вновь и вновь, ответил наконец: *Кто из вас без греха, первый брось на неё камень*. Тогда обвинители, обличаемые совестью своею, стали один за другим уходить, пока не осталась одна женщина перед Господом (см.: Ин. 8:6–9). Так говорила в них совесть, хотя и жестокие они были люди как будто. А теперь, искажая понятие о Церкви, люди совсем не тревожатся совестью, продолжая обличать и обвинять других. И это люди, которые постоянно читают и слушают Евангелие. Учение святых отцов о совести должно быть принято нами с величайшим вниманием. Для нас в данный момент, когда наша совесть прожжена и сожжена, очищение и хранение совести должно быть главным делом. Совесть, по учению святых отцов, есть не только наше домашнее судилище, но и учитель жизни, обучающий нас Божьему закону: «Учитель истинный есть совесть, которой слушающийся пребывает непреткновен»⁴⁹⁴. Здесь говорится о настоящей, о доброй совести, о совести «идеальной». О такой же совести говорит преподобный Иоанн Лествичник: «Целью и правилом во всех случаях, да поставляем по Богу совесть нашу и, узнавши, откуда веют ветры, по её указанию уже да распростираем и паруса»⁴⁹⁵. Об этом же часто свидетельствует апостол Павел, руководимый в жизни не писанным законом, а естественным законом сердца.

У аввы Дорофея есть хороший образ, где совесть представляется соперником, ведущим с нами брань. Дело нашего спасения было бы совершенно невозможно, если бы не было в нас этого соперника, который борется с нами за правду, за истину, за добро. В этой борьбе нельзя пренебрегать и

малым, чтобы не потерять большого, и нужно заботиться о лёгком, чтобы стяжать более трудное впоследствии. Необходимо очищать, хранить и проверять нашу совесть, пока мы ещё в этом мире, – «помиришь с соперником твоим, пока ты на пути с ним. Посему-то пророк оплакивает Ефрема и говорит: *Соодоле Ефрем соперника своего, попра суд (Ос. 5:11).* Соперником же называет совесть. Поэтому и в Евангелии сказано: *Буди увещавався с соперником твоим скоро, дбндеже еси на пути с ним, да не предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слуге, и в темницу ввержен будеши; аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дбндеже воздаси последний кодрант (Мф. 5:25–26).* Но почему же совесть называется соперником? Соперником называется она потому, что сопротивляется всегда злой нашей воле и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем; и опять, чего не должны делать, и делаем, и за это она осуждает нас, потому и Господь называет её соперником и заповедует нам, говоря: *буди увещавався с соперником твоим скоро, дбндеже еси на пути с ним.* Путь, как говорит Василий Великий, есть мир сей. Итак, потщимся, братия, хранить совесть нашу, пока мы находимся в этом мире, ... не будем попирать её отнюдь ни в чём, хотя бы то было и самое малое. Знайте, что от пренебрежения сего малого и в сущности ничтожного мы переходим и к пренебрежению великого... Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его, ...ибо чрез него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о лёгком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким; ибо и добродетели, и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу. Поэтому заповедует нам Господь блюсти свою совесть и как бы особенно увещевает каждого из нас, говоря: «Посмотри, что ты делаешь, несчастный! Опомнись, помиришь с соперником твоим, пока ты на пути с ним». Потом указывает бедственные последствия от несоблюдения сей заповеди: *да не когда предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слуге, и в темницу ввержен будеши.* А затем что? *Аминь, глаголю тебе, не изыдеши оттуду, дбндеже воздаси последний кодрант*"⁴⁹⁶.

Чем же очищается совесть истинная, совесть, обладающая добротой первого Адама в раю? Ведь по мере очищения совесть становится истинным судилищем и истинным учителем жизни по Богу.

Когда священник произносит тайную молитву во время Херувимской песни, он просит: «воззри на мя, грешного и непотребного раба Твоего, и очисти мою душу и сердце от помышлений лукавых». В этот момент начинается литургия верных, начинается принесение Бескровной Жертвы, совершение Таинства Тела и Крови Господних. И совесть, по слову апостола, очищается именно через это Таинство: *Кровь Христа, Который Духом Святым принёс Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мёртвых дел, для служения Богу живому и истинному!* (Евр. 9:14).

И когда мы входим в церковь Христову, присоединяемся Его Телу, что обещаем мы Богу? Тот же апостол говорит, что мы обещаем при этом Богу добрую совесть. Стало быть, наше дело здесь, на земле, хранить совесть свою в чистоте.

Нам кажется, что как только мы покаялись в грехе, наша совесть в этом отношении очистилась. Но это не так, это лишь начало. Покаяние только примиряет нас с Христом, соединяет же и очищает причащение. В молитве после причащения мы читаем: «Даруй ми чистою совестью, даже до последнего моего издыхания, достойно причащаться святынь Твоих, во оставление грехов и в жизнь вечную»⁴⁹⁷. Следовательно, чистота совести зависит от Таинств покаяния и причащения Святых Таин и от того, как мы к ним приступаем. Зачастую мы идём на исповедь, причащаемся, говеем, когда наступает пост, потому что, считая себя христианами, хотим поступать, как все христиане. Но мы совершенно забываем, что через это очищается и просвещается наша совесть.

Христос, который всеял этот божественный закон в нас, на Суде только подтвердит то, что укажет нам наше домашнее судилище. Поэтому мы должны слушаться своей совести, которую всегда имеем с собою, во всякий момент нашей жизни. Иначе мы «соодолеем соперника нашего», «пикнуть ему не дадим», говоря житейским языком, и при этом даже спокойны

будем, но спокойствие поведёт только к тому, что это истинное судилище обличит нас на Страшном Суде. Наше дело – хранить совесть неблазной и нетленной. Мы обещались доброю совестью, вступая в Церковь, поэтому наше дело на земле состоит в хранении и очищении совести через покаяние и причащение Тела и Крови Христовых. Это особенно важно для нас теперь, когда искажаются основы Церкви, когда люди живут совсем не по-церковному, а все же считают, что они христиане, что они идут путём Христовым.

Наша вера – вера покаянная. Апостол Пётр, как только узнал, что в лодке его не простой человек, а Господь, воскликнул: *Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный* (Лк. 5:8). Это покаянный вопль. Так же и апостол Фома, когда Господь призвал его вложить персты в язвы гвоздинные, воскликнул: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20:28). И дальше было так же. Когда уверовавшие во Христа спрашивали что им делать, чтобы спастись, апостолы отвечали: *Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов* (Деян. 2:38). Итак, прежде всего, покайтесь. В покаянии, в очищении совести и есть первое и главное наше дело.

Оптинские старцы советовали творения отцов «деяньми» читать. Точно так же должны мы относиться и к чтению Евангелия, ибо Евангелие написано не для сведения, не для воспоминания только, а и для того, чтобы его пережить, воплотить в жизни: вместе с Христом мы должны радоваться, Ему сострадать. Если, находясь в положении грешников, мы сознаём свою греховность, то нам надо радоваться тому, что мы слышим в обличениях совести голос Самого Христа, слышим в евангельских обличениях грешников Христом наше собственное обличение и радуемся тому, что «имеем уши и слышим».

Мы можем сами себя удалить от Христа совсем незаметно и при этом считать себя хорошими, поэтому нам следует обращать на душу свою особое внимание и постоянно помнить завет апостола Павла иметь веру и добрую совесть (ср.: 1Тим. 1:19).

Аминь.

О совести (беседа третья)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В прошлый раз мы говорили о том, что такое совесть, что она даёт нам и каким образом мы её очищаем. Следующий вопрос – как хранить свою совесть в чистоте?

Святые отцы учат, что надо хранить совесть в трояком отношении: по отношению к Богу, по отношению к ближним и к самому себе и по отношению к вещам. Это разделение условное, сделанное с практической, педагогической целью. На самом же деле всякое хранение совести будет хранением её в отношении к Богу. Бог есть Творец всего, Он сотворил и все вещи, и всех людей, сотворил, наконец, и меня; и если я отделяю себя от Бога, я делаю это только потому, что я себя сознаю; но и я тварь, и я создание Божие, и даже во мне – образ Божий. Так свидетельствует великий подвижник. Таким образом, можно было бы говорить только о хранении совести в отношении к Богу, ибо всё и вся – творение Божие.

Авва Дорофей говорит: «В отношении к Богу хранит совесть тот, кто не пренебрегает Его заповедями, и даже в том, чего не видят люди и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою к Богу втайне. Например, обленился ли кто в молитве или страстный помысл вошёл в сердце его, а он не воспротивился ему и не восстыгнул себя, но принял его; также, если кто, видя ближнего, делающего или говорящего что-либо, и, как обыкновенно случается, осудил его; короче сказать, всё, что бывает в тайне, чего никто не знает, кроме Бога и совести нашей, должны мы хранить; и сие-то есть хранение совести в отношении к Богу»⁴⁹⁸. Стало быть, святые отцы говорят, что хранение совести в отношении к Богу – это есть хранение её в отношении к поступкам, совершённым втайне, о которых никто не знает, кроме Бога и нас.

В «Невидимой брани» говорится: «Пребывай в памяти Божией и ходи в присутствии Божию; сознавай себя носимым и хранимым силою Божиею и ведомым к тому концу, для которого Он воззвал тебя к бытию; и себя, и всё своё посвящай на

служение Богу и во славу имени Его; в Нём живи, на Него уповай и Ему предай участь свою, и временную, и вечную»⁴⁹⁹. Святые отцы учат нас постоянно «ходить перед Богом», постоянно помнить о Его присутствии и не только отвлечённо это знать, но и всю жизнь свою проводить с этим сознанием. Одно хорошее арабское изречение говорит, что в самую темную ночь, на самом черном мраморе Бог не только видит самого черного муравья, но и слышит топот его ног. Так в ярких образах арабский мудрец живописует вездусущее всеведение Божие. Бог видит всю тварь Свою, и человек должен ходить перед Богом и в каждый момент своей жизни должен помнить, что он всё делает во славу Божию.

Для нас, которые чувствуют и воспринимают Бога только в некоторые, немногие минуты жизни, это звучит странно. Но для тех, кто не болтал о религиозных вопросах, но по-настоящему совершал путь спасения, необходимость «хождения перед Богом» была очевидна. Как поучает великий подвижник авва Антоний, всегда имей Бога пред своими очами, куда бы ты ни пошёл⁵⁰⁰.

Стало быть, в отношении к Богу хранит совесть свою тот, кто имеет постоянную память о Боге. Совесть такого человека очищается, ибо он имеет страх Божий, и страх Божий показывает ему грехи его, очищает их и вместе с тем очищает совесть и удерживает такого человека от греха. Если в этом состоит хранение совести в отношении к Богу, то посмотрим, что же такое хранение совести в отношении к ближнему.

Авва Дорофей пишет: «Хранение совести в отношении к ближнему требует, чтобы не делать отнюдь ничего такого, что, как мы знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего делом, или словом, или видом, или взором; ибо и видом, как я часто повторяю, даже и взором можно оскорбить брата. Короче сказать: человек не должен делать ничего такого, о чём знает, что делает это с намерением оскорбить ближнего; сим оскверняется совесть его, сознавая, что это сделано с тем, чтобы повредить брату или опечалить его; и сие-то значит хранить свою совесть в отношении к ближнему»⁵⁰¹. Если в отношении к Богу главное есть пребывание в памяти Божией,

страх Божий, то и в отношении к ближнему надо, имея страх Божий, видеть в нём образ Божий, не позволять себе дерзости и вольности в обращении и не делать ничего, что может оскорбить или соблазнить ближнего.

Хранение совести в отношении к ближнему имеет двоякое значение: оно подразумевает хранение, как своей совести, так и чужой. Мы же обычно если и заботимся кое-как о первой половине, то на вторую уж и вовсе не обращаем внимания. Мы осуждаем, унижаем, оскорбляем ближнего, любим учить других, учить не с любовью, а с навязчивостью. Люди, которые так поступают, не хранят совести другого человека. Мы должны помнить, что самое главное наше дело в отношении ближних – хранить чужую и свою совесть, поступать с ними так, чтобы человек не мог перенести в себя нашу внутреннюю инфекцию греха; а мы постоянно делаем обратное. Так вот для нас особенно важно помнить, что говорят святые отцы о хранении совести в отношении к нашим ближним и братьям и вообще ко всем тем, кто нас окружает.

Святые отцы доходили в этом отношении до очень глубоких мыслей и действий, глубоких настолько, что нам они непонятны, кажутся странными, а порой даже нелепыми. В одном из ответов Варсонофия Великого мы видим, что старец, когда к нему обратился один брат с просьбой повидаться с ним, ответил отказом просящему свидания. «Скажи брату: прости меня Господа ради, и желал бы я увидеть тебя, но, сберегая совесть других от соблазна, не нахожу к тому удобства»⁵⁰². Здесь видно, что преподобный Варсонофий имел, с одной стороны, желание увидаться с братом, но, с другой стороны, видел, что это могло почему-либо соблазнить других, и он не находил возможным исполнить просьбу. Нам это может показаться чрезмерной щепетильностью, но дело в том, что великий старец помнил слова Спасителя, сказавшего: *невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят (Лк. 17:1)*, – и для него было одинаково необходимо хранить как свою, так и чужую совесть.

Что касается нас, то для нас этот род хранения совести должен быть, прежде всего, в отношении к нашему духовному

отцу или, как сказали бы святые отцы, к своему старцу. Для нас, кто идёт и хочет идти путём духовного руководства, духовного окормления, хранение совести в отношении к ближнему состоит, прежде всего, в повиновении своему духовному отцу. Кто находится в полном послушании, тот уже не боится личной ответственности. Если послушник по-настоящему слушает своего руководителя, если он по-настоящему хранит в отношении к нему совесть свою, то и на Страшном Суде совесть уже не обличит его и Господь его не осудит, а ответит за него отец его. «Кто в повиновении отцу своему приобрёл совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает её ежедневно как сна... достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ»⁵⁰³.

У нас совершенно нет понимания двоякого значения хранения совести. А святым отцам, которые не только словом, но и делом шли по этому пути, это было очевидно. Иоанн Лествичник, описывая жизнь монахов некоего монастыря, говорит: «Они были связаны друг с другом неразрывным союзом любви; и что ещё удивительнее, при такой любви они были чужды всякой вольности и празднословия; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь совести брата»⁵⁰⁴.

Пусть и для нас, которые никогда не освобождаемся от вольности и дерзости в обращении, эти слова не окажутся только словами. Прежде всего, нам надо стараться не уязвлять чем-либо совесть наших братьев, если нам приходится вступать в те или иные отношения с ними. Как нам быть, например, если мы в отношении другого поставлены в такое положение, что нам приходится его поучать и наставлять?

В «Невидимой брани» сказано: «Чти всех, как образы Божии, всем благожелай и благодетельствуй по силе, пред всеми смирайся и всем угождай в пределах добра, радуйся с радующимися и соскорби скорбящим, никого не осуждай и не унижай, даже в мысли и чувстве, от ищущих у тебя совета и вразумления не скрывай истины, когда знаешь; сам же в учителя никому не навязывайся, паче же всего блюди мир и

согласие со всеми с готовностью на всякие для того со своей стороны жертвы и всевозможно избегай соблазнить кого»⁵⁰⁵.

А мы, когда приобретаем уверенность в чём-либо, сейчас же стараемся навязать наше убеждение другим. Мы, конечно, не должны скрывать от ближнего истины, но и не должны никогда никому навязываться, не должны никогда никого унижать, относясь с презрением к его мнению. А в этом мы все грешны. Вся наша жизнь проходит в спорах, мы вечно всех задираем. Святые же отцы считали спор грехом, помня, что горе тому, через кого соблазн приходит (ср.: Лк. 17:1).

Итак, в отношении к нашим ближним мы должны помнить, что надо хранить не только свою совесть, но и совесть ближнего. Принимая во внимание, что совесть есть истинный закон Божий, нам надо со вниманием подойти к хранению этого закона не только в себе, но и в ближнем.

Важно отметить ещё одно: так внимательно надо относиться не только к тем людям, с которыми мы сблизились, но и ко всем тем, кто нас окружает, с кем так или иначе мы соприкасаемся. Я хочу привести пример из Иоанна Лествичника, где он говорит о двух юношах, которые сблизились между собой и имели друг к другу настоящую христианскую любовь, но чтобы не соблазнить других, они решили на некоторое время расстаться. «Иногда разрушают заповедь ради другой заповеди. Например, видел я юных, связуемых союзом любви по Богу; но чтобы не соблазнить других и не уязвить их совести, они уговорились между собою и удалились на время друг от друга»⁵⁰⁶.

Если я кого-нибудь полюбил, то мне мало хранить совесть только в отношении к нему. Может создаться такое положение, что, исполняя одну заповедь, приходится нарушить другую. С нами это очень часто бывает. Вот эти двое юношей имели любовь по Богу, но могли каким-то образом смутить чужую совесть и, принося пользу один другому, храня совесть друг друга, могли таким образом разрушить закон, запечатлённый в чужом сердце. Хорошо любить ближнего по Богу, но не надо кого-нибудь этим соблазнять, иначе мы ничего не приобретаем. Если принимать и понимать совесть такой, как она дана Богом,

то вот как внимательно надо относиться к совести, заключённой не только в нас самих, но и в других.

Посмотрим теперь, как же надо хранить совесть по отношению к самому себе. Опять напоминаю, что и это хранение совести также есть, в своей сущности, хранение совести по отношению к Богу. Я должен хранить совесть по отношению к себе, потому что во мне образ Божий.

«Будь справедлив к себе и каждой части своего естества отдавай должное, – говорит Никодим Святгорец. – Дух твой, ищущий Бога, небесного и вечного, да властвует над душою и телом, которых назначение устроить временную жизнь; душа, подчиняясь внушениям духа, выю ума да подклоняет богооткровенной истине и ею да освещает всю область своего ведения; волю да держит в порядках заповедей Божиих, не давая ей, в противность им, уклоняться к своим похотениям; сердце да учит находить вкус только в вещах божественных и в том, что носит отпечатки и служит выражением божественного, и в сем духе да ведёт свои дела и порядки житейские и общественные; телу давай нужное и, соблюдая в сем строгую мерность, имей законом никогда ни в чём не творить плоти угодил в похоти (ср.: Рим. 13:14). Храня сие, будешь добрым правителем себя самого и истинным себе благодетелем»⁵⁰⁷.

Отдавай должное каждой части своего естества. Святые отцы говорят, что не только душу нашу должны мы спасать, но и само тело готовить для жизни в другом мире. Те, кто думает, что христианский аскетизм есть умерщвление плоти в смысле «тела», вовсе не правы. Они должны обратиться к великому учителю христианской подвижнической жизни – авве Евагрию. «Говорил святой и опытейший учитель наш: монах так должен быть настроен в себе, как бы завтра имел он умереть; и так опять поступать с телом своим, как бы имел жить многие лета»⁵⁰⁸. Стало быть, мы должны помнить для души нашей, что жизнь наша временная, а для тела – что она вечная. Это как-то странно звучит.

Казалось бы, и мы привыкли это слышать, что надо думать как раз обратное, т. е. что для души – жизнь вечная, а для тела – временная. Но авва Евагрий приводит и причины, почему

надо думать не так. Мысль о краткости нашего существования «пресекает помыслы уныния и делает монаха ревностнейшим; а это здоровым хранит тело и заставляет наблюдать всегда равное воздержание»⁵⁰⁹. Каждый из нас должен соблюдать свою меру, должен в меру заботиться о своём теле и делать для него всё необходимое, чтобы оно не терпело в чём-либо недостатка; не надо и впадать в излишество. Будь справедлив к себе и каждой части своего естества отдавай должное.

Теперь последнее – хранение совести в отношении вещей. Бог не только сотворил нас, Он сотворил весь мир, сотворил всё, что нас окружает и чем мы, так или иначе, пользуемся. Вот в отношении ко всему этому мы также должны хранить свою совесть.

В христианстве, как и вообще в жизни, все антиномично. Христианство вовсе не сборник нравственных поучений, на время оставивший свой переплет. В христианстве, как и в жизни, всё с одной стороны так, с другой – иначе. Только что мы видели это, когда говорили о хранении совести в отношении к своему телу. Так же и в отношении к вещам. С одной стороны, не надо иметь к ним пристрастия: *не заботьтесь... что вам есть и что пить, ни... во что одеваться; не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут (Мф. 6:25,19)*, не надо прилепляться к ним, ибо они тленны. С другой стороны, эти же самые вещи даны тебе Богом, они творение Божие, и в отношении к ним храни свою совесть, т. е. относись к ним бережно.

«А хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещью, не допускать ей портиться и не бросать её как-нибудь, а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на своё место. Не должно также обходиться не рассматрительно со своею одеждою, ибо случается, что иной мог бы носить одежду неделю или две, или даже месяц, а он часто моет её преждевременно и тем портит её, и вместо того чтобы носить её пять месяцев или более, он частым мытьем приводит её в ветхость и негодность, а это против совести. Также и в

отношении постели, часто иной мог бы довольствоваться одной подушкой, а он ищет большой постели; или имеет власяницу, но хочет переменить её и приобрести другую, новую или более красивую, по тщеславию или от уныния. Иной опять может обойтись одним покрывалом, а он ищет другого, лучшего, иногда даже и спорит, если не получит его. А если он ещё станет примечать за братом своим и говорить: «Зачем у него есть, а у меня нет?» – то такой далёк от преуспевания. Также если кто-либо развесит свою одежду или покрывало на солнце и поленится вовремя снять их и допустит им от зноя портиться, то и это против совести. Также и в пище, иной может удовлетворить своей потребности малым количеством какого-либо овоща, или чечевицей, или немногими маслинами, а он не хочет этого, но ищет другой пищи, вкуснейшей и лучшей – это все против совести. Отцы же говорят, что монах никогда не должен допускать, чтобы совесть обличала его в какой-либо вещи. Итак, необходимо нам, братия, внимать себе всегда и охранять себя от всего этого, чтобы не подвергнуться тому бедствию, от которого Сам Господь предостерегает нас, как мы выше сказали»⁵¹⁰.

Если мы вспомним теперь, что такое совесть и насколько необходима она для нашего спасения, нам станет понятно, почему святые отцы так бережно и тщательно хранили свою совесть и завещали нам хранить нашу. И в самом малом надо хранить совесть, ибо она нечто такое, без чего нельзя спастись. «Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его как малое и ничтожное; оно не малое, ибо чрез него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о лёгком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким, ибо и добродетели, и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу»⁵¹¹. Так совесть хранится, а очищается она, как мы говорили, Телом и Кровию Господа.

Нам остаётся ещё вопрос об испытании совести. Вы помните, что наша совесть может перестать обличать нас по двум причинам: в том случае, если мы «достигли верха добродетели» или, наоборот, если «ниспали в самую глубину зла»⁵¹². Итак, если совесть наша молчит, нам надо узнать,

почему она молчит. Иногда случается с нами, что разум наш обличает нас в чём-нибудь, а совесть молчит. Может происходить и обратное: разум оправдывает, а совесть обличает; что бы мы ни говорили, но где-то в глубине раздаётся её обличительный голос: «Нехорошо ты сделал». И такое состояние – счастливое.

Наша совесть часто молчит, ибо мы не храним её, и всем ревнующим о спасении необходимо её испытать. В «Невидимой брани» мы много читаем о том, как надо испытывать совесть – каждый день, утром и вечером. «Добре хотящие жити, ревнители о спасении все так и действуют (т. е. хранят совесть. – О. С.), всячески стараясь ни в чём из того не погрешить и ничем не запятнать своей совести. При всём том, однако ж, то мысли и чувства, то слова, а то и дела неправые проскользают, иной раз незаметно, а то и заметно, и запыляют чистый лик совести, так что к концу дня редкий не бывает похож на путника, шедшего по пыльной дороге, у которого всюду набивается пыль: и в глаза, и в нос, и в рот, и в волосы, и всё лицо покрывает. По сей причине и положено всякому, ревнующему о спасении, вечером испытывать свою совесть и, уяснив себе все неправости, допущенные днём в мыслях, словах и делах, очистить их покаянием, т. е. делать то же, что делает запылившийся путник: путник умывается водой, а ревнующий о спасении очищает себя покаянием, сокрушением и слезами»⁵¹³. Очень хорош образ путника, который в долгой дороге покрывается пылью, проникающей даже внутрь его тела. Нам необходимо испытывать нашу совесть и очищать её покаянием.

Покаяние совсем не тогда начинается (как уже не раз я вам говорил и уже, верно, надоел), когда мы стоим пред Крестом и Евангелием и исповедуем свои грехи; и не кончается оно тогда, когда читается над нами разрешительная молитва, или тогда, когда мы соединились с Христом, причастившись Святых Таин. Оно только тогда, может быть, и начинается, потому что здесь омывается и очищается наша совесть и указывает нам на наши грехи, от которых мы должны очиститься.

Нужно всячески заставлять нашу совесть говорить, вернее, надо заставлять себя слышать и слушаться её, потому что она-

то не молчит никогда, она говорит постоянно, хотя и тихо, а это мы её не слушаем. Надо каяться. Покаяние проходит сквозь всю нашу духовную жизнь, ибо, как не раз я вам говорил, наша вера есть вера покаянная, и в лучшие моменты нашей жизни совесть наша начинает говорить в нас и обличать нас до того, что мы с сокрушением начинаем каяться. Так было и у всех святых, и у апостолов. Когда Пётр, закинув по слову Господа сети, после целой ночи безуспешной ловли вытащил великое множество рыбы и понял, Кто перед ним, он в ужасе воскликнул: *Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним (Лк. 5:8–9).* Покаяние, сознание и исповедание своего греха идёт непосредственно от совести. Пётр раньше ничего этого не испытывал, не признавал, что грешен, а Христос Своею благодатью, Своим чудом дал ему почувствовать угрызения совести. Так же и Фома, когда подошёл к нему Господь со Своей благодатью и сказал: *Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим.* Будучи обличён совестью, Фома сказал Ему в ответ: *Господь мой и Бог мой! (Ин. 20:27–28).*

Проповедь Иоанна Крестителя была: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное (Мф. 3:2).* И апостолы говорили уверовавшим: *Покайтесь, и да крестится каждый из вас (Деян. 2:38).* Всюду – «покайтесь». Покаяние проходит сквозь все христианство.

А испытание совести приводит к покаянию, оно будит совесть, показывая нам грехи наши. Стало быть, от испытания совести зависит и сама вера наша.

«Что увидишь неправым, рассмотри, как случилось, что ты сделал то, когда держишь постоянно желание делать одно правое, какие были к тому поводы и причины внутренние и внешние, как бы тебе следовало править собой в данном случае, чтобы не погрешить, и почему ты этого не сделал; затем, осудив себя, а никого и ничего другого, разумно определи, как следует тебе держать себя, чтобы впредь не погрешить в таких же или подобных обстоятельствах, и предпиши то себе в закон с решимостью исполнять его без

уклонения и поблажки себе или человекоугодию, пользуясь таким образом для удобрения нивы сердца своего и нечистотами»⁵¹⁴. Так «Невидимая брань» советует испытывать свою совесть, отнюдь не обвиняя других, отнюдь не приводя себе в оправдание причин внутренних и внешних, а обвиняя только себя. Святые отцы называют совесть зеркалом нашего послушания воле Божией, исполнения заповедей Божиих: «Совесть да будет тебе зеркалом твоего повиновения; и сего для тебя довольно»⁵¹⁵. Всем нам одно надо помнить: самое главное – это хранение совести по отношению к Богу, ибо есть только Бог и я⁵¹⁶.

Мы думаем, что мы отыскиали Бога, и на том успокаиваемся, а надо искать Бога в продолжение всей жизни, ибо Он всегда с нами, а мы не всегда с Ним. Если знаем, что Он слышит топот ног того муравья, о котором говорит арабский мудрец, то как же мы должны помнить о том, что Он всё видит, все дела, слова, мысли и чувства наши, и хранить свою совесть по отношению к Нему. Если мы поставим себе целью всегда, везде и во всём искать Бога – искать не в смысле тех или иных вероучений, а в смысле жизни и общения с Ним, тогда указания, даваемые святыми отцами, окажутся не теми или иными мёртвыми рубриками, воспринимаемыми памятью, но оживут для нас и поведут нас к Богу.

Мы не хотим жить «под подвижников», мы должны брать из святоотеческого опыта только то, что в нашей мере, что соответствует нашей индивидуальности и тому месту в жизни, какое мы занимаем. Ибо «рассуждение есть совесть неосквернённая»⁵¹⁷.

Аминь.

О вере

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сейчас я хочу говорить с вами о том, о чём, как правило, не говорят, – о вере. Обычно, поверив и войдя в Церковь, мы на этом и успокаиваемся. Между тем надо разобраться, что же такое вера. «Вера есть сила, всё внутри в благонастроении содержащая, или есть самое благонастроение, подающее преестественное, непосредственное, совершенное единение верующего с веруемым Богом»⁵¹⁸. Итак, наше общение, наша связь с Богом находится в зависимости от того, какова сила нашей веры.

Нам кажется, что Бога можно просить о любой добродетели, но мы не делаем этого в отношении веры. Преподобный Симеон Новый Богослов, не будучи сам мучеником и не готовясь к этому подвигу, так определяет её сущность: «Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его в убеждении, что такая смерть приносит жизнь»⁵¹⁹. Здесь вера ставится в связь с мученичеством.

Если мы вспомним о крещении, которое совершается через погружение крещаемого в воду, перед нами встает вопрос: каков таинственный смысл этого действия? Николай Кавасила изъясняет это следующим образом: когда, погружаясь в воду, скрываемся в ней, то убегаем жизни в воздухе, что означает смерть, а когда появляемся на поверхности – опять получаем воздух и жизнь⁵²⁰. Подобное же говорит и Кирилл Иерусалимский: «И каким образом Христос воистину был распят, погребён и воскрес; а вы чрез крещение в подобии и сраспяться, и спогребстись, и востать с Ним удостоились...»⁵²¹. Значит, в самом крещении мы выражаем существо нашей веры, готовность умереть за Христа.

Христос не требует от всех нас смерти за Него, какою Он за нас умер, но все мы должны иметь, по крайней мере, готовность к тому и свидетельствуем о том в крещении, умирая с верою, что такая смерть есть истинная жизнь. Продолжая раскрывать понятие «вера», Симеон Новый Богослов пишет: «Вера есть...

нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время как ничего не имеется, быть уверену, что всем обладаешь»⁵²².

Милость Божия к нам заключается в том, что в крещении с нами не происходит фактической смерти – мы лишь свидетельствуем о готовности к ней. Для некоторых же, для сильных, эта смерть становится настоящей, они на самом деле сподобляются пострадать за Христа, но и мы, слабые, должны иметь, по крайней мере, готовность к смерти.

Если посмотреть внимательно на всё христианство, на последования наших Таинств, начинаешь видеть, какое особенное значение придаётся мученичеству, смерти за веру во Христа. В радостном, говорящем не о смерти, а о жизни Таинстве брака врачующиеся венчаются венцами мучеников: «Помяни я, Господи Боже наш, – говорит молитва, – якоже помянул еси святых Твоя чотыредесять мученики...»⁵²³ В Таинстве брака полагается тропарь мученикам: «Святии мученицы, добре страдалчествовавшии, и венчавшийся, молитесь ко Господу, помиловатися душам нашим»⁵²⁴. Радость врачующихся должна быть радостью креста, мало того – даже радостью мученичества. «Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало, мучеников радование, ихже проповедь, Троица Единосущная»⁵²⁵.

Также и в момент скорби, в момент отпевания Церковь взывает: «Агнца Божия проповедавшие, и заклани бывше якоже агнцы, и к жизни нестареемь, святии, и присносущней преставльшеся. Того прилежно, мученицы, молите, долгов разрешение нам даровати»⁵²⁶. Не к преподобным, не к праведным, а к мученикам прежде всего обращается Святая Церковь, ибо они явно исполнили обет веры, обет крещения: «В небесных чертозех выну (всегда. – О. С.) доблии мученицы молятся Тебе, Христе, егоже от земли преставил еси вернаго, вечных благ получите сподоби»⁵²⁷. И почти всюду, во всяком Таинстве и богослужении, первый тропарь будет мученический.

Итак, всякий, кто крестился, должен быть готовым на то, что по указанию Божию, по Его воле символически совершённое над ним в Таинстве крещения действительно над ним и

совершится. Об этом мы имеем не только святоотеческие свидетельства. То же говорит нам один из наших современников, который рассказывает, что в простоте сердца он думал раньше, что те времена, когда Господь требовал от верующих готовности умереть за Него, прошли, что это было где-то, когда-то. Но вот и ему Господь судил соприкоснуться с этим моментом готовности умереть за веру, о которой говорит Симеон Новый Богослов, и, испытав это, он свидетельствует, что трудно только переступить границу и предать себя всецело воле Божией, но когда «рубикон перейдён», тогда нет меры утешения.

Веры надо нам иметь больше. Тогда понятны становятся слова Симеона Нового Богослова, который сам шёл не путем мученичества, но так понимал веру. И тот человек, кто стал перед необходимостью умереть или отказаться от Христа, получает настоящее понимание веры. Вовсе не прошли те состояния, о которых мы любили читать в детстве, которые мы считали почти за сказку. Господь может каждому послать мученический венец, а если и нет, то мы должны принести Ему хотя бы готовность к тому.

Если всё это так, то как же нам всё-таки быть?

В чём трудность для неверующего? Сами ли мы приобретаем веру или Бог нам её дает? Симеон Новый Богослов, рассуждая о природе веры, вспоминает некоего знакомого ему «человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не сыпал, ни других подобных особенно тяжёлых подвигов на себя не налагал, но, приведши на память грехи свои, познал своё окаянство и, осудив себя, смирился, – и многоблагодарный Господь за это одно спас его, как говорит божественный Давид: *смирися, и спасе мя* (Пс. 114:5). Он поверил словесам Бога, и за эту веру Господь приял его»⁵²⁸.

Смирение есть вера и вера – смирение. По словам Симеона Нового Богослова, вера есть дар Всеблаготворного Бога; этот дар Он вложил в наше естество, подчинив употребление его самовластию произволения нашего⁵²⁹. Мы не имеем в своей

естественной природе никакого препятствия к тому, чтобы поверить словесам Бога. А почему же есть неверующие?

Вера есть то, что вложено в нас. Совершением греха человек выявил потерю веры в Творца как во Всеведущего, Всезнающего и Вездесущего, сначала задумав обмануть Его, а потом, пытаясь спрятаться от Него. И потеряна вера была благодаря гордости – тварь захотела сравняться с Творцом, стать подобной Ему. И наоборот, мы обретаем веру, когда ставим себя обратно на ту полку, на которой должны стоять как тварь в природе. Препятствие же для веры не в естестве, а в том, что мы сами вложили в себя – в гордости. Вся трудность заключается в стяжании смирения.

Для нас, уверовавших, дело обстоит вовсе не так, что вот поверили, и всё тут. Иначе бы мы горами двигали. Вера даруется нам как вложенная в естество, в природу нашу, возрастает в зависимости от того, насколько мы идём навстречу. *И сказали апостолы Господу: умножь в нас веру (Лк. 17:5).* Они понимали, что вера даётся Господом. Становится понятным всё, что было с апостолами, когда не могли они исцелить бесноватого, как рассказывается в Евангелии: *Один из народа сказал в ответ... говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли. Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И когда привели к Иисусу бесноватого отрока, Господь сказал его отцу: Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию (Мк. 9:17–19.23–24).* А Петру Господь говорит: *Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих (Лк. 22:31–32).* Вера ослабевает в нас потому, что мы не идём к ней навстречу, не готовимся к принятию дара, не просим, как отец бесноватого: *Верую, Господи, помози моему неверию (Мк. 9:24).* Все приведенные евангельские свидетельства говорят, что мы своими силами не можем ни приобрести, ни сохранить веру и

должны молиться о том Господу, как молились святые отцы и мужи евангельские.

Если вера есть готовность умереть за Христа и смерть эта – высшая степень веры, нам надо идти путём стяжания этого состояния: «Вера во Христа, истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожительницею себе, тот приболезненно взыщет узнать, каково будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущем, тому, прежде всего, надлежит лишить себя настоящего (т. е. благ и вещей мира сего)»⁵³⁰.

Вера настраивает на истинное благо; она рождает в нас страх Божий. Подобное же говорит и Феодор Эдесский: «Вера правая и глубоко внедрённая рождает страх Божий; страх же Божий научает нас соблюдению заповедей»⁵³¹. *Сам ничего не могу, но всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе (Флп. 4:13)*. Сознание немощи моей рождает, по словам Симеона Нового Богослова, память смертную. На земле мы имеем время на покаяние, а в той жизни будет уже поздно. Царство Божие начинается на земле, оно внутри нас (ср.: Лк. 17:21). Потому-то и утрачиваем мы, в конце концов, интерес к благам и вещам мира сего.

Всё настоящее есть то, что прейдёт, но не прейдёт моя душа и Царство Божие, к которому я приобщаюсь здесь, на земле. Мы должны готовить себя к иной жизни и к тому, что смерть за Христа есть путь к истинной, настоящей, подлинной жизни. Мы должны пользоваться всем как непопользующиеся (ср.: 1Кор. 7:31) и не должны делать для себя из «благ земных» настоящие блага. Тогда вера станет иметь для нас совсем не то значение, какое мы придавали ей раньше.

Итак, вера есть дар Божий, о котором должно просить; вера зависит от того, как мы смиряемся, и пути, ведущие к вере, лежат через память смертную, через неприсоединение к мирским

благам и даже к самой жизни в мире сем, через готовность к смерти за веру во Христа.

Следуя по пути стяжания веры, на что же нам всё-таки ориентироваться, что ставить во главу в этой борьбе за веру и смирение? Об этом говорит апостол Павел: *Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое заветование, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин, имея веру и добрую совесть, которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере (1Тим. 1:18–19)*. В другом месте он говорит о диаконах (и это относится, конечно, ко всякому христианину), что они должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести (1Тим. 3:8–9). Таким образом, наша вера зависит от того, насколько чиста наша совесть. Очищение и хранение совести – вот на чём должна быть основана борьба за веру.

Аминь.

О гордости (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В последний раз мы говорили о том, что нашу веру возрождает и укрепляет смирение, и теперь следовало бы поговорить о смирении. Но здесь есть величайшая трудность: мы вовсе не имеем смирения в своём опыте, а, как говорит Иоанн Лествичник, «кто думает одним сказанием своим просветить и научить не вкусивших сего самым делом, тот делает нечто подобное человеку, вознамерившемуся словами и примерами дать понятие о сладости мёда тем, которые никогда его не вкушали»⁵³². «Никакое слово не может изъяснить его качество. Одну надпись имеет сие сокровище, надпись непостижимую, как свыше происходящую; и те, которые стараются истолковать её словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. Надпись эта такова: святое смирение»⁵³³.

Нам трудно, почти невозможно говорить о смирении, поэтому я хочу сегодня говорить о том, что дано нам в опыте – о гордости. «Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение»⁵³⁴, – говорит Иоанн Лествичник. «Начало гордости – корень тщеславия; середина – уничижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец – отвержение Божией помощи, упование на своё тщание, бесовский нрав»⁵³⁵.

Таким образом, гордость в итоге приводит к потере веры в Бога. Когда тщеславие в нас разовьётся настолько, что мы становимся его рабами, мы вступаем в середину гордости. Такой человек может ещё молиться, как и видим мы на примере фарисея, в молитве которого есть и уничижение ближнего, и бесстыдное проповедание своих трудов: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь (Лк. 18:11)*. Такой человек ещё молится Богу, не понимая, что он уже на границе неверия и отгнания помощи Божией, а между тем последнее вместе с

упованием на своё тщание есть уже конец гордости – «бесовское изобретение».

Если обратимся к авве Дорофею, то у него увидим разграничение степеней гордости на первую и вторую, которые соответствуют середине и концу её по Иоанну Лествичнику. Авва Дорофей пишет: «Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его как ничего не значащего, а себя считает выше его; таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога и подвиги и добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощью Божиею»⁵³⁶.

Дальше авва Дорофей показывает жалкое состояние одного брата, который последовал первой гордости, и на этом примере описывает переход первой гордости во вторую. «Поистине, братия мои, знаю я одного, пришедшего некогда в сие жалкое состояние. Сначала, если кто из братьев говорил ему что-либо, он уничижал каждого и возражал: «Что значит такой-то? Нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему». Потом начал и сих охуждать и говорить: «Нет никого достойного, кроме Макария». Спустя немного начал говорить: «Что такое Макарий? Нет никого достойного, кроме Василия и Григория». Но скоро начал охуждать и сих, говоря: «Что такое Василий? И что такое Григорий? Нет никого достойного, кроме Петра и Павла». Я говорю ему: «Поистине, брат, ты скоро и их станешь уничижать». И поверьте мне, чрез несколько времени он начал говорить: «Что такое Пётр? И что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы». Наконец, возгордился он и против Самого Бога и таким образом лишился ума. Посему-то должны мы, братия мои, подвизаться всеми силами нашими против первой гордости, дабы мало-помалу не впасть и во вторую, т. е. совершенную, гордыню»⁵³⁷.

Для тех, кто желает бороться с гордостью, надо остановиться на начале гордости – тщеславии. Каково же отношение между гордостью и тщеславием? По Иоанну Лествичнику, «между сими страстями такое же различие, какое

между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом, ибо тщеславие есть начало, а гордость конец»⁵³⁸, а в другом месте называет тщеславие «предтечею гордости»⁵³⁹.

Что такое тщеславие по своему качеству? По своему виду оно есть «изменение естества», т. е. того, что вложено в нас Богом. «По качеству же оно есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей на гумне, который, хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод. Муравей ждёт собрания пшеницы, а тщеславие собрания богатства, ибо тот радуется, что будет красть, а сие, что будет расточать»⁵⁴⁰.

Всякий, кто трудится для Бога и при этом тщеславится, напрасно трудится, напрасно тратит поты, ибо у него есть похититель этого духовного сокровища, имея которого можно потонуть – потонуть не в открытом море, а уже находясь у пристани. Как говорят святые отцы, «тщеславный человек есть идолопоклонник, хотя и называется верующим. Он думает, что почитает Бога, но на самом деле угождает не Богу, а людям»⁵⁴¹. «Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то, и другое делает для похвалы человеческой. Тщеславный подвижник сам себе причиняет двойной вред: первый, что изнуряет тело, а второй, что не получает за это награды»⁵⁴².

Нам важно знать, каким образом можем мы определить в себе тщеславие, каков его основной признак. Тщеславие можно узнать в себе «тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди»⁵⁴³, или «когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, обнаруживает тщеславные поступки»⁵⁴⁴.

Каково же состояние тщеславного? Тщеславие владеет нами, когда мы не противимся ему. Оно сопровождает нас во всякой нашей добродетели. «Всем без различия сияет солнце, а тщеславие радуется обо всех добродетелях. Например, тщеславлюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей своё воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие

одежды, но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх»⁵⁴⁵. Нам надо бороться с тщеславием, надо противопоставить ему что-то, от чего оно исчезло бы. Тщеславие крайне опасная для нас страсть. Не будь у нас тщеславия, мы; возможно, многого не стали бы делать, а ради тщеславия побеждаем всякую другую страсть. Так, «тщеславие делает гневливых кроткими перед людьми»⁵⁴⁶, и они сдерживаются не потому, что так велел Господь, не потому, что говорят себе: «В брате моём образ Божий, который нельзя унижать», а потому что боятся: «Обо мне могут плохо подумать».

Вот что рассказывает Иоанн Лествичник: «Однажды я, сидя в келии, впал в такое разлечение, что думал почти её оставить. Но пришли некоторые странники и наговорили мне, как безмолвнику, много похвал; и помысл разлечения тотчас оставил меня, будучи прогнан тщеславием... Я удивился, как трерожный бес тщеславия сопротивляется всем духам»⁵⁴⁷. Этим Иоанн Лествичник указывает, что нет такой страсти, которую не могло бы побороть тщеславие. Мы обычно думаем, что это победа, а на самом деле это поражение, так как здесь слабейшая страсть подчиняется более сильной, а не искореняется вовсе покаянием и страхом Божиим. Тщеславие только на время отгоняет другую страсть, скрывает её от нас и тем самым не позволяет бороться с нею.

Когда мы говорим о тщеславии, нам необходимо отметить те пути, по которым оно в нас развивается. Один из этих путей – многоглаголение. «Многоглаголение есть седалище, на котором тщеславие любит являться и торжественно себя выставлять»⁵⁴⁸. Впадая в многоглаголение, мы развиваем в себе тщеславие. Кроме того, важно не только то, что много говорю я, но и то, что, если много говорят мне, а в особенности, если хвалят меня, это также развивает тщеславие. Упраздняется же тщеславие молчанием: «Молчание Иисусово постыдило Пилата; и безмолвие уст благочестивого мужа упраздняет тщеславие»⁵⁴⁹.

Как мы видим, борьбу с гордостью надо начинать с борьбы с тщеславием. В этом нам помогает ещё одно очень действенное средство – и его даёт Господь – это бесчестие, которое является хорошим лекарством для тщеславного. «Часто Господь исцеляет тщеславных от тщеславия приключаящимся бесчестием»⁵⁵⁰.

Можно говорить об этапах истребления тщеславия. «Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестия; середина же – отсечение всех помышляемых ухищрений тщеславия; а конец (если только есть конец в этой бездне) состоит в том, чтобы стараться делать пред людьми то, что нас уничижает, и не чувствовать при оном никакой скорби»⁵⁵¹.

1. Начало есть «хранение уст и любление бесчестия». Это значит, что мне надо постараться заградить свои уста и понять – настолько, насколько могу, – что бесчестие для меня полезно. Я должен сам себя смирать изнутри, говоря: «Я тщеславен, так мне и надо».

2. Тщеславные мысли сопровождают нас во всём и мешают во всяком делании, но мы не можем начать прямо с ними борьбу. Всякая борьба со страстями начинается не с помыслов, а с действий: сначала я должен научиться хранить уста и любить бесчестие и только тогда могу перейти к средней стадии истребления тщеславия – хранению помыслов, отсечению их.

3. Каков же конец этого делания? Он состоит в том, чтобы делать перед людьми то, что нас уничижает, и не чувствовать при этом никакой скорби. Это уже совсем далеко от нашего устройства, это венец достижения. Его мы видим у юродивых. «Если предел, свойство и образ крайней гордости состоит в том, что человек ради славы лицемерно показывает добродетели, каких в нём нет, то глубочайшего смиренномудрия признак, когда человек ради уничижения в некоторых случаях принимает на себя такие вины, каких и нет в нём. Так поступил тот духовный отец (авва Симон. – О. С.), который взял в руки хлеб и сыр⁵⁵²; так поступил и тот делатель чистоты, который снял с себя одежду и прошёл город бесстрастно (преподобный Серапион Синдонит. – О. С.)⁵⁵³⁵⁵⁴.

Если предел тщеславия есть, когда мы даже наедине любим себя (скажем, оратор, который становится в позу, думая о речи, которую он произнесёт, или художник, который мечтает о том, какую напишет картину: «вот и вот что сделано», и уже думает, что он что-то сделал, или женщина перед зеркалом, любующаяся собой, хотя её никто и не видит), то «признак совершенного не тщеславия есть, чтобы и при посещениях других никогда не вкрадываться тщеславною мыслью. Если знак гибели, т. е. гордости, есть, когда кто возносится и малыми и незначительными делами, то спасительный признак смирения есть смиренно думать о себе и при великих начинаниях и совершенствах»⁵⁵⁵.

Святые отцы приводят и другие виды гордости. Авва Дорофей говорит: «Гордость же бывает мирская и монашеская: мирская гордость есть та, когда кто гордится пред братом своим, что он богаче или красивее его, или что носит лучшую, нежели тот, одежду, или что он благороднее его. Итак, когда мы видим, что тщеславимся сими преимуществами, или тем, что монастырь наш больше или богаче других, или что в нём много братии, то мы должны знать, что находимся ещё в мирской гордости. Случается также, что тщеславятся какими-либо природными дарованиями: иной, например, тщеславится тем, что у него хорош голос и что он хорошо поёт или что он скромн, усердно работает и добросовестен в служении. Сии преимущества лучше первых, однако, и это мирская гордость. Монашеская же гордость есть та, когда кто тщеславится, что он упражняется во бдении, в посте, что он благоговееен, хорошо живёт и тщателен. Случается также, что иной и смиряется для славы. Все сие относится к монашеской гордости»⁵⁵⁶.

Хотя всякая гордость и должна быть в нас истреблена, мы находимся в таком устройении, что не можем вовсе не испытывать чувства гордости, а если так, то, как говорят святые отцы, лучше гордиться духовными дарованиями, а не чем-либо мирским: «Можно нам вовсе не гордиться; если же кто сего совсем избежать не может, то хоть бы гордился преимуществом монашеских дел, а не чем-либо мирским»⁵⁵⁷. «Кто возносится естественными дарованиями, т. е. остроумием, понятливостью,

искусством в чтении и произношении, быстротою разума и другими способностями, без труда нами полученными, тот никогда не получит вышеестественных благ, ибо неверный в малом и во многом неверен и тщеславен»⁵⁵⁸. Где уж нам бороться с духовной гордостью, когда нам и гордиться-то совсем нечем. Тщеславие же мирское надо останавливать и помнить, что тот, кто впал в рабство мирской гордости, не может надеяться на преуспеяние. И вообще, тщеславиться мы не можем ничем, потому что всё это не наше, ибо всё – дар Божий, и я сам создан Богом. «Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумие – гордиться Божиими дарованиями... Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои, потому что Бог даровал тебе и самый ум. Какие подвиги показал ты без тела, те только и относи к твоему тщанию, ибо и тело не твоё, а творение Божие»⁵⁵⁹.

Мы путаем все эти состояния, и нам надо начать с искоренения в себе тщеславия, ведь дело может кончиться отвержением помощи Божией, что мир теперь и делает. Все ступени гордости связаны между собой. Если усвоить, что гордость уничтожает плоды всякого нашего доброго дела, что она есть «потопление в пристани», что многие тщеславные подвижники только вред себе двойной приносили, а Иоанн Лествичник даже говорит, что «гордый монах не имеет нужды в бесе; он сам сделался для себя бесом и супостатом»⁵⁶⁰, если серьёзно это воспринять, тогда понятно станет то, что было сказано в начале: «Начало гордости – корень тщеславия; середина – уничижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец – отвержение Божией помощи, упование на своё тщание, бесовский нрав»⁵⁶¹. Нам надо это всегда помнить, ибо мы склонны тщеславиться в каждом нашем поступке, тщеславимся всегда и во всём.

Давайте же бороться с тщеславием, давайте помнить, что с этой борьбы начинается смирение, та добродетель, которая нам вовсе не известна и которую даже Иоанн Лествичник не может определить: «Смирennemудрие есть безымянная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали её

собственным опытом»⁵⁶². «Никакое слово не может изъяснить его качество. Одну надпись имеет сие сокровище, надпись непостижимую, как свыше происходящую; и те, которые стараются истолковать её словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. Надпись эта такова: святое смирение»⁵⁶³.

Аминь.

О гордости (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы начали говорить о гордости, но в связи с тем, что наступают дни Великого поста, придётся теперь в последний раз побеседовать о ней – о том, как она мешает нам каяться, отводит нас от покаяния. Святые отцы говорят: «Обыкновенно ничто так не производит гордости, как добрая совесть, если мы не будем внимательны. Потому и Христос, зная, что эта страсть приходит к нам после добрых дел, говорил ученикам: *егда сотворите вся... глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. 17:10)"⁵⁶⁴, т. е. даже в том случае, если бы вы были преисполнены всякой добродетели, не гордитесь, а говорите: «Не нам, а имени Твоему принадлежит всё, что мы делаем». Грешники не имеют причин гордиться, а у праведников в этом отношении большая опасность. Мы должны особенно бояться гордости не тогда, когда ничего не делаем, а тогда, когда что-нибудь уже сделали.

Чем же мы можем гордиться? Святые отцы говорят, что человеку нечем гордиться: «Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои, потому что Бог даровал тебе и самый ум. Какие подвиги показал ты без тела, те только и относи к твоему тщанию, ибо и тело не твоё, а творение Божие»⁵⁶⁵, – говорит Иоанн Лествичник. Поэтому, что бы ни делали мы – всё это не наше, но Божие, ибо Бог сотворил нас такими, что мы не должны были бы вовсе делать зла, а мы сами внесли в душу свою грех и тление. Все духовные дарования – Божии. Ты, если имеешь ум, не можешь гордиться чужими драгоценностями, чужой одеждой, чужим сочинением, потому что прекрасно знаешь, что они не твои. Так же и в отношении к Богу. «Ты можешь гордиться только своими грехами», – говорит один святой отец. А гордиться тем, что дал Господь, – крайнее безумие, ибо это, по словам Исаака Сирина, не твоя собственность, но дано Богом, и если ты не будешь ходить по Его заповедям и воле, то отнимет у тебя Господь Свои дары, Свою собственность и отдаст лучшему тебя, и будешь ты

походить на человека, у которого отняли перо, только что омоченное в чернилах. Нам надо помнить, что всё это не наше достояние, но богатство Господа, а мы только и делаем, что расточаем и растлеваем его.

Господь говорит, что тот, кто имеет в себе гордость, носит беса внутри себя. «Гордый монах не имеет нужды в бесе; он сам сделался для себя бесом и супостатом»⁵⁶⁶, – читаем у Иоанна Лествичника. Что бы ни делал такой человек, всё напрасно и не приносит никакой пользы. Святой Максим Исповедник говорит, что гордый монах ничем не гнушается – ни молитвой, ни постом, ни бдением, ни спаньем на голой земле, ни другими тяжкими подвигами, но исполняет всё до тех пор, пока это угодно сидящему в нём бесу, пока он делает это для себя, ибо тщеславный человек, как мы говорили, – идолопоклонник.

Нам подобает, особенно в дни покаяния, забыть обо всех своих добродетелях, ибо все они Божии; тот, кто ими гордится, находится в ужасном положении, ибо имеет в себе беса. Такому человеку может помочь только Бог, и, по словам Лествичника, язва его «от людей неисцельна»⁵⁶⁷. Нам можно только молиться за такого человека, но ни словом, ни делом ему не поможешь: «Кто пленен гордостью, тому нужна помощь Самого Бога, ибо суетно для такого спасение человеческое»⁵⁶⁸.

Как же бороться с подобным состоянием? Если мы совершили доброе дело, нам надо помнить, что под видом благодарения к нам часто вкрадывается гордость. Вспомним мытаря и фарисея. Фарисей и в самом деле был не таков, как мытарь, у мытаря не было его дел. Но тщеславием он уничтожил свою награду. Нельзя начинать молитву, а в особенности исповедь с благодарения. Никогда не надо говорить: «Слава Богу, у меня того-то нет и того-то нет, я то-то и то-то хорошее делаю». А ведь так у нас часто бывает. Иоанн Лествичник говорит о гордости: «Услышим все, хотящие избежать рва сего: весьма часто сия страсть получает пищу от благодарения... Видал я людей, устами благодаривших Бога и возносившихся в мыслях своих. О сем ясно свидетельствует фарисей, сказавший: *Боже, хвалу Тебе воздаю (Лк. 18:11)*»⁵⁶⁹.

Здесь дело не в том, что не надо благодарить Бога за всё, что мы делаем, – правда, всё это Его собственность, Его дар. Но дело в том, что мы, говоря: «Благодарю Тебя, что я стал такой хороший», – переносим центр тяжести на себя. И вот те из нас, которые имеют какие-нибудь добрые дела, должны помнить, что исповедь и молитву надо начинать с покаяния и смирения, а потом можно и поблагодарить Господа, и прежде всего за то, что Он даёт нам время на покаяние. Следует помнить, что в гордости мы не можем прийти к Богу. От фарисеева благодарения не будет нам ничего спасительного, ничего полезного для покаяния. Гордость нам, прежде всего, мешает и отвращает нас от покаяния, ибо гордость по существу – это «отвержение Бога» и Его помощи, «бесовское изобретение», и если этого у нас ещё нет, то уже есть «уничтожение ближнего и бесстыдное проповедание своих трудов»⁵⁷⁰.

Нам надо помнить также, что наравне с гордостью покаянию мешает отчаяние. Отчаяние бывает двух родов: в одних случаях оно происходит от множества грехов и от многой печали, в других же – от гордости и превозношения. Если я всё время считал себя хорошим, всё время надеялся на себя, на свои силы, всё думал, что я не таков, как все прочие, и вдруг пал и оказался даже хуже, чем все, у меня, конечно, должно родиться отчаяние. Об этом Иоанн Лествичник говорит: «Есть отчаяние, происходящее от множества грехов и отягчения совести и нестерпимой печали, когда душа по причине множества сих язв погружается и от тяжести их утопает во глубине безнадежия. Но есть отчаяние и другого вида, которое бывает от гордости и возношения, когда падшие думают, что они не заслужили сего падения. Если кто в это вникнет, то найдёт, что между теми и другими такое различие: первые предаются нерадению, а вторые при безнадежии держатся и подвига»⁵⁷¹. И то и другое отчаяние не может, конечно, привести нас к покаянию.

Как бороться с отчаянием от гордости? От этого рода отчаяния, по Иоанну Лествичнику, нас исцеляет смирение и неосуждение ближнего. От того же, которое происходит от

грехов, спасает мысль о милосердии Господа, сказавшего, что мы должны прощать нашему ближнему семьдесят семь раз (см.: Мф. 18:21–22). «Но от первого исцеляют воздержание и благонадежие, а от последнего – смирение и то, чтобы никого не судить»⁵⁷². Мы должны помнить, что отчаяние есть великий грех, и не забывать совета, данного Господом Петру. Если нам, слабым, Он велел столько прощать, то и Сам Он тем более простит нам, если будем каяться. Иоанн Лествичник говорит: «Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути Божия, но стой мужественно»⁵⁷³. И ещё: «В печали о грехах влекомые к отчаянию, да не престанем вспоминать, что Господь заповедал Петру прощать согрешающего *семьдесят крат седмицею* (Мф. 18:22); а Кто такую заповедь предал другому, Тот и Сам, без сомнения, несравненно более сделает»⁵⁷⁴.

Отчаяние, происходящее вследствие гордости, когда человек теряет веру в себя, в свои силы, на которые он раньше только и надеялся, доводит некоторых даже до самоубийства. «Напротив, когда борет нас возношение, тогда потщимся вспоминать изречение святого апостола Иакова: *Иже бо весь закон духовный соблюдет, согрешит же одною страстию – высокоумием, бысть всем повинен* (Иак. 2:10)»⁵⁷⁵.

Стало быть, перед наступающими днями покаяния нам надо помнить, что главными препятствиями к этому последнему являются гордость и отчаяние. С гордостью надо бороться не только тем, кто мало верит в Бога, но и тем, кто хочет совершать путь спасения и имеет некоторые добрые дела.

А потому будем больше благодарить Бога не за добродетели, но за покаяние, которое Он нам даёт, ибо добрые дела принадлежат не нам.

Казалось бы, отчаяние и гордость противоположны друг другу по своей природе, но, странное дело, они могут каким-то образом совмещаться, чтобы вместе отвращать нас от покаяния. Иоанн Лествичник пишет: «Как брак и смерть противны друг другу, так и гордость и отчаяние между собою несогласны; но по злоухищрению бесов можно обе эти страсти видеть в одном человеке»⁵⁷⁶.

Нам надо стараться по мере сил преуспевать в добродетели, но при этом все свои дела приписывать не себе, а Богу, и тогда мало-помалу мы уничтожим преграду, отделяющую нас от истинного покаяния.

Аминь.

О святых апостолах

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы с вами в течение нескольких лет изучаем христианскую деятельную жизнь по святым отцам, и сейчас благовременно посмотреть на тех, чью память мы будем творить в дни приближающегося праздника святой Пятидесятницы, на апостолов, и дать себе отчёт, каковы были их путь, их опыт. Теперь против святых отцов, против их делания, против того, что называется христианским аскетизмом, восстают не только различные сектантские учителя, но и люди, называющие себя православными. Говорят, что этот путь выдуман святыми отцами, что ничего этого нет ни в Евангелии, ни у апостолов. Чтобы познакомиться с тем, что там есть, надо, прежде всего, дать, хотя бы в кратких чертах, основоположение христианского подвижнического опыта.

Аскетизм выходит из того основного положения, что Христос и мир – мир как зло, как страсти, как грех, а не тот мир, в котором мы живём, – ни в какой мере не совмещаются друг с другом, и поэтому нам надо отречься от мира, удалиться от него, хотя мы и живём в миру. За отречением, как вы знаете, лежит путь деятельного восхождения. Человек создан по образу и подобию Божию, и этот образ мы в себе растлили через грех. Теперь, прежде всего, нам надо через Христа восстановить его. Христос пришёл в мир восстановить образ падшего праотца. Это восстановление совершается в Таинстве, именуемом крещением, но затем мы, как предрасположенные ко греху, снова искажаем в себе образ Божий, снова его оскверняем. Первая задача христианина, по святым отцам, есть очищение души от страстей; оно, как говорит Феодор Едесский, не есть ещё само по себе добродетель: «Чего же после сего (отречения от мира. – О. С.) искать следует, есть не очищения только от страстей, ибо это не есть ещё само по себе добродетель, а только приготовление к добродетели; но к очищению недобрых навыков должно приложить и стяжание добродетелей»⁵⁷⁷. Стало быть, нужен ещё и путь восхождения, путь духовного

совершенства и обожения: «А после такого очищения и истребления всего, делающего силы наши нечистыми, и благоустроения их требуется и восхождение к духовным совершенствам и обожение, ибо уклонившемуся от зла надлежит делать благое (см.: Пс. 33:15)»⁵⁷⁸.

В христианском делании две ступени: первая – очищение от греха и страстей, вторая – восхождение к духовным совершенствам и обожение. Христос пришёл не только затем, чтобы восстановить образ падшего праотца, но дал нам заповедь: *Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48). Исполнение этой величайшей заповеди и есть та вторая ступень христианского делания, о которой говорят святые отцы: обожение, уподобление Богу в меру человеческой возможности. Самой высокой ступенью в этом восхождении является любовь, ибо *Бог есть любовь* (1Ин. 4:18 и 16). Об этом пишет Иоанн Лествичник, но то же самое мы находим и у других подвижников.

Так, блаженный Диадох пишет: «Как живописцы сначала одною какою краскою начертывают образ человека, а потом мало-помалу краску за краскою накладая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до волос, так и святая благодать Божия сначала чрез крещение восстанавливает в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан»⁵⁷⁹.

Стало быть, и здесь мы видим, что, прежде всего, восстанавливается этот рисунок, черты Божия образа, возвращая человека в первоизданное состояние, в котором он был, когда был создан, – это и есть очищение от страстей, возвращение к первой доброте, к первому Адаму: «а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия и стоим нагие и небоязненные в её детелище (мастерской), тогда, добродетель за добродетелию расцвечивая в душе и от славы в славу лик её возводя, придаёт ей черты подобия Божия; причём чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаём из просвещения благодатного»⁵⁸⁰.

Таким образом, блаженный Диадокх сравнивает восстановление образа Божия с рисунком художника, а уподобление Богу, приобретение добродетелей христианских – с наложением красок на этот рисунок. «Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из черт черта, будучи приложены к нарисованному лику, делают его даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют; так и когда божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви, будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия»⁵⁸¹.

Стало быть, из всех красок самая приятная и из всех черт самая нужная в этом процессе обожения есть любовь, которая, будучи приложена к человеческому лику, делает его, «даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют». Любовь – это величайшая и последняя добродетель, конечный результат христианского совершенствования. Если теперь подвести итог тому, что сказано, найдём, что, согласно учению святых отцов, путь христианина имеет следующие ступени: отречение от мира, очищение от страстей, восхождение к совершенству, обожение. Величайшая добродетель, которая стоит на высшей ступени этой лестницы, есть любовь, ибо Бог есть любовь.

Мы должны сначала идти путём отречения от мира, отказа от служения диаволу, путём послушания Богу и затем жизни по заповедям. Мы поставляемся Богом в такие условия, которые с помощью скорбей и испытаний очищают нас, и в этих скорбях и испытаниях должны мы прибегать с молитвой к Богу – с той молитвой, которая сопровождается плачем, ибо «плач есть укоренившаяся скорбь кающейся души»⁵⁸². Покаянный плач – вот что освобождает нас от греха, от страстей, от тления души.

Обратимся теперь к апостольским соборным Посланиям, которые были обращены не к одной какой-либо Церкви, но ко всем Церквам. Мы знаем эти послания – одно апостола Иакова, два Петровых, три Иоанна Богослова и одно апостола Иуды. Цель моего настоящего чтения показать вам, что у апостолов все те элементы духовного делания, которые мы видели у святых отцов, уже намечены.

Мало того, если мы обратимся к апостолу Иакову, то, прежде всего, найдём у него начало этого пути – отречение от мира, а затем – борьбу с грехом, то, что называем мы очищением души от страстей. Всё послание направлено против греха и изображает первую часть того пути, о котором я только что говорил.

Пётр пишет уже не только о грехе, но и о добродетели. Он говорит, что мы должны не только очищаться, но и соделаться поборниками добродетели; пишет он и о том, что у святых отцов именуется «обожением» и восхождением к духовному совершенству: *Покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь* (2Петр. 1:5–7). И так же, как и святые отцы, он заканчивает любовью, ибо Бог есть любовь, она венчает путь духовного совершенства и даёт высшее достижение к обожению.

То, на что ещё только намекает Пётр, с великой силой раскрывает Иоанн, ибо Иоанн говорит о любви как о венце пути духовного делания. Наши же современники, болтающие о христианской любви, пренебрегают главным условием её достижения. Таким образом, апостолы показывают нам тот же порядок духовного делания, какой указывал вам я на основании свидетельств святых отцов.

Обратимся к Посланию апостола Иакова – предмету нашего чтения. Говорят, что святые отцы выдумали отречение от мира, а между тем смотрите, что говорит Господь на Тайной вечере: *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15:18–19). Да, Царство Божие не от мира сего, а от Бога, Который есть величайшая любовь и величайшее совершенство. Потому и об апостолах говорится: *и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира* (Ин. 17:14).

С большой силой говорит об этом и апостол Иаков. Знаменательно, что Иаков был первым епископом Иерусалимской Церкви, он управлял всей Иудейской Церковью. Это обстоятельство свидетельствует о раннем происхождении послания, означая, что оно было написано тогда, когда христиане были по преимуществу из иудеев; впоследствии же в Церковь вошли и язычники. Это раннее послание, и наша величайшая радость, что оно говорит об отречении от мира: *Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу (Иак. 4:4)*. Он сразу ставит перед своей паствой вопрос: с кем хочешь дружить – с миром или с Богом? А если последнее, то в чём заключается благочестие на первых ступенях христианской жизни? *Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира (Иак. 1:27)*.

Итак, вовсе не выдумали святые отцы отречение от мира! Сам Господь говорил о том, относясь к миру как к тому, что тяготеет к земле, и первый епископ Иерусалимской Церкви, брат Господень, отречение от мира ставит исходным пунктом христианского пути. Обычно говорят ещё, что апостолы только проповедовали христианское учение, не являясь теми, кто руководил духовным деланием паствы, но и это не соответствует истине.

В том же послании Иаковлевым говорится не только об учении и о слушании слова. Апостол зовёт к исполнению, к деятельному восхождению: *Будьте же исполнители слова, а не слушатели только, обманывающие самих себя (Иак. 1:22)*. Иаков первый даёт эти аскетические указания. Не слушатель забывчивый, а исполнитель слова блажен будет, по апостолу. Всё это находится в полном соответствии с тем, что говорят нам святые отцы. Стоит только вспомнить «лестницу» – путь деятельного восхождения.

Напомню и слова апостола Иакова о том, что вера не спасает: *Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать,*

неосновательный человек, что вера без дел мертва? (Иак. 2:18–20). Видите ли, говорит апостол, чем может оправдаться человек? Верой – да, верой, конечно, но только верой не мертвой, ибо и бесы веруют и трепещут, но той верою, которая ведёт к делам, а также самими этими делами, вытекающими из живой христианской веры. Итак, нам нужно не только отречься от мира, но идти путём деятельного восхождения, быть не забывчивыми слушателями, но исполнителями Божия закона. Каким же путём идти? Да тем, о котором говорят святые отцы, – путём послушания воле Божией.

Мы знаем, что Господь, *быв послушным даже до смерти, и смерти крестной (Флп. 2:8),* в саду Гефсиманском хотя и просил Отца: *да минует Меня чаша сия,* но отвергался своей воли: *да будет не как Я хочу, но как Ты (Мф. 26:39).* И нам Он заповедал молиться: «да будет воля Твоя».

Новообращённым христианам апостол говорит: *Покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас (Иак. 4:7).* Если мы станем на путь послушания, исполнения воли Божией – благодать крещения вступает в силу. Теперь нам всё кажется, что если мы крестились, то и незачем говорить о грехе, это опять отцы выдумали. А апостол Иаков, хотя и пишет новообращённым – тем, кто уже верует во Христа и крестился, – не боится этого и, основываясь на том, что слышал от Самого Господа, начинает своё наставление: *Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные (Иак. 4:8).*

Святые отцы учат нас, что прохождение христианского пути сопровождается искушениями, испытаниями, которые укрепляют в нас веру и развивают терпение, помогающее нам в борьбе с грехом за очищение души. Многие в наши дни полагают, что слова отцов, монахов не относятся к нам, живущим в миру, а не в обители, что всё это не нужно тем, кто не приносил обета отречения от мира. Но вот как начинает апостол Иаков своё послание: *С великою радостью принимайте, братии мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение (Иак. 1:2–3).*

Вы, наверное, помните, что говорит Иоанн Лествичник о трёх образах перенесения испытаний: 1) с печалью, 2) без печали, 3) с радостью. Вот оно, учение об испытании, а отсюда и учение о терпении, которое вы знаете у святых отцов, которое восходит и к Евангелию, ибо Господь говорит: *Терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21:19)*. А вот что мы находим у апостола Иакова: *Итак, братия, будьте долготерпеливы до пришествия Господня. Вот, земледелец ждёт драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний. Долготерпите и вы, укрепите сердца ваши, потому что пришествие Господне приближается (Иак. 5:7–8)*. *Испытание вашей веры, –* говорит он в другом месте, *– производит терпение (Иак. 1:3)*. И это из послания Иерусалимского епископа, относительно которого даже отрицательная критика соглашается признать, что написано оно не позже II века. Оно даёт нам то же, что и святые отцы.

Святые отцы говорят, что для совершенствования нам нужно не только трудиться и переносить испытания, но и иметь молитву; вот и апостол Иаков пишет: *Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поёт псалмы (Иак. 5:13)*, а псалмы – также молитва, молитва великого Псалмопевца. *Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного (Иак. 5:16)*. Итак, молитва есть то основное делание, которое помогает нам и в терпении, и в искушениях, и в злострадании.

Обратимся теперь к учению о страстях. Святые отцы говорят, что грех есть тление и смерть души. Апостол Иаков говорит: *Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть (Иак. 1:15)*. Вот оно и здесь – учение о грехе как о смерти; тот же, кто отвратит от греха ближнего, воскрешает умирающую или умершую душу, и этим многое покрывается.

Наших подвижников часто укоряют за то, что они призывают к плачу. О чём плакать? Да коли есть грехи, так надо и плакать, ибо плач, говорят святые отцы, есть «укоренившаяся скорбь кающейся души»⁵⁸³.

А у апостола: Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль (Иак. 4:9). Да, если вы желаете идти по пути обожения, то очиститесь: Очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные (Иак. 4:8).

Заметьте, что Иаков даёт почти полный перечень страстей, о борьбе с которыми говорят святые отцы. Чтобы не очень затруднять вас, я перечислю только некоторые.

Прежде всего – гнев. Гнев есть та страсть, борьба с которой очень подробно разработана святыми отцами; и о ней же говорит апостол, первый предстоятель Иерусалимской Церкви.

Затем он говорит о той страсти, которую мы также хорошо знаем по писаниям святых отцов, – о многоглаголании и о борьбе с языком: *Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие (Иак. 1:26).* И далее: *Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и всё тело (Иак. 3:2).* Ещё сильнее говорит он в другом месте: *Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их; вот, и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык – небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает (Иак. 3:3–5); а отсюда и ложь: и язык – огонь, прикраса неправды (Иак. 3:6).*

Точно так же сталкиваемся мы в Послании апостола Иакова с упоминанием и о других страстях, которые вовсе не придуманы спасавшимися *в горах и в вертепах и в пропастях земных (Евр. 11:38)*, но которые есть у каждого из нас, ибо не пустыннокам, ушедшим от мира, пишет апостол.

Вот и в отношении осуждения так хорошо говорит апостол Иаков: *Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, тот злословит закон и судит закон; а если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья (Иак. 4:11).* И святые отцы постоянно предостерегают, напоминая, что осуждающий ближнего ставит себя на место Небесного Судии.

Точно так же и о зависти, той страсти, которая зачастую не даёт человеку покоя в этой жизни, Иаков пишет: *Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину; это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская; ибо, где зависть и сварливость, там неустройство и всё худое* (Иак. 3:14–16).

Он отмечает страсти, борьба с которыми ставится в основание делания духовного в первой части христианской жизни. Хочу ещё раз напомнить вам о том, зачем я всё это говорю. Вы не получили здесь ничего нового, но я хочу сказать, что есть единое христианское делание; оно не выдуманно в V или VII веке, но было только ближе раскрыто святыми отцами, учителями и пастырями сообразно требованиям жизни. Апостол Иаков раскрывает нам тот же путь – путь вражды с миром, противления диаволу и покорности Богу, путь очищения от греха, испытаний: и борьбы, путь плача о грехах.

Есть только одно христианство, одно христианское учение, которое идёт от Самого Господа. Возьмите хотя бы терпение. Когда Господь испытывал жену-хананеянку, даже ученики приступили к Нему с просьбой помиловать её, действуя как бы из любви к ней, а на самом деле оттого, что она кричала и надоедала им. И когда Он вновь ответил ей не как Спаситель, а как всякий иудей в те времена: *Нехорошо взять хлебу детей и бросить псам* (Мф. 15:26), – не показал ли Он этим примером, что и нам необходимо терпение, что и мы должны быть долготерпеливы в прощениях и смиренны, и тогда Он, видя наше смирение, скажет, как сказал ей: *Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15:28).

Аминь.

Об иконах (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы празднуем память святых отцов Седьмого Вселенского Собора, которые подняли вопрос о том, можно ли изображать лицо Спасителя. В Ветхом Завете было запрещено изображать Бога. Так, перед освящением иконы Христа Спасителя мы читаем: «Господи Боже Вседержителю, Боже отец наших, хотяй люди Твоя, избранного Израиля, от прелести идолослужения избавити, и в познании и служении Тебе, Единому Истинному Богу, всегда неотступно имети, еже не творит себе образа и подобия Тебе, Истинному Богу, сопротивнаго, во еже яко Богу кланяться и служит ему, прещением запретил еси»⁵⁸⁴. Но отсюда ещё не следует, что и в Новом Завете изображение Бога на иконах также запрещено. «Как искусный врач не всем и не всегда даёт одно лекарство, но каждому приличное и полезное, смотря по свойству страны, болезни и времени, иное младенцу, иное взрослому, так и совершеннейший Врач душ тем, которые ещё суть младенцы и страждут болезнию идолослужения, которые идолов почитают богами и поклонение Богу отвергают и приличную Ему славу воздают твари, воспретил делать изображения»⁵⁸⁵. Такой закон был дан иудеям.

Дело в том, что израильскому народу, в силу его склонности к идолослужению, было запрещено изображать Бога. Тем не менее, некоторые символические изображения были и в Ветхом Завете, как и говорится дальше в той же молитве: «Паки же подобия и образы, имиже не чуждых ложных богов, но Тебе, Единого Истинного Бога, пресвятое и великолепое имя славится, Моисеом первее в Твоем законном святилищи, над кивотом свидения херувима два злата, два же у углов очищения поставите, на опонах же множество херувимов делом швейным устроить и сооружити повелел еси; и Соломоном в олтаре херувима два, от древа кипариса златом объята поставлена быста; кивот же, в немже скрижали Завета каменни, стамна злата, и Ааронов жезл бяху, яко тии с людьми ту сущии, и славы

Твоея величество знаменующий, и память Твоих преславных чудес и благодеяний имеющий (аще и дело рук человеческих бяху) со страхом и трепетом и благолепным поклонением, каждением же и пред теми молением, чтити сия повелел еси, и честь оную, яко Тебе Самому отданную, милостивно принимал еси»⁵⁸⁶. Также и Моисей по повелению Божию сделал медного змия, которому должен был поклоняться всякий желавший избежать гнева Божия. Змий этот прообразовал Распятого.

Кроме склонности иудеев к идолопоклонству причиной запрещения делать изображения Божии было и то, что в Ветхом Завете Бога никто не видел. Когда Моисей был на Синайской горе, он просил Бога: *Покажи мне славу Твою (Исх. 33:18)*, – но получил ответ: *Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых (Исх. 33:20)*. Так было в Ветхом Завете.

Основным в споре об иконопочитании на Седьмом Вселенском Соборе был вопрос о том, возможно ли изобразить Бога: как Его, Существо бесконечное, «описать» в известных размерах, в известной форме, красках и т. д. Как вообще можно сделать Бога «описуемым». Противники иконопочитания говорили о невозможности такого изображения именно по этим соображениям.

Однако если в Ветхом Завете из-за опасности для иудеев впасть в идолослужение и из-за того, что Бога никто не видел, Его нельзя было изображать, то в Новом Завете Бог в лице Иисуса Христа пришёл на землю и, приняв зрак человеческий, зрак раба, стал во всём, кроме греха, подобным нам человеком, сделавшись через то и описуемым, и измеримым. «Мы же (новозаветные люди. – О. С.), – пишет Иоанн Дамаскин, – которым дано, избежав суеверного блуждания, познав истину, находиться в чистом общении с Богом и служить одному только Богу, изобиловать совершенством Богопознания и, по миновании детского возраста, достигнуть возраста мужа совершенного... получили от Бога способность различать и знаем, что может быть изображаемо и что не может быть выражено посредством изображения»⁵⁸⁷. Дамаскин говорит, что Бога невидимого, конечно, изобразить мы не можем, но когда

увидели, что Бестелесный сделался для нас человеком, то уже можем изображать Его в человеческом виде. Бог по неизреченной благодати Своей принял плоть, явился в оной на земле, жил между людьми, имея естество, твёрдость, вид и цвет плоти человеческой; посему мы, изображая Его, не погрешаем. Апостолы видели телесно Христа, видели Его страдания и чудеса, так же и мы желаем видеть и слышать и быть блаженными. Этому стремлению удовлетворяют книги Евангельские и иконы Христа.

Те, кто отрицал изобразимость Христа, с очевидностью шли против того, что Он был Богочеловеком, а не только Богом, что Он воистину, а не мнимо принял человеческую плоть. Феодор Студит пишет: «Если Господь наш Иисус Христос несомненно явился в человеческом образе и в нашем виде, то справедливо Он пишется и изображается на иконе подобно нам, хотя по Божественному образу Он остаётся неопишуемым; потому что Он есть посредник между Богом и людьми, сохраняющий неизменными свойства обоих естеств, из которых состоит. А если бы Он не был описуем, то перестал бы быть человеком, и тем более – посредником, так как с уничтожением описуемости уничтожаются все однородные с нею свойства. Ибо если Он неопишуем, то и неосязаем; а если осязаем, то вместе и ощутим, чему противоречить было бы глупо; ибо это свойства тела, подлежащего осязанию и изображению. И как Он будет неопишуем, если может страдать? Если же Он описуем и может страдать, то, конечно, нужно и поклоняться Ему в том виде, в каком Он изображается»⁵⁸⁸. «Если же Он (Христос. – О. С.) человек, то очевидно, что может изображаться на иконе; первое свойство человека – быть изображаемым; если же Он не изображается, то Он не человек, а бесплотный, и Христос даже не пришёл ещё, как пустословят иудеи»⁵⁸⁹.

Изобразить Бога вполне нельзя ни в Ветхом, ни в Новом Завете, потому что Он безмерен, потому что нельзя изобразить Невидимого, но когда Бестелесный соделывается человеком, Его становится возможно изобразить в этом человеческом облике. Когда Тот, Кто был Богом, не имеющим меры и количества, принял образ раба и вместе с тем количество и

меру, стало возможным изображение на иконах и Его неизреченного Воскресения, и Рождества от Девы, и Преображения... Если Христос не Богочеловек, нет и иконопочитания, ибо, как говорит Феодор Студит, как Матери Божией свойственно быть изображаемой, так же свойственно это и Христу как Её Сыну; если же неизобразим Он, то не является Богочеловеком, а только Богом. Таким образом, вопрос иконопочитания неразрывно связан с вопросом о двойственной природе Христа, и те, кто на VII Вселенском Соборе выступили как защитники святых икон, боролись, собственно говоря, за правильное понимание личности Спасителя как Богочеловека.

Не совершаем ли мы, тем не менее, идолопоклонства, поклоняясь святым иконам, сделанным из дерева и красок? Не есть ли это поклонение твари вместо поклонения Творцу? Не есть ли это творение кумиров?

Задаваясь этими вопросами, Феодор Студит отвечает, что икона (слово греческого происхождения, означающее «образ»), как всякое искусственное изображение, является подобием того предмета, изображением которого она служит, т. е. образ показывает очертание первообраза. Показывая ребёнку карточку отца и спрашивая его о том, кто на ней изображен, мы нисколько не удивляемся его прямому ответу: «Папа». Мы знаем, что это не есть собственно его папа, но вместе с тем всё-таки именно «папа». В чём же здесь дело? Да в том, что всякое искусственное изображение является подобием первообраза и в этом образе показывается очертание того, с кого снята карточка. Когда мы, показывая на фотографию, говорим «вот мой отец», никто не считает это ненормальным, ибо в карточке действительно заключается очертание того, с кого она снята. Подобно тому, поклоняясь иконе-образу, мы вместе с тем поклоняемся первообразу, «почесть бо образа на первообразное преходит»⁵⁹⁰, как говорится в молитве на освящение иконы Святой Троицы. Как ребёнок хотя и говорит «это папа», указывая на карточку, но всё-таки знает, что это не сам отец его, а только изображение, так и мы отличаем образ от

первообраза и поклоняемся не веществу, а изображенному на нём.

Определение Седьмого Вселенского Собора гласит: «Определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались [для поклонения] точно так же, как изображение честного Животворящего Креста, будут ли они написаны красками или сделаны из мозаики или какого-либо другого вещества и будут ли находиться в святых Церквах Божиих на освященных сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа Иисуса Христа, или Владычицы Нашей Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще при помощи икон делаются они предметами нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобзание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует только Божественному естеству»⁵⁹¹.

Стало быть, перед нами икона Спасителя, возводящая к Первообразу, и мы, воздавая ей не истинное служение (потому что служить нельзя никому, кроме Бога), но «почитательное поклонение», как говорят святые отцы, относим его к Богу. Вещество иконы мыслится отдельно от лица, изображённого на иконе. Феодор Студит говорит, что это похоже на отражение подобия в зеркале, когда подобие остается вне того предмета, который оно отражает⁵⁹². Если я стою перед зеркалом, то в нём получится моё изображение. Это не есть моё настоящее лицо, а только подобие, и если бы кто захотел поцеловать в зеркале моё изображение, то очевидно, что не стекло, не вещество, к которому он прильнёт устами, а отображенного в нём меня самого. Как изображения царя мы встречаем на разных вещах и не принимаем их за царя, так и подобие Христа не принимается за Него Самого и не смешивается с веществом, на котором оно начертано. Вещество икон, которые изображают подобие Божие, может быть различно и многообразно, но Первообраз один, и этому Первообразу мы и приносим наше истинное служение, воздавая образу почитательное поклонение.

В Требнике есть молитва на освящение икон святых: «Господи Боже наш, человека по образу и по подобию Своему создавый, преслушанием же первозданного растленну бывшу, вочеловечением Христа Твоего, Иже зрак раба приим, образом обретеса яко человек, сей обновив, в первое достояние в святых Твоих привел еси, ихже мы изображения благочестно чтуще, святых, иже Твой образ и подобие суть, чем; оных же чтуще Тебе яко первообразного, чтим и славим»⁵⁹³. Из этой молитвы мы видим, что, не только кланяясь иконе Самого Спасителя, мы воздаём честь Ему, но подобно этому, почитая святых Его угодников и их иконы, мы в их лице воздаём почести Тому же Первообразу – Богу, по образу Которого они были созданы, которому и уподобились.

Иконопочитание является для нас не чем-либо второстепенным, но той основой, на которой мы должны строить наше христианское делание. Оно говорит нам, что Христос не только Бог, но и Человек, что Он пришёл восстановить образ падшего праотца, что образ этот в себе очищали на земле святые и что то же можем и должны делать и мы. Иконопочитание открывает нам путь к обожению.

Аминь.

Об иконах (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Что же изображаем мы на иконе – тело или что-то иное? Каково соотношение между иконой, картиной и фотографией? Мы в православии говорим только об иконописных изображениях; если же и встречаются теперь у нас изображения не иконописные, а так называемые живописные, то это есть отражение падения как православия в нас, так и церковного искусства.

Что такое икона? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде спросить себя: а что такое человек? По учению Церкви, человек есть существо, состоящее из души и тела. Когда-то обе эти части человеческого существа были преисполнены божественной красоты, ибо человек создан по образу Божию, но вследствие грехопадения и то, и другое в нас находится ныне в состоянии тления. Вместе с нами, через наш грех, лежит во зле и весь мир (ср.: 1Ин. 5:19).

Какую же цель ставит себе фотограф, художник и иконописец и есть ли эта цель одна и та же у всех троих?

Если мы хотим изобразить человека в том состоянии, в каком он находится в данный момент, то можем сделать это через фотографию. Заметьте, что фотография очень точно схватывает внешность человека, но часто бывает не похожа на него, так что мы еле узнаем, чьё это изображение. Фотография даёт нам «личину» человека, а личина меняется в зависимости от настроения, состояния здоровья и т. д. Это есть не внутренний человек, не душа, но случайное состояние его внешней оболочки.

Художник старается передать в портрете и вашу душу, делая это более или менее успешно в зависимости от своего таланта. Если фотография давала нам личину, то портрет даёт большее – он показывает лицо человека, но не всегда способен отразить человека внутреннего.

Когда же вы стоите в церкви и видите, как священник кадит сначала иконам, а потом вам, то должны знать, что он кадит не

личине и не лицу, но лику, образу Божию в вас, который, хотя и покрыт язвами прегрешений, заключает в себе всю нашу духовность, всю нашу духовную сущность.

Иконописец изображает не личину, не лицо, а именно лик того, кого он пишет. Икона призвана изобразить не тот мир, в котором мы живём, не тот мир, который лежит во зле, – она пытается дать изображение мира горнего, пользуясь для этого миром дольным, ибо это необходимо для его представления, ведь дольнее связано с горним, является его отражением. Иконописец старается показать нам природу и человека очищенными от греха – такими, как были они до грехопадения. Отсюда понятно отношение иконописца к природе. Если фотография даёт личину природы, художник – её лицо, воспринятое его грешными глазами, то иконописец пытается изобразить её такой, какой она должна быть по существу. Вам, быть может, случалось приглядеться к пейзажу на старинной иконе. Это не будет изображение облаков, гор, растений такими, как мы их видим в природе, да и оттенки красок будут не такие, как в природе.

Иконописец старается изобразить мир горний – тот мир, которого мы не видим нашими обычными греховными глазами. Поэтому все те нападки, которые раздаются по адресу иконописцев, что они не владеют перспективой, безграмотны в рисунке, неосновательны. Мы знаем величайших иконописцев, которые были одновременно и образованными людьми своего времени (к примеру, Андрей Рублев); они прекрасно знали и наблюдаемое в природе соотношение красок и законы перспективы, но в иконописи не только не применяли их, но прямо нарушали, потому что ставили себе иную задачу. Тело им было нужно постольку, поскольку через него они могли изобразить первозданный образ Божий. Весь человек сотворён по образу Божию, тело его подчинено духу, и иконописец, желая изобразить лик, должен отойти от привычной точки зрения, которая мешает ему изобразить это истинное соотношение.

Ангелы не имеют тела, а художники Возрождения, изображая их, бестелесных, придают им женскую фигуру, подчёркивая при этом пол. Не так на православной иконе. Когда

мы видим православную икону Божией Матери, мы воспринимаем в ней, прежде всего не женщину, не тело, но лик. Это, конечно, женщина, да, это Пресвятая Дева, но здесь не подчёркнуто то, что является типичным для тела. Художник, преследуя в картине ту или иную цель, стремиться изобразить на ней как можно более «жизни», т. е. человеческих страстей. Икона же, наоборот, совершенно чужда этой страстности. Возьмём, к примеру, икону Усекновения главы Иоанна Предтечи. Художник изобразил бы здесь страдание, пролитие крови и т. д., но всё это относится к внешнему миру. И смотрите, что делает иконописец. Здесь нет страстей, изображение наивно с мирской точки зрения. Воин ещё не опустил меч на склонённую голову Предтечи, а она уже лежит на земле и дальше её уносят на блюде. Так же и в отношении архитектуры – здания и храмы на иконах совершенно не походят на настоящие, так же – и в отношении красок. Художник старается передать не только краски, но и их тональность, оттенки, переходы в складках и т. п. Иконописцы этого не делают. Их задача выявить не соотношение красок в этом мире, они хотят изобразить иную природу.

В такой замечательной иконе, как икона Параскевы Пятницы, только один тон – красный, но это вовсе не делает её похожей на раскрашенную бонбоньерку.

Это величайшее искусство и в то же время отсутствие того, что принято называть искусством. Различие происходит от различия задач. То же в отношении перспективы. У нас есть такие иконы, как икона Входа Господня во Иерусалим, где мы видим полное нарушение законов перспективы: так, подстилающие ризы и ветви, изображённые на переднем плане, по отношению к Спасителю являются очень маленькими. Это нарушение перспективы вызывается опять же требованием изобразить соотношение вещей в горнем мире. Иногда мы видим на иконах изображения животных и птиц, но это тварь иная, никогда не виданная нами в природе, ибо иконописец желает изобразить горний мир, пользуясь понятиями дольного.

Если иконописец изображает горний мир, образ Божий и лик, он должен, прежде всего, почувствовать его в своей душе,

он сам должен первый помолиться пред той иконой, которую написал. Поэтому в древности иконописец приготавливал себя к писанию иконы покаянием и постом, подходил к этому делу как к подвигу. Икона была его молитвою. У нас теперь не так. Любому умеющему держать кисть в руках говорят: «Распишите нам собор». Когда расписывали храм Христа Спасителя, никому не приходило в голову спросить: да веруют ли в Бога эти художники, ходят ли они в церковь? Потому-то есть там искусство, но нет молитвы.

Расцвет иконописи совпал у нас с расцветом монашества. Первым иконописцем на Руси, по преданию, был преподобный Алипий Печерский, но из его икон ничего до нас не дошло. Впрочем, восстановить авторство древних икон вообще трудно, потому что иконы раньше никогда не подписывались – это считалось грехом. Эпоха преподобного Сергия была расцветом не только монашества, но и духовной жизни вообще, и эта же эпоха особенно замечательна в смысле развития иконописи. Сама Троице-Сергиева лавра воспитала много выдающихся иконописцев. Наиболее известный из них – Андрей Рублев – был учеником преподобного Никона. Он расписывал Троицкий собор в Сергиевой лавре вместе со своим сопостником Даниилом Черным вскоре после смерти преподобного Сергия. Будучи людьми одарёнными и в то же время детьми духовной семьи преподобного Сергия, чувствовавшими в себе, в своей душе образ Божий, они передали его в красках.

Замечательна в этом отношении рублевская «Троица». Андрей Рублев жил в то время, когда на Западе был Фра Беато Анджелико – тоже подвижник и иконописец, как и преподобный Андрей Рублев.

О последнем летопись говорит, что он написал много икон и что все они чудотворные. Фра Беато также подготавливал себя молитвою к писанию икон – это был большой художник и одарённый человек, но был он всё-таки «чистейший из нечистых», как выразился Кожевников⁵⁹⁴. Его большая ошибка заключалась в уклоне к живописности. Он стал изображать уже не лик, но лицо, тело; в его иконах-картинах слишком много движения фигур, слишком много подробностей, разнообразно

сочетание красок. Правда, он не пошёл до конца по этому пути, сдерживаемый своей молитвенностью, своей внутренней религиозностью. Зато его ученики и последователи, не имея такой молитвы, такой веры, окончательно ушли от иконописания в живопись. Но если всё же сравнить его изображение Снятия со Креста и нашу икону XV века, изображающую то же событие, – какая разница! В последней – всё покой, нет времени, нет движения, ибо движение в горнем мире иное, а в дольном оно – страсть и страдание. А если взять «Коронование Девы Марии» Фра Беато Анджелико – это уж и вовсе мир дольный: тут и пляшут и хоровод водят. Однако у него было ещё сдерживающее начало, всё-таки он был «чистейшим», а вот дальше пошло ещё хуже. «Пьета» изображает раздирающие душу страдания. На иконе же ставится задача отразить не этот мир, а горний, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание».

Икону у нас ещё очень мало знают и ценят. Только лет пятнадцать-двадцать как она стала открытой для всех. Перед войной была даже выставка икон. Эти иконы замечательны по рисунку и краскам, а в религиозном отношении есть нечто неоценимое. Теперь открыли способ снимать с икон потемневшую олифу, и благодаря этому оказалось, что многие иконы, которые собирались выбросить, потому что уж и разобрать-то на них ничего нельзя было, не имеют цены. Один из наших больших художников – Виктор Васнецов⁵⁹⁵ замечательно остроумно провёл грань между новой и старой иконой. У него было довольно большое собрание старинных икон, которое он очень ценил. Однажды он показывал гостям свои работы, а затем перешёл к старинным иконам. Одна дама слушала его, слушала, но наконец, ей наскучили эти иконы, в которых она ничего не понимала, и она выразила Васнецову своё недоумение, как может он после того, что написал сам, интересоваться какими-то потемневшими иконами. «А вы читаете газеты?» – спросил её Васнецов. – «Да». – «Так вот, знайте, – показал он на старинные иконы, – это передовая статья, а мои – только фельетон. Перед этими иконами я свечку поставлю, а перед своими – ещё подумаю». Это свидетельство

Васнецова для нас важно, ибо он верующий человек и большой художник. Наше непонимание старинной иконы свидетельствует о падении в нас мира горнего.

Если иконописец берёт природу новую и преображённую, берёт её такую, какой она вышла из рук Творца, то художник берёт естественное и неестественное вместе, как оно есть в нашей душе. Можно идти и дальше, можно брать только злое, только искажение – это будет карикатура, изображающая то, чего нет даже в природе. Но это – грех. «Ты изобрази вора, падшую женщину, но человека, человека не забудь», – говорит Обломов⁵⁹⁶.

Аминь.

О мощах святых угодников

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Мы многого не знаем из того, что составляет сущность церковной жизни, и, быть может, одним из самых тяжёлых и соблазнительных переживаний последних лет для нас, верующих православных людей, стало событие, именуемое «вскрытием мощей».

Для тех из нас, кто мало разбирается в истинной церковной жизни, кто полагается не на опыт святых отцов, а на иные книги или слышанные слова, потрясающими были события последнего времени. Поэтому я хочу раскрыть для вас этот вопрос на основании истинного святоотеческого учения Церкви, и если для многих неожиданностью были результаты вскрытия мощей, то, возможно, не меньшей неожиданностью станет для них услышать то, что я буду говорить. Многие считают, что мощи должны быть «нетленными», т. е. сохранять вид тела; если же этого на деле не оказывается, то говорят об обмане. По крайней мере, это усиленно стараются нам навязать.

Слово «мощи» употребляется, прежде всего, в том же значении, что и латинское *reliquiae* или греческое *λήψαιου* («липсанон») – реликвия, или просто «останки». Наше слово «мощи» происходит от корня «мощ» («мощь»), т. е. для человека это и есть кости, скелет, та внутренняя опора, на которой держится всё тело. Если взять Требник, книгу, сопровождающую христианина всю жизнь от рождения до смерти, и раскрыть её на «Последовании мертвенном мирских тел», сразу встретишь там употребление слова «мощи» в смысле «останки»: «Скончавшуся кому от православных, абие приывают сродницы его священника, иже пришед в дом, в немже мощи усопшаго лежат, и, возложив епитрахиль, и вложив фимиам в кадильницу, кадит тело мертвого, и предстоящих, и начинает обычно: «Благословен Бог наш...» В конце отпевания, когда уносят покойника при пении «Святый Боже»: «вземше мощи, отходим ко гробу...» И дальше: «и полагаются мощи во гроб; архиерей же, или священник, взем персть лопатою,

крестовидно мечет верху мощей, глаголя: «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живушци на ней». И посем наливает верху [мощей] елей от кандила».

Когда в первые века христианства мощи святых мучеников почитались так же, как и теперь, они вовсе не считались «нетленным телом», т. е. целым в нашем обычном смысле. Это особенно понятно и потому, что многие из них предавались зверям и даже сжигались – как же могло остаться от них целое тело? Тем не менее, указания на почитание святых мощей мы находим уже у Евсевия Памфила⁵⁹⁷, который говорит об останках святых мучеников, что они, эти останки, которые представляли собой прах и пепел, «дороже драгоценных камней и благороднее золота»⁵⁹⁸.

Из этих слов ясно, что останки святых мучеников вовсе не считались нетленными в прямом смысле. Также и святитель Иоанн Златоуст, говоря о блаженном Вавиле⁵⁹⁹: «Прошло много времени после его погребения, так что в гробе остались только кости»⁶⁰⁰, очевидно, не считал, что тело святого должно быть непременно целым. Подобное же указание мы находим в его слове о Маккавеях⁶⁰¹: «Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу небесного света»⁶⁰². И святой Амвросий Медиоланский⁶⁰³ говорит о том, что дивно видеть, как тленное тело святых сотворяет чудеса. Можно было бы из многих святых отцов привести свидетельства, показывающие, что в Греческой Церкви никогда мощи не понимались как «нетленное тело». Если же возьмём афонскую практику, увидим прямо-таки удивительную картину. Там распространено мнение, что относительно каждого человека должны быть буквально истинны слова *яко земля еси, и в землю отыдеши*⁶⁰⁴. Похоронив умершего инока, афонцы через некоторое время вырывают его из земли, чтобы посмотреть, истлел ли он. Если тело оказывается неповреждённым, считают, что человек этот был очень грешен и что «земля его не принимает»; о нём начинают усиленно молиться, чтобы простил его Господь и чтобы земля его приняла. Таким образом, не

может быть никакой речи о нетлении умершего тела. Да ведь если взять мощи греческих святых, например Иоанна Златоуста, это же просто части скелета.

Так было в Греческой Церкви. Но, быть может, на нашей русской почве учили по-другому? Вспомним опять значение русского слова «мощи», происходящего от корня «мощ» («мощный», «сильный»). Значение этого слова в дальнейшем станет для нас яснее.

Вот что на основании изучения древних русских летописей говорит Е. Голубинский⁶⁰⁵: «Правильное представление должно быть таково, что мощи святых иногда суть более или менее целые тела, иногда же одни кости. Самое название останков святых мощами означает, что предки наши разумели под ними по преимуществу кости, ибо слово «мощи» значит именно кости. В 1472 году в Москве по случаю перестройки Успенского собора открывали гробы митрополитов для досмотра их тел, и о результате досмотра пишется в одной летописи: «Иону⁶⁰⁶ цела суца обретоша, Фотея⁶⁰⁷ же цела суца не всего, едины ноги толико в теле, а Кипреана⁶⁰⁸ всего истлевша, едины мощи»; совершенно ясно, что, едины мощи» значит: одни кости. В 1667 году открыты были мощи преподобного Нила Столобенского⁶⁰⁹, и о них доносимо было митрополиту Новгородскому Питириму⁶¹⁰: «Гроб и тело его [Нила] святое земли предадеша, а мощи святые его целы все»; ясно, что слова «а мощи целы все» значат: а кости целы все»⁶¹¹.

В этом же труде Голубинского мы видим дальше, что и такой консерватор, как преподобный Иосиф Волоцкий⁶¹², в своём «Просветителе» пишет о мощах: «...»Сия кости персть видятся и земля, но обаче бесом суть страшни, и слепых просвещают, у прокажённых и расслабленных и всякия болезни уврачуют... аще узрим коего от святых или кость от тела его или персть от гроба его; то всечестно и свято имамы и со страхом покланяемся и целуим любезно». Митрополит Даниил⁶¹³ (тоже консерватор – упоминаю об этом, потому что именно у него-то и можно было бы ожидать найти совершенно другое учение относительно мощей, поскольку тогда уже бытовало представление, что мощи есть целое, нетленное тело. – О. С.) в

одном своем слове пишет о мощах: «Воистинну чудо преславно, яко кости наги источают исцеления»... Захария Копыстенский⁶¹⁴ в своей Палинодии, поясняя слово или название «мощи», пишет: «Мощи, то есть кости и тела святых... мощи, то есть части костей и тел святых»⁶¹⁵.

Конечно, всё это не говорит о том, что целых мощей нет. Тела многих наших святых угодников сохранились или полностью целыми, или отчасти. Один из таких примеров, засвидетельствованный советской властью, – мощи ярославских чудотворцев. При вскрытии был составлен акт о том, что святые ярославские князья Феодор, Давид и Константин⁶¹⁶, как говорит следствие, «имеют сохранившееся тело, кости, хрящи и кожу в высохшем виде». И это не один, конечно, случай.

Здесь у нас в музее лежит тело святителя Иоасафа Белгородского⁶¹⁷. В Чернигове покоятся мощи святителя Феодосия⁶¹⁸, у которого истлела только часть пятки на одной из ног. Мощи Тобольского митрополита Павла⁶¹⁹, сохраняющиеся в Киево-Печерской лавре, также целы, правда, они не считаются мощами святого угодника.

Если всё это сопоставить, становится ясно, что, с одной стороны, Церковь в лице её учителей, представляющих церковную совесть, т. е. в лице святых, митрополитов и т. п., никогда не учила о мощах как о нетленных телах (в том смысле, как мы это понимаем) и, с другой стороны, что всегда были такие тенденции. Прославление мощей угодника совершается независимо от того, истлело его тело или нет. Святой прославляется за свою жизнь и за ту небесную помощь, которую он оказывает людям как во время жизни своей, так и после смерти. Мощи же – это останки святого человека: и сохранившиеся тела, и кости, и даже прах и пепел. Так всегда учила Церковь.

Иные установки при прославлении святого, связанные с нетлением мощей, т. е. с сохранностью его останков, появились и получили широкое распространение в самое последнее время. Всем нам памятно открытие мощей преподобного

Серафима Саровского. Для многих оказалось соблазнительным, что открыты были только кости.

В Петрограде распространились слухи, что старец Серафим был вовсе не святой и что мощи открыты лишь по желанию Синода и Государя⁶²⁰; рассказывали, что подлинные акты вскрытия мощей скрываются от народа. Эти слухи волновали общество, и покойный Петроградский митрополит Антоний⁶²¹ принуждён был выпустить послание, в котором говорил, что прославление мощей святых угодников совершается вовсе не потому, что сии имеют нетленные тела, но за их жизнь. Это свидетельство XX века важно, потому что оно, во-первых, было произнесено на весь мир и, кроме того, оно подтверждало о величайшем святом то, о чём рассказывали наши деда, ещё живые в памяти, – нет сомнения в святости угодника Божия Серафима, в его подвигах, в его молитве, в его помощи страждущим.

Понятие «нетленные мощи» существовало, тем не менее, уже в старину. Это кажется непонятным при его сопоставлении с только что приведёнными свидетельствами. Очевидно, понятие «нетления» употреблялось в каком-то ином смысле. «В 1677 году суздальский воевода досматривал в церкви села Кидекши, находящегося в четырех верстах от Суздаля и составлявшего усадьбу великого князя Юрия Владимировича Долгорукова⁶²², гробницу похороненного в ней в 1159 году сына Юриева Бориса и о своём досмотре писал архиепископу Суздальскому, находившемуся в Москве, что «в гробнице лежат мощи, кости целы»...»⁶²³ Здесь нам важно снова вспомнить, что русское слово «мощи» имеет корень «мощ», т. е. «сила», «крепость» человека – то, что связано со степенью развития его скелета, костей.

Когда Господь создал человека, Он взял из земли персть и вдунул в неё дыхание жизни. Человека называют венцом творения, он «сотаинник Божественных тайн», как говорит Григорий Богослов. Даже ангелы имеют служебное значение, а человек был создан, чтобы любоваться Божиим творением. Сначала был создан мир невидимый – твердь небесная, затем мир видимый, и тогда Господь сотворил человека, в котором

соединил оба мира. Человек предназначен для того, чтобы быть «во плоти ангелом», как поётся в тропаре пророку Илии, и Церковь, воспевая святых угодников, говорит о них: «Иже на земли ангели, и на небеси человецы Божии»⁶²⁴. Человек должен возвысить своё тело до души. Задачей человека является обожение, и не только души, но и тела. Душа для того сопряжена с телом, чтобы она, как говорит святитель Григорий Богослов, «могла и худшее (то есть тело. – О. С.), постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горе, чтобы она, став руководительницею для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же, чем Бог для души»⁶²⁵. У нас, людей, душа не может быть отделена от тела (она отделяется только Божиим повелением, когда мы умираем, и то – на время), и если душа человека свята, то и тело его свято.

Вообще может быть два взгляда на тело. Первый ярко выражен в завещании Л. Н. Толстого, назвавшего тело противной и ненужной вещью, которую надо поскорее убрать, чтобы она не мешала другим жить: «И я действительно отрёкся от Церкви, перестал исполнять её обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мёртвое моё тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым»⁶²⁶.

По второму же взгляду, тело считается необходимым для нашего спасения – это взгляд Православной Церкви. И святитель Григорий Богослов говорит, что душа вступит в горний мир вместе с плотью, соделавшись с нею единым духом, умом и богом, богом – в смысле обожения.

Христос пришёл не только для того, чтобы вернуть нас к первому Адаму, но навсегда устранил в нашей душе возможность иметь к Богу гордость и зависть. «Хотите быть богами?» – пожалуйста: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48); *будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6:36). Путь к обожению открыт, только

идите по нему, а там – сколько пройдёте, столько и пройдёте, дело за вами.

Что же такое плоть и что такое тело? В христианстве есть три понимания плоти: 1) плоть безгрешная, святая, создание Бога – та плоть, о которой сказано: *Слово плоть бысть* (Ин. 1:14) – и которая во Христе так освятилась, что Спаситель говорит: *Ядый мою плоть... имать живот вечный* (Ин. 6:54); 2) «плоть», «плотской» употребляется в смысле греха, в противоположность «духу», «духовному»; 3) наше тело, в котором соединяется и то, и другое. Если наша плоть и является греховной, то не надо забывать, что она всё-таки создана Богом. Кто внимательно слушал панихиду, помнит эти слова: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида»⁶²⁷. Это не о душе здесь говорится, а о теле, лежащем в гробу, что оно создано по образу Божию.

Если цель христианской жизни – стяжание Духа Святого, то не для души только, но и для тела, как свидетельствуют своим опытом, своею жизнью святые угодники. Господь самым телом Своим творил чудеса, воскрешал даже мертвых (сына наинской вдовы (см.: Лк. 7:11–17), дочь Иаира (см.: Мф. 9:18–26; Мк. 5:21–43; Лк. 8: 41–56)). Через тело даже одежда Христова освящалась и делалась чудотворящей: только прикоснувшись к ней, исцелилась жена кровоточивая (см.: Мк. 5:25–34). Точно так же тень апостолов творила чудеса: те, на кого она падала, исцелялись от своих недугов (см.: Деян. 5:18).

Вне тела мы не могли бы жить. Только по воле Божией рассекается на время этот естественный союз. Итак, люди должны стать новой тварью, и надо всегда помнить то, что говорит апостол: *Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1Кор. 6:19–20). По учению святых отцов, наше тело берёт от жизни всё то, чем живёт душа, берёт и грех, и добро, и святость, и безобразие. Когда мы говорим о грехе, мы

видим, что святые отцы советуют винить в наших проступках не тело, а дух, мысль, потому что зло начинается не от тела, а от души, и обратно – если в душе есть стяжание Духа Святого, это передаётся телу, и передаётся так, что освящается каждая часть его, каждая кость, каждый «уд». Вспомните благодарственные молитвы после Святого Причащения: «Паче же пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце. Попали терние всех моих прегрешений... Составы утверди с костями вкупе. Чувств просвети простую пятерицу»⁶²⁸.

Если так понимать взаимоотношение между телом Христовым и нашим, то понятно, что для верующих могилы святых угодников не то же, что место почитания какого-нибудь великого человека. В могилах святых угодников сокрыта благодать. Ибо может быть только одно: или вовсе ни во что не верить, или же верить в стяжание Духа Святого Божия всем нашим существом – тогда и тела святых угодников будут для нас святы. Если мы верим, что можем воспринять благодать Божию не только душой, но и телом, то для нас станут понятны и приведённые раньше слова Иоанна Златоуста: «Открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа»⁶²⁹. И понятно, что тогда эти кости, этот прах будут для нас ценны не просто как останки дорогих людей, но как сосуды, полные благодати: «честныя твоя мощи, яко сосуд благодати полный и преизливающийся, нам оставивый»⁶³⁰.

Итак, Православная Церковь учит нас, что цель первозданного человека достигается посредством благодати Божией, проявляющейся через тела святых угодников и их мощи. У Макария Египетского много говорится о том, что святые стяжали Духа Святого Божия не только своей душой, но и телом. Отсюда и богослужение для нас не является только собранием двух или трёх во имя Божие, это не так просто, что вот мы собрались с вами и можем уже совершать богослужение. Центром богослужения является святая Евхаристия. Если богослужение совершается нами, скверными, грешными людьми, и мы верим, что при этом действительно совершается пресуществление Святых Даров, и когда мы причащаемся Святых Таин, мы действительно имеем пред собою Тело

Господа и Его Святую Кровь, то, что же нам даёт эту уверенность? Ведь, может быть, мы часто только телом бываем в храме и вовсе не молимся; не молится, быть может, и сам священник, совершающий Таинство, а между тем мы верим, что Таинство всё-таки совершается.

Нам надо помнить, что Церковь есть, прежде всего, Церковь небесная, и, совершая Евхаристию, мы совершаем её от лица всей Церкви небесной и земной во имя святых, подвигом добрым подвизавшихся на земле, и прежде всего – во имя Матери Божией. И священник, совершающий пресуществление Даров, верит, что оно совершается не по его заслугам и молитвам, но от лица всей небесной Церкви: «Еще приносим Ти словесную сию службу, о иже (от имени. – О. С.) в вере почивших праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолах, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех, и о всяком душе праведней, в вере скончавшемся. Изряднее же о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии»⁶³¹. Священник молится здесь о тех (т. е. от имени тех), к кому сам постоянно прибегает в молитвах.

По существу, никакого вопроса о Таинствах, даже о богослужении не может быть для тех, кто не верит в святых и спрашивает: «Как же можно молиться святым, просить их?» Если бы не было у нас общения со святыми как с живыми членами Церкви, то не могло бы быть ни Тела Христова, ни Церкви, ни Таинств. В Церкви земной есть и теперь избранники, они, быть может, находятся и среди нас, но мы их не знаем. По их молитвам мы имеем полноту церковной жизни. Если для нас всё это не слова только, то нам понятно, почему совершается и совершалась на мощах литургия ещё в катакомбах и почему Пятый Вселенский Собор закрепил этот обычай. Христиане верили, что святые не только души, но и тела угодников, и Седьмой Вселенский Собор постановил, что без антиминса с частицей святых мощей не должна освящаться церковь.

Мы имеем не только душу, но и тело, и должны молиться вместе с теми, кто также имел тело, освятил его и оставил нам. Их тела остались и для нас, и мы можем иметь помощь

непосредственно от этих тел. Если мы верим в чудеса Господа и Его святых, если мы верим в то, что через их тела и даже одежду совершались чудеса, тогда нам понятно, почему дороги верующим даже вещи святых угодников.

Дело в том, что теперь у нас это всё забыто, мы всё понимаем не так, как надо бы, нам кажется, что наши тела сами по себе, а души сами по себе, а между тем мы имеем как пример жизнь Иисуса Христа и святых угодников. Тела святых угодников есть залог того, что они с нами совершают богослужение. Наше тело есть по образу Божию созданная красота, и может быть так же свято и нетленно, как душа. Если вспомнить, что грех есть тление, если говорить о тлении души, то приходится также говорить о тлении или нетлении тела.

В молитве перед причащением мы читаем: «Оле страшного таинства! оле благоутробия Божия! Како Божественного Тела и Крове брение причащаюся, и нетленен сотворяюся?»⁶³² Брение – ведь это говорится не о душе, но о теле. Точно так же и крещение соделывает нетленными не только душу, но и тело. Теперь, может быть, нам станет понятно, что значит выражение «нетленные мощи», «нетленные кости». А для человека, который отошёл от Церкви, оно может явиться соблазном точно так же, как соблазнительна для многих бывает молитва о целомудрии при совершении Таинства брака, ведь целомудрие необязательно предполагает девство. А между тем, если подойти с другой стороны, с церковным пониманием, видишь, что мы, имеющие тело, должны сделать его сослужащим Богу, и если говорить о нетлении души, то дело пришествия Христова есть восстановление образа Божия и в теле.

Для нас непонятно, когда при отпевании младенца Церковь молится за него как за «нерастленного». Как «нерастленного»? Ведь он же сгниет!

Да, но настанет время, настанет час, *в онъже еси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут...* (Ин. 5:28–29); тогда возстанет и тело этого младенца и окажется «нерастленным». Какова возстанет душа, таково возстанет и тело. Обычно же мы, рационалисты, не так понимаем нетление тела. Наше тело есть тленное само по себе, и нужно иное –

святость, чтобы сделать его нетленным. Можно говорить о нетлении души и тела, но это дело Божие, и святость состоит в том, что Господь дарует нам это нетление – «одежду брачную». Мы не имеем этой одежды и молимся о ней: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь...»⁶³³ И мы имеем ещё иное одеяние – тело, которое мы должны просветить и возвысить до души с помощью Божией.

Если мы отвергаем почитание святых мощей, надо отвергнуть и всё христианство, ибо иначе наши молитвы при отпевании – богохульство: «Древле убо от несущих создавый мя, и образом Твоим Божественным почтый, преступлением же заповеди паки мя возвративый в землю, от неяже взят бых, на еже по подобию возведи древнею добротою возобразитися»⁶³⁴.

Наше естество состоит из души и тела. Надо заботиться о душе, и если она станет чище и лучше, тогда и тело будет очищаться. Когда начнёшь думать так, сможешь понять и слепопричастную молитву, где много говорится о теле.

Итак, Церковь установила почитание святых мощей, во-первых потому что они «сосуды, полные благодати», и во-вторых, потому, что они залог того, что святые с нами не только душою, но и телом.

Аминь.

О богослужении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Недавно мы праздновали праздник Пресвятой Девы, вхождение Её во храм, и, как Святая Церковь учит нас, вхождение это совершено для того, чтобы Ей во храме «воспитаться честно». Это вхождение во храм, это приобщение к иной жизни, чем наша жизнь здесь, на земле, к жизни премирной, было когда-то совершено Божией Матерью, и каждый из нас – каждый, кто, живя в этом мире, верит во Христа, – был в своё время введён во храм именно для того же, для чего вошла и Пресвятая Дева: чтобы в нём «воспитаться честно», чтобы оставить эту жизнь и приобщиться к премирной, выйти из временного, войти в вечное.

Когда мы говорим о богослужении и участвуем в нём, мы забываем о двух его сторонах: мы думаем, что мы пришли в храм для того, чтобы днесь, ныне вспомнить то или иное событие из жизни Господа, из жизни Богородицы или святых. А между тем Святая Церковь говорит нам о том, что наше богослужение, наше празднование не есть только воспоминание, но самое действительное, подлинное, возможное только через богослужение участие в этих событиях. И не только мы принимаем участие в них, но богослужение имеет величайшее значение и для всего мира, для всей Вселенной.

Кроме того, в каждом церковном празднике, например в только что бывшем праздновании Введения во храм Пресвятой Богородицы, участвуют и иные члены Тела Христова: «горняя сликовствует земным». Вот эти два момента: момент неоторванности богослужения от Вселенной, от всего мира, и затем совокупление наше с миром горним – это есть те два основания, на которых возможно для нас здесь, в мире дольном, приобщение к премирности, к вечности. Когда мы в богослужении, в своих песнопениях обращаемся не только к верующим, не только к людям, но и ко всей Вселенной, то, по

церковному пониманию, это не есть одни лишь слова, но подлинный смысл общения в Боге.

Когда первый человек согрешил, он тем самым внёс грех в мир, в творение Божие, которое настолько преисполнено было красоты и добра, что Сам Творец любовался им (см.: Быт. 1:4, 10, 12, 18, 21, 25, 31). Внеся грех в мир, он сам связал себя с миром и теперь постоянно связывается тем, что вновь и вновь грешит. Поэтому Святая Церковь напоминает, что человек связан с миром, с этой природой, которую он заразил и продолжает заражать грехом.

В тот момент, когда совершается погребение Спасителя и мы стоим перед Его гробом, когда не место словесным украшениям, ибо дело идёт о плаче над Самим Господом, мы забываем, что живём вовсе не в те времена, когда погребали Господа Иосиф с Никодимом, и, участвуя всей душой в богослужении, духовно совершаем с ними это погребение. Тогда с особенной силой звучат слова тропаря первой статьи службы погребения: «О горы, и холмы, и человеков множества! Восплачете и вся рыдайте со Мною, Бога вашего Матерью». Так Церковь от лица Божией Матери или, вернее, Божия Матерь голосом Церкви призывает природу и людей восплакать о Её Сыне и Боге, лежащем во гробе.

В Великую Субботу, богослужение которой совмещает в себе и гроб, и уже Воскресение, когда мы предстоим ещё пред гробом Христа и вместе с тем слышим евангельское повествование о том, что не нашли жены-мироносицы тела Господа во гробе, Церковь с великим дерзновением взывает, обращаясь сначала к ангелам, а затем к небесам и водам, к солнцу, луне и звездам небесным, к огню, студу и зною, к росе и инею и наконец, к сынам человеческим: «Господа пойте и превозносите Его во веки».

И всё это не в украшение, не в стиль, не в то или иное выражение отвлечённых понятий, ибо пред гробом Спасителя уста безмолвствуют, ибо в этой самой службе вместо Херувимской песни мы поём: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет». Нет, это есть верование Церкви. Церковь

верует, что человек неразрывно связан с творением Божиим: если он радуется и ликует, если он очищается, то вместе с ним тем же ритмом духовным живет и ликует вся тварь.

Богослужение не имеет характера исключительно человеческого, относящегося к людям только, — оно совершается для всего мира и во всём мире находит себе отклик. Это сторона величайшей важности. Когдаходишь в храм, то, прежде всего, чувствуешь себя частью вешней природы — ты самая совершенная из всех тварей, венец творения, но ты неразрывно связан со всей остальной тварью, и, совершая богослужение, ты совершаешь его именно как часть, как венец Божия творения.

В день Богоявления, когда во всём мире Иорданским освящением «вод освящается естество», освящаются и все пьющие крещенскую воду: верующие и неверующие, люди и животные. Есть одно примечательное место в богослужении дня Богоявления, которое для маловерующего человека может явиться величайшим соблазном. Это тропарь, который обращён к Иоанну Крестителю и поётся в конце часов.

Святая Церковь сознаёт, что предстоит Крещение Господа, которое ныне в Церкви совершается вновь, предстоит великое освящение Иорданское, а не частное освящение воды в храме. Кого же звать для совершения торжества? Конечно, того, кто прежде совершал это, кто крестил Господа. «Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с неюже и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к Нему, Крестителю, яко дерзновение имея много, ибо болий пророк всех, от Него свидетельствован еси. Очи же твои паки Всесвятаго Духа видевшия, яко в виде голубине сошедша, воздвигни к Нему, Крестителю, и милостива нам соделай, и прииди, стани с нами, запечатаяй пение и предначинаяй торжество»⁶³⁵.

Если веровать в это всем сердцем, а Церковь не имеет в своём богослужебном опыте ничего из того, что присуще миру временному, но [содержит] лишь то, что вечно, что действительно, что свято, если веровать вместе с Церковью во всё это, то с

каким величайшим трепетом и благоговением надо подходить к богослужению!

В другом месте, в день Сретения Господня, мы просим о том, чтобы дочь Фануилева, т. е. Анна Пророчица⁶³⁶, пришла к нам на торжество: «О дщи Фануилева. Прииди, стани с нами...» Недавний праздник в честь Григория Декаполита⁶³⁷ говорит в одном из тропарей своего канона о том же в отношении памяти святых: «Днесь с нами собор постников и преподобных веселится, патриархов и пророков в памяти твоей, блаженне, спразднуют нам апостоли и мученицы, с ними же поминай чтущих тя верно, досточудне»⁶³⁸. Вот эта связь наша с миром горним, это сликовствование небесных и земных даёт ту величайшую силу, которая заключается в молитве богослужебной.

И для нас, кто подходит к молитве с этих двух сторон, кто верует, что мы, с одной стороны, участвуем в богослужении как часть видимого мира, и не одни, а со всей природой, и, с другой стороны, что и мир ангельский, и сонм святых совокупляются в праздновании с нами, – для тех понятно, сколь дерзновенна Церковь; ей не свойственно говорить: «Давайте вспомним, как это было: как родился Христос, как был крещён, как преобразился, распят, предан и погребён был Господь». Правда, иногда говорится и так: «Днесь, собравшись, воспоим то-то и то-то», – или: «Днесь восхвалим» того или иного святого, – поётся в некоторых стихирах, канонах, тропарях, но по преимуществу Церковь говорит иное: «Днесь благоволения Божия предображение...», «Днесь Дева вводится во храм». Или: «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля, и преисподняя; да празднует убо вся тварь востание Христово, в немже утверждается» (Пасхальный канон).

Днесь, а не когда-то тогда, нет, в это время, в эту минуту, когда совершается богослужение. Это дерзновение Церкви имеет потому, что в самой себе она есть не временная, а вечная, она вне мира, выше его, она премирна. Церковь дерзновенна, потому что не мы только совершаем богослужение, мы, собравшиеся здесь, являемся (как люди) высшей частью видимого мира, но мы веруем и надеемся, что

силы небесные с нами невидимо служат, мы веруем и уповаем, что через богослужение мы в XX веке имеем возможность соприкоснуться в молитвенном озарении с давно бывшими событиями, соприкоснуться и участвовать в них как в вечности.

Вот эта-то связь с миром горним и миром видимым и есть то величайшее, что делает богослужение не воспоминанием, не простым переживанием (может быть, и очень хорошим, но временным и индивидуальным), а вечностью, что объединяет всех и вся, мир видимый и невидимый; и здесь, в Церкви, те люди, которые не жили тогда, когда совершались те великие события, теперь участвуют в них, приобщаются к ним как к вечности. Это общение, осуществляемое в той или иной мере, зависит от того, проходил ли человек «честно» свое воспитание. Мы должны воспитываться здесь, воспитывать свой слух, зрение, обоняние, осязание, вкус в условиях премирности, привременности. Об этих условиях я и поговорю с вами в будущий раз.

Аминь.

О жизни в богослужении и о приобщении к вечности

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь учит нас тому, чтобы мы, живя здесь, в мире, приготавливали себя к вечности; будучи здесь ещё, в жизни временной, приобщались к жизни вечной. И вот это приготовление к жизни вечной для нас, верующих, совершается, прежде всего, в храме, совершается в богослужении, ибо в богослужении мы, оставляя временное, приобщаемся к вечности, оставляя всё то, чем мы живём в мире, приобщаемся к тому, что существовало от века, затем дано было во времени и теперь даётся нам опять во времени, но как вечное.

Мы праздновали недавно праздник нашего храма, и полезно разобраться в особенностях того, как мы здесь совершаем (а начали совершать при Батюшке) своё приготовление к вечности.

Когда начинаешь думать о том, что главное в жизни христианина, то, возможно, самым правильным было бы ответить словами песнопения, прославляющего святых угодников Божиих за то, что они, будучи в мире, пожили «привременно и премирно», т. е., находясь в нём, были выше его. Они не только в минуты богослужения, но и во все минуты своей жизни приобщались к вечности, к Богу, хотя вместе с тем и жили во времени, вроде бы ничем не отличаясь от окружающих по своим занятиям, внешнему отношению к другим людям.

В деле спасения есть два пути – путь иноческий и путь жизни в миру. Путь иноческий, путь жизни в монастыре, обычно так и рассматривается как ведущий к полному отречению от мира, изымающий человека из мира и поставляющий его в совсем другие, благоприятные условия в отношении молитвы, покаяния и послушания.

Путь же спасения в миру представляется для многих путём лукавым. У нас распространено мнение: да, вот есть там спасающиеся за стеной монастырской, а мы-то уж как-нибудь. Там монахи совершают свои подвиги и дела, а мы должны

помнить только день субботний, чтобы святить его; *шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему* (Исх. 20:9–10).

В воскресные дни приходской храм собирает верующих, это и есть то единственное делание, которое должно здесь, в приходе, совершаться и заменять для мирян делание монаха. В другое время в церковь можно и не ходить... Зачастую так и смотрели, так и смотрят. Кто-нибудь как-нибудь когда-нибудь ходил в праздничные дни в храм – и этим всё ограничивалось; остальные шесть дней труда были отданы мирским делам.

А между тем, хотя верующие люди и были отделены от иноческой жизни, в их среде всегда сохранялось понимание, что там, в монастыре, в богослужении, покаянии и послушании заключается дело спасения, и не только монахов, но и мирян. Им при проявлении стойкости в исполнении заповедей Божиих предстояло, по слову Господа Своим ученикам: *Я избрал вас от мира* (Ин. 15:19), стать избранными от мира.

И народ стекался в те монастыри, где духовная жизнь расцветала. Многие шли в Оптину пустынь, в Зосимову, Глинскую и в другие обители. Там не только иноков, но и мирян окормляли великие старцы-подвижники. Вы знаете на примере оптинских старцев, как все они, начиная с самых первых – Моисея, Антония, Макария, Иосифа, Леонида, не говоря уже о последних – старцах Амвросии и Анатолии, – служили не только инокам, но и мирянам, всем тем, кто хотел в условиях своей жизни приобщиться к монастырскому деланию.

И всё-таки оставалась некая пропасть между миром и монастырём, куда можно было прийти лишь на несколько дней и даже часов, получить благодатный толчок, зарядиться духовно. А между тем жизнь показывала, что некоторые люди стремятся не только на время приобщаться к богослужению, в котором заключено вечное.

Мы знаем, что в наше время богослужение в приходских храмах в значительной степени искажено: одна праздничная служба, одно богослужение похоже на другое, то, что в нём затрудняет и не развлекает, выпускается, взамен же вставляются совершенно неподходящие концертные

песнопения. Это делает богослужение не приготовлением к вечности, а частью мирской жизни, от которой должен бежать христианин, в отношении которой он должен стать «премирным».

Я уж не говорю о богослужении будничном, которое должно совершаться каждый день. И не потому, что всем следует приходить ежедневно, но все должны знать, что в это время совершается богослужение в том храме, где я молюсь и куда, когда могу, приду. Здесь богослужение как вечность остаётся.

Батюшка понимал, что надо дать верующим богослужение настоящее, подлинное, не суррогат, не имитацию, богослужение вечное, заключающееся в богослужебном православном опыте. Без него немыслимо и христианское делание. И прежде всего, здесь должна быть взята за основу не практика какого-либо приходского храма или даже монастыря, а уставное богослужение по тем церковным книгам, по которым оно должно совершаться. И вот Батюшка сделал то, что, прежде всего, вызывает у многих смущение и осуждение: богослужение начинает совершаться изо дня в день, и вечером, и утром – при изумлении одних, смущении других и, может быть, насмешках третьих; начинается подлинное приобщение к вечности через богослужение.

И этому последовало начало подлинной духовной жизни, которая, казалось, не могла быть в миру. Батюшка начинает свою работу духовника и старца, исходя не из теории, не из духовной традиции, к которой, как и сам он не раз говорил, он не был приобщён, а из глубочайшего знания человеческой души и сердца, а также той обстановки, в которую мы все поставлены.

Когда много лет спустя после начала своей деятельности встретился Батюшка с отцом Анатолием Оптинским, то оказалось, что они совершают не только одно дело, но и в духе одном – так вывел Батюшка свой корабль. Все, кто знал их обоих, могут только изумляться тому, насколько разительно было сходство этих душ в их проявлении, их творческом христианском начале. Батюшка в итоге своей творческой пастырской деятельности, имевшей в основе многолетний

подвижнический труд, пришёл к тому же, туда, куда вела великая, давно осуществлявшаяся традиция оптинского старчества.

Многих соблазняло, что в приходском храме началось такое делание: «Что это у вас там делается, совсем не похожее на то, что есть в других приходских храмах?» От многих приходилось слышать: «Ведь у вас приходской храм, а вы и служите каждый день, и народ принимаете». Многие священники смущались и смущаются частым причащением Святых Таин, а между тем именно в этом и заключал Батюшка подлинное духовное развитие человека. Церковь есть Тело Христово, и понятны слова Василия Великого, что из всех церковных собраний самое великое есть то, на котором причащаются Святых Таин. Батюшкина практика такова: у каждого должна быть своя мера – кто должен приобщаться раз в месяц, кто раз в неделю, кто несколько раз в неделю, а кто, может быть, и каждый день, – ибо Батюшка в этом был не теоретик, а великий практик и каждому определял то, что ему нужно.

Вот что пишет Василий Великий о мере причащения – не подвижнику, не иноку, а просто благочестивой женщине Кесарии: «Хорошо и преползено каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову, потому что сам Христос ясно говорит: *Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь имат живот вечный* (Ин. 6:54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить множайше? Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святого»⁶³⁹. Вот практика не только первых времен, когда христиане приобщались почти ежедневно, но и IV века, и говорит это один из самых строгих отцов Церкви. Для себя и своей паствы Василий Великий берет меру – четыре раза в неделю.

В этом отношении, как и в отношении многого другого, Батюшка занимал особую позицию. Его задачей, часто говорил он с улыбкой, было «устроить мирской монастырь». Он указывал, что вовсе не только для иноков есть путь спасения, этот путь должен стать достоянием многих. Мыслящим иначе

было странно видеть, как радостно совершал Батюшка Таинство брака, ведь он ввёл у себя так много от монастыря.

Надо в мире жить премирно, пользоваться им, по словам апостола, как бы не пользуясь. Батюшкиной задачей было, чтобы каждый в меру своих сил, в меру своего того или иного семейного или служебного положения приобщался к вечности, к той великой школе, которая заключается в богослужении. В частом принятии Святых Таин он подлинно вводил всех в Церковь Христову, в Тело Христово. Многие противопоставили ему какие-то свои правила относительно того, что нужно приобщаться только раз, или четыре раза в год, или же через сорок дней. Но Батюшка отлично понимал значение Таинства причащения и каждому из нас давал ту меру, что была ему нужна.

Индивидуальная мера предусматривалась им и для церковной молитвы. Батюшка говорил: «Ходите в храм сколько можете». Но вместе с тем матерям, которые бросали своих детей и уходили в церковь, он запрещал это делать: «Ты помнишь, как в монастыре бывает, тебя пошлют на кухню, идёт литургия, а ты не можешь на ней присутствовать, потому что по окончании её придет братия в трапезу и ей должен быть готов обед. Оставайся дома, а я за тебя буду молиться, и все верующие вознесут за тебя свои молитвы».

Это не значит, что можно не ходить в храм: я знаю, что надо бы быть в храме, но из-за того дела, которое является моей обязанностью, из послушания совершаю эту работу не только в будни, но, может быть, и в праздники. Батюшка говорил нам о том, что каждое наше дело есть послушание, данное нам от Бога, и на это наше послушание Батюшка благословлял нас с любовью и ласкою.

Батюшка учил нас не временному, а вечному и своей жизнью показал, что он был для нас всем.

У него получал утешение и наставление и инок, и тот, кто едва дошёл до Церкви, стоит у её порога, во многом ещё не разбирается, не понимает ничего, а Батюшка уже его душу знал. Эта всеобъемлемость поражает, когда мы думаем о Батюшке и о его деле. Этот храм, такой тесный и маленький, явился тем

храмом, где свободно дышится, есть простор для души. Каждый из нас, на какой бы высоте духовной жизни он ни стоял, берёт по своей мере из того, что совершалось в этом храме, ибо всё здесь премивно, привременно и ничто не тянет к «миру».

И вот, братья и сестры, мы должны помнить ту обязанность, которую Батюшка возложил на нас. Давайте помнить, что он дал нам новую форму духовной жизни, дал нам, мирянам, возможность через богослужение приобщиться к тому истинному, подлинному христианскому опыту, который давался только в иноческой обстановке, куда не всегда можно было проникнуть, к чему нельзя было приобщить всех. Батюшка давал возможность приобщаться к нему всем приходившим под его окормление. Он вмещал всех – и уже восшедших, и восходящих, и только желающих войти.

Да не смущаются сердца тех, кто находится в том или ином устройении. Помните, что жизнь и делание, которое мы делали и делаем здесь, не есть нечто надуманное, но дело великого опыта, великого понимания человеческой души. Вот почему нам так легко стоять в этом храме, хотя мы и ощущаем свои грехи и недостатки. Мы имеем духовную почву под ногами, и её дал нам Батюшка, он поставил нас в благоприятные для духовного роста условия, открыл нам то, что было закрыто от нас монастырскими стенами. Он сделал это по своей великой любви, он сказал: «И вы все можете это иметь, я приобщаю вас к радости духовной жизни».

Аминь.

О чтении и разумении Священного Писания

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Один из отцов древнего патерика, говоря о Священном Писании, выразился так: «Святые отцы, жившие прежде, писали Священное Писание и исполняли его; другие, жившие после них, тоже писали Священное Писание, но исполняли его лишь наполовину. А вот пришел род сей – переписал Писание и положил его на окно».

Вот это и есть слово обличения для нас, которые к Священному Писанию именно так и относятся. Мы или, вернее, род наш не только смогли переписать Писание, но его даже перепечатали в великом множестве книг, и, однако, мы его положили на окно, или на стол, или на полку – этим и ограничились. И постоянно приходится наблюдать не только среди верующих, но и среди нас, священников, подобное отношение к Священному Писанию.

Впрочем, и среди нас есть и такие, которые читают и стараются изучить Священное Писание, однако и эти впадают, как говорят святые отцы, «в великое искушение». Они, читая Священное Писание, воспринимают его не в истинном разумении, а своим собственным разумом.

Марк Подвижник говорит об этом так: «Закон свободен научать всякой истине; многие читают его по-своему, но немногие разумеют по мере того, как исполняют заповеди»⁶⁴⁰.

Как же это так? Как же это читать по своему разумению, что написано в этом Законе, в Писании? Вот тот же Марк Подвижник и говорит нам, что Закон читается «с помощью истинного разума»⁶⁴¹, не с помощью своего разума, которое у каждого может быть различно, а с помощью «истинного разума», т. е. разумеается через исполнение заповедей по мере их исполнения.

«Не нагим словом, а потом и трудами поучаются познанию Божественных истин», – говорит Иоанн Лествичник⁶⁴². «Не нагим словом», стало быть, не словесным изучением, а потом и трудами. «Старайтесь, – говорит тот же подвижник, – научиться

разуметь делами Писание, более от трудов, а не из одних книг»⁶⁴³.

И Христос, когда учил, не давал Своим ученикам и тем, которые за Ним следовали, читать те или иные книги. Он говорил: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии... научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11:28–29).

Это то же самое, о чём говорит и Марк Подвижник: «Слово Божественного Писания ты читай делами, а не многословием или тщеславясь своим простым пониманием»⁶⁴⁴.

Мы, которые так далеки от дел, далеки от того, чтобы читать Божественное Писание делами, идём как раз по другому пути: мы если и изучаем Священное Писание, то подходим к нему со стороны простого понимания, со стороны, как говорит в другом месте Марк Подвижник, своего собственного разумения.

А между тем закон Божий открывается нам по мере того, как мы входим в него своими делами. Вот почему святые подвижники и говорят нам, что нужно изучить не «нагим словом», а научиться познанию Божественных истин потом и трудами. А так как мы, вернее, те из нас, которые изучают слово Божие, которые любят читать, подходят именно с этой стороны, со стороны своего собственного разумения, со стороны простого словесного книжного понимания, поэтому мы впадаем в ту ошибку, о которой предупреждали нас святые отцы.

Иоанн Лествичник говорит, что вновь начинающие духовную жизнь особенно подвергаются великой опасности, толкаемые злым духом толковать Священное Писание⁶⁴⁵.

Этот соблазн действует, прежде всего, на две категории людей: с одной стороны, на тщеславных, которые именно по своему тщеславию и хотят знать Священное Писание и потому толкуют его по своему собственному, а не по истинному разумению, толкуют его не делами, а словесно, по своему простому разумению. «Они [злые духи], – говорит Иоанн Лествичник, – обыкновенно делают это в сердцах тщеславных»⁶⁴⁶.

И есть ещё одна категория людей, или род людей, впадающих в этот соблазн, – это те, которые обучены внешним

наукам. Эта обученность внешним наукам часто толкает их на изучение Священного Писания и толкование его путем внешнего простого понимания.

Именно по этим причинам Седьмой Вселенский Собор указывал на то, что в церкви святое Евангелие преемственно переходит от одного святого отца к другому, т. е. преемственно передастся в своём толковании именно от одного «делателя» к другому.

Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном (Мф. 5:19).

Теперь понятно, стало быть, почему в Церкви не представляется возможным каждому иметь своё разумение Священного Писания, – это разумение может быть у каждого своё, оно может быть неистинным и может быть основано только на чисто внешнем восприятии закона, на его простом понимании, на том или ином тщеславном подходе к нему или на применении тех или иных внешних наук.

А святые отцы говорят, что слово Божественного Писания читается делами, а не многословием, тщеславием или простым пониманием. Всё это – многословие, тщеславие и простое понимание – учитывается Церковью, ибо это не есть истинное понимание в целом.

И потому в отношении учителей Церкви Церковь признаёт таковыми – отцами и учителями – не всякого, а руководствуется именно этим применением дела, о котором я только что говорил.

Максим Исповедник так говорит об этом: «Много нас говорящих, да мало делающих» – и далее о том, каким образом говорящий может исказить Священное Писание, не зная его, не изучая его своими делами в угоду своей беспечности. Он говорит, что многие являются повинными в перетолковании слова Божия, в силу того что делаются должниками своего собственного разума. «Никто не должен, – говорит он, – исказить слово Божие в угоду своей беспечности, а лучше исповедать свою немощь, не скрывая истины Божией, дабы в связи с преступлением заповедей не сделаться повинным в перетолковании слова Божия»⁶⁴⁷.

Так учит Максим Исповедник. И мы знаем, что многие великие подвижники, которые вначале имели именно большое, а может быть, слишком большое обучение внешним наукам, сами закрыли для себя толкование Священного Писания. Так, например, Арсений Великий⁶⁴⁸ был поистине одним из величайших по образованию людей своего времени, и однако, мы знаем, что он никогда не толковал Священного Писания, хотя и имел к тому полную возможность. Вот поэтому он и может быть поставлен в пример тому месту из учения Иоанна Лествичника, где тот говорит, что «обученные внешним наукам» больше всего подвержены соблазну в отношении изучения и толкования слова Божия.

Стало быть, подходя к слову Божию, мы должны, прежде всего, помнить, что если мы желаем изучить слово Божие, если мы желаем его читать, то мы должны его читать своими делами, а не тщеславиться простым пониманием. Если мы будем думать, что все эти заповеди мы не должны сами проводить в жизнь, а только указывать другим, что в Слове Божиим написано то-то и то-то, что мы должны быть таким-то и такими-то, нам смогут задать вопрос: «А сами-то вы делаете так или нет?»

И вот «кто же читает поистине Священное Писание? – задаёт вопрос Марк Подвижник. – Те, которые не считают себя должниками всех Христовых заповедей, читают закон Божий только телесно, не разумея его»⁶⁴⁹.

Вот мы все не считаем себя должниками всех заповедей Божиих, а если мы и изучаем Священное Писание, то мы просто накапливаем те или иные знания нашего Божественного закона, а между тем это знание только тогда принесёт нам пользу и тогда станет знанием истинным, а не ложным, если будет основано не на простом своём собственном понимании и разумении, а воистину, когда оно будет сопровождаться делами.

«Кто мало делает, – говорит Марк Подвижник, – ухищряется говорить одни слова, тот богатеет неправильно, и труды его, по Писанию, «в дом чуждаго войдут»⁶⁵⁰. Стало быть, напрасно он ухищряется и говорит о Писании – это только одни слова, и напрасно он думает, что богатеет, он *не в Бога богатеет* (Лк.

12:21), и никакой пользы от своего знания он не получает, ибо это не есть истинное знание, потому что оно не сопровождается делами, а слово Божественного Писания познаётся делами.

Как же нам разуместь Божественный закон и как же понимать его, т. е. понимать то, что мы читаем. Понимаем мы тогда, когда делами читаем Божественный закон. Есть два пути для нас. Или мы мало-помалу начнем делание во Христе, и тогда мало-помалу будут открываться тайны Божии, заключённые в Священном Писании. Но так как мы немощные и нам трудно идти по этому пути одним, то нам нужно воспользоваться всем тем, что мы можем взять у тех, которые не только учили, но которые, прежде всего, сотворили. И вот у них мы и получим то, что нам нужно.

Вот почему, повторяю, Церковь в лице Седьмого Вселенского Собора говорит о том, что Евангелие преемственно передаётся в Церкви от одного отца к другому.

И в отношении понимания Священного Писания: мы только тогда начнём понимать его, когда в возможной для нас мере начнём делами творить этот закон, когда мы, хотя бы в немногих заповедях, в тех заповедях, которые мы не только восприняли словесно, или, как говорит Иоанн Лествичник, «нагим словом», но над которыми поработали, если мы начнём изучать с этих заповедей, тогда мало-помалу нам будет открываться и остальной Божественный Закон. Ибо мы подошли правильным путем со стороны не простого понимания, а со стороны духовного делания. Поэтому каждый из нас должен начать хоть с немногого, потому что «если ты делаешь добро, которое можешь, то и прочее откроется для тебя по порядку, будущее постигается посредством того, что ты знаешь»⁶⁵¹.

Нам не полезно, стало быть, бороться за дальнейшее прежде исполнения той части закона Божественного, которую мы понимаем, которая нами может быть выполнена, которую мы считаем как сказанную не для кого-нибудь чужого, а для нас самих. Лишь когда мы сочтём себя должниками этой заповеди и будем исполнять её, лишь тогда, как говорит Марк Подвижник, мало-помалу будет открываться и прочее. Если ты делаешь

добро, которое можешь и знаешь, будущее постигается посредством другого.

И поэтому необходимо проверить себя, как мы относимся к Священному Писанию. Пусть те, у которых Евангелие лежит на полке, в шкафу или на окне, пусть поймут наконец, что ведь не для того мы держим слово Божие у себя дома, чтобы лежало оно в небрежении, как говорят об этом святые отцы древнего патерика. Пусть откроют они это слово Божие, пусть начнут читать каждый день по одной хотя бы главе Священного Писания и пусть почувствуют себя должниками против всех заповедей Божиих. И когда начнут понимать они хотя бы в малой мере, хотя бы в одной малой заповеди начнут исполнять закон Божий, тогда постепенно откроется им и весь Божественный закон.

И пусть те из нас, которые много читают слово Божие, которые считают своей прямой обязанностью читать слово Божие каждый день, пусть не тщеславятся простым пониманием, пусть обратятся к тем, которые деланием шли по пути изучения, к тем, которые сотворили и потом уже научили. И пусть также помнят они, эти вторые, что только по мере того, как мы будем выполнять заповеди Божию, в наших душах мало-помалу будут открываться через делание, через дела наши и остальные заповеди. Тогда мы будем идти не путём простого понимания, не путём своего собственного разума, а путём истинного разума заповедей Божиих.

Аминь.

Письма отцу

Письма из Италии (1913)⁶⁵²

Дорогой папа!

Сегодня осматривал галерею Литта ⁶⁵³ и видел ещё трёх Мадонн Рафаэля, собственно, даже четырёх, четвертую в его «Святом семействе». Больше всего понравилась та Мадонна, которая очень похожа на виденную мною вчера в галерее. (...) Опять долго стоял перед картиной, а потом, обходя галерею, несколько раз к ней возвращался. Из виденных мною нескольких десятков Мадонн, только в Мадоннах Рафаэля нашёл, да и то не во всех, то, что для верующих людей является необходимым в Ней – это девическую нежность и какую-то особенную задумчивость, связанную с исполнением Ею столь великого дела.

Обыкновенная Мадонна в лучшем случае только любящая мать, но в большинстве случаев подчас даже плохо любящая.

Вы советуете мне ехать в Рим. Конечно, папа, совет хороший, так как Рим, что называется, в двух шагах, только я беспокоюсь сильно относительно денег: Вы предлагаете мне выслать, но я не знаю, каково это будет Вам.

Говорить о том, что после всего виденного в Италии мне хочется в Рим, я считаю лишним: вообще, всякому, конечно, хочется там побывать.

Я возьму от Вас денег с тем условием, что Вы даёте их мне займы, как и прежние 100 рублей, а это письмо является обязательством перед Вами. Денег, папа, нужно 50 рублей, не меньше. Как приеду, возьму урок и постараюсь их отдать. Финансы мои сейчас в таком положении: у меня есть 30 рублей русскими деньгами – это, так сказать, неприкосновенный капитал, оставленный мною на дорогу (билет от Швейцарии до Александр [ии]⁶⁵⁴, хотя и 3, конечно, класса, стоит 25 рублей), затем 150 франков, которые почти все придётся израсходовать во Флоренции, ибо один билет до Рима стоит 20 франков. Есть у меня ещё 6 рублей немецкими деньгами. Принимая во внимание все расходы, никак нельзя обойтись без 50 рублей,

если ехать в Рим. Через три дня нужно уже уезжать из Флоренции.

Папа, Вы уже простите, поеду в Рим без Вашего разрешения. Надеюсь на Вашу доброту. У меня есть к Вам ещё просьба.

Ради Бога, купите в Москве путеводитель по Риму и пошлите его мне.

Иначе вся поездка в Рим пропадет. В Риме буду две недели.

Спросите у Вольфа и Карабасникова⁶⁵⁵.

Нынешней весной вышел какой-то очень хороший, забыл фамилию автора: очень хвалили в газетах. Ну, все равно – какой-нибудь. Вы не можете представить, какую помощь мне оказал путеводитель по Швейцарии – Бедекер⁶⁵⁶. Этого же издания есть и Рим, но стоит очень дорого, а, главное, *немецким я не так владею*, чтобы мог решительно всё понимать. Путеводитель по Швейцарии легко читается, другое дело путеводитель по Риму. Вышлите, пожалуйста, *русский*. Говорю по собственному опыту, что без путеводителя нельзя ступить и шагу, а тем более, я не знаю итальянского языка. Путеводитель сберегает и много денег: по плану можно легко ориентироваться.

Адрес мой такой: Италия, Рим...

Деньги после. Главное путеводитель. Деньги можно опять через банк переслать в Рим на моё имя. Чек прислать заказным письмом по адресу, написанному выше.

Напишите сверху «заказное», а в скобках – по-итальянски – *ассотранга*. Папа, простите за письмо. Так набегался, что едва сижу, а хочется отправить сегодня.

Любящий Вас Сергей

Желаю всего наилучшего, и простите меня за мою просьбу. Хотел послать Вам вместе с письмом Мадонну Рафаэля, но маленького размера в хорошем исполнении нет. Посылаю Вам Мадонну новейшего художника Ферруччио.

Спасибо за сердечные письма. Я, правда, их не стою.

Папа! Вы не думайте, что я очень много трачу на пустяки.

Значительную долю моего расхода составляет посещение галерей, церквей, дворцов. Во всех галереях и дворцах плата по 1 франку, во многих церквях тоже приходится платить по ½ франка и больше. Если же доступ в церковь и бывает, свободен, то очень часто картины великих художников закрываются, алтари, из-за которых приходишь, закрываются: всё равно приходится платить, чтобы всё это открывали.

Я думаю, что если бы не исключительная набожность итальянцев, то церкви вообще бы закрывались на целый день и доступ был бы везде по билетам. Но большинство церквей открыто до захода солнца: народ заходит в них и молится.

Дорогой папа!

Тяжело уезжать из Рима. Совершенно не думал, что в состоянии до такой степени полюбить Рим. Вчера ещё раз был в Ватикане, смотрел опять Сикстинскую капеллу и любовался комнатами Рафаэля; вчера же бродил вечером по городу, выбирая любимые места, пил чай в гоголевской кофейне Греко⁶⁵⁷, подолгу сидел над фонтанами. Рим имеет какую-то прелесть, ему одному только принадлежащую, и совершенно правы те писатели, которые признают особое чувство – чувство Рима.

Уезжаю сегодня вечером по тому маршруту, который у меня в билете: Рим – Флоренция – Пиза – Генуя – Милан. Вряд ли где-либо буду останавливаться, разве, быть может, только принудит неудобное расписание поездов, придётся три раза пересаживаться. Проеду из Милана Швейцарией (в Лугано возьму свой багаж и дня два отдохну). Затем через Мюнхен – Дрезден – Берлин – Александров⁶⁵⁸, Варшаву в матушку-Москву.

В Мюнхене пробуду два дня, также и в Дрездене: очень хочется поглядеть картинные галереи и музеи.

Папа, мне очень совестно, но приходится опять просить денег, но это уже *последних*. Причин тому прискорбному обстоятельству две: во-первых, – я просрочил свой билет от Александрова, за что и извиняюсь, во-вторых, – очень хочется взглянуть на Мюнхен и Дрезден. Повторяю ещё раз, на все

взятые у Вас деньги смотрю как на долг, ибо нахожу, что Вы вовсе не обязаны высылать мне деньги на всякие прихоти.

Денег нужно 40 рублей. Если что останется, привезу в Москву.

Моя усерднейшая просьба послать не через Ивана Матвеевича⁶⁵⁹: и так уже думают, наверное, что я Вас обираю. Попросите Сашу или Олю⁶⁶⁰. Сделать это очень легко. Пойти в Лионский кредит⁶⁶¹ и в отделе «Переводы и аккредитивы» заявить, чтобы пересылали деньги чеком *на моё имя*. Вам даётся чек, Вы пересылаете его мне заказным письмом. На последнем, на обратной стороне напишите свой адрес. Перешлите деньги на Мюнхен, по адресу: Германия. Мюнхен...

На письме сверху написать: заказное.

Поклон всем.

Любящий Вас Сергей

Письма с фронта (1915)⁶⁶²

12 мая 1915 г.

Дорогой папа!

Работаю на вокзале, кормлю беженцев и жителей города⁶⁶³. Кроме того, у меня на станции есть и эвакуационный пункт, через который ежедневно проходит от 150–300 раненых. Их мы кормим, поим чаем, и они отдыхают у нас до прихода санитарного поезда. На вокзале работаем вдвоём: 24 часа – я, 24 часа – Виноградов⁶⁶⁴, о котором я уже писал. Вокзал находится в одной версте от больницы, где расположен госпиталь.

Чувствую себя очень хорошо. Пользуюсь временем и для лечения: впрыскиваю себе мышьяк⁶⁶⁵. Сам главный врач предложил мне это и сам делает впрыскивания. Как Ваше здоровье?

При первой возможности пришлю Вам карточки из жизни отряда. Больше половины города разбито, население голодает.

Горячо любящий Вас С.

Письма отцу

2 июня 1915 г.

Дорогой папа!

Как жаль, что Вы нездоровы и от меня не было это время писем. Ваше письмо от 20 мая я получил. Жив и здоров. Не беспокойтесь – в плен не попал. Работал несколько раз под ружейным и артиллерийским обстрелом, и только. Чувствую себя превосходно.

Мышьяк оказывает своё действие, и, несмотря на изобилие работы, я мало устаю. Почта наладится на днях, буду писать Вам ежедневно.

Любящий Вас горячо С.

4 июня⁶⁶⁶

Сегодня у Вас праздник⁶⁶⁷, с которым Вас и поздравляю. За последние дни масса работы. Чувствую очень хорошо. Привет всем.

Горячо любящий Вас С.

15 августа 1915 г.

Дорогой папа!

Испытал одно новое для себя ощущение – летал на аэроплане.

В имении, где находится наш отряд, живут и лётчики. С одним из них я и летал. Письмо Ваше от 7 августа, а также и посылку с шоколадом и конфетами [получил]. Большое спасибо и за плёнки. Писать пока нечего. Скучно. Живём в графском палаццо безо всякого дела. Погода странная: уж скоро две недели, как не видим солнца, а дождей тоже нет. Так всё пасмурно и серо, что и писать не хочется. До скорого свидания.

Любящий Вас горячо С. М.

Письма разным людям

Господь благословит Вас, родная моя Лиза, за память обо мне, Господь поможет Вам устроить свою душу. Вы глубоко, верно определили первое свое состояние – первоначальное, радостное, светлое, лёгкое. Второе состояние – это подмена подлинного призрачным, духовного – плотским. В нём привыкли видеть ценности, которые являются мнимыми. Таковы повышенное чувство экстаза и даже плотские состояния (не отдавая себе в последних отчёта). Почувствовав неправильность, Вы не открыли всей правды, от этого и помощи не было.

Родная моя, не унывайте, это часто повторяемый путь. Ничего необычного в этом нет. Для греховного пути это свойственно, можно сказать, нормально. При этом Вы много узнали и сейчас сознаёте. А это великое дело. Прошу Вас: живите проще, не гоняйтесь ни за какими состояниями. Помните, что если нужно, Господь даёт сам.

Живите по примеру вдовицы, принесшей Господу две лепты (см.: Мк. 12:41–44; Лк. 21:1–4): «Господи, у меня ничего нет, душа пуста, сердце каменное, но я верую в Тебя и приношу Тебе последние две лепты, которые с трудом собрала у себя внутри». Вот так просто и нужно жить.

Господь увидит Ваше смирение, Ваш труд и даст Вам то, что Вы и не подозреваете, даст радость тихую о Духе Святом. Радость незаметную, смиренную, благодатную. Совсем не такую, что Вы ценили раньше и желали иметь.

Храни Вас Господь! Простите меня за небрежное писание. Тороплюсь, хочется ответить. Сердцем не сразу заживёте, а молитву молящемуся, по слову Святого Писания, даёт Господь (см.: 1Цар. 2:9). Вы в смирении делайте лишь возможное для Вас в этом направлении.

Глубокоуважаемый и дорогой Валериан Вадимович!

При вхождении во Святый пост земно Вам кланяюсь и прошу прощения за всё содеянное мною. Простите за всё! Передайте мой сердечный привет всем Вашим. Да благословит Вас Господь в Ваших общих трудностях!

Переданное Вашими «если помнит о нас, то скажите...» для меня доставило душевную тревогу. Родной Валериан Вадимович! Всегда помню, благодарю и до сих пор по временам тянусь к вам ко всем, как бывало и раньше. Очень прискорбно, что письмо моё ко дню Вашего ангела с моей глубокой благодарностью за Ваше внимание к болезни моей не дошло до Вас. Может быть, где и найдется ещё, может быть, в книге какой завалялось.

Я писал Вам там и о книге «Древнерусский духовник» Смирнова. Это вторая часть труда известного профессора, историка Русской Церкви, преемника по кафедре и ученика Голубинского⁶⁷⁰. С. И. Смирнов был профессором и в Академии, и в Московском университете. Мой учитель. Первый том посвящён духовному отцу и старцу древней Восточной Церкви. Это база для выводов его по вопросу покаянной дисциплины в Русской Церкви. Прекрасна работа, давшая совершенно иное освещение прав, роли и значения духовничества в нашей Церкви.

Сердце сжимается за всё что происходит! Вот докатилась волна скорбей до Вашей семьи, такой слаженной и для современности совершенно непонятной. Передайте, пожалуйста, сестрам Вашим, что душа моя состраждет, что как умею, молюсь и прошу Господа о даровании им сил духовных на перенесение неожиданного испытания. Всегда помню, как хорошо бывало мне в доме Вашем, наполненном до отказа всяким творением Божиим, начиная с птиц и зверей и кончая людьми и лучшим, что есть в людях – их благоподобным творчеством: книгами, картинами, иконами. Попугаи, голуби, вороны, кошки, собаки, подрастающие дети среди груд книг,

рукописей, иллюстраций, всевозможных вещей, вещей. А главное, хозяева, каким-то чудом преодолевшие вековое *враги человеку – домашние его* (Мих. 7:6; Мф. 80:36)... Любил я, очень любил бывать у Вас. Да что моя жизнь дома, как на экране промелькнула... Люди, люди, люди... Всё некогда, всё бегом, всё наспех!

Нигде в семье я не отдыхал так, как у Вас. Поэтому к Вам, в этот Ноев ковчег всяких ценностей – Божественных и тварных, – всегда в минуты исключительной «переработки» устремлялась душа.

Примите от меня глубокую благодарность за всё. Если разрушится, так или иначе, семья Ваша, я первый из числа оплакивающих её. Пишу это от всего сердца – так и чувствую: для чего-нибудь я приходил по временам именно к Вам, имея в то время для отдыха всякие и с «внешней» стороны более подходящие возможности. Ещё раз глубокое, сердечное спасибо за помощь и внимание в лучшие годы мои. Господь воздаст Вам за это! Я ведь ничего для Вас не сделал, а Вы так хорошо относились ко мне и, главное, к нашему маленькому розовому домику.

Примите от меня, много раньше Вас вступившему по воле Божией на путь тех же лишений, слова утешения из опыта последнего моего крестоносного года:

Я услышал, и вострепетала внутренность моя; при вести о сем задрожали губы мои, боль проникла в кости мои, и колеблется место подо мною (Авв. 3:16).

Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! Тесно мне; спаси меня (из Плача Езекии; Ис. 38:14).

Возведите к Господу очи сердец Ваших⁶⁷¹, ибо он причиняет раны и Сам обвязывает их, Он поражает и Он врачует (ср.: Иов. 5:18).

*Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, но более в них запутается*⁶⁷².

Не предавайся печали душею твоею и не мучь себя своею мнительностью, ибо печаль многих погубила, а пользы в ней нет (Сир. 30:22–25). *Управь сердце твоё и будь твёрд во*

время посещения твоего (ср.: Сир. 2:2). Всё, что ни приключается тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив (Сир. 2:4).

При умножении страданий моих в сердце моём, утешения Твои стали веселить мою душу (ср.: Пс. 93:19).

Постоянно помню. Молюсь за Вас и за Сергея Вадимовича⁶⁷³. Предайте Господу путь Ваш, и уповайте на Него, и Он сотворит (ср.: Пс. 36:5). Я всегда сам надеюсь на милость Божию и желаю этого же и Вам. По мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше (2Кор. 1:5).

Аня шлёт крёстному привет. Да сохранит Вас всех Господь! Простите! Спасибо за всё

Л. А. Воскресенской⁶⁷⁴

[До 1927 г.] Большое спасибо Вам, дорогая Лидия Александровна, за память обо мне. Я всегда молюсь за Вас и всегда помню. Только всё вот не выбрался к Вам в Посад⁶⁷⁵. Завтра уезжаю на 3–4 дня (вернусь в четверг вечером) в Верею навестить семью. Я не знаю, когда Вы переезжаете совсем в Москву. На той неделе в середине буду в Посаде. Я, если нужен Вам до этого времени, служу в пятницу, субботу и воскресенье. Очень рад был бы повидать Вас. Всё, что только могу, я готов сделать для Вас и Вашей семьи. Передайте мою сердечную благодарность Александру Дмитриевичу и благословение детишкам.

Простите, что пишу так плохо: сижу в вагоне и бумага лежит на коленях. Не унывайте! Вам есть, для кого жить и мало того: Вы иногда умеете жить для них, потому что любите их. Дело у Вас только в выдержке.

Храни Вас Господь

Грешный недостойный иерей Сергей

Всё так неожиданно произошло. Как-то необычно. Моя просьба об одном. Помогите впоследствии Евфросинии Николаевне⁶⁷⁶ поближе быть к детям. Привет и благословение всем. Очень рад за Кирилла⁶⁷⁷. Поздравляю его маму, особенно папу. Спасибо за всё. Жизни моей остаётся один час. Простите.

Спасибо Вам, дорогая Лидия Александровна, за хорошее письмо Ваше. Много и у Вас сейчас волнений и скорбей. Мятущаяся Вы очень по характеру и трудно Вам. Жаль мне, что заболела Ника⁶⁷⁸, что разлюбила она Екатерину Павловну⁶⁷⁹. Пишу отцу Борису⁶⁸⁰ и прошу его обратить на Ваших девочек особое внимание. Зачем это Вы так говорите: «с боку припеку»? – неправда. Я не хочу, чтобы Вы так думали. Обращайтесь за всем к Марии Николаевне Соколовой⁶⁸¹. Она всё Вам скажет, сделает, даст. Письма мои прошлые к определённому моменту,

но очень буду рад, если Вы их прочтете. Там моя душа вся, – какая уж есть на самом деле.

(...) Спасибо Александру Дмитриевичу сердечное, что написал мне несколько строчек. Мне здесь это очень дорого.

Конечно, прочтите Нике записки Ал. Ф⁶⁸², её по конституции её это не возбудит чрезмерно. Я их очень люблю, как и автора, но некоторым нельзя целиком читать их. Местами очень возбуждающе написано. Часто её вспоминаю. Царство ей Небесное. Немного я прожил после неё на Маросейке.

При случае напишите мне о Кирилле. Я о нём беспокоюсь и молюсь. Из него может выработаться хороший учёный. Дай Господь ему встать на эту дорогу.

Передайте мой привет и благословение Нике, Натусе, Кириллу и Сашутке⁶⁸³.

Храни Вас Господь.

Иерей Сергей

Был нездоров. Теперь поправляюсь. Неделю шёл снег, временами при распутившихся яблони и сирени можно было ездить на санях. Сейчас прекрасная, жаркая, летняя погода. Дети уже не кашляют. Сашутке в следующий раз пришлю их карточку. Мне хочется, чтобы он их помнил.

В День всех святых⁶⁸⁴ пишу Вам, родная Лидия Александровна.

Поздравляю Вас с ангелом, а то не пришлось мне в этом году поздравить Вас.

Глубоко тронут вниманием Вашим. Спасибо за ребятишек моих. Особенно же до слёз тронут вниманием Александра Дмитриевича.

Через 3–4 недели решится моя судьба. Пошло в Архангельск. Так уж видно угодно Господу. Здоровье дало третью категорию⁶⁸⁵ на комиссии, поэтому на канал не поеду⁶⁸⁶.

Перекрестите за меня крестника, поцелуйте его от меня. За всё и за всех душа болит. Евфросиния Николаевна моя совсем расклеивается – много всякого случайного, житейского и ненужного. А вот сплелось. Но она все храбрится. Молодец она

у меня. Уж так ей и без глупости-то этой тяжело – одна и без детей, и без работы, и без меня.

Передайте привет девочкам Вашим. Скоро будет молодой врач. Дай Бог! Студенческие годы быстро пройдут. Профессору мой особенный привет, когда вернётся. Я всех поминаю.

Всего Вам, родная, доброго.

Что Господь даёт, нужно всё принять и перенести. Простите, что пишу карандашом. Особенно неудобно перед Александром Дмитриевичем. Вы уж замолвите перед ним словечко.

Христос с Вами!

Спасибо Вам сердечное, дорогая Лидия Александровна, за Ваши весточки. Я отвечал Вам, хотя, правда, и не всегда. Это не потому, что забыл Вас. Всё и всюду трудно сейчас. Поздравляю Вас с новой службой. Куда же уехал Кирилл? Надолго?

Спасибо Вам сердечное за Ваши заботы обо мне. Низкий поклон передайте Александру Дмитриевичу, Сашутку перекрестите и поцелуйте за меня, девочкам передайте, что помню их, что навсегда останутся они в моей памяти. Очень жалею их.

Живу всё так же. Перебрался снова на старое место. Чуть не умерла у меня здесь бабушка⁶⁸⁷ – переволновался за неё очень. Сейчас поправляется. С Лизухой⁶⁸⁸ то хорошо, а то и трудно. Характер у неё, видимо, не из лёгких. Но стала всё же гораздо мягче.

Христос с Вами! Простите за небрежное писание.

Примите от меня глубокую благодарность, родная моя Лидия Александровна. И особенно за Ваше отношение к Евфросинии Николаевне и моим теперешним скорбям. Передайте и Александру Дмитриевичу. Земно Вам обоим кланяюсь. Спасибо. До слёз меня тронула забота Ваша.

Не скорбите, что так получилось с Екатериной Павловной⁶⁸⁹. Ведь Вы не нарочно. Так случилось. Очень Вас понимаю, но и говорю Вам: не падайте духом. Примите в терпении. Очень хорошо нам всегда чувствовать свою вину.

Пусть это сознание даст Вам силы к налаживанию внутренней жизни. Покаяние – то поле, на котором произрастает христианское делание. Только бойтесь главного врага своего – уныния, отчаяния. За вас всех молюсь, как умею. Господь даст дожить до октябрьских дней, о которых Вы писали. Буду очень, очень рад. Перекрестите за меня Сашутку.

Очень рад, что у Вас наладилось дома и со службой.

Помню о Вас. Очень мне трудно, что розовый дом так⁶⁹⁰. Бесконечно. Что же делать-то было? Да будет Его воля. И всё-таки, и всё-таки. Молитесь и Вы за меня. Девочкам и будущему ученому мой сердечный привет. Спасибо за доктора сердечное.

Христос с Вами.

Поблагодарите от меня Е. С. Т⁶⁹¹. Спасибо ей за всё.

Спасибо Вам, дорогая Лидия Александровна, за память, посылку и письма.

С любовью всегда вспоминаю Вас, Александра Дмитриевича и ребятишек. Задёрганность мешала мне бывать у Вас часто. Зато с Александром Дмитриевичем связано много из северных переживаний последних двух лет.

Конечно, побывайте у о. Сергия Лебедева и, когда захочется ещё, навещайте его. Мой совет только в одном: причащаться в нашем храме. Исповедоваться к тому, к кому больше откроется душа, детей же, конечно, к о. Борису Холчеву.

Хотелось бы мне к рождению Кирилла подарить или, вернее, благословить его ангелом-хранителем. Есть он у него? Сообщите матушке. Если нет, то другой иконочкой, но, главное, хочется сделать надпись на всю его жизнь. Я о нём тоже беспокоюсь. Как-то всё получается с ним по-особенному.

Есть ли теперь ангел у крестника; кажется, у девочек нет?

Напишите мне об этом непременно.

Я теперь об этом позабочусь.

К Александру Дмитриевичу у меня просьба: нельзя ли ему в какой-нибудь наш праздник, например Феодосия Тотемского или Алексия, человека Божия, прийти ко всенощной к началу и пробыть все стихиры (на «Господи, воззвах», литии и стиховне, за вечерней), после своё мнение передать Вам, а Вы мне. Там у

нас по-новому гласы и подобны. Мне очень бы хотелось узнать его мнение. Спасибо Вам за всё. Александру Дмитриевичу, Вам и ребятишкам благословение и привет с севера.

Любящий Вас отец Сергей

Натуську познакомьте по-настоящему с о. Борисом (Холчевым). Это очень хорошо.

Сердечное спасибо Вам, родная моя Лидия Александровна, за Ваши письма. Я всё думаю, что уже забыть меня пора, а Вы всё помните меня, да ещё с такой любовью относитесь. Не стою я этого. Выражаю Вам и всей семье Вашей глубокое сочувствие в связи с кончиной Павла Борисовича. Всегда теперь поминаю его. Спасибо Вам за него. Очень трогает меня Ваше общее участие в этом стареньком, добром, беспомощном человеке. Вы ещё с Сергиева Посада его помните, конечно, да ещё через Новгород. Царство ему Небесное!

Очень трудно мне сейчас и нездоров ко всему. Грипп какой-то мучительный. Не в нём главное же. За всех и за всё душа болит. Если бы один был, то и шёл бы радостно по пути совести своей, а видеть, как трудно другим идущим, иногда сверх моих сил. Всегда было легко мне, а теперь потерпеть надо. Всё это понятно, но человек я, и иногда за других так тяжёло бывает.

Конечно, Сашутку причащайте. Я всё так же. Ни от кого не отделялся. Как бы обо мне ни говорили, чтобы ни выдумывали, я такой же, как и был тогда, после разговора с М. С. Помните?

Поэтому благодать, конечно, везде в Таинствах и правильном рукоположении по преемственности апостольской.

Передайте мой глубокий поклон Александру Дмитриевичу. Евфросиния Николаевна тоже шлёт ему привет. С тех пор, как она у меня, много пришлось от неё слышать об Александре Дмитриевиче. Глубоко, сердечно благодарю за все и за всех, с Алеши⁶⁹² начиная. Простите меня, дорогая Лидия Александровна.

Помню о Вас и всех Ваших. Кириллу, Нике, Натусе привет. Сашечку перекрестите.

От всей души благодарю Вас, родная моя Лидия Александровна, за Вашу память обо мне. Передайте и Александру Дмитриевичу мой сердечный привет и глубокую благодарность. Передайте, что его я помню, уважаю, люблю и очень жалею. Всегда помню обо всём, что сделал он и для меня, и для других. Евфросиния Николаевна шлёт Вам обоим поклон, она даже не может спокойно говорить об Александре Дмитриевиче, так ей за него больно.

Слушайте, Лидия Александровна, был такой случай (правда, с ребёнком), но ведь это не важно. Замучила сыпь и наросты всякие по лицу, рукам, ногам, телу. Сплошное мучение было не только для ребенка, но и матери, и отцу, и всем окружающим. Лечили много, упорно, годами. В качестве врача смотрел и Л. Д. между прочим. Ваялся излечить и излечил профессор Филиппов. Старик возмущался, что до такой степени довели и не лечили. А какой не лечили! – всеми способами и у всех врачей. К Филиппову обращались без надежды, и, кажется, в связи с другой болезнью. Смотрите, он старик, поторопитесь.

Передайте Нике, что я молюсь за неё. Христос с Вами.

Сашеньку родного моего крепко целую. Привет Наташе и Кириллу. Христос с Вами.

А. Д. Воскресенскому⁶⁹³

Сердечное Вам спасибо, глубокоуважаемый и дорогой Александр Дмитриевич, за память, внимание в трудные минуты жизни моей. Сочувствие великое дело, понимаемое нами только опытным путем. Зная Вашу способность к писанию, до слёз тронут Вашими строками. Спасибо Вам, родной, за всё. За ребят моих, за Алёшу, за жену, к которой Вы так тепло относитесь. О себе же и не говорю. Мне всегда бесконечно дорого было отношение Ваше. Мы, конечно, уже не увидимся никогда больше на этой земле. Не звено, а целая цепь звеньев (неразборчиво) предстоят мне в будущем. Я всегда буду с благодарностью вспоминать Вас, молиться за Вас, как умею. Спасибо, что не осуждаете меня за мой крест. О розовом доме и говорить не могу, и слышать не в состоянии⁶⁹⁴. Одна сплошная боль, как только этого коснутся. Время, только оно, может быть, смягчит это во мне. Крестника моего крепко целую. Очень рад его способностям, о которых пишет его мама. Привет девочкам. Большущие, наверно, стали. Профессору особенный поклон.

Как Вам, наверное, трудно теперь. Так и чувствуется по письму.

Со своей вышки (живу в чулане) вижу сейчас нежно розовые краски северной вечерней зари, совсем как в Ферапонтове. Отцветают вишни, яблони так оделись цветами, что не видно почти и сучьев. Вот снова привёл мне Господь увидеть северную весну. Это уже четвёртая по счёту. Простите за карандаш.

Низко Вам кланяюсь. Ещё раз сердечно благодарю. Сегодня две недели, как дышу весенним воздухом и только два дня, как имею кров. Трудно с этим здесь.

Куприяновым и Б. А. Васильеву (1923–1937)⁶⁹⁵

Татьяне Куприяновой

1923 г.

Т[аня], милая, что с Вами? Я услышал вчера, что у Вас какой-то нарыв на губе и высокая температура. Буду молиться за Вас. (...) Если очень высокая температура и в связи с нарывом, то нужно приехать в Москву. У меня вчера заболел Алёша⁶⁹⁶. Сегодня не спал всю ночь, заболел сильно. Не знаю ещё, что [с ним]. Вы на меня не сердитесь, Я всегда помню Вас и молюсь за Вас. Жизнь моя рвётся на клочки. Не знаю ни срока, ни места. Я всё-таки приеду к Вам в понедельник или вторник, как вот с Алёшей. Храни Вас Господь!

Женя⁶⁹⁷ пока у нас в квартире.

Пишу во время часов в церкви.

День усекновения главы Иоанна Предтечи⁶⁹⁸.

Сентябрь 1923 г.

Т[аня!] Спасибо за письмо. Получил перед самой всенощной. Пишу в церкви. Приехать можно 24-го. Если погода хорошая будет, можно ещё раз съездить до октября.

Храни Вас Господь.

Греши [ый] нед[остойный]

День св[ятой] Серафимы⁶⁹⁹. Кисловодск, 1926 г.

Передайте Ляле⁷⁰⁰ открытку.

Таня, родная моя, спасибо Вам за письмо. Не унывайте. Раз Вы почувствовали радость, мир и настоящее духовное бытие постом на 1-й и 4-й неделях, стало быть, всё в Вас благополучно. Приеду и введу эту систему⁷⁰¹ ежемесячно. Не унывайте, теперь скоро увидимся. Приеду в воскресенье 9/22 августа, чувствую себя лучше. Ванны заканчиваю.

Помните одно только: в христианстве никогда не поздно начать жизнь сызнова, и во Христе это только и можно. Пример: все святые во главе с разбойником благоразумным⁷⁰². Господь Вас любит и посылает Вам такие испытания, когда вызов по повестке. Слава Богу за всё. Храни Вас Господь.

Лето 1927 г.⁷⁰³

Таня родная! Спасибо за письмо. Шлю Вам благословение. Приготовляйте себя в одиночестве к тайной жизни с Господом и в многолюдстве.

Храни Вас Господь.

Июль 1929 г.⁷⁰⁴

Сердечное спасибо, Таня, за память. Радуюсь за Вас, что тепло и спокойно живёте в Ржищеве. Случайно, по совету своего врача, едет к Вам М[аруся] П.⁷⁰⁵; пользуюсь случаем написать Вам. В Москве пока по-прежнему. Борис⁷⁰⁶ много писал мне о ваших прогулках. Отдыхайте и не уставайте.

У Вас всегда наклонность переборщить. Устав в смысле последовательности песнопений и чтений, конечно, можно изучить по Никольскому⁷⁰⁷ основательно. Это лучшее пособие (есть еще Розанова⁷⁰⁸), но Скабалланович⁷⁰⁹ всё же остаётся единственным в смысле уяснения сущности того или другого богослуж[ебного] действования, включая, конечно, и сторону *последования*.

Вчера ездил в Дубки. Очень устал. Простите меня, Таня! Написать же хочется хотя бы и чуть-чуть.

Благословение Господне на Вас) Люб[ящий] Вас гр[ешный] отец Ваш.

Январь 1930г. Кадников

Поздравляю Вас, родная моя Таня, с наступающим днём Вашего ангела⁷¹⁰!

Спасибо Вам за минеи. Ежедневно, молясь, вспоминаю этот последний с Вами памятный для меня день.

Как живёте? Напишите непременно через Е. Н.⁷¹¹ Постараюсь при случае и ответить.

Что, Т[аня], по разным путям пошли мы с Вами. Вы гоните уж на муч[еничество], а я, хочу или не хочу, должен идти по пути преподобных...

Все введения преподаны, все курсы хорошие и плохие (я говорю о моих, а не о всех) в течение 10 лет прочитаны, не

хотите ли приступить к самой науке спасения своей собственной души?

Что, Т[аня], и мучеником трудно стать? и преподобным не легче. А ведь призывает меня Господь от теории к практике. Это мой экзамен.

Т[аня], родная, помолитесь и молитесь теперь особенно за меня. Всех поздравляю. Христос с Вами. Как трудно в мои дни. Трудно, Т[аня].

Т[аня], хорошо ли, что Вы часто пишете Б[орису]⁷¹²? Хорошо, с одной стороны, но на чей он пишет адрес, беспокоюсь, Т[аня], – себя берегите.

1930 г.

Спасибо Вам, Т[аня], за письмо. Не мог сразу ответить, а потом пришлось по обстоятельствам, и сейчас отвечаю по памяти. Радует меня, что Вы обратили особенное внимание на свои трудности, указанные мной. Это хороший признак: заговорила совесть, хотите избавиться от них и ещё помните того, без кого Вы можете жить, а кто без Вас живет с трудом. Господь благословляет дочь, помнящую своего отца. Постарайтесь до конца довести дело с Лялей; с Лялей-то Вы [поссорились] из сущих пустяков. Конечно, переходите [на новую работу] при подходящих условиях. Вам давно нужен большой оклад, теперь же он особенно ко времени в связи с папой. Надейтесь на Того, Кто может «вычистить» из книги Жизни. На настоящей службе могут оказаться и не только ценители Ваших заслуг. *Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим (Иер. 10:23).* Сейчас же складывается и сложится, как Ему угодно; не противьтесь.

Спасибо, что из моих невозможных проповедей последнего времени удержали в памяти слово о Павле проповеднике, архиеп. Константинопольском⁷¹³. Дорого мне сейчас это.

Б[орис] ничего не писал вообще последнее время, а не только о Вас. Это не от меня.

Много у меня здесь своеобразной, новой радости. Получил, кажется, всё, к чему по временам тянулась душа. Уединённая молитва (теперь, правда, несколько иная в силу нов[ых])

мест[ных] обстоятельств), время на занятия. Мало того, руку Божию до мелочей чувствую над собой. Всё же очень трудно, Т[аня]. Конечно, всегда с упованием твержу: Да будет, Господи, воля Твоя и на мне грешном, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Не в том дело, что от одного полюса к другому: от многолюдства чрезмерного к одиночеству крайнему. Из одной духовной категории в другую, это вернее. Иной путь подвижничества, отшельничества, иной путь пастырства. Отшельник в идеале [работает] единый Единому; пастырь в идеале: *се, Аз и дети, яже Ми дал есть Бог* (Евр. 2:13); непременно дети, без детей не пастырь. Отшельник к Богу, а затем к людям, пастырь к людям, а затем к Богу. Очи отшельника обращены к Богу, очи пастыря к людям. В них, в людях, он видит и познаёт Господа, в них он открывает Его красоту. Пастырю пасомые не заслоняют Господа, а показывают, не отделяют, а приближают Его. Т[аня], родная моя, я недостойный и паче всех грешнейший, но я *пастырь* – не только иерей. Дух мой утрёнует к каждому храму душевному моих чад. Если бы мне сказали, выбирай из двух возможн[остей] – или только служи, или только пастырству. Не колеблясь – пастырство.

Рыба, вынутая из воды, засыпает, а в воде живёт. Так и я вот чувствую, что истощаюсь, истощаюсь до основания. Очень плохо исполняя, дома я имел полноту иерейства и полноту (возможную, быть может, даже и не только в тепер[ешних] условиях, а вообще) пастырства. Отнято всё сразу. Молитесь, родная, за меня. Только не думайте, что унываю. Нет, что Вы, я открываю Вам, как дочери, то, что есть у меня труднейшего. Дыхание моё вы, молитва моя не только о вас, а от вас, через вас, с вами. Обожение моё, если приведёт к тому Господь, с вами непременно. Иначе неполнота, истощание.

Простите за бессвязное письмо. Сретенское письмо подействовало на меня не хуже Преображенского. Хотелось Вам написать по-хорошему, да в голове ещё и другое сегодня засело. Благословение Господне на Вас. Простите меня перед наступающими великими днями за всё содеянное мною в

мимошедшем бог[ослужебном] круге. Храни Вас Матерь Божия и наши св. угодники.

Т[аня], родная, ради Христа, простите. Лежало наверху, пары самовара. Хотел переписать, нет времени, уезжает. Перед самым отъездом. Больше никогда не буду так.

Зима 1930 г.

Спасибо Вам, Т[аня], за письмо. Очень мало времени, и пишу наспех. За вторник сердечно радуюсь. Дай Вам Господи и в будущем сил для продолжения работы.

С Б[орисом] спокойнее. Прошу Вас, вносите всегда поправку на одиночество. Отсюда и всякие его «настроения». Вы очень хорошо знаете, что он один, но воспринимаете к действию лишь с одной стороны – необходимой ему помощи. Пишите ему, можете и поехать летом, только поспокойнее. Прошу Вас. Не думайте зря о будущем. Господь устроит, как Ему угодно. Можно перемудрить, как иногда мудрил и Б[орис].

У меня к Вам просьба. Помните, что Вы когда-то хотели к себе М. Т.⁷¹⁴ Теперь настал момент, когда её необходимо, так или иначе, устроить. Поговорите с М. Н., Е. С., М. А.⁷¹⁵ Как это лучше? У Вас или как? Ей необходимо дать и работу, как вот у Вас. Поэтому, пожалуй, у Вас лучше, но я не знаю Ваших отношений теперь и отнош[ения] к ней моих [духовных] детей. Храни Вас Господь. Простите за краткое и бестолковое письмо. Я сейчас в таких условиях эти дни, что нужно удивляться, как ещё пишу. Папе [Вашему мне] очень хочется написать. Не успею сейчас-то. Передайте ему благодарность за письмо и моё благословение. Также и маме. Непременно напишу.

1930 г.

Благословение Господне на Вас, родная моя Т[аня] (Очень порадовали Вы меня своим письмом. Дай Господи, чтобы Вам, так хорошо вошедшей в Святой⁷¹⁶ пост, подвигом добрым подвизаться в нём, течение поста совершить, победительницей греха явиться и неосужденно достигнуть (...) поклониться и Святому Христову Воскресению.

Как радостно, что в храме так хорошо.

Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое; аще встанет на мя брань, на Него аз уповаю. Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святой Его... (Пс. 26:3–4) Так это мне близко. Только сейчас, когда воля Божия сказала на мне, я прошу уже об этом для Вас и всех моих.

Т[аня], будьте моей поддержкой в пении. Все это не так просто, тем более отсюда, кажется мне, что и Вы сейчас почувствовали пользу некую. Отрицательное чужое постараемся изжить отсечением +⁷¹⁷ воспитанием заматоревшего во днях своих, но не чужого в существе своём регента. Будь я на месте, всё бы было менее болезненно. Но в муках рождается истина. Дело не только во мне отсутствующем. Иконопись сильна древними памятниками, поддающимися изучению; в пении, к несчастью, подход не только у нас, но и вообще *отрицательный*, скорее чувствуем, чего нельзя, чем знаем, что можно и нужно.

Записочку Жене прилагаю. На Ваше усмотрение, как найдёте. Самим прочесть ли Вам или передать. С Б[орисом] просто, совсем просто, не избегая и излишне не приближаясь. Вот где Вам объект изучения темы Вашего исследования о мере. Всё мне позволено, но не всё на пользу (ср: 1Кор. 6:12 и 10:23) (как Вам, так и ему).

Кажется, теперь всё. Храни Вас Господь. Вечно тороплюсь, даже и здесь. Хочется не откладывать, а всего-то много очень. Храни Вас Матерь Божия. Пишу без знак[ов] преп[инания]. Некогда, простите.

Суббота Лазарева 1930 г.

Т[аня], родная моя дочка! Поздравляю Вас с наступающими великими днями Страстей Христовых и Светлого Христова Воскресения.

Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше, такое подробное и при всём задоре с такой любовью написанное.

Вот когда для меня особенно открылось Ваше отношение к дух[овному] отцу. Да благословит Вас Господь за это! Я же

ничем не заслужил подобного ко мне отношения. Ваше письмо одно из лучших утешений мне, в необычной обстановке проводящему сии пречестные дни.

Хочется написать Вам что-нибудь хорошее, до сердца доходящее, да некоторые дни у меня, б[ыть] м[ожет], более суетливые, чем раньше: писание для меня дело нелёгкое. Молодец, молодец, Т[аня]. Поздравляю Вас! Экспертизу на высокую квалификацию выдержали с честью. Как это мне все знакомо. Родственники мы с Вами, и ближайшие, вплоть до задора и задиранья.

Наберитесь немножко терпения! На Пасхе в конце Светлой седмицы напишу Вам подробно. Сейчас же поздравляю Вас с памятью Женюрки⁷¹⁸ и сажусь писать папе. Книгу пришлите. Буду рад её почитать.

Т[аня], хочется мне, чтобы Вы, имея уже высокие достижения в области ума и слова, занялись бы вплотную областью сердца. Для меня то, что у Вас сейчас, – это 1923 г. Моя формула: я, +⁷¹⁹ что только можно в области сердца от батюшки; для Вас была бы, может, ближе иная: Вы + что можно в области сердца от Женюрки. Я подробно напишу. Помните, что Вы мне написали накануне «Ионы во чреве китове»⁷²⁰. Для Вас не случайно трёхдневное пребывание⁷²¹. Дай Господи почувствовать Вам, как чувствую я необходимость поворота Вашего к новому деланию, к работе над сердцем. Об этом, о занятиях вообще подробно напишу.

Храни Вас Матерь Божия, прибегайте к Ней, как Израиль к Кивоту Завета⁷²². Она поручительница Ваша. Дай Бог заключить Вам и «Новый Завет»⁷²³. Писать больше не могу. Хочется и другим тоже. Помолитесь и за меня. Простите. Всех вас мне жалко, а сам без храма в такие дни.

Весна 1930 г.

Т[аня], родная моя! И у меня скорбь. Я не получил Ваше письмо. Не знаю почему. Неужели не взяла Е. Н.⁷²⁴, оставила? Я так ждал его. О чистке⁷²⁵ она всё, что знала, передала. Слава Богу. Что дальше будет? Молился за Вас те дни особенно. Все мы молились, и ребята. Как же и когда у Вас отпуск? Слышал,

что до Ш[енкурска]⁷²⁶ 6–7 дней езды. Правда, это? Я думал 4, откуда 7-то получается? Не могу понять. Надеюсь, что перешлют тотчас же при первом случае. Не унывайте, моя хорошая, на Вас особенно вижу милость Божию. Всё это испытание для меня уже: всё перерыл и переспросил, и ничего... Храни Вас Господи! Любящий Вас. Простите меня за всё.

Весна 1930 г.

Совсем ослаб, Т[аня]! Прошу прощения. Дело в том, что так пишу⁷²⁷, чтобы Вы могли частично [прочесть] для некоторых. Это не о Вас и не Вам только. Это вся Мар[осейка] переделывает. Сил нет. Лежу. Очень слабо работает сердце. А Вам посылаю в благослов[ение] и утешение. Здесь есть и Феодор Студий. Пока держите в тайне. Обязательно получите через 6–7 дней. Простите, помолитесь. Я за Вас молюсь. Простите, обрезал неправильно. Кружится голова. Если серьёзно заболел, если даже и не увидимся, написано у меня [для Вас] основное. Я очень, к тому же, стесняюсь. Т[аня], трудно мне, очень трудно без вас⁷²⁸ и храма. Троицын день наступает. Отдайте Веронике⁷²⁹.

Весна 1930 г.

Т[аня], родная моя. Пишу Вам большое письмо. Пускай останется Вам на всю жизнь Вашу, скоро пришлю. Стесняюсь неоконченное посылать. Всё и обо всём. Примите с любовью, но не с обязательством исполнять. От души напишите, с чем согласны, с чем нет. Это будет для меня большой радостью.

Нездоровится мне все ещё. Писать трудно, но много пришлось опять [писать]. Сообщите мне адрес Б[ориса], потерял. Храни Вас Господь. Как-то у Вас чистка прошла?

Молюсь за дочку свою. Очень сожалею, что снова огорчаю Вас. Потерпите на мне ещё немного, Т[аня]. И мне бывает очень трудно иногда.

Апрель 1930 г.

Родную мою Т[аню] поздравляю с наступающим праздником свят[ителя] Николая^{730!}

Т[аня], что же ничего не написали о моём письме. Ваша фраза «спасибо за о[бщее] письмо» свидетельствует о том, что оно не вошло в Вас. Это для меня очень тяжело. Надеюсь, что сердце Ваше найдёт отклик и для моей души. Знаю, что на этом пути можно сорваться, но это возможно и на всяком. Предохранением, как и везде, служит: тайная, ежедневная, ежечасная жизнь с Богом и соблюдение меры. Что у Вас, родная моя дочурка, нарушилось? Примите на память об общей молитве Божьей Матери. Люб[ящий] Вас.

Весна 1930 г.

Не успею кончить. Скоро ехать надо. Что написал, примите с любовью. Окончание следует. Трудно два раза писать. Не так ярко переживаешь. Я ленивый ведь к писанию, не то что Вы. О[льга] А[лександровна]⁷³¹ никуда не уйдет. Всегда можете заехать и зимой, и осенью, да и навещают её. Конш⁷³² далеко, да и трудно Вам ехать теперь после переживаний таких при духоте исключительной. Остается Б[орис]. Господь благословит Вас, только предупреждаю: вопрос о браке встанет. Как жаль, что мы с Вами мало об этом беседовали. Я знаю только Ваши состояния в связи с... Прошу Вас: 1) напишите мне что-нибудь по этому поводу, 2) будьте совершенно спокойны, не поддаваясь никаким состояниям Б[ориса]. Помните, что всё это касается *для Вас* прежде всего *Вас* самой. Что у него, может быть, многое окрашивается и в связи с одиночеством и постоянной перепиской. Мне хочется сейчас одного: почувствовать Вашу душу. Напишите. Конечно, ничего предрешать не надо. Личное общение многое уяснит. Но всё же хотелось услышать биение Вашего сердца в настоящих условиях.

Все занятия должны быть направлены (забегаю вперёд) на служение семье нашей⁷³³. Заниматься и интересоваться Вам и всем нам только тем, что может в самый краткий срок принести многим пользу...

Кроме богослужения хорошо бы поработать кому-нибудь над Библией. Меня не поняли. Я не хотел объяснять канон Андрея Критского.

Лето 1930 г.

Т[аня], родная моя! Христос с Вами, поезжайте с Господом в Ш[енкурск]. Не знаю точно, сколько езды, но если бы нашлось время, с радостью повидал бы Вас и у себя. Помогите с Р.⁷³⁴ Вовсе ни о каком стандарте не может быть и речи, ведь дело совсем в другом. Просто нужно служить и иным, а не только словом. Почему он так разобиделся? Может быть, не так как-нибудь объяснили. Если можно, конечно, отвезите Б[орису общие] письма.

Прошу Вас, совсем спокойно подходите к тому вопросу, о котором я написал Вам. Брак или нет, как Господь благословит. Прошу Вас, совершенно спокойно. Христос с Вами! Мне хотелось услышать биение Вашего сердца, теперь я его услышал. Хотелось, чтобы Вы меня навестили.

Осень 1930 г.

Перед Вашей новой неожиданной трудностью душа хочет сказать Вам, Т[аня], родная моя, милая хорошая дочка, спасибо Вам за многое-многое. Что Вы меня не поняли последний раз, это случайность! Больше всего по моей вине: я не умею писать. Тем более наспех, второй раз. Одно скажу Вам: я писал столько же о Вас, сколько о себе. Самого определил себя в письме не из желания смирить Вас. Я такой на самом деле. Я помню свои слова у одра отца Нектария⁷³⁵:

«Батюшка, я скверный, очень скверный священник, но я хочу быть хорошим. Помолитесь за меня».

Т[аня], Вы жили сердцем верно, верно, но и я жил, нельзя сказать, не жил. Но теперь чувствую, что *настоящее* ещё идёт и, может быть, придёт. Я об этом напишу ещё, постараюсь получше. Но у меня, милая, правда, не только малое сердце, но и малый ум. Спасибо Вам и за ту любовную снисходительность, какую имею от Вас.

Потерпите, каждому своё, Вы сильная —⁷³⁶ Вас по-другому. Болела душа всегда за Ваш переклик с Б[орисом]. Положим, ведь не знаешь, в чём дело. Сегодня и вчера молились за Вас, Т[аня.] Спокойнее; три первые века⁷³⁷ не даром сейчас дороги Вам. Это ведь тоже оттуда. Душа особенно болела за Вас перед этими днями. Открытку даже послал Вам. Только опять нескладную. Стесняюсь Вам писать, а теперь после последнего письма ещё больше. Молюсь, молюсь, молюсь. Помните об одном только: даже здесь на земле есть Вам «сострадающий помощник», как же там, на небе Вам помогают.

Может быть, это начало нашего конца⁷³⁸. Да будет воля Твоя, Господи.

Храни Вас Матерь Божия и преподобный Студит Феодор со святым Леонтием Ростовским.

Простите меня за всё и за последнее письмо. Если приведёт Господь, конечно, Вам история Церкви, а ничто иное.

Родную мою Т[атья]ну благословляю на принятие Его воли в мире и тишине.

Осень 1930 г.

Т[аня], родная моя, хорошая! Спасибо Вам за поздравление. Не пришлось мне в этом году с Вами праздновать память преподобного [Сергия] — скоро теперь и годовщина [ссылки] наступает. Сейчас хочется написать Вам что-нибудь хорошее, хорошее, да эти дни рвался на отдельные клочки: крест мой писать «многое множество», а сейчас необходимо было.

Что можно сказать о Кащенко⁷³⁹. У него очень трудно работать: он может Вас заездить. Кто стоит во главе — он один или ещё кто кроме него? Поговорите об этом с С. А.⁷⁴⁰ и отцом Б.⁷⁴¹ Это обстоятельство приводило обычно к тому, что от него бежали все. Вообще же, конечно, неплохо было бы во всех отношениях работать по специальности. Всё же эту работу можно так квалифицировать. Со службы нужно уходить. Вы чистку всё-таки прошли, не были сняты, ну и, слава Богу, пора; а то где-нибудь и закрепят не на месте.

Т[аня], я при свидании с Вами ничем не хотел Вас огорчать, потому и больше слушал Вас самое, да я ведь и давно-давно не видел Вас.

Мне тогда уже было ясно, что Вы слишком форсировали свои отношения к Б[орису]. Сразу всё решили, всё распределили и т. д. В этом отношении мне припомнилось то, что произошло с (...) Помните? Ведь Вам очень трудно было. Вот и сейчас, как-то все: и Анна Алексеевна⁷⁴², и моя позиция, и Ваша подсознательная работа (если выйду, то за Б[ориса]), – всё как-то предопределило. Я думал, что Вы на месте побудете потому именно, что встанет вопрос о браке и нельзя решать, минуя личное общение. Думал, что Вы приедете с наблюдениями, переживаниями, кот[орые] потом подвергнем совместному контролю. Вы же сразу всё решили. Что оставалось делать, да ещё тогда, когда мне хотелось выслушать прежде всего Вас, не вмешиваясь и не подавляя, хотя бы и невольно, что-нибудь в Вашей душе. Для меня ясно, что у Б[ориса] на Мар[осейке], кроме личного знакомства, близкого, дорогого ничего не оставлено (я не говорю о богослужении, но ведь оно возможно везде), у Вас же иное – душа Ваша вся здесь.

Ему нужна в настоящем момент супруга, и Вы одна из возможных; у Вас никак прямого необходимости нет в этом – для Вас лично Бор[ис], а душа в основе не желает вообще, так как жаждет продолжения жизни в доме⁷⁴³. Вы у него одна из (...) (я говорю не с целью обидеть, не осуждать, ведь вы оба мне дороги). Поэтому Вы обошли вопрос, с кем же Вы-то – с ним или с ними. Решая вопрос, Вы больше думали и говорили о браке и безбрачии, чем о нём и о них.

Между тем многие живут Вами, я не говорю уже о родителях. Общее моё положение: Вы чересчур поспешили, как-то не разобрались во всём. От Б[ориса] я получил «странное» письмо, писать о нём в таком сутолоке, как у меня сейчас, я не могу, Т[аня]!

Мой совет в молитве и тишине, спокойно, не торопясь, разобраться в душе своей. Обстоятельства, кажется, мои меняются, но Господь даст для Вас лично: я буду более

доступен в письмах, раз у Вас такое сейчас дело, как-нибудь устроим.

Простите меня ради Господа.

Написать столько, сколько я написал [в] эти дни, для меня подвиг, а я такой ленивый к писанию. Вот и посудите, как трудно. Всё, что Вы написали мне о семье⁷⁴⁴, мне чрезвычайно близко. Мне и раньше казалось, что кто другой, а Вы больше многих и многих чувствуете семью нашу.

Простите меня, не сердитесь, что так небрежно и мало написал. Т[аня], очень я соскучился по всем. Что-то там у Вас готовится.

Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью.

Давайте переписываться, я первый буду отвечать Вам, слышите?

Осень 1930 г. Т[аня], простите меня, очень тороплюсь. Напишу обязательно ещё. Спасибо за Лялю. Конечно, всё на поправку здоровья, кроме того, надеюсь и на Вашу моральную поддержку её. Я ей пишу об этом.

За Вас молюсь, трудно отсюда что-нибудь писать о службе. Конечно, лучше переходить. Чистка как-никак у Вас кончилась. Что написано, то не так уже безнадежно. Самое же лучшее было бы временно не работать, но возможно ли это? Т[аня], маме напишу. Эти дни остаюсь один. Мне хочется ей написать не торопясь. Только в этом и задержка. Т[аня], родная моя, мама во многом права, и, конечно, Вам нужно с ней считаться, а не говорить только, как мне написали: она должна поверить Вам и М[аросейке]. Я хочу и Вам написать, какое у меня в глубине души было (когда Вы у меня были) и сейчас чувство от Вашего нового переживания. Сейчас я совсем заработался: так всего много накопилось. Вам писать хочется, взвесив каждое слово, а то опять Вы, хорошая моя дочка, будете лишнее переживать. Спасибо за письма. Пишите, очень рад.

Б[орису] обязательно попробуйте достать Юнгера (перевод Псалтири) и ему напишите об этом, что достаете. Введение в истор[ические библейские] книги хорошо бы

Юнгера⁷⁴⁵ достать. Я, помню, говорил, можно через Мишу, одна богослов[ская] Лопух[инская] Библия⁷⁴⁶ будет ему элементарна без Юнгера.

Зима 1930 г.

Спасибо, сердечное спасибо Вам, родная моя Т[аня], за Ваши письма. Вы, наверное, не зная, много принесли мне радости в эти исключительно скорбные дни. Сейчас выявляются люди особенно мне близкие. Вы в числе их. Когда я читал Ваше последнее письмо о том, как Вы чувствуете наши дела, в чем Вы видите смысл М[аросейки], я замечаю, как сердце мое бьётся в унисон с Вашим. С какой радостью читал я (не Ваше) письмо о Вас, о Вашей перемене, о том, какая Вы теперь простая, как с Вами легко.

Т[аня], хорошая моя, как радостно сознавать, что Вы меня понимаете, как радостно чувствовать, что моё становится Вашим, а Ваше – моим. Зачем же это: «в деле с Борисом я не надеюсь услышать Вашего сердца... Я уже ошиблась в К.». Дочка моя, не отказываюсь, ни на одну минуту не отказываюсь. Как бы мне ни было трудно сказать свое слово, я попрошу у Господа разума и скажу. Ну, как я не сказал бы, если бы пришла ко мне моя Ирина⁷⁴⁷? Верьте мне, что скажу. Сейчас же дело в Вас. Вам надо прийти в себя и успокоиться о Господе. Всё доверьте Ему. Вот Вас потянуло на Октоих. Слава Богу. Не думайте много о Б[орисе], совсем постарайтесь не думать. Займитесь Господом. В возможной при совр[еменных] условиях для Вас тишине мало-помалу Вы почувствуете ясно всё свое состояние в связи с браком. Вот я тогда и помогу. Обязательно помогу, если обратитесь. У Вас всё было сразу решено внутренне, я слушал и не мешал. Мне хотелось послушать до конца Т[атьяну], а не себя. На частности о венч[ании] и т. д. я и отвечал безотносительно, как я бы сделал и для Вас, и для Б[ориса].

Не волнуйтесь, есть страдания и у дух[овного] отца, есть страдания и у вступающей в чужую жизнь. Не пугайтесь того, что Вам было тяжело это время. Даром перемена жизни вообще не совершается.

Вот что я Вам скажу. Я Б[ориса] люблю, знаю его трудности, его жизнь. Знаю, что его путь – путь брака, путь личной семьи. Я Вас ещё больше люблю, потому что с Вами говорю одним языком. Я хочу узнать Вас вполне, не сгоряча и неожиданно быстро, как в К[адникове], когда для Вас только что предстал новый путь жизни, который, быть может, раньше лишь временно останавливал на себе Ваше внимание. Вы, имевшая до того времени полноту жизни, теперь вдруг увидели полноту по-иному. Мне и хотелось, чтобы Вы это пережили не в две недели, не в особых условиях жизни в Ш[енкурске] и в К[адникове], а в своей обычной домашней обстановке. Дело больше всего не в том, выходить ли за Б[ориса], а выходить ли вообще. Для девушки с Вашим устройением этот вопрос не праздный. Почему я не поставил, помните, тогда вопрос о браке. Можно ведь отказаться и от брака с любимым человеком, если в душе что-то иное ещё есть.

У Ш[уры] Вин.⁷⁴⁸ вопрос о том, идти ли за С. С.⁷⁴⁹, у Вас не только в этом, но и в другом.

Поймите, моя родная, хорошая. Не Вам, а мне хочется почувствовать Ваше сердце.

Мне очень неприятно Ваше самоуничижение; Вы, если плохи в чём сейчас, можете сделаться лучше. Пусть не трясёт Вас лихорадка от письма Александра П[авловича]⁷⁵⁰. На то Вы и христианка, чтобы исправить, в конце концов, все свои погрешности. Я молюсь за Вас. Молюсь в такое время, когда сердце особенно тянется к Богу, когда Рука Господня вот-вот коснётся, карая, и нашего дома⁷⁵¹. Не унывайте, не беспокойтесь, я с Вами, с любовью большою всегда приду на помощь родной своей дочке. Как у Вас со службой? Что слышно о психотехн[ической] лаборатории⁷⁵²? Может быть, ещё продлится перерыв, быть может, приедете ко мне теперь. Половина дороги моя. Спасибо за всё, за письма о других, за Ваше отношение ко мне, которого совершенно не стою. Хочется мне с Вами заняться молитвой Иисусовой. Очень хочется. Теперь многое для меня открылось по-иному, и в благодарность за всё, Вами сделанное, хочется поделиться с Вами, но не письмом. Устройте ко мне Лялю, она просится. Может быть,

вместе [приедете], если ещё возможно Вам. Храни Вас Господи. Т[аня], многое и от усталости. Не отдыхали. Ваше положение не из лёгких даже и не для больного человека. Укажет нам Господь путь, придёт Вам спокойствие, не безразличие, а радостное решение в тишине и мире Христовом. Христос с Вами, родная, хорошая.

1931 г.

Т[аня], прошу Вас прислать мне: 1) Симеона Солунского⁷⁵³ и что у Вас есть по богослуж[ению], кроме Никольского, Скабаллановича⁷⁵⁴. Я Вам давно писал об этом. Но Вы не получили, наверно, иначе бы прислали. Кажется, что-то есть из моих книг по богосл[ужению] у С. А.⁷⁵⁵ Прошу Вас. У меня работа стоит. Я всё забываю написать об этом, и сейчас наспех. Простите.

Январь 1931 г.

Ещё раз поздравляю Вас с ангелом, родная моя Т[аня]! Шура Кос.⁷⁵⁶ как-то мне писала, что её не удовлетворяют обеды у Ч[ертковых], потому что они крайне непитательны, совсем нет жиров. Это в ответ на мою просьбу обедать там. Оля пусть теперь читает послания апостола Павла. Если желает. Конечно, возможно в особой мере для неё и для подобных ей [больных], единственно возможно некоторое уменьшение чего-либо [в еде] или изменение чего-либо не по существу, а по виду. Например, сладкое не как отказ от сахара вообще, необходимого ей для организма, а как отклонение в пост от слад [кого], кондитерского] и т. д.

Всё это на Ваше, Таня, благоусмотрение. Вы найдёте способ дать ей *почувствовать* пост. Это я приблизительно Боре написал. Веронике пишу. Христос с Вами.

Апрель 1931 г.

Христос Воскресе, родная моя Т[аня]. Сердечное спасибо за книги. Не стою я, совсем не стою. За что? Что я Вам дал, несчастный пересказчик святоотеческих писаний? Стыдно мне. Простите меня.

Вас особенно вспоминаю в день памяти Жени.

Как хорошо молиться за неё среди пасх[альных] песнопений. Помните: тогда⁷⁵⁷ [был] вход Господень в Иерусалим и Страстная седмица. Не унывайте. Путь вхождения в жизнь другого, да ещё на расстоянии, – путь труднейший. Потерпите. Терпение ссделывает искусство (см.: Рим. 5:3–4). Опыт приобретается жизнью. Что делать – трудно, Т[аня]. Безбрачным легче, поэтому сейчас труднее Вам, иначе и быть не может. Простите. После всего перенесённого у меня какой-то упадок сил. Помолитесь.

1931 г.

Воистину Воскресе, родная Т[аня]. Поздравляю и я Вас с великим Праздником. Нездоровится, и закрутился с писанием. Потерпите. Мне Вам много нужно написать. Простите меня. Подождите. Христос с Вами.

1931 г., весна

Т[аня], родная, молюсь за Вас и постараюсь ответить. Б[орис] есть тоже семья. Вопрос только, где в *данный* момент нужнее. Я надеюсь, что и Вам, и мне откроется это. Давайте молиться. С первого взгляда, хорошо бы отложить на год, а обручение возможно; если же смущает, то лишь благословение на начатие дела⁷⁵⁸. Храни Вас Господь. Я ещё напишу, Господь даст. Это только кратко.

Христос с Вами. Молитесь, молитесь за меня. Не стою я никого из Вас, а тем более любви всех вместе. Простите.

1931 г.

Спасибо, Т[аня], что значит благословение нам? Я не совсем понимаю. Конечно, Б[орис] ждёт от меня ответа, и я теперь напишу ему по старому адресу. Но, вообще, всё уже ясно. Уж очень Вы хотите много заработать! Силы-то где у Вас? Отдохните летом-то. Зарабатывать деньги и этим себя калечить есть самый худший вид мотания средств. (...)

Лучше всего, конечно, прожить Вам ещё отдельно год, но решайте этот вопрос сообща. Ещё раз скажу Вам, что он тоже

М[аросейка] и семья. Борис, по-моему, подождёт год, тем более что это последний в Ш[енкурске] и что-нибудь новое ему предстоит⁷⁵⁹. Меня беспокоит лишь Ваш визит. Можно ли Вам заехать в К[адников] дорóгой? Вы подумайте. При случае передайте привет маме Р.⁷⁶⁰ Как Ваши родители смотрят на это? Я, кажется, совсем и не живу.

Помолитесь все.

Сентябрь 1931 г.

Спасибо Вам, родная моя Т[аня], за память и поздравление ко дню прошлогодней годовщины. О Вашем решении⁷⁶¹ узнал только теперь, хотя Вы и думаете, что я уже знаю.

Передайте Боре благодарность мою за письмо, и особенно за подробное сообщение о родителях.

Постараюсь почаще вспоминать Вас, не забывайте и Вы меня. Простите!

За Вас очень беспокоюсь, и хотя выдвигал преимущественно один довод, существует и ещё, мне кажется, бесспорный и для Вас. Теперь же всё у Вас сведено к чисто хозяйственному вопросу – Ваше теперешнее бытие определяет Ваше сознание.

Не сердитесь – на меня сердиться нельзя. Я ведь Вас, правда, люблю обоих.

Простите.

Вспоминайте меня. Мне сейчас лично трудновато.

Осень 1931 г.

Земно кланяюсь родной моей Т[ане] и прошу прощения за содеянное мной в мимошедший церковный круг. Очень прискорбно, что Л. Б.⁷⁶² приходится отказываться от своего желания. Пока не представляется возможным. Может быть, когда потом, но она ведь занята будет. Я ей уже ответил как-то подробно на её письмо.

Хорошая моя Т[аня], понимаю, что трудно со вт[орником]. Очень хорошо понимаю. Конечно, виноват, 1) я-то ничего не даю, 2) их бол[езненное] устройство, 3) Ваша ревность, самая настоящая человеческая ревность. Я не писал никогда Вам об

этом – как-то не приходилось, но давно уже заметил, насколько мы с Вами в последнем отношении сродни. Только смею Вас уверить: со временем, если обратите на это должное внимание, чувство это введётся в определённые границы, и не будет причинять Вам такого страдания. Понимаю, что иногда нам хочется для всех быть *всем*, а ведь это-то и не по-христиански, ибо в нём,⁷⁶³ прежде всего, содружество со всем. Ведь то, что иногда бывает у Вас в душе, так мне знакомо из первых лет моего служения, когда я хорошо ли, плохо ли для многих был всем, а потом столько приобрёл помощников, значительно лучших меня. И, конечно, первое время было так больно, так грустно. На самом же деле впоследствии я радовался сорботникам на ниве общей моим близким, милым, дорогим. Не знаю, понимаете ли Вы меня до конца. Думаю, что никто лучше Вас не ведёт своего дела, но если родной Ваш (т. е. духовно связанный с Вами человек) поговорит иногда и с другим о чём-нибудь, что же из этого. Не дети ли вы одного отца (духовного) и одного Отца отцов? Я же замечал, что Вам это мучительно больно. Понимаю, понимаю, очень хорошо понимаю. Иначе и не бывает у таких, как мы. Но заметили ли Вы, что против такой страсти нет (почти нет) у святых отцов лекарств, ибо излечивается она непосредственно от Господа, через вхождение в Его делание, через поставление себя в этом делании в чину всей твари, служащей Ему.

Нездоровится мне, потому и пишу неясно. Дополните смысл своим светлым разумом и Вашей искренней любовью к отцу Вашему. Помолитесь, стал принимать лекарство. Попробую теперь исправиться и восполнить обещанное. Мучаюсь, ибо «сон моя лениности ходатайствует души моей муку»⁷⁶⁴.

Христос с Вами, моя родная. Ещё раз простите за все.

Зима 1931 г.

Таня, родная моя, не могу согласиться с Вами относительно] вторника. Не так всё это. Уныние временное руководит Вами в словах Ваших. Не вижу в них правды, а вижу боль, большую боль. Потерпите, родная моя. И со мной бывали

такие случаи. Как исключит[ельно] любит Вас А[ня] Лефортовская]⁷⁶⁵. Я даже и не предполагал, кто Вы для неё. Вот Вам настоящая Ваша, всецело Вами живущая и любящая Вас больше всех родных. Если бы она одна была, то ради её целостности устройства необходимо сохранить вт[орники]. А там есть ещё и другие. Мало ли что Вам кажется в ту или другую трудную минуту.

Христос с Вами.

Простите за небрежность. Очень нездоровится.

1931 г.

Ещё раз земно кланяюсь Вам, родная моя Т[аня], и прошу у Вас за всё прощения. Хочется мне поблагодарить Вас за огромную радость, которую Вы постоянно доставляете мне Вашими весточками. Вы посылаете их во всякое время и при всяком настроении.

Спасибо Вам сердечное. Очень рад, что были на «Хованщине»⁷⁶⁶. Я очень её любил.

Как Вы думаете, в каком положении Лиза докт[ор]⁷⁶⁷? Могла бы она у меня подольше пожить? Как Вы к этому относитесь? Как Вы смотрите вообще на посещение отца?

Шлю Вам благословение Господне.

Христос с Вами.

1931 г.

Т[аня], родная, за письмо спасибо. Сажусь отвечать после отъезда Е. Н.⁷⁶⁸ Она обо всём Вам расскажет.

Простите меня. Я виноват перед Вами, не отвечаю. Т[аня], ведь [общее] письмо и для Вас, и особенно, быть может, для Вас, только не удалось закончить-то как надо.

За храм болит, болит душа.

1931 г.

Таня, родная моя. Простите меня за долгое молчание. Знал, что Вы ждёте, понимал, как тяжело Вам, но и у меня, помимо моей лени, были особые условия – ослабела сердечная мышца, а с нею и сам. Трудно мне было браться за письмо, но я

всё время помнил о Вас. Наконец написал, да случилась такая неожиданность. Пишу ещё раз. Опять приходится просить прощения. Жалею Вас, родная, пожалейте и Вы меня, уясните смысл и простите за форму. Второй раз писать для меня затруднительно. Примите с любовью, с чистым сердцем пишу Вам.

О Вас, Таня, нельзя говорить иначе, как в связи с семьей нашей. Вы не только её член, но и болеющий её нуждами человек. Поэтому говорить о Вас, значит говорить и о всех. Вы показали свои способности в уяснении себе и другим основ христианской жизни, богослужения, духовного устроения, истории Церкви Божией на земле. На этом поле Вы настоящая Христова работница. В отношении же сердца, многого недостаёт Вам, Таня. Вам нужно начинать почти сначала. Не упреком звучат мои слова, а радостью за Вас, за Ваше дарование, от Господа Вам данное. Звучат они и желанием приобрести подвигом и другое, необходимейшее в жизни.

Помните, у Достоевского: «Они, князь, говорят, что я чудачка, а я умею различать. Потому сердце главное, а остальное вздор. Ум тоже нужен, конечно... может быть, ум-то и самое главное. Не усмехайся, Аглая, я себе не противоречу: дура с сердцем и без ума, такая же несчастная дура, как и дура с умом без сердца. Старая истина. Я вот дура с сердцем без ума, а ты дура с умом без сердца, обе мы несчастны, обе и страдаем»⁷⁶⁹. Конечно, это резко, но это то же, что у Батюшки: «ум рабочая сила у сердца»... Мне кажется, что Ваша неудовлетворённость в духовной жизни (за вычетом усталости, раздражения, безмерности, болезни) происходит от отсутствия гармонии ума и сердца. Вам очень трудно. Нива, на которой Вы работаете, – служение людям: «Любите людей, служите им. Служа им, служите Богу». В области ума всё это понималось и проводилось Вами. Необходимо, чтобы это спустилось в область сердца. Мы с Вами ближайшие родственники, нам по дороге. У меня только ещё хуже. Я с малым умом при малом сердце.

Многие говорили мне: «Сколько нам Таня даёт, а вот мне с ней трудно». У многих была борьба: остаться у Вас или уйти.

Настоящая борьба, ибо они чувствовали, чем обязаны Вам. Личный, сердечный подход их не удовлетворял. Контраст между большим умом и малым сердцем потому у Вас чувствовался резко, что служение умом и словом Вы удивительно хорошо проводили, несмотря на невозможные условия современной жизни. От Вас ждали того же в сердечной области и не получали. Теперь же особенно ждут и будут ждать.

Обратили ли Вы внимание на последние слова моего первого (общего) письма: «Поручаю Вас Божьей Матери, святым угодникам нашим и друг другу»? Бывают времена, когда служение сердцем выдвигается для всех на первое место. Сейчас для нас в особенности такое время. Ваш первый талант не отойдёт от Вас, беритесь за приобретение второго – за расширение своего малого сердца.

Хотелось мне поставить перед Вами этот вопрос во всю ширь.

Помните, писал я Вам о пастырстве и подвижничестве? Для приобретения «пространства» в сердце утеснённом всегда существовало два пути: 1) с Богом, 2) с людьми.

Служить Богу и через это служить людям.

Служить людям и через это служить Богу.

Служить Богу – этим служить людям – подвижничество. Служить людям и этим служить Богу – пастырство.

Эти два пути часто приводили идущих по ним к разделению, даже и великих. Если идти с образом «пастыря» и дальше, то можно говорить в христианском делании о подпаске и пастушонке, даже о верной, настоящей помощнице-овчарке. Всё это будет относиться к пастырству. В этом смысле всех работающих во Христовом царстве, не только носящих священный сан или образ монашества, мужей, жён и даже детей можно поделить на «пастырей» и подвижников. Часто бывает, что пастыри «не признают» подвижников, подвижники не понимают пастырей. Особенно заметно это на великих. «В 1856 году, кажется, я именно для того и возобновил знакомство с оптинскими, – пишет владыка Игнатий, – чтобы ещё более разойтись с ними. Отец архимандрит Моисей⁷⁷⁰ известил меня о кончине старца иеросхимонаха Макария⁷⁷¹... Оптиная лишилась

души своей. Отец Макарий хотя и был наиболее телесным исполнителем заповедей, но имел любовь к ближнему и ею поддерживал братство. Он незаменим, по моему мнению... Оставшиеся слишком телесные делатели. Святой Исаак Сирий сказал, что телесное делание без душевного к разуму Божию приближаться не может, а весьма способно к доставлению мнения о себе. Мир прославляет оптинских как святых, но мнение мира всегда бывает противно истине: оскудело монашество и ещё более должно оскудеть»⁷⁷².

Приговор уничтожающий. Приговор подвижника, не рассмотревшего в Оптиной пастырства. Оптина – пастырство плюс подвижничество. Владыка Игнатий – подвижничество плюс пастырство. Владыку Игнатия понимаем по древним отцам и пустыннокам, Оптину воспринимаем по древним пастырям со Златоустом во главе. Оптина чтит и чтит владыку Игнатия, как великого делателя и учителя иночества. Владыка Игнатий отказывает Оптиной вообще в иноческой жизни, приравнивая её к миру. Это не случайно...

Не успею ничего больше. Простите. Обязательно напишу снова. Большое письмо второй раз трудно. Но времени сейчас нет.

Конец сентября 1931 г.

Сердечное спасибо Вам, родная моя Т[аня], за память обо мне ко дню преподобного. Не унывайте. Вот когда, наверно, чувствуете, что у каждого своё устройство и своя мера. Это Вы и раньше знали, сейчас же Вы опытно познаете это на себе самой. Поэтому не унывайте, усердно прошу Вас. В частности с Е. С.⁷⁷³ мне показалось по письму, что это Вам особенно больно. Но ведь она-то к Вам исключительно хорошо относится – ведь это её внутреннее чувство. Т[аня], *всем выход[ить] замуж трудно, вот и Вы тоже подлежите применению этого закона*. Вот и всё. Так и смотрите. Для души же это великий опыт.

Спасибо сердечное за окантовку. Я уже её повесил. За книги тоже, их получил, за Величко⁷⁷⁴, что узнали [...] ⁷⁷⁵.

Передайте мою благодарность папе и маме. Пожалуйста, напишите мне о Боре. Как он? Простите меня за всё. Люб[ящий] Вас.

Октябрь 1931г.

Т[аня], моя родная. Не стою, не стою я такого внимания. Спасибо Вам за всё. В наш день⁷⁷⁶ получил заказную банд[ероль] (...) и, главное, Ваше большое послание. За последнее особенно благодарю.

Постараюсь, в свою очередь, всё исполнить, хотя некот[орое] и очень мне трудно: я разумею очерки богосл[овия]. Вам вот легко даётся

набросать в десятках строк характеристику исповеди и псих[ологического] анализа. Набросать не только верно, но и очень складно. Я же отвык. Вы берёте, в сущности, мою мысль, помните, как говорили в связи с физиологией духа Васильева, развиваете её, и как хорошо. Я бы много мог из богослуж[ения] дать отдельных мыслей, наблюдений, а вот цельное мне трудно. Может быть, здесь есть 50% самол[юбия], не изжитого ещё, 50% лени и неумения работать.

Но я постараюсь.

Конечно, Шуре Ч.⁷⁷⁷. Хорошо, что Вы надумали. Другой – напишу. За Олю⁷⁷⁸ очень рад. Зину⁷⁷⁹ попросите и от моего имени, а не только от себя. За Р.⁷⁸⁰ спасибо. За полноту сведений. Вам ведь нелегко было столько мне всего написать. Мысль о православии глубоко верная. Я ему напишу тоже. Танечка, очень я рад, что Вы живете в работе. И я когда-то жил и могу порадоваться за Вас по опыту. От Б[ориса] ничего не получал. Напишу ему ещё. Простите меня.

И у меня к Вам просьба 1) спите не менее 7 [часов] (старайтесь [приближаться] к 8), 2) не забывайте мне писать, кратенько, конечно, ведь так, как сейчас написали, Вам прямо вредно, 3) при первом раскрытии души напишите о себе, не откладывая.

Простите за бестолковое и мазаное письмо. Тороплюсь, да на душе у меня осадок тяжелый в связи с Н. Н.⁷⁸¹ Очень мне его жаль. Христос с Вами, родная моя Т[аня].

Декабрь 1931 г.

Таня, моя родная. Вы глубоко правы во взгляде Вашем. Вопрос только в том, как пред Церковью явится спорность этого вопроса. Обращение Н. Н. выявляет истинную причину прощения. Я не знаю, чем кончилось. Переменной формулировки или как? Письмо Н. Н. превосходно, ибо оно свидетельствует в кротости об истинном положении дела. Как и где сейчас ставить точку на отношениях, я не знаю, ибо важно очень довести всё до ясного конца. Ведь будут всё перетолковывать, наше желание для мира церковного, чтобы перетолкований было возможно меньше. Стало быть, во всём согласен с Вами. Я предпочитаю не торопиться. Последнее слово всегда за нами, а сказать его надо умело, четко, без перетолкований. Прошу Вас узнать об о. Н.⁷⁸², для чего ему нужен адрес? Что он получает⁷⁸³ вообще – Северный край или просто хочет ехать в гости? Дать адрес можно, дать необходимо, но при условиях личного чьего-либо свидания, а не письмом и телеграммой либо на чье-то имя. Ведь он сидит ещё сам. На мудрость Вашу – устройте.

Спасибо за письмо и Ромино⁷⁸⁴, и Ваше. Простите небрежное писание. Я нездоров совсем. Христос с Вами.

Беспокоюсь за Вас. Поговорите с Марией Николаевной⁷⁸⁵ о Т. В.⁷⁸⁶ Узнать надо всё толком. Берегите себя, родная.

Папу, маму и Вас поздравляю с наступающим днём ангела Жени.

Январь 1932 г.

Поздравляю Вас от всего сердца, родная моя Таня, со днём Вашего ангела и желаю Вам здоровья. Хотя Вы и написали Вашу скорбь по этому поводу, но я, пользуясь радостным днем Вашим, ещё раз прошу Вас обратить на себя с этой стороны возможное внимание. Знаю по опыту всё, что Вы мне высказали, и всё-таки ещё раз скажу Вам: (...) постарайтесь *по болезни* не перегружать себя – дать упокоение должное телу своему. Иначе естество отомстит, и жестоко отомстит. Уж и то

великое дело, что пребываете с близкими в труднейшее время. (...)

Сократитесь несколько в трудах Ваших. Знаю, что трудно, но ведь необходимо это. Что у Вас нет пока темп[ературы], очень меня радует. Постараюсь и ещё написать Вам. Простите меня, родная, подарок за мной. Спасибо за сообщения Ваши.

Шлю Вам благословение Господне.

Простите меня за эти несколько строк. Что увидали и греховную сторону своей любви к М [аросейке], очень хорошо. Могу только за Вас порадоваться. Ляле⁷⁸⁷ можно, конечно, что она думала, только всё же не сразу. У меня испытание было ещё и с серьёзной болезнью бабушки⁷⁸⁸. Сейчас обошлось.

Начало ноября н. с. 1932 г. Т[аня], родная моя. Спасибо Вам за весточку Вашу последнюю. Нездоров я, и головокружения меня одолевают. Видимо, не мера моя была так работать⁷⁸⁹. Давно хотел Вам написать и всё откладывал. Работаешь, работаешь, всё что под руками, какую работу дают, да приготовить себе надо обед, да ещё с вечера принести воды, дрова и т. д. Каждый день ведь имел горячую-то пищу⁷⁹⁰. Думал, именно меня и поддержит, да и моим-то всем необходимо. Видимо, несколько и перегнул в мере своей. (...)

Всегда о Вас помню. *Особенно 22 октября*, так вот и захотелось к Вам, поговорить, всё сказать, что на душе. Немного у меня тех, которые с полуслова могут понять. Знаете, мне ещё хочется повидаться и поговорить с кем? С Женюшкой Вашей. Вот если бы она жива была.

По-прежнему мне временами трудно за детей своих. Теперь ещё новые всякие трудности с Ольгой Гавриловной⁷⁹¹. Огородила она себе угол в комнате, и пошли сейчас всякие неприятности. Д.⁷⁹² всё ходит теперь к ней, даже принимает участие в работе⁷⁹³. Ребята же отходят⁷⁹⁴ – так вот без призора совсем будут. Знаю, знаю, что так и нужно было всё, иначе и не могло быть, а душа хочет ещё и от сердца услышать, что слышала от Вас, и (спасибо Вам глубокое) от рассудка. Вот почему Женя. За Вас радуюсь. Очень радуюсь. Только бы поскорее, не затянуться Вам во времени⁷⁹⁵. Кажется, дело

только дней, ибо документы высланы⁷⁹⁶. Т[аня], как хорошо, что в Б[оре] увидели Вы и *почувствовали* другую его сторону, а главное, что оценили свою маму.

Только зачем же плакать так много и часто. Не надо, не надо. Иное дело, когда слёзы сами неожиданно навертываются – текут, текут, дают облегчение. Не сосредоточивайтесь на Ваших состояниях тоски и одиночества. Скоро, скоро теперь Господь даст и к маме. Получил письмо от Вашей больной крёстной⁷⁹⁷. Она с любовью вспоминает Вас и Борю и всё дожидается⁷⁹⁸. Старенькая она, больная, а так Вас хочет повидать, что ещё ради этого пожить не прочь на земле этой. И на дорогу-то к себе Вам приготовила, не знает только, как лучше послать, теперь или уже поздно, потом лучше восполнить. Любит она вас обоих очень.

С Лялей трудно сейчас. Сразу видно, что философы вы и любовь-то с дружбой по отцу Павлу⁷⁹⁹ воспринимаете. Вот ей и тяжело с Лилей⁸⁰⁰. Не выходит по Столпу-то⁸⁰¹, нет и ревности, ну и самоуничижение. Так мне её жалко. Уж очень переживает сейчас остро, да и физически устаёт. Вологодский⁸⁰² уже свободен. Первый [из всех], хотя и за 600 [верст] от ж[елезной] д[ороги]. Голова кружится. Лягу. Теперь отдыхаю всё. Даже и не перечитываю письма. Простите. Борю крепко целую. Христос с Вами. Хорошо начинаете снизу, дойдёте и до верха (помните, как у Феодоры⁸⁰³, а я вот всё сверху вниз. Вот и трудно. Радуюсь, радуюсь за Вас. А у Вас-то, сколько впереди радости. Молоды Вы ещё. Христос с Вами!

Сентябрь 1932 г.⁸⁰⁴

Как-то Вы, Таня, привыкаете к Вашей новой жизни. Напишите, пожалуйста. Шлю Вам, родная, ребятишек. Ежедневная трапеза⁸⁰⁵ даёт мне теперь силы. Надеюсь от правильного питания⁸⁰⁶ окрепнуть. Это вместе с тем и единственное, чем могу помочь семье моей. Сейчас с продуктами здесь трудно. Картофель с трудом достаю всё же. Главное, налаживается регулярное питание. Всего, родная, доброго.

Р[ома] в Арх[ангельске], Вы, наверное, знаете, о[тец] С.⁸⁰⁷ в [поселении] Вочь [в] Усть-Куломском районе. Это далеко за Усть-Сысольском⁸⁰⁸. Трудно сейчас очень ему. Христос с Вами. Дома всё тоже...

Около 20 ноября 1932 г.

«Внегда скорбети ми, услыши моя болезни, Господи, Тебе зову»⁸⁰⁹.

Спасибо Вам, родная моя Т[аня], за Ваше письмо. Из подробного сообщения Б[ори] узнал о подробностях жизни Вашей.

Т[аня], моя родная, ребёночка нужно было ждать. Это вовсе не неожиданно. Цель и плод всякого брака. Мне хочется, чтобы у Вас ушло совсем временное чувство к маленькому. Оно случайное и греховное по своей сущности, ибо ведь на это шли, и, стало быть, этого и ждали. Мне хочется, чтобы родная моя перенесла посылаемое ей не только с терпением, но и [с] радостью. Надеюсь, что так и будет. Ведь лучше вначале поунывать, чем потом, после долговременной бодрости впасть в уныние. Малодушие, преодоленное вначале, не вернётся, радостный порыв же может и ослабеть. Поэтому не унывайте, родная моя. Поздравляю Вас ещё раз. Передайте поздравление и Боре. Вам очень трудно было эти месяцы, но и радость была у Вас. Очень меня порадовало предпоследнее Ваше письмо, в котором Вы так хорошо писали о Б[оре] и о Вашем состоянии в отношении к нему. Вас двое, и Вы двое поможете формирующемуся третьему. Б[орис] будет ещё внимательнее, ещё заботливее и нежнее к Вам, и то, что по-его характеру было трудно исполнить, теперь сделается само собой, потому что на Вас обратится и забота его о маленьком. Всё время вспоминаю Вас. Как у Вас со службой Вашей⁸¹⁰?

Б[орис] писал мне, что хочет для домашней работы взять кого-нибудь, а Вам устроиться на службу. Если нагрузка не чрезмерна, то это хорошо было бы для Вашего духовного состояния. Печки Вас так изматывают⁸¹¹ из-за непривычки к ним и вообще малой приспособляемости к этой работе. Танюша, родная моя, не унывайте. Все Вас помнят, любят, ценят.

Надеюсь, что и здоровье Ваше окрепнет от ребёночка. Я много знал таких случаев, ещё больше приходилось слышать о них от врачей. Питаетесь Вы пока не плохо, Господь и в дальнейшем не оставит. Как Вы думаете о возможности Вам отдельно вернуться? Просто спрашиваю о Вашем состоянии. Как думаете и о сообщении маме Вашей? Меня беспокоит, если Б[оре] придётся далеко [отлучаться] на зимнюю работу.

Хочется поговорить, родная, о себе. Так бы нужно повидаться с Женюрой Вашей, а она уже столько лет умерла. Никто так чутко не подходил к душам других, как она. Я всегда с таким благоговением о ней вспоминаю. Трудно мне сейчас очень. Простите, что пишу Вам об этом. Последнее время так мне жаль [духовных] детей моих, так моя душа разрывается при виде, что они переживают теперь... «Я услышал, и вострепетала вся внутренность моя... а я должен быть спокоен в день бедствия...» (пророк Аввакум) (ср.: [Авв. 3:16](#)). Малодушествует иногда дух мой, видя, что с близкими, милыми, любимыми. Что это? М[ожет] б[ыть], искушение, м[ожет] б[ыть], это пакостник⁸¹², да не превозношуся. Хочется услышать от мягкой любящей души. Вот от такой, как Женя. Почему никогда не посещали меня раньше такие состояния? Относительно Вас я спокоен, а вот о них всё думаю, думаю и думаю. Пишу Вам, как близкой сердцу, хочется, чтобы Вы знали об этом. Нужно к Господу и от Него ждать исцеления, а дух мой ищет подтверждения и у людей. М[ожет] б[ыть], своё про себя и разуместь надо было бы. Шлю Вам благосл[овение] Господне. Передайте Б[оре] привет сердечный, поблагодарите его за всё. Его первых ласковых строк не забуду. Спасибо ему за письмо подробное. Не успею сейчас ему написать. Скоро и ему отвечу. У нас всё дожди идут. Снег постепенно сходит.

Всё по-прежнему дома. В. К.⁸¹³, кажется, 12⁸¹⁴. Папа у него сейчас. Крепко целую родного Б.

Борю и Таню сердечно поздравляю!

Желаю радости в семейной жизни.

Всего, всего доброго. Постоянно помню.

24 декабря [1932г.]

Таню, родную мою, поздравляю со днём ангела Женюрки. Борю крепко целую. Христос с Вами.

20 января 1933 г.

Дорогую мою Таню поздравляю с ангелом! Не только я, но и все Ваши родные в этот день будем с Вами, у Вас в гостях душой. Спасибо за письмо, такое душевное и близкое. Вы мне дороги тем, что близки мне по основному подходу к современности. С тем большей жадой душой обращаюсь к Жене. Что бы она сказала мне, она такая мягкая, нежная, что бы она сказала мне относительно сирот моих, оставшихся без крова. Знаю, что жизнь кончилась, начинается житие, а душа-то не подготовлена к этому, как будто врасплох застигнутая.

Танюша, за Вас душа болит. Так вот и побежал бы к Вам. Слышал, что письмо, посланное Вами детям, было всё облито слезами. По отдельным фразам Вашего письма чувствуется Ваш крестный путь последнего полугода.

На Вас обрушилось всё сразу. Новая семья, лишение прежней, отложение любимой работы, хозяйство, к которому Вы не способны вообще и даже не имеете и навыка, муж, поставленный в особенные условия жизни. Всё вместе и всё сразу. Слава Богу, что не унываете до конца, что несёте ещё бодро и мирно свой новый ярём, что по-христиански ищете в себе источников неудач Ваших. Это в основном тем более меня радует, что Вы переносите это одна, слагая в сердце своём. Но не надорвитесь, милая моя! Меня тревожит, что не сообщаете маме [о ребёнке]. Почему Вы останавливаетесь только на одном: она будет воображать, не будет спать и т. д.? Но ведь и обида может её так оскорбить, измучить, что ляжет на всю её дальнейшую жизнь. Не сказать матери, такой бесконечно любящей. Здесь может получиться и до смерти не изживаемая ревность, потому что мама никогда не поверит, что Вы никому из своих родных не говорите о Вашем состоянии. Ваше предупредительное, из любви к маме вытекающее молчание, не есть [ли] в значительной степени продолжение Ваших отношений с мамой в минувшие годы? Наконец, Вам самой ведь нужна всяческая любящая помощь, и сознательно

отказываться от неё в такой момент, когда она особенно нужна Вам, постоянно пользовавшейся от мамы этой помощью, не есть ли «мерило льстивое и мерзость перед Господом»⁸¹⁵? Не есть ли это сверх уж всякой возможной для Вас меры?.. Поставьте себя на место мамы. Я всё молчал, думая, что Вы решите в той или другой форме окончательно вопрос с Борей о дальнейшем *Вашем* жителстве на эти ближайшие месяцы. Конечно, понимаю, что Вы все ждали и общего изменения⁸¹⁶, что оно всё затягивалось.

Нужно исходить из ребёнка теперь. Как ему лучше, ибо жизнь Ваша и Борова уже проживается. Как можете Вы, столь трудно переносящая хозяйственную заботу вообще, воспринять на свои, не приспособленные к подобному роду заботы слабые плечи новую любимую, хрупкую жизнь. Здесь мама явилась бы ангелом Вашим. Дело не в том, чтобы поступать непременно на службу. У Вас есть родные, и Вы *обязаны* от них в эту труднейшую минуту жизни Вашей принять помощь. Это должно и будет сделано. Но этого мало. С этим можно остаться и в Ш[енкурске]. Вам не нужен уход. Он должен быть Вам дан. Вот об этом-то нужно очень подумать. Может быть, можно, ввиду возможного (как Боря боится) весеннего заболевания⁸¹⁷, пожить где-нибудь не в городе, а на свежем воздухе подле. Это мои соображения. Но Вам нужно с Борей подумать об этом серьёзно. Главное, Вы исключили сейчас Москву в силу Вашего молчания, она не может дать Вам сейчас совет, ведь обстоятельства там меняются и на месте виднее. Всё же надо действовать, это ясно. Мама Ваша, а главное выяснение вообще положения в М[оскве] могло бы много содействовать уяснению понимания пути. Это я всё к семейному обсуждению Вашему.

Понимаю очень хорошо, что переживаете Вы по вопросу о «телесной и душевной» любви. Господь даст, лицом к лицу можно будет о многом поговорить. Примите только во внимание, что координирование того и другого есть чрезвычайно трудная вещь даже в одном человеке, а в двух – это предмет особенной молитвы Церкви «даруй им единомыслие душ и телес». Настолько это важно для жизни общей, что [в]

чинопол[едовании Таинства] брака это прошение одно из важнейших. Конечно, всё в жизни дело подвига. Необходимо худшее всегда покорять лучшему и плоть поработать духу, только этот момент один из наитруднейших в жизни в этом смысле.

Вот как записался Вам. Простите. Очень небрежно. Послать хочется. Примите как есть. Шлю Вам поздравление и со днем Богоявления. На Рождество рано утром скончался Евг[ений] Ник[олаевич] Ефимов⁸¹⁸. Так мне жаль, что не удалось с ним повидаться. Очень он нам⁸¹⁹ сочувствовал. Ко дню ангела примите и мою лепту маленькую для маленького.

Христос с Вами! Как хорошо, что Вы перестали заниматься «вредительством». Е. Н⁸²⁰ просит Вам давно написать, что если Вы лечитесь компрессами, то это лучший способ распространить фурункулы по всему телу. Вы мне не ответили об ихтиоловой мази, а я забыл о компрессах. Сейчас, слава Богу, бросили из-за погоды компрессы, и вот первый результат. Хорошие врачи говорят: только не компрессы. А между тем это обычное лечение, употребляемое постоянно.

Спасибо за всё, Таня.

Очень сейчас смутно и ничего не видно впереди. Да будет Его святая воля. Без движения у всех. Володя⁸²¹ у бабушки во [Владимире].

Весна 1933 г.

Таня, родная моя, хорошая! Среди целого оркестра звучащих в сердце моем скорбей – одна из самых главных – скорбь и забота о Вас и Б[оре]. Примите это от меня, как моё посильное участие в том, что у Вас происходит. Душа моя истончается, не узнаю её сам. Вас всегда помню, на каждой молитве поминаю.

Шлю Вам благословение Господне. Храни Вас Матерь Божия и все наши угодники. Простите меня за всё, чем когда-либо Вас обидел.

Должник я перед Вами великий. Спасибо за отрывки из письма Б⁸²².

Июнь 1933 г.

Родную мою Таню поздравляю с маленьким Алёшей. Очень, очень рад благополучному началу его жизни. Спасибо, родная, за яблочки. Ведь это пасхальные яички мне скорбящему. Беспокоюсь о Ляле. Ничего не знаю.

Дедушек, бабушек, особенно Женину маму и папу поздравляю. Ведь они впервые получили такое высокое звание.

Простите за всё. Душой с Вами и всеми. Через три-четыре недели придёт решение⁸²³. Что уж Господь даст. Местное целиком⁸²⁴.

Июнь 1933 г.

От всего сердца спасибо Вам, родная моя Танечка! И я ждал, и я надеялся) Мне так трудно было внутренне переживать по-человечески Голгофу нашего дома⁸²⁵. В это время душа особенно стремилась к тем, которые без слов могут понять, без объяснений почувствовать всё. Никогда в жизни ещё не чувствовал Вас такой близкой, родной, нужной. Так Господь уж устроил, не пришлось возрадоваться радостью сочувствия и сострадания до конца. Но перед лицом Божиим разве это меняет дело? Разве близость уничтожается расстоянием? Вот сейчас получил от Вас весточку, и душа моя, в которой всегда было Вам место, радуется сознанием единства и чувством полноты. Спасибо Вам, что написали наконец. Я всё ожидал и думал уже – что-нибудь имеется в Вас, мешающее Вам написать мне. Дождался всё-таки, получил и радуюсь. *Поздравляю Вас с новорожденным.* Крестик посылаю. В день воцерковления буду служить за семью Вашу молебен Господу, Матери Божией и угодникам нашим. Буду молиться и о Вашем здравии. Что Вы, что Вы! Почему плачете? Терпеть надо уже не за одну себя, а за всех троих, то есть втрое больше, чем раньше. Ведь величайшее дело творите сейчас – образ Божий, явленный в мир через Вас, воспитываете. Преодолеваете трудности материальные, тяготы родителей Ваших и т. д. Ведь все живем сейчас в горниле величайших страданий. Столько я повидал всего за эти месяцы. Вот уж когда терпением

спасаются и «тенетами отчаяния удавляемы»⁸²⁶ погибают. Устроится, устроится всё, а пока *потерпите себя*, папу, маму.

Простите меня за всё: главное, за нерадение, леность. Хочу, чтобы у крёстной⁸²⁷ дочка была такой же хорошей матерью, какой прекрасной дочерью⁸²⁸ явила себя в прежней жизни. Перекрестите за меня Алёшеньку, крестик посылаю. Христос с Вами. Спасибо за Р.⁸²⁹ Б[оре] пишу.

Июнь 1933 г.

Танечка, родная моя! Ещё раз поздравляю Вас с рождением Алёши. Так мне хочется сейчас к Вам, помолиться с Вами, посидеть, побеседовать. Хочется написать Вам, что чувствую в трудные дни настоящих испытаний особенную близость к Вам. Через неделю-две решится моя участь. Помолитесь за меня, родная моя. Вы всегда были ко мне так внимательны. Спасибо Вам за всё. Никогда не забуду кануна Воздвижения, день погребения Богоматери⁸³⁰. Вашего заболевания и выздоровления⁸³¹. Сколько раз, наряду с Вашей мудростью, выявлялась на свет Божий простота и прямота души Вашей в отношении к Вашему отцу⁸³². Спасибо, родная, за всё. По-человечески мы больше не увидимся. Простите, милая, меня за всё, причинённое мною за долгий ряд лет. Много радости получал я от Вас, когда душа Ваша звучала без слов в один тон с моей. В минуты тягчайшие последнего времени сознание, что существуете Вы, разделяющая трудности мои до конца, вливалось в меня, близкого к унынию, новую бодрость.

Да хранит Вас Господь. Перекрестите за меня Алёшу. Передайте мою глубокую благодарность Боре и привет папе и маме.

Христос с Вами! Спасибо, простите!

Лето 1933 г.

Посылаю Вам, Т[аня], родная, крестик. Я его освятил сейчас. Хотя это не тот, но примите его. Я его куда-то спрятал и так [и] не нашёл. Простите. У меня сейчас [обыск], как у Вас, помните, записка-то Ваша.

Июнь 1933 г.

Господи, молитвами всех святых земли Русския спаси и сохрани родную мою хорошую Т[атьяну].

Молитесь за меня. Помню, ценю, благодарю. За всех спасибо.

***⁸³³

Весна 1934 г.

Спасибо, Т[аня], за Ваши дорогие строчки. Так радостно, что ещё пригодился в Вашей жизни.

Алёшу поцелуйте. Мужу мой сердечный привет. Письмо доставило мне большую радость.

1934 г.

Шлю привет и поздравление родной моей Тане! Постоянно вспоминаю тебя, супруга твоего и маленького Алёшеньку.

Желаю всего-всего доброго. Сердечный привет твоему папе и маме. О сестрёнке ⁸³⁴душа тоскует, дорога она мне теперь.

И то, и другое хорошо по-своему: и в том, и в другом можно найти большое утешение. Главное же, как воспринимает это папа. Лежачих, больных лучше не беспокоить, но при особых условиях требуется для них и вмешательство хирурга. Очень устаю, скучаю. Никакого развлечения вне работы. Тоскует душа в одиночестве полном. Целую твоего маленького. Простите меня за всё.

1934 г.

Родной моей Танечке шлю привет и пожелания здоровья. Вспоминаю вас постоянно. Сердечно благодарю Борю за память. Очень был тронут его любовью и ещё раз пережил чувство вологодской весны⁸³⁵ и его внимания.

Ребятюк целую. Папе с мамой привет. Танечка, не унывайте. Спасибо, родной мой Б[орис], за всё.

1934 г.

Родную мою дорогую Танечку поздравляю с праздником весеннего цветоношения⁸³⁶. Вспоминаю с любовью розовый домик⁸³⁷, синие васильки и белые платья милых и дорогих деток⁸³⁸. Нехорошо мне всё ещё. Крепко наложил на меня

Господь Свою руку. Опять на тяжёлой физической работе. Думаю, что временно. Получим ли отсрочку? Писал Вам, что с Женюрой главное папино устройство⁸³⁹. Разделение тела допускается и даже часто практикуется. Вообще же основное – не тревожить. Как мне хочется домой. Устал, измучился. Без выходных. Душа больная, требует ухода. Алешеньку поздравляю, маму и папу тоже. Дедушку и бабушку приветствую. Простите, что так пишу. Трудно мне сейчас очень. Помню, люблю и ценю мою дорогую Т[аню]. Христос с Вами. Видимо, надорвался, да душа болит.

Осень 1934 г.

Женюркиной сестренке шлю привет и сегодня, особенно её вспоминаю! Не нужно, дорогая, расстраиваться. Зачем? Если силёнок нет, то в будущем придётся пересмотреть и изменить, а теперь очень хорошо, что ребёночек будет не один. Единственный ребенок – сами лучше меня знаете – несчастный ребенок и неполноценный человек, в каких бы условиях не проходила в дальнейшем его жизнь.

Душой часто с тобой. Как бы хотелось взглянуть теперь на вас. В этом году мне труднее, чем в прошлом, а внешние условия жизни гораздо лучше. Трудно чувствовать себя больным хроником – раньше же была надежда на выздоровление⁸⁴⁰. Всего, всего тебе доброго. Помню и люблю.

28 августа (первая половина 1930-х годов)

Родная Т[атьяна] И[вановна]! Шлю Вам сердечный привет и благодарность. Обстоятельства сложились так, что отвечаю Вам в день, посвящённый Той, Кто именуется «Надеждой ненадёжных», «Избавляющей от смерти души наши»⁸⁴¹

Вы правильно оцениваете свои жизненные трудности, общие в настоящее время очень-очень многим. Эти трудности действительно опасны не только тем, что вредят нашему здоровью, благополучию и покою, но, главным образом, тем, что умерщвляют наши души. Духовная смерть для многих теперь не отвлечённое догматическое понятие, но конкретнейшее психологическое переживание. Хорошо, если мы

не теряем сознания и правильной оценки этого факта: в этом залог и семя воскресения.

Всегда с любовью помню Вас, Вашего мужа и деток, а также и Маму Вашу.

Зима 1935 г.

Тане, родной моей, дорогой, милой, посылаю самое любимое, что есть у меня сейчас.

Да хранит Вас Господь. Простите за всё. Очень, очень за Вас беспокоюсь. Почему ничего не пиш[ете]?

Март 1936 г.

Шлю привет родной моей. Поздравляю с наступающими весенними днями. Брат⁸⁴² зайдёт к Вам и поговорит. Я уж думал, что он давно это сделал. Сегодня дорогой наш день. Земно кланяюсь и прошу прощения за всё. Как здоровье? Надеюсь, что брат поможет, а то Вы одна теперь. Передайте мой сердечный привет моему Боре. Прошу его простить меня за всё. Целую Ваших ребяток. Трудностей много с моими, особенно с Лизой. Всего Вам доброго.

Зима 1937 г.

Танечку мою дорогую от всего сердца благодарю за письмо. Как хорошо ты умеешь излагать свои мысли. Вот совсем, как бывало раньше, в немногих словах обстоятельно поговорил с тобой лично о моих ребятках и о тебе.

Трудно нам: ведь мои трудности иные, но большие. Давай вместе помнить о том, что много радости можем доставить друг другу своими весточками. Я это почувствовал и постараюсь их посылать. Простите, что пишу вам так. Я хочу непременно написать сейчас, а времени совершенно нет. На твоё собранное письмо нужно и ответить по-иному. Прости. Всегда помню. Надеюсь, что Господь пошлёт тебе после испытательного срока, с честью тобой пройденного, мир и радость. Всего, всего доброго.

Боре мой сердечный, любящий привет. За ребяток⁸⁴³ спасибо. Как у тебя с моим тезкой⁸⁴⁴? Я буду писать.

Зима 1936 г.

Шлю моей родной сердечный привет и поздравление с наступившей весной. Был ли у Вас брат? Как Вы с ним устроились? Желаю Вам всего, всего доброго. Прошу за всё прощения. Простите, что плохо пишу. Я нездоров сейчас. Деток поцелуйте. Б[оре] поклон мой низкий.

Тане Женюркиной

Спасибо, Танечка, спасибо. Твои строчки доставили мне много радости, хотя и со скорбью смешанной. Как я всегда рад им. Как будто воочию тебя повидал. Не падай духом. Поправишься. Непременно поправишься. Я помогу тебе, как ты в трудные минуты, сама не сознавая, наверное, помогала мне своею памятью, любовью, близостью душевной. Привет мужу. Поцелуй ребяток. Папе и маме сердечный поклон. Прости, что пишу вторично и так плохо. Хотелось непременно ответить. С праздником цветов⁸⁴⁵ и живительного воздуха.

Тане Купр[ияновой]

Таня, родная моя! Забыл Вам написать о Зине⁸⁴⁶, что можно ей, и всё мучился. Очень хочется мне лично благословить Вас [иконой Божией Матери], когда и найдёте возможным это для себя. М[ожет] б[ыть], и с деньгами я как бы частично устроил. Очень скучаю без Вас. Ведь когда-то Вы много давали мне сил, своими разговорами, наблюдениями. Простите, очень тороплюсь. Так мало времени осталось, а писать хочется. Первый раз не было от Вас записочки. Не рассердились? Ещё раз земно кланяюсь.

Родная, очень я огорчён Вашими переживаниями. Всё-таки надеюсь, что изменится дело. Не могу согласиться с тем, что это навсегда. Мариша⁸⁴⁷ Ваша поправится. У детей всегда протекает бурно это заболевание. Маме низкий поклон. Всего, всего Вам доброго.

Вспоминаю Вас. За всё спасибо. Простите.

24 августа 1936 г.⁸⁴⁸

Танечку, родную мою, сердечно поздравляю. Желаю здоровья, бодрости, радости. Всегда помню. Очень хочется к

Вашему дню послать Вам эту открыточку.

Поздравьте от меня Борю и бабушку с дедушкой. Ребяток поцелуйте. Всего, всего Вам доброго.

1937 г.

Поздравляю тебя, Танечка, с новым годом!

Желаю здоровья и семейного устроения. Как твоя няня? Если будешь у неё 11-го, передай ей сердечный привет. Она меня, наверно, помнит.

Передай моё поздравление Боре, поцелуй ребятишек.

Вспоминаю всегда. Сейчас мне трудновато. Оля всё расскажет тебе. Всего, всего доброго. За весточку спасибо. Очень скучаю.

Ольге Рафаиловне Куприяновой⁸⁴⁹

Спасибо вам сердечное за ваше искреннее письмо, дорогая Ольга Рафаиловна! Жаль, что это письмо, первое от Вас, написано по такому исключительно трудному поводу.

Всё, что Вы ни писали, кроме отдельных частных относительно ссыльных и т. д., всё это разделяется и мною, и поверьте мне как священнику, что мои чувства приближаются к Вашим. Вы ведь знаете, что для меня Таня. Я не сказал своего слова (для меня случившееся было неожиданностью, ибо я не думал, что Таня пойдёт замуж вообще) и направил для разрешения этого вопроса к Вам не потому, чтобы уклонялся, а потому, что первое и решающее слово – родителей, «зане молитвы родителей утверждают основания домов»⁸⁵⁰. Поверьте мне и в том, что против воли родителей я никогда венчать из своих не стал бы, если бы и сознавал необходимость брака. Передо мной сейчас такой же тяжёлый вопрос, как и перед Вами. Я всё-таки думаю, что Таня поспешила в своих выводах и решениях. Пусть она спокойно обдумает, взвесит всё, а главное разберётся в себе, в отношениях к Борису, к Маросейке, к Вам и папе.

Поверьте мне, что я в этом вопросе сам не вижу пока (а может быть, и не увижу, я ещё не знаю) достаточных оснований выходить Тане замуж.

Пишу это искренне, по душе, как есть. В какой-то степени я был ей и матерью, и она мне бесконечно дорога. Ольга Рафаиловна, прошу Вас, подойдите к этому спокойно. Этот вопрос не решённый. Давайте все вместе в любви и согласии, не форсируя, внимательно уясним. Главное же Таня.

Прошу Вас помочь мне самому уяснить всё, ибо Таня попросит и моего благословения, которого я ей не давал. Ведь нам нужно или остановить её в этом деле, или подкрепить своим благословением. Пospешила она очень.

Храни Вас Господи.

Простите меня. Иерей Сергей.

PS. Ещё раз благодарю Вас за письмо.

Внутри у меня такое чувство: зачем Тане вообще-то выходить? И мне хочется спокойно получить ответ на этот вопрос. Помогите мне.

Евгении Куприяновой⁸⁵¹

Женя, родная моя, я только сегодня понял, насколько Вы тяжёло больны. Вам необходимо побороть своё чувство горделивой замкнутости к людям и прежде всего ко мне. Господь поможет. Приходите завтра непременно каяться месте со св[ятой] Марией Египетской⁸⁵². Я всё, всё для Вас сделаю, только сознайтесь, что Вы больны и что Вам нужно лечиться.

Храни вас Господь.

Недостойный иерей Сергей.

Я всей душой чувствую, как Вам тяжело. Пройдет всё это. Давайте лечиться.

Как жаль, что Вас сегодня не было за всенощной.

Женя, родная моя, послушайтесь Иоанна Лествичника: «Кто видит в себе какую-нибудь господствующую страсть, тому должно, прежде всего, противу ней вооружаться, особенно же если это домашний враг; ибо если мы не победим сей страсти, то от победы над прочими не будет нам никакой пользы, а поразивши сего египтянина, конечно, и мы узрим Бога в купине смирения»⁸⁵³.

Женя, я знаю, что тяжело. Поборите себя. Придите завтра покайтесь.

Простите меня, грешного недостойного иерея Сергия Мечёва.

1926 г. Неделя о блудном сыне.

Женя, родная, меня вызывают соборовать митрополита Макария⁸⁵⁴: он очень сильно заболел. Я не могу, поэтому завтра быть на могиле отца Валентина⁸⁵⁵. Уезжаю, родная, в 6 часов утра. Завтра сообщу вечером, когда приедем. Посылаю Вам благословение отца Нектария⁸⁵⁶. Храни Вас Господи. Грешный недостойный иерей Сергей. Моё благословение Тане и папе с мамой.

Женя, очень беспокоюсь за Вас. Почему Вы не ходите в церковь? Если Вы устроитесь с уроком, придите ко мне перед всенощной завтра.

Храни Вас Господь. Я молюсь за Вас. Недостойный иерей Сергей.

День памяти преподобного Серафима.

Июль[, 19-е]. Кисловодск, 1926 г.

Женюлочка, родная моя, поздравляю Вас с праздником и желаю Вам по молитвам преподобного получить мир душевный, радость о Господе и Его Всеблагой воле и здоровье. Как живёте, милая моя дочурка? Я помню о Вас и как умею, молюсь. Захворал здесь немного. Несколько дней лежу. Беру ванны, теперь уже 10 принял. Скучаю здесь без церкви и всех своих. Вчера пришёл на несколько времени в храм, да так и ушёл – ни тропаря преподобному, ни стихир, ни величания, ни канона... Завтра, Господь даст, встану по-настоящему, немножко погуляю. Теперь скоро увидимся. Привет мой сердечный и благословение Лизе, Фелицате, Тане, папе и маме. Храни Вас Господи.

20 июля 1926 г. День св[ятой] Евфросинии. Кисловодск

Женюлка, родная моя. Поздравляю Вас с наступающим праздником. Как Вы себя чувствуете? Я очень устал с дороги. Сегодня буду принимать первую ванну. Давайте вместе поправляться и вместе молиться друг за друга. Христос с Вами, моя родная хорошая дочурка. Передайте мое благословение Тане, Лизе, Фелицате⁸⁵⁷, папе и маме. Храни Вас Господи. Напишите мне что-нибудь, хотя бы два словечка. Жду.

Кисловодск, вокзал, до востребования.

Женюлке

День св[ятого] в[еликомученика] Пантелеймона.

Кисловодск. [27 июля] 1926 г.

Спасибо сердечное Вам, Женюра, за письмо. Уж очень я ему обрадовался. Поздравляю Вас и с освящением в святом Таинстве елеосвящения. Будьте мужественны. Отдайте себя Христу и Его Божественной воле. Я же со своей стороны

постараюсь во всём помочь Вам. Скоро теперь увидимся. Приеду до Успеньева дня к воскресенью. Причастить Вас нужно, как только вернусь. Я тут тоже похворал. Сейчас поправился. Заканчиваю ванны. Сердце моё значительно сократилось. Соскучился по всем. Храни Вас Господи по молитвам Божией Матери и угодника Христова Серафима. Выздоровливайте. Слышал, что 19 июля была у Вас первый раз температура 37. Помните это. Любящий Вас духовный отец Ваш иерей Сергей.

Б. А. Васильеву

Родной мой Боря! Не гневайся на меня, что промедлил [с] ответом. Если бы можно было не отвечать, а повидаться с вами и поговорить. Вы мне близкие родные, и душа моя раздирается. Вот всё и медлю. Прости меня. Эти строки вовсе не указание, а вынужденный ответ⁸⁵⁸, и только. Писать мне трудно.

Сегодня день памяти преп[одобного] Серафима и муч[еника] Романа⁸⁵⁹. Поздравляю тебя с праздником и днём ангела нашего Ромы⁸⁶⁰. Поздравляю тебя с большой радостью. Т[аня] тебя любит. Это большое, великое счастье. Да поможет и тебе Господь полюбить по-настоящему свою избранницу. Да благословит Он ваш совместный путь.

Конечно, все люди эгоисты. Но требовательность – исключительная черта твоего характера. Чтобы всё было для тебя и тебе. Сколько страданий связано у тебя было с этим. Что же удивительного], что сейчас, когда ты в особенных по трудностям обстоятельствах, ты исходишь, прежде всего, от себя. Я очень хорошо тебя понимаю и отнюдь не упрекаю, родной мой.

Но посмотри и на Т[аню]. Ты ничего не теряешь, а только приобретаешь. Обрати внимание на ту, которая, приобретая, теряет почти всё, чем жила до сих пор. Это бывает при каждом браке, это по известным условиям в особой степени у Тани. Ведь жила же она до этого момента и была у неё полнота жизни. Теперь же ей приходится перестраивать свою душу для иной полноты. Прежнее должно сжаться, потесниться и уступить место новому, основному для будущей полноты. Повторяю, если бы это не была Таня, всё равно, всякая девушка в муках (даже и при любви настоящей) рождает новую жизнь. Подумай, жила в семье, отдавала ей себя целиком, и вдруг приходится оставлять эту любимую семью и устраивать новую... Ведь старое можно перестроить, а не уничтожить... На уничтожение одни темпы, на перестройку иные – здесь время и терпение, прежде всего. Ведь перестройка самого нежного – человеческого сердца...

У Тани была полнота, Господь даст ей и в дальнейшем полноту – подожди только. Береги чужую душу. Смотри, она уже любит тебя. Это обязывает тебя к ещё большей бережливости. Ты за Таней чересчур много берешь и подлинно ценного духовного и душевного. Знаешь историю курицы с золотыми яйцами? Вот так и с душой может быть. Родной мой, не сердись, а пойми, можно и с Таней остаться без Тани. Это тебе мой завет: береги чужую душу с первых же дней. Иначе душа, если не уйдет от тебя, то уйдёт от себя. Пишу это не с чужих слов, а по своему опыту, Боря.

Найди в себе силы и отпусти сам. Отпусти и ради её, и ради себя. Это будет твоя великая и окончательная победа над твоим великим самолюбием. Дай ей время, не мучай её темпами: недели там, где нужны месяцы. Таня тебе ещё пригодится в гораздо большей степени, чем теперь. Она полюбит тебя ещё больше, а вернется к тебе здоровой – и надрыва не будет. Пример коношского отшельника⁸⁶¹ у тебя перед глазами. Если бы он сразу вытребовал к себе А[нну], что бы получилось? Сейчас она сочетала в себе и семью, и мужа. Вол[одя] этим приобрёл себе Анну. Конечно, как муж он мог её и уговорить, но... в чём другом, а в семейном вопросе ампутация последнее дело, ничего доброго не предвещающая. Вот как я думаю. Прежде всего от всего сердца поздравляю тебя с тем, что ты любим, а затем прошу принять эти слова, только как мои слова, а не [как] указания. Понимаю твоё положение, сердце мне говорит так, чтобы ты ещё год потерпел, ведь и внешние условия Шенкурска очень трудны для Т[ани] к тому же. У тебя, конечно, остается ещё одно опасение⁸⁶², но там видно будет на месте, как его преодолеть.

Христос с тобой. Прости меня.

30 сент[ября] 1931 г.

Спасибо тебе, родной Боря, за твоё письмо. Мне всегда казалось, что незаслуженно хорошо ко мне относишься. Тем более чувствую это сейчас, в трудную для тебя полосу жизни. Спасибо, мой хороший. Прости меня за все трудности, имевшие когда-либо место в наших взаимоотношениях.

Много узнал о тебе и житье твоём. Тебя Господь ведёт своим, особенным путем эти два года. Рука Его на тебе сказывается исключительным твоим положением, условием жизни, работы. Сейчас ближе узнал обо всём и чувствую, как тебе тяжело одному, и с такими, никогда не предполагаемыми трудностями. Как бы хотел повидать тебя такого, почувствовать изменяющуюся в страданиях душу. Боря, обещаю тебе ещё чаще вспоминать тебя, постараюсь и писать тебе. За Ваши отношения сердечно радуюсь и убеждаюсь, что они создаются на твёрдом основании дружбы-любви. Поздравляю тебя от всего сердца. Ты имеешь обручницу-друга – это великое счастье.

Не смущайся и не требуй того, что она не может ещё дать тебе⁸⁶³. Всё это придёт само – непременно придёт в час, в который не ожидаешь. У Тани уж так устроена душа.

Ещё раз сердечно тебя поздравляю.

Сегодня 17/30, поздравляю тебя с ним⁸⁶⁴. Христос да сохранит тебя, родной мой. Крепко, крепко целую тебя и благословляю.

Передай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит (Пс. 54:23).

Эти годы ты стал мне ближе, дороже. Постараюсь, чем только смогу, послужить тебе. Всегда помни, что ежедневно поминаю тебя утром и вечером. С именем твоим сроднилось теперь сердце мое. Прости.

15 января 1932 г.

Спасибо тебе, Боря за память обо мне. Поздравляю тебя с наступающим днём Богоявления Господня. Трудно мне ответить тебе в нескольких словах, если бы можно было поговорить лицом к лицу. Глубоко лежит у тебя, родной, обида, раз ты столько времени скрывал её. Хорошо, что, в конце концов, высказал всё. Ты, родной, прав и неправ. Прав, потому что у каждого из нас есть свои недостатки, которые только с годами и страданиями мало-помалу изглаживаются. Есть они и у меня. Моя вспыльчивость, усугубленная чрезвычайной перегруженностью, всегда меня беспокоила. Я мучился

постоянно после своих вспышек, и только через эти мучения уходило и меня постепенно быстрое воспламенение. В детстве и юности же я очень страдал этим. Смерть Батюшки, как мне казалось, прекратила эти состояния. Я объяснял это особой милостью Господа. Видимо, работа сверх всяких мер и возможностей лишила опять меня этого благодатного дара, и стало проскальзывать опять прежнее. Конечно, в этом виноват исключительно я, и я до конца понимаю твоё состояние в связи с отцом А. Ш.⁸⁶⁵ Нужно сказать, что на это были особые причины в связи с ним самим (что отнюдь меня не оправдывает). Мне пришлось читать дневники отца Иоанна Кронштадтского, не вошедшие в «Мою жизнь во Христе» по причине интимных переживаний. Там батюшка мучается как раз тем же, и уже перед концом жизни своей, при всех своих высочайших достижениях, приходится ему считаться со своим характером. Это у великого, ну а у малых и малейших, сам понимаешь, что происходит. За эти два года и то два раза было у меня подобное состояние. А, кажется, уже одни скорби ежечасно, ежеминутно.

Прости меня, ради Господа, за ту душевную травму, которую нанёс когда-то тебе. Но для тебя (а не для меня) хочу ещё прибавить. Как мог с Марией Николаевной, я сделал всё. Дал вам исключительные возможности. Думаю, родной, что это так. Я искренно помолился и благословил вас. Шлю тебе глубокую благодарность за память обо мне и при всём – за терпение меня.

Тане я написал, спасибо тебе, она мне этого не писала. Не сердись на меня. Я ведь человек, и мне трудно бывает. Правда, я люблю тебя, но как умею. Путь любви – путь длительного постепенного восхождения. Я не отчаиваюсь, но трудности всегда передо мной. Шлю тебе благословение Господне. Поздравляю тебя с наступающим днём ангела Тани.

Крепко тебя целую. Прости меня. Бабушка⁸⁶⁶ у меня заболела воспалением лёгкого. Трудно ей очень.

Май 1932 г.⁸⁶⁷

Борю, родного моего, поздравляю с радостью. Сейчас только узнал о ней. Это вам за терпение и преданность воле

Божией.

Какой ты у меня хороший, Боря. Христос с тобой!

25 мая 1932 г.⁸⁶⁸

Сегодня день твоего ангела, Боря. От всего сердца поздравляю тебя. У меня нет слов для ответа на письмо твоё. Долго и много плакал над ним. Спасибо, спасибо тебе, родной! Ласки твоей, и в такую трудную для тебя минуту⁸⁶⁹, не заслужил. Тем дороже она мне. От тебя ждал иного письма; очень болел этим.

Христос в саду Гефсиманском искал поддержки у близких, любимых. Три раза прибегал к ним за помощью, ища не от ангела, а от тех, с которыми провел годы служения, поддержки, – как это мне теперь близко, понятно, бесконечно дорого. С этой стороны особенно благодарю тебя, приславшего мне первые строчки утешения. Никогда я не забуду этого, милый, любимый Боря. Среди самых близких теперь ты в сердце моём. Адреса твоего не знал. Просил тебя поздравить сестру твою; не знаю, исполнила ли она мою просьбу.

Всегда о тебе помнил, а теперь особенно буду вспоминать тебя.

Прости меня, родной. Постараюсь писать тебе.

Спасибо за О. А.⁸⁷⁰, за заботу о ней.

Записочка Т[ани] доставила мне большую радость. Какую прекрасную душу даёт тебе Господь!

Всё как-то сразу. После письма твоего радостно, что есть человек, с которым пью общую чашу страданий.

Подруге твоей земно кланяюсь сегодня, в день жён-мир[оносиц].

Всегда, всегда с обоими, дорогими, милыми, родными моими...

Июль 1932 г.⁸⁷¹

Прими, родной мой Боря, через меня, грешного, благословение Господне на получение благодати Таинства брака.

Тот, Кто видимо подтвердил вам правильность пути вашего, Тот и соединит вас, Тот и совершит Сам Таинство над вами.

«Иже за неизреченный Твой дар и многую благодать, пришедый в Кану Галилейскую, и тамошний брак благословивый... якоже тамо, и zde пришед невидимым Твоим предстательством, благослови брак сей и подаждь рабом Твоим Борису и Татьяне живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь, в союзе мира...»⁸⁷²

Христос, родной мой, с тобой.

Спасибо за всё и прости меня, Христа ради. Любящий тебя всей душой. Твой и[ерей] С[ергий]

24 октября н. ст. 1932 г.

Спасибо, родной мой Боря, за память, изображение твоего знака⁸⁷³ и подробное описание жизни твоей. Сегодня наш памятный день⁸⁷⁴ [ареста]. Всех вспоминал. Жизнь человеческая, яко «цвет сельный» (ср.: Пс. 102:15). Вот уже и три года [прошло], когда назад смотришь, как быстро всё пролетело при всех отдельных едва ползущих днях и неделях. А впереди ещё ничего не видно. Скоро пойдет уже второй месяц⁸⁷⁵. Надеюсь, что Таня на этих днях уезжает, если уж не уехала. Самочувствие моё неважное. Всё прихварываю. Вот зимы-то настоящей всё нет. Мороза бы надо. Тогда тело было бы помощником душе.

Вчера и сегодня думал о студитах⁸⁷⁶. Сегодня ясно почувствовал, что свой талант нельзя зарывать было⁸⁷⁷. Каждому своё. Мне уж так не впервой и с обновл[енчеством], и с [новым] стилем. *Лично* не мог иначе. Сегодня как-то заново пересмотрел это, а главное, почувствовал в тишине сердца за трапезой⁸⁷⁸. Это – для меня большое утешение. Детей и детишек⁸⁷⁹ очень жалко. Так вот всякая радость с печалью растворяется. Как Таня думает крестной⁸⁸⁰? Ей всё хочется домой. Старенькая она, а Таню очень любит и прислушивается особенно к ней. Меня-то она не очень. Написала бы Таня что-нибудь по этому поводу.

Лиза очень важная особа, но учится хорошо и поступает в критических случаях твёрдо и самостоятельно. Аня нежно ухаживает за мамой. Ика выздоровела. Спасибо за внимание. Очень меня трогает. Я, правда, не стою его совсем. Алёша⁸⁸¹

теперь первый ученик и председатель класса. С головой ушёл в общественность.

Передай сердечный привет родной моей милой Тане. Дай ей Господи здоровья.

18 января 1933 г.

Поздравляю тебя, родной мой Боря, с Богоявлением Господним и наступающим днём ангела Тани. Дай Господи, чтобы выявилось в душе твоей мирное решение трудного вопроса Вашего.

Что тебе написать? Помнишь, я писал тебе тогда, в тот момент, когда положение было в таком же роде. Припоминается сейчас чинопоследов[ание] рукоположения. Когда наступает момент поставления, раздаются три, следуемые один за другим возгласа: повели, повелите, повели... т. е. соизволь, соизвольте, соизволь. Первый к рукополагаемому, второй к народу, избирающему рукополагаемого, и третий к епископу. Так в Церкви в таком исключительном, казалось, зависящем от Церкви вопросе, как поставление в священный сан, прежде всего, обращаются к намеревающемуся воспринять благодать. Так вот и в жизни вообще. Повели ты, ты, родной, найди, если сможешь, силы в себе и повели. Ведь ты глава жены и спаситель тела. Вот всё, что могу сказать тебе сейчас. Сохранить семью – это наполовину сохранить устройство вообще. Сохранение семьи – это единомыслие и единоволлие. Дело не в службе. Родные должны помочь, и помогут в это исключительное время. На то и связуются союзом любви. Если раньше ставился вопрос о том, что будет лучше для Тани, теперь должен в первую очередь решаться вопрос, как лучше для ребёнка, во вторую, как лучше для Тани, носящей в себе этого ребенка, и в-третьих, твой серьёзный и больной вопрос.

«Вижу её силы физические и душевные. Здесь рядом со мной самостоятельная хозяйствен[ная] жизнь была, ей временами не под силу. Как трудно Ляле, и т. д.»

Да, Тане это принудительный труд, не иначе. Только из любви к тебе подъятый и исполненный всё же. Но с ребёнком, и особенно первое время, ей ещё трудней будет. Если в

хозяйств[енной] жизни ты ещё мог ей несколько помогать, то в будущей новой обязанности ей нужна не только любящая, но и *умелая спокойная* помощь. Дело, повторяю, не в мат[ериальном] только. Тебе ведь непонятна ещё вся исключительная трудность материнства для Тани. Не сомневаюсь, что впоследствии она будет прекрасной воспит[ательницей] твоих детей, но там, где нужен только уход, уход... там она опять в том же печальнейшем положении, как у печки. Печное предстояние полугодовое ты до конца всё-таки не понял. Что для одних легко, то каторжным трудом является для других. Но теперь ты многое понимаешь, а раньше зачастую недоумевая, возмущался. Танино здоровье, кормление ребёнка в связи с этим, всякие неизбежные неудачи и т. д. – одно для всех и другое для Тани, а стало быть, и для маленького. Наконец, роды первые в годах Тани – дело серьёзное, путешествие младенца из Шенкурска не менее рискованное. Просто взвесь и подумай. Ведь ты должен повелеть, и семья тебя имеет своим главой. В крайности, можно жить и под Москвой, если уж почему-нибудь будет душа твоя болеть⁸⁸². Боря, что бы ты ни надумал, помни, что всегда с тобой, помню тебя, люблю. Прости, что пишу так. Мне ведь так чувствуется, что исходить надо от маленького, что в таких случаях лучше быть у родных, и никто лучше бабушек и дедушек не поможет. Тем более, ваших дедушек и бабушек.

Письма мне то же, что печка Тане. Прости меня, нескладного и неисправн[ого] в этом отношении.

Крепко целую тебя.

Христос с тобой. Прости.

13 июля [19]33 г.

Родного Борю от всей души поздравляю с маленьким Алёшей. Сегодня его сретение, и я вспоминаю его папу и маму, приносящих сына ко Господу. Желаю новому земному насельнику всякого благополучия.

Крестная⁸⁸³ просит тебе написать, что благодарит тебя за внимание. Она была так растрогана, как может быть растрогана в её положении находящаяся одинокая женщина. Она и рада

была, и волновалась всё о какой-то сумке коричневой. Дошла ли она до тебя? Чудная она какая-то стала. Любит обоих вас по-прежнему. Всё беспокоится за своего родного плотника⁸⁸⁴. Положение её ещё не выяснено, как дальше будет жить – неизвестно. Видим, уедет далеко куда-нибудь. Там жизнь подешевле. Спрашивала о Вале⁸⁸⁵ и просила, если возможно, передать ему низкий поклон. Может быть, ты, что ей напишешь. Она будет уж так этим довольна. Пока адреса её точного не знаю, пиши до востребования.

Ну, заболтался. Желаю тебе всего, всего доброго, родной мой, хороший. Какую тяжёлую школу жизни приходится тебе проходить! С сердечным уважением и удивлением смотрю на тебя.

Крепко тебя целую. Прости, родной!
Твой и[ерей] С[ергий]

Борису Васильеву и Татьяне Куприяновой

Август 1932 г.⁸⁸⁶

Дорогих моих Борю и Таню сердечно поздравляю с наступающим новолетием и памятью преп[одобного] Феодосия⁸⁸⁷. Очень я виноват перед вами. Вначале не знал адреса, а теперь всё собираюсь и не могу ничего написать. Простите. Болезнь затяжная Марусеньки⁸⁸⁸ меня изводит. Знаю, знаю, что этого по состоянию её организма и нужно было ждать. Да вот всё никак смириться, видимо, не могу. Очень нездоровится мне. Фрося⁸⁸⁹ вам кланяется и желает всего наилучшего в жизни. Всегда помню и по-прежнему люблю. Простите за всё.

15 сент[ября] 1932 г.⁸⁹⁰

В день преп[одобного] Феодосия шлю дорогим моим сердечн[ый] привет и поздравление со вступлением в новый год. Теперь каждый день вспоминаю вас так, как раньше дома⁸⁹¹.

Мама прислала мне ваши прекрасные отпечатки фото. Очень мне нравятся. Тане вышлю ребятишек своих⁸⁹². Помню. Спасибо вам за письмо. Я думал, что вы уже знаете, теперь. Но на всякий случай пишу вам две причины: 1) вел[икие] праздники, 2) посты, включая и однодневные, как, напр[имер], среда и пятница. По-церковному, как известно, пост начинается с вечера, стало быть, под среду, пятницу и воскресенье (малая Пасха), Усекновение главы Иоанна Предтечи (однодневный) пост) и четыре поста: Великий, Успенский, Рождественский и Петровский. Великие праздники, двенадцатые и храмовые для данного храма⁸⁹³.

Очень тронут цветочками. Берегу их. Так хочется к милым, дорогим, любимым. Трудно мне сейчас. Не осуждайте, простите.

Сентябрь 1932 г.⁸⁹⁴

Хочется мне поблагодарить вас, родных моих, за внимание, ласку, письмо.

Таня, Ваше письмо получил в тот самый день и час, когда прошлый год под Воздвижение. Очень меня тронуло подобное «совпадение». Спасибо, спасибо.

Напишу Вам обязательно. Сейчас 8⁸⁹⁵, так случилось.

Если ещё будете писать, напишите и на Е. Н.⁸⁹⁶ Шлю Вам привет. Крепко целую Борю. Спасибо за все, спасибо.

Октябрь 1932 г.

Сердечно благодарю родных моих Таню и Борю за память обо мне 25/X⁸⁹⁷ Был болен, потому и не отвечал. Ежедневная готовка (раньше ею не занимался)⁸⁹⁸, суета, бессонница, всё понемножку сделали своё дело. Головокружение, слабость, одышка, как бывало раньше дома. Сейчас прихожу в себя. Стараюсь войти в норму. Что вы унываете! Огня не будет, пришлём вам свечей. Да теперь уж и недолго.

Всегда помню, и это оправдание моего молчания во время болезни. Таня, помните, я обещал послать Вам, а вместо Вас, думал о маме Вашей. Обстоят[ельства] изменились, пришлось переслать О. С.⁸⁹⁹ Теперь с любовью сердечной посылаю Вам пока первую часть. Христос с Вами. Не браните за молчание. Помню, благодарю, люблю по-прежнему.

Ноябрь 1932 г.

Милых, дорогих, родных моих от всей души моей поздравляю с начавшейся от вас новой жизнью⁹⁰⁰.

Радуюсь и желаю, чтобы увидали вы и «наслаждение масличное окрест трапезы вашей». Хочется быстрее откликнуться на письмо ваше, потому пока и пишу наспех.

Таня, спасибо за доверие, внимание и память.

Боря, спасибо за любовь и терпение, с которым так подробно описал ты своё житье. Я теперь побывал у вас. Всегда помню, люблю, благодарю.

Боря, милый, береги Танечку. Никогда, как теперь, не нужно ей будет такого внимания.

Е. Н.⁹⁰¹ спрашивает, чем Вы лечитесь от фурунк[улеза]. Очень помогает ихтиол со спиртом. Лизу только ими и спасли.

Напишите – пробовали? Напишу подробно. Мне сообщила Н. Н.⁹⁰², что Вам документы посланы. Оттого так и написал Вам.

Христос с Вами.

Декабрь 1932 г.

Сердечно поздравляю Борю и Таню с наступающими праздниками⁹⁰³.

Опять нездоров, опять грипп. Живу всё по-прежнему. Никакого движения кроме В. К.⁹⁰⁴ Он теперь у бабушки с дедушкой. Мои сверстники⁹⁰⁵ здесь уехали. Сейчас у меня ребята в отпуску.

Знаете ли Вы, что у В. и А[нны]⁹⁰⁶ тоже ребеночек будет. Тоже очень волнуются, особенно А[нна].

Е. Н. шлёт привет и поздр[авления] с праздником. Правда, что Ляля⁹⁰⁷ с Верой и Зиной?

Я в большом долгу перед тобой, Боря. Прости меня, пожалуйста. Постараюсь исправить свою ошибку.

О[тцу] Сергию⁹⁰⁸ очень трудно. Кругом умирают опухшие и истощенные его сотоварищи. Простите, что так пишу плохо.

Родную мою Надежду Васильевну поздравляю с днём ангела и желаю радостного пребывания, бодрственного подвига терпения. Хочется мне сказать Вам словами апостола (найдите): *Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и, труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим (1Фес. 1:2–3).* Мне, не имевшему по нерадению достаточного духовного делания, даётся теперь Господом для исправления в изобилии телесный труд. Работаю по 8 часов на погрузке барж, и хотя временами изнемогаю до предела, на душе спокойно, радостно, празднично. Чувствую на себе руку Божию и необходимость участвовать в общих страданиях.

Перечтите к Гал. 1:10⁹¹⁰ и к Флп. 1:29⁹¹¹. Да нам всем дано не только веровать, но и страдать. Утешаюсь всеми вами. К Флп. 1:27⁹¹²; 2:12⁹¹³.

Передайте привет Вашему брату и племяннице, которых знаю. Да благословит Вас Господь. Помню, люблю, прошу молитв Ваших. Простите за все. Как теперь здоровье Ваше?

Шлю Вам благословение Господне и поздравляю Вас с днём Вашего ангела, родная моя Надежда Васильевна) Желаю Вам пребывать в здравии и духовном равновесии. С любовью вспоминаю то время, когда мы вместе возносили к Господу молитвы. Прошу Вас, напишите, как Вы себя чувствуете. Сейчас я один. Ребятки мои уехали. Особенно для меня ощутительно отсутствие Ики. Она, как старшая, много мне помогала и во многом меня понимала. Скучаем по всем. Евфросиния Николаевна⁹¹⁴ всегда была с ними. Теперь она всё ходит в лес за клюквой и опятами: других грибов в этом году почти нет.

Сейчас пред крестом Господним особенно чувствую необходимость бодро, радостно и покорно нести крест свой. *С терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который,*

вместо подлежавшей Ему радости, претерпел крест, приобретши⁹¹⁵ посрамление, и воссел одесную престола Божия! (Евр. 12:1–2).

Сердечно благодарю Вас за любовь Вашу, не заслуженную мной. Бог же терпения и утешения да пребудет, родная, с Вами.

Теперь часто вспоминаю Вас, брата Вашего и близких Ваших.

Со днём Богоявления Господня! Шлю Вам, родная Надежда Васильевна, и всем Вашим, особенно брату и Тане, сердечную благодарность за память. Очень тронут их теплотой. Спасибо, спасибо. За последние месяцы много и часто думал о Евг. Ник.⁹¹⁶ И вот его кончина. Мне более чем с кем-либо хотелось поговорить с ним, кротким православным юристом, по больному нашему вопросу. Как хорошо, что Вы мне быстро сообщили, я за него теперь молюсь. Это для меня большая радость.

Конечно, возможно, будет исполнено желание Ваше. Вам самой виднее будет, а пока подождите эти недели. Да хранит Вас Христос.

Сердечно благодарю Вас, родная моя Надежда Васильевна за память обо мне и внимание. Спасибо и за ребяток моих, за франц.⁹¹⁷ и за Евфросинию Николаевну, сердечно ещё раз благодарю за всё!

Молюсь за Вас, за брата, за Таню и за всех, о которых Вы просили молиться.

Не смущайтесь тем, что произошло с Вами в день ангела. Всё правильно. Только смирения ещё немножко, и всё будет хорошо.

Пред лицом Господним каждый день становлюсь в своём чине... *Юноши и девы, старцы с юношами да восхвалят имя Господне (Пс. 148:12–13).* У не вступивших в Таинство брака и не может быть иного наименования, как дева. Только (как и вообще люди) есть прегрешившие и не прегрешившие в житии своём телесном. Поэтому даже и народ именует девами вообще незамужних, то есть не вступивших в Таинство брака. Последние уже не девы, ибо венчаются «в плоть едину». Хотя

бы они и сохранили в браке своё девство, но они уже едино с мужем, и поэтому не девы перед Господом, ибо им преподана благодать на жизнь новую в едином (новом) теле и единой (новой) душе.

Принимайте в смирении то, что Вам, родная моя, добрая Надежда Васильевна, надлежит. Христос с Вами.

Очень смущаюсь, но всё-таки обращаюсь к Вам. Не найдёте ли Вы возможным проконсультировать у брата один случай. Очень спорный. Нужно ли делать предлагаемую профессору операцию или нет? Прошу об этом, потому что действительно необходимо выяснить. Если найдёте возможным, окажите содействие в этом.

Письма неустановленным лицам⁹¹⁸

3 февраля 1924 г.⁹¹⁹

Неожиданно для меня у Анны Тарас.⁹²⁰, которая, я думал, поправилась, оказался туберкулез легких. Я отвезу её в понедельник в Верею. Так как Вы нужны на пост и Вам трудно придётся, оставайтесь ещё на неделю в Одинцове. Здесь пока справляются хорошо. Я хочу, чтобы Вы совершенно отдохнули. Приеду за Вами в пятницу или субботу. Не скучайте, на лыжах много не ходите. Гуляйте. Посылаю Вам просфору. Молитесь за Анну. Мне её очень жаль. Не беспокойтесь за пение сейчас! Вы мне так будете нужны постом – нужно, чтобы у Вас было много сил. Храни Вас Господи. Молюсь за Вас. Покаяние пропели – была спевка. Батюшка кланяется Вам: вчера у него был на могилке. Пишу на исповедальном столике в церкви.

5 февраля 1924 г.

Спасибо Вам за письмо. Отдыхайте. Не переутомляйтесь. Лыжами Вам можно вконец испортить своё сердце. Приеду к Вам в субботу. Икона Ваша готова. Как приедем в Москву, благословлю Вас. Поправляйтесь, не скучайте. Посылаю Вам для духовного утешения Веру.⁹²¹

Храни Вас Господи. Молитесь за меня грешного.

Духовный отец Ваш и недостойный иерей Сергей.

7 июня 1924 г.

Где Вы, в Верее или уже в Москве? Как-то там сердце Ваше и лёгкие. Мерить температуру нужно. Я помню о Вас, а Вы что, молитесь ли обо мне? Слышал, что Анна поправилась. Вот хорошо бы и Вам. Если в Москве, то передайте всем, всем, моё благословение, и особенно певчим. Храни Вас Господь. Теперь скоро увидимся.

Недостойный иерей Сергей

2 августа 1924 г.

Родная, как Вы там? Почему мне ничего не пишете? Я здесь прихворнул. Сейчас опять ничего. Наверно, просто от усталости. Как голос Ваш? Как Ваши помыслы? Я молюсь за Вас. Живите в мире со всеми матушками.

Храни Вас Господи!

Приеду в субботу или понедельник.

День св[ятых] ап[остолов] Петра и Павла. Воскресенье. 29 июня 1925 г.⁹²²

Милая, как Вы там подвизаетесь? Как мне хотелось вчера к Вам, вернее, к нам на Маросейку. Как у нас хорошо служат. Здесь стихир не полагается (одна всего на «И ныне»), «Ангельский собор» не пели, канон одна катавасия, «величит» два стиха и т. д., зато всё нотное, а Евангелие даже не то читали. И воскресенье, и день св. апостол – всё потонуло в этих «благослови», «блажен муж», «ныне отпускаеши», «хвалите» и т. д. Тяжело всё это.

Устроился, слава Богу. Здесь в храме главная святыня икона Феодоровская, а храм посвящён св[ятому] великомуч[енику] Пантелеймону. Храм небольшой, один престол. Есть иконы и св[ятителя] Николая, и преп[одобного] Сергия, и преп[одобного] Серафима, и Алексия, человека Божия. Над моей кроватью большая икона Феодоровская. Очень устал с дороги. Пока чувствую себя слабо. Доктор велит лежать. Дня через три буду принимать ванны.

Как-то Вы все там? Шлю Вам благословение. Помолитесь за меня. Не унывайте. Приеду, и поедете, Господь даст, в Саров. Как Валя, Ваша наречённая помощница. Помогает ли Вам? Храни Вас Господь. Передайте моё благословение всем певчим. Бог даст, и им всем пришлю. Сразу ведь всего не сделаешь. Главное попросите молитв за меня. Хочу приехать здоровым.

День св[ятой] равноап[остольной] Ольги.

[11 июля] 1925 г. Кисловодск

Родная моя! Я уже писал Вам, чтобы Вы не унывали. Бывают в общежитии всякие испытания. И змея в норе лежит

одна спокойно, говаривал батюшка отец Анатолий (Зерцалов)⁹²³, а тронешь её, она и зашипит. Так всегда трудно в общезитии. Если и выходило что с Мар. Кон.⁹²⁴, нужно быть поспокойнее. Я последнее время делал всё через силу. Если теперь, Господь даст, поправлюсь, будут опять силы во всём, помогу Вам. Только примите мою помощь со смирением и любовью, тогда она пойдёт на пользу не только в этой жизни, но и в будущей. Принимали ли Вы лекарство, да разобрались ли в них? Постоянно нужно было принимать только одно: Вера Вам написала ведь. Сейчас чувствую себя значительно лучше. Получили ли Вы от меня деньги и письмо? Не знаю, где Вы получите это письмо, но прошу Лид[ию] Ал[ександровну]⁹²⁵ переслать Вам ещё пять руб[лей]. Принимаю нарзанные ванны. Очень хочу работать не через силу, а легко. Помолитесь за меня.

Приезжайте домой хорошей. Если больной я помнил о Вас и старался помогать Вам, здоровым буду, по молитвам Батюшки, наладим по-настоящему духовную жизнь.

Храни Вас Господи.

Кисловодск. Воскресенье. 1925 г. 13 июля.

Собор св[ятого] арх[ангела] Гавриила

Спасибо Вам за память. Письмо Ваше получил. Очень оно меня порадовало. Приедешь домой и не узнаешь Вас – какие Вы сделали успехи. Как хорошо, что съездили в скит, кто знает, может и совсем закроют, воля Божия. Благословение получили, а то тоже хорошо. На всю жизнь Вам память останется.

Я не понял из Вашего письма: Валентина⁹²⁶ ходит ко всенощной-то в Ваши дни или только в среду, и пятницу к обедне? Если не ходит ко всенощной в Ваши дни, то попросите ходить, тем более что Анна Ст.⁹²⁷ наверное, уехала. Скучаю здесь по всем. Лют дожди каждый день. А теперь даже и холодно стало. Принимаю ванны нарзанные, сердце стало лучше. Господь даст, и, поправлюсь. Если бы не желание поправиться – бросил бы всё и уехал домой. В Казанскую служил здесь, вспоминал всех вас. Уехала ли Зина⁹²⁸ Я ей послал благословение на отъезд. Евдокии Бумагиной⁹²⁹

передайте, что Господь благословит её съездить в Аносино. Трудно мне здесь без богослужения. Вчера за всенощной на «Господи, воззвах» одну стихирю пели, на стиховне ни одной, прямо «Ныне отпускаеши» и т. д. «Благословен еси, Господи» один раз и «Слава»... Никакого воскресения не чувствуешь... Приехала ли матушка Лидия.⁹³⁰ Передайте ей моё благословение. Живите мирно, хорошо. Моё отсутствие и моя болезнь для всех экзамен, и для меня, и для Вас.

Спасибо, сердечное спасибо Вам за помощь по храму. Господь по молитвам Божией Матери и свят[ителя] Николая не оставит вас. Храни Вас Господи. Всем, всем моё благословение. Всех помню и как умею, молюсь. Помолитесь все за меня.

[19 июля]1925 г. День преп[одобного] Серафима⁹³¹

Не унывайте, не унывайте. Что Вам делать с Ал. Никитк.⁹³² Попросите Валю от моего имени петь в Ваши дни всенощную. Почему она мне не напишет? Уехала ли Зина в Саров, а Евд[окия] Е[умагина] в Аносино? Теперь скоро увидимся. Чувствую себя значительно лучше. Сегодня был в церкви, молился преподобному. Счастливая, поедете в Саров. Спасибо, сердечное Вам спасибо за пение. Поблагодарите от меня и Кл[авдию]⁹³³.

Теперь скоро увидимся. За Кл[авдией]. присматривайте. Ей очень тяжело. Хорошо, что иногда её подкармливаете. Храни Вас Господи.

Июль 1925 г.

Спасибо Вам за письма. Вчера получил сразу два Ваши письма. Не унывайте, не унывайте! Теперь недолго. Не пойте сами, а если другие не поют при Вас – и Господь с ними. Скажите им спокойно, что отец Сергей не велел мне петь, а если Вы не поёте, я ему⁹³⁴ скажу. Я думаю, что им стыдно станет. Кл[авдия] разве поёт, когда Ал. Никит, управляет? Для чего же тогда я просил его управлять? Я приеду, всё изменим, а Вам нужно прямо сойти на время с этого послушания, управляйте только по праздникам, и не петь совершенно

несколько месяцев, но уже по-настоящему не петь. Приеду с новыми силами и всё устрою. Теперь мне гораздо лучше. Осталось всего теперь $\frac{1}{2}$ недели. Не унывайте. Я очень беспокоюсь и мучаюсь за хор, и особенно за Вас с Клавдией. От всего сердца благодарю Вас обеих. Господь по молитвам Божией Матери, свят[ителя] Николая и прочих наших угодников Божиих не оставит Вас. Владыку Серафима⁹³⁵ можно просить на сентябрь. У меня так заканчивается лечение, что приеду к Преображению, и вернее всего 4-го. Приеду, всё устрою по-иному, а Вам отдыхать, к отцу Афанасию⁹³⁶ в Саров. Еддокия⁹³⁷-то, небось, собралась уже. Матушка Зинаида⁹³⁸ вот блаженствует.

Храни Вас Господи!

Июль. 1925 г.

Прочтите в обители преп[одобного] Серафима. Поздравляю Вас с праздником. Не унывайте. Теперь ведь скоро и в Москву. Приеду в следующий понедельник. Ваша книга отдана уже. Посылаю Вам несколько книг. Почитайте сами и дайте Алексия, человека Божия, Валентине. Храни Вас Господи. Помолитесь за меня. Напишите, как живёте. Храни Вас Господь.

Письмо сейчас получил. Господь простит Вам всё. На «барыню» не сердитесь, не надо. Помолитесь за Евд[окию] Бум[агину]. И успокойтесь. Если можно, исповедуйтесь отцу Маркелину⁹³⁹, просите его или кто ещё исповедует. Ждите в Саров Клавдию и о деньгах не волнуйтесь.

Август 1925 г.

Не говорите никому, пишу только Вам, потому что беспокоюсь за Вас.

Родная моя! Я послал Вам виноград и яблоко, очень беспокоюсь за Вас, Вы хотели меня проводить. Простите меня, может быть, я виновник того, что Вам это не удалось, и душа болит за Вас. Бог даст, меня встретите. Помолитесь за меня, особенно в день св[ятого] Пимена⁹⁴⁰.

Храни Вас Господи. За всё спасибо Вам.

Если я сегодня обидное что сделал Вам, ещё раз говорю: «Простите». Вы видели сами, что было со мной эти дни. Не унывайте. Хочу отдохнуть с детьми. За сегодняшний канон «Воду прошед» и за девочек Жене сердечное спасибо.

День св[ятой] Марии Магдалины. Кисловодск. [22 июля] 1926 г.

Родная. Как Вы съездили в Саров? Получили деньги? Как здоровье Ваше? Я несколько дней хворал, лежал в постели, сейчас поправляюсь. Принимаю ванны. Соскучился по всем. Вспоминаю часто Вас, особенно в день памяти преподобного⁹⁴¹. Пошёл здесь в церковь. Обыкновенная воскресная служба – без стихир преподобному, без тропаря, без величания, без канона. Обидно и горько стало, да нездоров ещё; совсем плохо. Теперь скоро увидимся. Помолитесь за меня, напишите. Беспокоюсь, как доехали, хватило ли денег? Приеду, давайте, родная, по-настоящему устроим свою душу. Певчим всем, всем моё благословение. Не могу всем писать, но всех помню. Храни Вас Господи.

Праздник иконы Божией Матери Смоленской⁹⁴². Кисловодск. [28 июля] 1926 г.

Родная моя, всё жду от Вас письма. Как Вы съездили и как сейчас чувствуете? Я, к глубокому моему сожалению, не приеду в день Преображения Господня. Помолитесь тогда за меня особенно. Вернусь к воскресению 9 августа. Мне теперь получше. Сердце сократилось значительно. Очень скучаю только. Народу понаехало видимо-невидимо, и с ванными стало трудно. Теперь скоро кончаю и приеду домой. Помолитесь за меня и сами будьте, родная, хорошей. Помните, что я во всём, во всём с Божией помощью помогу Вам.

Всё беспокоился, хватило ли Вам денег, и получили ли Вы ещё от меня?

Храни Вас Господь.

Служил здесь в день святого Пантелеймона⁹⁴³ и вспоминал всех вас. Вера⁹⁴⁴, наверное, в Москве, передайте ей моё благословение.

1927–1928 гг.

Спасибо Вам за письма. Радуюсь за Вас, что Вам хорошо в пустыни⁹⁴⁵. Дай Вам Господь отдохнуть и успокоиться. Чувствую себя неважно. Опять пришлось лечь в постель. Может быть, вдали почувствуете ещё больше нашу здешнюю жизнь.

Молюсь за Вас, помолитесь и Вы за меня, грешного недостойного отца Вашего иерея Сергия.

Храни Вас Господь. Писать трудно. Лежу.

23 января 1928 г.

Родная моя, поздравляю Вас со вхождением в Триодь постную⁹⁴⁶. Думаю, что для прохождения покаянного подвига даже хорошо, что Вы входите в пост с такой тугой душевной. Обратитесь не ко мне – я только служитель Христов, обратитесь к Нему, к Самому Христу, Цареву и Богу нашему. Попросите в покаянии у Него помощи. Он поможет Вам, он даст Вам возможность и ко мне, отцу Вашему духовному, подойти по-другому и увидеть в моём сердце то, чего Вы не видите.

Мне припоминаются слова одного старца⁹⁴⁷ на слова его послушника: «Батюшка, простите меня за откровенность, я потерял всякую веру в Вас». Старец ответил мягким отеческим тоном: «Что же, сын мой, удивительного в твоём искушении? Святые апостолы и те усомнились, было, в вере в Бога и Спасителя; а после своего неверия ещё сильнее укрепились в вере, так что уже ничто не могло их отлучить от любви Христовой⁹⁴⁸. Помолитесь за меня. Я молюсь за Вас. Простите, если чем когда обидел Вас.

Храни Вас Господь! Поздравляю с наступающим днем ангела.

День положения ризы Богоматери⁹⁴⁹.

2 июля 1928 г.

Спасибо Вам, родная моя, за письмо. Получил его в Москве, а сейчас еду в Верею и отвечаю в поезде. Очень трясёт, и писать трудно. Рад за Вас, что Вы отдыхаете, подкармливаетесь и лечитесь. Молитву не сокращайте без

крайней нужды. В церковь ходите, как я Вам сказал, прибавив ещё две литургии в неделю. Больше будьте на воздухе. Купайтесь в меру, а не так, как Вы пишете. В Москве пока всё благополучно. Надеюсь, что издали больше поймете меня и нашу жизнь. Приедете, устрою с внешним распорядком, как говорил, и непременно с неделю буду ходить к Вам обедать, как вернусь в Москву.

Господь да сохранит Вас. Желаю Вам молитвенно встретить великие киевские праздники святой Ольги и святого Владимира.

Передайте мой привет отцу Адриану⁹⁵⁰ и попросите его молитв. Также и Владыку⁹⁵¹ попросите помолиться. Я всё в Москве и только два-три дня иногда провожу в Верее. Ремонт в самом разгаре. Нельзя выехать. Храни Вас Господи.

День св[ятого] муч[еника] Панкратия. 9 июля 1928 г.

Посылаю Вам благословение нашего святого храма. Сегодня уезжаю на Север поклониться новгородским святым. Дай Вам Господь встретить киевские праздники в радости и молитве. Вернусь через две-три недели, тогда увидимся.

Скорблю, что здоровье Ваше не улучшается. Необходимо по приезде серьёзно заняться Вашей болезнью. От неё не всё, но многое в расстройстве Вашей духовной жизни. Не хочется мне уезжать из Москвы. В этом году всё время был здесь и на Сергиев день, и на Казанскую оставался; так хорошо.

За вас молюсь. Клавдия расскажет Вам о той жизни, которая была у них на отдыхе и к которой хотел, было, приобщить и Вас вместо Киева.

Храни Вас Господи! Хорошо бы увидеть Вас в тишине и радости.

1928 г. 2 ноября

Сердечное спасибо Вам за Ваше последнее письмо. Искренне радуюсь, что тянет Вас домой, что горите Вы жаждой подвига и служения Господу. Посылаю Вам Феодора Студита⁹⁵². Прочтите то место, которое отмечено – оглашение 7, продумайте его и низведите его в свое сердце. Книгу верните с Колей⁹⁵³ – она мне нужна. Это Вам ответ на всю жизнь.

Помните, что Вам нужно отдыхать и поправляться, а Вы расстраивались и не ели. Оставьте всё это. Микстуру заказать нужно в Москве, пришлите рецепт с Колей. Я не видел ещё Сергея Алексеевича⁹⁵⁴ и не мог спросить его. Господь Бог да простит Вас Своею благодатью и человеколюбием.

Стихотворение сохраните до следующего приезда к Вам кого-нибудь и пришлите. У меня оно пока одно. Постараюсь приехать к Вам в следующий четверг, раньше не смогу. Я нездоров – грипп у меня.

Храни вас Господь.

Хорошо, что прислали и первое письмо. Я теперь знаю, какая Вы бываете, хочу же, чтобы Вы были какая есть, то есть – Божия.

19 декабря в 8 ч. 40 м. 1928 г.

Скончалась сегодня утром Феодора⁹⁵⁵.

Болезнь посылается нам от Господа, так и принимать её надо. Не обижайте во время болезни никого, а тем более не старайтесь обидеть непременно духовного отца. Я помню Вас и молюсь за Вас, а Вы пишете, что я, по обыкновению, не читаю Ваших писем. Завтра навещу Вас. Конечно, напишите в Киев Владыке⁹⁵⁶ и отцу Гавриилу⁹⁵⁷. Помните, я прошлый год оставался без церковной службы в это время. На Катю⁹⁵⁸ не сердитесь. Она ведь больная и по-своему права.

Помолитесь за меня. Отдыхайте. Храни Вас Господь.

31 декабря 1928 г. Отдание Рождества Христова

Родная моя, зачем же Вы так? Жалко мне Вас очень. Что Вы с собой делаете? Христос сегодня Сам приходил к Вам в день отдания Праздника. Молюсь за Вас каждый день. Партитуры так и не написали. М.⁹⁵⁹ у обедни не была. Пришлось взять голоса у девочек.

Как бы хорошо было, если б Вы пришли в себя и смирились с Вашей болезнью; для этого она и дана Вам.

1928–1929 гг.

Спасибо Вам, родная моя, за Вашу оценку моей души. Никогда, и Вы это конечно знаете, я не был о себе высокого мнения, всегда искренне считая себя самым грешным на Маросейке. Не сам я взял на себя духовничество, были моменты, когда я хотел уходить от всех вас, считая себя непригодным. Господь устраивал Сам по-другому, и я, видя по указанию других волю Его продолжать своё служение, оставался. Я действительно заслуживаю Вашего такого к себе отношения и принимаю письмо Ваше для себя с кротостью и терпением.

Спасибо Вам за всё хорошее, что видел от Вас и чему учился у Вас.

Простите меня грешного недостойного иерея Сергия.

Родная, смиритесь! Ведь все виноваты, только Вы одна правы во всём. Посмотрите на себя. Я всё терплю от Вас, а Вы и этого не замечаете. Помните, что не сержусь на Вас и молюсь. Завтра праздник. Ничто Вам не поможет, кроме смирения перед идущим на страдания Христом Спасителем.

Введение во храм Пресвятой Богородицы.

[21 ноября] 1929 г.

Спасибо Вам за письмо. Господь поможет Вам в Вашем новом положении. Делает Он всё на благо нам, а стало быть, и Вам лично. О будущем не думайте, а сосредоточьтесь на своей душе. Пора всем нам зажечь по-христиански. Слишком много все мы требовали для себя и слишком мало отдавали Господу. Особое время – не ищите ни старцев, ни руководителей – приносите исповедь у православного священника, вспоминайте то, чему Вас учили за эти годы, старайтесь в трудные минуты прибегать к Господу, Божией Матери, святым угодникам Божиим. Носите тяготы друг друга (ср.: [Гал. 6:2](#)), советуйтесь друг с другом. Единственное дело Ваше – сохранить богослужение, к этому должно быть направлено всё. Причащаться по некоторым обстоятельствам придётся ещё реже. К этому отнеситесь спокойно. Об этом скажу Вам. Это необходимо!

О постриге не мечтайте. Ещё поживёте! Живите лучше, всё само придёт тогда, когда Господь пожелает. Если случится, матушка. Вам скажет, что делать. Конечно, и не думайте о возвращении домой.

Христос с Вами. Спасибо Вам за храм. Берегите богослужение. Это самое главное. Не осуждайте. Помните, что если сейчас ничего не сделаем для своей души, после нет и надежды на исправление.

Слава Богу за всё.

Поздравляю с праздниками наступающими. Ваши состояния могут быть у каждого, и у инокинь. Ведь Вы же женщина. Но не нужно из этого выводиться то, что выводится о. К.⁹⁶⁰ Спокойнее. Нужно не носиться с этим, а преодолевать. Писать пока нельзя. Я ведь в особых условиях. Люблю и помню. Христос с Вами.

Шлю Вам благословение Господне и благодарность за сохранение в себе доброго устройства. Спасибо глубокое, что сами не имеете против в случае надобности изменить день. По многим причинам это лучше. Устал очень, сейчас с сердцем нехорошо, а главное – изменение некоторое.

Храни Вас Господь! Христос с Вами!

Спасибо Вам, родная, за письмо: мне очень хотелось знать, как Вы себя чувствуете, и подробности о Вашей болезни. Как много Вы перенесли и перестрадали за эти месяцы, какая большая тягота и внутренних, и внешних страданий легла на Вас – такую слабенькую и хрупкую. Вы правильно поступаете, что усматриваете во всём этом посланное Вам испытание; да примите болезнь, как скорбную чашу от руки Отца Небесного; придёт время – и Вам самой станет ясен смысл этого испытания; Вы поймёте, какое значение имели эти тяжёлые страницы жизни для Вашей души. Поэтому с детской покорностью и терпением несите эту скорбь; Господь за молитвы Батюшки⁹⁶¹ и всех любящих Вас, подаст Вам облегчение и отраду.

Прошу Вас, моя родная, слушайтесь доктора и не обращайтесь внимания на болезненные мысли и галлюцинации;

не соглашайтесь с ними, это – не Ваше, а от болезни, ложное, кушайте всё спокойно, во славу Божию. Все погрешности Ваши Господь простит и сохранит Вас своею благодатию. Божие благословение да будет с Вами: во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Духов день.

Очень рад улучшению здоровья твоего. Обязательно нужно кушать, и много кушать. Я теперь тоже много питаюсь. Постоянно помню о тебе и о наших бесподобных подобных. Ничего не забыл, всё помню. Желаю душевного спокойствия. Скоро вернётся твой дядя Саша⁹⁶². Можно тогда и к нему. Здоровье моё всё в одном положении. Желаю тебе ещё раз здоровья и тихой радости в перенесении твоих трудностей. Шлю сердечный привет. Очень рад, что стало тебе получше. Надеюсь, что ещё и ещё лучше будет. Непременно будет. Слышишь? Выздоровливай медленно (зря ничего не бывает), но верно. Знаю, что так и будет. Приятного аппетита, родная!

Конечно, нужно кушать. Непременно нужно кушать! Обязательно! Слышите? Всегда вспоминаю мою родную, хорошую дочку и надеюсь, что ты меня послушаешься и начнёшь выздоравливать. Для меня это будет большой, большой радостью. Всего тебе доброго. С прошедшим днём твоего ангела поздравляю. Жалко мне очень, что не может исполниться Ваше желание, родная моя. Теперь совсем иные условия, и что можно было раньше, теперь совершенно невозможно. Мне же дорого Ваше расположение и любовь. Сердечное Вам спасибо. Не унывайте. Мне очень жаль о. К.⁹⁶³. Многое для него закрыто, хотя он очень, очень хороший. Это уж общая тяжесть прошлого. Вам же по Вашей болезненности не приходится его оставлять. Когда гости у него, лучше воздерживаться. Желаю Вам, родная, отдохнуть. Хорошо бы с Вашей старой подругой и на большой реке. Передайте ей привет. Помню, люблю, благодарю. Сам хвораю всё.

Июль–август 1929 г.

Пора Вам взять себя в руки! Когда кругом совершаются исключительные события: ломаются храмы, уничтожается решительно всё, говорящее о Господе, о иной жизни, – Вы продолжаете, видя только самое себя, по-прежнему капризничать, обвинять других, не жить по-настоящему с Господом. Сами же пишете, что молились на празднике в Верее, молились от всей души, стало быть, можно молиться там, а если не молились раньше, то это от вас исходило, а не от обстановки. Испортил Вас Киев, а Вы настаиваете, чтобы я вас пустил туда. Желаю Вам к великим Богородичным праздникам встать опять на путь делания. Да благословит вас Господь.

30 декабря 1929 г.

Спасибо Вам за Ваше письмо. Не хотелось мне его сразу читать. Трудный день был для меня – вот, думаю, и письмо опять, наверное, обычное. Спасибо. А письмо оказалось хорошим. Вот бы хорошо и продолжать так. Принимайте как милость Божию ограничение причащения. Слава Богу. Это временное, но необходимое по многим причинам дело. Раз Вы моя дочь, то и примите это на будущее время так, как принимаете это теперь. Николин день, Рождество Христово и другие праздники великие не в счёт. Потерпите, смотрите, как другим тяжёло, а у Вас есть богослужение.

Домой не надо. Я не могу взять на себя изменение батюшкиного благословения. Проживёте, Господь даст. В профсоюз у родных всё равно не проведут.

Исповедоваться с Вашими смущениями лучше у опытного отца С.⁹⁶⁴ Он теперь будет служить. Откладывать исповедь не следует. И так ведь ограничено. Не унывайте. Радуюсь, что не отказываетесь от Христа. Со столом Господь устроит. Я твёрдо верю в это. Храни Вас Господь.

Если Вы позднюю с Ан. Алекс.⁹⁶⁵ в очередь, стало быть, Вы два воскресения были у ранней. То же и в праздник. В хорошую минуту поговорите с М. С.⁹⁶⁶ Можно и всем чередоваться. Я только не хочу ссор между вами. Как хорошо. Вы пишете, что у

Вас с ней и Мясной. Может, когда и Клавдия свободна бывает? Но не оставляйте поздних литургий; они Батюшкины.

Благословение Господне на Вас. Хотелось, чтобы надолго приобрели мир. Стойте на своём посту до последнего.

Спасибо за поздравление! Зачем Вам унывать и, вспоминая прежнее, всё плакать. Воля Божия, и ей, всеблагой и промыслительной, нужно покориться. Пользу вижу большую и на Вас. Стали гораздо лучше.

Что сделала Л. А.⁹⁶⁷ Господь с ней. Не думал я, что так будет.

Незачем ходить Вам часто так домой. Через несколько дней устроится Ваша еда. Потерпите чут[оч]ку. Радуйтесь. Исходите из того, что Вы в храме, какая это радость, какая это радость!

Мясо есть благословляю по теперешней трудности, но не каждый день, а то пристраститесь. Радует меня, что между всеми вами мир. Как подобны поют?

Храни Вас Господь! Будьте доброй и хорошей.

Слушайте, не глупый Вы человек и для других часто делали много полезного. Я и сам слышал об этом от многих. Почему же теперь Вы вопреки правде и совести своей говорите, что Вам спасения нет. Что Вы погибли, и т. д., и т. п. Бросьте Вы всё это. Зачем, зачем Вы так! «Ждёте от меня радостного и примирительного письма», но горе, моё горе, чем могу я утешить, так Вы говорите. Самая высшая радость – радость покаяния. Всё Вы это хорошо знаете. Радость великая на небе о едином грешнике кающемся (см.: Лк. 15:10). Это вовсе не утешение для меня, как Вы думаете. Это радость, великая радость, которая является, прежде всего, в примирении покаянном с Богом. Никогда я так не беспокоился за Вас, как теперь, но я верю, что Господь Вам помогает всё время и поможет, и я всё что могу, сделаю для Вас, а сейчас делаю самое главное: молюсь за Вас. Как Вы можете говорить, что если бы у Вас была капелька надежды на спасение, «Вы бы бросились к Отцу Небесному...» Вот, вот в том-то и всё. Знаете, что Он вас любит, знаете, что Он Вас ждёт, знаете всё, всё

знаете и не идёте. У Вас же на каждом шагу: все у Вас спасутся, а вот... Зачем, зачем всё это? Вот почему и не могу Вам пока помочь, но Бог-то всё время с Вами, и я стараюсь всё время помнить о Вас. Помните – одна Ваша трудность: не смиряетесь перед Господом!

Помню, молюсь, люблю. Но только одного жду: всей душой почувствовать Вам объятия Отчи! Не грешите: никогда не отказывался от Вас лично, если и говорил когда, то для Вашего вразумления. Как Вы одна, когда постоянно я с Вами, и Христос с Вами, родная моя? Молюсь за Вас. Христос с Вами.

Спасибо за всё присланное. Спасибо за заботы.

Что, что могу Вам написать? Молюсь за Вас постоянно. Переживания, о которых Вы мне написали, говорят мне о том, что Вы совсем не считаетесь с тем, о чём говорил Вам, бегаєте ежедневно в Д., не обращая внимания на здоровье своё. Во всём обвиняете меня, и так далее. Я-то Вас помню и за Вас молюсь, а Вы поведением своим и отношением к семье, ко мне и к себе свидетельствуете о том, что нисколько не желаете идти по тому пути, по которому вели Вас. Молился, молюсь и буду молиться. Это пока единственное, что могу для Вас сделать. Только Божия помощь может помочь Вам. Ибо гордую душу исцеляет, как говорит Иоанн Лествичник, только Господь!⁹⁶⁸ Но молюсь Ему всегда.

Христос с Вами! Посылаю Вам просфору.

Благословение Господне на Вас)

Родную мою сердечно поздравляю со днём Рождества Христова и с наступающим праздником Богоявления. Что Вы, что Вы? Ну, зачем же так? Испытания идут одно за другим. Нужно и принимать их не врасплох, а бодрственно. Иначе что же мы за христиане? А Вы опять отчаиваетесь, опять унываете, опять обвиняете всех. Ну, зачем же это так? Что Вы, что Вы делаете? Господь так к Вам милостив, Он даёт вам возможность работать сейчас. Он окружил Вас родными, близкими, а Вы до сих пор, даже и теперь, повторяете всё прежнее. Надеюсь, что написали сгоряча. Никому так, может

быть, не трудно сейчас, как тому, на кого Вы льёте всевозможные оскорбления. Ну за что же это, наконец? Наташе Вашей, что я мог написать сейчас, кроме слов утешения. Вы же опять и тут увидели что-то.

Христос, родная, с Вами! Да хранит Вас Матерь Божия. Грустно, грустно на душе.

Поздравляю Вас, родная моя, с праздником преп[одобных] Авраамия и Марии⁹⁶⁹. Постоянно молюсь за Вас. Надеюсь, что Вы в этот день великий, связанный так с покойным Батюшкой, поймёте, что я с Вами молитвенно всегда, что ещё никогда я не желал так послужить Вам, как теперь, что я только жду момента Вашего покаяния, того покаяния, с которого начинается новая жизнь. Поймите Вы это. Прошу у Господа, чтобы Вы почувствовали душу свою, отложили капризы свои, обвинения других и т. д., всё то, что мешало Вам двигаться духовно. С радостью жду этих минут. Они будут, будут, будут. Они должны быть.

Господи, спаси и помилуй родную мою.

Шлю привет и пожелания мирного душевного устроения. Вспоминаю Вас непрестанно, ибо всегда ношу образок Ваш «Спаси и сохрани». Помните, Вы когда-то подарили его мне? Он неразлучен давно уже со мною. Как здоровье Ваше? Прошу Вас вспоминать меня – очень нуждаюсь в молитвах Ваших. Бодро и радостно смотрю на предстоящий путь страданий. Хочу чтобы и Вы (1Фес. 3:2–4) не унывали, не роптали. Много и радостного утешения дает Господь. Вспомните (2Кор. 1:2–5). Земно Вам кланяюсь, прошу прощения за всё, чем когда-либо обидел Вас, а главное, за нерадение и леность. Прошу Вас (Флп. 1:27–29). Привет сердечный маме. Дай ей Господи сил в её трудах и трудности её жизни. Брату и Соне кланяюсь, вспоминаю, как, бывало, отдыхал у Вас.

Спасибо родная, спасибо дорогая.

Капе, родной моей, низко кланяюсь и желаю здоровья. Как-то вы теперь живёте? С любовью часто вспоминаю мою старшую дочку. Помните то время, когда у всех у нас было столько энергии, сил и здоровья? Пишу, лёжа на земле, и оттого так плохо. Живу на курорте в прекрасной местности. Отдыхаю после зимы. Работа гораздо легче, чем раньше, только обессиленному и она трудна своею продолжительностью – 10 часов⁹⁷¹. Так хочется, как бывало раньше, посмотреть на Вас. Здоровья, дорогая, желаю Вам.

С большой любовью получил Ваши строчки, родная моя Капа. Поздравляю Вас с наступившим праздником Рождества Христова и наступающим Богоявлением Господним. Желаю Вам дальнейшего укрепления Вашего здоровья. Каждый день по несколько раз вспоминаю Вас уже столько месяцев. Хочется сказать Вам, что имя родной моей болящей вошло в мою ежедневную молитву и сроднило меня особенно с той, с которой и всегда-то был связан со времени моего служения.

Спасибо Вам за Катю⁹⁷². Примите, родная, от меня маленький гостинец. Увижу ли Вас когда-нибудь, родную мою

измучившуюся дочку? Передайте Кате, что я жду от неё весточки. Спросите, получила ли она мой ответ. Господь ведёт нас через страдание всех, всех. Вы столько испили из этой чаши, что душа Ваша сейчас особенно близка к Господу. Спокойно молитесь Ему по силе Вашей. Имейте надежду на Него. Он даст вам здоровья. «На Господа надежду всяк, кто, стяжав, вышший есть всех скорбящих». Помните этот воскресный антифон 4-го гласа.

Храни вас Мать Божия. Спасибо за память. Сердечное спасибо.

Капе, родной моей, шлю сердечный привет и пожелания здоровья. Поздравляю с наступающей весной. Спокойнее, спокойнее относитесь ко всему. Часто вспоминаю Вас и с особой любовью останавливаюсь на Ваших детских днях. Помню каждую мелочь. Живу ничего, только устаю очень. Теперь скоро весна. Пободрее буду себя чувствовать. Всего, всего Вам доброго.

Шлю, родная моя, сердечное поздравление и пожелания здоровья. Поспокойнее, родная. Не волнуйтесь так, всё образуется при тишине душевной. Вспоминаю Вас постоянно и жалею, родная, что вы так на всё бурно реагируете. Поспокойнее, милая, желаю Вам всего, всего доброго. Живу ничего, только устаю и очень скучаю по всем домашним и о всех Вас.

Сердечно благодарю Вас за память и поздравление. Дорого мне, что Вы меня помните и подоброму своему сердцу не оставляете меня своею любовью и вниманием. Так вот написали обо всех – как будто я лично поговорил с Вами. Надеюсь крепко, что всё у Вас образуется. Желаю здоровья, простите меня, родная.

Несколько сестёр-певчих вызвали в Троицкое патриаршее подворье, где Святейший Патриарх Тихон после проповеди

благословил надеть им косынки и сказал, что все желающие сестры Николо- Клённического храма могут также одеть их.

Чем выше растение, тем больше оно подвергается влиянию ветра и бури, сравнивал Святейший Патриарх Тихон себя с дубом, а нас сравнивал с низко лежащей травкой.

С нами были о. С.⁹⁷³ и Андрей Гаврилович⁹⁷⁴. Слава Богу, Л., что Вы, наконец, мне написали. Дай Господи, чтобы удержалось у Вас это состояние открытости душевной к духовному отцу. Великое это дело. Через эту дверь легче всего можно взойти ко Господу. Желаю Вам подвигом добрым подвизаться, течение поста совершить, победительницей греха явиться и неосужденно поклониться и Святому Воскресению⁹⁷⁵.

С исповедью трудно, прежде всего, потому, что получился навык не исповедоваться; потом уже и другое всё. Боритесь с ним. Ребёночка как назовут родители, так и хорошо будет. Все святые у Господа там предстоят в молитве за тезоименных им человек. Вас желаю в будущем видеть помощницей в иконописании. Поэтому прошу Вас готовить себя, пока есть время, к этому деланию. У Вас есть большие способности и, главное, осознанное понимание. Это так важно.

В пении со всем написанным согласен. Только дело требует пождания, исправления и перевоспитания. Это сразу не даётся. Вспомните себя и изменение Ваших взглядов. Советую Вам быть ободрительницей других, а не «сострадательной унывальщицей». Если бы я был, много[го] бы не было. Но всё же и в этом есть успехи общие – строй и так далее. Перевоспитывать невозможно в кратчайший срок. Потерпите, мужественно преодолевая трудности.

С Вавой⁹⁷⁶ – отлив, Бог даст – будет и прилив. Семена брошены. Будьте поспокойнее. Боритесь с Вашими привычками – получите мученический венец.

Ещё раз благодарю Вас за письмо, просфору. Простите меня.

Шлю Вам, Л., благословение Господне! Кресты (найденные в трамвае) для напоминания о должном несении своего, а Вы

всё-таки иконописная. Так и знайте. Это один из четырёх крестов. Самый лёгкий, но самый забрасываемый Вами. Почему пишете: «способностей нет»? Есть, слышите, есть. Время не найдётся никогда для лентяев и желающих заниматься иными делами. Крест лучше не открыть.

Храни Вас Господь!

Спасибо Вам, родная моя Л., за Ваши письма. Не забываю я Вас, не думайте так. Душа моя болеет за здоровье Ваше. Как-то Вы с отпуском? М. Ал.⁹⁷⁷ теперь едет на Валдай, в Короцкий монастырь. Там была Сима⁹⁷⁸. Сейчас там хорошо. Может быть, и ещё куда-нибудь.

Конечно, с машинки нужно уходить. Если есть хотя бы маленькая возможность, нужно переходить на ту работу в английском кабинете, о чём Вы мне писали. Главное, меньше расстраивайтесь, родная. Что было, то было. Не волнуйтесь. Могло быть всё гораздо хуже. (...) Вава уехал, наконец, – это очень для него хорошо. Хорошо и то, что он попросил у Вас при отъезде. Дай ему, Господь, всякого благополучия. Вы же, родная, прошу Вас, берегите себя. Поменьше ходите после отпуска в церковь. Господь даст, и с Зиной уладится дело, – ведь здесь трудности всей Вашей семьи, а не Ваши. И больны Вы теперь от этого. Прошу Вас, родная, займитесь своим здоровьем. Помните, что я сейчас ещё с Вами. Будет время, и этого не будет. Помню о вас и молюсь.

Любящий Вас.

Господь благословит Вас, родная моя Л.! Как радует меня Ваше отношение к Зине. Не святые вы, а грешные, и, конечно, обе виноваты друг перед другом. Не обижайтесь на неё за то, что она мне иногда сообщала о своих трудностях. Ведь Вы так же делаете. Никто не желает Вас развести, во что бы-то ни стало. Всё от вас обеих зависит. Только никогда не нужно лишних тяжестей брать. Раз скучаете, друг о друге, раз тянет друг к другу, возможны и в Москве иные отношения. Подходите в Боге друг к другу. Не бойтесь ничего, кроме Бога и греха. Предайте Ему свой путь и уповайте на Него (ср.: Пс. 36:5).

Спасибо Вам за Марусю Пусторослеву⁹⁷⁹. Вот и в мамыши попали. Без Вас совсем бы плохо получилось.

То, что писали о зиме, возможно. Если Господь благословит, и обстоятельства моей жизни не изменятся, приведёте ваше желание в исполнение.

С восстановлением поздравляю. Рад очень за папу. А.⁹⁸⁰, конечно, напишите. Жду. Поговорите с братом Шуры Ц.⁹⁸¹ Думаю, что, пожалуй, не стоит писать Л.⁹⁸² Изменять специальность дело хорошее, только что и как? Напишите об этом подробнее. Конечно, папа прав. Пока есть возможность, стоит переквалифицироваться.

Простите, очень тороплюсь.

Родной моей, хорошей Л., шлю благословение Господне. Всей душой разделяю Ваши трудности. Помните, что теперь буду за Вас особенно молиться. Буду просить у Господа, чтобы даровал Вам здоровья. Будьте поближе с Таней⁹⁸³, она Вам может помочь в трудную минуту.

Спокойно не ходите пока на спевки. Поговорите с Киной⁹⁸⁴, она все скажет Манюшке Семеновой⁹⁸⁵. Вам будет спокойнее.

Не унывайте и не принимайте близко ничего к сердцу. Возьмитесь за исполнение главного послушания – за лечение.

С исповедью спокойнее. Я говорил Вам относительно нормы причащения постом. Теперь же, конечно, если придется писать исповеди, я тоже согласен с (...) Не огорчайтесь мелочами. Не надо, берегите себя. Предайте себя воле Божией. Дайте Ему творить о Вас Свою благую волю.

С (...) если выйдет, хорошо, если не выйдет, не огорчайтесь. Конечно, Вам лучше работу оставить во время учения. Но не волнуйтесь. Господь устроит, я верю в это. Сами будьте совсем спокойнее. На деле всё выяснится. Вы можете серьёзно заболеть, принимая всё к сердцу.

Знаю, что трудно Вам с братом. Потерпите, давайте...

26 января

Сегодня, в день Вашего ангела, сердечно поздравляю Вас, родная моя, и всем сердцем желаю, чтобы наступило и дальнейшее умиротворение души Вашей. Глубокое спасибо Вам за всё, и главное за храм. Искушению своему не поддавайтесь. Вспомните, как Вы всегда стремились на иноческое житие, и какими горячими слезами Вы оплакивали подруг, вступивших на брачный путь. Вот это Ваше подлинное. Искушение же для того и бывает, чтобы очиститься от всего иного и воссиять как золото после горнила (ср.: Притч. 17:3). Я как умею, вспоминаю Вас, радуюсь, что подходите часто к святой Чаше: это для Вас теперь исключительно необходимо. Это Вас оживотворит, даст вам и силы в Господе нашем устроить жизнь свою.

Избегайте, родная, встреч. Очень буду рад, если будете ближе с Симой⁹⁸⁷ и Марией Николаевной⁹⁸⁸. Никогда не замыкайтесь в себе в труднейшие свои минуты. Вы меня не совсем поняли: я говорил о мясе в связи с Вашими острыми переживаниями, о которых мне писали. Помню, что Вам питание необходимо, прошу Вас не смущаться несколько этим. Кушайте, я говорил лишь об излишествах, и в определённое время. Глубоко верю, что с М. К.⁹⁸⁹ всё обойдется. Писал Вам просто, указывая и на Ваши недостатки. Совсем, родная, просто. Я ведь знаю её характер трудный и понимаю очень хорошо, как Вам бывает иногда тяжело. Всегда о Вас помню. Пусть уйдёт от Вас нашептывание сопротивного о моём к Вам отношении. Прошу Вас молиться за меня. Прошу Вас помнить, что кто другой, а я никогда не забуду Вашего утреневания ко храму святому. Всё помню, всё. И за всё благодарю.

Хочется, чтобы в день ангела ушло от Вас и то, что приразилось в связи с «возлежанием и служением» (ср.: Мф. 23:6 и Лк. 20:46), в связи с тем, что Вам помогают и т. д. В день своей преподобной⁹⁹⁰ посмотрите на эти слова так, как и были они высказаны мною. Помните, как Христос взял лентион, препоясался и умыл ноги ученикам (см.: Ин. 13:45) – я это и

имел в виду по частному одному поводу, о котором Вы сообщили мне, а «помогают», говорит о том, что Вы унывали, так как Вы одна, и говорил Вам, что любят и помогают (духовно конечно).

Ещё раз шлю Вам, родной моей, поздравление со днем ангела и благословение Господне! За всё, за всё спасибо великое.

Христос с Вами.

Господь с Вами, родная моя. От души радуюсь за Ваше последнее письмо. Слава Богу, что в душе решимость оставить борющие Вас помыслы. Да благословит Вас на это Господь. Давно уже знал, кто он, тогда ещё, когда Вы первый раз сказали об этом. Только всё ждал от Вас признания. Попробуйте, с Господом, полечиться гомеопатией, иногда она очень помогает. За храм сердечное спасибо. Только не делайте ничего лишнего. Со всеми имейте мир и любовь. И у Вас сейчас ещё не всё установилось, и я нездоров. Давайте так, на вторую неделю в воскресенье вечером, хорошо, устраивайте спевки, но только по мере надобности. Шлю Вам благословение Господне. Прошу Вас встретить по-настоящему Святой пост – не в смысле еды, что сделайте в меру, как и в прошлые годы, не утруждая себя чрезмерным постом, а борьбой с собой, своими помыслами.

Христос с Вами.

Земно кланяюсь и прошу прощения за истекший церковный круг.

После 26 января

Земно кланяюсь и прошу прощения за истекший церковный круг.

За последнее письмо Ваше сердечное Вам спасибо. Дай Господи укрепиться Вам в Вашем решении искренно и покаянно идти к Господу. Господь даст, горло Ваше поправится. Лечитесь! Спасибо за просфорочки. Прошу Вас, обязательно нормально спите и питайтесь. Правило своё соблюдайте в меру, а не чрезмерно. Боюсь, что сгоряча чересчур много возьмете, а там

опять ни с чем. Прошу Вас прийти в себя и взять себя в руки и в отношении самого Вашего главного.

Будьте к окружающим Вас терпеливой, услужливой; делящейся скромно своими знаниями с другими. В этом основа христианского служения людям. Сейчас пока воздержитесь от того, о чём написали. Потом можно будет.

Поздравляю Вас ещё раз с прошедшим днём ангела. Я очень беспокоился, что не мог вовремя послать Вам поздравление, так случилось.

Шлю Вам благословение Господне!

Как я рад, что душа Ваша оживает.

Дай вам Господи мира душевного. Христос с Вами!

Господь да благословит Вас продолжать Вашу работу в храме. Только не горячитесь и крепко не забирайте. Се делается только по силам, а не чрезмерно. Сейчас отдадите свой жары и силы, а потом? (...) Помните, ровнее идти надо к Господу. Путь далёк ещё. У Вас всё порывами, порыв может и пройти, а ровное шествие доведёт Вас до Царства Небесного. Со всеми будьте мирны, к Господу возводите все свои дела, пред Ним ходите, а не перед собой и людьми.

Родная моя, не было случая ответить Вам. Спасибо большое за Ваше прекрасное письмо и готовность помочь в пении. В теперешнее время я особенно ценю Ваше желание.

Как-то Вы сейчас живете? Относительно Вал[ентины]⁹⁹¹, которая когда-то была у нас, можно, пусть поёт и читает – только осторожнее узнайте, где она была это время и о ней у о. А.⁹⁹² (если она там была). Сейчас такое время. (...) Никогда не поручал Вас никакой старице, и пренебрегать общением с Марией Николаевной⁹⁹³ не советую. Вы много в смирении от неё или, вернее, через неё получить пользы можете, как от сестры. Пишу Вам это от всего сердца.

Ещё раз благодарю Вас за Вашу заботу о хоре. Храни Вас Господь.

Шлю Вам благословение Господне, родная моя! Как Вы там живете? Очень мне не по душе, что Вы у своих и так долго, и больно мне за Вас. Последнее время Вы очень несправедливы ко многому, что Вам дорого и без чего Вы, по-видимому, и жить-то не можете. Как бы ни сложилась жизнь Ваша, я усердно прошу Вас помочь с М. кан.⁹⁹⁴ вместе сейчас в пении. От всего сердца благословляю Вас с ней на духовную дружбу. Поговорите с ней обо всём, а затем с регентом. Его нужно ввести Вам в курс наших напевов, тональностей и т. д. Не время и не место нас переучивать, когда и спевок-то нет. Н. Гр.⁹⁹⁵ прислушивался и первое время не управлял. Прошу Вас, помогите сейчас в этом, помогите терпеливо, с любовью.

Я о Вас помню и молюсь. Беспокоюсь. Господь даст, Вы посетите своего отца. Я делаю так, как лучше, а Вы до сих пор часто не понимаете меня.

Простите меня.

Благословение Господне на Вас, родная моя! Поздравляю Вас с наступающим днём Преображения Господня и желаю Вам дальнейшего доброго изменения. И мне, и Вам очень полезны скорби. Ими спасаемся и, если будет вложено нами в них терпение с надеждою на Господа, то спасёмся Его благодатию. Поэтому не унывайте. Прошу Вас об этом. Уныние окрадывает Вас и не даёт Вам настоящего подвига.

С любовью и благодарностью вспоминаю Вас.

Храни Вас Матерь Божия!

Я всё прихварываю, да и ребята мои болеют.

Спасибо Вам за письмо. Очень рад, что повидались, наконец, со своими. Шлю Вам благословение Господне! Поздравляю с наступившим новолетием и наступающим праздником Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Храни Вас Господь! «К себе восходи, человек, буди нов вместо ветхаго, и души празднуй обновления, дондеже время жития; да обновляется тебе всякого жития путь...»⁹⁹⁶

Будьте всегда с домашними в мире. Прошу Вас об этом.

Шлю Вам, родная моя, благословение Господне. Очень радуюсь за Вас. Убедился, что во многом Вы сдвинулись, что подход Ваш изменился к людям в хорошую сторону. Очень мне это дорого, ибо я лично убедился в этом.

Храни Вас Господь! С наступающим днём ангела Зины!⁹⁹⁷

Зачем же Вы так? Ваше письмо очень меня опечалило, а отъезд к своим особенно огорчил. Прошу Вас, поговорите с С.⁹⁹⁸ Даю Вам слово, что если Господь благословит, увидите с отцом своим. Но такой, как писала письмо, не хотел бы. Как Вы не понимаете всего? За Вас молюсь и жалею Вас. Помогите регенту. Очень прошу Вас и поручаю Вам с М. кан.⁹⁹⁹ устройство всего.

Храни Вас Господь!

Как можно допускать до того, чтобы мучило прошлое? Зачем это? М. С.¹⁰⁰⁰ теперь уже нет, да есть ли, в чем ей можно завидовать? Приближается праздник Казанской Божией Матери. Приготовьтесь, причаститесь. Поздравляю с наступающим праздником. Помогите в пении, чем можете.

О хлебе насущном не заботьтесь – Господь питал, Он пропитает. Не оставляйте шитья. Это Вам очень полезно.

Храни Вас Господь!

Простите меня. Молитесь.

Что Вы, родная, с Богом нет одиночества. *Вскую прискорбна еси, Душе моя? и Вскую смущаеши мя? уповай на Бога (Пс. 41:6 и 12; 42:5).*

Господь да простит Вас в покаянии Вашем и полном раскаянии. Куда замуж, что Вы? Вам, которая плачет о каждой, вступающей на эту дорогу, Вам, которая с ранней юности отдала себя служению Господу, Вам, которая не вынесет детских страданий современности безрелигиозной. Что вы! Это явное искушение. Написал Вашей тете, с ней и поговорите. Сейчас время исповедничества, не унывайте. Разберитесь, возьмите по силам. Никогда Вас не забуду, и не оставят родные

в Господе, и Сам-то Христос разве не с Вами? Вспомните Зину¹⁰⁰¹. Подробно с тетей. Молюсь и помню. Спасибо.

Радуюсь за Вас, родная моя, что пришли опять в прежнее бодрое устройство. Зачем Вы не бережете себя? Прошу Вас, всмотритесь в жизнь Вашу. В день 9/22 разве, дочка, Вы были правы? А Вы лишь обвиняли окружающих Вас. Зачем всё это? (...) Прошу Вас, занимайтесь. Если будет возможность, хорошо съездить, как Вы писали, во Владимир, а затем и поступать на службу. Попробовать бы надо. Там как Господь уже устроит. Многие лезет к Вам в голову от того, что Вы не делаете ничего, даже бросили готовить уроки. Зачем это так, родная? (...) Почему всё осуждаете? Зачем у Вас по отношению к ней столько гордости? Как-то серьёзно нужно взглянуть на взаимоотношения друг с другом. Никто никому не обязан: во Христе лишь живём все.

Болею сейчас очень. Прошу Вас спокойнее, рассудительнее, к своей душе бережливее, осторожнее. Проверьте себя, в Д.¹⁰⁰², говорите, там Вам легко и хорошо, и вместе с тем 9/22 такое состояние с родными? Вообще же принимайте Св[ятые] Тайны, а подходить так часто к духовнику теперь не такое время – приложитесь к преподобному¹⁰⁰³ лишний раз, когда бываете там – это вернее и спокойнее. Шлю Вам благословение Господне.

Простите меня Христа ради.

Что с Вами, родная? Почему молчите? Я уже давно ничего о Вас не знаю и очень беспокоюсь. Пожалуйста, сообщите, как Вы, что с Вами? Как молитва Ваша, где живёте? Как успехи в ученье? Я ничего не знаю. Прошу Вас, молитесь за меня, и надеюсь, что Господь подкрепит вас в трудные минуты.

Шлю Вам благословение Господне.

Берегите душу свою и семью свою, Богом Вам данную. Христос с Вами!

Родная, нездоров я и не могу написать так, как хочу. Хочется спокойно и ласково написать Вам о той скорби, которую

причинили Вы мне. У меня их сейчас вообще немало, но, глядя на то, как Вы сейчас живете, я не могу молчать.

Вспоминается мне служение семье, служение близким, единение с ними, любовь к ним – всё, что когда-то в день преподобного Сергия так обстоятельно было сказано одним из наших батюшек. Где всё это в Вашем сердце? И как написать мне, недомогающему, так об этом, чтобы вместо обычной обиды (а так часто бывала она при словах моих у Вас) Вы почувствовали правду слов моих? Ушли от семьи, от той, с которой соединил Вас Господь, ушли в труднейшее для неё время и вместо служения ей занимаетесь самоуслаждением, самослужением. Почему не с семьей? Почему и тогда же, когда Батюшка с ней (9/22), Вы опять по-своему, опять пренебрегаете ею, опять только о себе и себе. Почему, родная, у Вас нет времени на учение, а на беготню так далеко и для здоровья зачастую губительную (ибо не вовремя ложитесь), на это всё хватает. И даже, по письму это чувствуется, делаете с услаждением. Сирот бросили почему? Потому что сиротства своего пред Богом не чувствуете. Нехорошо мне, писать много не могу. Понимаете ли Вы меня? Никоим образом петь Вам не надо там – нет, ведь Господь дал отдых Вашему больному, перетруженному горлу, и отнюдь нельзя ходить ежедневно, как Вы мне написали.

Много хотелось написать Вам. Трудно мне, подождите. Но главное написал. Где семья-то Ваша, где служение ей? Где же годы, проведённые вместе, где они? Мало ли что где не нравится. Но разве так надо подходить Вам, долженствующей примером быть для других?

Что ещё написать Вам? Хотелось, чтобы Вы поняли меня, не обиделись, а, в Господе приняв, увидали бы так, как это есть на самом деле.

Христос, родная, с Вами. Берегите семью.

Спокойно и в радости входите в Святой пост, быть может, последний в доме Божиим. Господь устроит всё. Не унывайте. Не будете одна, вот увидите. Как устроились со столом, так устроится и общение с людьми, Вам в Боге необходимыми.

Простите меня за всё пред вхождением в Святой пост. Поститесь в меру, посоветуйтесь, с кем надлежит, о мере, особенно в середине поста. Мне сейчас не видно отсюда состояние Вашего здоровья. Не унывать! С Богом в великую школу годового круга! Помолитесь за меня в эти дни. Буду с Вами.

Не унывайте! Одной не останетесь. За Вас молюсь. Сейчас так мне хочется к вам всем.

Благословение на Вас! Желаю Вам действительно подвигом добрым подвизаться, течение поста совершить, главы невидимых змиев разрушить и неосужденно поклониться и Святому Христову Воскресению¹⁰⁰⁴.

Беспокоит меня в Вас совсем не то, что Вас самое. Слушаться надо тех, которые Вам говорят о Вашей мере, и не заниматься своими доводами и соображениями. Раз определили такой пост – и принимайте с радостью; то же и о поклонах. А вот Ваше обычное: «благословите делать их потихоньку, ну, хоть за утренними и вечерними молитвами по три поклона, кроме пяти». Что значит «потихоньку»? И от кого «потихоньку»? Вот привыкли всё «потихоньку», так можно и дойти до того, что «потихоньку» от одного духовного отца, «потихоньку» от другого духовного отца, и так далее. А духовных отцов у некоторых бывает много (я понимаю тех, которые бегают по всей Москве), так и вся жизнь может состояться из этих «потихоньку».

Вы же и не становитесь никогда на этот путь. Если бы я нашёл нужным изменить, что Вам сказали, можно было бы и без «потихоньку». Чтобы больше и в мыслях ничего подобного не было! В церковь ходите, как говорит В.¹⁰⁰⁵, а если действительно народа много бывает, на стихиры утром можно и зайти в храм, это совсем не трудно и не рано. За это Вас Господь не оставит. Может, и последние дни служите. Днём же отдыхайте больше. Об исповеди пишу отцу Борису¹⁰⁰⁶. Он Вам всё скажет. Храни Вас Господь.

Будьте хорошей, будьте послушной, будьте дочерью Божией.

Обязательно надо покаяться на исповеди, а не подходить только за разрешительной молитвой: Какое здесь может быть раздвоение, как Вы писали. Мы исповедуем грехи свои пред Богом. Если Вам трудно, то, принимая во внимание, что Вы письменно исповедали мне грехи свои, Вы можете не передавать подробностей того, что Вы написали, сказав всё же наименование греха. Это необходимо. Так навсегда и запомните.

При первой же возможности непременно причаститься Св[ятых] Таин.

М-а¹⁰⁰⁷, за работу Господу!

Поздравляю Вас с наступающими праздниками. Не надо мне столько писать, это утомляет Вас, вредно для Вашего сердца. Пишите, но с мерой для сил своих.

Христос с Вами, родная моя! Не было тут случаев – получил сразу пять писем Ваших. За одни порадовался, за другие поскорбел. Спасибо за описание путешествия, с радостью читал его. Конечно, всё это так, как Вы написали в этом письме. Главное, что Вы ездили с С¹⁰⁰⁸. Я нарочно отпустил Вас, потому что она наиболее подходит к Вам в своих тайных стремлениях к Богу. С другой я бы не отпустил. Отчего Вы унываете? Благодарите Господа за всё! Живите Им, служите Ему. Взгляните серьёзно на жизнь. Я делаю как Вам лучше. Никогда Вы не были довольны своим отпуском. Это у Вас обычная болезнь.

Подумайте только, можно ли бы Вам отдохнуть, как Вы пишете, у меня? В одной комнате помещаюсь я, в другой все дети, матушка и Ман. Дети Вам вскружили бы голову. Что Вы? Для чего я Вам нужен? Помолиться, побеседовать, побыть в Боге вместе? Всё это, конечно, по-настоящему можно, когда не будет этой суеты. Больному человеку нельзя было бы здесь выдержать с пользой. Говорю Вам верно. Лиза, Нюнька¹⁰⁰⁹ капризные, плачут.

Вы опять говорите о постриге, а год проходит зря. Помните, я говорил Вам, подготовка – это не игрушка ведь. Вы не заметите, скоро год пройдёт. Это первый год Вашего испытания.

Смотрите, не пропустите того хорошего, что можете получить. Болезнь Ваша наполовину от сердца больного, наполовину от уныния, зависти и так далее. Всё же должен сказать Вам, что Вы меняетесь. Нет в ваших письмах прежних грубостей, дерзостей, и это меня очень радует. Вы становитесь другим человеком. Слава Богу.

Я Вас прошу, если будет Вам лучше, посещайте храм, помогите в пении, можно ведь и сидеть больше. Дома тоже трудно. После Погребения Божией Матери приезжайте ко мне. Вам матушка скажет. Не сетуйте на меня. Я не имел Ваших писем и не мог сам писать. Храни Вас Господь!

Поздравляю Вас с наступающим праздником Феодоровской иконы и Батюшкиной памятью! Забываете Вы всякой глупостью голову, что Вы одинока, что все Вас забыли, что жить Вам не на что будет и т. д. Стыдно мне за Вас становится. Сама же просит благословения шубу купить – стало быть, есть на что. Стало быть, слава Богу, живёте. Ну как же Вам не стыдно? Жили, жили, не нуждались ни в чём, сейчас шубу покупаете на будущий год, а окаянный шепчет: как будешь жить? как будешь жить? А Вы уши развесили. Всё Вам от этого и не так. К отцу Сергию не можете, к отцу Борису не можете – что это такое? Скорее исповедоваться надо, да и выкинуть из головы. Здоровье нужно беречь. В храме и посидеть. Тогда и батюшки будут хороши, и смогут помочь Вам. Бежать, что же, можно и бежать – никого не удивите; теперь и священники снимают сан, а Вы, что, такой же поступок, в своей мере, хотите и сами совершить? Бросьте-ка всю эту дурь.

Поздравляю Вас с наступающим днем Вашего ангела! Дай Вам Господь душевного мира и тихой радости. Всё обошлось у Вас с отцом Борисом благополучно. Пусть это будет Вам на пользу. На кривую не вступайте, шествуйте по прямой. Писать о своей прежней работе так, как Вы писали, не надо. Пока и собирать не надо. Я отдельно после напишу. Карточку тоже устрою, но не теперь. Будут просить все. Подождите, обязательно дам.

Желаю Вам сделаться доброй, любящей. Скоро наступает пост. Если благословит Господь, проведите его в тишости и в посильном посте, памятуя, что главное в служении Господу внутреннем.

Заболел, лежу, очень трудно эти дни. Желудочная боль замучила. За письмо спасибо. Радуюсь, что Вы приняли Св[ятые] Таины, радуюсь, что боретесь с собой. Но всё-таки многое печалит меня. Тон Вашего письма о В.¹⁰¹⁰, что Вас залечили, именно тон письма мне очень не нравится, христианки (тем более – желающие иночества) так не пишут. Если хотите лечиться у гомеопата, что же, и там лечат хорошо. Только у Вас всё внутри, сердце Ваше лечить Вам нужно самой. Оно, прежде всего, болит и обостряется от страстей Ваших – зависти, злобы, осуждения, гордости – всё это как схватит Вас, как начнёт вертеть – да ещё к тому же письма... Писать можно (говорю это по-хорошему) не так много. Это очень утомляет сердце – Вы всё переживаете, и нужное и ненужное, с большой силой. Полечитесь у гомеопата, но никогда не говорите так о людях, которые делали Вам добро. Стрихин – совсем не такая вещь, как Вы написали, но главное в Вас – Вы всё время своё сердце «сами мучаете». Вот и больно за Вас. (Будущая инокиня отказывается от поздней обедни, почему?) Разве не всё равно в среду и пятницу пойти в храм, устали – посидите... «Мне больше нравится ранняя», – пишете Вы. Посмотрите на отца Бориса. Делает всё подряд, и в этом близок он Отцу Небесному. Читать мне это было больно. Прекрасное, покаянное письмо – и вдруг опять личное... Я же обращаюсь к Вам как к желающей быть инокиней. То же и в отношении поездки ко мне. Великий грех Вам, что око Ваше лукаво – и много раз Вы зря говорили, что поехали, иногда это было верно, иногда нет. А Вы постоянно вели учёт, сами наблюдали, да и другим рассказывали. Не стоит так, родная.

Конечно, повенчаться сестре лучше, но разве можно венчаться, если он не разведён по-церковному? Это всё нужно узнать, как следует. Молиться за неё надо. Но считать её в браке мы не можем. Обижать её не надо, но и успокаивать тоже

грех. Готовьтесь к поездке ко мне. Прошу Вас, собирайтесь в мире, примирённая со всеми, в особенности, на кого что имеете. Многим не говорите о поездке, совсем не такое время. С матушкой решите о времени, смотрите и на здоровье. Не потеряйте в поездке, а приобретайте от неё.

Как хочется мне, чтобы сердце Ваше, зачастую завистливое, лукавое, подозрительное, злое, переплавлялось бы в любящее, жалеющее, искреннее, чистое. Вы иногда ведь такой и бываете.

Воистину воскрес Господь! Спасибо Вам за поздравление, получил Ваши оба письма. На первое отвечу раз и навсегда в следующий раз. На Пасхе не стоит об этом говорить. Больно! Через недели две, а может, и раньше получите. Сейчас же хочу написать Вам только хорошее, чтобы Вы почувствовали глубже праздник. Исповедуйтесь пока два раза в неделю. Если встретится большой праздник, то, конечно, не в счёт. Помогите в пении. Усердно прошу Вас, это главное. Чему хотите учиться, напишите, а то Вы только всё упоминаете «курсы, курсы».

Примите мое благословение. Христос с Вами! Ждите письма. Но помните: раз навсегда надо вырвать с корнем...

За праздничное поздравление сердечное спасибо. Дай Вам Господь остаться такой хорошей не только на Пятидесятницу, но и на всю жизнь.

«Любите людей, служите им». Егда же умы ноги их, приреты Своя, возлег паки, рече им, весте ли, что сотворих вам? Вы глашаете мя Учителя и Господа, и добре глаголете: есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель: и вы должны есте друг другу умывати нозе; образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите (Ин. 13:12–15).

Не хотелось мне в пасхальную седмицу отвечать на Ваше письмо, да и сейчас отвечаю на эти вопросы последний раз в жизни. Помолился, и пишу Вам.

«Сын мой, – говорит Премудрый, – если желаешь послужить Господу, приготовь душу свою во искушение» (ср.: Сир. 2:1). Да, многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие

(Деян. 14:22). Не страшны скорби, страшно видеть скорби там, где их нет, и не видеть там, где они есть. *Тамо убояшася страха, идеже не бе страх* (Пс. 13:5).

Скорби у Вас большие, но совсем не те, о которых Вы мне сообщаете. Ваши скорби: Бога оставляете, службу Ему (может быть, последний год) бросаете, других обвиняете, своих грехов не видите. Отсюда скорблю о Вас, горько мне – Вы ведь батюшкина. Повторяю: пишу об этом последний раз в жизни, ибо много раз говорил Вам и глухи Вы были к словам моим. Из любви к Вам еще раз пишу Вам.

1) «Я ничему не обучена». Вы были научены главному в жизни: молитве и служению Богу. Это было Вам заложено Батюшкой. Богослужение развито и мною. Где это всё?

«У меня есть потребность работать, быть деятельной участницей в каком бы то ни было деле. В храме теперь, как вижу, я не нужна – без меня дело обходится хорошо». Я здесь часто скорблю и плачу о родном своём храме, о богослужении, и вдруг те, кому поручено богослужение, от него отказываются, заявляя: «Моя пятница, а дальше я знать ничего не хочу». Если бы поболела Ваша душа о храме Божиим, если бы почувствовали Вы, что до последнего надо сохранять богослужение, разве считали бы Вы себя ненужной, а богослужение – богадельней? Слова-то какие у Вас стали! Я много раз говорил Вам о регенте. Раз Вы и теперь считаете, что взят он для М. С., то просто теперь скажу Вам! Пусть слово Ваше станет пред нами и Богом на Страшном Суде. Пусть Он, ведающий тайная, кого-нибудь из нас осудит. Больше я никогда в жизни к этому не вернусь.

Опять пишете, что здоровья нет. Да и как оно будет при таких условиях? Главное дело не считаете своим главным делом, не видите его, не чувствуете, не страдаете за него. Если бы захотели, разве Вам не помог бы Н. Гр., не показал бы!

2) Инструмент у М. поставлен для обеих вас. Я, к несчастью, больше не учил ни Вас, ни её музыке, как Вы заболели. Осенью хотел, не пришлось, уехал. Пусть то, что Вы пишете о её занятиях, также станет нам на суде Божиим, ибо я много раз говорил Вам, даже и на исповеди. Бог с Вами!

3) С регентства Вас никто не снимал. Взят только регент, а Вы в праздники не могли по состоянию здоровья управлять, да не только врачи, но и Вы сами (вспомните) много раз просили меня снять Вас с послушания, но до регента управлять за службой, я не соглашался.

4) «Теперь у меня нет ничего, я вольная во всём. Хочу – иду в храм, не хочется – дома сижу, занимаюсь суетными разговорами... Меня теперь более тянет к миру». Проверьте свою совесть, кто в этом виноват? Я только плачу, читая это. Бог с Вами! Не болеете душой за храм, не болеете душой за Батюшку: если уж Вы так, да развалиться всё может... Ну да ведь насильно мил не будешь... Душой надо всё переживать.

5) Посмотрели бы, как здесь люди живут. В такой комнатке, как Вы, 30 человек. В два этажа¹⁰¹¹ и вповалку вместе с детьми. Проходу никакого. Даже с боку на бок трудно перевернуться – а Вы говорите: «Вы не поняли прошлого положения, в котором с з.¹⁰¹² оказались и жили некоторое время чьим-то подаянием. Если бы Вы поняли, как тяжело из чужих рук...» Да я спрошу Вас: сколько же это было времени? Месяц, ну чуть больше! Да кто же. Вам давал? Я распорядился, я просил С. И.¹⁰¹³, Вы скажете: мало, – да у нас сразу всё оборвалось с моим отъездом, ещё не было налажено (а здесь и просфоры перестали продавать) – это всё временно, как наладилось, так и изменилось. Вы не одна, кому нужно помогать, и сразу меня нет, и Лид[ия] Ал[ександровна]¹⁰¹⁴ такую штуку выкинула... Чего мне понимать или не понимать, когда я больше всех мучился, и вовсе не за Вас одну только.

6) Первое Ваше дело – храм, и до тех пор пока не вспомните Вы, как грешны Вы против храма, как грешны против Божией Матери, святых угодников наших, в дни памяти которых не раз приходилось Вам причинять те или другие трудности храму, богослужению, отцу духовному даже и окружающим, – не вернуться Вам на Ваше место помощницы Божией Матери и святых угодников в их святом храме. Раньше я так и считал Вас помощницей и слугой Божией Матери и угодников Божиих, на эту дорогу поставил Вас и Батюшка. Самое главное, почувствовать себя помощницей в этом великом деле

богослужения. Найдутся и для Вас дни управления. Было бы желание Ваше. Я от всего сердца со слезами благословляю Вас на этот путь.

(...) Считая Вашим главным делом храм, я никогда не отказывал Вам в желании учиться. Мне очень хотелось и раньше, чтобы Вы учились шить, кроить, вышивать. (...) Что же из этого получилось? Вы перестали... Вот Катя Горячева занималась все годы, теперь самостоятельно шьёт и вышивает, зарабатывает.

Прошлый год Вы были больны, но я хотел для Вас не с Е. М.¹⁰¹⁵, а с нашей одной превосходной работницей устроить занятия; помню, говорил с Вами насчёт глаз, насчёт очков. Припомните. Осенью этого года уже обязательно. Хотел, меня взяли сюда. Я не отказываюсь и теперь. Считаю, что на курсы Вам не стоит только. Осенью нужно это сделать. Но опять всё в Вас... Доводите своё здоровье... В старину грех изображали так: змея, которая сама себя кусает. Вот Вы сами расстраиваете себе здоровье и этим отнимаете всякую возможность занятий.

7) И теперь, и в прошлом внутри у Вас не всё благополучно. Вы же всё вовне обращаете взоры и беды видите не там, где они есть. И Батюшка был – и тоже трудно, и я был, так же и сейчас меня нет – опять старое. Разлука усиливает любовь и утончает сердце. Дай Бог, чтобы Вы почувствовали, что храм поручен Господом Вам, что Вы в исключительных условиях, можете написать мне, что духовник у Вас – мой ученик и т. д. Но главное, поставьте и разрешите основной вопрос: желаете ли Вы идти путём Божиим, желаете ли Вы служить Христу. Желаете ли вы готовить душу свою на искушения... Без этого ничего не выйдет, и друг друга мы и дальше не будем понимать. С этим же, решив служить Богу, многое поймёте. 1) Беда в том, что меня нет. Да, это серьёзно, но вспомните, и я горько плачу по всех и храме и считаю, что по грехам нашим (а этого у Вас и нет) разъединены, 2) беда действительно в том, что Вы одна в смысле духовного воздействия, и мне удивительно было читать, что у Вас сил нет посещать Марию Николаевну¹⁰¹⁶. Это уже прямо от диавола. Посмотрите, сколько людей вокруг Вас, а Вы замкнулись в себе. Попросите у Марии Николаевны её записки

о Батюшке. Они Вам сейчас много дадут. В общении с другими можно преисполниться смирения и получить горячность. Желая исправляться. Бог даст, и увидимся, но когда изменитесь к лучшему, тогда и полезно будет. Ко мне вовсе не так часто ездят. Я здесь не один живу, друг другу помогаем.

Оттого, что так себя ведёте и поддаетесь страху, *идеже не бе страх* (Пс. 13:5), и осуждаете других и отца своего там, где нужно благодарить, оттого и плотские помыслы. Духовнику о них говорить надо. Вот так: помыслы плотские – в них медлю. Раз покаяться, а там стыд не позволит грешить. Вы так вот иждиваете своё время, а Ал. Ник.¹⁰¹⁷ прислал мне замечательное поздравление. Если бы Вы так поняли меня, как он, удивительно. Только не болтайте никому, а то он узнает...

Всё, что Вы написали, результат плохо (в гордости) проведённого поста. Молитесь Господу, чтобы Он снял с Вас эти помыслы. Я пришлю Вам молитву, но её нужно ещё получить из дому. Пока же читайте молитву Иисусову всё время при их нашествии. Осуждение всех и вся (теперь о. С.¹⁰¹⁸) Ваш основной союзник для этих помыслов.

Храни Вас Господь. Исповедуйтесь в положенное время. Не осуждайте. Господь примет Ваше покаяние и изведёт Вас из этого состояния.

Как я буду без церкви и вас всех эти дни? Не унывайте! Зачем так? Самое главное – не поддаваться настроению, иначе всё пойдет вверх дном. Здоровье расстроите и сами растеряете всю душу свою. Напишите мне подробно. Я отвечу. Милость Божия, что у Вас храм и Вы можете встречать по-настоящему праздники. Вот и встретьте, не пропустите. Я бы и рад сейчас, да невозможно.

Шлю Вам благословение на окончание Страстной [недели] и Св[ятую] Пасху!

За просфору сердечное спасибо. Очень мне это дорого. Живу приблизительно как Вы. Вдвоём в комнате. Вспоминаю Вас. Суетно. Да на всё Его воля. Давайте помнить, что тысячи

людей хуже нас живут. Не надо, не надо унывать. Терпели от Господа хорошее, почему же не потерпеть и трудное.

Храни Вас Господь!

Спасибо Вам за письмо, а главное, за отца Иоанна Кронштадтского¹⁰¹⁹. Я верну, только сейчас он мне нужен. Спокойно продолжайте свой путь. Перегородиться стоит. Как это практически сделать – на месте виднее. Спасибо за подобны. Теперь редко придётся писать мне. Не унывайте. Надеюсь временно. Людм. Варф.¹⁰²⁰ соглашается пока, слава Богу. Устроится и другое. Чуть-чуть потерпите. Молитесь за меня.

Храни Вас Господь. Позиций своих в Боге не сдавайте. З.
¹⁰²¹ несчастная сама. Жалейте ее.

Мине Тимофеевне¹⁰²²

Слава Богу, родная моя Мина, что написали мне. Давно бы надо. Успокойтесь, всё это не от Господа, а от похотей вредных и воспоминаний лукавых. Я записал в своё поминание Аполл.¹⁰²³ и буду его поминать.

Жизнь Ваша течёт определённым образом, и Господь Вас ведёт по иному пути. Думаю, что это смущение пройдёт, что снова обратитесь Вы всем сердцем к Господу и пройдёт у Вас и взаимное непонимание с сестрой Вашей¹⁰²⁴. Всё ведь, наверное, из-за пустяков. Буду за Вас этот пост особенно молиться. Вы же читайте каждый день псалом 41-й. *Вскую прискорбна еси, душе моя? и Вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповеся Ему, спасение лица моего и Бог мой* (стих 6).

Храни Вас Господь!

Родной моей многострадальной дочке шлю благословение Господне и низко, низко кланяюсь образу Божию, в ней живущему. Среди физической и душевной трудности душа моя неоднократно рвалась к Вам, желая, хотя чем-нибудь облегчить Ваши терзания. Спасибо Вам, дорогая моя, что нашли в себе силы написать мне. Надеюсь, что Господь Сам смягчит скорбь Вашу и даст Вам возможность не глазами чувства, а очами веры воспринять совершившееся. Не «опустошена душа» Ваша, не «сломлена Ваша жизнь», не «надломлено Ваше сердце». Что Вы, что Вы, дочурка! Очи веры скажут Вам: обогатилась ещё более и дотоле не бедная душа Ваша, укрепились, как никогда, Ваша жизнь, и к новой жизни обновилось Ваше сердце.

Вы одна из очень немногих, у которой в полноте раскрылись великие возможности Таинства брака. В своём несчастье Вы счастливая. Вы любили и были любимой. Как глубоко извели Вас тайную красоту жизни двух в одном. Даже письмо Ваше, при всей его тяжести, свидетельствует о радости найденного и понятого через страдание последних лет. Вы счастливая, Наташа, Душа любимого, доставлявшая когда-то Вам и скорби, раскрылась перед Вами во всей своей красоте и подвиге. Для нас нет мёртвых¹⁰²⁶. Жив и Ваш дорогой Серёжа. Сам страдающий пишу Вам – примите с любовью, как из глубины моего существа идущее. Радуюсь за половину Вашу. Прекрасная жизнь, прекрасное увенчание.

Зачем скорбите, что позволили ему приезжать. Ведь это-то и есть его подвиг, ведь через это-то и открылась Вам душа его и выявилось великое и преславное Таинство брака. Господь милостиво предохранял Вас на два месяца. А Вы бунтуетесь и не принимаете, как милость, Ваше незнание. Глазами чувства – разделяю всё желание Ваше быть при его отшествии, очами веры преклоняюсь пред Господом, вижу великое очистительное таинство в совершённом таким образом преставлении. Верю, что глаза чувства понемногу заменяются и заменятся в Вас очами веры и много радости найдёте Вы в том, что считаете

сейчас источником невыразимых страданий. Помните, что сказал отец Иоанн¹⁰²⁷ Батюшке в условиях, тождественных¹⁰²⁸ с Вами? Надеюсь, что и Вы найдёте в себе силы понести свой жизненный крестоносный опыт другим страждущим и нуждающимся в Вашем служении. Это и Вам будет путь окончательного примирения с Богом и уяснением до конца Вашего личного страдания. Простите меня, любимая дочка. Писать не могу. Простите, плохо, нездоровится.

Вы мои ум, и сердце, и душа, вы мои родные милые сироты, – я ваш отец. Переношусь мысленно в наш храм, украшенный цветами и залитый светом, и ликую Воскресение Христа, и в то же время и плачу, видя, как праведные веселятся в Небесном Царствии, а я чувствую себя грешным, одежда моя разодрана и черна, и восклицаю: о Владыко, востани и мне падшему подай воскресение¹⁰²⁹.

Осиротели дети, остался один отец. *Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе (Пс. 132:1), вкупе здесь и вкупе там.*

Слава Богу за всё!

В день Казанской Божией Матери был назначен на осмотр врачей, в день преподобного Феодора меня отправили на курорт¹⁰³⁰ – и в этом я вижу волю Божию, призывающую меня едино служить Единому.

Берегите ваших священнослужителей, помните, что вы можете остаться совсем без иерея Божия.

Пишу вам, друзьям моим, богомольцы не вместят, *будьте мирны (2Кор. 13:11), друг друга назидайте (1Фес. 5:11), друг друга утешайте (1Сол. 4:18), друг друга тяготы носите (Гал. 6:2).*

Моя жизнь в вас, без неё нет никакого смысла. Не ищите себе нормального руководства – его не найдёте, а если и найдёте, то на короткое время.

Молитесь за меня, особенно в мои пятницы и воскресенья. Когда мне бывает особенно тяжело, я чувствую ваши молитвы,

они меня окрыляют. Все вы у меня в сердце, теперь же стали ещё ближе. В разлуке сердце утончается и любовь усиливается.

Дорогие мои, любимые!

Всем сердцем надеюсь, что увидимся ещё в этой жизни. А пока живём по-разному: у вас много новых лиц, вы живёте новой жизнью, я по-прежнему один и живу прежним. Это позволяет мне по временам с любовью и бережностью вспоминать каждую из вас.

Шлю вам пожелания душевного мира.

Всегда помню, люблю. Спасибо за всё!

Уже одно то, что Вы написали мне, родная моя, говорит за то, что в душе Вашей была, есть и будет жизнь в Боге. Дело лишь в степени. Вам сразу хочется получить высшее – ибо Вы только и признаёте его. Не в Вашем характере питаться от крупниц, падающих от трапезы. Но, видимо, в духовной жизни каждому нужно через это пройти. Вам же это трудно, очень трудно, но не невозможно. Вы, не желая получать крупницы, готовы отрицать и возможность для себя получения этих крупниц. Христос испытывал хананеянку именно с этой стороны. Помните её ответ? – *Ей, Господи, и пси ядят от крупниц падающих от трапезы*. Сказала так, вернее, почувствовала так, а получила всё просимое, исцелилась дочь её¹⁰³².

Сердечное Вам спасибо, что вспомнили обо мне. Я ни в какой степени не заслужил от Вас такого отношения – ничего ведь сам для Вас не сделал. Простите меня! Всегда считал и считаю Вас верующей; если бы Вы в таком состоянии даже и скончались, непременно бы отпел Вас и молился за Вас, как за христианку. Хотелось, чтобы мы ещё повидались, если это возможно будет с Вашей стороны.

Шлю Вам благословение Господне, родная моя. Вы ещё слишком молоды, самолюбивы, горды, а главное, ещё цените всё в человеческом масштабе. Ничего, ничего, настанут для Вас и иные времена.

Простите за небрежное писание, приходится на такой бумаге.

Храни Вас Господь!

Письма общине из ссылки (1929–1933)¹⁰³³

Письмо первое

Слава Богу за всё! В день Казанской иконы Пресвятой Богородицы, в конце ранней литургии начался наш первый осмотр в больнице. В день преподобного Феодора Студита нас отправили «на курорт». Вижу в этом великое знамение Божие на всех нас. Мать Божия благословила начатие нашего дела, преподобный удостоверил правильность нашего пути.

Не скорбите, а радуйтесь, ибо в испытаниях мы не оставлены небесной помощью. Тем более не скорбите за меня: Господь из сутолоки великой призывает меня на служение единого Единому, это в равной мере необходимо мне и вам, ибо вся моя жизнь – в вас, без вас нет в ней смысла. Не скорбите о себе, ибо у вас ещё остаётся величайшее, чего лишены многие, в том числе и я, – богослужение храмовое; берегите его, вот моя заповедь вам, не только моим детям, но и друзьям. Берегите богослужение, берегите священнослужителей родных по духу, связанных с Батюшкой¹⁰³⁴ крепкими узами преемственности.

Не ищите нормального духовного руководства, не такое сейчас время; и не найдёте, а если найдёте, то на мгновение. Переключайтесь друг на друга, назидайтесь друг от друга, укрепляйтесь друг другом, утешайте друг друга. Друг друга *тяготы носите, и тако исполните закон Христов*¹⁰³⁵ (Гал. 6:2). Помните, что можете остаться совсем без иереев Божиих.

Исключительность данного положения, сохранение священнослужителей и подготовка к дальнейшим испытаниям заставляет меня, отца вашего, поставить вас временно на путь сокращения подхода к исповеди и ко Святому Причащению. Иного выхода нет. Приимите это как волю Божию. Обычно причащались два раза в месяц и в праздники великие, теперь – один раз в месяц и в праздники великие. Готовьтесь тщательно к тем дням, когда будете приступать к Святей Чаше, это даст вам новую, ещё не ощущавшуюся вами радость.

Пишу вам, «другом своим», богомольцы не вместят пишемого. Вы же поймёте меня, ибо я пишу рукою отца, жалея

вас, и понимаю, чего я вас лишаю. Доверьтесь мне, исповедуйтесь у любого служащего у нас священника, помните, какое сейчас время.

Молитесь за меня. Как ни радостно принимаю я своё изгнание, но я человек и часто без слёз и душевного волнения не могу переживать здесь праздники и особенно вечера пятницы и воскресения. Молитесь за меня в эти мои дни, как молились вы до сего времени. Я чувствовал ваши молитвы, поднимали они меня на крыльях в трудные минуты. Молитесь за меня, чтобы дал мне Господь силы для нового служения Ему ради вас и от вас. Вы же все в моем сердце и стали ещё ближе, ещё дороже. Простите меня за всё злое, содеянное мною в мимошедшее десятилетие совместной с вами жизни. Поручаю вас всех Божией Матери, нашим святым угодникам Божиим и друг, другу.

От всего сердца поздравляю вас с наступающим великим праздником Рождества Христова. Храни вас Господь молитвами Пречистыя Своея Матери, предстательством святых ангелов, иже во святых отец наших Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца, святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена, преподобных Сергия Радонежского, Феодосия Тотемского, Серафима Саровского, Пимена Великого, Феодора Студита, Алексия, человека Божия. Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков.

1929 г.

Письмо второе

Дорогим моим милым деткам шлю сердечный привет. Земно кланяюсь каждому в отдельности и прошу прощения за всё. Не плачьте, не тоскуйте. Радоваться нужно, что и мне Господь уделил нечто из общей чаши страдания. Бог даст, найдутся и у вас, и у меня силы перенести это новое испытание. Душа моя всегда с вами.

Мне очень больно, что вы начинаете вести рассеянную жизнь. Понимаю, что не все могут сидеть дома. Можно похаживать и в гости, но зачем же, родные, там обедать, раз есть прекрасные столовые, где добросовестно готовят пищу? Пускай далеко – но ведь и вы не маленькие, не больные, не престарелые. Зачем оставлять без крайней нужды надлежащий путь? Не осуждайте других, делающих это. Сами блюдите себя. Теперь и слепые-то начинают видеть. Зачем же видящим терять очи?

В кротости, смирении, терпении идите на предлежащее вам, как детям отца вашего. Не покидайте его своим единомыслием, и Господь даст ему возможность утешиться этим в труднейшие минуты грядущих лет. Ведь и ему трудно. Простите, милые. Простите, дорогие, простите, любимые. Нездоров сейчас, поэтому пишу несвязно. Сердца же ваши любящие связуют слова мои воедино. Христос с вами. Помню, люблю, молюсь.

1929 (30?) г.

Письмо третье

Уж не я, отец ваш, а иные иереи Божии совершают с вами, детьми моими, вхождение во снятый Великий пост. *Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим (Иер. 10:23)*, но по-человечески хотелось именно этот пост – пост обновления моего иерейства, когда Минея сочетается с Триодью, как в год посвящения, – провести в родной моей покаяльной семье. Чувствуете ли вы, мои милые, как утренюет дух мой ко храму нашему, и как *вечер и зутра и полудне (Пс. 54:18)* устремляется душа моя к каждому из вас? С вами соединил меня Господь.

Я недостойный и паче всех грешнейший, но я пастырь, и сердце мое истощается, истощается до основания (ср.: Пс. 136:7) в разлуке с вами. Вы – мое дыхание, вы – моя жизнь, вы – моё радование. Вы не заслоняете мне Господа, а показываете, вы не отдаляете Его, а приближаете. Через вас познал я Господа, в вас Он открылся мне; с вами и от вас возносил я молитву Ему. Служа вам, служил Ему, видел по образу Божию созданную вашу красоту, возносился к Его неизреченной доброте; зная ваши грехи, оплакивал свои согрешения, видя ваше исправление, посрамлялся пред Ним и просил Его помощи в исправлении моей грешной жизни. Словом, многими годами через вас и с вами шёл к Нему.

Вы – мой путь ко Христу. Как же теперь пойду без вас? С глазами полными слёз шепчу слова молитвы: «Да будет, Господи, воля Твоя и во мне грешней»¹⁰³⁶. Не забывают меня! Помните, чему учил вас, хотя и недостойно.

Главное, пребывайте в единении духа, в союзе мира (ср.: Еф. 4:1–3). Помните, что и вам, пока ещё входящим, предстоят исходные песни. Вернитесь каждый к своему делу, забудьте что разделяло, объединитесь в исходе. Мало ли что с вами – конец венчает дело. Изойдите, как один, измывшись и очистившись. Облегчите мой крест радостью вашего покаяния. Как мог, учил вас ему, хотя и недостойно. И самый радостный день для меня

всегда был день вхождения в пост, день падения Адамова¹⁰³⁷. Вот когда особенно видел я в вас Господа.

Помолитесь за меня в этот великий день, попросите и за меня у Батюшки прощения. Верю, что нет на земле пространственной дальности. Христос силен и разстоящаяся собрать в соединение¹⁰³⁸. В этот день будем духом вместе, и вы, уходя из дома Божия, припадите к моим преподобным – земному моему ангелу и моему покровителю¹⁰³⁹, прося их принять ваше покаяние. Господь же обновит мою память, и я отсюда благословлю каждого. Вы же простите тогда припадающего к вашим стопам, просящего у вас прощения отца вашего, грешного и недостойного иерея Сергия.

Молитвами Пречистых, Преблагословенных, Славных Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и предстательством иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, преподобного Сергия, игумена Радонежского, чудотворца, преподобного Феодосия Тотемского, чудотворца, преподобного Серафима Саровского, чудотворца, преподобного Пимена Великого, преподобного Феодора Студита и святых ангелов-хранителей ваших да пребудет на вас благословение Господне во всю святую Четыредесятницу. Аминь.

1930 г.

Письмо четвёртое

Вместе со всей тварью в эту спасительную ночь веселюсь я и радуюсь, яко Христос воскресе и ад пленися¹⁰⁴⁰. В духовном восторге, обратившись в сторону родного нашего храма, украшенного теперь цветами, сияющего светом, наполненного ликующим пением вашим, осеняю, как бывало раньше, вас, родных моих милых сирот, святым крестом и возглашаю всем существом своим: «Христос воскресе, Христос воскресе, Христос воскресе!»

По-новому встречаю Великий Праздник: в одиночестве, как грешник величайший, глубже чувствую радость Воскресения, но нет во мне обычной пастырской полноты, всегда ощущавшейся мною в этот день. Поэтому стонет сердце, слезят вежды! Христос, наша Пасха, прииде, вас же, детей моих, нет со мною.

Не все поймут меня в этом, но вы поймёте. Чувствую, что у многих из вас сейчас на глазах слёзы. Да и как не плакать нам в нарочитый сей день друг о друге? Мы не только покаяльная, но и богослужебная семья, я не только отец ваш, но и предстоятель церкви нашей, вы не только дети мои, но и сослужители. В нас редчайшая полнота, почти не встречающаяся, – полнота покаяльно- богослужебной семьи. Я не нахожу ни в себе, ни в богослужении моего и вашего – всё переплелось, всё составило новый организм соборно совершающей служение духовной семьи.

Я жил вами, вы мной, все вместе через Божию Матерь, святых угодников наших и приснопамятного Батюшку – во Христе. Разве можно нас поделить? Скажите, где мои уста, где ваши? Где моё сердце, где ваше? Где моя душа, где ваша? Что в храме делалось мною, что вами? Чем я был для вас, пусть скажет сердце каждого. Я же скажу о вас: вы – моя уста, вами возносил я за богослужением свои грешные молитвы, вы – моё сердце, вы годами складывали в меня «своя тайная», и я всё знаю, что недостойно слагал в своём сердце. Теперь оно расширено вашими сердцами, и невозможно определить, что моё, что ваше. Вы моя душа – давно живу вашими радостями,

вашими скорбями; в лучшие свои минуты чувствую, что иной жизни во мне нет. Теперь взяли у меня мои уста, отняли моё сердце, вынули мою душу. Как же не сознавать мне, что по грехам нашим, и прежде всего моим, естественнейший наш союз Божиим велением пространственно рассекается.

Скорбя о вас, плачу в сей величайший день о грехах своих, и по-новому раскрывается для меня богослужение Пасхи. До сих пор оно было богослужением рая. Теперь – это богослужение рая, в котором ещё возможно покаяние. Детство, юность и первые годы священства прошли у меня с Батюшкой. Через него воспринимал я святую Пасху. Богослужение Батюшки, вообще особенное, не укладывающееся в обычные формы пения и чтения, на Пасхе становилось исключительным. Оно при всей своей простоте достигало такой высоты и выразительности, что зажигало, наполняло, потрясало, умиляло до предела. Приёмы нашего теперешнего богослужения – лишь слабый отблеск его пламенной души. Помните, как он христосовался, помните, как он читал Евангелие, помните, как он произносил слово Иоанна Златоуста¹⁰⁴¹? Ещё ребенком, присутствуя при батюшкином богослужении, я поражаюсь тем, как поёт он икос Пасхи. Сам не понимая отчего, я дожидался икоса с таким трепетом душевным, как и первого «Христос воскрес», как слова Иоанна Златоуста, как пасхального Евангелия. Батюшка пел его особенно, древним самоподобным¹⁰⁴², в самом напеве своем раскрывающим смысл и подчеркивающим значение тех или других выражений. Ликующий и радующийся в эту ночь, он вдруг как бы уходил глубоко в себя, и я чувствовал, что вся внутренняя его рыдает и оплакивает при словах: «О Владыко, востани, падшим подай воскресение»¹⁰⁴³. Кого оплакивает? Спасителя? Нет, нет, теперь я знаю кого – себя падшего...

Икос – замечательная покаянная песнь среди ликующего пасхального канона. Важнейшая песнь канона – кондак – раскрывает наивысший смысл праздника. Икос всегда дополняет и углубляет кондак. И вот – кондак утверждает воскресение Христово, как победу над смертью: «Аще и во гроб снизшел еси, Безсмертне, но адову разрушил еси силу, и

воскресл еси яко Победитель, Христе Боже, женам мироносицам вещавый: радуйтесь! И Твоим апостолом мир даруяй, падшим подай воскресение»¹⁰⁴⁴. А икос вместо углубления радости воскресения возвращает нас к оплакиванию Тридневного Мертвеца: «О другини, приидите, вонями помажем тело живоносное и погребенное, плоть Воскресившаго падшаго Адама, лежащую во гробе. Идем, потщимся якоже волсви, и поклонимся, и принесем мира яко дары, не в пеленах, но в плащанице Обвитому, и плачим, и возопиим: о Владыко, востани, падшим подай воскресение»¹⁰⁴⁵.

Разве место такому песнопению в центральной части пасхальной утрени? Это вне обычных законов богослужения. Как же можно плакать, когда уже изречено ангелом: «Престаните от слез»¹⁰⁴⁶? Как же молить Его: «Востани», когда Он уже воскрес из мертвых? Только душа истинно кающегося постигает это странное и преславное песнопение. Ликует и веселится ныне Сион¹⁰⁴⁷, и все в брачных одеждах входят в него вместе с Иоанном Дамаскином¹⁰⁴⁸ и прочими святыми встречать Жениха Христа, восставшего из гроба, и у меня внутри начинается радость, и у меня воссиявает свет, но одежда моя черна и разодрана. Господи, я ещё не связан и не извержен от ангелов, я ещё с ними, я ещё в раю, но вижу сам раздранную одежду мою первую, я ещё могу здесь покаяться, я вижу блаженство праведных, я вижу, что воскрес для них Христос, вот я и плачу, и взываю вместе с мироносицами: «Владыко, востани для меня, мне падшему подай воскресение!» Наивысшая точка торжества годового круга – кондак Пасхи – переходит в наивысшую точку покаяния годового круга – икос Пасхи. Икос Пасхи – это фокус, собравший среди ликования горнего Иерусалима всё покаяние поста и освещающий, в свою очередь, покаянным светом отсюда, с Сиона, весь богослужебный круг. Покаянным воплем прерываются пасхальные гимны, воплем, доходящим до глубины кающегося сердца, и [воплъ этот] открывает в нём, в сердце, рай.

Как новое слышу теперь, сейчас же: «Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим...

Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончата...
Добраго ответа на Страшнем Судищи Христове проа™...»¹⁰⁴⁹
Слёзы, покаянные слёзы душат меня, а в душе растёт, растёт
радость воскресения не только Его, но и меня падшего.

1930 г.

Письмо пятое

Отцы мои!

Господа ради друг от друга не разлучайтесь, поскольку ныне, в пребедственное время, мало найти можно, дабы с кем по совести и слово-то сказать.

Феодор Свирский¹⁰⁵⁰

Детям моим, вкупе пребывающим и в рассеянии находящимся, в день преподобного Сергия, семейного праздника нашего, шлю благословение Господне.

Никогда не забыть мне проводимых с вами дней памяти моего угодника Божия. Они положены в основу моего устроения, останутся навсегда для меня как дни исключительной пастырской радости и сугубо переживаемой пастырской скорби.

Маленький ручеек любви моего тесного, не изведённого на широту сердца едва струился в течение года вам навстречу; вы же, родные мои, в эти дни буквально заливали меня могучим потоком сердечной теплоты. Бережно сохраняемая, она и сейчас согревает моё охлаждающееся в одиночестве сердце. Как благодарю теперь Господа, пославшего вас на пути моем!

Помню, как смотрел на вас, отовсюду ко мне собравшихся, – сколько среди вас людей, одарённых дарованиями духовными, сколько преуспевающих в своём делании. Все вы несёте совершенно исключительный подвиг ответственного служения Христу в труднейших жизненных условиях, с непрерывным пребыванием в храме Божиим.

А я, последний из иереев Божиих, живущих и имеющих когда-либо жить, и я оказываюсь пастырем вашим; ко мне приходите вы с таким благоговением и такою любовью. Чувствовали ли вы, что мне, всегда за счастье считавшему пребывание с вами, в этот день хотелось убежать от вас, скрыться от всех полных любви взоров, отовсюду на меня направленных? Обличаемый каждым вашим благодарным словом, каждой приносимой просфорой, стоял я, бывало, в великом смущении и сознании своего ничтожества. Это была

моя, внутри переживаемая, глубокая покаянная скорбь. Вместе с ней и радость наполняла мою душу.

Я видел свою семью, несущую единые усты и единое сердце¹⁰⁵¹ к отцу своему, хотя и не начавшему ещё пути покаяния, хотя по лености души и многосуеутности жизни не приступившему ещё как должно к обновлению своего сердца, но всё же к отцу своему родному, в котором дети нашли святое, близкое, дорогое; к отцу, которого они понимают и который старается их понять. Это был праздник семьи. В душе поособенному звучали слова степенна¹⁰⁵² отца студитов преподобного Феодора: «Се, ныне что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе, в сем бо Господь обеща живот вечный»¹⁰⁵³. Наступают часы, которые обыкновенно проводили мы вместе...

Осиротела семья, остался один отец! Сегодня не придёте ко мне, не увижу вас, не преподам вам отеческого благословения. Земно вам кланяюсь и благодарю за ту полноту пастырства, которую дали вы мне вашей любовью. Знаю, что исполняя заповедь Господню¹⁰⁵⁴, вы относились так к моему убожеству духовному, покрывая терпением недостатки мои. Да исполнятся над вами её обетования: *да благо ти будет и да долголетен будеши на земли (Исх. 20:12)*.

В дни душевной тоски моей по храму и сослужившим мне в нём детям моим попали мне на глаза строки старца Амвросия о кресте в жизни человеческой. Большое утешение дали они моему скорбящему сердцу. Хочу передать их вам, родные мои: «Креста для человека (т. е. очистительных страданий душевных и телесных) Бог не творит. И как ни тяжёло бывает у иного человека крест, который несёт он в жизни, а всё же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца»¹⁰⁵⁵. Указывая себе на сердце, Батюшка прибавлял: «Древо при исходящих вод (см.: Пс. 1:1–3) – бурлят там воды (страсти. – О. С.¹⁰⁵⁶)».

«Когда человек, – говорил ещё старец, – идёт прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнёт бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его (опять) на

прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, (конечно), разные, кому какие нужны»¹⁰⁵⁷.

Эти золотые слова хочется мне начертать на скрижалях сердца каждого из вас, родные мои. Носите их в себе. Чаще заключайте в них свой ум, перейдут тогда они в вашу совесть, и увидите в ней, в домашнем судилище вашем, почему поднялся на почве сердец ваших личный ваш крест, каковы исходища вод, произрастившие страдания в нашей покаянной семье.

Вот уже скоро год, как отец ваш не совершает Божественной литургии, скоро год, как отдалён он от душ ваших. Верую и исповедую, что на грехах моего сердца вырос этот крест, стараюсь теперь найти, при исходищах каких вод израсло сие спасительное для меня древо. Пересматриваю всю свою жизнь от юности до настоящего дне и часа и особенно дни священнического служения. Прошу вас, окажите любовь, помогите мне в этом великом для меня деле – переоценке моей жизни: вы совершаете каждодневно вместе с иереями вашими Божественную литургию. Прошу вас, каждый со своего места за проскомидией не забудьте поминать и моё имя.

Скоро год, как вы не имеете в среде своей предстоятеля и отца духовного, а это для многих из вас немалый крест. Умоляю вас, последуйте отцу вашему. Войдите во внутреннюю клеть (см.: Мф. 6:6) и при свете старческих слов разберите каждый жизнь свою. Найдите в ней источник нечистоты, вызвавший необходимость очистительных страданий, вам ниспосланных; пересмотрите и отношение к покаяльной семье своей – не вы ли грехами своими привели её к разделению? Понимали ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужебная семья? Сознали ли, как добро и красно жить вкупе с ней (см.: Пс. 132:1 (црксл.)), исполняли ли свои обязанности по отношению к ней и отдельным её членам? Или, связанные с отцом, вы зачастую отделяли себя от семьи, не служили ей, осуждали её, поносили её, забывая, что это наша общая семья? Пусть самая последняя из всех семей Господних, но наша. Господь сочетал нас в ней воедино: в ней мы родились духовно, в ней воспитались, в ней купно живём, с ней, не иначе, пойдём и туда, к Богу.

Зачем мне обличать вас в чём-нибудь в день, когда душа полна вами, когда хочется вам, стремящимся духом ко мне, дать слова утешения. Пойдёмте лучше к великим и Величайшему и поучимся у них отношению к духовной семье. Прислушайтесь, родные, к словам моим, которые говорю от лица Господа. Господь наш Иисус Христос, пришедший на спасение всех, Сам имел на земле покаяльно-богослужебную семью – апостолов Своих. С ними Он молится, их поучает, с ними входит в Иерусалим на страдание, с ними совершает величайшее новозаветное таинство – Свою Тайную вечерю. Апостолы, призванные Господом, связанные с Ним лично, были сразу поставлены и в отношения друг к другу. Что же преподавал Он им в установление взаимных отношений?

1. Принимать семью как Божию, от руки Его им посылаемую: *Не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть* (Ин. 17:9).

2. Пребывать в ней в единении: *Отче Святой, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едины, якоже и Мы* (Ин. 17:11); в любви: *Заповедь новую даю вам: да любите друг друга; якоже возлюбих вы, да и вы любите себе; о сем разумеют еси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13:34–35).

3. В служении: *Вы глашаете Мя Учителя и Господа, и добре глаголете: есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе; образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите* (Ин. 13:13–15). *Но болий в вас, да будет яко мний; и старей, яко служай* (Лк. 22:26).

4. В желании непрерывного с ней пребывания в сем веке и грядущем: *Отче, ихже дал еси Мне, хочу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (Ин. 17:24).

Принятие семьи своей от руки Господней, пребывание с ней в единении, в любви, в смирении и, как следствие этого, венец отношения к ней . – желание непрерывного купножития в ней в сем веке и грядущем – вот основы заповеданного нам пути, исполненного Самим Христом Спасителем.

Так шли и великие. Моисей, получив семью свою, народ израильский, от руки Господа, не оставляет его и в тот момент, когда карающая десница Господня поднялась для уничтожения Израиля за поклонение золотому тельцу (см.: Исх. 32:1–10 и далее). Пребывая до конца в служении народу своему, он чувствовал, что не может быть с Богом без него: *Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал (Исх. 32:32)..*

Павел, призванный для устройства новой Господней семьи – «народов языков», держит в своём сердце и первую – данный ему Богом от рождения Израиль. Страдая за него, апостол достигает такой высоты служения ему, что готов ради его спасения сам быть отлученным от Христа: *Истину глаголю о Христе, не лгу, послушающей ми совести моей Духом Святым, яко скорбь ми есть велия и непрестанная болезнь сердцу моему; молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже суть израилите (Рим. 9:1–4).*

Преподобный Феодор Студит в служении семье, в непрестанном купножитии с ней видит путь приобщения к вечной жизни: «Се, что добро или что красно, но еже жити братии вкупе, в сем бо (т. е. в этом житии вкупе¹⁰⁵⁸) Господь обеща живот вечный».

Там у Господа прекратится всякое отшельничество, там вместе в братстве Господнем соберутся служившие Ему во всякое время и во всяком месте земли нашей. Для того чтобы пребывать вкупе там, надо поучиться жить вкупе тут. Единение с семьей, любовь к ней, служение ей и желание непрестанного купножития с ней звучат в последнем тропаре 9-й песни канона, воспетого преподобным Феофаном брату своему мученику Феодору Начертанному: «Пение Владыце принося, отче, и мольбы, не престай о моей немощи, и сообитании, и братстве, яко да, вкупе поживше, улучим вкупе и обожение» – не обо мне, не о моей немощи только молюсь, но и о сообитании, с кем непосредственно вместе живу – наставнике, ближайших спостниках и о всём братстве, ибо неполнота будет там, если у

Господа будем только с тобою без сообитания, даже если будем с сообитанием, но без всего братства.

Дети мои! Ведь и наша семья от Господа! Принимаем ли мы её от руки Всевышнего? Находимся ли с ней в единении, в любви, пребываем ли в служении ей? Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял с вас тесноту, замыкание в себе, чтобы получили вы расширенное сердце! Он изведёт вас на широту и даст вам пространство. Тогда не глазами плоти, а очами сердца увидите вы собранных Господом вокруг вас чад Его, вашу семью, а в ней – наиболее близких, ваше сообитание. И запоётся в вашем сердце, как бывало в день преподобного Сергия в моём: «Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе». «Любите семью, служите ей» – так учил нас Батюшка.

Пресвятая Владычице Богородице, святителю отче Николае, святителю отче Алексие, преподобне отче Сергие, преподобне отче Феодосие, преподобне отче Серафиме, преподобне отче Пимене, преподобне отче Феодоре, святой Алексие, человеце Божий, пение приносяще Владыце, не престайте о моей немощи, о сообитании и братстве, яко да, вкупе поживше, улучим вкупе и обожение. Благословение Господне да пребудет над всеми вами!

Осень 1930 г.

Письмо шестое

Страдальцам моим бездомным шлю благословение Господне на вхождение в Великий пост! Чувствую, что давно уже ждёте от меня слов утешения, но уста мои сомкнулись, и во мне самом уны дух и смутилось сердце (ср: Пс. 142:4). Небо наше земное заключилось для нас. Как же не плакать, как не сетовать, как не скорбеть? *Препояшьтеся вретischem и плачьте, священники! рыдайте, служители алтаря! войдите, ночуйте во вретисцах, служители Бога моего! ибо не стало в доме Бога вашего хлебного приношения и возлияния (Иоильт. 1:13).*

Созданная по образу Божию человеческая природа в радости и, особенно в страданиях стремится быть вместе с подобными себе. *Не добро быти человеку единому; сотворим ему помощника по нему (Быт. 2:18)*, – сказано Творцом ещё в начале человеческой истории. Сам Господь наш Иисус Христос в скорби своей смертельной, молясь в саду Гефсиманском до пота кровавого Отцу Своему и укрепляемый ангелом, по человечеству ищет подкрепления у близких, любимых, с которыми совершал путь Своего земного служения: *Прискорбна есть душа Моя до смерти; победите zde и бдите со Мною (Мф. 26:38).*

Грешный и малодушный, подкрепляемый постоянно вашими молитвами, вашим горением, вашим сослужением в храме, ныне одинокий и оторванный, особенно чувствую своё ничтожество и тесноту. К тоске по храму прибавилась бесконечная тоска по вас и сознание своей великой вины перед каждым. Страдания ваши и лишения стояли неотступно перед глазами моими. Я не находил ни в чём успокоения себе. Подобно Езекии, как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; *уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня (Ис. 38:14).*

Знаю, что молитесь за меня вы, и молитвы ваши, в такой скорби возносимые, дошли до Господа, и явил Он мне грешному Свою милость. Покаянные песнопения, коснулись и

моего унывающего сердца, а слова великого подвижника дали надлежащее направление моим страданиям: «Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, но более в них запутается»¹⁰⁵⁹. Вся внутренняя потянулась к Господу. Он, только Он, может помочь мне, *ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют (Иов. 5:18). Твой есмь аз, спаси мя!* (ср: Пс. 142:4). «Исцели душу мою, яко согреших Тебе!»¹⁰⁶⁰ И в ответ опытно открылись в сердце слова древнего мудреца: *Не предавайся печали душею твоею и не мучь себя своею мнительностью; ...ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет (Сир. 30:22.25); управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения... Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив (Сир. 2:2.4).*

По молитвам вашим исполнились на мне слова Псалмопевца: *При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою (Пс. 93:19)*. Теперь с Его помощью могу и для вас написать слова утешения и этим хоть немного умерить ваши страдания.

Суд Божий совершается над Церковью Русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведёт к очищению. Совершающееся – неожиданно и непонятно для живущих в миру. Они и теперь ещё стараются свести всё к внешним, вне Церкви лежащим причинам. Живущим же по Богу давно всё было открыто.

Многие русские подвижники не только предвидели это страшное время, но и свидетельствовали о нём. Не во внешнем усмотрели они опасность для Церкви. Они видели, что истинное благочестие оставляет даже иноческие обители, что уходит дух христианства не приметным образом, что наступил уже самый ужасный глад – глад слова Божия (ср.: Ам. 8:11), что имеющие ключи разумения и сами не входят, и возбраняют вход другим (ср.: Лк. 11:52), что при кажущемся внешнем благоденствии монашество, а затем и христианство – при последнем издыхании. Оставлен путь опытного делания, путь, по которому

прошли отцы древности и который запечатлён ими в их писаниях. Тайны сокровенной жизни нет, и научиться ей негде, ибо *оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих* (Пс. 11:2). Извне уже началось гонение на Церковь, и нынешнее время напоминает первые века христианства.

Святитель Филарет Московский неоднократно в беседах с близкими ему по духу указывал, что давно уже в России наступило время, подобное гонению первых веков, и плакал о детях, которым, по его словам, придется испытать худшее. Предвидение нашего времени особенно ярко сказалось у двух святителей, особенно много потрудившихся в изъяснении слова Божия, – Тихона Задонского и епископа Игнатия (Брянчанинова).

«Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство», – определяет святитель Тихон современное ему состояние Церкви и предсказывает удаление христианства не приметным образом от равнодушных к нему людей: – «Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий»¹⁰⁶¹.

Столетием позже святитель Игнатий (Брянчанинов), говоря о монашестве и о Церкви, так определяет их положение: «Живём в трудное время! *Оскуде преподобный от земли, умалишася правды от сынов человеческих!* Настал глад слова Божия! Ключи разумения у книжников и фарисеев! Сами не входят и возбраняют вход другим! Христианство и монашество при последнем их издыхании! Образ благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается; от силы благочестия отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать»¹⁰⁶².

Видя в монашестве барометр духовной жизни всей Церкви, он так свидетельствует о его состоянии: «Дело православной веры можно признать приближающимся к решительной развязке. Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную, всегубящую эпидемию – остановить на

некоторое время, потому что надо же исполниться предреченному Писанием»¹⁰⁶³.

«С сердечным сожалением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства»¹⁰⁶⁴.

«Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство, как дух, неприметным образом для суевающейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. Сущие во Иудеи да бежат в горы» (ср.: Мф. 24:16; Мк. 13:14)¹⁰⁶⁵.

Многие из подвижников XVIII и XIX веков смотрели на время своей жизни как на пребедственное для Церкви Христовой. Но не будем забывать, что говорилось всё это во времена полного внешнего благополучия. Не только существовали, но и благоустроились монастыри, основывались даже новые обители, строились новые храмы, расширялись и украшались прежние, открывались мощи святых угодников. Народ русский прославлялся как хранитель чистоты Православия и истинного благочестия. Никому и в голову не приходило, что Церковь тяжело страдает и развязка не за горами. Иначе видели познавшие Царство Божие, имевшие его в сердце своём. С сокрушением сердечным смотрели они на окружающую их среду и, не находя в ней жизни Христовой, предрекали грядущую катастрофу.

«Одна особенная милость Божия может остановить её на некоторое время», – говорил епископ Игнатий (Брянчанинов). И милость Божия остановила. Перед угасанием светильник вспыхнул ярче. Так произошло и с Русской Церковью. В последний век истинный свет Христова делания возжётся в некоторых обителях иноческих и из них, как раньше во времена Антония и Феодосия Печерских и преподобного Сергия Радонежского, перекинулся в мир. Снова обратились к забытому уж давно пути опытного богопознания, которым шли великие и величайшие. Некоторые обители с Оптиной пустыней во главе не только собирают, переводят, изучают, издают святоотеческие творения, но на их опыте строят почти наново монашеское делание. Епископ Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник не только «деяньми» читают древних подвижников,

но и сами вносят вклад в духовную отеческую литературу опытно познанным ими изложением основ христианского делания.

Непонимаемые, осмеиваемые, обвиняемые за якобы новшества идут иноки на борьбу за святоотеческий опыт против обмирщения христианства. Монашество снова получает дух, огонь возжигается там, где недавно тлела искра. Заброшенные творения отцов делаются настольными книгами. Учителями жизни становятся иноки древних египетских, фиваидских, палестинских, сирийских пустынь. Пламя деятельного христианства новой твари перебрасывается от иноков в мир. Многие тянутся к обновленным обителям с введенным в них старчеством и через них приобщаются к опытному подвижническому пути. Пастыри и иереи приходят к инокам и, от них получив святоотеческий огонёк, приносят его в свои храмы. Изменяется характер церковной проповеди. Творения отцов звучат с церковной кафедры как жизнь, а не как назидательное прошлое, мир приближается к монастырю, разрушается между ними средостение. В храме в основу кладётся уставное богослужение с широким участием в нём способных к этому верующих. Покаяние делается основой жизни. Возникают покаяльные семьи с непрерывным освящением в Таинствах. В корне изменяется строй приходского прежнего бытового христианства с редким хождением в храм и лишь ежегодным причащением.

Со времени преподобного Сергия не было ещё такого животворящего сдвига. Казалось, делание духовное, начавшись так дружно, расширится по всей земле нашей. Но иными путями повёл Невесту Свою Жених Церковный. Сам испивший чашу смерти, Он и ей предлагает очистительные крестные муки. Вот она, оплёванная, заушенная, поруганная, возводится на Голгофу и, обнажённая, пригвождается ко Кресту. Для верных чад её открывается путь исповедничества, мученичества, а главное – путь величайших скорбей и величайших лишений. Спросили однажды скитские отцы авву Исхириона: «Что сделали мы?» И он ответил: «Мы соблюдали заповеди Божии...» Отцы спросили: «Что сделают те, которые

непосредственно последуют за нами?» Он ответил: «Они будут иметь делание вполноту против нашего». Отцы опять спросили: «А те, которые будут после них?» «Эти, – ответил авва, – отнюдь не будут иметь монашеского делания, но их, постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших»¹⁰⁶⁶.

Особые скорби, небывалые напасти – удел наших дней. В покаянном преодолении их – смысл нашей жизни. Отнятие видимой стороны христианства – главнейшее из всех лишений. Изгнание, заточение, горькие работы – ничто по сравнению с ним. Это отнятие храмов, по слову Божию, можно было бы предотвратить покаянием: *обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему; ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не сжалится ли Он, и не оставит ли благословения, хлебного приношения и возлияния Господу Богу вашему? (Иоиль. 2:12–14).*

Но где мы слышали всеобщий призыв к покаянию, где видели архипастырей и пастырей, неотступно у жертвенников проливающих реки слёз и подвигающих к тому же народ свой? Дипломатические таланты архиереев поставили выше слова Божия, на них возложили надежду, в них положили своё спасение. Ложно хотели сохранить царство Истины...

И посмеялся Господь над ними и до конца изливает гнев свой. *Не пред нашими ли глазами отнимается пища, от дома Бога нашего – веселье и радость? (Иоиль. 1:16).* Истощают, истощают до основания (ср.: Пс. 136:7) видимую сторону Церкви.

Дети мои, суд Божий совершается. Покаянно припадем ко Господу и найдём в себе силы сказать с пророком: *Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суда надо мною; тогда Он выведет меня на свет, и я увижу правду Его (Мих. 7:9).*

К принятию нового образа спасения призывает нас Господь. Множество храмов рукотворённых, благолепно украшенных,

было открыто столетиями, и в то же время величайшее множество храмов нерукотворённых в мерзости запустения пребывали заключёнными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божиими. Огоньки смиренного мученичества вспыхивают повсеместно, особенно на далеких окраинах. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, изолированные от мира, на голой земле, на снегу или в случайных избах, без гробов и священнического напутствия умирают иереи, иноки и верные.

В покаяльных храмах отходящих душ их возносится ими молитва за грехи всей Церкви, возлюбившей внешнее паче внутреннего и обряд больше духа, – Церкви, не нашедшей в себе даже в годину исключительных бедствий целительных слёз покаяния. Искорки терпеливого исповедничества мерцают всюду от ледяного океана до раскаленной пустыни. В покаянном плаче молятся открывшие терпением обстоятельств свои сердечные храмы, изгнанные за служение в храмах Божиих!

Войдём, родные, и мы в клеть душ наших, войдём в храм наш душевный, посвящённый Господу ещё в момент крещения и освящённый Им в момент первого причащения. Храм этот наш; никто никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. В нём мы – каждый – иерей и кающийся. Жертвенник его – сердце наше, и на нём мы можем приносить всегда на слезах наших великое таинство покаяния. Трудно нам, запустившим наш храм невидимый и недостойно жившим только храмом видимым, принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, примем всё как заслуженное. Разве не Господь посылает это? Разве лучшие из нас не вступили давно на этот путь?

Надолго или совсем – одному Господу известно – уходит от нас видимая сторона христианства. «Станем добре, станем со страхом» Божиим!

Маленький родной дом Божий! Сколько радости чистой, неземной получали мы через тебя. Иерусалиме наш земной, возводящий нас непрестанно к горнему Сиону! Много раз

навернутся на глаза наши слёзы при воспоминании о нашем земном рае. *Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прилипни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего* (Пс. 136:5–6).

Большая чуткость духовная дана вам от Господа. Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошёл в своё время каждый из вас, в нём почувствовал правду святоотеческого пути.

В наступившую было весну Церкви Русской вы явились делателями в её винограднике. С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устройство храмов жизни покаяльной семьи нашей. Вы не только живые свидетели, но и участники последнего озарения угасающего по воле Божией светильника Церкви Русской.

В грядущем страшном испытании Церкви Христовой молю Господа, Его Пречистую Матерь и святых угодников наших, чтобы они явили вас истинными делателями виноградника Христова.

Родные мои, явим себя во всем как *служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах* (2Кор. 6:4–5). Бог же терпения и утешения да дарует вам *быть в единомыслии между собой* (Рим. 15:5).

1933 г.

Приложение

Письма священника Алексия Мечёва сыну Сергею

Воскресенье, 16 июня. 1913 год

Дорогой Серёжа, очень рад за тебя.

Вижу, что поездка твоя за границу принесёт пользу не только тебе, но и всем нам. Все, разъехавшись, довольно скоро соскучились друг о друге. Сейчас получил письмо от Нюши¹⁰⁶⁷, которая пишет, что очень соскучилась обо мне и на днях выезжает из Алексина. Саша¹⁰⁶⁸ пишет, что общество в Кастрополе¹⁰⁶⁹ не совсем симпатичное, пишет, что скучает обо мне. Мне же до сих пор не пришлось, не только уехать в отпуск, но даже съездить в Звенигород. Сытин¹⁰⁷⁰ засуетился с нашей постройкой дома и хлопотал о немедленном заключении нотариального договора и ходатайства перед Святейшим Синодом о дозволении заключить договор на 24 года. Все эти дела потребовали пребывания в Москве и ежедневного хождения в Консисторию.

Ходил к доктору, который, прочитав исследование мочи и выслушав, сказал, что он доволен мной, ездить на Кавказ для меня, нервного, без нужды нет надобности, пить воду не надо, а на Кавказе в настоящее время большой съезд, воды дожидаются по целым дням, и это нервного человека может ещё больше расстроить, а советует ехать в Крым, на солнце, ввиду застарелого бронхита, и лежать на солнце или куда-либо ещё в теплое и сухое место. Думаю, что соберусь в Крым или уеду в Звенигород на месяц.

В настоящее время, сидя в Москве на Солянке¹⁰⁷¹ один, очень соскучился обо всех, а в особенности о дорогом моем сожителе по помещению. Придешь к себе в комнату нашу с тобой, посмотришь: всё, кажется, здесь – и стол стоит по обыкновению, и лыжи стоят, и постель, а дорогого хозяина, владельца всего этого – милого Серёжи, нет. Сперва пришлось поплакать о тебе: на чужой стороне один, что-то его встречает на чужбине – вот какие мысли гнездились в моей голове, но, получив первую открытку из-за границы, я, возблагодарив Милосердного Господа за тебя, совершенно успокоился. Теперь

одно могу писать: будь здоров, весел, набирайся сил и здоровья. Хорошенько знакомься со всеми по возможности достопримечательностями и чаще пиши. Твои послания меня очень радуют. Читая их, чувствую, что я будто с тобой.

Пиши, сколько нужно еще денег и куда послать. Не отказывай себе ни в чём. Когда ещё в другой раз соберёшься за границу, да и если поедешь ещё, то всё уже будет для тебя известно.

Благословение Господне да будет над тобой.

Горячо любящий тебя твой папа. Иду служить обедню.

1913 год

Дорогой мой Сергунчик!

Очень скорблю за тебя, что у вас плохая погода. Такая же погода и у нас. Я надумал уехать в Кастрополь на две недели. Доктор нашёл у меня бронхит, и довольно застарелый, который и можно лечить на солнце, и вот почему еду в Кастрополь... Оставляю тебе 100 рублей на расходы и усердно прошу тебя известить тетю Ольгу¹⁰⁷², которая и вышлет тебе, только напиши, куда выслать и как? Я советую тебе не спешить с отъездом. Когда ещё соберёшься, раз уж там, бери всё, что можно для тебя... 1-го приеду в Москву, пиши мне в Кастрополь. Дом наш быстро строится. У нас всё благополучно.

До свидания, дорогой сыночек.

Посылаю тебе благословение твоего Покровителя.

Твой любящий тебя папа.

15 августа 1913 года

Дорогой Сергунчик!

Очень благодарен тебе за то, что ты мне написал о письме Николая¹⁰⁷³ и высказал свой взгляд относительно квартиры припта. Будь уверен, что мне было приятно выслушать твоё замечание, и я его принял с благодарностью. Я был очень счастлив, когда покойная твоя мама, бывало, заметив что-либо, высказывала своё замечание мне, и я тотчас, приняв к сердцу, изменял согласно с ее замечанием. Но, увы, её нет, и уж я

давно тягущусь одиночеством, не слышу ни от кого сердечного разумного замечания.

Получив от тебя письмо, я воспрянул духом; теперь я не одинок и могу свободно следить за собой. Я не хочу сидеть на точке замерзания. Каждый из нас не замечает за собой и может усовершенствоваться только при участии близких, дорогих людей, и поэтому усердно прошу тебя продолжать своё дело в том же духе, за что, повторяю, буду очень благодарен тебе.

Ильинский, архитектор, измерив площади этажа, сказал, что он находит справедливым отдать всю меньшую половину этажа псаломщику, на что я и дал согласие, и для учителя¹⁰⁷⁴ я устраиваю в подвальном этаже квартиру на случай, а если не понадобится, то я могу её отдать двум старушкам – как у Георгия¹⁰⁷⁵ – богаделкам, которые будут следить и за чистотой храма, и за сохранностью.

Будь уверен, дорогой сыночек, что у тебя мой характер, и я мучился и хотел тоже отдать первый этаж причту и раньше, но заговорил об учителе для того единственно, чтобы Сытина заставить сделать подвальное помещение. У дьякона квартира вышла хорошая и устроится по его рецепту.

Сергунчик! Ко мне приходил Комлев Леонид и говорит, что Тихон Васильев изъявляет желание петь у нас с осени, выскажи свой взгляд.

Мы приехали из Крыма 11 августа, а Саша приедет 25 августа.

Благословение Господне да будет с тобою.

Любящий тебя папа.

Поздравляю тебя с праздником в честь Феодоровской иконы Божией Матери.

Будь спокоен и здоров. Если нужно ещё денег, не стесняйся. Могу выслать и ещё.

1913 год

Дорогой Сергунчик!

Успокойся, всё устроил с помещением псаломщика и диакона. Первый этаж отдан для причта. Очень для меня прискорбно, что тебя Николай беспокоил письмом совершенно

напрасно. Дело в том, что по приезде в Москву я нашёл квартиру диакона очень приличной. В ней, вследствие уничтожения коридорной системы, появилась возможность в ущерб псаломщика диакону увеличить своё помещение и устроить помещение даже особенное и для Николая по входе с парадного крыльца, а по входе с заднего устроить кабинет для диакона. И если я согласился отдать помещение учителя причту, то исключительно желая быть справедливым по отношению к Никитичу¹⁰⁷⁶. Как сам диакон, так и вся его семья оказались очень дурными людьми, всем жалуются, что их обидели, а сами обижают псаломщика.

Путеводитель по Риму я купил у Вольфа¹⁰⁷⁷ и послал тебе. Не знаю, угодил ли? Я только что приехал из Крыма. Поправился несколько. Но в Москве меня терзают, не вижу ни минуты свободной и никак не могу ещё привыкнуть. Там только видел море и горы и не знал ничего, а здесь крик, шум, вертится постоянно народ и не даёт отдохнуть.

Ивана Матвеевича просил выслать тебе просимые 50 рублей. Меня очень удивляет твоё обязательство. Какие могут быть расчеты у отца с детьми? Мне ничего не нужно, всё – ваше. Я живу для вас, и мне бывает очень приятно, когда я могу что-нибудь сделать для другого, а тем более для своих детей.

Будь уверен, если тебе нужно ещё, я вышлю тебе. Пользуйся случаем. Прощай, дорогой сыночек. Будь здоров и спокоен. Лышу себя надеждой, что в новом доме наступит у нас и новая жизнь. Нюшка¹⁰⁷⁸ выдержала экзамен и уехала в Алексино. Очень довольна твоими письмами.

Целую тебя крепко. Любящий тебя папа.

Кастрополь, 26 июня 1915 года Дорогой Сергунчик!

Я 18-го приехал в Кастрополь. С дороги я послал тебе два письма, в которых благодарил тебя за открытки. Я получил их при выезде моем на вокзал. Мы все были очень довольны ими, и я дал по открытке провожавшим меня тёте Оле, Нюше и Оле. В настоящее время чувствую себя хорошо. В Кастрополе живут из твоих знакомых: Челушкин – худой и больной, и Петровы. Сеня по-прежнему гуляет и болтает много, а сама всё плачет о

муже и о дочери, умершей в апреле месяце от тифа, полученного ею в лазарете при уходе за ранеными. Проживает у нас католический Петербургский митрополит Ключинский¹⁰⁷⁹ со ксендзом. Жизнь в Кастрополе протекает по-прежнему. Пиши мне почаще, как ты мне обещал. Из Москвы я, кроме твоего письма от 17 июня, не получал ни одного.

Мои милые дочери, наверное, забыли о моем существовании, и как-то было грустно: всем письма, а мне ничего.

Будь, дорогой сынок, жив и здоров. Я хоть и не совершаю теперь богослужения, но так за домашнюю молитвою поминаю тебя.

Благословение Господне да будет над тобою. Целую тебя крепко.

Кастрополь, 28 июня 1915 года

Дорогой Сергунчик!

Вспомнил дорогую нашу с тобой маму, посылавшую постоянно из Кастрополя на память нам в Москву в письмах цветы, решил и я послать тебе, любимый мой сыночек, мимозу.

Поздравляю тебя с праздником Воскресения Христова и наступающим Петровым днём и желаю тебе здоровья и душевного спокойствия. Со мной по временам бывает хорошо, а то сжимается сердце. Всех мне вас жалко, хочется видеть, обнять и поцеловать крепко и нисколько не утешает крымская жизнь. Какая-то чувствуется пустота, всё болтают пустяки, говорят только о столе, интересуются сплетнями и т. д., и мне становится очень душно.

Я очень доволен за тебя, что живёшь совершенно в других условиях, перед тобой постоянно рисуются картины серьёзной, настоящей духовной жизни. Полетел бы я на крыльях к тебе и наверно скажу, меня сильно бы захватила ваша жизнь, но, к сожалению моему, здоровье не позволяет мне совершенно. Сейчас прочёл в донесении Верховного главнокомандующего¹⁰⁸⁰ о взятии в плен 11 тысяч немцев, порадовался, с чем и тебя поздравляю. У нас все собравшиеся на море с большим одушевлением пели «Боже, Царя храни» и

очень были радостно настроены. Будем надеяться, что Милосердный Господь поможет нам одолеть озверевшего врага и обновит нас во все отношениях всех...

Благословение Господне да будет над всеми вами. Целую тебя крепко, дорогой мой милый сыночек.

Кастрополь, 30 июня 1915 года

Дорогой Сергунчик!

Получил ли ты мои письма? Живу скоро две недели в Кастрополе, послал тебе не менее шести писем, а от тебя в ответ не получил ни одного¹⁰⁸¹. Жив ли, здоров ли? О себе скажу, что стал несколько поправляться. Чувствую себя лучше, но страшная скука. Из Москвы, кроме двух твоих писем от 17-го и 18-го, пересланных тётёй Олей, и письма от Оли, тоже не получил ни одного.

Хорошо, что я взял с собой Златоуста, которого уже дочитываю теперь, а что будет дальше, не знаю. Если тебе что нужно, то непременно напиши тете Оле, и она вышлет тебе немедленно, мы с ней об этом уже условились.

Будь здоров. Благословение Господа да будет над вами.

Крепко, крепко целую тебя, дорогой мой, горячо любимый мною сыночек Сергунчик.

Кастрополь, 2 июля 1915 года.

Дорогой мой Сергунчик!

Каждое утро, по обычаю, тянет тебе написать. Берусь и сегодня и, хотя не имеется под руками материала, однако, исполняя установившийся порядок, скажу, во-первых, о себе, что все находят в моем здоровье улучшение, то же чувствую и сам. О ребятах мало имею сведений, хотя прислали мне по письму, но очень краткому.

Как твоё здоровье? Как себя чувствуешь? По последнему письму вижу, что ты переживаешь много; Бог милостив, устроится всё. Милосердный Господь послал нам испытание, во-первых, за наше удаление от Него, а во-вторых, чтобы нас объединить всех, чтобы мы ближе узнали друг друга. Ведь на самом деле не только каждое сословие, но даже и каждая

семья жила особняком, не искала общего блага, но только личного; интеллигенция, смотря на простой народ с высоты птичьего полета, на войне убедилась в дорогих чертах русского простого солдата, она увидела, как терпелив, как скромн, как нетребователен он и вынослив и как сердечно искренно любит свою Веру, Царя и Отечество, умирает с покойным духом, радостно, как исполнивший свой гражданский долг, забывая о себе и своей семье. Имея перед глазами такие высокие примеры, невольно и окружающие этих великих борцов естественно пожелают подражать им; этим только и можно объяснить ничтожный успех немцев при бесчисленном количестве пушек, чemoдaнoв и пулеметов.

Я глубоко убеждён, что эти серые богатыри, зажегшие на различных фронтах немало божественных огоньков, в недалёком будущем зажгут целые костры таковых огоньков и с сердечной верой в Бога сломят дерзкого врата.

Благословение Господне да почиет над всеми вами.

Крепко, крепко целую тебя, дорогой мой, горячо любимый мною сыночек Сергунчик.

9 июля.

Дорогой мой, горячо любимый сыночек Сергунчик!

8 июля, в Казанскую, получил твоё первое послание в Кекенец¹⁰⁸² – письмо от 23 июня, за что тебя благодарю.

...Ты пишешь, что в армии дух бодрый и всё так хорошо устроено в окопах первой линии и спокойно. Слава Богу! Это очень важно. Будем надеяться, что Милосердный Господь поможет нам устроить всё и победить коварного врага. 8-го в Кастрополе служил у себя в помещении вверху над Беловыми¹⁰⁸³, где балкон. Митрополит католический¹⁰⁸⁴ – мессу в 8 ½ часа утра и молебствие о даровании победы Русской армии, за которой присутствовал я и несколько пансионеров, а за ½ ч. перед обедом в столовой служил молебен я при участии всех пансионеров в присутствии митрополита. Пели хорошо, и весь день 8 июля прошёл в приподнятом настроении. Чувствую себя хорошо и поправляюсь.

Целую тебя крепко, крепко... Благословение Господне да будет со всеми вами.

Горячо любящий тебя твой папа.

...Я чувствую себя хорошо, очень поправился, за меня не беспокойся, береги, дорогой, только себя, у нас всё, слава Богу, хорошо. Пробуду в Кастрополе до 1 августа.

26 июля.

...Поправился и чувствую себя способным вполне продолжать своё служение. Благословение Господне да почиет над всеми вами, да сохранит Он, Милосердный, всех вас целыми и невредимыми и да возвратит на радость и утешение каждого из вас к своим семьям.

...Осенью надеюсь видеться с тобой...

Библиография

Храм Святителя Николая в Клённыхиках

1. Торжество в Николаевской, что в Клённыхиках, церкви // Московские епархиальные ведомости. 1870. № 11. С. 6–7.
2. Холмогоров Г., свящ. Юбилейные церкви // Московские церковные ведомости. 1901. № 20. С. 259–261.
3. История храма // Московские церковные ведомости. 1901. № 20. С. 260–261.
4. Романовский Н., свящ. Заметка к статье «Юбилейные церкви» // Московские церковные ведомости. 1901. № 27. С. 326–328. – Уточнения и дополнения к истории храма.
5. Холмогоров Г., свящ. К 200-летнему юбилею Николаевской, что в Клённыхиках, церкви // Московские церковные ведомости. 1901. № 35. С. 403–404.
6. Романовский Н., свящ. Вынужденное слово // Московские церковные ведомости. 1901. № 43. С. 514–515. – Дополнения к истории храма.
7. Денисов Л. И. Первое заседание Церковно-археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения // Московские церковные ведомости. 1902. № 6. С. 78–79. – Описание архитектуры храма.
8. Червяков А. Д. Московский архив // Московский журнал. 1991. № 5. С. 52–54.
9. Дар московскому приходу // Московский журнал. 1992. № 6. С. 61. – О передаче М. А. и Н. А. Струве двух икон письма Т. В. Ельчаниновой в храм Свт. Николая Чудотворца в Клённыхиках.
10. Бобринский Б., прот. Живая Россия // Русская мысль. 1993. № 3971. 19–25 марта. С. 16. – О восстановлении храма Святителя Николая в Клённыхиках в 1990-х гг.
11. Храм Николая Чудотворца в Клённыхиках (Блинниках) // Указатель материалов о московских храмах, напечатанных в журнале «Московские епархиальные ведомости – Московские церковные ведомости» (1869–1918) / сост. Н. В. Власова, С. П. Прохоров, В. К. Степанов. М., 1993. С. 45.
12. Указатель московских церквей / сост. М. Александровский (1915). Репр. изд. М., 1996. С. 10.

13. На службе Богу // Православная беседа. 1999. № 4. С. 22–26. – Рассказ о св. прав. Алексии и сщмч. Сергии.
14. Фрезинская Н. Р. По Покровке-Маросейке... // Московский журнал. 2000. № 6. С. 46–53.
14. Паламарчук П. Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: в 4 т. 3-е изд. М., 2007. Т. 2. С. 182.
15. Храм Святителя Николая в Клённых в акварелях монахини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой). М.: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского"», 2008. [30 с.] – Тринадцать акварелей с детальной прорисовкой храмовых интерьеров (1932).
14. Домашнева Н. А. «И дивен храм»: Церкви в Басманном районе города Москвы. М., 2010. С. 57.
15. Храм Святителя Николая в Клённых на Маросейке / сост. С. И. Кожевникова. М.: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского"», 2010. 48 с: ил. – Краткая история храма – от первого упоминания в Никоновской летописи в 1468 г. до наших дней.
16. Щенкова О. Я. Землевладения московских церковных приходов («Поповка» конца XVII – начала XX в.). М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 397.
17. Скурат Я., прот. Крестные ходы в Москве после революции 1917 года и их запрещение // IX Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. М.: «Луг духовный»; Общество сохранения литературного наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2011. Вып. 8. С.193–218.

Святой праведный Алексей (Мечёв), пресвитер Московский

21. Струве Н. А. О. Алексей Мечов // ВРСХД. 1964/1965. № 75/76. С. 65.

22. О молитве: Из воспоминаний об отце Алексее Мечове, настоятеле церкви на Маросейке в Москве (скончался в 1923 г.) // ВРСХД. 1964/1965. № 75/76. С. 66–73.

23. Александр (Семенов-Тянь-Шанский), архим. Отец Алексей Мечев: [Рец. 'на кн.] // ВРСХД. 1970. № 95/96. С. 185–192.

24. Энден М. Я. Отец Алексей Мечев. УМСА-Пресс, Париж, 1970: [Рец. на кн.] // Возрождение. 1970. № 222. С. 132–134.

25. 1971. № 102. С. 299–300.

26. Добровольский А. Десять мин // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1983. Вып. 9. С. 225–303. – Воспоминания о св. прав. Алексии и о маросейском храме, относящиеся к 1918 г.

27. Арсений (Жадановский), еп. Серпуховской. Воспоминания о замечательных московских протоиереях: О. Алексей Мечёв // Православный путь. 1987. С. 69–76. 1988. С. 81–85. 1989. С. 71–79.

28. Отец Алексей Мечёв. Парюк: УМСА-Press, 1970. 396 с.: ил.; То же. Париж: УМСА-Press, 1989. 392 с.: ил.; То же. Репр. изд. М., б. г. 392 с.: ил.

29. Андроник (Трубачев), игум. Русский пастырь на приходе // Москва. 1990. № 12. С. 160–161.

30. Добровольский А. А. Памяти дорогого Батюшки о. Алексия // Московский журнал. 1991. № 5. С. 54–58.

31. Храм Святителя Николая в Клённыхках. М.: Изд. «Московский журнал» при содействии фирмы «Паломник», 1991. 208 с. (Московский приходской сборник; вып. 1). – Арсений (Жадановский), еп. Отец Алексей Мечёв; Дурылин С. Н. Памяти отца Алексия; Владимир (Сысоев), сщмч. Воспоминания о дорогом батюшке; Николай Александрович Б. Памяти батюшки отца Алексия; Встреча с отцом Алексием; Мечёв Т. А. На

богомолье; *Добровольский А. А.* Воспоминания. Что могут видеть дети; *Сергий (Мечёв), сщмч.* Духовные беседы и др.

32. *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание Московского старца отца Алексия Мечёва. М.: Храм Свт. Митрофана Воронежского. [1992]. 192 с.: ил.; То же. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский Хронограф, 1999. 288 с.: ил. (Московский приходской сборник; вып. 3); То же. 5-е изд. М.: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского"», 2011. 272 с.: ил.

33. *Дурасов Г. П.* Церковь Святителя Николая в Клённиках и ее настоятели по воспоминаниям современников: (Первая треть XX в.) // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 1. С. 200–274. (Библиотека «Российского этнографа»).

34. Московский батюшка: Воспоминания об о. Алексее Мечеве. М.: Изд. Московского Свято-Данилова монастыря, 1994. 112 с.: ил.

35. *Арсений (Жадановаадй), еп.* Воспоминания [об о. Алексии Мечёве]. М.: ПСТБИ, 1995. С. 14–31.

36. *Добровольский А. А.* Рассказы о старце Алексее Мечёве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах; *Солодовников А.* Стихи / сост. С. Я. Красовицкий. М.: Мега-Сервис, 1995.

37. *Ровинский К., прот.* Беседы старого священника. М.: ПСТБИ, С. 172–189.

38. *Мечёв А., свящ.* Советы девушке христианке. М.: Новая книга, 32 с.

39. *Флоренский П., свящ.* Рассуждения на случай кончины о. Алексея Мечёва // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 597–620; Он же. Отец Алексей Мечёв // Там же. С. 621–627.

Иваск Ю. П. Отец Алексей Мечев: [Рец. на кн.] // Новый журнал.

40. *Сидоров С. А.* Московское духовенство двадцатых годов // Московский журнал. 1997. № 8–9. С. 61–66.

41. Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва / сост. С. Фомин. М.: Паломник, 1997. 784 с.: ил. (Русское православие XX века).

42. Поучения протоиерея Алексея Мечёва. М., 1997. 16 с. (Бка журнала «Держава»).

43. Флоренский П. А. Отец Алексей Мечёв // Памятники Отечества. М., 1997. № 37 (1). С. 139–141.

44. Добровольский А. А. Даст Господь по сердцу твоему... [С. Посад]: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1999. 128 с.

45. Житие московского старца протоиерея Алексея Мечёва // Московские епархиальные ведомости. 2000. № 10–11. С. 34–43; Проповеди св. прав. Алексея «Слово в день Феодоровской иконы Божией Матери» и «О мощах угодников Божиих» // Там же. С. 44–48.

46. Миллер Т. А. Московский старец Алексей Мечёв / Т. М. // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23). С. 147–165.

47. Пастырь добрый : Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва / сост. С. Фомин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Серда-Пресс, 2000, 767 с: ил.

48. Патерик новоканонизированных святых. [Св. прав. Алексей Мечёв: По тексту «Деяния Юбилейного Освященного Архиерейского Собора РПЦ о соборном прославлении ценомучеников и исповедников российских XX века»] // Альфа и Омега. 2000. № 3 (25). С. 237–278.

49. «Русь святая». Календарь на 2001 год с житиями подвижников благочестия XX столетия. М.: Благо, 2000. 381 с. – Жизнеописание св. прав. Алексея и сщмч. Сергия (Мечёвых).

50. Старец протоиерей Алексей Мечёв // Московский журнал.

№ 8. С. 44–45.

51. Старец протоиерей Алексей Мечёв: Жизнеописание и свидетельства к церковному прославлению. М.: Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2000. 80 с. – Случаи прозорливости, примеры прижизненных и посмертных чудес, знамений, молитвенной помощи старца о. Алексея Мечёва.

52. Грубе А. А. «Помяни всех притекающих к раке твоей» // Московский журнал. 2001. № 12. С. 14–19. – Об обретении и перенесении честных мощей св. прав. Алексея.

53. Дудко М., свящ. Настоятель возвращается в свой храм // Православная Москва. 2001. № 19/20; С. 13. – О крестном ходе

со св. мощами праведника.

54. Меркушин С. На Маросейку – к Московскому старцу // Церковный вестник. 2001. № 18. С. 1; «Разгрузка чужого горя» // Там же. С. 12; Куликов А., прот. «И вот теперь у нас радость...» // Там же. С. 13.

55. Перенесение мощей святого праведного Алексия Мечёва // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 11. С. 34–36; Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия по поводу перенесения мощей святого праведного Алексия Мечёва в Москве // Там же. С. 36–37.

56. Прилуцкий Б. Шли дети на богомолье // Семейная православная газета. 2001. № 12. С. 3. – Рассказ о семье св. прав. Алексия Мечёва.

57. Прохорова Б. И. Старец протоиерей Алексей Мечёв // Московский журнал. 2001. № 12. С. 20–21. – О встрече художника Р. Фалька с прот. Алексием Мечёвым.

58. Акафист святому праведному Алексию, пресвитеру Московскому. М.: Русский Хронограф, 2002. 32 с.

59. Грубе А. А. «Помяни всех притекающих к раке твоей» // Московский журнал. 2002. № 9. С. 36–43. – К годовщине перенесения честных мощей св. прав. Алексия.

60. Житие святого праведного Алексия, старца Московского. М.: Русский Хронограф, 2002. 80 с.: ил. – Случаи прозорливости, прижизненные и посмертные чудеса, знамения, молитвенная помощь старца о. Алексия Мечёва.

61. Воспоминания о школьных паломничествах. М.: Русская история, 2003. 48 с. – Мечёв А., свящ. Путешествие Николо-Клённиковской церковноприходской школы в Сергиеву Лавру; Мечёв Г. А. На богомолье.

62. Живети и служити – убави. Животопис московског старца оца Алексја Мечова. Београд, 2003. 278 с: ил. (На сербском языке).

63. Мечёв А., свящ. Путешествие в Сергиеву Лавру // Возглас. 2003. № 16. С. 3.

64. Феодоровская икона Божией Матери. Акафист, сказание // сост. Н. Е. Алдошина; Учебный комитет РПЦ. М., 2003. 88 с.:

ил. – О почитании св. прав. Алексием храмового чудотворного образа Божией Матери.

65. Фотоотчет о перенесении частицы мощей св. прав. Алексия из храма Свт. Николая в Клённиках в храм Вмч. Георгия в Старых Лучниках 6 апреля 2003 года // Лучники. 2003. № 5. С. 10–14.

66. *Алексий Московский, прав.* Во граде, как в пустыне: Святой праведный Алексей Мечев о молитве / сост. И. Кабанов. М.: Изд-во сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2004. 80 с.

67. Святые Москвы: Справочник-путеводитель. М.: ЦИТ, 2005. Ч. 2. С. 6–9. – Праведный Алексей Мечёв, старец Московский.

68. Во граде, как в пустыне: Святой праведный Алексей Мечёв о молитве / сост. И. Кабанов. М.: Иуд. храма Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище г. Москвы, 2006. 80 с.

69. Собор Московских святых: сборник житий. М.: Сибирская благовонница, 2006. С. 27–40. – Жизнеописание св. прав. Алексия, тропари, кондак.

70. Старец в миру: Святой праведный Алексей Мечёв. Житие, письма, проповеди, записи на книгах. М.: Образ, 2006. 126 с.

71. Великие старцы двадцатого столетия / сост. С. Девятова. М.: Артос-Медиа, 2007. С. 211–216. – О св. прав. Алексии (Мечёве).

72. *Ровинский К., прот.* Беседы старого священника. 3-е изд., испр. М.: Изд. храма Свв. бесср. чуд. Космы и Дамиана на Маросейке, 2007. С. 215–233.

73. «По земле, как по небу»: Схимонахиня Гавриила (Огородникова). 4-е изд. М.: Свято-Данилов монастырь, 2008. 72 с.: ил. – Жизнеописание духовной дочери св. прав. Алексия, её воспоминания о духовном отце.

74. Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева // Свет негаснущих звезд: О новомучениках российских // сост. А. И. Яковлев. М.: Терра-Книжный клуб, 2009. 493 с. (Русь Православная).

75. Городской старец // Нескучный сад. 2011. № 10. С. 16–18. – О св. прав. Алексии Мечёве.

76. Коновалов В. Чудеса на Маросейке продолжаются // Крестовский мост. 2011. № 8. С. 8. – Рассказ о св. прав. Алексии Мечёве.

77. «Я помолюсь...» // Православный крест. 2011. № 12 (36). С. 8. – Рассказ о св. прав. Алексии Мечёве.

78. *Juliana, monia*^{1e}. Le père Aleksis Métchev starets de Moscou / trad. du russe par N. Noïtaki et F. Lhoest; introd. de J.-C. Larchet. Lausanne: L'Age d'homme, 2011. 234 p.: ill. (На франц. языке).

Священномученик Сергей (Мечёв)

79. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1981. Вып. 6. С. 235–260.

80. Воспоминания об отце Сергии Мечёве, мученически пострадавшем за Христа / *** // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1985. Вып. 12. С. 83–114.

81. Жизнеописание священномученика о. Сергия Мечёва, составленное его духовными чадами // Надежда. Базель; М., 1993. Вып. 16. С. 13–236. – *Энгельгардт С. А.* Воспоминания; *Алла Д.* Свидетельство.

82. *Камов Б. Н.* Пророчество, которое сбылось // Шпион: Альм, писат. и журналист, расследования. 1993. № 1. С. 89. – Выдержка из статьи проф. И. С. «Большевизм в свете психопатологии», опубликованной в журнале «Возрождение» (Париж, 1949. № 9), о «пытке детьми», применявшейся к отцу Сергию Мечёву в лагере в Лодейном Поле.

83. Проповеди священномученика иерея Сергия Мечёва // Надежда: Душеполезное чтение. Базель; М., 1993. Вып. 17. С. 18–380.

84. *Могилевцев Г. И.* Отец Сергей Мечев // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 9/10. С. 59–61.

85. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче / публ. Е. В. Апушкиной // К Свету. 1993. № 5/6. С. 1–51. – Беседы и проповеди на Великий пост, 1923–25 гг.

86. Патерик новоканонизированных святых. [Сщмч. Сергей Мечёв: По тексту «Деяния Юбилейного Освященного Архиерейского Собора РПЦ о соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века»] // Альфа и Омега. 2000. № 3 (25). С. 237–278.

87. Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва. Письма. Проповеди. Воспоминания / сост. С. С. Бычков. М.: Мартис; SamSam, 2001. 458 с: ил. – Жизнеописание, проповеди, письма отца Сергия Мечёва; *Куприянова Т. И.*

Автобиографические записки; Воспоминания прихожанок храма Свт. Николая на Маросейке и пр.

88. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Тайны богослужения. М.: Русский Хронограф, 2001. 384 с. – Духовные беседы 1922–1929 гг. Избранные беседы после праздничных богослужений 1922–1925 гг. Жизнеописание сщмч. Сергия.

89. *Грубе А. А.* «Сын мой будет выше меня» // Московский журнал. 2005. № 8. С. 33–45. – Жизнь, пастырское служение и духовное наследие сщмч. Сергия.

90. Пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва // Новомученики и исповедники Ярославского края / авт. сост. Я. В. Волков. Ярославль; Рыбинск, 2005. С. 242–251.

91. Акафист священномученику Сергию, пресвитеру Московскому. М.: Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2007. 32 с.

92. *Дурылин С. Н.* Икина книжка, Зоина и Алешина. М.: Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2008. 16 с.: ил. – Рукописная книжка, написанная для детей Мечёвых, с фотографиями семьи.

93. *Сергий (Мечёв), сщмч.* «Вы – мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания / сост. А. Ф. Грушина. М.: ПСТГУ, 2009. 340 с.: ил. (Слово исповедников XX века). – Духовные беседы с прихожанами (1922–1929); Слово на парастасе по отцу Алексию Мечёву, Письма к общине (1929–1933); Воспоминания об отце Сергии (Мечёве).

94. Священномученик протоиерей Сергей Мечев // *Марченко В.* Новомученики и исповедники Даниловские, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке. М.: Издательский дом «Русский паломник», 2011. С. 513. – На с. 103 указано, что сщмч. Сергий Мечёв входит в собор Ростово-Ярославских святых.

95. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Покаяние есть дело всей жизни // Упоминания св. прав. Алексия и сщмч. Сергия (Мечёвых)

96. *Бердяев Н. А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. 3-е изд. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 216, 236–237. – О встрече с о. Алексием.

97. *Тропани Н. В.* Воспоминания о храме на Солянке // Московский комсомолец. 1990. 14 сентября.

98. Дроздов С. ЦК ВЛКСМ думает о душе // Комсомольская правда. 1990.10 октября.
99. Червяков А. Д. Старинный московский приход // Московский художник. 1990. 2 ноября.
100. Червяков А. Д. У Николы в Клённых // Литературная Россия. 1990.14 декабря. С. 22.
101. Червяков А. Д. Московский архив // Московский журнал. 1991. № 5. С. 52–54.
102. Дурылен С. Н., свящ. В те дни // Московский журнал. 1991. № 8. С. 20–27.
103. Бычков С. С. Мечёвская община // Московский комсомолец. 1991. 27 ноября.
104. Миша Астров : Воспоминания Елены Апушкиной // Московский журнал. 1992. № 3. С. 34–37.
105. Чичерин А. О. «последних русских философов» и о трудах одного из них // Московский журнал. 1992. № 2. С. 28–36.
106. «Женская Оптиная»: Материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря / сост. С. и Т. Фомины. М.: Паломник, 1997. С. 522: Рассказ о благословении мон. Магдалины (Фоминой) о. Алексием Мечёвым. С. 724: Воспоминания духовной дочери о. Сергия Мечёва Е. С. Волнухиной о поездке в Аносин монастырь по благословению духовного отца.
107. Быков В. В. Послесловие к воспоминаниям об отце Арсении // Отец Арсений. 5-е изд., доп. М.: ИСТГУ, 2001. С. 730–739. – Упоминаются о. Сергей Мечёв и маросейская община.
108. Житие священномученика Василия Московского. М.: ИСТБИ, 2001 С. 730–739. – О встрече отцов Василия Надеждина и Сергия Мечёва в Бутырской тюрьме.
109. Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных. М.: Православный Свято-Тихоновский институт, 2001.228 с.: ил. – Неоднократные упоминания о. Алексия и о. Сергия Мечёвых.
110. Серафимово благословение / сост. еп. Сергий (Соколов). М.: Про-Пресс, 2002. С. 117–119. – Восп. Н. Е. Пестова о духовном окормлении у сщмч. Сергия и о некоторых братьях общины – Н. Иоффе, К. Апушкине).

111. Голубцов С., протодиак. Введенское (Немецкое) кладбище. Православно-церковный некрополь: Краткий иллюстрированный справочник-путеводитель по захоронениям духовных и церковных лиц. М., 2003. С. 10. – О захоронении семьи Мечёвых.

112. Иеромонах Павел (Троицкий) : Жизнеописание / сост. прот. Владимир Воробьев. М. : ПСТБИ, 2003. С. 31. – Упоминается знакомство о. Павла с о. Сергием Мечёвым в конце 1930-х гг.

113. Чудовский хор: История в лицах. По страницам воспоминаний // Россия Православная. 2004. № 3. С. 117–124. – В рассказе о хоре Чудова монастыря в Кремле – портрет и упоминание об Алексее Ивановиче Мечёве, а также о св. прав. Алексии.

114. Быков В. В. «Настоящая вера от гонений только умножалась» // Нескучный сад. 2004. № 4(11). С. 80–85. – Последнее интервью старейшего маросейского прихожанина об общине, о. Алексии и о. Сергии Мечёвых.

115. Дурылин С. Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 878 с. – Неоднократные упоминания о. Алексия и о. Сергия Мечёвых.

116. Смирнова Т. В. «...Под покров Преподобного»: Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е гг. С. Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2008. 312 с.: ил. – Неоднократные упоминания о. Сергия Мечёва.

117. Путь тихого праведника: Жизнь и творчество Леонида Васильевича Сидорова. М.: Даниловский благовестник, 2010. 256 с. – Рассказ о поездке Л. В. Сидорова к о. Алексию Мечёву.

118. «Я никому так не пишу, как Вам...»: Переписка С. Н. Дурылина и Е. В. Гениевой. М. : Центр книги Рудомино, 2010. 544 с.: ил. – Фрагмент дневника Е. В. Гениевой, с 1924 г. – духовной дочери о. Сергия Мечёва.

119. Радомская Г. И. Хранительница церковной традиции // Московский журнал. 2011. № 3. С. 44–58. – О духовной дочери св. прав. Алексия, а затем сщмч. Сергия Мечёвых.

120. *Торопова В. Я. Жизнь в правде своей // Московский журнал. 2011. № 7. С. 48–57.*– О свящ. Сергии Сидорове, которого благословил на принятие священного сана о. Алексей Мечёв.

Маросейские клирики и миряне

121. Сокровища Введенских гор / *** // Надежда. Франкфурт-на- Майне, 1983. Вып. 9. С. 217–254. – Некрополь.
122. Борис (Холчев), архим. Огласительные беседы с крещаемыми. Беседы о молитве Господней. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1991. 96 с.
123. «В этом моё служение Христу» (воспоминания о Д. Е. Мелихове) // Московский комсомолец. 1991. 18 апреля. С. 4.
124. Покоев К. Соль земли: Памяти отца Василия Евдокимова // Московский журнал. 1991. № 12. С. 20–27.
125. Фудель С. И. Из воспоминаний о Сергее Николаевиче Дурь- лине // Московский журнал. 1991. № 6. С. 20–25.
126. Булгакова Е. А. Жизнеописание архимандрита Бориса (Холчева) // Глаголы жизни. 1992. № 2. С. 18–32.
127. Борис (Холчев), архим. О победе над грехом и смертью. Беседы, слова, поучения. М.: Изд. храма Свт. Николая чудотворца в Клённиках, 1996. Кн. 1. 191 с. (Московский приходской сборник. Вып. 2).
128. Борис (Холчев), архим. Перед встречей с Господом. Кн. 2. М.: Изд. храма Свт. Николая чудотворца в Клённиках, 1996. 327 с. (Московский приходской сборник; вып. 2).
129. Апушкина Е. В. Владыка Стефан (Никитин) // К Свету. 1993. № 9–10. С. 40–48.
130. О. Владимир Отт. Сага о нашей семье. Старый Оскол, 1993. 181 с. – Прот. Владимир Отт был духовным сыном старца Алексия, а затем о. Сергия Мечёвых. Его воспоминания содержат интереснейшие подробности жизни маросейской общины.
131. Алдошина А. Е., Алдошина Н. Е. Монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова): Жизнеописание // Иулиания (М. Н. Соколова), мон. Труд иконописца. Троице-Сергиева лавра, 1995. 221 с: ил.
132. Архимандрит Борис // Московский журнал. 1995. № 8. С. 34–42.

133. *Борис (Холчев), архим.* Огласительные беседы с крещаемыми. Беседы о молитве Господней. СПб., 1995. 87 с.

134. *Борис (Холчев), архим.* Поездка в Холмищи // Цветочки Оптиной пустыни. Воспоминания о последних Оптинских старцах о. Анатолии (Потапове) и о. Нектарии (Тихонове). М.: Паломник, 1995. С. 149–153.

135. Епископ Стефан Никитин // Московский журнал. 1996. № 2. С. 40–49.

136. *Миллер Т. А.* Свет во тьме // Альфа и Омега. 1996. № 4 (11). С. 91–97. – О свящ. Михаиле Шике.

137. *Куликова С. С.* Епископ Арсений (Крылов) // Московский журнал. 1997. № 6. С. 36–41. – О еп. Арсении, иподиаконом которого был в юности Александр Сергеевич Куликов.

138. *Шик Е. М.* Воспоминания об отце // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 175–188.

139. *Свенцицкий А., Б.* Они были последними? М.: Изд. дом «Грааль», 1997. 192 с.

140. *Борис (Холчев), архим.* Огласительные беседы с крещаемыми. Из дневниковых записей: Беседы перед Таинством крещения. Отдельные высказывания архим. Бориса. М.: Русский Хронограф, 1998. 45 с.

141. Соль земли. М.: Паломник, 1998. С. 108, 183. – Жизнеописание арх. Бориса (Холчева), воспоминания о нем.

142. *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров) // Князь Феодор (Чёрный): Ист. очерки. Ярославль: ДИА-пресс, 1999. 180 с. – Упоминания о некоторых маросейских священниках, в т. ч. архим. Борисе (Холчеве), о. Феодоре Семененко.

143. *Медведев А. В.* Столетие Д. Е. Мелехова // Альфа и Омега. 1999. № 2 (20). С. 305–307. – О Дмитрие Евгеньевиче Мелехове (1899–1979), директоре Института психиатрии, духовном сыне сщмч. Сергия Мечёва.

144. *Сидоров С. А., прот.* Записки священника Сергия Сидорова: С прил. его жизнеописания, сост. дочерью, В. С. Бобринской. М.: Православ. Свято-Тихонов. Богослов. ин-т, 1999. 296 с.: 11 л. портр, (Русское духовенство в годы гонений).

145. Алдошина И. Е. К 100-летию монахини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой): Доклад на вечере в Московской духовной академии // Искусство христианского мира. 2000. Вып. 4. С. 358–362.

146. Молитва всех вас спасёт: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / сост. и ред. О. В. Косик. М.: ПСТБИ, 2000. 709 с. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

147. Протоиерей Александр Куликов: 40 лет пастырского служения // Московский журнал. 2000. № 12. С. 10.

148. *Juliania*, *пип.* Russian Saints = Russische Heilige = Святые Руси. [8.1.]: Rista R. Y., 2000. 48 с.: ил. – Лицевые святцы.

149. Благословенный труд / Сост. Н. Е. Алдошина. М.: Московская духовная академия, 2001. 240 с. – Книга посвящена М. Н. Соколовой (мон. Иулиании).

150. Запарина Л. С. Непридуманные рассказы. Большое и малое. М.: Отчий дом, 2001. 328 с.: ил. – Упом. еп. Стефан (Никитин), свящ. Петр Константинов.

151. К столетию со дня рождения А. Б. Салтыкова // Мир Божий. 2001. № 1 (17). С. 30–33. – О члене маросейской общины, духовном сыне сщмч. Сергия Мечёва.

152. Таллинский пастырь. Протоиерей Валерий Поведений. Письма. Проповеди. Воспоминания / сост. Г. Шуттинг. Таллин: Православное издательское общество сщмч. Исидора Юрьевского, 2001. 288 с.

153. Фудель С. И, Воспоминания // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 44–60.

154. Фудель С. И. У стен Церкви // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 172.

155. Быков В. В. Иконописец Мария // Московский журнал. 2002. № 3. С. 31–37.

156. Малахова Н. А. Истоки вечной юности и радости открываются во мне // Московский журнал. 2002. № 1. С. 31–37. – О сщмч. Петре Петрикове.

157. Соколова Н. Н. Под кровом Всевышнего. М.: Православное братство св. ап. Иоанна Богослова, 2002. С. 117.

– Рассказ о Константине Константиновиче Апушкине, тайном священнике маросейской общины, являвшемся крестным отцом автора.

158. Енисейский бакенщик // Московский журнал. 2003. № 2. С. 44–53. – Запись рассказа прот. Петра Гнедича, одного из алтарных братьев мечёвской общины, в изложении В. В. Быкова.

159. Иеромонах Павел (Троицкий) : Жизнеописание / сост. прот. Владимир Воробьев. М.: ПСТБИ, 2003. 135 с.: ил. – Воспоминания прот. Александра Куликова о переписке со старцем Павлом.

160. Бирукова Е. Н. «Душа комнаты» // Московский журнал. 2004. № 8. С. 10–21. – Воспоминания о духовной дочери сщмч. Сергия А. В. Романовой.

161. Борис (Холчев), архим. Беседы о молитве Господней. М.: Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2004. 78 с.

162. Быков В. В. О домашних церквях и о батюшке – отце Александре (Ильине). Из воспоминаний о жизни маросейской общины – храма Свт. Николая в Клённиках 1932–1943 гг. // Ныне и присно. 2004. № 1. С. 12–18.

163. Каледа Л., Филоян Л. Моли Бога о нас...: воспоминания о священномученике Владимире Амбарцумове // Ныне и присно. 2004. № 1. С. 44–105.

164. Пастырь // Московский журнал. 2004. № 1. С. 23–27. – К 70-летнему юбилею прот. Александра Куликова.

165. Путь на небо – через Голгофу. Оптинский старец Рафаил (Шейхенко): Воспоминания, письма. М., 2004. 80 с. – Письма преподобноисповедника Рафаила Оптинского к архим. Борису (Холчеву).

166. Тулупов В., прот. «Благословляю Вас на подвиг жизни!» Архиепископ Гавриил (Огородников). Страницы жизни. М.: Русский Хронограф, 2004. 160 с. – Воспоминания об архиеп. Гаврииле в период его служения в Ташкентской и Среднеазиатской епархии включают многочисленные упоминания об архим. Борисе (Холчеве).

167. Филояц В. Два брата Ильина // Ныне и присно. 2004. № 1. С. 1930. – Об иеромонахе Александре (Ильине).

168. *Сабурова М. А.* Понсовы, Гедике, Метнеры, Сабуровы... // Московский журнал. 2005. № 4. С. 41–49. – Упоминается С. Н. Дурылин, бывший учителем детей Сабуровых.

169. Смысл и содержание иконы. Слово иконописца монахини Иулиании (Соколовой). М.: Московская православная духовная академия, 2005; 115 с: ил.

170. Духовное наследие архимандрита Бориса (Холчева). Проповеди, дневниковые записи, беседы и письма / сост., предисл. и жизнеописание А. Ф. Грушиной, диакона Серафима Чуракова. М.: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского» при участии издательства «Акант», 2006. 400 с : ил. – Жизнеописание; Проповеди: Великий пост, Пасха – Пятидесятница; Воскресные Евангелия; Слова и беседы в течение церковного года, по разным случаям; Из дневниковых записей; Письма и слова к духовным детям; Воспоминания об архим. Борисе.

171. *Миллер Т. А.* Протоиерей Владимир Фролов // Московский журнал. 2006. № 4. С. 37–39. – Материал об известном московском священнике содержит воспоминания прот. Александра Куликова о совместной учебе и поездках в Спасо-Преображенскую пустынь.

172. Священномученик Пётр Подкопаевский. М.: Издательский дом «Софт Издат», 2005. 428 с. – Житие сщмч. Петра Петрикова.

173. *Надеждина В. В.* «Страдание очистило меня..» // Московский журнал. 2007. № 7. С. 7–20. – О сщмч. Василии Надеждине; упоминается еп. Стефан (Никитин).

174. *Орлова З. С.* Из рода Шуваловых // Московский журнал. 2007. № 3. С. 36–38. – О предках прот. Александра Куликова по линии матери.

175. Троице-Сергиева лавра. М.: Индрик, 2007. 230 с : ил. – Статьи М. В. Шика «Митрополичьи покои» и «Колоколья и колокола», написанные им в период работы в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры в 1918–1925 гг.

176. Челпановские чтения 2006/2007: Альманах научного архива Психологического института / сост. А. Д. Червяков и др.

М. : БФ «Твердислов», 2007. 366 с. (Материалы по истории Московской психологической школы). – Психологическое наследие архимандрита Бориса (Холчева); Обзор архивных материалов Б. В. Холчева, студента Императорского Московского университета и сотрудника Психологического института (1913–1920); «Что такое самосознание и самовоспитание, для чего они нужны и чем достигаются?» – ученическое сочинение Бориса Холчева (1913).

177. *Кызласова И. Л.* О П. Б. Юргенсоне (1903–1971), византинисте и зоологе; *Юргенсон Я. Б.* Моя жизнь // Искусство христианского мира: сб. статей. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. Вып. 10. С. 544–575. – П. Б. Юргенсон был женат первым браком на дочери св. прав. Алексия Мечёва Ольге Алексеевне; его воспоминания содержат частые упоминания маросейских пастырей.

178. *Шике. М.* Путь // Альфа и Омега. 2007. № 1 (48). С. 256–273. № 2 (49). С. 244–262.

179. *Щелкачев В. Н.* Дорога к истине. М.: ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»», 2007. 304 с., ил.

180. *Борис (Холчев), архим.* Огласительные беседы с крещаемыми. М.: Лоза, 2008. 31 с.

181. *Русин В., свящ.* «Горю желанием служить Церкви». Жизнеописание протоиерея Владимира Отта. Старый Оскол, 2008. 48 с. – Об одном из алтарных братьев мечёвской общины, в дальнейшем принявшем священный сан.

182. *Смирнова Г. В.* «...Под покров Преподобного»: очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. С. Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2008. 312 с.: ил. С. 129–148. – Рассказ о семье о. Михаила Шика.

183. *Торопова В. Н.* «Крепче смерти». Жизнь и судьба И. А. Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976) // Московский журнал. 2008. № 7. С. 38–55.

184. *Зегжда С. А.* Митрополит Иоанн (Вендланд). Биографический очерк. 1909–1989. Ярославль: Ярославская епархия, 2009. 175 с.: ил.

185. Протоиерей Александр Куликов // Московский журнал. 2009. № 6. С. 40–49. – Слово прощания.

186. *Свенцицкий А. В.* Невидимые нити. Церковь, события, люди. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 432 с.: ил.

187. *Тарасова Г. И.* «Из небытия будут воссозданы храмы...» // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 3. С. 52–53. Московский журнал. 2009. № 2–3. С. 56–63. – О московских иконописцах Ирине Васильевне Ватагиной и Ирине Владимировне Волочковой – духовных чадах прот. Александра Куликова.

188. *Чернышев Н., прот.* Иконописец, подвижница благочестия Русской Православной Церкви XX века монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова, 8.11.1899 – †16.02.1991) // Альфа и Омега. 2009. № 3 (56). С. 311–318.

189. *Чернышев Н., прот.* Протоиерей Александр Куликов. (Некролог) // Журнал Московской Патриархии. 2009. № 6. С. 87–92.

190. *Чернышев., прот.* Протоиерей Александр Куликов. (1.12.1933 – †29.04.2009) // Альфа и Омега. 2009. № 3 (56). С. 388–396.

191. Выставка «Благословенный труд. Жизнь и творчество монахини Иулиании (М. Н. Соколовой)» // Московский журнал. 2010. № 10. С. 82–83.

192. *Пономаренко Д., диак.* Епископ Стефан (Никиган): Жизнеописание, документы, воспоминания. М.: ПСТГУ, 2010. 927 с.: ил. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

193. *Торопова В. Н.* «Я всегда чувствовал Вашу любовь» // Московский журнал. 2010. № 4. С. 15–23. – О духовной дружбе еп. Стефана и С. Н. Дурылина.

194. *Чернышев Н., прот.* Об отце Александре Куликове // Альфа и Омега. 2010. № 1 (57). С. 286–293.

195. *Никитина В. Ю.* «Жили мы трудно, но очень счастливо...» // Московский журнал. 2011. № 11. С. 56–72. – Упоминается о знакомстве прот. Александра Куликова и крестной матери автора Лидии Евлампиевны Случевской.

196. *Радомская Т. И.* Хранительница церковной традиции // Московский журнал. 2011. № 3. С. 44–58. – Воспоминания о Е.

В. Апушкиной – духовной дочери св. прав. Алексия и сщмч. Сергия (Мечёвых).

197. *Смирнова Т. В.* Из прошлого Сергиевской земли. С. Посад, 2011. 256 с.: ил. – Упом. о М. В. Шике.

198. *Чернышев Н, прот.* Памяти монахини Иулиании // Альфа и Омега. 2011. № 1 (60). С. 369–373.

199. *Торопова В. Н.* «Это–ласка православия» // Московский журнал. 2012. № 2. С. 36–48. – С. Н. Дурюлин и Оптиная пустынь.

Примечания

- ¹ - Печатается по: Возрождение. М., 1918. № 8. С. 10–12.
- ² - Исаак Сирин, прп. Слова о подвижнические, 2.
- ³ - Достоевский Ф. М. Дневник писателя (1880) Гл. 2 Пушкин (очерк).
- ⁴ - Ключевский В. О. Исторические портреты и этюды. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства.
- ⁵ - Печатается по: Сергей Мечёв, сщмч. «Вы – мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания М.: ПСТГУ, 2009 С. 247–253. Парастас по отцу Алексию Мечёву совершался в храме Святителя Николая в Клённиках по первым пятницам каждого месяца.
- ⁶ - Печатается по: Сергей Мечёв, сщмч. Тайны богослужения М.: Храм Святителя Николая в Клённиках. 2001; Архив храма Святителя в Николая Клённиках. (С испр. и доп.)
- ⁷ - Утреня Святой Пасхи Канон Песнь 1, тропарь 2.
- ⁸ - Символ веры, 3.
- ⁹ - См.: Филарет Московский, свт. Слово на Рождество Христово (1812).
- ¹⁰ - Афанасий Великий, свт. Слово на язычников, 2.
- ¹¹ - Григорий Богослов, свт. Слова, 38.
- ¹² - Начало Индикта, сиречь Нового лета (1сентября). Утреня, канон. Песнь 9. Тропарь 2-й.
- ¹³ - Рождество Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. Стихира 4-я на «Господи воззвах».
- ¹⁴ - Рождество Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. Стихира 4-я на «Господи воззвах».
- ¹⁵ - Рождество Пресвятой Богородицы. Утреня. Второй канон. Песнь 4. Тропарь 2-й.
- ¹⁶ - Рождество Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. Стихира 5-я на «Господи воззвах».

17 - Рождество Пресвятой Богородицы. Утреня. Первый канон.

18 - Литургия Преждеосвященных Даров. Песнопение на великом входе.

19 - Литургия свт. Иоанна Златоуста. Молитва священника на малом входе.

20 - Например, прп. Марк Подвижник говорит: «Подобает научиться духовному закону, возложить на себя подвиги о благочестии и постигающие скорби переносить терпением, как свои» (цит. по: Игнатий (Брянчанинов) свт., Приношение современному монашеству, 33).

21 - Иоанн Лествичник прп. Лествица, 27, 70.

22 - Иоанн Лествичник. прп. Лествица, 27, 70.

23 - Там же 8, 20.

24 - Иоанн Лествичник прп. Лествица, 8, 20.

25 - Имеется в виду событие 1 октября 910 г. при осаде Константинополя сарацинами (по некоторым другим источникам – русами).

26 - Древний патерик Гл. 12:2.

27 - Там же Гл. 12:20.

28 - Древний патерик. Гл. 12, 10.

29 - Там же Гл. 12, 18.

30 - Введение во храм Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. Стихиры на «Господи воззвах.» «Слава и ныне».

31 - Иоанн Кронштадтский, св. прав. Моя жизнь во Христе, 3, 2.

32 - Например, прп. Антоний Великий в «Уставе отшельнической жизни» (правило 147) пишет: «Да будут тебе в образец и пример те, которые возлюбили Господа от всего сердца своего и постоянно прилежат добрым делам; не стыдись просить у них уроков жизни, потому что они совершенны в добродетелях». (Добротолубие Т.1)

33 - Неделя сыропустная. Утреня. Кондак.

34 - Молитва прп. Ефрема Сирина, чтение которой положено за богослужением в среду и пяток Сырной седмицы, а также во

все дни многодневных постов, кроме субботы воскресенья (на практике лишь Великим постом).

³⁵ - Последование ко Святому Причащению. Молитва 2-ая.

³⁶ - Ср.: «Образ есмь неизреченная Твоя слава, аще и язвы ношу прегрешений. Ущедри Твое создание, Владыко, и очисти Твоим благоутробием» (Заупокойное последование. Тропарь 4-й по Непорочных).

³⁷ - Святой и Великий Понедельник. Утреня. Стихира 1-я на хвалитех.

³⁸ - Неделя пред Рождеством Христовым, святых отец. Тропарь.

³⁹ - Введение во храм Пресв. Богородицы. Великая вечерня. Стихира 1-я на стиховне.

⁴⁰ - Имеется виду Каин. Объяснение имени согласно, Быт 4:1: Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела человека от Господа. На самом деле этимология неясна.

⁴¹ - Сто двадцать лет число лет жизни (допотопного человечества, остававшееся для раскаяния), согласно Быт. 6:3

⁴² - В продолжение всего строительства ковчега Ноем люди ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошёл Ной в ковчег, и пришёл потоп и погубил всех (Лк.17:27).

⁴³ - См., например, хронику Повесть временных лет, одним из составителей которой считается прп. Нестор Летописец.

⁴⁴ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 27, 70.

⁴⁵ - Там же. 4:84.

⁴⁶ - Там же. 8:27.

⁴⁷ - Предпразднство Рождества Христова(20–24декабря) Утреня Тропарь.

⁴⁸ - Рождество Христово. Утреня. Первый канон. Песнь 1. Ирмос.

⁴⁹ - См. прим. 36 на с. 36.

⁵⁰ - Ангельская песнь (см. Лк. 2:14).

⁵¹ - Имеется в виду первое отречение апостола Петра от Иисуса Христа после Его ареста, во дворе первосвященника

Каифы (см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 26:55–62; Ин.: 18:15–18; 25–27).

⁵² - Например, для учеников Иисуса Христа, удивившихся, что Он разговаривал с женщиной-самарянкой, что осуждалось правилами иудейских раввинов (см.: Ин.4:27), или при исцелении расслабленного в Капернауме для книжников и фарисеев, осуждавших Господа за богохульство (см. Мф. 9:2; Мк. 2:5–7; Лк. 5:20–21), или для фарисеев, недоумевавших, что Он дружит с мытарями и грешниками и ест и пьёт с ними (см.: Мф. 9:11, 11:19; Мк.: 2:16; Лк. 7:34).

⁵³ - Иоанн Лествичник прп. Лествица , 28, 1.

⁵⁴ - Там же. 28, 29.

⁵⁵ - Песнопение «Да исправится молитва моя» на литургии Преждеосвящённых Даров.

⁵⁶ - Святое Богоявление. Утренняя. Второй канон. Припев 5-й.

⁵⁷ - Ср.: «Воплоти ангел...» (тропарь пророка Илии).

⁵⁸ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 8-й.

⁵⁹ - Предпразднство Богоявления. Тропарь.

⁶⁰ - Святое Богоявление. Утренняя. Стихира 3-я на хвалитех.

⁶¹ - Имеется виду Всемирный потоп (см. Быт. 6:5–9:17).

⁶² - Имеется в виду жертвоприношение Исаака Авраамом (см.: Быт. 22:1–19).

⁶³ - Последование часов в Навечерие Богоявления. Час 9-й. Стихира.

⁶⁴ - См.: Иоанн Златоуст, свт. Письмо к Кесарию монаху.

⁶⁵ - «Во-вторых, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горё, чтобы она став, руководительницей для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же чем, Бог для души» (Григорий Богослов, свт. Слова, 3).

⁶⁶ - Неделя о мытаре фарисее. Утренняя. Покаянный тропарь и Песнопение по 50-м псалме.

67 - Например, об этом говорит в «Лествице» прп. Иоанн Лествичник (см:28, 1, 34 и др.)

68 - Иоанн Лествичник прп. Лествица, 23, 2.

69 - Там же. 23, 3.

70 - Там же.

71 - Ср.: Древний патерик 15, 2.

72 - Иоанн Лествичник прп. Лествица, 22, 2.

73 - Там же. 15, 40.

74 - Неделя о мытаре и фарисее. Утренняя. Канон. Песнь 5. Тропарь. 1-й.

75 - Ср.: Древний патерик Гл. 9, 12.

76 - Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 22, 7.

77 - Там же 23, 2.

78 - Там же 23. 1.

79 - Имеется ввиду Макарий Великий (см. его житие).

80 - См. прим. 53 на с. 71.

81 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 22, 36.

82 - Например, он говорит: «Пост тщеславного остаётся без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то и другое делает для похвалы человеческой» (Лествица, 22, 7).

83 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 22, 29.

84 - Имеется в виду христианский прп. Иосиф Песнописец (†883).

85 - Ср., напр.: Неделя о мытаре и фарисее. Утренняя. Канон. Песнь 5. Тропарь 1-й.

86 - См. Символ веры, 4.

87 - См.: Там же, 7.

88 - Надписание службы Субботы мясопустной в Триоди постной.

89 - Синаксарь Субботы мясопустной.

90 - Суббота мясопустная. Вечерня. Стихира 1-я на Господи, воззвах.

91 - Там же. Утренняя. Канон. Песнь 5. Тропарь 2-й.

92 - Там же. Песнь 1. Тропарь 5-й.

- 93 - Там же. Песнь 1. Тропарь 4-й.
- 94 - Там же. Песнь 3. Тропарь 2-й и 4-й.
- 95 - Там же. Песнь. Тропарь 1-й, 2-й, 4-й.
- 96 - Там же. Песнь 6. Тропарь 2-й.
- 97 - Ср. Неделя мясопустная. Вечерня. Стихиры 1-я, 2-я, 3-я на Господи, воззвах.
- 98 - Ср. Там же. Утренья. Канон. Песнь. Тропарь 1-й.
- 99 - Григорий Богослов, свт. Слова, 15.
- 100 - Символ веры. 4 и 7.
- 101 - См. прим. 30 на с. 32.
- 102 - Среда Сырной седмицы. Утренья. Канон. Песнь 4. Тропарь 1-й.
- 103 - Там же. Песнь 5. Тропарь 1-й.
- 104 - Ср. Там же. Песнь 6. Тропарь 1-й.
- 105 - Среда Сырной седмицы. Утренья. Канон. Песнь 8. Тропарь 1.
- 106 - Там же. Песнь 8. Тропарь 3-й.
- 107 - Ср.: Там же. Песнь 6. Тропари 1-й и 2-й.
- 108 - Суббота Сырной седмицы. Вечерня. Стихира 1-ая на Господи, воззвах.
- 109 - Там же. Стихира 2-я на Господи, воззвах.
- 110 - Суббота Сырной седмицы. Утренья. Канон. Песнь 1. Тропари 1-й, 2-й, 4-й, 7-й
- 111 - Там же. Песнь 3. Тропарь 5-й.
- 112 - Там же. Песнь 4. Тропарь 4-й.
- 113 - Ср.: Там же. Песнь 4. Тропарь 5-й.
- 114 - Там же. Песнь 5. Тропарь 3-й.
- 115 - Там же. Песнь 7. Тропарь 1-й, 4-й, 7-й.
- 116 - Там же. Песнь 8. Тропарь 1-й.
- 117 - Имеется в виду свт. Афанасий Великий (Александрийский).
- 118 - Имеется в виду свт. Григорий Богослов.
- 119 - Суббота. Сырной седмицы. Утренья. Канон. Песнь 8. Тропарь 2-й.

120 - Имеются в виду свт. Кирилл Александрийский и Кирилл Иерусалимский.

121 - Имеется в виду прп. Исихий Иерусалимский.

122 - Суббота Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 8. Тропарь 3-й.

123 - Имеется в виду св. Амвросий Медиоланский.

124 - Имеется в виду св. Дионисий Ареопагит.

125 - Суббота Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 9. Тропарь 3-й, 5-й, 6-й

126 - Неделя сыропустная. Вечерня. Стихира 2-я на Господи, воззвах.

127 - Там же. Слава, и ныне.

128 - См.: Великий покаянный канон св. Андрея Критского. Песнь 1. Тропарь 2-й.

129 - Неделя сыропустная. Стихиры на Господи, воззвах. «Слава, и ныне».

130 - См. прим. 62 на с. 51.

131 - Великая ектения.

132 - См. прим. 54 на с. 47.

133 - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого Песнь 1. Тропари 1-й, 3-й, 4-й.

134 - Там же. Кондак.

135 - Неделя о мытаре и фарисее. Вечерня. Стихира 1-я на Господи, воззвах.

136 - Точная цитата: «Тебе должно с изумлением и трепетом возносить ангельское славословие, со страхом совершать исповедание пред Создателем и чрез это испрашивать прощение грехов; а ты переносишь сюда обычаи шутов и плясунов, безобразно протягивая руки, припрыгивая ногами и кривляясь всем телом. Как ты не боишься и не трепещешь, дерзко слушая таки изречения? Разве ты не знаешь, что здесь невидимо присутствует Сам Господь, измеряя движение каждого и испытывая совесть? Разве ты не знаешь что, ангелы предстоят этой страшной трапезе и окружают её со страхом? Но

ты не разумеешь этого, потому что слышанное и виденное тобою на зрелищах помрачило твой ум, и совершаемое там ты вносишь в церковные обряды, обнаруживая бессмысленными криками беспорядочность своей души». (Иоанн Златоуст, свт. Беседы на слова пророка Исаии. Беседа 1, 2).

¹³⁷ - Неточность: к чтецам и певцам в данном контексте обращается не 4-й, а 5-й Вселенский Собор (Константинопольский). Его 75-е правило гласит: «Желаем, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли бесчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика и не вводили ничего несообразного и не свойственного церкви; но с великим вниманием и умилением приносили псалмопения Богу, назирающему сокровенное. Ибо священное слово поучало сынов Израилевых быть благоговейными».

¹³⁸ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Слава.

¹³⁹ - Светилен первых четырёх дней. Страстной седмицы.

¹⁴⁰ - Литургия Великой субботы. Песнопение великого входа вместо Херувимской.

¹⁴¹ - См. прим. 30 на с. 32.

¹⁴² - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Тропарь 1-й.

¹⁴³ - См. прим. 136 на с. 70.

¹⁴⁴ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В среду первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 2-й.

¹⁴⁵ - Там же. Песнь 6. Ирмос.

¹⁴⁶ - Неточность. См. прим. 134 на с. 69.

¹⁴⁷ - См. прим. 32 на с. 32.

¹⁴⁸ - Неделя о блудном сыне. Утреня. Стихира 3-я на хвалитех.

¹⁴⁹ - Древний патерик, 15, 15.

¹⁵⁰ - Неделя о блудном сыне. Утреня. Канон. Песнь 5. Тропарь 1-й.

¹⁵¹ - См. Древний патерик, 10, 4.

¹⁵² - Подразумевается разговор между аввой Иоанном и аввой Феодором, о котором повествует Древний патерик(10, 32).

¹⁵³ - «Воззрех на садовную красоту, прельстихся умом; и оттуду лежу наг срамляюся» (Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 11-й).

¹⁵⁴ - Канон Предпразднства Сретения. Утреня. Канон. Песнь 8. Тропарь 2-й.

¹⁵⁵ - Там же. Песнь 9. Тропарь 1-й.

¹⁵⁶ - Ср.: Неделя о блудном сыне. Вечерня. Стихира 1-я на Господи, воззвах.

¹⁵⁷ - Ср. Неделя о блудном сыне. Утреня. Канон. Песнь 3. Тропарь 1-й. Песнь 5. Тропарь 1-й.

¹⁵⁸ - Неделя о блудном сыне. Вечерня. Стихира 1-я на Господи, воззвах.

¹⁵⁹ - Там же.

¹⁶⁰ - См. прим. 62. на с. 51.

¹⁶¹ - Неделя о блудном сыне. Утреня. Седален.

¹⁶² - См. прим. 54 на с. 47.

¹⁶³ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 9-й.

¹⁶⁴ - Сретение Господне. Канон. Песнь 9. Припев 7-й.

¹⁶⁵ - См. прим. 60 на с. 49.

¹⁶⁶ - «Авва Алоний сказал: если человек не скажет в сердце своём что, в мире я один, да Бог, не найдёт спокойствия» (Древний патерик 11, 12).

¹⁶⁷ - Точно: «Чествование образа переходит к первообразу» (Василий Великий свт. О Святом Духе, 18).

¹⁶⁸ - Ср.: Григорий Богослов, свт. Слова, 15.

¹⁶⁹ - Ср., например: Тихон Задонский, свт. Сокровище духовное, от мира собираемое, 35; Дорофей, авва. Душеполезные поучения и послания, 3.

- 170 - Ср: Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. Песнь 3. Тропарь 2-й.
- 171 - См. прим 137 на с. 70.
- 172 - Суббота мясопустная. Утреня. Канон. Песнь 2. Тропарь 4-й.
- 173 - Там же. Песнь 1. Тропарь 5-й.
- 174 - Там же. Песнь 6. Тропарь 3-й.
- 175 - Неделя мясопустная. Утреня. Синаксарь.
- 176 - Там же.
- 177 - Там же.
- 178 - Там же.
- 179 - Неделя мясопустная. Утреня. Канон. Песнь 7. Тропарь 1-й.
- 180 - Там же. Стихира 1-ая на хвалитех.
- 181 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 1.
- 182 - См.: Символ веры, 7.
- 183 - Неделя мясопустная. Вечерня. Стихира 2-я на Господи, воззвах.
- 184 - Выражение прп. Иоанна Карпафского. Точно: «Всякий от плодов своего пути вкушает – одну половину, ныне, а другую в будущем веке» (Добролюбие Т. 3).
- 185 - Точно: «Никакая власть не принуждает нас насильственно ни к добру, ни злу но кому мы, по нашей свободной воле, работаем Богу или дьяволу, потом поощряет нас ко всему, что составляет его область». (Марк Подвижник, прп. Наставления о духовной жизни, с. 2, 27).
- 186 - Неделя мясопустная. Утреня. Канон. Песнь 4. Тропарь 3-й.
- 187 - Там же. Икос.
- 188 - См.: Марк Подвижник, прп. Наставления о духовной жизни, 2, 29.
- 189 - См.: Там же.
- 190 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 11

- ¹⁹¹ - См. Там же.
- ¹⁹² - Имеется ввиду Иоанн (см., например, Ин. 21:20).
- ¹⁹³ - Слова прп. Синклитикии. См. Древний патерик 10, 100.
- ¹⁹⁴ - См.: Там же. 10, 114.
- ¹⁹⁵ - У прп. Синклитикии есть такие слова: «Пока молод ты и силен – постись, ибо придёт старость, а с нею и немощь. Пока ты в силах, собирай сокровище, чтобы после не оказаться бессильным». (Древний патерик 10, 101).
- ¹⁹⁶ - См.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица 26, 2.
- ¹⁹⁷ - См. прим. 182. на с. 91.
- ¹⁹⁸ - Последование ко Святому Причащению. Канон. Песнь 8. Слава.
- ¹⁹⁹ - Древний патерик, 3, 22.
- ²⁰⁰ - Точно: «Кто сподобился увидеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть ангелов» (Слова подвижнические, 41).
- ²⁰¹ - Неделя сыропустная. Вечерня. Стихира 1-я на Господи, воззвах.
- ²⁰² - См. прим. 61 на с. 50.
- ²⁰³ - См. так же: Григорий Богослов, свт. Слова, 44.
- ²⁰⁴ - Неделя сыропустная. Вечерня. Стихира 2-я на Господи, воззвах.
- ²⁰⁵ - Неделя сыропустная. Утреня. Канон. Песнь 1. Тропарь 1-й.
- ²⁰⁶ - См. прим. 54 на с. 47.
- ²⁰⁷ - См. прим. 160 на с. 79.
- ²⁰⁸ - Утреня Святого и Великого Вторника Эксапостиларий
- ²⁰⁹ - См. прим. 202 на с. 102.
- ²¹⁰ - Неделя сыропустная. Утреня. Канон. Песнь 7. Тропарь 2-й.
- ²¹¹ - Там же. Песнь 9. Тропарь 3-й.
- ²¹² - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Тропарь 1-й.

²¹³ - Великий Варсонофий, прп; Иоанн Пророк, прп.
Руководство духовной жизни в ответах на вопросы учеников.
Ответ Иоанна на вопрос 282.

²¹⁴ - Там же. Ответ Варсонофия на вопрос 254.

²¹⁵ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 7, 60.

²¹⁶ - См.: Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В среду первой седмицы Великого поста. Песнь 4. Тропарь 1-й.

²¹⁷ - Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.
Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников.
Ответ Варсонофия на вопрос 254.

²¹⁸ - Ср.: Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 7. Тропарь 5-й.

²¹⁹ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 9. Тропарь 4-й.

²²⁰ - См., например, его «Слово о Суде и воскресении».

²²¹ - См. прим. на с. 104.

²²² - См. прим. 212 на с. 103.

²²³ - Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 7, 70.

²²⁴ - Последование исповедания. Молитва над главою исповедуемого.

²²⁵ - Иоанн Лествичник. прп. Лествица, 28, 1.

²²⁶ - По-видимому, подразумевается молитва «Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша...» Из вседневного последования «Молитвы на сон грядущим». «Боже, ослаби, остави...» – молитва 8-я, св. Иоанна Златоуста, ко Святому Причащению.

²²⁷ - Канон покаянный ко Господу Иисусу Христу. Песнь 1. Тропарь 2-й.

²²⁸ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В среду первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 2-й.

²²⁹ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В четверг первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Тропарь 1-й.

²³⁰ - Молитвы на сон грядущим. Молитва 7-я, св. Иоанна Златоуста.

²³¹ - Ср. Феодор Студит, прп. Послания, 33 (92).

²³² - Ср.: Там же. 370 (558).

²³³ - См. прим. 164 на с. 85.

²³⁴ - Ср.: Деяния Вселенских Соборов. Догмат Седьмого Вселенского Собора об иконопочитании.

²³⁵ - Великий покаянный канон св. Андрея Критского. Во вторник первой седмицы Великого поста. Песнь 8. Тропарь 6.

²³⁶ - Точно: «Не поклоняюсь веществу, но поклоняюсь Творцу вещества, сделавшемуся веществом ради меня, соблагволившему поселиться в веществе и через посредство вещества соделано моё спасение». (Иоанн Дамаскин, прп. Три защитительных слова против отвергающих святыне иконы, 16).

²³⁷ - Молитва на литургии перед Святым Причащением.

²³⁸ - См. прим. 43 на с. 38.

²³⁹ - Заупокойное последование. Тропарь 4-й по Непорочных.

²⁴⁰ - Ср.: Феодор Эфесский, свт. Слово умозрительное. // Добротолюбие Т. 3.

²⁴¹ - См.: Диадокх, блж. Подвижническое слово, 89 // Добротолюбие. Т. 3.

²⁴² - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 27, 60.

²⁴³ - См. прим. 163 на с. 85.

²⁴⁴ - Ср: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 27, 60.

²⁴⁵ - Там же. 27, 81.

²⁴⁶ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 27, 78.

²⁴⁷ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 27, 61.

²⁴⁸ - См. след. прим.

²⁴⁹ - Эти слова святителя, например, приводит архим. Киприан (Керн) в 8-й главе своей «Антропологии святителя Григория Паламы».

²⁵⁰ - Григорий Богослов, свт. Слова, 3.

²⁵¹ - Утреня в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы. Тропарь.

²⁵² - См.: Григорий Палама, архиеп. Солунский, св. Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и оплодах умного делания, 4 // Добротолюбие Т. 5.

²⁵³ - Там же, 9.

²⁵⁴ - Григорий Палама, архиеп. Солунский, св. Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и оплодах умного делания, 3–4 // Добротолюбие Т. 5.

²⁵⁵ - Там же, 5.

²⁵⁶ - Там же, 6.

²⁵⁷ - См. прим. 248. на с. 122.

²⁵⁸ - В Славянской Библии Синодальном переводе – день.

²⁵⁹ - Григорий Палама, архиеп. Солунский, св. Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания, 7 // Добротолюбие Т. 5.

²⁶⁰ - В Славянской Библии: вси оживут, кийждо же во своем чину; в Синодальном переводе: все оживут, каждый в своём порядке.

²⁶¹ - Григорий Палама, архиеп. Солунский, св. Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания, 6 // Добротолюбие Т. 5.

²⁶² - См. прим. 248 на с. 122.

²⁶³ - См.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 23, 32.

²⁶⁴ - Например, прп. Иоанн Лествичник говорит: «За какие грехи осудим ближнего телесные, или душевные, в те впадём сами; иначе не бывает (Лествица, 10, 9).

²⁶⁵ - Например, прп. Иоанн Лествичник: «Один почтенный муж сказал мне положим, что есть двенадцать бесчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати» (Лествица, 23, 5).

²⁶⁶ - Молитва прп. Ефрема Сирина.

²⁶⁷ - Давид после согрешения с Вирсавией (см. 2Цар. 11:3–27) просил милости Божией: «Помилуй меня, Боже, по великой

Твоей милости и, по множеству щедрот Твоих изгладь мои беззакония (Пс. 50:3). О троекратном отречении Петра от Иисуса Христа и раскаянии см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 18:25–27.

²⁶⁸ - Тропарь на поклонение Кресту.

²⁶⁹ - Авва Пафнутий, историю которого рассказывает Древний патерик (см.: 17, 14).

²⁷⁰ - См.: Древний патерик, 17, 19.

²⁷¹ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 180.

²⁷² - Там же. 4, 61.

²⁷³ - Ср.: Там же. 4, 12.

²⁷⁴ - См. прим. выше.

²⁷⁵ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 30, 23.

²⁷⁶ - Там же. 30, 21.

²⁷⁷ - Там же. 30, 22.

²⁷⁸ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 30, 24.

²⁷⁹ - Григорий Богослов, свт. Слова, 27.

²⁸⁰ - Там же. 32.

²⁸¹ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица. Краткое увещание, которое содержит в себе все то, что говорено было в сей книге пространно.

²⁸² - Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 52.

²⁸³ - Там же. 25, 2–4.

²⁸⁴ - Там же. 25, 41.

²⁸⁵ - Там же. 25, 26.

²⁸⁶ - Там же. 25, 27.

²⁸⁷ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 25, 34.

²⁸⁸ - Там же. 22, 17.

²⁸⁹ - Там же. 25, 44.

²⁹⁰ - См. прим. 47.

²⁹¹ - Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 2.

²⁹² - Там же. 4, 54.

²⁹³ - Ср.: Там же. 26, 87.

²⁹⁴ - См. прим. 220 на с. 105.

- 295 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 25, 63.
296 - См. прим. 62 на с. 51.
297 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 25, 52.
298 - Проповедь 1924 г. Отец Алексей Мечёв отошёл ко
Господу 22 июня 1923 г.
299 - Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 7, 37.
300 - Свт. Григория Паламы.
301 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 1, 10.
302 - Там же. 1, 7.
303 - Последование оглашения.
304 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 1, 16.
305 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 1, 9.
306 - Там же. 1, 23.
307 - Там же. 1, 4.
308 - ³⁰³ Там же. 1, 4.
309 - ³⁰⁸ Там же. 1, 25.
310 - Там же. 1, 26.
311 - Там же.
312 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица. Краткое увещание,
которое содержит в себе всё то, что говорено было в сей книге
пространно.
313 - См. здесь и далее: Житие прп. Марии Египетской //
Димитрий Ростовский, свт. Жития святых.
314 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 15, 41.
315 - Там же. 15, 5.
316 - Там же. 15, 12.
317 - Там же. 15, 37.
318 - Там же. 27, 6.
319 - Там же. 15, 40.
320 - Там же. 4, 3.
321 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 15, 36.
322 - Там же. 30, 24.
323 - Там же. 30, 22.

324 - Отпуст в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы.

325 - Неделя ваий. Великая вечерня. Стихира 1-я на Господи, воззвах.

326 - Неделя ваий. Утреня. Тропарь.

327 - Там же. Ин тропарь.

328 - На литургии в Субботу праведного Лазаря.

329 - Неделя ваий. Малая вечерня. Стихира 4-я на Господи, воззвах.

330 - Из Херувимской песни.

331 - Подобно разумным девам из евангельской притчи о десяти девах (см.: Мф. 25:1–13).

332 - Тропарь Входа Господня во Иерусалим.

333 - Вторника ваий. Утреня. Второй трипеснец. Песнь 9. Заключительный тропарь.

334 - Святая Пасха. Утреня. Канон. Песнь 1. Тропарь 1-й.

335 - Григорий Богослов, свт. Плач о страданиях души своей.

336 - Неделя о слепом. Утреня. Кондак.

337 - «Внемли себе» встречается в тексте Ветхого Завета 10 раз.

338 - Песнь 3. Тропарь 2-й.

339 - ³³³ Последование погребения мирских человек.

Стихиры. Слава.

340 - Строки из «Пира во время чумы» А. С. Пушкина.

341 - Служба свт. Николая Мирликийского (6 декабря).

Малая вечерня. Стихира 3-я на Господи, воззвах.

342 - См. Дорофей, авва. Душеполезные поучения, 2.

343 - Служба Перенесения честных мощей Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского. Тропарь.

344 - Точно: «Пастырь должен идти впереди стада и вести его в обители небесные, а не уподобляться столбу на перекрёстке» (цит. по: Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении).

- ³⁴⁵ - Антоний Великий, св. Наставления о доброй нравственности и святой жизни, 1 // Добротолюбие. Т. 1.
- ³⁴⁶ - Ср.: Св. Иоанна Кассиана обозрение духовной брани. Цель и конец подвижничества, 1, 2 // Добротолюбие. Т. 2.
- ³⁴⁷ - Молитва на наречение имени в восьмой день.
- ³⁴⁸ - Последование св. миропомазания. Молитва 1-я на измовение. Последование оглашения. Молитва 4-я.
- ³⁴⁹ - Молитва в годовщину крещения.
- ³⁵⁰ - Например, свт. Феофан Затворник: «Взгляните, понаблюдайте за сердцем вашим в продолжение небольшого времени и увидите, что в нём делается», и прп. Силуан Афонский: «Надо умом смотреть в сердце, что там делается: мирно или нет» (цит. по: Пестов Н. Е. Современная практика православного благочестия. Т. 1. Ч. 1. Главы соответственно 7 и 40).
- ³⁵¹ - Максим Исповедник, прп. Главы о любви. 4-я сотница, 70–72.
- ³⁵² - См. прим. 179.
- ³⁵³ - Ср.: «Бог превыше Небес с плотию восходит» (Вознесение Господне. Утреня. Стихира 2-я на хвалитех).
- ³⁵⁴ - Точно: «Бог соделался человеком на тот конец, чтоб нас соделать богами» (Симеон Новый Богослов, прп. Слова 63).
- ³⁵⁵ - См.: Деяния святых апостолов, гл. 1.
- ³⁵⁶ - Вознесение Господне. Великая вечерня. Стихира 1-я на Господи, воззвах.
- ³⁵⁷ - Ср.: Вознесение Господне. Утреня. Первый канон. Песнь 3. Тропарь 4-й.
- ³⁵⁸ - Афанасий Великий, свт. Слово о воплощении Бога Слова и Его явлении нам во плоти, 54.
- ³⁵⁹ - Вознесение Господне. Великая вечерня. Стихира 5-я на литии.
- ³⁶⁰ - Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры, 3, 2.
- ³⁶¹ - Великая суббота. Утреня. Кондак.

- 362 - См.: Великая Суббота. Утренняя. Стихира 1-я на хвалитех.
- 363 - Вознесение Господне. Утренняя. Кондак.
- 364 - Григорий Богослов, свт. Слова, 38 и 45.
- 365 - Вознесение Господне. Утренняя. Первый канон. Песнь 3. Тропарь 2-й.
- 366 - Наставления святого отца нашего Антония Великого о жизни во Христе, 20 // Добротолюбие. Т. 1.
- 367 - Макарий Великий, прп. Господь устроитель спасения, 3, 58 // Добротолюбие. Т. 1.
- 368 - Ср.: Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 5, 169.
- 369 - Например, прп. Макарий Великий (см.: Духовные беседы, 27, 12).
- 370 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 7, 3.
- 371 - См.: Димитрий Ростовский, свт. Житие святого Иоанна Постника, патриарха Константинопольского.
- 372 - См. прим. 431 на с. 448 (Наст. изд. Кн. 1.).
- 373 - См.: Толстой Л. Н. ответ Синоду.
- 374 - Точно: «Стыд для человечества, что есть люди, мечтающие быть разумнее других и мудрствующие не разумнее червя, который готовится к смерти устройством себе паутинного или шелковичного гроба не с тем, чтобы в нём исчезнуть, но, чтобы положив в нём земную жизнь червя, воскреснуть в воздушную жизнь бабочки» (Филарет Московский, свт. Слова и речи, 258).
- 375 - Успение Пресв. Богородицы. Утренняя. Первый канон. Песнь 9. Тропарь 1-й.
- 376 - Ср.: Последование общего молебна. Стихира по Евангелии.
- 377 - Печатается по: Надежда: Душеполезное чтение. Базель; М., 1993. Вып. 17. С. 342–380 (с испр. и доп.).
- 378 - Ср.: Чин исповеди. Молитва над главою исповедуемого.

³⁷⁹ - Офни и Финеес – сыновья первосвященника Илии, известные своими бесчинствами в храме, грабёжом жертвенных дароприношений, распутным образом жизни, против чего их отец был бессилён. Бог наказал их смертью от филистимлян во время войны с евреями (1Цар. 2:12, 17, 22, 36; 3:1, 21 и гл. 4).

³⁸⁰ - Исаия, авва, прп. Слова к своим ему ученикам, 21 // Добротолубие. Том 1.

³⁸¹ - Например, пророка Нафана, как говорят об этом сказания о царе Давиде.

³⁸² - См., как эту историю повествует Библия в Книге пророка Ионы.

³⁸³ - См. евангельскую притчу о блудном сыне (Лк. 15:11–32).

³⁸⁴ - См. прим. 376 на С. 200.

³⁸⁵ - См. прим. 377 на с. 202.

³⁸⁶ - См. Дмитрий Ростовский, свт. Повесть о покаянии Феофила.

³⁸⁷ - Ср., например, также у апостола Павла: Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и ещё избавит (2Кор. 1:10).

³⁸⁸ - См: Филарет (Дроздов), свт. Слава Богоматери, 1, 5.

³⁸⁹ - Например, свт. Иоанн Златоуст в «Поучениях о сквернословии».

³⁹⁰ - Ср.: Антоний Великий, прп. Двадцать слов к монахам, 10.

³⁹¹ - Ср.: Там же.

³⁹² - ³⁸⁰ Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 10, 7.

³⁹³ - См.: Отечник / сост. свт. Игнатий (Брянчанинов). Повести из жития старцев, преимущественно египетских, которых имена не дошли до нас, 13.

³⁹⁴ - Например, авва Пимен (см.: Древний патерик, 10, 58) худые помыслы называл змием и скорпионом.

³⁹⁵ - Великопостная молитва «Господи и Владыко живота моего».

³⁹⁶ - См.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 131.

³⁹⁷ - Например, свт. Василий Великий говорит: «Адам, как согрешил по причине дурного произволения, так умер по причине греха, ибо возмездие за грех – смерть (Рим. 6:23) (Беседа 9. О том, что Бог не виновник зла), а свт. Тихон Задонский полагает, что «грехи – признак духовно мёртвого человека».

³⁹⁸ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 5, 1.

³⁹⁹ - Фалалей Сирийский († ок. 460). См.: Димитрий Ростовский, свт. Жития святых (12 марта).

⁴⁰⁰ - Об этом повествует Глинский патерик: «Старец Макарий, благочинный, выйдя однажды во время утреннего богослужения из церкви, внезапно увидел над братской кухней столп света. Он приблизился к двери и, наклонясь к щели, начал всматриваться. Он увидел старца Феодота, стоящего на коленях перед иконой Спасителя с воздетыми руками, из уст его выходил сноп видимого света. И некоторые другие видели его во время молитвы освещённым неземным светом».

⁴⁰¹ - См.: Димитрий Ростовский, свт. Жития святых (12 марта).

⁴⁰² - См.: Отечник / сост. свт. Игнатий (Брянчанинов). Повести из жития старцев, преимущественно египетских, которых имена не дошли до нас, 15.

⁴⁰³ - См.: Филарет (Гумилевский), архиеп. Святые подвижницы Восточной Церкви. Св. Мария египтянка.

⁴⁰⁴ - Великая Суббота. Утреня. Кондак.

⁴⁰⁵ - Утреня Великой Субботы. Тропарь 2-й по непорочнах.

⁴⁰⁶ - Стихира 1-я Пасхи.

⁴⁰⁷ - Литургия Великой Субботы. Аллилуарий.

⁴⁰⁸ - Канон Воскресению Христову. Тропарь Св. Пасхи.

⁴⁰⁹ - См. прим. 137 на с. 70.

⁴¹⁰ - Печатается по: Сергей Мечёв. сщмч. «Вы – мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания. М.: ПСТГУ, 2009, а также по архивным материалам храма Святителя Николая в Клённыхках. (С испр. и доп.)

⁴¹¹ - См., например: Иларион Троицкий, сщмч. Христианства нет без Церкви. Сергиев Посад, 1915. «Нет христианства, нет Христа, нет благодати, нет истины, нет жизни, нет спасения, – ничего нет без Церкви, и всё это есть только в единой Церкви!»

⁴¹² - См.: Филарет Московский, свт. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Гл. 1. О девятом члене Символа веры.

⁴¹³ - Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Первое послание к коринфянам, 24:2.

⁴¹⁴ - Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Первое послание к коринфянам, 24, 2.

⁴¹⁵ - Он же. Беседы на Послание к римлянам, 21, 3.

⁴¹⁶ - Ср.: Последование ко Святому Причащению. Молитва 5-я, свт. Василия Великого.

⁴¹⁷ - Например, свт. Игнатий (Брянчанинов). См.: Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. Т. 1. О чтении Евангелия.

⁴¹⁸ - Изречения святого Антония Великого и сказания о нём, 2, 6 // Добротолюбие. Т. 1.

⁴¹⁹ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 1.

⁴²⁰ - Евагрий Понтийский, авва. Евагрия монаха наставления о подвижничестве, 8,3 // Добротолюбие. Т. 1.

⁴²¹ - Параграф 1.

⁴²² - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 34. Здесь и далее пометой «О. С.» обозначены замечания отца Сергия при цитировании.

⁴²³ - Феофан Затворник (Говоров Георгий Васильевич; 1815–1894) – с 1863 г. епископ Владимирский, с 1866 г. в затворе в Вышенской пустыни Тамбовской епархии; богослов, публицист-проповедник, свт.

⁴²⁴ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 64.

⁴²⁵ - Там же. 28, 19.

⁴²⁶ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 19.

⁴²⁷ - Там же. 4, 92.

⁴²⁸ - Там же. 28, 17.

- 429 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 29.
- 430 - Наставления святого Марка Подвижника, извлеченные из других его слов, 51 // Добротолюбие. Т. 1.
- 431 - Из жития святого Григория Паламы, архиепископа Солунского, чудотворца // Добротолюбие. Т. 5.
- 432 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 11, 3.
- 433 - Там же. 11, 5.
- 434 - Там же. 28, 21.
- 435 - Там же. 28, 31.
- 436 - Там же. 28. 3.
- 437 - Утреня в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы. Тропарь.
- 438 - 438 Иоанн Лествичник, при. Лествица, 28, 35.
- 439 - Там же. 28, 59.
- 440 - Там же. 28, 4.
- 441 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 25.
- 442 - Там же. 28, 54.
- 443 - Там же. 20, 19.
- 444 - 443 Там же. 28, 38.
- 445 - Живая Церковь (официальное самоназвание – Православная Российская Церковь; позднее – Православная Церковь в СССР) – движение, возникшее после; Февральской революции 1917 г. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Выступало против руководства Церковью Патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований.
- 446 - Леонид Оптинский (Наголкин Лев Данилович; 1768–1841), старец, прп.
- 447 - Выражение, ставшее «крылатым».
- 448 - Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические, 42, 3.
- 449 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 28, 1.
- 450 - Из молитв священника на литургии верных.
- 451 - См. прим. 137 на С. 70.

- 452 - См. прим. 14 на с. 20.
- 453 - В трагедии «Фауст».
- 454 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 30, 20.
- 455 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.
- 456 - Максим Исповедник, прп. Умозрительные и деятельные главы, 119 // Добротолюбие. Т. 3.
- 457 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.
- 458 - См.: Там же.
- 459 - Слова прп. Исаака Сирина приводит свт. Игнатий (Брянчанинов) в «Аскетических опытах» (Т. 2. Слово о страхе Божиим и о любви Божией).
- 460 - Диадокх, блж. Подвижническое слово. 17 // Добротолюбие. Т. 3.
- 461 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 30, 20.
- 462 - Там же. 26, 223.
- 463 - Антоний Великий, прп. Наставления о жизни во Христе, 70 // Добротолюбие. Т. 1.
- 464 - Там же.
- 465 - Из Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.
- 466 - Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп. Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ на вопрос 231.
- 467 - ⁴⁸⁵Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.
- 468 - Ср.: Древний патерик, 10. 11.
- 469 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.
- 470 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.
- 471 - Там же.

- ⁴⁷² - Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.
Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников.
Ответ 390.
- ⁴⁷³ - Исаия Отшельник, авва. Духовно-нравственные слова, 8, 8.
- ⁴⁷⁴ - Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.
Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников.
Ответ 391.
- ⁴⁷⁵ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 30, 20.
- ⁴⁷⁶ - Там же. 30, 10.
- ⁴⁷⁷ - См. прим. 246 на с. 122.
- ⁴⁷⁸ - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.
- ⁴⁷⁹ - Там же. 3.
- ⁴⁸⁰ - Тихон Задонский, свт. Краткие нравоучительные слова, 16.
- ⁴⁸¹ - См.: Пестов Н. Е. Душа человеческая, 14.
- ⁴⁸² - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 248.
- ⁴⁸³ - Марк Подвижник, прп. Наставления о духовной жизни, 3, 186 // Добротолюбие. Т. 1.
- ⁴⁸⁴ - Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Книгу Бытия, 54, 1.
- ⁴⁸⁵ - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.
- ⁴⁸⁶ - Тихон Задонский, свт. Сокровище духовное, от мира собираемое, 35.
- ⁴⁸⁷ - Нил Синайский, прп. Мысли и увещания, 5, 37 // Добротолюбие. Т. 2.
- ⁴⁸⁸ - Фалассий, блж. О любви, воздержании и духовной жизни, 1, 72 // Добротолюбие. Т. 3.
- ⁴⁸⁹ - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 5, 37.
- ⁴⁹⁰ - Иосиф Оптинский (Литовкин Иван Ефимович; 1837–1911), иеросхимонах, прп.
- ⁴⁹¹ - Иоанн Златоуст, свт. О Лазаре. Слово 4, 4.
- ⁴⁹² - См. прим. 32 на с. 32.

- 493 - Григорий Богослов, свт. Слова, 15.
- 494 - Фалассий, блж. О любви, воздержании и духовной жизни, 1, 71 // Добротолюбие. Т. 3.
- 495 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 7.
- 496 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.
- 497 - Благодарственные молитвы по Святом Причащении. Молитва св. Василия Великого, 2-я.
- 498 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.
- 499 - Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань, 28.
- 500 - Ср.: Древний патерик, 1, 1.
- 501 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.
- 502 - Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп. Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ 3.
- 503 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 4, 50.
- 504 - Там же 4, 14.
- 505 - Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань, 28.
- 506 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 149.
- 507 - Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань, 28.
- 508 - Евагрий, авва. Наставления о подвижничестве, 2, 29 // Добротолюбие. Т.1.
- 509 - Там же.
- 510 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.
- 511 - Там же.
- 512 - Фалассий, блж. О любви, воздержании и духовной жизни, 1, 72 // Добротолюбие. Т. 3.
- 513 - Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань, 28.
- 514 - Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань, 28.
- 515 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 4, 75.
- 516 - См. прим. 163 на с. 85.

- 517 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 4.
- 518 - Максим Исповедник, прп. Умозрительные и деятельные главы, 129 // Добротолюбие. Т. 3.
- 519 - Симеон Новый Богослов, прп. Деятельные и богословские главы, 1 // Добротолюбие. Т. 5.
- 520 - Точно: «Когда погружаясь в воду, человек сокращается, он, по-видимому, убегает жизни в воздухе, а убегать жизни, значит умирать; когда же опять поднимается, стремится, по-видимому, к жизни в соприкосновении с воздухом и светом и тотчас получает её» (Семь слов о жизни во Христе, 2).
- 521 - Кирилл Иерусалимский, свт. Поучения тайноводственные, 3, 2.
- 522 - Симеон Новый Богослов, прп. Деятельные и богословские главы, 1 // Добротолюбие. Т. 5.
- 523 - Последование венчания. Молитва.
- 524 - Там же. Тропарь.
- 525 - Там же. Тропари 2-й и 3-й при обхождении аналая.
- 526 - Последование погребения мирских человек. Тропарь 2-й по Непорочных.
- 527 - Там же. Канон. Песнь 1. Тропарь 1-й.
- 528 - Симеон Новый Богослов, прп. Слова. 2, 56.
- 529 - См.: Там же.
- 530 - Симеон Новый Богослов, прп. Деятельные и богословские главы, 4 // Добротолюбие. Т. 5.
- 531 - Феодор Эдесский, прп. Сто душеполезнейших глав, 47 // Добротолюбие. Т. 3
- 532 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 25, 1.
- 533 - Там же. 25, 2.
- 534 - Там же. 23, 1.
- 535 - Там же. 23, 2.
- 536 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 2.
- 537 - Там же.
- 538 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 22, 1.

- 539 - Там же. 22, 2.
540 - Там же. 22, 2.
541 - Там же. 22, 6.
542 - Там же. 22, 7–8.
543 - Там же. 22, 36.
544 - Там же. 29, 10.
545 - Там же. 22, 5.
546 - Там же. 22, 25.
547 - Там же. 27, 44.
548 - Там же. 11, 2.
549 - Там же. 11, 6.
550 - Там же. 22, 38.
551 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 22, 39.
552 - См.: Древний патерик, 8, 22.
553 - См.: Палладий Еленопольский, ел. Лавсаик. О Серапионе.
554 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 25, 44.
555 - Там же. 29, 10.
556 - Дорофей, авва. Душеполезные поучения к своим ученикам, 2.
557 - Там же.
558 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 22, 31.
559 - Там же. 23, 16.
560 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 23, 32.
561 - Там же. 23, 3.
562 - Там же. 25, 4.
563 - Там же. 25, 2.
564 - Иоанн Златоуст, сат. Беседы на слова пророка Исаии, 3, 1.
565 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 23, 16.
566 - Там же. 23, 32.
567 - Там же. 23, 10.
568 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 23, 37.

- 569 - Там же. 23, 3.
570 - Там же. 23, 2.
571 - Там же. 26, 88.
572 - Там же. 26, 88.
573 - Там же. 5, 10.
574 - Там же. 26, 146.
575 - Там же.
576 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 150.
577 - Святителю Феодору, епископу Едесскому, приписывается авторство «Слова умозрительного» преподобного Феодора, помещенного в 3-м томе Добротолюбия. Цит.: гл. 2.
578 - Феодор Эдесский, свт. Слово умозрительное, 4 // Добротолюбие. Т. 3.
579 - Диадокх, блж. Подвижническое слово, 89 // Там же.
580 - Там же.
581 - Диадокх, блж. Подвижническое слово. 89 // Добротолюбие. Т. 3.
582 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 7, 60.
583 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 7, 60.
584 - Чин благословения и освящения иконы Христовы, праздников Господских. Молитва 1-я.
585 - Ср.: Иоанн Дамаскин, прп. Три защитительных слова против порицающих святые иконы, 3, 4.
586 - Чин благословения и освящения иконы Христовы, праздников Господских. Молитва 1-я.
587 - Иоанн Дамаскин, прп. Три защитительных слова против порицающих святые иконы, 3, 8.
588 - Ср.: Феодор Студит, прп. Письма. К Иконоборческому собору.
589 - Там же. К братьям, содержащимся в темницах.
590 - Чин благословения и освящения иконы Пречистой Живоначальной Троицы. Молитва 1-я.

⁵⁹¹ - Деяния Вселенских Соборов. Догмат VII Вселенского Собора об иконопочитании.

⁵⁹² - Ср.: Феодор Студит, прп. Письма. К своему духовному отцу.

⁵⁹³ - Чин благословения иконы святого, единого или многих. Молитва 2-я

⁵⁹⁴ - По-видимому, В. А. Кожевников (1852–1917) – русский философ и историк культуры.

⁵⁹⁵ - Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) – художник и архитектор, мастер живописи на исторические и фольклорные сюжеты.

⁵⁹⁶ - Из одноименного романа И. А. Гончарова.

⁵⁹⁷ - Евсевий Кесарийский (Памфил) (ок. 263–340) – римский историк, отец церковной истории. Жил в Кесарии.

⁵⁹⁸ - Евсевий Памфил. Церковная история, IV, 15, 43.

⁵⁹⁹ - Вавила Антиохийский (238–251) – епископ Антиохии (237–253), священномученик, пострадавший в гонения императора Деция.

⁶⁰⁰ - Иоанн Златоуст, свт. Слово о священномученике Вавиле, 1, 1.

⁶⁰¹ - Маккавеи – общее имя представителей Хасмонеи династии, вождей и правителей Иудеи с 167 по 37 гг. до н. э. Имя Маккавей первоначально было прозвищем Иуды, одного из сыновей Маттафии, возглавившего восстание против ига Селевкидов в 166–160 гг. до н. э. Позднее им стали обозначать всех членов его семьи и их сторонников. Маккавеи в христианской традиции стали символом несгибаемости и стремления соблюсти максимальную строгость в соблюдении заповедей.

⁶⁰² - Иоанн Златоуст, свт. Беседы о святых Маккавеех, 1, 1.

⁶⁰³ - Амвросий Медиоланский (ок. 340–397) – епископ Милана (Медиолана), проповедник и гимнограф, христианский святой.

⁶⁰⁴ - Эти слова из Ветхого Завета (см.: Быт. 3:19) (в синодальном переводе: ибо прах ты и в прах возвратишься)

включены в икос заупокойного канона.

⁶⁰⁵ - Голубинский Евгений Евсигнеевич (1834–1912) – историк Русской Церкви и церковной архитектуры. Академик Императорской академии наук. Автор ряда фундаментальных исследований по истории Русской Церкви.

⁶⁰⁶ - Иона (1390-е – 1461) – митрополит Киевский и всея Руси (1448–1461); святитель.

⁶⁰⁷ - Фотий (XIV век – 1431) – митрополит Киевский и всея Руси (в Москве) (1408–1431); святитель.

⁶⁰⁸ - Киприан (Цамблак; ок. 1330–1406) – митрополит Киевский, Литовский и всея Руси (1375–1406), святитель. Объединил в 1380–1382 и 1390–1415 гг. православные епархии территорий Великого княжества Литовского, Королевства Польского, Московского, Тверского княжеств и Новгородской республики, единственный из митрополитов Владимиро-Московской Руси XIV в., не подчинившийся власти Золотой Орды; писатель, редактор, переводчик и книгописец.

⁶⁰⁹ - Нил Столобенский (кон. XV в. – 1554), преподобный. Основатель Нило-Столобенской (Ниловой) пустыни на островах на озере Селигер под Осташковом.

⁶¹⁰ - Питирим († 1673) – с 1664 митрополит «Нова Града и Великих Лук»; патриарх Московский и всея Руси (июль 1672 – апрель 1673).

⁶¹¹ - Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 298.

⁶¹² - Иосиф Волоцкий (Санин Иван (Иоанн); 1440 (1439(?))–1515), преподобный. Церковный писатель, широко известен его труд «Просветитель».

⁶¹³ - Даниил (ок. 1492–1547) – митрополит Московский и всея Руси (1522–1539). Ученик Иосифа Волоцкого, после смерти, которого стал главой иосифлян. Составил свод русских летописей, был автором ряда богословских и назидательных сочинений.

⁶¹⁴ - Захария Копыстенский (псевдоним Азария; †1627) – червонорусский шляхтич из Перемышля, писатель, культурный и церковный деятель, архимандрит Киево-Печерской лавры с

1624 г. Его «Палинодия, или книга обороны» (1621–1622) была направлена против католицизма и Унии и выражала идею объединения Восточной Европы под эгидой Православия.

⁶¹⁵ - Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 299.

⁶¹⁶ - Имеются в виду святой благоверный князь Феодор, Смоленский и Ярославский († 1299), и чада его святые благоверные князья Давид († 1321) и Константин († ранее 1321).

⁶¹⁷ - Иоасаф Белгородский (Горленко Иоаким Андреевич; 1705–1754), святитель. С 1748 г. – правящий епископ Белгородский и Обоянский. 1 декабря 1920 г. во исполнение постановления Народного комиссариата юстиции от 23 августа 1920 г. «О ликвидации мощей», состоялось вскрытие мощей святителя под руководством специально назначенной комиссии. Комиссия составила официальный акт, подписанный её членами и опубликованный в «Курской правде» за 10 декабря 1920 г. Мощи были отправлены в Москву, в Музей Наркомздрава на Петровке, затем в антирелигиозный музей. В 1930-х гг. их перевезли в Ленинград и поместили в экспозицию Музея истории религии и атеизма в бывшем Казанском соборе.

⁶¹⁸ - Феодосий Черниговский (Полоницкий-Углицкий; 1630-е – 1696) – святитель, архиепископ Черниговский.

⁶¹⁹ - Павел (Петр Конюшкевич (Канючкевич, Конюшкевич); 1705–1770) – митрополит Tobольский и Сибирский, святитель. С 1768 г. жил на покое в Киево-Печерской лавре.

⁶²⁰ - События, относящиеся к январю 1903 г. Саровские торжества состоялись летом того же года.

⁶²¹ - Антоний (Вадковский Александр Васильевич; 1846–1912) – с 25 декабря 1898 г. вплоть до кончины – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; с 9 июня 1900 г. первенствующий член Святейшего Синода.

⁶²² - Точнее; Юрий (Георгий) Владимирович, по прозвищу Долгорукий (1090-е – 1157) – князь Ростово-Суздальский и великий князь Киевский, шестой сын Владимира Всеволодовича Мономаха. Традиционно считается основателем Москвы.

623 - Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 298.

624 - Служба общая преподобным. Утреня. Стихира по 50-м псалме.

625 - Григорий Богослов, свт. Слова, 3.

626 - См. прим. 370 на С. 195.

627 - Последование погребения мирских человек. Стихира 8-я по Каноне.

628 - Благодарственные молитвы по Святом Причащении. Молитва Симеона Метафраста, 3-я.

629 - Иоанн Златоуст, свт. Беседы о святых Маккавеях, 1, 1.

630 - Акафист прп. Сергию Радонежскому. Молитва после акафиста, 1-я.

631 - Последование Божественной литургии св. Иоанна Златоуста. Молитва священника по предложении Святых Даров.

632 - Последование ко Святому Причащению. Канон. Песнь 8. Слава.

633 - См. прим. 136 на с. 70.

634 - Заупокойное последование. Тропарь 5-й по Непорочных.

635 - Последование часов в Навечерие Богоявления. Час 9-й. Стихира.

636 - Праведная Анна Пророчица, благочестивая вдова из Иерусалима, упоминаемая в событии Сретения Господня, вместе с Симеоном Богоприимцем славил Господа и говорила о Нём всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме (Лк. 2:38).

637 - Григорий Декаполит († 816) – христианский подвижник VIII–IX вв., аскет, преподобный.

638 - Служба ноября в 20-й день. Утреня. Второй канон. Песнь 9. Тропарь 3-й.

639 - Василий Великий, свт. Письма, 89 (93).

640 - Точно: «Закон свободен научать всякой истине, и многие читают его по своему, но немногие разумеют по мере того, как исполняют заповеди» (Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе, 30 // Добротолюбие. Т. 1).

⁶⁴¹ - Точно: «Закон свободы читается разумом истинным» (Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе, 32 // Там же).

⁶⁴² - Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 36.

⁶⁴³ - Ср.: Там же. 27, 78.

⁶⁴⁴ - Точно: « Слова Божественного Писания читай делами и не распростирай широко слов, надываясь одними голыми умопредставлениями» (Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе, 85 // Добротолюбие. Т. 1).

⁶⁴⁵ - ср.: «Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные Писания» (Лествица, 26, 151).

⁶⁴⁶ - Ср.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 26, 151.

⁶⁴⁷ - Максим Исповедник, прп. Четыре сотни глав о любви, 4, 85 // Добротолюбие. Т. 3.

⁶⁴⁸ - Арсений Великий (354–449) – христианский святой, преподобный.

⁶⁴⁹ - Точно: «Те, которые не сочли себя должниками всякой Христовой заповеди, читают закон Божий телесно, не разумеюще ни яже глаголют, ни о них же утверждают (1Тим. 1:7), потому и думают исполнить его делами» (Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе, 34 // Добротолюбие. Т. 1).

⁶⁵⁰ - Точно: «Кто, не имея дел, мудрствует и говорит слова (беседы о том, как жить), тот является богатым от неправды и труды его, по Писанию, в дома чуждые входят (Притч. 5:10)» (Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе, 196 // Добротолюбие. Т. 1).

⁶⁵¹ - Точно: «Если бы ты делал то добро, которое знаешь, тогда последовательно открылось бы тебе и всё прочее, будучи постигаемо одно посредством другого» (Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе, 84 // Там же).

⁶⁵² - Печатается по: Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва, письма, проповеди, воспоминания. М.: Мартис, 2001. С. 198–200, (С испр. и доп.)

⁶⁵³ - Картинная галерея в Милане, принадлежавшая герцогу Антонио Литта.

654 - Александрия, железнодорожный узел в 90 км юго-восточнее Турина.

655 - Имеются в виду книжные магазины известных издательских домов М. О. Вольфа и Н. П. Карабасникова.

656 - «Бедекер» – ставшее нарицательным название путеводителей немецкого издательского дома Карла Бедекера и их английских и французских переработок.

657 - Старинное кафе «Греко» у площади Испании, которое часто посещал Н. В. Гоголь, когда жил в Риме, и где, по местному преданию, написал большую часть «Мёртвых душ».

658 - Имеется в виду польский город Александрув-Куявски.

659 - Не представляется возможности выяснить, о ком идёт речь.

660 - Сёстры отца Сергия Александра и Ольга.

661 - Имеется в виду московское отделение французского банка «Лионский кредит».

662 - Печатается по: Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва, письма, проповеди, воспоминания. М.: Мартис, 2001. С. 201–202 . (С испр. и доп.)

663 - В прифронтовой зоне близ германской границы.

664 - Сослуживец по санитарному поезду.

665 - Мышьяковистые препараты в малых дозах применялись при истощении, малокровии, при лечении возвратного тифа, малярии и ряда других инфекционных заболеваний. Отец Сергей страдал в этот период 'от истощения и был похож, по словам одной из сестер милосердия, «на умирающего немца».

666 - Открытка.

667 - Храмовый престольный праздник Всех святых, в земле Российской просиявших.

668 - Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Пленниках. Машинописная рукопись. Булгакова Елизавета Александровна (1909–1995). Прихожанка маросейского храма. В 1941 г. была арестована вместе с отцом Сергием Мечёвым.

⁶⁶⁹ - Валериан Вадимович Величко – врач, большой знаток искусства и особенно иконописи, духовной литературы; человек редких душевных качеств. Крестный отец младшей дочери отца Сергия Анны. Жил в большой квартире в переулке около Центрального рынка с братом Сергеем, сестрами Марией, Зоей и Наталией и чужими детьми, влившимися в семью и очень ей преданными.

⁶⁷⁰ - Голубинский Сергей Евсигнеевич (1834–1912), академик, историк Русской Церкви и церковной архитектуры.

⁶⁷¹ - Вероятно, аллюзия на Пс. 122:1: К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах!

⁶⁷² - Марк Подвижник, прп. Наставления о духовной жизни, 3, 189.

⁶⁷³ - Брат В. В. Величко.

⁶⁷⁴ - Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Клённиках. Рукописные оригиналы. Воскресенская Лидия Александровна (1885–1982), урожденная Бари. У Александра Вениаминовича Бари (1847–1913), инженера, мецената, предпринимателя и общественного деятеля, было девять детей. Лидия Александровна была хорошо образована, знала языки, окончила искусствоведческую группу в Московском университете. Была библиографом в библиотеке Института мировой литературы имени А. М. Горького (там же трудилась и младшая дочь отца Сергия Мечёва Анна Сергеевна), затем в фундаментальной библиотеке АН СССР: делала библиографические обзоры, составляла аннотации книг, изданных на иностранных языках. Общалась со многими писателями. Для Бориса Пастернака в период написания им романа «Доктор Живаго» доставала необходимую для работы литературу. Прихожанка храма Святителя Николая в Клённиках.

⁶⁷⁵ - Имеется в виду Сергиев Посад.

⁶⁷⁶ - Матушка отца Сергия (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 168).

⁶⁷⁷ - Старший сын Воскресенских Кирилл Александрович (1912–1988) – биолог, доцент МГУ. В войну был в партизанском отряде.

⁶⁷⁸ - Дочь Воскресенских Ника Александровна (1915–1993) – геолог.

⁶⁷⁹ - Пешкову (1876–1965). Первая жена Максима Горького, работая в Красном Кресте, помогала политическим заключенным.

⁶⁸⁰ - Холчеву (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 99).

⁶⁸¹ - См.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 139).

⁶⁸² - Записки Александры Федоровны Ярмолович об отце Алексии Мечёве.

⁶⁸³ - Ника, Кирилл – см. выше соответственно прим. 27 и 28; Натуся – Наталья Александровна (1918 –1963) – географ, рано неизлечимо заболела; Сашутка – Александр Александрович (родился в 1925 г.), младший сын Воскресенских, крестник отца Сергия Мечёва.

⁶⁸⁴ - Переходящее празднование в первое воскресенье после дня Святой Троицы.

⁶⁸⁵ - 3-я группа инвалидности.

⁶⁸⁶ - Имеется в виду: на строительство Беломорканала.

⁶⁸⁷ - Квартирная хозяйка.

⁶⁸⁸ - Дочь Елизавета.

⁶⁸⁹ - См. прим. 28 на с. 342.

⁶⁹⁰ - Вероятно, речь о закрытии храма Святителя Николая в Клённыхках.

⁶⁹¹ - Неустановленное лицо.

⁶⁹² - Сын отца Сергия (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. С. 177).

⁶⁹³ - Воскресенский Александр Дмитриевич (1872–1963) – сын протоиерея, муж Воскресенской Лидии Александровны, детский врач. Лечил детей отца Сергия Мечёва, с которым был дружен. Вместе с ним ездил в Ферапонтов монастырь. В 1939 г. Лидия Александровна с сыном Александром ездила к отцу Сергию на станцию Тверца под Калинином. Там была вся семья отца Сергия – жена, дети. Отец Сергей служил дома литургию.

В 1935 г. Александр Дмитриевич был арестован, срок отбывал в Дмитровлаге на строительстве канала. Работал в лазарете. Был расконвоирован. К нему приезжала жена с сыном Александром. В 1941 г. с него сняли судимость. В войну работал врачом. Был награждён орденами Ленина и Отечественной войны.

⁶⁹⁴ - Речь идёт о закрытии храма Святителя Николая в Клённиках.

⁶⁹⁵ - Печатается по: Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва, письма, проповеди, воспоминания. М.: Мартис, 2001. С. 202–245. (С испр. и доп.) В раздел включены письма отца Сергия Мечёва своей духовной дочери Татьяне Куприяновой, её матери Ольге Рафаиловне, сестре Жене, письма Борису Васильеву, а также Борису Васильеву и Татьяне Куприяновой.

⁶⁹⁶ - См. прим. 41 на с. 346.

⁶⁹⁷ - Сестра Т. И. Куприяновой.

⁶⁹⁸ - 29 августа / 11 сентября.

⁶⁹⁹ - 29 июля / 11 августа.

⁷⁰⁰ - Елена Владимировна Апушкина (в девичестве Быкова), активный член общины. Автор воспоминаний об отце Сергии и Маросейке (см.: Наст. изд. Кн. 1. С. 122 ,124 и 199 и далее.).

⁷⁰¹ - Причащаться.

⁷⁰² - Благоразумный разбойник Дижман (Дисмас) из апокрифического Евангелия от Никодима, согласно последнему распятый рядом с Иисусом Христом на Голгофе; соответствует покаявшемуся разбойнику (см.: Лк. 23:40).

⁷⁰³ - Получено в Плесе.

⁷⁰⁴ - Получено в Ржищеве.

⁷⁰⁵ - Неустановленное лицо.

⁷⁰⁶ - Васильев Борис Александрович, будущий супруг Т. И. Куприяновой (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 124).

⁷⁰⁷ - Имеется в виду «Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви» священника, литургиста и церковного историка Константина Тимофеевича Никольского (1824–1910).

⁷⁰⁸ - «Богослужебный устав Православной Церкви» известного литургиста В. В. Розанова.

⁷⁰⁹ - Имеется в виду «Толковый Типикон» богослова и литургиста Михаила Николаевича Скабаллановича (1871–1931).

⁷¹⁰ - Память мученицы Татианы совершается 12/25 января.

⁷¹¹ - Евфросинию Николаевну – матушку отца Сергия.

⁷¹² - Б. А. Васильеву

⁷¹³ - Точнее: Павел I Исповедник, архиеп. Константинопольский в 337–339, 341–342, 346–350 гг.

⁷¹⁴ - Мария Тимофеевна. Возможно, речь идёт о Марии Красавиной, имевшей на Маросейке прозвище «Длинная». После закрытия храма в Клённиках, стала прихожанкой храма Илии Обыденного.

⁷¹⁵ - Мария Николаевна Соколова, Елена Сергеевна Волнухина, Мария Александровна Хренникова. Она и Любовь Александровна, были активными членами маросейской общины, так же как и сестра последней.

⁷¹⁶ - Великий.

⁷¹⁷ - К тому же.

⁷¹⁸ - Женя Куприянова, покойная сестра Т. И. Куприяновой.

⁷¹⁹ - Плюс.

⁷²⁰ - Имеется в виду арест.

⁷²¹ - Имеется в виду нахождение в заключении в течение нескольких дней.

⁷²² - Величайшая святыня израильского народа.

⁷²³ - Следовать заповедям Иисуса Христа, сбросить «ветхого человека».

⁷²⁴ - Евфросиния Николаевна.

⁷²⁵ - На работе у Т. И. Куприяновой.

⁷²⁶ - Город в Архангельской области (тогда Северный край), в 143 км от г. Вельска железной дороги Архангельск – Котлас. Там в ссылке находился Б. А. Васильев. Имеется в виду «общее письмо» к общине.

⁷²⁷ - Скорее всего, речь идет о четвёртом письме отца Сергия с мыслями преподобного Феодора Студита о служении

семье.

⁷²⁸ - Имеется в виду «духовных детей».

⁷²⁹ - Духовная дочь отца Сергия. В архиве храма Святителя Николая в Клённиках есть адресованная ей фотография отца Сергия с надписью: «Молитва – показатель Вашего устроения, проверяйте себя всегда ею, Вероника. Гр[ешный] недостойный] иерей Сергей. 1929 г. Попразднство Пятидесятницы».

⁷³⁰ - Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая (9/22 мая).

⁷³¹ - Остолопова Ольга Александровна (1870–1959). Духовная дочь отца Алексия, а затем Сергия Мечёвых. Уступила комнату в своей квартире отцу Сергию, в которой он проживал со своей семьей. Арестована одновременно с отцом Сергием и осуждена на 3 года ссылки в Северный край по делу «группы «Духовные дети» отца Сергия Мечева».

⁷³² - Коноша – поселок в Архангельской области, где, вероятно, находилась в ссылке О. А. Остолопова.

⁷³³ - Имеется в виду «покаяльно-богослужебная семья» маросейского прихода.

⁷³⁴ - Ольдекоп Роман Владимирович (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 119).

⁷³⁵ - Нектарий Оптинский (Тихонов Николай Васильевич; 1853–1928), иеромонах, старец Оптиной пустыни, преподобный.

⁷³⁶ - Тире, вероятно, заменяет слова «Бог испытывает».

⁷³⁷ - Имеется в виду «первоначального христианства и мученичества».

⁷³⁸ - Имеется в виду «храма и богослужения в нём».

⁷³⁹ - Кащенко Всеволод Петрович (1870–1943) – педагог, врач, организатор обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии. Никитин Сергей Алексеевич, будущий митрополит Стефан (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 103).

⁷⁴⁰ - Никитин Сергей Алексеевич, будущий митрополит Стефан (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 103).

⁷⁴¹ - Отец Борис (Холчев Борис Васильевич), будущий архимандрит.

⁷⁴² - Сестра отца Сергия.

⁷⁴³ - Имеется в виду «в маросейской общине».

⁷⁴⁴ - Имеется в виду «в маросейской общине».

⁷⁴⁵ - Юнгеров Павел Александрович (1856–1921) – православный библиист, специалист по Ветхому Завету, профессор Казанской духовной академии. Перевёл на русский язык ряд книг Ветхого Завета (в том числе Псалтирь). В письме речь о его «Общем историко-критическом введении в священные ветхозаветные книги».

⁷⁴⁶ - Обиходное название «Толковой Библии, или Комментария на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета», предпринятой в качестве бесплатного приложения к журналу «Странник» (1904–1913) Александром Павловичем Лопухиным (1852–1904), богословом, профессором Санкт-Петербургской духовной академии, и завершённой его преемниками.

⁷⁴⁷ - Дочь отца Сергия (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 175).

⁷⁴⁸ - Шура Винокурова (Александра Фёдоровна, в замужестве Драгунова). См. след. прим. Сергей Саввич Драгунов (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 150).

⁷⁴⁹ - Сергей Саввич Драгунов (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 150).

⁷⁵⁰ - Александр Павлович – отец Бориса Александровича Васильева.

⁷⁵¹ - Храма.

⁷⁵² - Имеются в виду события по месту работы Т. И. Куприяновой.

⁷⁵³ - Вероятно, речь идет о «Разговоре о святы х свящ еннодействиях и таинствах церковных», творении святителя Симеона Фессалоникийского (Солунского) († 1429), автора богословских и катехизических трудов.

- ⁷⁵⁴ - См. прим. 56 и 58 на с. 349 .
- ⁷⁵⁵ - Сергея Алексеевича Никитина (см. прим. 90 на с. 358).
- ⁷⁵⁶ - Александра Косарина – маросейская прихожанка.
- ⁷⁵⁷ - При её погребении. Отец Сергей говорит о последнем годе ссылки Б. А. Васильева в Шенкурске.
- ⁷⁵⁸ - Как обычное благословение совершается в православном народе, а обручение предшествует непосредственно браку.
- ⁷⁵⁹ - Отец Сергей говорит о последнем годе ссылки Б. А. Васильева в Шенкурске, предрекая, что ему ещё предстоят годы ссылок.
- ⁷⁶⁰ - Ольдекоп Роман Владимирович (см. прим. 84 на с. 357).
- ⁷⁶¹ - Остаться у Бориса и обвенчаться с ним. Лиза Булгакова – маросейская прихожанка, автор воспоминаний об отце Сергии (Наст. изд. Кн. 1. С. 351).
- ⁷⁶² - Лиза Булгакова – маросейская прихожанка, автор воспоминаний об отце Сергии (Наст. изд. Кн. 1. С. 351).
- ⁷⁶³ - В христианстве.
- ⁷⁶⁴ - Из чтения Псалтири по 7-й кафизме.
- ⁷⁶⁵ - Маросейская прихожанка Анна по прозвищу «Лефортовская» (фамилия неизвестна). Занималась иконописью в группе Елены Лебедевой (в замужестве – Быковой).
- ⁷⁶⁶ - Опера Модеста Петровича Мусоргского (1839–1881).
- ⁷⁶⁷ - Неустановленное лицо.
- ⁷⁶⁸ - Евфросинии Николаевны.
- ⁷⁶⁹ - Роман «Идиот». Часть I, глава VII.
- ⁷⁷⁰ - Моисей (Путилов Тимофей Иванович; 1782–1862), архимандрит, оптинский старец, преподобный.
- ⁷⁷¹ - Макарий (Иванов Михаил Николаевич; 1788–1860), иеросхимонах, оптинский старец, преподобный.
- ⁷⁷² - Игнатий (Брянчанинов), свт. Письма к разным лицам, 282.

773 - Еленой Сергеевной (Волнухиной) (см. прим. 64 на с. 352).

774 - В. В. Величко (см. прим. 18 на с. 339).

775 - Возможное продолжение текста: «у него» или «о нём».

776 - Престольный праздник на Маросейке – день Казанской иконы Божией Матери.

777 - Чертковой (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 158).

778 - Сестра отца Сергия.

779 - Зинаида Дьяконова, маросейская прихожанка. Дружила с сестрами Чертковыми, занималась в кружке Елизаветы Замятиной (в замужестве – Быковой).

780 - Ольдекоп Роман Владимирович.

781 - Фиолетов Николай Николаевич (см. прим. 294 на с. 390 Кн. 1). Неустановленное лицо.

782 - Возможно, речь идёт об отце Николае Пульхритудове (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 129).

783 - Имеется в виду, какой получен приговор.

784 - Ольдекоп Роман Владимирович.

785 - Соколовой.

786 - Неустановленное лицо.

787 - Апушкина. Отец Сергей здесь пишет о себе в третьем лице.

788 - Квартирная хозяйка.

789 - Служить.

790 - Служил литургию.

791 - Отец Сергей здесь пишет о себе в третьем лице.

Документы об окончании срока отца Сергия.

792 - Неустановленное лицо.

793 - В богослужении.

794 - Отец Сергей скорбит о своих духовных детях.

795 - С отъездом в Москву. Татьяна Куприянова была беременна Алёшей. – Публ.

796 - Документы об окончании срока отца Сергия.

- 797 - Отец Сергей пишет о себе.
- 798 - Приезда.
- 799 - Павел Флоренский (1882–1937), священник, богослов и учёный. Репрессирован и расстрелян (см. также ниже прим. 151).
- 800 - Неустановленное лицо.
- 801 - «Столп и утверждение Истины» – основной богословский труд священника Павла Флоренского.
- 802 - Вероятно, имеется в виду кто-то из репрессированного вологодского духовенства.
- 803 - Вероятно, речь о мытарствах блаж. Феодоры.
- 804 - Получено в Шенкурске.
- 805 - Евхаристия.
- 806 - Причащения Святых Таин.
- 807 - Вероятно, речь идёт об отце Сергии Смирнове (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 113).
- 808 - Нынешний Сыктывкар.
- 809 - Антифоны степенны. Антифон 1.
- 810 - Татьяна Куприянова предполагала поступить на службу в Шенкурске. – Публ.
- 811 - Татьяна Куприянова и Борис Васильев жили одни в избе. – Публ.
- 812 - Клеветник-диавол, или ангел сатанин.
- 813 - Возможно, речь идёт о Владимире Коншине (см. прим. с. 183 и прим. 126 на с. 268 Кн. 1.).
- 814 - Имеется в виду: получил приговор «минус 12».
- 815 - Аллюзия на Книгу премудрости Соломона.
- 816 - Постановления властей.
- 817 - Арестов.
- 818 - Ефимов Евгений Николаевич (1874–1933), профессор Московского института народного образования. В марте 1922 г. был арестован по делу «Об изъятии церковных ценностей». 19 апреля того же года освобождён под поручительство ректора и членов Правления Института, в котором работал.

- 819 - Маросейской общине.
- 820 - Евфросиния Николаевна.
- 821 - Коншин.
- 822 - Имеется в виду письмо Бориса Васильева из Вятки.
- 823 - Приговор.
- 824 - Вероятно, отец Сергей имеет в виду, что всё будет зависеть от решения местных властей.
- 825 - Имеются в виду события в связи с закрытием храма на Маросейке и дальнейшей судьбой общины.
- 826 - Навечерие Богоявления. Песнь 9. Ирмос.
- 827 - Так отец Сергей называет себя.
- 828 - Подразумевается: духовного своего отца.
- 829 - Ольдекоп Роман Владимирович.
- 830 - Дни, когда Татьяна Куприянова была в Кадникове.
- 831 - Подразумевается: ареста и неожиданного освобождения.
- 832 - Духовному.
- 833 - Далее идут письма из лагеря (поэтому иногда отец Сергей обращается к Татьяне Куприяновой на «ты», как бы к родственнице). Имеется в виду покойная Женя Куприянова.
- 834 - Имеется в виду покойная Женя Куприянова.
- 835 - Имеется в виду передача в тюрьму.
- 836 - Отец Сергей подразумевает Троицын день.
- 837 - Храм Святителя Николая на Маросейке.
- 838 - Сестёр храма.
- 839 - Речь о перезахоронении тела Жени с одного кладбища на другое. – Публ.
- 840 - Вероятно, отец Сергей надеялся на освобождение.
- 841 - Праздник Успения Пресвятой Богородицы.
- 842 - Вероятно, речь идёт о ком-то из маросейской общины.
- 843 - Фотографии членов маросейской общины.
- 844 - Неустановленное лицо.
- 845 - Троица.
- 846 - См. прим. 129 на с. 370.

- 847 - Мария, дочь Васильевых.
- 848 - Поздравление ко дню венчания.
- 849 - Написано отцом Сергием в ссылке летом или осенью 1931 года.
- 850 - Из чина венчания.
- 851 - Младшая дочь Ивана Александровича и Ольги Рафаиловны Куприяновых. До приезда в Москву жила в Пензе. Была добрым человеком, но страдала расстройством психики. Умерла в молодости.
- 852 - Накануне четверга 5-й седмицы Великого поста (Мариино стояние).
- 853 - Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 15, 41.
- 854 - Макарий (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич; 1835–1924), митр. Московский и Коломенский, апостол Алтая, святитель. Отец Сергей навещал его в Николо-Угрешском монастыре, где он, парализованный, провёл на покое последние годы жизни.
- 855 - Протоиерей Валентин Амфитеатров (1836–1908) – выдающийся московский пастырь и проповедник. Был одного духа со старцем Алексием Мечёвым. Маросейцы часто ездили на его могилу, на Ваганьковское кладбище. Осквернённая в 1930-х гг., в 1990-м она была восстановлена и сейчас является местом паломничества верующих.
- 856 - Оптинского.
- 857 - Неустановленное лицо.
- 858 - Получено в Шенкурске в ответ на наш вопрос о браке. Август 1931 г. (Прим. Б. А. Васильева).
- 859 - 20/19 июля ст. ст. 1 августа н. ст. – день обретения мощей преподобного Серафима Саровского и память благоверного князя Романа Рязанского (†1270).
- 860 - Ольдекоп Роман Владимирович.
- 861 - Речь идёт о маросейских прихожанах В. В. Отте и А. В. Тарасовой.
- 862 - Её ареста в Москве.
- 863 - Перехода на ты, полной откровенности и т. д.

864 - С праздником – память Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

865 - Возможно, речь идет об отце Алексее Шенроке (сведениями о нем не располагаем).

866 - Квартирная хозяйка.

867 - Отклик на «выздоровление» Тани. (Прим. Б. А. Васильева).

868 - Получено в Шенкурске. Отклик на моё письмо, в котором выражал сочувствие отцу Сергию в связи с арестом Тани. (Прим. Б. А. Васильева).

869 - Арест Тани.

870 - Неустановленное лицо.

871 - Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

872 - Из последования венчания.

873 - Фотографию.

874 - Ареста.

875 - После истечения трёхлетнего срока.

876 - Сподвижниках прп. Феодора Студита.

877 - Речь идёт о церковной позиции.

878 - Имеется в виду: за литургией.

879 - Детей духовных и родных по крови.

880 - Отец Сергей имеет в виду себя, а не церковную позицию.

881 - Лиза, Аня, Ика, Алеша – дети отца Сергия.

882 - Подразумевается: за безопасность Тани.

883 - Отец Сергей имеет в виду себя.

884 - В Вятке Б. А. Васильев работал плотником.

885 - Неустановленное лицо.

886 - Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

887 - Печерский.

888 - Маросейки.

889 - Евфросиния Николаевна Мечева.

890 - Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

891 - В храме на Маросейке.

- 892 - Фотографии детей отца Сергия.
- 893 - Отец Сергей рекомендует молодоженам дни, когда следует воздерживаться от супружеских отношений.
- 894 - Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева)
- 895 - То есть написал восемь писем.
- 896 - Матушку отца Сергия Евфросинию Николаевну.
- 897 - День ареста.
- 898 - Имеется в виду Святая Евхаристия.
- 899 - Неустановленное лицо.
- 900 - Имеется в виду беременность Татьяны Куприяновой.
- 901 - Евфросиния Николаевна Мечёва.
- 902 - Неустановленное лицо.
- 903 - Рождества Христова и Богоявления.
- 904 - Владимира Коншина.
- 905 - Те, у кого был такой же срок, как у отца Сергия.
- 906 - У семьи Отт.
- 907 - Подразумевается «сослана».
- 908 - Вероятно, речь идёт об отце Сергии Смирнове (см. также: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 113).
- 909 - Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Клённыхках. (С испр. и доп.) Надежда Васильевна Мартынова – сестра известного российского хирурга, профессора Московского университета Алексея Васильевича Мартынова (1868–1934).
- 910 - У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь'? Если были поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым.
- 911 - Потому что нам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него.
- 912 - Только живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру евангельскую.

913 - Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были, послушны, не только в присутствии моём, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте своё спасение.

914 - Матушка отца Сергия.

915 - В синодальном тексте: «пренебрегши».

916 - Евгений Николаевич Ефимов (см. прим. 168 на с. 378).

917 - Франц[узский].

918 - Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Клённиках. Машинописная рукопись. (С испр. и доп.)

919 - Даты даны по старому стилю.

920 - Тарасова Анна Васильевна (1904–1952), маросейская прихожанка, регент правого хора, в будущем жена священника Владимира Отта.

921 - Кацман Вера Ильинична (1899 – не ранее 1976), маросейская прихожанка, певчая, духовная дочь отца Сергия Мечёва. В 1931 г. арестована с другими «мечевцами», вместе с отцом Борисом Холчевым была сослана в Казахстан.

922 - Письмо написано в Кисловодске. Речь идёт о службе в местной церкви Великомученика Пантелеймона.

923 - Анатолий (Старший) (Зерцалов Алексей; 1824–1894), преподобный, оптинский старец.

924 - Неустановленное лицо.

925 - Лидия Александровна-Воскресенская (см. прим. 23 на с. 341).

926 - Маросейская певчая.

927 - Неустановленное лицо.

928 - Зинаида Келлер – маросейская прихожанка, сестра М. М. Келлер (о ней см. прим. 105 на с. 267 Кн. 1).

929 - Маросейская прихожанка.

930 - Неустановленное лицо.

931 - Обретение мощей (1903).

932 - Имеется в виду протодиакон Александр Никитич Сахаров. На Маросейку пришёл вначале 1910-х г. Жил в доме причта. После закрытия Николо-Клённиковского храма служил в

других церквах Москвы, в том числе в храме Иоанна Воина на Якиманке. Умер в 1954 г., похоронен на Немецком кладбище (Введенские горы).

933 - Клавдия Невзгодина, регент хора на Маросейке.

934 - Диакону Александру.

935 - Имеется в виду Серафим (Звездинский Николай Иванович; 1883–1937), епископ Дмитровский, священномученик.

936 - Возможно, речь о протоиерее Владимире Богданове (1865–1931), московском священнике, в годы репрессий часто бывавшем в Сарове и Дивееве. В письмах именовался «о. Афанасий» (по названию Афанасьевского переуллка, рядом с которым находился храм на Арбате, в котором он служил (храм Воскресения Словущего – Иерусалимское подворье в Филипповском переулке).

937 - Бумагина, маросейская прихожанка.

938 - Неустановленное лицо.

939 - Саровский иеромонах, в ноябре 1920 года присутствовал при вскрытии мощей прп. Серафима Саровского. В августе 1926 года в числе других монахов изгнан из Саровской обители.

940 - Пимена Великого (27 августа ст. ст.).

941 - Прп. Серафима Саровского (19 июля ст. ст.).

942 - Именуемой «Одигитрия» («Путеводительница»).

943 - 27 июля ст. ст. – престольный праздник великомученика и целителя Пантелеймона в Кисловодске.

944 - Кацман.

945 - Аносина пустынь (туда, судя по предыдущим письмам, должна была ехать Евдокия Бумагина).

946 - То есть в Великий пост.

947 - Иосифа Оптинского. Иосиф (Литовкин Иван Ефимович; 1837–1944), иеросхимонах, преподобный.

948 - Житие иеросхимонаха Иосифа. М.: Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 1993.

949 - Во Влахернах.

⁹⁵⁰ - Возможно, это отец Адриан (Рымаренко Адриан Адрианович (1893–1978), впоследствии архиепископ Русской Православной Церкви за границей. Духовный сын оптинских старцев Анатолия (Потапова) и Нектария (Тихонова).

⁹⁵¹ - Возможно, речь идёт об архиеп. Днепропетровском Георгии (Делиеве Спиридоне Георгиевиче; 1878–1937?). Владыка Георгий управлял Киевской кафедрой с 1925 по 1928 гг.

⁹⁵² - Вероятно, отдельное издание «Огласительных поучений» преподобного (М., 1853).

⁹⁵³ - Возможно, речь идёт о маросейском псаломщике Николае Иоффе (см., также, Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 166).

⁹⁵⁴ - Никитин Сергей Алексеевич.

⁹⁵⁵ - Неустановленное лицо.

⁹⁵⁶ - См. прим. 300 на с. 409.

⁹⁵⁷ - Неустановленное лицо.

⁹⁵⁸ - Неустановленное лицо.

⁹⁵⁹ - Неустановленное лицо.

⁹⁶⁰ - Отцом Константином Ровинским (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 95).

⁹⁶¹ - Имеется в виду отец Алексей Мечёв.

⁹⁶² - Возможно, речь идёт о некоем священнослужителе.

⁹⁶³ - Отец Константин Ровинский.

⁹⁶⁴ - Прот. Сергей Смирнов.

⁹⁶⁵ - Анна Алексеевна, регент.

⁹⁶⁶ - Мария Петровна Семенова, регент.

⁹⁶⁷ - Неустановленное лицо.

⁹⁶⁸ - Точно: «Кто пленён гордости», тому нужна помощь Самого Бога; ибо суетно для такого спасение человеческое» (Иоанн Лествичник, прп. Лествица, 23, 37).

⁹⁶⁹ - Память Авраамия Затворника и племянницы его, блж. Марии, совершается 29 октября ст. ст.

⁹⁷⁰ - Неустановленное лицо.

- 971 - Отец Сергей об обстоятельствах жизни в ссылке.
- 972 - Неустановленное лицо.
- 973 - Неустановленное лицо.
- 974 - Неустановленное лицо.
- 975 - См. заамвонную молитву литургии Преждеосвященных Даров.
- 976 - Неустановленное лицо.
- 977 - Мария Александровна Залесова – духовная дочь старца Алексия, а затем отца Сергея Мечёвых.
- 978 - Серафима Соловьева – духовная дочь отца Сергея Мечёва.
- 979 - Неустановленное лицо.
- 980 - Неустановленное лицо.
- 981 - Цуриковой – маросейская прихожанка, жена отца Феодора Семененко.
- 982 - Неустановленное лицо.
- 983 - Куприяновой.
- 984 - Квашневской или Давидовой – обе певчие.
- 985 - См. прим. 315 на с. 415.
- 986 - Неустановленное лицо.
- 987 - Соловьева Серафима Александровна.
- 988 - Соколовой.
- 989 - Неустановленное лицо.
- 990 - Мария Константинопольская, супруга прп. Ксенофонта Константинопольского.
- 991 - Неустановленное лицо.
- 992 - Неустановленное лицо.
- 993 - Соколовой.
- 994 - Марией канонархом.
- 995 - Неустановленное лицо.
- 996 - Из канона предпразднетва Воздвижения Креста Господня. Самогласен.
- 997 - Зинаида Соловьева – сестра Серафимы Соловьевой.
- 998 - С Серафимой Соловьевой.

- 999 - Марией канонархом.
- 1000 - Имеется в виду Мария Семенова.
- 1001 - Соловьеву.
- 1002 - В Дивеево.
- 1003 - Отец Сергей имеет в виду мощи прл. Серафима Саровского.
- 1004 - См. заамвонную молитву литургии
Преждеосвященных Даров.
- 1005 - Неустановленное лицо.
- 1006 - Холчеву.
- 1007 - Маргарита Келлар.
- 1008 - Неустановленное лицо.
- 1009 - Дочери отца Сергея Елизавета и Анна.
- 1010 - О докторе Величко.
- 1011 - Нары.
- 1012 - Неустановленное лицо.
- 1013 - Неустановленное лицо.
- 1014 - Воскресенская.
- 1015 - Неустановленное лицо.
- 1016 - Соколову.
- 1017 - Неустановленное лицо.
- 1018 - Отца Сергея Дурылина (см.: Пребывавшие единым
сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 107).
- 1019 - Переданная отцу Сергию книга.
- 1020 - Неустановленное лицо.
- 1021 - Неустановленное лицо.
- 1022 - Сёстры Александра и Мина Тимофеевны (фамилия
неизвестна) приехали в Москву после революции из казачьей
станции на Дону. Маросейские прихожанки. Об Александре
известно, что она была операционной сестрой, работала в
больнице имени Боткина. Мина страдала тяжёлым сердечным
недугом.
- 1023 - Неустановленное лицо.
- 1024 - С Александрой Тимофеевной.

- 1025 - Неустановленное лицо.
- 1026 - Ср.: Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы (Лк. 20:38).
- 1027 - Кронштадтский.
- 1028 - После кончины супруги отца Алексия Мечёва.
- 1029 - Ср.: Икос Пасхального канона.
- 1030 - Отец Сергей имеет в виду первый допрос (22 октября/4 ноября) и отправку по этапу в Архангельск (11/24 ноября 1929 г. в день памяти прп. Феодора Студита).
- 1031 - Неустановленное лицо.
- 1032 - Имеется в виду евангельская история об исцелении дочери хананеянки, описанная в Мф.,15:21–28.
- 1033 - Печатается по: [Сергий Мечёв, сщмч.] «Вы – мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания. М.: ПСТГУ, 2009. (С испр. и доп.) Впервые письма отца Сергия были опубликованы в сборнике «Надежда» (Вып. 6. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 235–260) под заголовком «Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам». Там их пять, а всего было написано шесть. Второе из писем опущено. Дочь отца Сергия – Ирина Сергеевна Мечёва – прокомментировала это так: «Второе по счету краткое, менее значимое, написано наспех во время болезни. Его действительно стоило выпустить при публикации». В настоящем издании письма публикуются полностью.
- 1034 - Отцом Алексием Мечёвым.
- 1035 - Курсив цитат из Священного Писания сделан редакцией.
- 1036 - Молитвы на сон грядущим. Молитва 7, св. Иоанна Златоуста.
- 1037 - Прощёное воскресение, последний воскресный день перед Великим постом.
- 1038 - Ср.: «разстоящаяся собрал еси во едино» (Из службы Вознесения Господня).
- 1039 - Прп. Сергей Радонежский.

1040 - Ср.: Пасхальный канон прп. Иоанна Дамаскина. Песнь 9. Припев.

1041 - Иоанн Златоуст, сет. Огласительное слово на Пасху.

1042 - Самоподобны – церковные песнопения, которые, как и самогласны, самостоятельны относительно гласа, размера и содержания; образцом для их написания не служила никакая другая песнь.

1043 - Пасхальный канон. Песнь 6. Икос.

1044 - Там же. Кондак.

1045 - Там же. Песнь 6. Икос.

1046 - Там же. Песнь 8.

1047 - Ср.: Там же. Песнь 9. Ирмос.

1048 - Творцом Пасхального канона.

1049 - Из просительной ектении.

1050 - Историческое описание Оптиной пустыни. 1902: С. 71.

1051 - Ср. с молитвенной формулой «единеми усты и едином сердцем».

1052 - «(Степенны, в просторечии называемые за способ пения их антифонами, как показывает название, составляют подражание псалмам 119–133, надписанным «песни степеней», которые пелись паломниками при восхождении на ступени Иерусалимского храма» (из «Толкового Типикона» М. Н. Скабаллановича. Кн: 2. Гл; 2).

1053 - Утренняя Недели всех святых Антифон 4.

1054 - Имеется в виду пятая заповедь – о почитании отца и матери.

1055 - Собрание писем преподобного оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Письмо 433.

1056 - Примечание отца Сергия Мечёва.

1057 - Амвросий Оптинский, прп. Советы и духовные наставления. О кресте. (Внутри цитаты слова в скобках добавлены отцом Сергием Мечёвым).

1058 - Примечание отца Сергия Мечёва.

1059 - Марк Подвижник, прп. Наставления о духовной жизни, 3, 189.

- 1060 - Молитва об избавлении от нечистых помышлений.
- 1061 - Тихон Задонский, свт. Письма посланные, 13.
- 1062 - Игнатий (Брячанинов), свт. Письма к разным лицам,
90.
- 1063 - Там же, 240.
- 1064 - Там же, 252.
- 1065 - Там же, 50.
- 1066 - См: Игната (Брячанинов), свт. Приношение
современному монашеству, 30.
- 1067 - Анна Алексеевна Мечёва.
- 1068 - Александра Алексеевна Мечёва.
- 1069 - Курортная местность в районе Симеиза (Южный берег
Крыма).
- 1070 - Книгоиздатель И. Д. Сытин в 1913 г. начал
строительство церковного дома во дворе храма Святителя
Николая в Клённых.
- 1071 - На этой улице семья Мечёвых снимала квартиру, пока
строился дом причта.
- 1072 - Ольга Петровна Кадмина, сестра покойной матушки
старца Алексия.
- 1073 - Сын маросейского диакона.
- 1074 - На Маросейке были устроены приют и начальная
школа для сирот и детей неимущих родителей.
- 1075 - Находящийся рядом с Николо-Клённиковской
церковью храм Великомученика Георгия Победоносца в Старых
Лучниках.
- 1076 - Александр Никитич, псаломщик, а затем диакон на
Маросейке. См. также прим. 283 на с. 405.
- 1077 - См. прим; 4 на с. 334.
- 1078 - См. прим. 1, на с. 459.
- 1079 - Католический архиепископ Винцент Ключинский после
начала Первой мировой войны оставил Петербург, а делами
Римско-католической митрополии стал управлять епископ Ян
Цеплян.

¹⁰⁸⁰ - Верховным главнокомандующим Русской армией с начала войны до августа 1915 г. был великий князь Николай Николаевич (Младший) (1856–1929).

¹⁰⁸¹ - Позднее все письма пришли разом.

¹⁰⁸² - Кекенез – курортный поселок на Южном берегу Крыма.

¹⁰⁸³ - Семья маросейских прихожан, живших по соседству.

¹⁰⁸⁴ - См. прим. 13 на с. 463.